Д. Свифтъ

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА

Домашняя Библіотека.
Изданіе Т-ва „Народная Польза".

OHIO STATE
UNIVERSITY
LIBRARIES

1177

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА.

Д. СВИФТЪ.

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА

ПО МНОГИМЪ ОТДАЛЕННЫМЪ СТРАНАМЪ СВѢТА.

Съ біографіей автора, примѣчаніями Уоллера, Гоксворта Оррери и др. и 160 иллюстраціями Г. Мартена, Г. Коля и Ш. Брока.

Полный переводъ съ англійскаго

М. А. Шишмаревой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва „НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА“ (СПБ., Коломенская, 39).
1902

PR3724
G716 R8
1902

Типографія Т-ва «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА . Коломенская ул., № 39.

Отъ издателя читателю.

Лемуэль Гулливеръ, авторъ прилагаемыхъ „Путешествій“— мой старинный и близкій знакомый; онъ даже приходится мнѣ немного сродни по матери. Года три тому назадъ м-ръ Гулливеръ, соскучившись разспросами любопытныхъ, толпами осаждавшихъ его въ Редрифѣ, пріобрѣлъ въ собственность небольшой участокъ земли съ благоустроеннымъ домикомъ на своей родинѣ близъ Ньюворка въ Ноттингемширѣ, гдѣ и проживаетъ въ настоящее время въ уединеніи, но уважаемый всѣми сосѣдями.

М-ръ Гулливеръ говорилъ мнѣ, что хоть родился онъ въ Ноттингемширѣ, гдѣ жилъ его отецъ, но что предки его родомъ изъ Оксфордшира. Желая удостовѣриться, дѣйствительно-ли это такъ, я обошелъ кладбище прихода Банбери въ упомянутомъ графствѣ и видѣлъ тамъ могилы и памятники Гулливеровъ. Уѣзжая изъ Редрифа, м-ръ Гулливеръ отдалъ мнѣ на храненіе свою рукопись съ разрѣшеніемъ распорядиться ею, какъ мнѣ заблагоразсудится. Я перечелъ ее три раза и очень внимательно. Языкъ мнѣ показался удобопонятнымъ и простымъ. Единственное, въ чемъ по моему мнѣнію можно упрекнуть автора, это то, что по обычаю всѣхъ вообще путешественниковъ онъ слишкомъ вдается въ подробности. Въ общемъ „Путешествія“ производятъ впечатлѣніе правды. Да оно и неудивительно: ихъ авторъ такъ славится своею правдивостью, что между его сосѣдями въ Редрифѣ она даже вошла въ поговорку: тамъ, если, разсказывая что-нибудь, вы хотите, чтобы вамъ повѣрили, вамъ стоитъ только сказать: „Это такъ-же вѣрно, какъ если-бы я говорилъ со словъ м-ра Гулливера“.

По совѣту почтенныхъ людей, которымъ, съ разрѣшенія автора, я давалъ читать его рукопись, я рѣшился выпустить ее въ свѣтъ въ надеждѣ, что она займетъ наше благородное юношество и по крайней мѣрѣ на время доставитъ ему развлеченіе, во всякомъ случаѣ болѣе поучительное, чѣмъ политическія разглагольствованія нашихъ партійныхъ писакъ.

Книга могла-бы выдти вдвое объемистѣе; но я взялъ на себя смѣлость выпустить всѣ тѣ мѣста (а ихъ было очень много), гдѣ спеціальнымъ морскимъ языкомъ и очень подробно трактуется о вѣтрахъ, приливахъ и отливахъ, объ уклоненіяхъ магнитной стрѣлки въ каждомъ путешествіи, о томъ, какъ слѣдуетъ управлять кораблемъ во время шторма и т. п. Выпущены также всѣ указанія долготъ и широтъ. Я имѣю основанія опасаться, что м-ръ Гулливеръ останется недоволенъ такою вольностью съ моей стороны, но мнѣ хотѣлось по мѣрѣ возможности пригнать

его книгу къ уровню пониманія обыкновеннаго читателя. Во всякомъ случаѣ, считаю нужнымъ оговориться, что, если по милости моего невѣжества въ морскомъ дѣлѣ въ книгу вкрались ошибки, то отвѣтственность за нихъ падаетъ на меня одного, и еслибы кто-либо изъ господъ путешественниковъ полюбопытствовалъ взглянуть на рукопись въ ея полномъ объемѣ, какъ она вышла изъ подъ пера своего творца, я во всякое время готовъ удовлетворить его любопытство.

Что касается дальнѣйшихъ подробностей о личности автора, то за ними я отсылаю читателя къ первымъ страницамъ „Путешествій". *Ричардъ Симпсонъ.*

Письмо капитана Гулливера къ его кузену Симпсону, писанное въ 1727 году.

Надѣюсь, вы не откажетесь публично заявлять всякій разъ, когда къ тому представится случай, что только по вашей неоднократной и настоятельной просьбѣ я разрѣшилъ вамъ напечатать скромную рукопись, заключающую безыскусственное и лишенное всякихъ литературныхъ достоинствъ описаніе моихъ путешествій, при чемъ поручилъ вамъ нянять молодого человѣка, изъ университетскихъ студентовъ, для приведенія ея въ порядокъ и исправленія слога, какъ это сдѣлалъ по моему совѣту мой родственникъ Дэмпиръ съ своей книгой, озаглавленной: „Путешествіе вокругъ свѣта". Но я не помню, чтобъ я уполномачивалъ васъ разрѣшать или дѣлать какія-бы то ни было сокращенія, а тѣмъ менѣе вставки. Въ виду этого я теперь торжественно заявляю, что не признаю себя авторомъ такихъ вставокъ, особенно тѣхъ, гдѣ говорится о блаженной и преславной памяти королевѣ Аннѣ. Правда, я цѣнилъ и почиталъ ея величество, какъ никого изъ смертныхъ, но вамъ, или тому лицу, которому вы поручили исправленіе рукописи, слѣдовало-бы разсудить, что воздавать хвалу существу человѣческой организаціи передъ столь совершеннымъ твореніемъ, какъ мой господинъ Гуингнамъ, никоимъ образомъ не могло входить въ мои разсчеты, что это было-бы просто неприлично въ моемъ положеніи. Да и самый фактъ, какъ вы его передаете, совершенно невѣренъ, ибо, насколько мнѣ извѣстно (а я прожилъ въ Англіи большую часть царствованія ея величества), королева Анна управляла государствомъ черезъ премьера... нѣтъ, даже черезъ двухъ, одного за другимъ: сначала черезъ лорда Годольфина, а потомъ черезъ лорда Оксфорда. Такимъ образомъ, вы утверждаете отъ моего

имени то, чего не было. Кромѣ того, въ той главѣ, гдѣ описывается коллегія прожектеровъ, а также въ другихъ, гдѣ излагаются мои разговоры съ господиномъ моимъ Гуингнамомъ, вы мѣстами выпустили очень важныя подробности, мѣстами подмѣнили ихъ другими, и вообще исказили текстъ до такой степени, что я едва узнаю свои мысли. На первое мое письмо, въ которомъ я вамъ уже указывалъ на это обстоятельство, вы мнѣ отвѣтили, что „поступили такъ потому, что опасались оскорбить власть имущихъ, ибо люди этой категоріи очень зорко слѣдятъ за печатью и способны не только перетолковать въ дурную сторону всякое двусмысленное слово, но и выместить свою обиду на авторѣ или издателѣ". Но позвольте васъ спросить, какимъ образомъ то, что было мною сказано много лѣтъ тому назадъ, при другомъ государѣ, да еще за пятнадцать слишкомъ тысячъ миль отъ Англіи, могло быть примѣнено къ кому-либо изъ тѣхъ *Яу*, которые, какъ слышно, управляютъ табуномъ въ наши дни, тѣмъ болѣе, что говорилъ я это тогда, когда меньше всего могъ опасаться, что буду имѣть несчастіе снова жить подъ ихъ властью? И не имѣю-ли я полнѣйшаго основанія сокрушаться, когда вижу, какъ эти самые *Яу* катаются на *Гуингнамахъ*, развалившись въ экипажахъ, какъ будто *тѣ*—безсмысленныя животныя, а *они* — разумныя существа? Скажу болѣе: желаніе избѣжать столь возмутительнаго, столь чудовищнаго зрѣлища было одною изъ главныхъ причинъ моего удаленія въ здѣшнюю глушь.

Вотъ все, что я считалъ нужнымъ сказать по поводу вашего отношенія къ довѣрію, которое я вамъ оказалъ.

Затѣмъ мнѣ остается покаяться въ собственномъ моемъ легкомыслiи, по милости котораго я уступилъ настояніямъ и софистическимъ доводамъ вашимъ и другихъ лицъ и, вопреки моему убѣжденію, допустилъ издать мои „Путешествія". Соблаговолите припомнить, что всякій разъ, какъ вы начинали на этомъ настаивать, доказывая, что это необходимо для общественной пользы, я просилъ васъ принять въ соображеніе, что *Яу* принадлежатъ къ породѣ животныхъ, совершенно неспособной къ усовершенствованію, не поддающейся вліянію слова и примѣра. И что-же?— такъ оно и вышло. Вотъ уже полгода, какъ моя книга появилась въ печати, а я не только не вижу, чтобы она положила конецъ злоупотребленіямъ и всяческому разврату хотя-бы на пространствѣ нашего маленькаго острова (а ужъ этого-то я во всякомъ случаѣ былъ вправѣ ожидать), но даже не знаю ни одного примѣра, когда-бы она оказала то дѣйствіе, на которое я разсчитывалъ, выпуская ее въ свѣтъ. Я буду вамъ очень признателенъ, когда вы мнѣ сообщите, что партійныя распри прекратились, что

судьи знаютъ свое дѣло и судятъ по совѣсти, что адвокаты честны, скромны и проявляютъ кое-какіе признаки человѣческаго смысла, что въ Смитфильдѣ стало свѣтло отъ горящихъ пирамидъ многотомныхъ законовъ, что система воспитанія нашей аристократической молодежи кореннымъ образомъ измѣнилась, что доктора навѣки изгнаны изъ нашей страны, что *Яу* женскаго пола блистаютъ всѣми добродѣтелями — цѣломудріемъ, правдивостью, здравымъ смысломъ; что упразднены пріемы и выходы первыхъ министровъ, и безъ остатка искорененъ обычай ѣздить къ нимъ на поклонъ; что умъ, заслуга и знаніе не остаются безъ награды, что всѣ позорящіе печатное слово въ стихахъ и прозѣ писаки обречены питаться собственной жвачкой изъ той бумаги, которую они пачкаютъ, и утолять свою жажду чернилами, которыя безъ толку переводятъ. Поддавшись вашимъ увѣреніямъ, я крѣпко надѣялся на всѣ перечисленныя улучшенія и на множество другихъ. И въ самомъ дѣлѣ: казалось-бы, они должны были явиться прямымъ послѣдствіемъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ приводитъ моя книга. Вѣдь семь мѣсяцевъ—достаточный срокъ для исправленія всѣхъ нелѣпостей и пороковъ, которыми грѣшатъ *Яу*, и они-бы, конечно, исправились, будь въ ихъ натурѣ хоть искра способности внимать голосу добродѣтели и разсудка. И, однако ваши письма не только не радовали меня осуществленіемъ моихъ ожиданій, но напротивъ—приносили мнѣ одно разочарованіе: каждую недѣлю вы меня заваливали пасквилями, разъясненіями, размышленіями, мемуарами и замѣтками по поводу моей книги. Авторы этихъ писаній обвиняли меня въ томъ, что я позволяю себѣ разсуждать о великихъ мужахъ, стоящихъ у кормила правленія, что я унижаю человѣческую природу (они все еще имѣютъ наивность называть ее человѣческой) и клевещу на женскій полъ. При этомъ я убѣдился, что эти бумагомаратели даже не всегда поютъ въ одинъ тонъ; одни изъ нихъ, напримѣръ, ни за что не соглашаются признать меня авторомъ моихъ „Путешествій“, а другіе упорно называютъ меня авторомъ книгъ, не имѣющихъ никакого отношенія ко мнѣ.

Засимъ я нахожу, что книга напечатана крайне небрежно: въ цифрахъ попадается очень много ошибокъ; перепутаны даты моихъ отъѣздовъ и пріѣздовъ въ различныхъ путешествіяхъ; года, мѣсяцы, числа и дни, — все переврано *). Между тѣмъ я

*) Это фактъ, что первоначальная рукопись «Путешествій Гулливера» была измѣнена тѣмъ лицомъ, которому поручили отдать ее въ печать. Но искаженія, на которыя жалуется м-ръ Гулливеръ въ своемъ письмѣ къ Симсону, имѣютъ мѣсто только въ первыхъ изданіяхъ. Свифтъ собственноручно возстановилъ текстъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ измѣненъ, послѣ

узналъ, что рукопись моя уничтожена по отпечатаніи книги, а другого экземпляра у меня нѣтъ. На всякій случай я сдѣлалъ кое-какія поправки, которыя и выслалъ вамъ въ свое время. Можете ими воспользоваться для второго изданія, буде таковое понадобится. Впрочемъ, я не настаиваю на исправленіи печатнаго текста и готовъ предоставить разсудительному и безпристрастному читателю внести поправки самому тамъ, гдѣ онъ найдетъ это нужнымъ.

Мнѣ говорили, что будто наши *Яу* — моряки не одобряютъ морскихъ терминовъ моей книги, находя ихъ во многихъ мѣстахъ невѣрными или устарѣлыми. Я не могу пособить этому горю. Въ первыя мои путешествія, когда я былъ юношей, меня обучали старые моряки и научили говорить по-своему. Но послѣ того я убѣдился, что у нашихъ мореходныхъ *Яу* такая же страсть придумывать новыя слова, какъ и у сухопутныхъ, а эти чуть-что не ежегодно мѣняютъ свой лексиконъ. Я хорошо помню, что съ каждымъ возвращеніемъ на родину я, вмѣсто прежняго языка, какимъ говорили при мнѣ до моего отъѣзда, находилъ какой-то новый, который съ трудомъ понималъ. Да и теперь я замѣчаю, что когда какой-нибудь лондонскій *Яу* пріѣзжаетъ изъ любопытства въ мой домъ и между нами начинается бесѣда, мы съ нимъ никакъ не можемъ найти такой формы для выраженія нашихъ мыслей, чтобы понимать другъ друга.

Еслибы мнѣнія *Яу* могли хоть сколько-нибудь меня задѣвать, я пожалѣлъ-бы (имѣя на то полное основаніе), что нѣкоторые экземпляры этой породы имѣютъ дерзость считать мои „Путешествія“ простымъ измышленіемъ досужей фантазіи. Дѣйствительно, эти господа такъ далеко заходятъ въ своемъ недовѣріи, что даже инсинуируютъ, будто самое существованіе моихъ *Гуингнамовъ* и *Яу* не болѣе реально, чѣмъ существованіе обитателей Утопіи.

Что касается *Лиллипутовъ*, *Бробдинграговъ* (ибо это слово слѣдуетъ произносить *Бродбдингрегъ*, а не *Бробдиньягъ*, какъ

чего исправленный экземпляръ былъ доставленъ черезъ Чарльза Форда по койному м-ру Мотте. Во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ строго придерживались этого исправленнаго текста, са исключеніемъ ирландскаго изданія Фокнера, который, вообразивъ, что деканъ говорилъ серьезно, когда въ письмѣ Гулливера упоминалъ объ искаженіи датъ, и въ то же время найдя ихъ не измѣненными, счелъ нужнымъ исправить ихъ по своему разумѣнію. Но не взирая на такое усердіе, изъ всѣхъ его поправокъ нѣтъ, кажется, ни одной въ которой онъ-бы не навралъ. и замѣчательно, что, искажая мѣста, которыя совершеено не нуждаясь въ поправкахъ, въ другихъ мѣстахъ онъ оставилъ безъ измѣненій погрѣшности, вкравшіяся по недосмотру.

Говоритъ.

то ошибочно полагаютъ) и Лапутинцевъ, то не нашлось еще ни одного на столько самоувѣреннаго *Яу* (по крайней мѣрѣ я о такомъ не слыхалъ — говорю это прямо), который осмѣлился-бы оспаривать ихъ бытіе, равно какъ и сообщенные мною о нихъ факты: здѣсь истина говоритъ сама за себя и сразу убѣждаетъ читателя. Но если вѣрить моимъ разсказамъ о Лиллипутахъ, Бробдиньягахъ и Лапутинцахъ, такъ почему-же не вѣрить въ существованіе Гуингнамовъ и Яу, когда мы видимъ, что даже у насъ, въ моемъ отечествѣ, обитаютъ цѣлыя тысячи особей этого вида, которыя только тѣмъ и отличаются отъ своихъ дикихъ родичей, населяющихъ страну Гуингнамовъ, что умѣютъ что-то такое лопотать и не ходятъ нагишомъ? Впрочемъ, я писалъ мою книгу, чтобы дать имъ возможность исправиться, а не затѣмъ, чтобъ заслужить ихъ одобреніе. Пускай хоть все ихъ племя превозноситъ меня въ одинъ голосъ: ихъ похвалы имѣютъ для меня даже меньше значенія, чѣмъ ржанье тѣхъ двухъ выродившихся Гуингнамовъ, которыхъ я держу у себя на конюшнѣ: отъ *этихъ*— какъ они ни выродились,— я все-же могу позаимствоваться кое-какими добродѣтелями съ увѣренностью, что въ нихъ не будетъ примѣси порока.

Неужели эти презрѣнныя животныя *Яу* воображаютъ, что я и самъ настолько выродился, что стану передъ ними оправдываться, доказывать имъ мою правдивость? Хоть я и *Яу*, но въ странѣ Гуингнамовъ всѣ знаютъ, что я все-таки сумѣлъ воспользоваться наставленіями и примѣромъ моего доблестнаго господина и въ теченіе двухлѣтняго срока (правда, съ великимъ трудомъ, сознаюсь откровенно) совершенно отсталъ отъ проклятой привычки лгать, двоедушничать и подпускать экивоки, — привычки, такъ глубоко укоренившейся у всѣхъ моихъ родичей, особенно у европейскихъ, что она сдѣлалась ихъ второю натурой.

Я могъ-бы принести и другія жалобы по поводу все тѣхъ-же прискорбныхъ недоразумѣній, но не хочу безпокоить ими ни васъ, ни себя. Я долженъ сознаться, что за послѣднее время, благодаря моему общенію съ нѣкоторыми экземплярами вашей породы, котораго я не могъ избѣжать и, главнымъ образомъ, съ членами моего семейства, во мнѣ опять проявились многіе изъяны несчастной натуры *Яу*, иначе я ни за что-бы не отважился на такую нелѣпую затѣю, какъ исправленіе племени *Яу* въ нашемъ королевствѣ. Впрочемъ, отнынѣ я навсегда покончилъ съ химерическими проектами подобнаго рода. *Апрѣля 2-го, 1727 г.*

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ СТРАНУ
ЛИЛИПУТОВЪ
LILIPUT
BLEFUSCU

ГЛАВА I.

Авторъ разсказываетъ о себѣ и о своей семьѣ.—Его ранняя склонность къ путешествіямъ.—Корабль, на которомъ онъ ѣдетъ, терпитъ крушеніе.—Онъ пускается вплавь и благополучно выходитъ на берегъ въ странѣ Лилипутовъ.—Его берутъ въ плѣнъ и везутъ вглубь страны.

Мой отецъ былъ владѣльцемъ небольшого имѣньица въ Ноттингемширѣ. Я былъ третьимъ изъ пятерыхъ его сыновей. Четырнадцати лѣтъ отъ роду меня отдали въ колледжъ Св. Эммануила Кембриджскаго университета, гдѣ я пробылъ три года, ревностно изучая науки. Но содержать меня въ колледжѣ, при всей ограниченности высылавшихся мнѣ денежныхъ суммъ, оказалось не по карману моему отцу, и меня отдали въ ученье къ мистеру Джемсу Бэтсу, извѣстному въ Лондонѣ врачу, у котораго я и занимался четыре года. Отъ времени до времени отецъ присылалъ мнѣ денегъ небольшими суммами, а я расходовалъ ихъ на изученіе мореходнаго искусства и другихъ отраслей математики, полезныхъ для людей, имѣющихъ въ виду путешествовать; я же всегда былъ увѣренъ, что рано или поздно мнѣ предстоитъ постранствовать по свѣту.

Покончивъ съ занятіями у мистера Бэтса, я возвратился къ отцу. Здѣсь я получилъ въ подарокъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ, собранныхъ общими усиліями отца, дяди Джона и еще кое-кого изъ нашихъ родственниковъ, а также обѣщаніе выдавать по тридцати фунтовъ ежегодно на содержаніе меня въ Лейденѣ.

Два года и семь мѣсяцевъ я изучалъ въ Лейденѣ медицину, зная, что она пригодится мнѣ въ моихъ далекихъ странствіяхъ. Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Лейдена, мой бывшій патронъ, мистеръ Бэтсъ, рекомендовалъ меня въ качествѣ врача на „Ласточку“, которою командовалъ въ то время капитанъ Абраамъ Паннель. Я проплавалъ съ нимъ три съ половиной года; раза два былъ на востокѣ, побывалъ и въ другихъ мѣстахъ. Вернувшись на родину, я рѣшилъ поселиться въ Лондонѣ. Мой добрый другъ,

мистеръ Бэтсъ, одобрилъ мое рѣшеніе и отрекомендовалъ меня многимъ изъ своихъ пацiентовъ. Я нанялъ квартиру въ одномъ маленькомъ домикѣ въ Ольдъ-Джури, и такъ какъ всѣ мнѣ совѣтовали разстаться съ холостою жизнью, я женился на миссъ Мэри Бёртонъ, второй дочери Эдмунда Бёртона, имѣвшаго чулочный магазинъ на Ньюгетъ Стритъ, и взялъ въ приданое за женой четыреста фунтовъ.

Но два года спустя скончался мой покровитель. мистеръ Бэтсъ. Знакомыхъ у меня было мало, и практика моя начала уменьшаться, ибо совѣсть не позволяла мнѣ прибѣгать въ моемъ дѣлѣ къ тѣмъ некрасивымъ уловкамъ, къ какимъ слишкомъ часто прибѣгаютъ мои собратья-врачи. И вотъ, посовѣтовавшись съ женой и кой съ кѣмъ изъ друзей, я рѣшился опять пуститься въ море. Въ теченіе шести лѣтъ я служилъ на двухъ корабляхъ и совершилъ нѣсколько плаваній въ Остъ-Индію и въ Вестъ-Индію, что дало мнѣ возможность немного увеличить мое состояніе. Свободные отъ служебныхъ занятій часы я проводилъ во время плаванія за чтеніемъ лучшихъ авторовъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ (у меня всегда былъ съ собой большой запасъ книгъ), а когда нашъ корабль стоялъ на якорѣ, я сходилъ на берегъ, наблюдалъ нравы и обычаи мѣстныхъ жителей, изучалъ ихъ языкъ, что мнѣ давалось очень легко, благодаря моей хорошей памяти.

Послѣднее изъ моихъ путешествій было не совсѣмъ благополучно: мнѣ надоѣло море, и я рѣшилъ остаться на родинѣ съ женой и съ семействомъ. Изъ Ольдъ-Джури мы переѣхали въ Феттеръ-Лэнъ, а изъ Феттеръ-Лэна въ Ваппингъ, гдѣ я надѣялся пріобрѣсти практику между моряками. Однако, надежды мои не оправдались. Послѣ трехлѣтняго напраснаго ожиданія, что дѣла мои улучшатся, я принялъ выгодное предложеніе капитана Вилльяма Причарда, владѣльца „Антилопы“. поступить на его судно врачемъ. „Антилопа“ должна была отправиться въ Южный океанъ. Мы вышли изъ Бристоля 4-го мая 1699 года, и вначалѣ наше плаваніе было вполнѣ благополучно.

По нѣкоторымъ причинамъ я нахожу неудобнымъ утруждать вниманіе читателя подробностями нашихъ приключеній; достаточно будетъ сказать, что во время перехода изъ Бристоля въ Остъ-Индію поднялся сильный штормъ, и нашъ корабль снесло къ сѣверо-западу отъ Вандименовой земли. По произведеннымъ наблюденіямъ мы находились на 30^0 2’ южной широты. Двѣнадцать человѣкъ изъ корабельной команды умерли отъ переутомленія и дурного питанія; состояніе здоровья остальныхъ было очень плохо. 5-го ноября, т. е. въ началѣ лѣта по тамошнимъ мѣстамъ, на морѣ стоялъ густой туманъ, и матросы увидѣли скалу впереди

корабля, когда мы были отъ нея на разстояніи какихъ-нибудь пятидесяти сажень. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что ничего нельзя было сдѣлать: корабль налетѣлъ на эту скалу и разбился. Шесть человѣкъ команды, въ томъ числѣ и я, спустили на воду шлюпку и принялись работать веслами, стараясь отойти подальше отъ скалы и отъ корабля. По моему разсчету мы прогребли миль девять, но тутъ уже окончательно выбились изъ силъ, такъ какъ еще на кораблѣ всѣ мы были изнурены работой. Поэтому мы предоставили свою судьбу на волю вѣтра и волнъ, и черезъ полчаса нашу лодку опрокинуло внезапно налетѣвшимъ съ сѣвера шквалomъ. Я не знаю, что сталось съ моими товарищами—какъ съ тѣми, которые были со мной въ лодкѣ, такъ и съ тѣми, что остались на кораблѣ или выкарабкались на скалу,—но думаю, что всѣ они погибли. О себѣ-же скажу, что я отдался на волю случая и плылъ куда несло меня вѣтромъ и теченіемъ. Я часто опускалъ ноги и не могъ достать дна, но наконецъ, когда меня покидали послѣднія силы, и я совсѣмъ погибалъ, мои ноги вдругъ нащупали землю. Тѣмъ временемъ штормъ замѣтно утихъ. Морское дно шло такою отлогой покатостью, что я прошелъ около мили, прежде чѣмъ достигъ берега. Когда я вышелъ на берегъ, было, по моимъ соображеніямъ, часовъ восемь вечера. Я прошелъ впередъ еще съ полмили, но не открылъ никакихъ признаковъ жилья и людей, или, быть можетъ, я просто не замѣтилъ ихъ въ томъ состояніи слабости, въ которомъ находился. Я чувствовалъ страшную усталость и, вслѣдствіе усталости, жаркой погоды, а также благодаря той полупинтѣ водки, которую я выпилъ, когда сошелъ съ корабля, меня сильно клонило ко сну. Я легъ на траву, очень коротенькую и мягкую, и заснулъ. Не запомню, чтобъ я когда-нибудь спалъ такимъ глубокимъ сномъ.

Проспалъ я, должно быть, часовъ девять, потому-что, когда я проснулся, уже разсвѣло. Я хотѣлъ встать, но не могъ шевельнуться: случилось такъ, что я спалъ на спинѣ, и теперь я почувствовалъ, что мои руки и ноги прикрѣплены къ землѣ и что точно такъ-же прикрѣплены мои волосы; а они у меня были длинные и густые. Черезъ все мое туловище отъ подмышекъ до бедръ, тоже шли какія-то тонкія перевязки, прикрѣпленныя къ землѣ съ обѣихъ сторонъ. Я могъ смотрѣть только вверхъ; солнце начинало припекать, и яркій свѣтъ рѣзалъ мнѣ глаза. До меня доносился какой-то смѣшанный шумъ, раздававшійся подлѣ меня; но въ томъ положеніи, въ которомъ я находился, я не могъ видѣть ничего кромѣ неба. Немного погодя я почувствовалъ, что что-то живое пробирается по моей лѣвой ногѣ, ступая такъ легко, что я почти не ощущалъ его прикосновенія. Это живое существо прошло по

всему моему тѣлу на грудь и остановилось почти у самаго моего подбородка. Тогда я опустилъ глаза, насколько позволяла мнѣ моя поза, и увидѣлъ передъ собой маленькаго человѣчка, не выше шести дюймовъ ростомъ, съ лукомъ и стрѣлою въ рукахъ и съ колчаномъ за спиной. Въ то-же время я почувствовалъ, что по меньшей мѣрѣ штукъ сорокъ такихъ-же человѣчковъ пробираются по мнѣ слѣдомъ за первымъ. Изумленный до послѣдней степени, я закричалъ такъ громко, что всѣ они въ испугѣ обратились въ бѣгство, и нѣкоторые, какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, расшиблись, спрыгивая на землю съ моего тѣла. Тѣмъ не менѣе они скоро вернулись, а одинъ даже такъ расхрабрился, что подошелъ къ самому моему лицу. Онъ воздѣлъ къ небу глаза и руки въ знакъ удивленія и прокричалъ тоненькимъ голоскомъ, но совершенно отчетливо: *Хекина дегуль*! Остальные нѣсколько разъ повторили эти слова, но я тогда не зналъ, что они значатъ.

Все это время я чувствовалъ себя весьма непріятно, чему, вѣроятно, легко повѣритъ читатель. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, мнѣ удалось вырвать колышки, которыми были прибиты бичевки или шнурки, притягивавшіе къ землѣ мою лѣвую руку (я открылъ, какимъ способомъ меня привязали, когда поднесъ руку къ лицу); въ то-же время, дернувъ изо всѣхъ силъ головой, что причинило мнѣ жестокую боль, я немного ослабилъ шнурки, которыми были притянуты мои волосы съ лѣвой стороны, такъ-что могъ теперь повернуть голову дюйма на два направо. Но человѣчки снова пустились бѣжать, прежде чѣмъ я успѣлъ поймать котораго-нибудь, и вслѣдъ затѣмъ раздался хоръ пронзительныхъ голосковъ. Когда все затихло, одинъ голосъ прокричалъ: *Тольго Фонакъ*!, и секунду спустя я почувствовалъ, что въ мою лѣвую руку вонзилось больше сотни стрѣлъ, уколовшихъ меня, какъ иголками; кромѣ того, былъ выпущенъ второй залпъ стрѣлъ, но уже вверхъ, на воздухъ, какъ пускаютъ бомбы у насъ въ Европѣ. Должно быть многія изъ этихъ стрѣлъ упали на мое тѣло (хотя я не почувствовалъ ихъ), а нѣкоторыя впились въ мое лицо, которое я поспѣшилъ прикрыть свободной рукой. Когда градъ стрѣлъ прекратился, я упалъ навзничъ со стономъ боли и злости. Когда же я было снова сдѣлалъ попытку освободиться, въ меня пустили новый залпъ, больше перваго, а нѣкоторые изъ воиновъ пытались даже проткнуть мнѣ копьями бока; но по счастью на мнѣ была куртка изъ буйволовой кожи, и они не могли ее проколоть. Тогда я счелъ болѣе благоразумнымъ лежать смирно. Я былъ намѣренъ пролежать такъ до наступленія ночи, когда, имѣя уже одну руку свободной, я могъ-бы безъ труда освободиться изъ сковывавшихъ меня путъ. Что-же касается туземцевъ,—то я имѣлъ

Все это время я чувствовалъ себя весьма непріятно.

основаніе разсчитывать, что, если всѣ они не больше того человѣчка, котораго я видѣлъ, мнѣ будетъ нипочемъ справиться съ самой большой арміей, какую они могли выставить противъ меня.

Но судьба распорядилась иначе. Когда маленькіе люди увидѣли, что я успокоился, они перестали стрѣлять, но, по доносившемуся до меня шуму, я догадался, что число ихъ возрастаетъ. Вскорѣ я услышалъ ярдахъ въ четырехъ отъ себя, противъ праваго моего уха, какой-то равномѣрный стукъ, какъ отъ вколачиванья въ дерево гвоздей. Я повернулъ голову направо, насколько позволяли мнѣ колышки и бичевки, и увидѣлъ подмостки, возвышавшіяся фута на полтора надъ землей, съ двумя или тремя приставленными къ нимъ лѣстницами. На этихъ подмосткахъ могло помѣститься четверо маленькихъ людей. Одинъ человѣчекъ, показавшійся мнѣ важной персоной, взобрался на самый верхъ и сказалъ мнѣ длинную рѣчь, изъ которой я не понялъ ни единаго слова. Я и забылъ упомянуть, что прежде, чѣмъ начать свою рѣчь, онъ прокричалъ три раза: *Лангро дегуль санъ* (впослѣдствіи мнѣ повторили эти слова такъ же, какъ и сказанныя раньше, и объяснили ихъ значеніе). По этой командѣ человѣкъ пятьдесятъ подбѣжали ко мнѣ и обрѣзали бичевки съ лѣвой стороны моей головы, что дало мнѣ возможность повернуть ее направо и разсмотрѣть оратора, а также слѣдить за его жестикуляціей, пока онъ говорилъ.

Онъ показался мнѣ человѣкомъ среднихъ лѣтъ и былъ выше трехъ другихъ, стоявшихъ вмѣстѣ съ нимъ на подмосткахъ. Изъ этихъ трехъ одинъ былъ пажъ: онъ держалъ шлейфъ важнаго сановника и былъ немногимъ больше моего средняго пальца. Двое другихъ стояли по бокамъ оратора въ качествѣ ассистентовъ.

Онъ говорилъ, какъ настоящій ораторъ; я различалъ отдѣльные періоды его рѣчи: въ однихъ была угроза, въ другихъ слышались обѣщанія, третьи звучали жалостью и добротой. Я отвѣтилъ въ немногихъ словахъ, но наисмиреннѣйшимъ тономъ, при чемъ воздѣлъ къ солнцу глаза и лѣвую руку, какъ-бы призывая его въ свидѣтели моей искренности. А такъ какъ я почти умиралъ отъ голода (въ послѣдній разъ я поѣлъ еще за нѣсколько часовъ до того, какъ сошелъ съ корабля), голосъ природы заговорилъ во мнѣ такъ громко, что я не могъ воздержаться и не обнаружить моего нетерпѣнія (быть можетъ, противно строгимъ правиламъ приличій): я нѣсколько разъ прикладывалъ ко рту указательный палецъ въ знакъ того, что мнѣ хочется ѣсть. *Хурго* (такъ у нихъ называются вельможи, какъ я узналъ впослѣдствіи) прекрасно понялъ меня. Онъ сошелъ съ подмостокъ и приказалъ приставить лѣстницы къ моимъ бокамъ. Вслѣдъ за-

тѣмъ болѣе сотни людей вскарабкались ко мнѣ на грудь, и всѣ направились къ моему рту, нагруженные корзинами съ мясомъ, которое было заготовлено и доставлено по приказанію императора, какъ только до него дошло первое извѣстіе обо мнѣ. Я замѣтилъ, что мясо было разныхъ животныхъ, но не могъ разобрать по вкусу, какихъ именно. Тутъ были и лопатки, и ноги, напоминавшія формой лопатку и заднюю часть баранины, очень мясистыя, но величиною съ крылышко жаворонка. Я клалъ ихъ въ ротъ по

двѣ и по три штуки заразъ вмѣстѣ съ тремя ковригами хлѣба, величиной каждая съ ружейную пулю. Человѣчки выбивались изъ силъ, стараясь поскорѣе утолить мой голодъ, и обнаруживали знаками свое крайнее изумленіе передъ моими размѣрами и аппетитомъ.

Наѣвшись, я показалъ знаками, что мнѣ хочется пить. По тому, какъ я ѣлъ, они догадались, что я не удовлетворюсь ма-

лымъ количествомъ питья. Будучи народомъ въ высшей степени изобрѣтательнымъ, они съ большою ловкостью подняли на веревкахъ до уровня моего тѣла бочку вина самаго большого размѣра, подкатили ее къ моей рукѣ и выбили крышку. Я выпилъ все однимъ духомъ, что было нетрудно, такъ какъ бочка не вмѣщала и полупинты, а вино напоминало слабое бургундское, только было гораздо вкуснѣе. Мнѣ подкатили другую бочку. Я осушилъ ее залпомъ такъ-же, какъ и первую, и попросилъ еще, но больше у нихъ не было. Когда я продѣлалъ всѣ эти фокусы, человѣчки подняли радостный крикъ и принялись плясать у меня на груди, повторяя тѣ самыя слова—*Хекина дегулъ*, которыя произнесъ первый изъ взобравшихся на меня, когда увидалъ мое лицо. Они показали мнѣ знаками, чтобы я сбросилъ на землю пустыя бочки, но предварительно прокричали громко: *Бора меволя*, предупреждая этимъ стоявшихъ внизу, чтобы тѣ отошли въ сторону; а когда они увидѣли летящія бочки, поднялся общій крикъ: *Хекина дегулъ*.

Сознаюсь, что въ то время, когда эти крошечныя существа сновали по моему тѣлу, у меня не разъ являлось искушеніе схватить штукъ сорокъ или пятьдесятъ ближайшихъ и швырнуть ихъ о земь. Но воспоминаніе о томъ, что они заставили меня вытерпѣть (а это было, вѣроятно, не самое худшее изъ всего, что они могли продѣлать надо мной), и данное имъ мною честное слово (ибо выказанная мною покорность была, по моимъ понятіямъ, равносильна обѣщанію не дѣлать имъ вреда), скоро вытѣснили изъ моихъ мыслей эту фантазію. Къ тому-же, памятуя о законахъ гостепріимства, я теперь считалъ себя должникомъ народа, который, не жалѣя издержекъ, накормилъ меня такимъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Однако въ глубинѣ души я не могъ надивиться неустрашимости этихъ миніатюрныхъ людей, которые отваживались взбираться на меня и разгуливать по моему тѣлу, зная, что у меня одна рука свободна: казалось-бы, они должны были трепетать при одномъ видѣ такого страшилища, какимъ я долженъ былъ имъ представляться.

Спустя нѣкоторое время, когда они увидѣли, что я больше не прошу ѣсть, передо мною предстала особа высокаго сана—посолъ его императорскаго величества. Вскарабкавшись на мизинецъ моей правой ноги, его превосходительство подошелъ къ моему лицу въ сопровожденіи человѣкъ двѣнадцати свиты и, показавъ мнѣ свои вѣрительныя грамоты за императорской подписью и печатью (при чемъ онъ поднесъ ихъ къ самому моему носу), проговорилъ добрыхъ десять минутъ, не обнаруживая никакихъ признаковъ гнѣва, а скорѣе нѣчто въ родѣ непреклонной рѣшимости.

Его превосходительство, показавъ мнѣ свои вѣрительныя грамоты за императорской подписью и печатью, проговорилъ добрыхъ десять минутъ.

Во время своей рѣчи онъ часто указывалъ куда-то впередъ—по направленію столицы государства, какъ я потомъ узналъ, находившейся въ полумилѣ отъ насъ, и куда меня должны были перевезти по распоряженію императорскаго совѣта.

Я отвѣчалъ въ короткихъ словахъ, но разумѣется безъ всякаго результата; при этомъ свободной рукой я показалъ на другую мою руку (принявъ предосторожность перенести ее черезъ головы его превосходительства и почтеннѣйшей свиты, изъ опасенія ихъ ушибить), а потомъ на голову и на туловище, давая этимъ понять, что я желалъ-бы получить свободу.

Повидимому, императорскій посолъ меня понялъ, потому-что онъ покачалъ головой въ знакъ своего неодобренія и показалъ руками, что я долженъ быть перевезенъ въ качествѣ плѣнника. Впрочемъ, онъ объяснилъ мнѣ знаками, что я не буду терпѣть недостатка ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, и что со мной будутъ хорошо обращаться. Тогда мнѣ опять пришло было въ голову попробовать порвать мои путы, но, вспонивъ, что все мое лицо и руки въ волдыряхъ и еще болятъ отъ стрѣлъ, изъ которыхъ многія даже торчали въ ранкахъ, и сверхъ того замѣтивъ, что число моихъ враговъ возрастаетъ, я показалъ имъ знаками, что они могутъ дѣлать со мной, что хотятъ. При видѣ такой покорности *хурго* и его свита весьма учтиво раскланялись со мной и удалились съ довольными лицами.

Вскорѣ послѣ того до меня донесся тысячеголосый радостный крикъ, при чемъ часто повторялись слова: *Пепломъ селянъ*, и затѣмъ я почувствовалъ, что большая толпа копошится подлѣ лѣваго моего бока, отпуская бичевки. Онѣ были ослаблены настолько, что я могъ повернуться на правый бокъ и помочиться, въ чемъ я сильно нуждался и что я сдѣлалъ въ большомъ изобиліи, къ великому изумленію народа. Догадавшись по моимъ движеніямъ, что я собираюсь дѣлать, толпа немедленно раздалась вправо и влѣво, чтобы не попасть подъ водопадъ, съ такимъ шумомъ и силой извергавшійся изъ моего тѣла.

Но еще до этого мнѣ вымазали лицо и обѣ руки какою-то мазью весьма благовонной, которая въ нѣсколько минутъ уняла боль отъ стрѣлъ. Все это, въ соединеніи съ утоленнымъ голодомъ и жаждой (потому-что мясо и хлѣбъ, которыми меня угостили, были очень питательны) сдѣлали то, что мнѣ захотѣлось спать. Я проспалъ около восьми часовъ, какъ мнѣ потомъ говорили, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ, по приказанію императора, врачи подмѣшали соннаго зелья въ бочки съ виномъ, которое я пилъ.

Очевидно, какъ только меня нашли спящимъ на землѣ, по

выходѣ моемъ на берегъ, къ императору былъ отправленъ курьеръ съ извѣстіемъ объ этомъ открытіи, и на императорскомъ совѣтѣ было рѣшено: во первыхъ, связать меня вышеописаннымъ способомъ (что было сдѣлано ночью, покуда я спалъ); во вторыхъ, доставить мнѣ ѣду и питье въ достаточномъ количествѣ, и въ третьихъ, приготовить машину для перевозки меня въ столицу государства.

Такое рѣшеніе можетъ показаться слишкомъ рискованнымъ, и я убѣжденъ, что оно не нашло-бы подражателей ни въ комъ изъ европейскихъ государей, будь они поставлены въ тѣ же условія. А между тѣмъ, на мой взглядъ это было не только великодушное, но и въ высшей степени благоразумное рѣшеніе, ибо, предположивъ, что маленькіе люди захотѣли-бы воспользоваться моимъ сномъ и умертвить меня своими копьями и стрѣлами, можно съ увѣренностью сказать, что я проснулся-бы отъ боли и пришелъ-бы въ страшную ярость, а гнѣвъ настолько увеличилъ-бы мои силы, что я могъ-бы разорвать свои путы, и тогда ужъ, конечно, имъ нечего было ожидать пощады; оказать-же сколько-нибудь серьезное сопротивленіе они не могли.

Этотъ народъ—превосходные математики; онъ достигъ высокой степени совершенства въ механикѣ, благодаря поддержкѣ и поощренію императора. У этого государя имѣется нѣсколько машинъ на колесахъ для перевозки деревьевъ и иныхъ тяжестей. Самые большіе его военные корабли, изъ коихъ нѣкоторые достигаютъ девяти футъ длины, нерѣдко строются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ростетъ строевой лѣсъ, и затѣмъ на этихъ машинахъ перевозятся къ морю на протяженіи трехсотъ, четырехсотъ ярдовъ.

Немедленно отрядили пятьсотъ человѣкъ плотниковъ и механиковъ для постройки самой большой машины, какую они могли сдѣлать. Это сооруженіе состояло изъ деревянной платформы около семи футъ длины и четырехъ ширины; платформа передвигалась на двадцати двухъ колесахъ и возвышалась на три дюйма отъ земли. Крики толпы, которые я слышалъ, были вызваны прибытіемъ этой машины, выѣхавшей съ мѣста постройки четыре часа спустя (сколько мнѣ помнится) послѣ выхода моего на берегъ. Машину подвезли вплотную къ моему распростертому тѣлу, но главная трудность заключалась въ томъ, чтобы приподнять и положить меня на нее. Для этой цѣли было вколочено въ землю восемьдесятъ свай вышиною каждая въ одинъ футъ; затѣмъ сквозь блоки, укрѣпленные на верхнихъ концахъ свай, продѣли крѣпкія веревки, толщиною съ хорошую бичевку, и зацѣпили ихъ крючками за перевязи, которыми заранѣе опоясали все мое ту-

ловище, шею, руки и ноги. Было выбрано девятьсотъ самыхъ сильныхъ людей, чтобы тянуть за веревки, и, такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ три часа времени, меня подняли, переложили на платформу и накрѣпко къ ней привязали. Все это мнѣ разсказали потомъ, ибо во время самой процедуры я спалъ глубокимъ сномъ подъ вліяніемъ снотворнаго снадобья, которое подмѣшали мнѣ въ вино. Пятьсотъ штукъ самыхъ большихъ лошадей (около четырехъ съ псловиной дюймовъ ростомъ) было прислано изъ императорскихъ конюшенъ, чтобъ отвезти меня въ столицу, находившуюся, какъ уже было сказано, въ полумилѣ разстоянія отъ того мѣста, гдѣ я лежалъ.

Часа черезъ четыре послѣ того, какъ мы тронулись въ путь, меня разбудилъ одинъ очень смѣшной инцидентъ. Мою повозку понадобилось остановить на нѣкоторое время, чтобы поправить что-то такое въ упряжкѣ, и пока мы стояли, два или три молодыхъ человѣка изъ туземцевъ полюбопытствовали взглянуть, какой я имѣю видъ, когда сплю. Они взобрались на платформу, а потомъ на меня, тихонько подошли къ моему лицу, и одинъ изъ нихъ—гвардейскій офицеръ, обнаживъ свою шпагу, засунулъ ее остріемъ довольно глубоко въ мою лѣвую ноздрю. На меня это произвело такое-же дѣйствіе, какъ если-бы у меня въ носу пощекотали соломинкой: я громко чихнулъ и проснулся; но молодые люди скрылись прежде, чѣмъ я успѣлъ ихъ замѣтить, и только три недѣли спустя я узналъ причину моего столь внезапнаго пробужденія.

Весь остальной день мы были въ пути. Ночью, пока лошади отдыхали, меня караулило пятьсотъ человѣкъ стражи, выстроившейся по обѣимъ сторонамъ моей повозки, причемъ половина людей стояла съ зажженными факелами, а остальные держали на готовѣ луки и стрѣлы, чтобы выпустить ихъ въ меня при первомъ моемъ движеніи. На другой день на разсвѣтѣ мы снова пустились въ дорогу и около полудня остановились въ двухстахъ ярдахъ отъ воротъ главнаго города имперіи. Императоръ со всѣмъ своимъ дворомъ вышелъ намъ на встрѣчу, но онъ не всходилъ на меня: министры и приближенные его величества не допустили его подвергать опасности свою августѣйшую особу.

Подлѣ того мѣста, гдѣ остановилась моя повозка, стоялъ древній храмъ, считающійся самымъ большимъ во всемъ королевствѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ этомъ храмѣ было совершено звѣрское убійство, и такъ какъ ревностный къ своей вѣрѣ народъ послѣ этого случая считалъ храмъ оскверненнымъ, то изъ него была вынесена вся церковная утварь, и зданіе получило другое назначеніе. Въ этомъ-то заброшенномъ храмѣ рѣ-

шили меня помѣстить. Главныя его двери, обращенныя на сѣвѣръ, были около четырехъ футъ въ вышину и двухъ въ ширину, такъ что я могъ свободно въ нихъ пролѣзть. По обѣимъ сторо-

Весь день мы были въ пути.

намъ дверей были маленькія окошечки, по одному съ каждой стороны; они приходились дюймовъ на шесть отъ земли. Подъ лѣвымъ окошечкомъ придворный кузнецъ прибилъ къ стѣнѣ де-

вяносто одну цѣпь въ родѣ тѣхъ, на какихъ носятъ часы европейскія дамы, и приблизительно такихъ-же размѣровъ; затѣмъ всѣ эти цѣпи были проведены сквозь окошечко и прикрѣплены къ моей лѣвой ногѣ тридцатью шестью замками. Въ двадцати футахъ разстоянія отъ храма, прямо напротивъ, по другую сторону большой дороги, стояла башенька въ пять футъ вышины по меньшей мѣрѣ. Императоръ и высшіе сановники его двора поднялись на эту башеньку, чтобы посмотрѣть на меня (мнѣ это разсказали потомъ, такъ какъ въ то время я спалъ и не могъ ихъ видѣть). Было высчитано, что болѣе ста тысячъ человѣкъ пришло изъ города съ тою-же цѣлью, и, не смотря на охранявшую меня стражу, я думаю, не менѣе десяти тысячъ народу взошло на меня въ разное время при помощи лѣстницъ. Впрочемъ вскорѣ вышелъ указъ, воспрещавшій такія восхожденія подъ страхомъ смертной казни.

Когда рабочіе убѣдились, что я прикованъ достаточно крѣпко и не могу сорваться съ цѣпей, они перерѣзали веревки, которыми я былъ связанъ, и я поднялся на ноги въ такомъ меланхолическомъ настроеніи духа, какого я не запомню у себя во всю мою жизнь. Невозможно описать, до чего изумился народъ и какой гвалтъ поднялся, когда увидѣли, что я всталъ и хожу. Цѣпи, которыми я былъ прикованъ за лѣвую ногу, достигали двухъ футовъ длины и давали мнѣ полную возможность расхаживать взадъ и впередъ, описывая полукругъ; а такъ какъ онѣ были прибиты всего въ четырехъ дюймахъ отъ дверей, я могъ даже вползти во внутренность храма и растянуться тамъ во весь ростъ.

Императоръ лиллипутовъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ представителей знати, навѣщаетъ автора въ его заточеніи.—Описаніе наружности и костюма императора. — Императоръ командируетъ своихъ ученыхъ для обученія автора лиллипутскому языку.—Авторъ пріобрѣтаетъ всеобщее расположеніе своимъ кроткимъ нравомъ.—Его карманы обыскиваютъ и отбираютъ у него шпагу и пистолеты.

Хоть я и примирился со скучною необходимостью пролежать нѣсколько часовъ въ одномъ положеніи, тѣмъ не менѣе велико было мое удовольствіе, когда я снова могъ стать на ноги. Я осмотрѣлся кругомъ и долженъ сознаться, что никогда не доводилось мнѣ видѣть болѣе интересной картины.

Окружающая мѣстность тянулась непрерывнымъ садомъ; огороженныя поля, изъ коихъ каждое занимало не болѣе сорока квадратныхъ футъ, казались цвѣточными клумбами. Лѣса шли въ перемежку съ полями, и самыя высокія деревья, насколько я могъ судить на глазомѣръ, были не выше семи футъ. Городъ, раскинувшійся влѣво отъ меня, напоминалъ раскрашенную театральную декорацію.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я испытывалъ настоятельную потребность отдать долгъ природѣ; да оно и не удивительно, такъ какъ прошло почти двое сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ я испражнялся въ послѣдній разъ. Я былъ въ большомъ затрудненіи, борясь между естественной нуждой и стыдомъ. Лучшимъ выходомъ изъ моего затруднительнаго положенія, какой я только могъ придумать, было вползти въ мое помѣщеніе, запереть за собою дверь и, отойдя въ глубину зданія насколько позволяла длина моей цѣпи, освободиться отъ безпокоившей меня тяжести. Такъ я и сдѣлалъ. Но за всю мою жизнь это былъ единственный случай, когда я погрѣшилъ противъ чистоплотности, и я надѣюсь, что безпристрастный читатель отнесется ко мнѣ съ снисхожденіемъ послѣ того, какъ зрѣло обсудитъ вопросъ, отрѣшив-

шись отъ всякой партійности и принявъ во вниманіе бѣдственное положеніе, въ которомъ я находился. Съ тѣхъ поръ я поступалъ иначе: я дѣлалъ свои дѣла поутру, возставъ отъ сна, и всегда на открытомъ воздухѣ, на разстояніи всей длины моей цѣпи отъ дверей зданія, въ которомъ я помѣщался. И каждое утро, прежде чѣмъ начинали являться ко мнѣ посѣтители, за мной убирали; для этого были приняты надлежащія мѣры: двое служителей, спеціально приставленныхъ къ этому дѣлу, увозили мои экскременты на тачкахъ.

Я не сталъ-бы такъ долго останавливаться на такомъ, съ перваго взгляда, незначительномъ обстоятельствѣ, еслибы не считалъ нужнымъ обѣлить себя въ глазахъ свѣта отъ незаслуженнаго упрека, ибо нѣкоторые изъ моихъ недоброжелателей, какъ я слышалъ, неоднократно пытались подвергнуть сомнѣнію мою чистоплотность.

Какъ только мое траги-комическое приключеніе было доведено до вожделѣннаго конца, я снова выползъ изъ моего домика, ибо нуждался въ свѣжемъ воздухѣ. Императоръ уже сошелъ съ башни и подъѣзжалъ ко мнѣ верхомъ за что онъ чуть не поплатился жизнью. Увидѣвъ меня, его лошадь, хоть и хорошо выдрессированная, но совершенно не привыкшая видѣть движущіяся горы (какою я долженъ былъ ей представляться), поднялась на дыбы; но государь, будучи превосходнымъ наѣздникомъ, усидѣлъ въ сѣдлѣ. Тѣмъ временемъ къ нему подбѣжали придворные, схватили коня подъ уздцы, и его величество благополучно сошелъ на землю. Съ великимъ изумленіемъ онъ оглядѣлъ меня со всѣхъ сторонъ, однако остерегся подойти ближе, чѣмъ на длину моей цѣпи. Затѣмъ онъ приказалъ подать мнѣ ѣсть и пить.

У придворныхъ поваровъ и дворецкихъ уже все было готово; мой обѣдъ поставили на повозки и подвезли ко мнѣ настолько, чтобы я могъ его достать. Двадцать повозокъ были нагружены мясомъ; я бралъ ихъ одну за другой и опорожнялъ каждую въ два, три пріема. Когда все было съѣдено, я принялся за питье. Десять повозокъ было съ виномъ, по десяти глиняныхъ кувшиновъ въ каждой. Я выливалъ всѣ десять кувшиновъ въ повозку и осушалъ ее залпомъ; такимъ образомъ въ десять пріемовъ я выпилъ все вино.

Императрица и молодые принцы и принцессы крови, окруженные придворными дамами, сидѣли на креслахъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, но послѣ приключенія съ конемъ императора всѣ они встали и подошли къ его августѣйшей особѣ, которую я намѣренъ теперь описать.

Императоръ лиллипутовъ выше всѣхъ своихъ придворныхъ почти на ширину моего ногтя, что́ уже само по себѣ внушаетъ почтеніе каждому, кто его видитъ. Черты лица у него рѣзкія и

мужественныя (австрійская губа и орлиный носъ—самыя характерныя изъ нихъ); цвѣтъ лица—оливковый; держится онъ прямо; тѣло, руки и ноги имѣетъ пропорціональныя; всѣ его движенія граціозны, осанка величественна. Въ то время онъ былъ уже не первой молодости: ему было двадцать восемь лѣтъ и девять мѣсяцевъ, изъ коихъ онъ процарствовалъ около семи лѣтъ вполнѣ благополучно и, говоря вообще, побѣдоносно. Чтобы лучше его разсмотрѣть, я легъ на бокъ, такъ-что мое лицо пришлось въ уровень съ его лицомъ, причемъ онъ стоялъ въ трехъ ярдахъ отъ меня. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ я много разъ держалъ его на рукѣ и потому не могу ошибиться въ своемъ описаніи. Одежда на немъ была очень простая, по покрою представлявшая нѣчто среднее между азіатскимъ и европейскимъ костюмомъ; но на головѣ у него былъ золотой шлемъ очень тонкой работы, украшенный драгоцѣнными камнями и перомъ. Онъ держалъ въ рукѣ обнаженную шпагу, готовый защищаться въ случаѣ, еслибъ я вырвался на свободу *). Шпага достигала почти трехъ дюймовъ длины; эфесъ и ножны были золотые и усыпаны алмазами. Голосъ у императора былъ тонкій и пронзительный, но говорилъ онъ внятно и раздѣльно, такъ-что я, стоя, прекрасно слышалъ его.

Всѣ царедворцы—мужчины и дамы—были такъ роскошно одѣты, что мѣсто, на которомъ они стояли, казалось разостланной на землѣ юбкой, расшитой золотомъ и серебромъ. Его императорское величество часто обращался ко мнѣ, и я ему отвѣчалъ, но ни онъ, ни я не поняли ни одного слова изъ всего сказаннаго нами другъ другу.

Въ числѣ присутствующихъ было много лицъ духовнаго званія и юристовъ, какъ я могъ заключить по ихъ костюмамъ. Этимъ господамъ приказали побесѣдовать со мной. Я заговаривалъ съ ними на всѣхъ языкахъ, о которыхъ имѣлъ хоть малѣйшее понятіе: на верхне и нижне-голландскомъ, на латинскомъ, на французскомъ, на испанскомъ, на итальянскомъ, на франкскомъ: но совершенно безуспѣшно.

Часа черезъ два дворъ удалился, оставивъ меня подъ сильной военной охраной въ предупрежденіе дерзкихъ, а можетъ быть и

*) Мужественныя черты лица, которыхъ Гулливеръ не могъ разсмотрѣть, пока не легъ на землю, и внушительная осанка существа, которое онъ могъ держать на рукѣ —наконецъ этотъ шлемъ, перо и шпага,—все это тонкая насмѣшка надъ человѣческой гордостью, стремящейся къ вздорнымъ отличіямъ надъ смѣшнымъ чванствомъ пигмея, не только берущимъ свое начало, но и находящимъ почву для своего примѣненія въ глупости, слабости и несовершенствѣ какъ нашемъ, такъ и окружающихъ насъ.

Гэксвортъ.

злостныхъ выходокъ черни противъ меня. Дѣйствительно толпа черни окружала меня со всѣхъ сторонъ, подбираясь ко мнѣ довольно-таки близко. Нѣкоторые имѣли даже нахальство пускать въ меня стрѣлы въ то время, когда я сидѣлъ на землѣ у дверей моего домика, и одна стрѣла чуть-чуть не выколола мнѣ лѣвый глазъ. Но командиръ полка приказалъ схватить шестерыхъ зачинщиковъ и связать. Онъ нашелъ, что лучшимъ для нихъ наказаніемъ будетъ отдать ихъ связанными въ мои руки, и солдаты не замедлили исполнить приказъ: толкая преступниковъ въ спину рукоятями своихъ копій, они подогнали ихъ ко мнѣ на такое разстояніе, что я могъ ихъ достать. Я забралъ ихъ всѣхъ въ правую руку, пятерыхъ посадилъ въ боковой карманъ, а шестого поднесъ

ко рту, дѣлая видъ, что я собираюсь съѣсть его живьемъ. Бѣдняга завопилъ благимъ матомъ, и даже полковникъ и офицеры сильно взволновались, особенно, когда увидѣли, что я досталъ мой перочинный ножъ. Но я скоро успокоилъ ихъ страхъ: кротко взглянувъ на несчастнаго, я быстро перерѣзалъ веревки, которыми онъ былъ связанъ, тихонько поставилъ его на землю, и онъ убѣжалъ. Точно такъ-же я поступилъ и съ остальными, вынимая ихъ изъ кармана одного за другимъ. Я замѣтилъ, что и народъ, и солдаты были пріятно поражены такимъ доказательствомъ моего милосердія, - доказательствомъ, которое затѣмъ было представлено при дворѣ въ весьма выгодномъ для меня свѣтѣ.

Толкая преступниковъ въ спину рукоятями своихъ копій, они подогнали ихъ ко мнѣ на такое разстояніе, что я могъ ихъ достать.

Съ наступленіемъ ночи я не безъ труда залѣзъ въ свой домикъ, гдѣ и улегся прямо на полу. Я проводилъ такимъ образомъ ночи около двухъ недѣль, пока по распоряженію императора

для меня готовили ложе. Шестьсотъ тюфяковъ*) обыкновенныхъ лиллипутскихъ размѣровъ было доставлено на подводахъ въ мое помѣщеніе, гдѣ портные принялись за работу. Изъ полутораста тюфяковъ, сшитыхъ вмѣстѣ, вышелъ одинъ, на которомъ я могъ свободно помѣститься въ длину и ширину; четыре такихъ тюфяка положили одинъ на другой, но даже и на этой роскошной постели мнѣ было почти такъ-же твердо спать, какъ и раньше, когда я спалъ на гладкомъ каменномъ полу. По тому-же разсчету для меня нашили наволокъ, одѣялъ и простынь, довольно сносныхъ для человѣка, который такъ долго подвергался лишеніямъ.

Какъ только распространилась вѣсть о моемъ прибытіи въ столицу имперіи, со всѣхъ сторонъ стали стекаться несмѣтныя полчища богатаго и празднаго люда, которому было любопытно поглядѣть на меня. Деревни почти опустѣли, что неминуемо привело-бы къ большимъ упущеніямъ въ домашнемъ и сельскомъ хозяйствѣ, еслибы не многочисленные указы и воззванія, которые его императорское величество озаботился обнародовать въ предупрежденіе могущей произойти неурядицы. Одинъ указъ между прочимъ гласилъ, чтобы всѣ тѣ, кто уже видѣлъ меня, немедленно возвращались домой и безъ особаго разрѣшенія двора не смѣли подходить къ моему дому ближе, чѣмъ на пятьдесятъ ярдовъ. Выдача такихъ разрѣшеній составила весьма доходную статью для императорскихъ министровъ.

Между тѣмъ императоръ собиралъ совѣтъ за совѣтомъ для обсужденія вопроса, какъ поступить со мной, и одинъ мой близкій пріятель--особа высокаго сана, для которой при дворѣ не было тайнъ,—увѣрялъ меня впослѣдствіи, что государь и его приближенные были въ большомъ затрудненіи, рѣшая этотъ вопросъ. Возникало много опасеній по поводу меня: боялись, чтобы я не вырвался на свободу; боялись, что будетъ слишкомъ дорого меня прокормить и что расходы на мое содержаніе могутъ вызвать повсемѣстный голодъ.

Нѣсколько разъ приходили къ рѣшенію или уморить меня голодомъ, или умертвить отравленными стрѣлами (потому что, когда стрѣла пропитана ядомъ, то довольно и неглубокаго укола, чтобы отправить человѣка на тотъ свѣтъ); но потомъ разсудили, что отъ такого огромнаго трупа распространится страшное зловоніе, которое заразитъ всю столицу, а чего добраго и все государство, и можетъ породить чуму.

---

*) Описывая предметы въ странѣ лиллипутовъ уменьшенными сообразно росту людей, Гулливеръ соблюдаетъ строгую пропорціональность при опредѣленіи ихъ точныхъ размѣровъ. *Оррери.*

Во время одного изъ такихъ совѣщаній у дверей залы совѣта появилось нѣсколько человѣкъ офицеровъ. Двое изъ нихъ были допущены въ собраніе и представили подробный отчетъ о моемъ поступкѣ съ шестью преступниками, о которыхъ было говорено выше. Ихъ разсказъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на его величество и на весь совѣтъ и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ обнародованіе императорскаго указа, по которому всѣ деревни, отстоявшія отъ столицы не далѣе девятисотъ ярдовъ, облагались повинностью доставлять для меня ежедневно по шести быковъ, по сорока штукъ овецъ и вообще всякую живность въ опредѣленныхъ размѣрахъ; при этомъ соотвѣтственное количество хлѣба, а также вина и другихъ напитковъ. Въ уплату за всѣ эти продукты, по установленной таксѣ, императоръ ассигновалъ необходимую сумму изъ собственной его величества казны, ибо этотъ государь живетъ главнымъ образомъ на доходы съ своихъ вотчинъ и лишь изрѣдка, въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, прибѣгаетъ къ налогамъ; но за то всѣ его подданные обязаны по первому требованію являться на войну вооруженные на свой счетъ.

Кромѣ того, мнѣ назначили шестьсотъ человѣкъ домашней прислуги; имъ поставили очень удобныя палатки по обѣимъ сторонамъ дверей моего дома и выдавали столовыя на ихъ содержаніе. Затѣмъ ко мнѣ было прикомандировано триста портныхъ съ наказомъ сшить мнѣ полную пару платья по мѣстнымъ образцамъ; шестеро знаменитѣйшихъ придворныхъ ученыхъ получили предписаніе обучить меня лиллипутскому языку, и наконецъ вышло распоряженіе какъ можно чаще производить въ моемъ присутствіи маневры на королевскихъ лошадяхъ, а равно на лошадяхъ именитыхъ особъ и гвардейскаго корпуса, дабы пріучить животныхъ къ моему виду. Всѣ эти инструкціи были своевременно приведены въ исполненіе.

Недѣли черезъ три я уже значительно подвинулся въ изученіи языка. Все это время императоръ часто удостаивалъ меня своихъ посѣщеній и съ удовольствіемъ присутствовалъ на нашихъ урокахъ. Я уже могъ съ грѣхомъ пополамъ вести разговоръ по лиллипутски, и первыя выученныя мною слова были: „Ваше Величество, окажите мнѣ милость,—верните мнѣ свободу“. Эти слова выражали самое завѣтное мое желаніе, и я каждый день на колѣняхъ повторялъ ихъ королю. Его ствѣтъ, если не ошибаюсь, надо было понимать въ томъ смыслѣ, что мое освобожденіе—„вопросъ времени, который можетъ быть рѣшенъ утвердительно не иначе, какъ съ одобренія императорскаго совѣта, и что прежде всего я долженъ *люмосъ кельминъ пессо десмаръ лонъ эмпозо*“, т. е. дать клятву жить въ мирѣ съ монархомъ и съ его имперіей, но

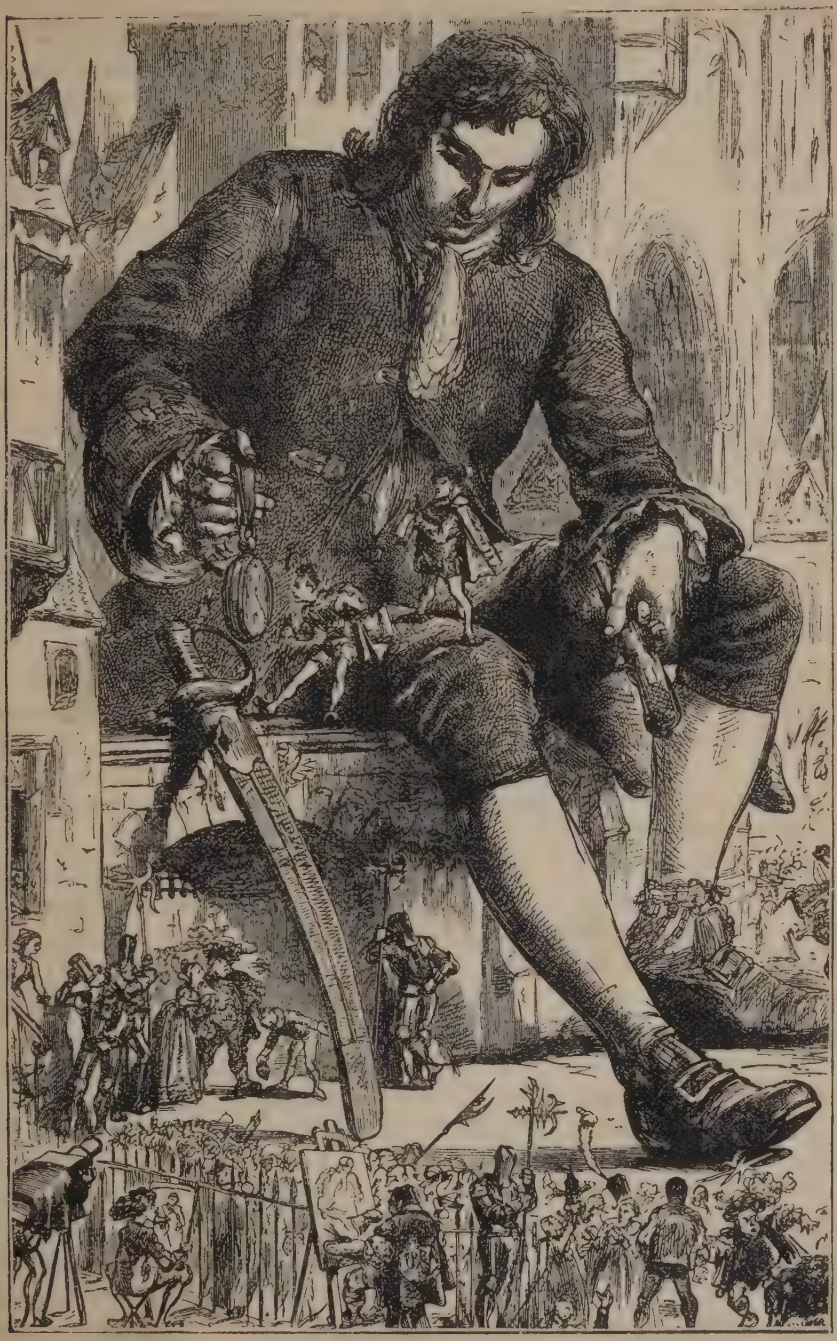
что, впрочемъ, ко мнѣ будутъ относиться со всевозможнымъ снисхожденіемъ и добротой. При этомъ императоръ совѣтовалъ мнѣ „терпѣніемъ и скромнымъ поведеніемъ заслужить доброе мнѣніе его августѣйшей особы, а равно и уваженіе его подданныхъ“.

Его величество высказалъ надежду, что я „не приму въ дурную сторону, если онъ прикажетъ подлежащимъ властямъ меня обыскать, такъ какъ при мнѣ, вѣроятно, имѣется оружіе, которое не можетъ не быть опаснымъ, если только размѣры его соотвѣтствуютъ чудовищнымъ размѣрамъ моей особы“. На это я отвѣчалъ: „Желаніе Вашего Величества будетъ исполнено: я готовъ раздѣться и вывернуть карманы въ вашемъ присутствіи“. Все это я объяснилъ отчасти словами, отчасти знаками. Но императоръ сказалъ, что по законамъ его государства обыскъ долженъ быть произведенъ двумя чиновниками, что, разумѣется, это не можетъ быть сдѣлано безъ моей помощи и согласія, но, зная мое великодушіе и чувство справедливости, онъ такого хорошаго мнѣнія обо мнѣ, что безъ всякаго страха отдастъ своихъ чиновниковъ въ мои руки. Затѣмъ онъ прибавилъ, что всѣ вещи, которыя у меня отберутъ, будутъ или возвращены мнѣ, когда я пожелаю покинуть страну, или оплачены правительствомъ по цѣнѣ, которую я самъ назначу.

Я взялъ обоихъ чиновниковъ и посадилъ сначала въ боковые наружные карманы, а потомъ во всѣ остальные, кромѣ двухъ маленькихъ кармашковъ, прорѣзанныхъ въ брюкахъ и еще одного, потайного. Въ маленькіе карманы они не могли помѣститься, а потайного я не хотѣлъ имъ показывать, потому-что у меня тамъ были разныя необходимыя вещи, никому неинтересныя, кромѣ меня. Въ одномъ изъ маленькихъ брючныхъ кармановъ у меня лежали серебряные часы, въ другомъ—кошелекъ съ нѣсколькими золотыми монетами. Господа чиновники заранѣе запаслись бумагой, перьями и чернилами и составили подробную опись всему, что нашли. Покончивъ съ обыскомъ, они попросили меня спустить ихъ на землю, такъ какъ имъ нужно было представить опись императору. Впослѣдствіи я перевелъ эту опись на англійскій языкъ; вотъ она слово въ слово:

„Въ правомъ наружномъ карманѣ большого Человѣка-Горы (такъ я перевожу слова *квинбусъ флестринъ*), послѣ самаго тщательнаго осмотра, мы не нашли ничего, кромѣ куска грубой холстины такихъ огромныхъ размѣровъ, что его можно постлать вмѣсто ковра въ большой аудіенцъ-залѣ Вашего Величества.

Въ лѣвомъ наружномъ карманѣ лежалъ громадный серебряный сундукъ съ крышкой изъ того-же металла, которую мы, производившіе обыскъ, были не въ силахъ приподнять. По нашему



Чиновники составили подробную опись всему, что нашли.

требованію сундукъ былъ открытъ; одинъ изъ насъ влѣзъ въ него и очутился по колѣна въ какомъ-то мелкомъ порошкѣ въ родѣ пыли, который, какъ облако, поднялся вверхъ и отъ котораго мы оба страшно расчихались.

Въ правомъ жилетномъ карманѣ мы нашли чудовищныхъ размѣровъ связку какихъ-то тонкихъ бѣлыхъ пластинокъ, сложенныхъ одна на другую. Толщиной эта связка съ троихъ человѣкъ и перетянута крѣпкимъ канатомъ, а пластинки испещрены какими-то черными знаками. По нашему смиренному разсужденію это должны быть письмена. Каждая буква будетъ величиной почти съ половину ладони человѣческой руки.

Въ лѣвомъ жилетномъ карманѣ оказалось какое-то сооруженіе. Оно состоитъ изъ толстой перекладины, изъ которой выходятъ подъ прямымъ угломъ двадцать парраллельныхъ длинныхъ жердей, и напоминаетъ частоколъ передъ дворцомъ Вашего Величества. Судя по формѣ этой машины, мы заключаемъ, что Человѣкъ-Гора расчесываетъ ею свои волосы; впрочемъ, навѣрно утверждать не можемъ, ибо, видя, съ какимъ трудомъ онъ насъ понимаетъ, мы вообще избѣгали безпокоить его своими разспросами.

Въ большомъ правомъ карманѣ его средней покрышки (такъ я перевожу слово *рандфу-ло*, подъ которымъ они разумѣли мои брюки) мы нашли желѣзный столбъ, полый внутри, величиною въ ростъ человѣка и прикрѣпленный къ куску дерева нѣсколько большихъ размѣровъ; съ одной стороны желѣзнаго столба торчали придѣланные къ нему массивные куски желѣза странной формы. Что это за машина—мы не могли опредѣлить.

Въ лѣвомъ карманѣ была другая машина такого-же образца.

Въ маломъ правомъ карманѣ лежало нѣсколько круглыхъ плоскихъ пластинокъ бѣлаго и краснаго металла и разной величины; нѣкоторыя изъ бѣлыхъ пластинокъ (по виду серебряныя) были такъ велики и тяжелы, что мы съ товарищемъ вдвоемъ еле-еле поднимали одну.

Въ маломъ лѣвомъ карманѣ оказались двѣ черныя колонны неправильной формы. Стоя на днѣ кармана, мы съ трудомъ доставали до верхушекъ этихъ колоннъ. Въ каждой колоннѣ была прорѣзана продольная выемка, и въ эту выемку вставлена огромная стальная пластинка. Мы потребовали, чтобы Человѣкъ-Гора показалъ намъ устройство этихъ машинъ, такъ какъ боялись, что онѣ могутъ быть опасны. Онъ вынулъ ихъ изъ кармана и объяснилъ намъ, что въ его отечествѣ одною изъ нихъ брѣютъ бороду, а другою рѣжутъ мясо.

Есть у него еще два кармана, въ которые мы не могли влѣзть: это двѣ длинныя щели, прорѣзанныя въ верхней части его сред-

ней покрышки, но наглухо зажатыя давленіемъ его живота. Изъ правой щели-кармана висѣла большая серебряная цѣпь. Мы попросили вытащить ту вещь, которая была прикрѣплена въ концу этой цѣпи, и Человѣкъ-Гора показалъ намъ удивительную машину. Состоитъ она изъ шара, наполовину серебрянаго, наполовину изъ какого-то прозрачнаго металла. Мы думаемъ, что это металлъ, потому что, когда, увидѣвъ на прозрачной сторонѣ шара какіе-то странные знаки, начерченные такимъ образомъ, что изъ нихъ составляется кругъ, мы хотѣли дотронуться до нихъ пальцемъ, наши пальцы уперлись въ какое-то твердое прозрачное вещество. Человѣкъ-Гора прикладывалъ эту машину къ нашимъ ушамъ, и мы убѣдились, что она издаетъ непрерывный равномѣрный шумъ, напоминающій шумъ водяной мельницы, изъ чего мы заключаемъ, что это либо какое-нибудь неизвѣстное животное, либо божество, которому онъ поклоняется; впрочемъ, мы больше склоняемся къ послѣднему мнѣнію и вотъ почему. Человѣкъ-Гора намъ сказалъ (если только мы вѣрно его поняли, такъ какъ онъ очень плохо объясняется на нашемъ языкѣ), что онъ рѣдко предпринимаетъ что-бы то ни было, не посовѣтовавшись съ этимъ существомъ. Онъ называетъ его своимъ оракуломъ и говоритъ, что оно указываетъ время для всѣхъ его житейскихъ дѣлъ *).

Изъ лѣвой щели-кармана онъ вытащилъ сѣтку, величиной почти съ неводъ, но устроенную такимъ образомъ, что она открывается и закрывается какъ кошелекъ; впрочемъ, она и служитъ ему кошелькомъ: мы нашли въ ней нѣсколько массивныхъ монетъ желтаго металла, и если только это настоящее золото, то ему нѣтъ цѣны.

„Такимъ образомъ, согласно повелѣнію Вашего Величества мы тщательно обыскали всѣ карманы Человѣка-Горы, послѣ чего приступили къ дальнѣйшему осмотру.

Человѣкъ-Гора носитъ кушакъ изъ шкуры какого-то огромнаго животнаго. Съ лѣвой стороны этого кушака у него подвѣшена сабля длиною съ пятерыхъ человѣкъ, а съ правой—мѣшокъ или сумка, состоящая изъ двухъ отдѣленій; въ каждомъ отдѣленіи можетъ помѣститься трое подданныхъ Вашего Величества. Въ одномъ отдѣленіи лежало нѣсколько шаровъ, величиною съ человѣческую голову и изъ такого тяжелаго металла, что развѣ только силачу впору поднять такой шаръ; въ другомъ насыпана

*) Показывая такимъ образомъ, какъ небольшое уклоненіе отъ истины можетъ порождать явную ложь, авторъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду обличить путешественниковъ, вводящихъ насъ въ заблужденіе своими разсказами.—*Гоквортъ.*

***

куча какихъ-то черныхъ зеренъ, но не слишкомъ большихъ и не тяжелыхъ: мы могли захватить въ горсть до пятидесяти штукъ.

Такова подробная опись вещамъ, найденнымъ нами при обыскѣ Человѣка-Горы.

Считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что во время обыска онъ обращался съ нами чрезвычайно учтиво, со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ намъ, какъ уполномоченнымъ Вашего Величества.

Въ четвертый день восемьдесятъ девятой луны благополучнаго Вашего Величества царствованія руку и печать приложили:

Флессенъ Фрелокъ

Марси Фрелокъ".

Когда императору прочли эту опись, онъ приказалъ мнѣ (правда, въ очень мягкихъ выраженіяхъ) представить ему нѣкоторыя изъ поименованныхъ въ ней вещей. Прежде всего отъ меня потребовали саблю, которую я и отдалъ вмѣстѣ съ ножнами. Но предварительно, по приказанію императора, сопровождавшій его конвой въ три тысячи человѣкъ отборнѣйшаго войска окружилъ меня на нѣкоторомъ разстояніи, держа наготовѣ луки и стрѣлы. (Я, впрочемъ, не замѣтилъ этого, такъ какъ былъ совершенно поглощенъ созерцаніемъ его величества). По просьбѣ императора я вынулъ саблю изъ ноженъ. Хоть она мѣстами и заржавѣла отъ морской воды, но все-таки блестѣла очень ярко, и когда я сталъ махать ею по воздуху, громкій крикъ не то ужаса, не то изумленія пронесся по рядамъ солдатъ: свѣтъ солнца, отражаясь отъ полированной стали, ослѣпилъ имъ глаза. Его величество — храбрѣйшій изъ монарховъ *), — оробѣлъ гораздо меньше, чѣмъ я могъ ожидать: онъ приказалъ мнѣ вложить саблю въ ножны и какъ можно осторожнѣе бросить ее на землю футахъ въ шести отъ конца моей цѣпи.

Затѣмъ отъ меня потребовали выдачи „полыхъ внутри желѣзныхъ столбовъ", подъ каковыми подразумѣвались мои пистолеты. Я вынулъ изъ кармана пистолетъ и, по желанію императора, объяснилъ ему, какъ умѣлъ, употребленіе этой вещи; потомъ, зарядивъ пистолетъ однимъ порохомъ, который у меня нисколько не пострадалъ отъ воды (предусмотрительные моряки всегда прини-

*) Читателямъ, не признающимъ въ этой храбрости ничего достойнаго уваженія, слѣдовало-бы поразмыслить, что мы совершенно несправедливо и безъ всякаго разумнаго основанія присваиваемъ себѣ право судить объ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ, когда въ существѣ шести футовъ ростомъ восхищаемся тѣми самыми качествами, которыя презираемъ въ другомъ существѣ только потому, что его ростъ не превышаетъ шести дюймовъ. *Гоксвортъ.*

маютъ предосторожности на этотъ случай, и моя пороховница была герметически закрыта), и предупредивъ императора, чтобъ онъ не пугался, я выстрѣлилъ на воздухъ. Это произвело гораздо большій эффектъ, чѣмъ видъ моей сабли. Сотни людей попадали на землю, точно сраженные громомъ, и даже самъ императоръ довольно долго не могъ оправиться, хоть и устоялъ на ногахъ.

Вслѣдъ за саблей я отдалъ оба мои пистолета, а также пороховницу и пули, предупредивъ, чтобы порохъ держали подальше отъ огня, такъ какъ онъ можетъ вспыхнуть отъ малѣйшей искры и взорвать на воздухъ императорскій дворецъ. Тѣмъ-же порядкомъ

Императоръ обратился къ своимъ ученымъ, желая знать ихъ мнѣніе объ этой машинѣ.

я снялъ и отдалъ часы. Императоръ разсматривалъ ихъ съ большимъ любопытствомъ. Его удивляло, что они производятъ непрерывный шумъ и что минутная стрѣлка движется сама собой (онъ легко различалъ это движеніе, ибо у лиллипутовъ зрѣніе гораздо острѣе, чѣмъ у насъ). Онъ обратился къ своимъ ученымъ, желая

знать ихъ мнѣніе объ этой машинѣ, и—какъ, вѣроятно, легко себѣ представитъ читатель,—мнѣнія эти были настолько-же разнообразны, насколько далеки отъ истины. Впрочемъ, не успѣвъ еще хорошенько освоиться съ туземнымъ языкомъ, я не вполнѣ понялъ объясненія лиллипутскихъ ученыхъ. Вызвавъ изъ рядовъ двухъ самыхъ высокихъ гвардейцевъ, его величество приказалъ имъ унести часы, и они понесли ихъ на длинномъ шестѣ, перекинутомъ съ плеча на плечо, въ родѣ того, какъ въ Англіи носильщики носятъ боченки съ пивомъ.

Такимъ же манеромъ я сдалъ съ рукъ на руки мои серебряныя и мѣдныя деньги, кошелекъ съ девятью крупными и нѣсколькими мелкими золотыми монетами, перочинный ножикъ и бритву, гребенку и серебряную табакерку, носовой платокъ и записную книжку. Саблю, пистолеты и пороховницу отправили на подводахъ въ арсеналъ его величества, все же остальное возвратили мнѣ.

Какъ я уже имѣлъ случай упомянуть, у меня былъ еще одинъ карманъ—потайной, и который поэтому не обыскивали. Въ этомъ карманѣ у меня хранились очки (которыми я иногда пользуюсь по слабости зрѣнія), карманная подзорная трубка и еще нѣсколько необходимыхъ вещей. Я боялся, что если я разстанусь съ ними, онѣ могутъ испортиться или затеряться, а такъ какъ для императора онѣ не могли имѣть никакого значенія, то я не считалъ себя обязаннымъ показывать ихъ.

ГЛАВА III.

Авторъ самымъ необыкновеннымъ способомъ развлекаетъ императора и царедворцевъ обоего пола.—Описаніе увеселеній при дворѣ императора лилипутовъ.—Автору возвращаютъ свободу на извѣстныхъ условіяхъ.

Мой кроткій нравъ и скромное поведеніе настолько подкупили въ мою пользу императора, его дворъ и даже армію и вообще весь народъ, что я началъ надѣяться въ скоромъ времени получить свободу. Я пускалъ въ дѣло всѣ средства, чтобы поддержать такое расположеніе ко мнѣ. Мало-по-малу туземцы убѣдились, что имъ не грозитъ никакой опасности съ моей стороны, и перестали бояться меня. Я часто ложился и пускалъ ихъ плясать у меня на рукѣ по пяти, по шести человѣкъ. Подъ конецъ даже дѣти до того расхрабрились, что приходили играть въ прятки у меня въ волосахъ.

Я сдѣлалъ большіе успѣхи въ изученіи мѣстнаго языка: я уже все понималъ и довольно порядочно говорилъ по-лиллипутски.

Какъ-то разъ императору вздумалось угостить меня нѣсколькими образчиками національныхъ игрищъ, въ которыхъ лилипуты, какъ по искусству выполненія, такъ и по великолѣпію обстановки, превзошли всѣ націи, какія я знаю. Больше всего мнѣ понравились канатные плясуны, которые продѣлывали свои штуки на тонкихъ бѣлыхъ ниткахъ около двухъ футовъ длиной и натянутыхъ на высотѣ двѣнадцати дюймовъ отъ земли. Съ позволенія терпѣливаго читателя я желалъ-бы подольше остановиться на этомъ увеселеніи.

Пляска на канатѣ практикуется у лиллипутовъ исключительно тѣми лицами, которыя выступаютъ кандидатами на высшія должности и вообще желаютъ попасть въ милость при дворѣ. Эти лица съ юныхъ лѣтъ упражняются въ вышереченномъ искусствѣ; благородное происхожденіе и либеральное воспитаніе не обязательны для нихъ. Какъ только открывается крупное мѣсто, за смертью-ли

лица его занимавшаго, или-же вслѣдствіе его опалы (что случается часто), пять или шесть такихъ кандидатовъ подаютъ прошеніе императору о дозволеніи исполнить пляску на канатѣ въ присутствіи его величества и двора, и тотъ, кто исполнитъ самый высокій прыжокъ, не упавши, назначается на вакантное мѣсто. Очень часто даже первые министры получаютъ предписаніе проплясать на канатѣ, дабы императоръ могъ убѣдиться, что они не утратили своей сноровки въ этомъ искусствѣ. Канцлеръ казначейства Флимнапъ пользуется заслуженной репутаціей лучшаго канатнаго плясуна: онъ прыгаетъ по крайней мѣрѣ на дюймъ выше всѣхъ другихъ сановниковъ имперіи и притомъ на туго натянутомъ канатѣ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ продѣлывалъ свои Salto mortale на столѣ, установленномъ двумя ножками на канатѣ, не толще обыкновенной англійской бичевки, и могу засвидѣтельствовать, что онъ умѣетъ кувыркаться въ воздухѣ. Мой другъ, Рельдрезаль, министръ внутреннихъ дѣлъ,—тоже большой искусникъ въ пляскѣ на канатѣ; я думаю, съ моей стороны не будетъ пристрастіемъ, если я скажу, что онъ—первый канатный плясунъ послѣ канцлера казначейства. Впрочемъ, и остальные сановники немногимъ уступаютъ этимъ двумъ виртуозамъ.

Надо, однако, замѣтить, что такого рода увеселенія рѣдко обходятся безъ несчастныхъ случаевъ: національныя лѣтописи наполнены ими. Я самъ раза два или три былъ свидѣтелемъ, какъ господа кандидаты ломали себѣ руки и ноги. Но дѣло становится еще серьезнѣе, когда приходится доказывать свою ловкость министрамъ, ибо, стараясь въ своемъ рвеніи превзойти себя и другъ друга, они такъ усердствуютъ, что въ цѣлой имперіи нѣтъ, кажется, ни одного министра, который не упалъ-бы съ каната хоть разъ, а то и два и три раза. Меня увѣряли, что во время одного представленія (за годъ или за два до моего прибытія въ страну) Флимнапъ, упавъ съ каната неминуемо сломалъ-бы себѣ шею, еслибы случайно на землѣ не оказалось императорской подушки, которая смягчила силу паденія.

Существуетъ еще одинъ родъ развлеченій, практикуемый только въ присутствіи императора, императрицы и перваго министра, да и то въ исключительныхъ случаяхъ. Представленія этой послѣдней категоріи заключаются въ слѣдующемъ. Императоръ раскладываетъ на столѣ три тонкія шелковыя нитки—голубую, красную и зеленую,—каждая длиною въ шесть дюймовъ. Эти нитки служатъ призами и выдаются, какъ особые знаки императорскаго благоволенія, тѣмъ лицамъ, которыхъ его величеству будетъ благоугодно отличить. Церемонія происходитъ въ большой залѣ совѣта. Кандидаты на призы, для доказательства своей лов-

кости, должны пройти извѣстный искусъ, не имѣющій ничего общаго съ описаннымъ выше и, говоря вообще, настолько оригинальный, что ничего подобнаго я не видалъ ни въ одномъ государствѣ какъ стараго, такъ и новаго свѣта. Взявъ въ руки палку, императоръ держитъ ее въ горизонтальномъ положеніи, а кандидаты, подходя по одному, то скачутъ черезъ палку, то проползаютъ подъ ней, смотря по тому, поднимаетъ или опускаетъ ее императорская рука. Эта процедура продолжается безъ перерыва довольно долгое время. Иногда императоръ держитъ палку за одинъ конецъ, а первый министръ за другой, иногда она всецѣло переходитъ въ распоряженіе перваго министра. Кандидатъ, обнаружившій въ этомъ упражненіи наибольшую легкость движеній и вмѣстѣ съ тѣмъ проскакавшій и проползавшій дольше всѣхъ остальныхъ, не выходя изъ круга, награждается голубой ниткой; красную получаетъ второй по заслугамъ, а зеленую—третій. Заработанный такимъ образомъ призъ носится въ видѣ кушака, дважды обмотаннаго вокругъ таліи, и при дворѣ императора лилипутовъ вы рѣдко встрѣтите сановника, который не былъ-бы украшенъ однимъ изъ такихъ знаковъ отличія.

Такъ какъ на полковыхъ лошадяхъ, а равно и на лошадяхъ изъ императорскихъ конюшенъ ежедневно производились маневры въ виду моей особы, эти животныя перестали пугаться меня и совершенно спокойно проходили у самыхъ моихъ ногъ. Я клалъ на землю руку, и наѣздники заставляли своихъ коней брать это препятствіе, а одинъ королевскій егерь—правда, на очень росломъ скакунѣ,—перескочилъ даже черезъ мою ногу, обутую въ чулкѣ и въ башмакѣ Это былъ поистинѣ невѣроятный прыжокъ.

Однажды я имѣлъ счастье забавлять императора представленіемъ самаго необыкновеннаго свойства. Я попросилъ его величество заказать и доставить мнѣ нѣсколько жердей въ два фута длины, а толщиною съ обыкновенную трость. Главному королевскому лѣсничему было немедленно приказано отдать соотвѣтствующія распоряженія, и на другое-же утро ко мнѣ явилось шесть лѣсниковъ на шести подводахъ, нагруженныхъ жердями и запряженныхъ каждая восьмеркой лошадей. Выбравъ девять штукъ хорошихъ жердей, я вбилъ ихъ въ землю такимъ образомъ, что изъ нихъ составился квадратъ, площадь котораго не превышала двухъ съ половиной футъ. Затѣмъ я взялъ еще четыре жерди и, положивъ ихъ съ угла на уголъ квадрата, прикрѣпилъ къ вертикальнымъ жердямъ; онѣ пришлись на высотѣ двухъ футовъ отъ земли. Наконецъ къ девяти вертикальнымъ жердямъ я привязалъ мой носовой платокъ, распяливъ его такимъ образомъ, что онъ оказался туго натянутымъ, какъ кожа на барабанѣ. Горизонталь-

Развлеченія при дворѣ императора.

ныя жерди приходились дюймовъ на пять выше носового платка, такъ-что вокругъ него образовалось нѣчто вродѣ перилъ. Когда моя работа была кончена, я предложилъ императору приказать отборнѣйшимъ людямъ своей кавалеріи въ числѣ двадцати четырехъ человѣкъ произвести военныя экзерциціи на моей площади. Его величество одобрилъ мое предложеніе и сейчасъ-же отдалъ соотвѣтственный приказъ. Я бралъ кавалеристовъ одного за другимъ въ полной аммуниціи и вмѣстѣ съ конями и такимъ манеромъ поставилъ ихъ всѣхъ на платокъ. Выстроившись въ боевомъ порядкѣ, они раздѣлились на два отряда, и началось примѣрное сраженіе: стрѣляли тупыми стрѣлами, бросались другъ на друга съ обнаженными саблями, бѣжали и преслѣдовали, нападали и отступали; короче сказать, эта конница выказала такую превосходную военную дисциплину, какой я до тѣхъ поръ никогда не видалъ. Горизонтальныя жерди не давали людямъ и конямъ свалиться съ ипподрома. Императоръ былъ въ такомъ восхищеніи, что повелѣлъ продолжать маневры въ теченіе нѣсколькихъ дней, а одинъ разъ соизволилъ выразить желаніе лично командовать войсками, для чего я и посадилъ его на платокъ. Онъ даже убѣдилъ императрицу, хотя и съ великимъ трудомъ, позволить мнѣ подержать ее въ портшезѣ на разстояніи двухъ ярдовъ отъ ипподрома, чтобы она могла вполнѣ насладиться интереснымъ зрѣлищемъ.

На мое счастье во время этихъ представленій не произошло ни одного несчастнаго случая. Одинъ только разъ взбѣсившаяся лошадь какого-то капитана прорвала копытомъ дыру въ моемъ платкѣ и, провалившись ногой въ эту дыру, упала вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Но я сейчасъ-же поднялъ обоихъ и, прикрывъ одной рукой дырку, другой ссадилъ на землю кавалериста и лошадь тѣмъ-же способомъ, какимъ поднималъ ихъ съ земли. Упавшая лошадь вывихнула лѣвую лопатку, но всадникъ нисколько не пострадалъ. Платокъ я починилъ, какъ умѣлъ, но послѣ этого случая я уже не полагался на его прочность и считалъ опаснымъ пользоваться имъ для такихъ упражненій.

Дня за два или за три до того, какъ мнѣ возвратили свободу, въ то время, когда я забавлялъ весь дворъ вышеописаннымъ способомъ, къ императору прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что нѣсколько человѣкъ его подданныхъ, проѣзжая по той мѣстности, гдѣ меня нашли спящимъ послѣ выхода моего на берегъ, замѣтили, что на землѣ лежитъ какой-то большой черный предметъ чрезвычайно страннаго вида. Величиной онъ былъ съ королевскую опочивальню, имѣлъ круглую форму и плоскіе широкіе края, а посрединѣ возвышался до высоты человѣческаго роста.

Это не было живое существо, какъ опасались вначалѣ, ибо предметъ этотъ лежалъ на травѣ безъ движенія. Многіе изъ докладчиковъ обошли его кругомъ нѣсколько разъ; иные, вскарабкавшись на плечи товарищамъ, влѣзали на верхушку. Верхушка оказалась совершенно плоской и ровной, а когда по ней стали ходить, то по звуку шаговъ убѣдились, что внутри была пустота. Докладчики позволяли себѣ высказать свое смиренное предположеніе, что эта вещь принадлежитъ Человѣку-Горѣ, и предлагали, если его величеству будетъ угодно, привезти ее въ столицу на пятеркѣ лошадей.

Я сразу догадался, какая это была вещь, и отъ души порадовался извѣстію, привезенному курьеромъ. Когда я вышелъ на берегъ послѣ кораблекрушенія, я находился въ полусознательномъ состояніи и, должно быть, потерялъ свою шляпу, не доходя до того мѣста, гдѣ я легъ и уснулъ. Я хорошо помню, что, садясь въ лодку, я завязалъ тесемки шляпы подъ подбородкомъ и что все время, пока мы гребли, и потомъ, когда лодку опрокинуло и я пустился къ берегу вплавь, шляпа крѣпко сидѣла у меня на головѣ, такъ-что очевидно я потерялъ ее уже на берегу. По всей вѣроятности, тесемки оборвались, а я этого не замѣтилъ и думалъ, что шляпу снесло съ меня въ морѣ.

Объяснивъ императору назначеніе найденнаго предмета, я убѣдительно просилъ его величество распорядиться, чтобы на-

ходку доставили мнѣ какъ можно скорѣе. На другое же утро мнѣ привезли мою шляпу, но не могу сказать, чтобы она имѣла привлекательный видъ: для удобства перевозки въ ея поляхъ, дюйма на полтора отъ края, пробуравили двѣ дыры и продѣли въ нихъ крючки на длинныхъ веревкахъ, въ которыя и запрягли лошадей. Такимъ образомъ, мою шляпу протащили по землѣ съ добрую половину англійской мили. Впрочемъ, страна лиллипутовъ отличается чрезвычайно ровной поверхностью и мягкою почвой, такъ-что моя собственность пострадала меньше, чѣмъ я ожидалъ.

Спустя два дня послѣ этого происшествія императору пришла фантазія устроить забаву весьма оригинальнаго свойства. Онъ отдалъ приказъ войскамъ, квартировавшимъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ, собраться и готовиться къ походу. Затѣмъ онъ попросилъ меня стать, раздвинувъ ноги насколько можно шире, и приказалъ главнокомандующему (старому и опытному полководцу, который, въ скобкахъ сказать, очень мнѣ покровительствовалъ) построить весь отрядъ въ боевую колонну—пѣхоту по двадцать четыре человѣка во фронтѣ, а конницу по шестнадцати,—и провести его у меня между ногъ церемоніальнымъ маршемъ, съ барабаннымъ боемъ, съ развернутыми знаменами и съ копьями на перевѣсъ. Отрядъ состоялъ изъ трехъ тысячъ пѣхоты и тысячи кавалеріи. Но предварительно его величество издалъ указъ, гласившій, что во время церемоніальнаго марша солдаты, подъ страхомъ смертной казни, должны соблюдать самую строгую благопристойность по отношенію ко мнѣ. Это, однако, не помѣшало нѣкоторымъ изъ молодыхъ офицеровъ поднять глаза кверху, проходя подо мной, а брюки мои, говоря откровенно, были въ то время въ весьма плохомъ состояніи, что вызвало немало смѣха между этой молодежью и подало ей поводъ громко выражать свое изумленіе.

Я подавалъ столько докладныхъ записокъ и прошеній о возвращеніи мнѣ свободы, что, наконецъ, императоръ рѣшился поднять объ этомъ вопросъ, сначала частнымъ образомъ въ министерствѣ, а затѣмъ на общемъ собраніи императорскаго совѣта. Здѣсь единственнымъ противникомъ моихъ интересовъ выступилъ одинъ изъ министровъ—Скайрешъ Болголамъ, разсудившій за благо сдѣлаться моимъ смертельнымъ врагомъ безъ всякаго повода съ моей стороны. Но, не смотря на всѣ его происки, совѣтъ рѣшилъ дѣло въ мою пользу, а императоръ утвердилъ рѣшеніе совѣта.

Скайрешъ Болголамъ занималъ постъ *гальбета,* т. е. морского министра. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ своего повелителя и былъ человѣкъ весьма свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но

Императоръ приказалъ главнокомандующему провести войско у меня между ногъ церемоніальнымъ маршемъ.

нравъ имѣлъ злой и угрюмый. Хотя въ концѣ концовъ ему и пришлось уступить большинству, однако онъ настоялъ на томъ, чтобы формулировка условій, на которыхъ я буду освобожденъ, была предоставлена ему одному, при чемъ я долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе строго придерживаться этихъ условій.

Когда договоръ былъ составленъ, Скайрешъ Болголамъ явился ко мнѣ самолично для врученія онаго. Два субъ-секретаря и нѣсколько другихъ важныхъ сановниковъ составляли его свиту. По прочтеніи мнѣ всѣхъ статей договора, съ меня взяли присягу свято соблюдать каждую статью. Обрядъ приведенія къ присягѣ былъ совершонъ сперва по обычаю моей родины, а затѣмъ по правиламъ присяги, установленнымъ въ законодательствѣ лилліпутовъ, а именно: я долженъ былъ подержаться лѣвой рукой за правую ногу, приложивъ въ то же время средній палецъ правой руки къ своему темени, а большой—къ верхнему кончику праваго уха. Но, полагая, что читатель пожелаетъ имѣть нѣкоторое представленіе о литературномъ слогѣ описываемой націи и объ ея способахъ выражаться, а также полюбопытствуетъ ознакомиться съ содержаніемъ статей означеннаго договора, обусловливавшихъ мое освобожденіе, я предлагаю вниманію публики сей документъ, который я перевелъ отъ слова до слова, стараясь какъ можно ближе придерживаться оригинала *).

„Его Величество Гольбасто Момаремъ Эвламе Гурдило Шефинъ Мулли Улли Гью, могущественнѣйшій императоръ лилліпутовъ, отрада и ужасъ вселенной, монархъ изъ монарховъ, Тотъ, чьи владѣнія простираются на пять тысячъ *блуструговъ* (около двѣнадцати миль въ окружности) до краевъ земного шара, Тотъ, кто выше сыновъ человѣческихъ, кто попираетъ пятой землю до самаго центра, а головой касается солнца, кому довольно кивнуть, чтобы земные князья преклонили колѣна,—Тотъ, кто ясенъ, какъ весна, благотворенъ, какъ лѣто, плодороденъ, какъ осень, и страшенъ, какъ зима, предлагаетъ вновь прибывшему въ его небесную имперію Человѣку-Горѣ нижеслѣдующія условія освобожденія, каковыя условія сей послѣдній подъ торжественной присягой обязуется выполнять:

I. Человѣкъ-Гора не выѣдетъ изъ нашихъ владѣній безъ нашего на то соизволенія, скрѣпленнаго приложеніемъ нашей императорской печати.

*) Въ своемъ описаніи страны лилліпутовъ, напримѣръ, въ приводимыхъ имъ статьяхъ вышеупомянутаго договора, Гулливеръ, какъ кажется, имѣетъ въ виду преимущественно Англію. Въ характеристикѣ-же Блефуску подразумѣваются, повидимому, французскій народъ и французское государство.

Оррери.

II. Человѣкъ-Гора не будетъ входить въ нашу столицу безъ нарочитаго нашего разрѣшенія или указа, дабы всѣмъ жителямъ могло быть за два часа послано предупрежденіе не выходить изъ домовъ.

III. Свои прогулки вышереченный Человѣкъ-Гора долженъ ограничивать нашими большими дорогами и отнюдь не долженъ гулять ни по лугамъ, ни по засѣяннымъ полямъ, а равно и ложиться на нихъ.

IV. Гуляя по означеннымъ дорогамъ, онъ долженъ прилагать все свое вниманіе, чтобы не наступить на кого-нибудь изъ нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ, а равно на лошадь или на экипажъ, имъ принадлежащіе. Равнымъ образомъ онъ не долженъ брать въ руки нашихъ подданныхъ, не имѣя на то ихъ согласія.

V. Въ случаѣ, еслибы намъ встрѣтились надобность отправить экстренную депешу, Человѣкъ-Гора обязанъ, посадивъ въ карманъ курьера вмѣстѣ съ лошадью, донести его до мѣста назначенія, а еслибы понадобилось, то принести обратно и представить здравымъ и невредимымъ передъ лицо нашей монаршей особы. Обязательный срокъ этой повинности не превышаетъ шести дней въ каждую луну.

VI. Человѣкъ-Гора обязанъ быть нашимъ союзниковъ противъ враждебнаго намъ острова Блефуску и сдѣлать все отъ него зависящее для уничтоженія непріятельскаго флота, который въ настоящее время готовится высадить десантъ на берега нашихъ владѣній.

VII. Въ часы досуга Человѣкъ-Гора обязанъ принимать участіе въ общественныхъ работахъ и помогать рабочимъ, какъ-то: поднимать большіе камни и прочія тяжести при сооруженіи ограды главнаго парка и другихъ общественныхъ зданій.

VIII. Въ теченіе двухъ-луннаго срока вышереченный Человѣкъ-Гора обязанъ представить точное описаніе окружности нашихъ владѣній, каковую онъ долженъ измѣрить своими шагами, обойдя наши границы.

Пунктъ девятый и послѣдній. Когда Человѣкъ-Гора торжественно присягнетъ соблюдать всѣ вышеприведенныя статьи договора, ему будетъ ежедневно выдаваться извѣстный паекъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, достаточный для прокормленія тысячи семисотъ двадцати четырехъ нашихъ подданныхъ. Сверхъ того онъ получитъ свободный доступъ къ нашей августѣйшей особѣ и будетъ удостоенъ многихъ другихъ знаковъ нашей благосклонности. Дано въ нашемъ дворцѣ Бельфаборакъ, въ двѣнадцатый день девяносто первой луны нашего царствованія.

Съ величайшей радостью далъ я присягу и подписалъ договоръ. Правда, нѣкоторые его пункты оказались менѣе почетны для меня,

чѣмъ было-бы желательно, но это произошло единственно по злобѣ генералъ-адмирала Скайрешъ Болголама, возненавидѣвшаго меня неизвѣстно за что. Какъ только договоръ былъ подписанъ, съ меня сняли оковы и я очутился на полной свободѣ. Его величество императоръ сдѣлалъ мнѣ честь присутствовать при этой церемоніи. Въ знакъ моей глубокой признательности я палъ ницъ передъ его августѣйшей особой, но онъ приказалъ мнѣ встать и, послѣ многихъ милостивыхъ изъявленій своей благосклонности, которыхъ я не стану здѣсь повторять, чтобы не навлечь на себя упрека въ тщеславіи, высказалъ свою „надежду, что я буду ему полезнымъ слугой и вполнѣ заслужу всѣ тѣ милости, какими онъ уже осыпалъ меня и какими разсчитываетъ наградить въ будущемъ".

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что въ послѣдней статьѣ договора императоръ обѣщалъ выдавать мнѣ съѣстные припасы и напитки въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія тысячи семисотъ двадцати четырехъ лиллипутовъ. Когда, спустя нѣкоторое время, я спросилъ одного царедворца, моего короткаго пріятеля, какимъ образомъ могла быть вычислена столь точная цифра, онъ объяснилъ мнѣ, что придворные математики прежде всего опредѣлили высоту моего тѣла при помощи квадранта, затѣмъ вычислили, что мой ростъ относится къ росту лиллипута, какъ двѣнадцать къ единицѣ, и наконецъ, основываясь на тождественности формы нашего тѣла, вывели, что объемъ моего тѣла по меньшей мѣрѣ въ тысячу семьсотъ двадцать четыре раза превышаетъ объемъ тѣла лиллипута и что, слѣдовательно, мое тѣло требуетъ такого количества пищи, какое необходимо для поддержанія жизни тысячи семисотъ двадцати четырехъ лиллипутовъ. Этотъ фактъ можетъ дать читателю нѣкоторое представленіе какъ о сообразительности описываемой націи, такъ и о разумной экономіи ея великаго государя.

ГЛАВА IV.

Описаніе Мильдендо, столицы лиллипутовъ, и императорскаго дворца.—Бесѣда о государственныхъ дѣлахъ, происходившая между авторомъ и первымъ министромъ.—Авторъ предлагаетъ императору свои услуги на войнѣ.

Первымъ моимъ побужденіемъ, какъ только мнѣ возвратили свободу, было просить о разрѣшеніи осмотрѣть Мильдендо, столицу государства, и императоръ далъ мнѣ это разрѣшеніе очень охотно, но съ строгимъ наказомъ не причинять вреда ни жителямъ, ни домамъ. Жители были заранѣе предувѣдомлены оффиціальной бумагой о моемъ намѣреніи посѣтить городъ

Мильдендо окруженъ стѣной въ два съ половиной фута вышины, а толщиною не менѣе одиннадцати дюймовъ, такъ-что по ней можно совершенно безопасно проѣхать въ каретѣ парой. По всей своей окружности эта стѣна увѣнчана крѣпкими башнями, отстоящими на десять футъ одна отъ другой.

Я перешагнулъ черезъ западныя ворота и осторожно прошелъ двѣ главныя улицы, придерживаясь одной стороны. Я былъ въ одной жилеткѣ, принявъ предосторожность снять камзолъ, такъ какъ я боялся попортить его длинными фалдами крыши и карнизы домовъ. Я шелъ съ величайшей осмотрительностью, чтобы какъ-нибудь не наступить на прохожаго, который могъ случайно мнѣ повстрѣчаться, хотя указомъ строго воспрещалось выходить изъ домовъ всѣмъ, кто дорожилъ своей жизнью. Слуховыя окна и верхніе этажи были до такой степени переполнены зрителями, что сколько мнѣ помнится, я ни въ одно изъ моихъ путешествій не видалъ такой многолюдной толпы.

Городъ по своей формѣ представляетъ правильный квадратъ, стороны котораго имѣютъ по пятисотъ футовъ длины. Двѣ главныя улицы, шириною по пяти футъ, перекрещиваются подъ прямымъ угломъ и дѣлятъ городъ на четыре квартала. Второстепенныя улицы и переулки имѣютъ всего отъ двѣнадцати до восемнадцати дюймовъ ширины и потому я не могъ въ нихъ войти, а

Я шелъ съ величайшей осмотрительностью, чтобы какъ-нибудь не наступить на прохожаго.

только видѣлъ ихъ проходя. Городъ вмѣщаетъ до пятисотъ тысячъ душъ населенія; дома отъ трехъ до пяти этажей; магазины и рынки вполнѣ благоустроены и богаты товарами.

Императорскій дворецъ стоитъ въ центрѣ города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкаются двѣ главныя улицы. Онъ обнесенъ стѣной вышиною въ два фута и поставленной въ двадцати футахъ разстоянія отъ дворцовыхъ построекъ. Его величество разрѣшилъ мнѣ перешагнуть черезъ эту стѣну и, благодаря широкому свободному пространству, оставленному строителями между стѣной и дворцомъ, я могъ безпрепятственно осмотрѣть дворецъ со всѣхъ сторонъ.

Наружный дворъ занимаетъ площадь въ сорокъ квадратныхъ футъ; онъ имѣетъ форму четырехугольника и вмѣщаетъ два внутреннихъ двора, изъ коихъ во второмъ расположены императорскіе покои. Мнѣ очень хотѣлось ихъ видѣть, но это оказалось не такъ-то легко и вотъ почему: главныя ворота, которыя ведутъ изъ перваго внутренняго двора во второй, были не выше восемнадцати дюймовъ и не шире семи, а дворцовыя зданія, помѣщающіяся на наружномъ дворѣ, имѣли по меньшей мѣрѣ пять футъ вышины, и хотя стѣны этихъ зданій, толщиною въ четыре дюйма, были изъ тесанаго камня и сложены очень прочно, но тѣмъ не менѣе не было никакой возможности перешагнуть черезъ нихъ, не повредивъ черепицы на крышѣ. А между тѣмъ императору, съ своей стороны, очень хотѣлось похвастаться мнѣ великолѣпнымъ убранствомъ дворца, и мнѣ удалось-таки осуществить наше общее желаніе, но только по прошествіи трехъ дней.

Всѣ эти дни я провелъ въ двухстахъ ярдахъ отъ столицы, въ императорскомъ паркѣ, за работой; я срѣзалъ тамъ своимъ карманнымъ ножомъ нѣсколько штукъ самыхъ толстыхъ деревьевъ и сколотилъ изъ нихъ двѣ скамейки по три фута вышины и настолько крѣпкихъ, что онѣ выдерживали мою тяжесть. Послѣ того, какъ населеніе столицы было вторично предувѣдомлено о моемъ скоромъ прибытіи, я забралъ обѣ скамейки и снова отправился въ городъ. Когда, дойдя до дворца и перешагнувъ черезъ ограду, я очутился на наружномъ дворѣ, я поставилъ на землю одну скамейку, сталъ на нее, а другую осторожно перенесъ черезъ крышу перваго дворцоваго зданія и тихонько опустилъ въ первый внутренній дворъ, имѣющій восемь футъ ширины. Затѣмъ я уже безъ всякихъ затрудненій перешагнулъ съ одной скамейки на другую и, зацѣпивъ первую скамейку длинной палкой съ крючкомъ на концѣ, перетянулъ ее за собой. Продолжая дѣйствовать тѣмъ-же способомъ, я добрался до самаго дворца. Тогда я легъ на бокъ и, приблизивъ лицо къ окнамъ второго этажа, которыя были на-

Ея величество весьма милостиво мнѣ улыбнулась и протянула руку для поцѣлуя.

рочно оставлены открытыми для меня, увидѣлъ самые великолѣпные чертоги, какіе только можно вообразить.

Я видѣлъ покои императрицы и молодыхъ принцевъ крови и въ этихъ покояхъ ихъ самихъ, окруженныхъ лицами своей свиты. Ея императорское величество весьма милостиво мнѣ улыбнулась и протянула въ окно руку для поцѣлуя.

Но я не стану забѣгать впередъ и утруждать вниманіе читателя дальнѣйшими разсказами въ этомъ духѣ, откладывая ихъ до болѣе пространнаго труда, уже почти готоваго къ печати. Тамъ читатель найдетъ общую характеристику лиллипутской имперіи со времени ея основанія вплоть до новѣйшихъ временъ, а равно и подробную исторію всѣхъ царствовавшихъ въ ней государей, съ описаніемъ войнъ и политическихъ событій; тамъ будетъ говориться о законахъ страны, о положеніи въ ней наукъ и религіи, объ ея флорѣ и фаунѣ, о нравахъ и обычаяхъ ея обитателей; будетъ приведено и много другихъ свѣдѣній, не лишенныхъ поучительности и весьма любопытныхъ. Главная-же моя цѣль въ настоящее время—разсказать лишь о тѣхъ событіяхъ, которыя случились со мной или которыхъ я былъ очевидцемъ за время моего почти девятимѣсячнаго пребыванія въ этой странѣ.

Однажды утромъ, недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ мнѣ возвратили свободу, Рельдрезаль, министръ внутреннихъ дѣлъ (какъ титулуется онъ въ своемъ отечествѣ) явился въ мое помѣщеніе безъ всякой свиты, въ сопровожденіи одного только слуги. Онъ приказалъ своему кучеру дожидаться немного поодаль и попросилъ меня удѣлить ему часокъ для бесѣды, на что я согласился съ полной готовностью, принимая во вниманіе какъ высокій рангъ посѣтителя и личныя его достоинства, такъ и немалочисленныя добрыя услуги, оказанныя имъ мнѣ въ тотъ періодъ, когда я ходатайствовалъ при дворѣ о возвращеніи мнѣ свободы. Я хотѣлъ было лечь, чтобы намъ было удобнѣе разговаривать, но онъ предпочелъ вести бесѣду, сидя у меня на рукѣ. Онъ началъ съ того, что поздравилъ меня съ освобожденіемъ, замѣтилъ между прочимъ, что „кажется, съ его стороны не будетъ хвастовствомъ, если онъ скажетъ, что приложилъ къ этому руку“, но тутъ-же прибавилъ, что меня „едва ли освободили-бы такъ скоро, если-бъ не теперешнее положеніе дѣлъ въ государствѣ. Потому что“, продолжалъ его превосходительство, „хотя иностранцамъ состояніе нашей страны и можетъ показаться цвѣтущимъ, но тѣмъ не менѣе мы страдаемъ отъ двухъ жестокихъ бичей: эти бичи—внутренній расколъ и опасность вторженія могущественнаго внѣшняго врага.

Что касается перваго, то надо вамъ сказать, что вотъ уже

слишкомъ семьдесятъ лунъ, какъ у насъ образовались двѣ враждующія партіи такъ называемыхъ *трамексановъ* и *сламексановъ* *), т. е. высоко и низко-каблучниковъ. Это названіе объясняется тѣмъ, что члены одной партіи носятъ высокіе, а члены другой—низкіе каблуки, чѣмъ они и отличаются другъ отъ друга. Надо замѣтить, что по общепринятому мнѣнію высокіе каблуки больше подходятъ къ духу старинныхъ традицій и древняго государственнаго устройства нашей страны; но такъ оно или нѣтъ, а нашъ императоръ рѣшилъ ввести въ правительственную администрацію исключительно низкіе каблуки. Такимъ образомъ—какъ вы навѣрно и сами замѣтили,—всѣ общественныя должности, находящіяся въ прямой зависимости отъ короны, заняты у насъ низкокаблучниками, а у его величества каблуки по крайней мѣрѣ на *друрръ* ниже, чѣмъ у придворныхъ (*друрръ*—мѣра длины; равняется приблизительно одной четырнадцатой дюйма). Взаимная вражда этихъ двухъ партій доходитъ до того, что представители ихъ ни за какія блага въ мірѣ не станутъ ни дѣлить хлѣбъ-соль, ни говорить другъ съ другомъ. По нашему разсчету *трамексаны* или высококаблучники превосходятъ насъ числомъ, но власть всецѣло въ нашихъ рукахъ. Есть основанія опасаться, что его императорское высочество, наслѣдникъ престола имѣетъ нѣкоторое поползновеніе перейти на сторону высококаблучниковъ; по крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что у него одинъ каблукъ выше другого, вслѣдствіе чего онъ даже слегка прихрамываетъ на ходу.

И въ довершеніе всего нашей несчастной странѣ, раздираемой внутренними смутами, угрожаетъ вторженіе со стороны острова Блефуску—второй изъ двухъ великихъ имперій вселенной, почти столь-же обширной и могущественной, какъ и владѣнія нашего государя. Ибо хотя вы и утверждаете, будто на свѣтѣ много другихъ государствъ, населенныхъ человѣческими существами вашего роста, но наши философы сильно въ этомъ сомнѣваются и склоняются скорѣе къ тому мнѣнію, что вы свалились съ луны или съ какой-нибудь звѣзды. И дѣйствительно, стоило-бы появиться ста человѣкамъ вашихъ размѣровъ, и всѣ плоды и овощи и весь скотъ во владѣніяхъ его величества были-бы уничтожены въ самое короткое время,—это фактъ. Къ тому-же въ исторіи нашей страны, насчитывающей шесть тысячъ лунъ своего существованія,

*) Высокая и Низкая церковь или виги и тори. Насколько достойными презрѣнія выставляются въ сочиненіи Свифта случайные раздоры между отдѣльными личностями, настолько-же смѣшными являются въ немъ и споры объ общихъ вопросахъ, когда усердіе, съ которымъ каждая сторона отстаиваетъ свое мнѣніе, не въ мѣру превышаетъ значеніе спорнаго пункта.

ни разу не упоминается ни о какихъ другихъ государствахъ, кромѣ двухъ великихъ имперій—Лиллипутской и Блефуску.

И вотъ, въ теченіе тридцати шести лунъ эти двѣ могущественныя державы, какъ я вамъ уже говорилъ, ведутъ между собой непрерывную, ожесточенную войну. Эта война началась по слѣдующему поводу. Встарину въ нашей странѣ, когда ѣли вареныя яйца, всегда разбивали ихъ съ тупого конца: таковъ былъ, какъ это всему міру извѣстно, первоначальный способъ разбивать яйца передъ употребленіемъ ихъ въ пищу. Но случилось, что августѣйшій дѣдъ нынѣ царствующаго императора, будучи ребенкомъ, обрѣзалъ себѣ палецъ скорлупкой яйца, которое онъ разбилъ по издревле установившемуся обычаю съ тупого конца, собираясь его скушать Тогда его августѣйшій родитель, въ то время императоръ, издалъ законъ, повелѣвавшій всѣмъ его подданнымъ, подъ страхомъ строгой кары, разбивать вареныя яйца съ носка. Этотъ законъ возбудилъ въ народѣ такое сильное недовольство, что, какъ извѣстно изъ исторіи, у насъ было по этому поводу шесть мятежей, во время которыхъ одинъ изъ государей потерялъ свою жизнь, а другой лишился престола. Императоры Блефуску постоянно разжигали эти гражданскія смуты, и послѣ подавленія каждаго возстанія наши изгнанники находили убѣжище въ этой странѣ. Считаютъ, что въ разное время у насъ было казнено не менѣе одиннадцати тысячъ человѣкъ, которые пожелали лучше умереть, чѣмъ подчиниться закону, предписывавшему разбивать яйца съ носка. По этому вопросу была написана не одна сотня толстыхъ томовъ, но книги приверженцевъ тупого конца давно запрещены, и законодательнымъ актомъ вся ихъ партія лишена права занимать общественныя должности

Въ то время, когда у насъ происходили эти смуты, императоры Блефуску неоднократно обращались къ намъ черезъ своихъ пословъ, обвиняя насъ въ томъ, будто мы создаемъ расколъ въ религіи, нарушая основную доктрину великаго пророка Лустрога, заключающуюся въ пятьдесятъ четвертой главѣ Блундекраля—священной книги, составляющей ихъ Алькоранъ. Но мы находимъ, что съ ихъ стороны это чистѣйшая натяжка—произвольное толкованіе текста, ибо подлинныя слова его таковы: „Всѣ правовѣрные да разбиваютъ яйца съ наиболѣе удобнаго конца". Вопросъ же о томъ, какой конецъ удобнѣе для этой цѣли, есть вопросъ совѣсти, и рѣшеніе его, по моему смиренному разсужденію, должно быть предоставлено каждому или, по крайней мѣрѣ, отдано на благоусмотрѣніе главнаго судьи имперіи.

„Приверженцы тупого конца, принужденные бѣжать изъ отчизны, встрѣтили такой радушный пріемъ при дворѣ императора

Блефуску и такую сильную поддержку со стороны своихъ единомышленниковъ, остававшихся на родинѣ, что между двумя державами возгорѣлась кровавая война, которая продолжается и по сіе время съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ эту войну мы потеряли сорокъ большихъ линейныхъ кораблей, несмѣтное множество мелкихъ судовъ и тридцать тысячъ нашихъ лучшихъ матросовъ и солдатъ. Уронъ-же, понесенный непріятелемъ, считаютъ нѣсколько больше. Но не смотря на это непріятель снарядилъ многочисленный флотъ и готовится высадить десантъ на берега нашихъ владѣній.

Въ виду всего этого его императорское величество, питая безграничное довѣріе къ вашей силѣ и отвагѣ, приказалъ мнѣ представить вамъ подробный отчетъ о положеніи нашихъ дѣлъ".

Я попросилъ г-на министра передать императору мое нижайшее почтеніе и сказать ему отъ моего имени, что „хотя, въ качествѣ чужеземца, я не считаю себя вправѣ вмѣшиваться во внутреннюю борьбу политическихъ партій, но что я всегда готовъ съ опасностью жизни защищать его особу и владѣнія отъ внѣшнихъ враговъ" *).

*) Гулливеръ, не вдаваясь въ изслѣдованіе спорнаго вопроса по существу, охотно согласился защищать императора отъ внѣшнихъ враговъ, ибо онъ понималъ, что ни одинъ монархъ не имѣетъ права вторгаться въ чужія владѣнія, хотя бы даже ради распространенія истины.—*Гоксвортъ.*

ГЛАВА V.

Авторъ предупреждаетъ вторженіе непріятеля военною хитростью самаго экстраординарнаго свойства.—Его жалуютъ почетнымъ титуломъ, самымъ высокимъ въ королевствѣ.—Отъ императора Блефуску являются послы съ предложеніемъ мира.— Въ покояхъ императрицы происходитъ пожаръ: авторъ прибѣгаетъ къ оригинальному средству для спасенія отъ огня остальныхъ частей дворца.

Имперія лиллипутовъ составляетъ часть континента, а королевство Блефуску занимаетъ островъ, лежащій къ сѣверо-востоку отъ материка и отдѣленный отъ него только проливомъ въ восемьсотъ ярдовъ ширины. Я не видалъ еще ни этого пролива, ни острова; узнавъ-же отъ министра о предполагаемомъ вторженіи непріятеля, я даже съ умысломъ избѣгалъ показываться на томъ берегу, чтобы меня какъ-нибудь не увидѣли съ непріятельскихъ кораблей.

Надо замѣтить, что обитатели Блефуску не имѣли обо мнѣ никакого понятія, ибо съ самаго начала войны между двумя великими государствами всякія сношенія между ними были запрещены подъ страхомъ смертной казни и лиллипутскіе корабли, по распоряженію императора, не смѣли выходить изъ портовъ.

Я составилъ проектъ овладѣть всѣмъ непріятельскимъ флотомъ и сообщилъ его императору. По словамъ нашихъ лазутчиковъ, непріятельскій флотъ стоялъ на якорѣ въ гавани, дожидаясь только попутнаго вѣтра, чтобы отплыть къ нашимъ берегамъ. Я обратился къ самымъ опытнымъ морякамъ съ запросомъ о глубинѣ пролива, который имъ часто приходилось измѣрять, и они мнѣ сказали, что посрединѣ, во время прилива, глубина его доходитъ до семидесяти *глумглуффовъ* (что составляетъ около шести футъ на европейскія мѣры), а въ остальныхъ частяхъ не превышаетъ и пятидесяти *глумглуффовъ*. Тогда я отправился на сѣверовосточный берегъ, противъ котораго находится Блефуску;

здѣсь я прилегъ за пригорокъ, досталъ изъ кармана подзорную трубку и, приложившись къ ней глазомъ, увидѣлъ стоявшій на якорѣ непріятельскій флотъ. Онъ состоялъ изъ пятидесяти или около того линейныхъ кораблей и большого числа транспортныхъ судовъ.

Вернувшись домой, я распорядился (имѣя на то разрѣшеніе императора), чтобы мнѣ доставили большой конецъ самаго крѣпкаго каната и соотвѣтственное количество желѣзныхъ брусьевъ. Канатъ былъ толщиною съ бичевку, а брусья приблизительно такихъ размѣровъ, какъ наши вязальныя спицы. Канатъ для большей прочности я ссучилъ втрое и въ томъ-же разсчетѣ скрутилъ всѣ брусья по три въ одинъ Одинъ конецъ каждаго тройного бруса я загнулъ крючкомъ, а къ другому привязалъ по канату.

Забравъ съ собой пятьдесятъ штукъ такихъ крючковъ съ канатами, я снова пришелъ на берегъ. Здѣсь я снялъ башмаки и чулки, скинулъ камзолъ и остался въ одной кожаной курткѣ. За полчаса до начала прилива я вошелъ въ море и направился вбродъ къ Блефуску такъ быстро, какъ только могъ идти по водѣ. Посединѣ пролива мнѣ пришлось проплыть ярдовъ тридцать, пока я не нащупалъ опять ногами дна. Не прошло и получаса, какъ я уже дошелъ до непріятельскаго флота. Наши враги (ихъ было не менѣе тридцати тысячъ душъ), увидѣвъ меня, до того перепугались, что побросались въ море со своихъ кораблей и пустились вплавь къ берегу. Тогда я досталъ свое приспособленіе, зацѣпилъ крючкомъ каждаго бруса за носъ одного корабля, и когда всѣ корабли очутились такимъ образомъ у меня на буксирѣ, завязалъ концы всѣхъ канатовъ узломъ.

Покуда я работалъ, непріятель выпустилъ въ меня нѣсколько тысячъ стрѣлъ, изъ коихъ многія впивались мнѣ въ лицо и руки, что сильно мѣшало мнѣ работать, не говоря уже о жестокой боли, которую причинялъ мнѣ каждый уколъ. Но больше всего я боялся за свои глаза, и я неминуемо остался-бы безъ глазъ, еслибъ меня внезапно не осѣнила счастливая мысль.

Въ числѣ прочихъ мелкихъ вещей, ускользнувшихъ отъ обыска императорскихъ чиновниковъ, у меня, какъ я уже говорилъ, была въ потайномъ карманѣ пара очковъ. Вотъ эти-то очки я и надѣлъ теперь, привязавъ какъ можно крѣпче, и, вооруженный такимъ образомъ, смѣло продолжалъ работу, не обращая больше вниманія на вражескія стрѣлы. Многія изъ нихъ попадали въ стекла очковъ, но безъ всякаго эффекта, кромѣ того, что очки сдвигались иногда немного въ сторону у меня на носу.

Убѣдившись, что всѣ мои крючки дѣйствуютъ хорошо, я за-

хватилъ въ руку узелъ изъ канатовъ и потянулъ его къ себѣ. Но ни одинъ корабль не двинулся съ мѣста: всѣ они крѣпко держались на своихъ якоряхъ. Такимъ образомъ самая опасная часть моего предпріятія оставалась еще впереди.

Оставивъ крючки на мѣстахъ, я выпустилъ узелъ, затѣмъ вооружился ножомъ, и храбро перерѣзалъ якорные канаты кораблей, получивъ при этомъ до двухсотъ новыхъ уколовъ въ руки и лицо. Когда всѣ якорные канаты были перерѣзаны, я снова взялся за свой узелъ и безъ труда потащилъ за собой пятьдесятъ самыхъ большихъ непріятельскихъ кораблей.

Блефускудійцы, не имѣвшіе ни малѣйшаго представленія о томъ, что я намѣренъ дѣлать, въ первую минуту были поражены изумленіемъ. Они видѣли, какъ я перерѣзалъ канаты, и думали, что я хочу только пустить ихъ корабли по теченію, чтобы они столкнулись и поломали другъ друга; но когда они замѣтили, что флотъ ихъ движется въ полномъ порядкѣ и что я тащу его на буксирѣ, у нихъ вырвался отчаянный, горестный крикъ. Невозможно ни представить себѣ, ни описать, въ какомъ они были смятеніи.

Какъ только я отошелъ отъ берега на такое разстояніе, что могъ считать себя внѣ опасности, я остановился, вынулъ стрѣлы, которыми были утыканы мое лицо и руки, и натеръ ранки тою мазью, которую дали мнѣ лиллипуты въ день моего появленія въ ихъ странѣ и о которой я уже упоминалъ. Затѣмъ я снялъ очки и, выждавъ съ часъ времени, чтобъ начался отливъ, прошелъ въ бродъ середину пролива, волоча за собой свою добычу, и благополучно прибылъ въ военный портъ лиллипутской имперіи.

Императоръ со всѣмъ своимъ дворомъ стоялъ на берегу въ ожиданіи исхода моего смѣлаго предпріятія. И онъ, и его придворные видѣли, что непріятельскіе корабли приближаются къ нимъ, образуя большой полумѣсяцъ, и очень тревожились, не видя меня: я шелъ по грудь въ водѣ, и они меня не замѣтили. Когда-же я вышелъ на середину пролива, и вода закрыла меня по самое горло, ихъ тревога еще возросла. Императоръ подумалъ, что я утонулъ и что непріятельскій флотъ идетъ къ нимъ съ враждебными намѣреніями. Впрочемъ, страхъ его скоро прошелъ: проливъ становился все мельче и мельче и съ каждымъ шагомъ я все больше выходилъ изъ воды.

Подойдя къ берегу на такое разстояніе, что меня могли оттуда слышать, я поднялъ вверхъ конецъ каната, за который велъ непріятельскіе корабли, и закричалъ громкимъ голосомъ: „Да здравствуетъ могущественнѣйшій императоръ лиллипутовъ!“ И когда я вышелъ на берегъ, этотъ великій государь встрѣтилъ

Я безъ труда потащилъ за собой пятьдесятъ самыхъ большихъ непріятельскихъ кораблей.

меня самыми лестными похвалами и тутъ-же, не сходя съ мѣста, пожаловалъ меня почетнымъ титуломъ *нардака*, самымъ высокимъ въ имперіи.

Его величество выразилъ желаніе, чтобы я захватилъ въ плѣнъ и остальные непріятельскіе корабли и привелъ ихъ всѣ въ его порты. Повидимому, онъ мечталъ завладѣть всею имперіей Блефуску, обратить ее въ провинцію лиллипутской имперіи, которая управлялась-бы намѣстниками, истребить нашедшихъ въ ней убѣжище приверженцевъ тупого конца и принудить ихъ разбивать яйца съ носка, что сдѣлало-бы его, императора лиллипутовъ, единственнымъ владыкой вселенной. На меньшемъ онъ не мирился,—вотъ какъ безмѣрно честолюбіе королей! Но я старался отклонить его отъ этого плана, аргументируя противъ него съ точки зрѣнія высшей политики, и съ точки зрѣнія справедливости. Я объявилъ ему напрямикъ, что „никогда не соглашусь служить орудіемъ порабощенія свободнаго и храбраго народа", и когда потомъ этотъ вопросъ обсуждался въ совѣтѣ, мудрѣйшіе изъ членовъ министерства высказались въ пользу моего мнѣнія.

Мое открытое и смѣлое заявленіе шло до такой степени въ разрѣзъ съ политическими замыслами императора, что онъ никогда не могъ мнѣ его простить. Онъ высказалъ это даже въ совѣтѣ, въ весьма дипломатичной, впрочемъ, формѣ. На этомъ самомъ засѣданіи совѣта благоразумнѣйшая часть собранія, какъ мнѣ потомъ сообщили, дала понять своимъ молчаніемъ, что она раздѣляетъ мое мнѣніе. Но за то другіе — тайные мои враги, — не могли воздержаться отъ выраженія своихъ непріязненныхъ чувствъ по отношенію ко мнѣ, что не замедлило отразиться на моей особѣ.

Съ этого времени противъ меня началась интрига, творцами и руководителями которой были самъ императоръ и шайка министровъ, ненавидѣвшихъ меня, и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ эта интрига разрослась до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что едва не погубила меня. Вотъ какъ низко цѣнятся величайшія услуги, оказанныя королямъ, когда противовѣсомъ этимъ услугамъ является отказъ въ потворствѣ страстямъ королей.

Недѣли черезъ три послѣ вышеописаннаго моего подвига съ непріятельскимъ флотомъ, къ намъ прибыло изъ Блефуску торжественное посольство съ смиреннымъ предложеніемъ мира, и миръ былъ вскорѣ заключенъ на весьма выгодныхъ для лиллипутовъ условіяхъ, изложеніемъ которыхъ я, впрочемъ, не стану докучать читателю. Посольство состояло изъ шести пословъ и свиты въ пятьсотъ человѣкъ. Въѣздъ этихъ господъ отличался большой пышностью, вполнѣ отвѣчавшей высокому сану ихъ по-

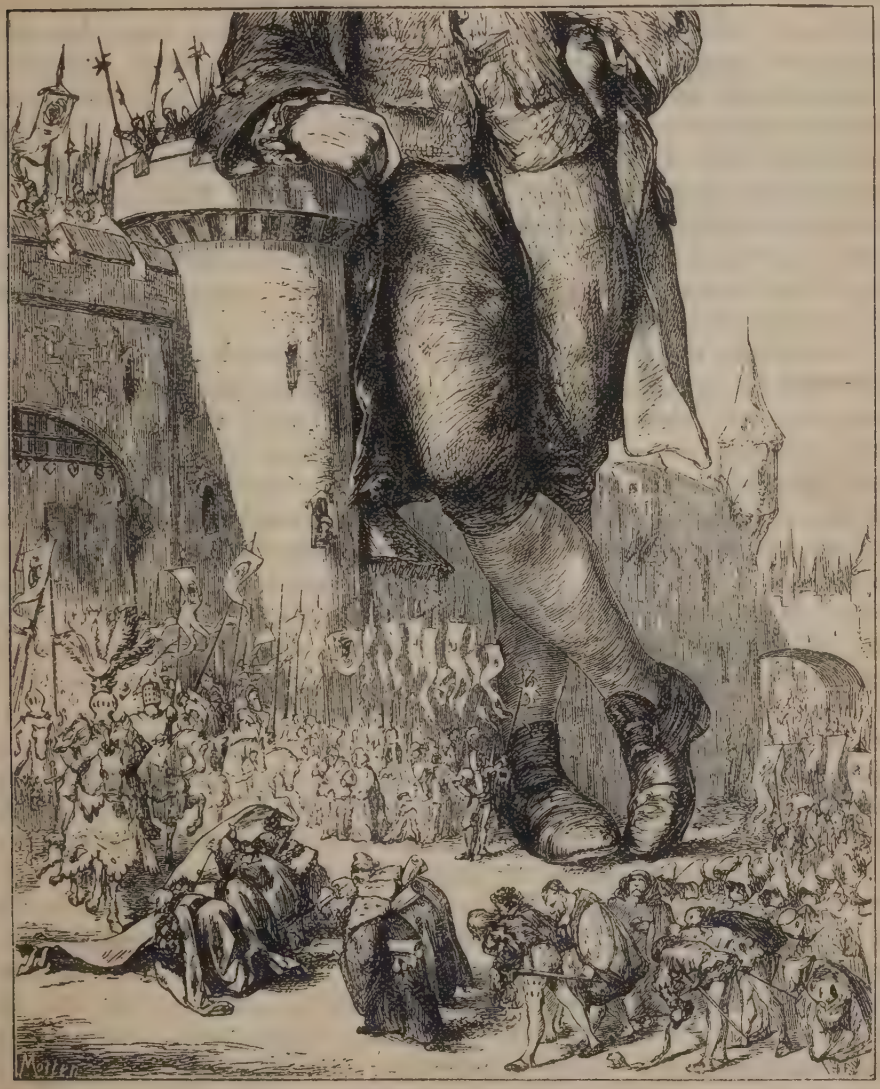
Императоръ пожаловалъ меня почетнымъ титуломъ *пардака*.

велителя и важности миссіи. Когда переговоры о мирѣ были окончены, причемъ я оказалъ посольству не одну добрую услугу, пользуясь тѣмъ, что я имѣлъ или по крайней мѣрѣ считался имѣющимъ вліяніе при дворѣ, ихъ превосходительства, которымъ передали конфиденціальнымъ образомъ, что я держалъ ихъ руку во время переговоровъ, сдѣлали мнѣ парадный визитъ. Они осыпали меня комплиментами по поводу моей храбрости и великодушія, пригласили меня отъ имени своего императора пріѣхать погостить въ ихъ страну и попросили показать имъ нѣсколько образчиковъ моей чудовищной силы, о которой они наслышались столько чудесъ. Я, разумѣется, очень охотно доставилъ имъ это удовольствіе, но такъ какъ читателю едва ли интересно слышать подробное описаніе манипуляцій, которыя я долженъ былъ при этомъ продѣлать, то лучше я о нихъ умолчу.

Позабавивъ моихъ именитыхъ гостей, къ ихъ безмѣрному удовольствію и немалому изумленію, наглядными доказательствами моей силы, я попросилъ ихъ сдѣлать мнѣ честь засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе ихъ повелителю, императору Блефуску, чьи добродѣтели вызываютъ всеобщее восхищеніе и справедливо прославляются всѣмъ міромъ и чью августѣйшую особу я твердо рѣшилъ посѣтить до возвращенія моего въ отчизну. И дѣйствительно, въ слѣдующій-же разъ, какъ я имѣлъ счастье свидѣться съ императоромъ лиллипутовъ, я обратился къ нему съ покорнѣйшей просьбой выдать мнѣ разрѣшеніе на посѣщеніе имперіи Блефуску, на что его величество соизволилъ выразить свое согласіе, весьма впрочемъ холодно, надо сознаться. Я не могъ не замѣтить этой холодности, но не догадывался о причинѣ, пока одинъ человѣчекъ не шепнулъ мнѣ на ушко, что мои „сношенія съ посольствомъ враждебной державы были представлены нашему императору Флимнапомъ и Болголамомъ, какъ доказательства моего охлажденія къ нему“, а между тѣмъ, могу васъ увѣрить, совѣсть моя въ этомъ отношеніи была совершенно чиста. Тутъ только въ первый разъ у меня начало слагаться смутное представленіе о томъ, что такое министры и дворы королей.

Надо замѣтить, что послы Блефуску говорили со мной черезъ толмача лиллипута, ибо нарѣчія, на которыхъ изъясняются эти двѣ націи, настолько-же несходны между собой, какъ и языки двухъ любыхъ европейскихъ народовъ, при чемъ каждая нація гордится древностью, красотой и силой своего языка и не скрываетъ своего презрѣнія къ языку сосѣдей. Въ виду всего этого нашъ императоръ, основываясь на преимуществѣ, которое онъ пріобрѣлъ надъ сосѣдней державой захватомъ ея кораблей, потребовалъ, чтобы вѣрительныя грамоты ея пословъ были напи-

саны на лиллипутскомъ языкѣ и чтобы на томъ-же языкѣ велись переговоры о мирѣ. Я долженъ, впрочемъ, оговориться, что бла-



Изъ Блефуску прибыло торжественное посольство съ смиреннымъ предложеніемъ мира.

годаря, во первыхъ, дѣятельнымъ торговымъ сношеніямъ между этими двумя государствами, во вторыхъ, тому обстоятельству, что

каждое изъ нихъ постоянно принимаетъ изгнанниковъ другого, и въ третьихъ, установившемуся въ обѣихъ имперіяхъ обычаю посылать молодыхъ людей знатныхъ и богатыхъ семействъ въ сосѣднюю страну, дабы они могли закончить свое образованіе, повидавъ свѣтъ, новыхъ людей и новые нравы, — какъ въ той, такъ и въ другой странѣ между купцами, моряками и вообще лицами привилегированныхъ сословій немного найдется такихъ, которые не могли-бы объясняться на обоихъ языкахъ. Я въ этомъ убѣдился, спустя нѣсколько недѣль послѣ описанныхъ событій, когда отправился на поклонъ къ императору Блефуску. И, въ скобкахъ сказать, среди несчастныхъ моихъ приключеній, которыми я обязанъ злобѣ моихъ коварныхъ враговъ, это мое путешествіе оказалось для меня чрезвычайно счастливымъ, о чемъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Читатель, быть можетъ, припомнитъ, что въ договорѣ, по которому мнѣ возвращалась свобода, было нѣсколько статей, казавшихся мнѣ унизительными, и ужъ конечно только крайность могла принудить меня подчиниться этимъ статьямъ. Но такъ какъ отнынѣ я былъ *нардакомъ* имперіи—сановникомъ высшаго ранга,—то непріятныя обязанности, налагавшіяся на меня договоромъ, были признаны ниже моего достоинства, и императоръ—надо отдать ему справедливость—никогда не напоминалъ мнѣ о нихъ. За то мнѣ скоро представился случай оказать его величеству въ высшей степени важную услугу,—такъ по крайней мѣрѣ я смотрѣлъ на нее тогда. Однажды среди ночи я проснулся въ страшномъ испугѣ. Меня разбудили громкіе крики; нѣсколько сотъ человѣкъ толпилось у дверей моего дома; кричавшіе безпрестанно повторяли слово: *бурглумъ*. Наконецъ сквозь толпу пробилось два или три человѣка изъ императорской свиты. Они умоляли меня поспѣшить ко дворцу, такъ какъ въ покояхъ ея императорскаго величества начался пожаръ, случившійся по неосторожности одной изъ фрейлинъ, которая зачитавшись романомъ и уснула съ зажженной свѣчей. Я моментально вскочилъ; а такъ какъ былъ заранѣе отданъ приказъ очистить мнѣ дорогу, да къ тому-же была лунная ночь, то мнѣ посчастливилось добраться до дворца, не раздавивъ ни одного изъ туземцевъ. Я засталъ, что къ стѣнамъ загорѣвшейся части зданія уже приставлены лѣстницы, и въ ведрахъ для воды не было недостатка, но ходить за ней было довольно далеко. Бѣдные человѣчки работали изо всѣхъ силъ и подавали мнѣ ведра одно за другимъ, но эти ведра были не больше нашего большого наперстка, а пламя такъ разгорѣлось, что изъ нашей общей работы выходило мало проку. Я могъ-бы легко погасить весь пожаръ моимъ камзоломъ, но, къ несчастью, я не

успѣлъ его надѣть впопыхахъ и былъ въ одной кожаной курткѣ. Положеніе дѣлъ представлялось плачевнымъ, безнадежнымъ и великолѣпный дворецъ неминуемо сгорѣлъ-бы до основанія, еслибъ, съ несвойственнымъ мнѣ присутствіемъ духа, я не набрѣлъ внезапно на одну счастливую мысль. Въ тотъ вечеръ передъ сномъ я выпилъ очень много превосходнѣйшаго вина (лиллипуты называютъ его *глимиримъ,* а блефускудійцы—*флунекъ*, но лиллипутскіе сорта считаются лучшими и дѣйствуютъ, какъ сильное мочегонное). По необыкновенно счастливой случайности я ни разу не мочился съ тѣхъ поръ, какъ выпилъ вина. Отъ сильнаго жара (я стоялъ у самаго огня) и отъ усердной работы вино быстро превратилось въ мочу, которую я и выпустилъ въ такомъ изобиліи и такъ хорошо направляя струю на надлежащія мѣста, что черезъ три минуты огонь совершенно погасъ, и большая часть воздвигавшагося вѣками благороднаго зданія была спасена.

Тѣмъ временемъ разсвѣло, и я вернулся домой, не повидавшись съ императоромъ. Я не спѣшилъ принести ему мои поздравленія, ибо хотя оказанная ему мною услуга была очень важна, однако я былъ далеко не увѣренъ понравится-ли его величеству тотъ способъ, какимъ я ее оказалъ. Дѣло въ томъ, что по основнымъ законамъ лиллипутской имперіи признается преступникомъ всякій (какъ-бы ни было высоко его званіе), кто позволитъ себѣ помочиться въ предѣлахъ ограды дворца. Правда, меня немного успокоило обѣщаніе императора, полученное мною черезъ посла,—обѣщаніе „отдать приказъ лорду главному судьѣ о выдачѣ мнѣ формальнаго отпущенія моей вины", какового я впрочемъ не получилъ. А затѣмъ я узналъ изъ неоффиціальныхъ источниковъ, что императрица, воспылавъ непримиримымъ негодованіемъ противъ меня за содѣянный мною поступокъ, переселилась въ другую часть дворцоваго зданія, самую отдаленную отъ мѣста пожара, съ твердой рѣшимостью никогда не возвращаться въ свое прежнее помѣщеніе, даже когда оно будетъ возобновлено, и въ присутствіи своихъ приближенныхъ поклялась жестоко мнѣ отомстить.

Обитатели лиллипутской имперіи; ихъ наука, законы и обычаи; система воспитанія дѣтей.—Образъ жизни автора въ этой странѣ.—Авторъ считаетъ своимъ долгомъ возстановить репутацію одной знатной дамы.

Придворныя интриги и ссоры—такая обыкновенная вещь, что читателя навѣрно не удивитъ изобрѣтательность, съ какою мои завистники пускали въ ходъ клевету, чтобы еще сильнѣе разжечь предубѣжденіе императрицы противъ меня, и потому я не стану останавливаться на этой матеріи, а перейду къ другимъ. Хоть я и рѣшилъ отложить описаніе лиллипутской имперіи до другой моей книги, посвященной спеціально этому предмету, но въ ожиданіи выхода ея въ свѣтъ я буду радъ удовлетворить любопытству читателя, познакомивъ его съ бытомъ страны въ общихъ чертахъ.

Выше я уже говорилъ, что средній ростъ лиллипутовъ не достигаетъ и шести дюймовъ: теперь-же прибавлю, что у нихъ существуетъ строгая пропорціональность въ относительныхъ размѣрахъ людей и животныхъ, а также деревьевъ, кустовъ и прочихъ растеній. Такъ, напримѣръ, самые крупные ихъ лошади и быки не выше четырехъ, пяти дюймовъ; овцы—около полутора дюйма; гуси величиной съ нашего воробья, и такъ идетъ въ нисходящей градаціи до самыхъ мелкихъ животныхъ. Ихъ мелкія животныя были почти невидимы для моихъ глазъ, но природа приспособила зрѣніе лиллипутовъ къ предметамъ, ихъ окружающимъ: они видятъ очень хорошо, но на небольшомъ разстояніи. Какъ примѣръ остроты ихъ зрѣнія на близкомъ разстояніи я приведу два случая. Я видѣлъ—и презабавно было на это смотрѣть,—какъ поваръ ощипывалъ жаворонка величиною съ нашу обыкновенную муху, если не меньше, а въ другой разъ молодая дѣвушка при мнѣ вдѣвала невидимую нитку въ невидимую иглу.

Самые большіе ихъ деревья достигаютъ семи футъ вышины

(я говорю о самыхъ высокихъ деревьяхъ главнаго императорскаго парка, до вершины которыхъ я могъ достать не иначе, какъ вытянувъ руку во всю длину). Всѣ прочія растенія идутъ уменьшаясь въ такомъ-же масштабѣ, сравнительно съ нашими растеніями соотвѣтственныхъ породъ, но я предоставляю воображенію читателя опредѣлить ихъ размѣры.

О лиллипутской наукѣ, процвѣтающей во всѣхъ своихъ отрасляхъ уже въ теченіе многихъ вѣковъ, я скажу здѣсь лишь очень немногое. Весьма оригиналенъ, между прочимъ, способъ ихъ письма: они пишутъ не слѣва направо, какъ европейцы, и не справа налѣво, какъ арабы, и даже не сверху внизъ, какъ китайцы, а наискось, изъ одного угла страницы въ другой по діагонали, какъ англійскія дамы.

Мертвыхъ они хоронятъ внизъ головой. Это объясняется укоренившимся у нихъ вѣрованіемъ, что черезъ одиннадцать тысячъ лунъ всѣ мертвецы возстанутъ; атакъ какъ за этотъ промежутокъ времени земля (которую они считаютъ плоской) должна, по ихъ понятіямъ, перевернуться кверху дномъ, то мертвецы ко дню своего воскресенія окажутся стоящими на ногахъ. Лиллипутскіе ученые признаютъ всю нелѣпость этой доктрины, но обычай хоронить мертвецовъ вверхъ ногами продолжаетъ практиковаться въ угоду предразсудкамъ толпы.

Въ лиллипутской имперіи существуютъ весьма оригинальные постановленія и законы, и не будь они такъ діаметрально противуположны законамъ и постановленіямъ моего дорогого отечества, я-бы не выдержалъ и сказалъ-бы въ ихъ защиту нѣсколько словъ. Короче говоря, эти законы таковы, что остается только пожелать, чтобы они строго примѣнялись на дѣлѣ. Возьмемъ на первый случай хотя-бы законъ о доносчикахъ. Надо замѣтить, что государственныя преступленія караются у лиллипутовъ съ величайшей строгостью, но если обвиняемый докажетъ на судѣ свою невинность, обвинитель немедленно предается позорной смерти, оправданный-же за потерю своего времени, за опасность, которой онъ подвергался, за лишенія, перенесенныя имъ во время тюремнаго заключенія, и за издержки по судопроизводству, павшія на него, вознаграждается изъ движимаго и недвижимаго имущества обвинителя въ размѣрѣ, въ четыре раза превышающемъ ту сумму, какая причиталась-бы ему по разсчету всѣхъ понесенныхъ имъ убытковъ; въ случаѣ-же, еслибы имущества обвинителя не хватило на этотъ предметъ, сумма вознагражденія пополняется государствомъ. Сверхъ того, императоръ публично жалуетъ оправданнаго какимъ-нибудь знакомъ своей милости, и невинность его торжественно провозглашается по всей имперіи.

Мошенничество считается у нихъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій,—хуже воровства,—и потому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не наказывается смертью. При нѣкоторой бдительности и осторожности, разсуждаютъ они, человѣкъ самой обыкновенной смекалки легко убережетъ свое добро отъ воровъ, тогда какъ честный человѣкъ ничѣмъ не огражденъ отъ ловкости плута. И такъ какъ, при существованіи торговаго обмѣна, между людьми постоянно происходятъ сношенія по куплѣ и продажѣ, сношенія, основанныя на довѣріи, то коль скоро въ торговыхъ сдѣлкахъ допускается возможность обмана или разсчитывается на таковую, при чемъ не существуетъ законовъ, карающихъ обманъ, честный торговецъ всегда останется въ дуракахъ, а плутъ получитъ всю выгоду. Я помню, какъ однажды, ходатайствуя передъ императоромъ за одного преступника, обокравшаго своего хозяина на крупную сумму (хозяинъ довѣрилъ ему получить деньги по чеку, а онъ взялъ деньги и скрылся съ ними), я привелъ, какъ смягчающее вину обстоятельство, тотъ доводъ, что въ сущности этого человѣка можно признать виновнымъ лишь въ злоупотребленіи довѣріемъ. И что-же? Императоръ возмутился: ему показалось чудовищнымъ, какъ я могъ выставить въ защиту преступника такой фактъ, который болѣе, чѣмъ что-либо другое, усиливалъ его вину. И право я не нашелся, что возразить его величеству на эти слова; я отвѣтилъ общимъ мѣстомъ, что, дескать, конечно, у каждаго народа свои обычаи и понятія. Сознаюсь чистосердечно, я былъ тогда совершенно пристыженъ *).

Хоть у насъ и считается, что награды и наказанія суть два рычага, управляющіе государственнымъ механизмомъ, однако я нигдѣ, кромѣ лиллипутской имперіи, не видалъ, чтобы этотъ принципъ примѣнялся на практикѣ во всей своей широтѣ. Тамъ всякій, кто можетъ подтвердить достаточно вѣскими доказательствами, что онъ строго соблюдалъ законы своей страны въ теченіе семидесяти трехъ лунъ, имѣетъ право на извѣстныя привилегіи, отвѣчающія его званію и общественному положенію; сверхъ того, онъ получаетъ опредѣленную сумму изъ фондовъ, ассигнованныхъ на этотъ предметъ, и титулъ *снильполя*, т. е. соблюдающаго законъ; этотъ титулъ прибавляется къ его имени, но не переходитъ въ потомство. Лиллипуты были поражены, когда я имъ разсказалъ, что въ моемъ отечествѣ соблюденіе законовъ обезпечивается исключительно карательными мѣрами и что въ

*) Съ того времени въ парламентѣ прошелъ законодательный актъ, по которому нѣкоторые случаи злоупотребленія довѣріемъ были признаны уголовнымъ преступленіемъ.

нихъ совсѣмъ не упоминается о наградахъ; они находятъ чудовищнымъ такой пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ. Понятно послѣ этого, что богиня правосудія (статуя которой стоитъ во всѣхъ ихъ присутственныхъ судебныхъ мѣстахъ), въ знакъ того, что она должна отличаться крайнею осмотрительностью, изображается у нихъ съ шестью глазами—двумя спереди, двумя сзади и по одному съ каждой стороны; въ знакъ-же того, что богиня болѣе расположена награждать, чѣмъ карать, она держитъ развязанный мѣшокъ съ золотомъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой—мечъ въ ножнахъ.

При выборѣ людей на государственныя должности лиллипуты руководствуются не столько умственными способностями и знаніями, сколько нравственными качествами кандидатовъ. Они придерживаются того мнѣнія, что средняго уровня умственнаго развитія вполнѣ достаточно для отправленія любой функціи государственной власти (коль скоро человѣчество не можетъ безъ нея обойтись), и что провидѣніе отнюдь не имѣло въ виду сдѣлать изъ науки управленія страной какой-то тайны, въ которую могутъ проникнуть лишь немногіе геніальные люди, ибо геніи не родятся десятками: если родится три генія на столѣтіе, такъ и то уже хорошо. Но истина, справедливость, воздержаніе и тому подобныя понятія доступны каждому, разсуждаютъ они, и обладая добродѣтелями, вытекающими изъ этихъ понятій, въ особенности, если онѣ подкрѣпляются опытомъ и благими намѣреніями, человѣкъ вполнѣ способенъ служить своей отчизнѣ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ требуется спеціальный курсъ знаній. Въ ихъ глазахъ отсутствіе солидныхъ нравственныхъ качествъ до такой степени не возмѣщается даже самыми высокими умственными дарованіями, что они считаютъ опаснымъ назначать на общественныя должности слишкомъ умныхъ людей. Они находятъ, что никакіе промахи администратора-невѣжды, но преисполненнаго благихъ начинаній, не могутъ имѣть столь роковыхъ послѣдствій для общаго блага, какъ дѣятельность человѣка, порочнаго по натурѣ, да еще обладающаго при этомъ полной возможностью потакать своимъ порокамъ и сильными умственными рессурсами, чтобы находить имъ оправданіе.

Точно такъ-же человѣкъ, не вѣрующій въ Божественное Провидѣніе, считается неспособнымъ занимать какой-бы то ни было общественный постъ. Вотъ какъ они въ этомъ случаѣ разсуждаютъ: такъ какъ короли признаютъ себя представителями божества на землѣ, то съ ихъ сторсны было-бы величайшимъ абсурдомъ пользоваться услугами людей, не признающихъ той власти, подъ санкціей которой дѣйствуетъ король.

Во избѣжаніе недоразумѣній я долженъ сказать, что, говоря о лиллипутскихъ законахъ, я разумѣю и буду разумѣть въ дальнѣйшемъ ихъ изложеніи лишь основныя первоначальныя постановленія лиллипутовъ, отнюдь не касаясь тѣхъ скандалезныхъ уклоненій, въ которыя впадаетъ этотъ народъ, благодаря вырожденію человѣческой природы. Такъ напримѣръ, что касается позорнаго обычая плясать на канатѣ ради пріобрѣтенія крупныхъ государственныхъ должностей, или прыгать черезъ палку и проползать подъ ней ради полученія знаковъ императорской милости и отличія, то да будетъ извѣстно читателю, что обычай этотъ былъ введенъ только дѣдомъ нынѣ царствующаго императора и, вслѣдствіе развитія духа партійности, разросся до теперешнихъ своихъ размѣровъ.

Неблагодарность признается у лиллипутовъ уголовнымъ преступленіемъ, каковымъ она признавалась и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, если вѣрить книгамъ. Относительно этого пункта ихъ логика такова: человѣкъ, который платитъ зломъ за добро, т. е. становится врагомъ своего благодѣтеля, есть неизбѣжно врагъ всего человѣчества, не оказавшаго ему никакихъ благодѣяній, а такой человѣкъ недостоинъ жить.

Ихъ понятія о взаимныхъ обязанностяхъ родителей и дѣтей рѣзко отличаются отъ нашихъ. Такъ какъ связь между самцами и самками основана на великомъ законѣ природы, имѣющемъ цѣлью продолженіе и распространеніе вида, то, сочетаясь бракомъ, мужчина и женщина, какъ и другія животныя, руководствуются исключительно своимъ влеченіемъ другъ къ другу; изъ того-же самаго закона природы вытекаетъ и привязанность родителей къ дѣтямъ,—таково глубокое убѣжденіе лиллипутовъ, и по этой причинѣ они не признаютъ за дѣтьми никакихъ обязанностей по отношенію къ отцу и матери за то, что тѣ произвели ихъ на свѣтъ. Принимая во вниманіе превратности человѣческой жизни, жизнь по ихъ мнѣнію не представляетъ блага сама по себѣ, а если бы и такъ, то ужъ во всякомъ случаѣ родители меньше всего думаютъ о томъ, чтобы облагодѣтельствовать ребенка, когда даютъ ему жизнь, ибо всѣ ихъ помыслы въ минуты любовныхъ свиданій заняты совершенно другимъ. Исходя изъ вышеизложенныхъ положеній и другихъ данныхъ того-же порядка, лиллипуты приходятъ къ заключенію, что родителямъ менѣе, чѣмъ кому-бы то ни было, можно довѣрить воспитаніе ихъ дѣтей. На этомъ основаніи у нихъ въ каждомъ городѣ имѣются общественныя воспитательныя заведенія, куда всѣ родители, за исключеніемъ фермеровъ и земледѣльческихъ рабочихъ, обязаны отдавать на выкормку и воспитаніе своихъ дѣтей обоего пола по дости-

женіи ими возраста двадцати лунъ, ибо предполагается, что къ этому времени у ребенка начинаетъ проявляться сознаніе. Существуетъ нѣсколько категорій такихъ заведеній или школъ, приноровленныхъ къ различнымъ общественнымъ положеніямъ. Кромѣ того, онѣ подраздѣляются на мужскія и женскія. Завѣдующіе ими опытные педагоги готовятъ дѣтей къ такому мѣсту въ жизни, какое имъ придется занимать въ будущемъ по званію и состоянію ихъ родителей, при чемъ принимаются также въ соображеніе способности и наклонности ребенка. Сперва я скажу нѣсколько словъ о школахъ для мальчиковъ, а потомъ поговорю и о женскихъ.

Въ школахъ для мальчиковъ изъ знатныхъ семействъ преподаютъ солидные, ученые педагоги—профессора и ихъ помощники. Пища и одежда дѣтей отличаются простотой. Воспитываютъ ихъ въ правилахъ чести и справедливости; стараются развить въ нихъ мужество, скромность, милосердіе, религіозныя чувства и любовь къ отечеству. Воспитанники всегда заняты какимъ-нибудь дѣломъ, за исключеніемъ того времени (строго необходимаго), которое идетъ на сонъ и ѣду, да двухъ часовъ, посвященныхъ забавамъ, состоящимъ въ физическихъ упражненіяхъ. До четырехлѣтняго возраста дѣтей одѣваютъ служителя, а съ четырехъ лѣтъ ребенокъ долженъ одѣваться самъ, какъ-бы ни было высоко его званіе. Женская прислуга (не моложе пятидесятилѣтняго возраста, если перевести на нашъ счетъ) исполняетъ только черную работу. Болтать съ прислугой строго воспрещается. Въ рекреаціонные часы дѣти играютъ всѣ вмѣстѣ, разбившись на болѣе или менѣе мелкія группы, и всегда подъ надзоромъ старшаго воспитателя или кого-нибудь изъ помощниковъ. Благодаря такой системѣ они избѣгаютъ ранняго вліянія развращающихъ примѣровъ, которые такъ вредно дѣйствуютъ на нашихъ дѣтей. Родителямъ разрѣшается видѣться съ дѣтьми не чаще двухъ разъ въ годъ; свиданіе продолжается не долѣе часа. Отецъ и мать могутъ поцѣловать ребенка при встрѣчѣ и прощаньѣ, но воспитатель, который всегда присутствуетъ при этихъ свиданіяхъ, не позволяетъ имъ ни шептаться съ ребенкомъ, ни употреблять въ обращеніи къ нему ласкательныхъ словъ, ни привозить ему въ подарокъ игрушки и лакомства.

Съ родителей взимается извѣстная плата за воспитаніе и содержаніе дѣтей, и, въ случаѣ невзноса этой платы въ положенный срокъ, она взыскивается правительственными чиновниками.

Школы для дѣтей средняго сословія, для сыновей мелкопомѣстныхъ дворянъ, купцовъ и ремесленниковъ, устроены по тому-же образцу, но соотвѣтственно болѣе скромному общественному

положенію питомцевъ, при чемъ тѣ изъ дѣтей, которымъ предстоитъ быть ремесленниками, выходятъ изъ школы на двѣнадцатомъ году и поступаютъ въ ученье къ мастерамъ, а дѣти дворянъ остаются въ школѣ до пятнадцати лѣтъ, т. е. по нашему счету до двадцати одного года. Впрочемъ строгость школьнаго режима постепенно ослабляется для нихъ въ послѣдніе три года ихъ пребыванія въ школѣ.

Въ женскихъ аристократическихъ школахъ дѣвочки воспитываются совершенно такъ же, какъ мальчики, только одѣваютъ ихъ не мужчины, а женщины—приличныя и почтенныя няни,—

Всегда подъ надзоромъ воспитателя.

но обязательно въ присутствіи старшаго воспитателя или одного изъ помощниковъ. Съ пятилѣтняго возраста онѣ одѣваются сами. Если которая-нибудь изъ нянекъ попадется въ томъ, что она разсказываетъ дѣтямъ страшныя и нелѣпыя сказки или забавляетъ ихъ глупыми играми, къ которымъ такъ любитъ прибѣгать наша женская прислуга для развлеченія дѣтей, она подвергается публичному тѣлесному наказанію (ее три раза обводятъ вокругъ города, стегая при этомъ плетьми), затѣмъ тюремному заключенію на одинъ годъ и, наконецъ, пожизненной ссылкѣ въ отдален-

нѣйшія мѣста имперіи. Лиллипутскія дѣвушки, нисколько не уступая въ этомъ мужчинамъ, стыдятся быть трусихами и наивными дурочками и съ презрѣніемъ относятся ко всякимъ внѣшнимъ украшеніямъ, считая лучшимъ украшеніемъ женщины опрятность и скромность въ одеждѣ. Это происходитъ оттого, что воспитаніе ихъ ничѣмъ не отличается отъ мужского; я по крайней мѣрѣ не замѣтилъ никакой существенной разницы, развѣ только то, что въ женскихъ школахъ физическія упражненія болѣе деликатнаго свойства, да курсъ наукъ не такъ обширенъ, какъ въ мужскихъ. Но за то дѣвочекъ обучаютъ домашнему хозяйству и вообще развиваютъ въ нихъ качества, необходимыя для матери и супруги. Лиллипуты придерживаются того убѣжденія, что жена человѣка съ достаткомъ, занимающаго видное положеніе въ обществѣ, должна быть для мужа пріятной подругой, хорошимъ и умнымъ товарищемъ, такъ какъ она не всегда будетъ молода. Какъ только дѣвочкѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ (возрастъ для вступленія въ бракъ въ странѣ лилипутовъ), за нею пріѣзжаютъ родители или опекуны и, выразивъ свою горячую признательность ея воспитателямъ, берутъ ее домой, при чемъ дѣло рѣдко обходится безъ слезъ со стороны молодой особы и ея подругъ.

Въ женскихъ школахъ для низшаго класса—дѣтей обучаютъ всевозможнымъ женскимъ работамъ и рукодѣльямъ, сообразуясь съ званіемъ и состояніемъ каждой питомицы. Дѣвочки, предназначающіяся для какого-нибудь ремесла, выходятъ изъ школы семи лѣтъ отъ роду; остальныя учатся до одиннадцати.

Семейства бѣдняковъ, дочери которыхъ воспитываются въ этихъ школахъ, помимо годовой школьной платы, пониженной елико возможно, обязаны ежемѣсячно вносить начальницѣ заведенія извѣстную (очень небольшую) часть своего заработка. Эти взносы идутъ на приданое дѣвочкѣ и выдаются ей по выходѣ ея изъ школы. Такимъ образомъ всѣ, кто имѣетъ дѣтей, ограничены закономъ въ своихъ личныхъ издержкахъ. Лиллипуты находятъ, что было-бы въ высшей степени несправедливо допустить, чтобы люди производили на свѣтъ дѣтей и затѣмъ сваливали на общество всю тяжесть заботъ объ ихъ воспитаніи, предпочитая удовлетворять своимъ аппетитамъ. Что же касается богатыхъ людей, то въ этомъ случаѣ довольствуются письменнымъ ручательствомъ родителей въ томъ, что на каждаго ребенка будетъ положена извѣстная сумма, соразмѣрная состоянію вкладчика. Эти деньги добросовѣстно хранятся до опредѣленнаго срока и затѣмъ раздаются съ самой строгой справедливостью.

Дѣти фермеровъ и земледѣльческихъ рабочихъ воспитываются

дома, ибо удѣлъ ихъ -работать на землѣ и, слѣдовательно, ихъ воспитаніе не можетъ имѣть большого значенія для общаго блага. Но старики и калѣки рабочаго класса содержатся въ богадѣльняхъ на общественный счетъ, такъ-что нищенство въ странѣ лилипутовъ—ремесло неизвѣстное.

А засимъ читателю, быть можетъ, будетъ любопытно познакомиться съ кое-какими подробностями моего домашняго быта и вообще моего образа жизни въ тѣ девять мѣсяцевъ и тринадцать дней, которые я провелъ въ этой странѣ. Отчасти оттого, что я отъ природы имѣю наклонность къ ручному труду, отчасти по нуждѣ, я самъ сдѣлалъ для себя столъ и стулъ, довольно удобные, выбравъ для этого нѣсколько штукъ самыхъ большихъ деревьевъ изъ императорскаго парка.

Ко мнѣ было прикомандировано двѣсти бѣлошвеекъ, которыя нашили мнѣ рубахъ, постельнаго и столоваго бѣлья,—все это изъ самаго грубаго и крѣпкаго холста, какой только можно было достать, да и то пришлось сложить его въ нѣсколько разъ, ибо самые грубые сорта ихъ холстины гораздо тоньше нашего батиста. Обыкновенная ширина ихъ полотенъ—три дюйма, и въ каждой штукѣ три фута длины. Когда понадобилось снять съ меня мѣрку, я легъ на полъ. Одна швея стала около моей шеи, другая—на ногѣ у колѣна; взявъ въ руки крѣпкую бичевку, онѣ натянули ее за концы, а третья швея, вооружившись дюймовой линейкой, вымѣрила длину бичевки. Затѣмъ онѣ смѣрили окружность моего большого пальца на правой рукѣ и объявили, что больше имъ ничего не нужно, ибо, какъ это извѣстно изъ математическихъ вычисленій, окружность большого пальца, взятая вдвое, равняется окружности руки у кисти, и такъ далѣе, до шеи и таліи включительно. Такимъ образомъ, вымѣривъ только длину моего туловища отъ горла до колѣна и окружность моего большого пальца, да взглянувъ еще на мою старую рубаху, которую я разостлалъ передъ ними на полу, какъ образчикъ фасона, лилипутскія бѣлошвейки сшили мнѣ рубахи, и рубахи пришлись на меня точка въ точку.

Кромѣ швей было назначено еще триста человѣкъ портныхъ для изготовленія мнѣ верхняго платья. Но портные придумали другой способъ снять съ меня мѣрку. Я сталъ на колѣни, и ко мнѣ приставили лѣстницу такъ, чтобы верхнимъ концомъ она доходила до моего подбородка. Одинъ изъ портныхъ влѣзъ на эту лѣстницу и, опустивъ отъ моего ворота свинцовый отвѣсъ такимъ образомъ, что онъ коснулся земли, получилъ длину моего камзола. Окружность таліи и длину рукавовъ я вымѣрилъ самъ. Шитье производилось въ моемъ помѣщеніи, потому-что съ такой грудой

швейнаго матеріала нельзя было помѣститься даже въ самомъ большомъ изъ лиллипутскихъ домовъ. Когда платье было готово, меня поразилъ его видъ: оно казалось слѣпленнымъ изъ заплатъ, какія любятъ вставлять англійскія дамы, но только *эти* заплаты были всѣ одного цвѣта

Было назначено триста человѣкъ портныхъ для изготовленія мнѣ верхняго платья.

Триста поваровъ готовили для меня кушанье. Вокругъ моего дома были поставлены маленькіе, очень удобные шалаши: здѣсь-то и происходила стряпня, и здѣсь-же жили повара со своими семействами. Когда наступалъ часъ обѣда, я бралъ въ руки двадцать человѣкъ прислуги и ставилъ ихъ на столъ, а человѣкъ сто прислуживало съ пола: одни подавали кушанья, остальные приносили боченки съ виномъ и другими напитками на шестахъ, перекинутыхъ съ плеча на плечо. Все это стоявшіе наверху, по мѣрѣ надобности, поднимали на столъ очень остроумнымъ способомъ, при помощи веревокъ и блоковъ, какъ поднимаютъ у насъ въ Европѣ ведра изъ колодцевъ. Цѣлое блюдо жаркого сходило для меня за одинъ хорошій кусочекъ; изъ полнаго боченка вина выходилъ довольно основательный глотокъ. Баранина у нихъ хуже нашей, но за то говядина превосходная. Одинъ разъ мнѣ подали такой большой кусокъ филея, что я могъ его съѣсть только въ три пріема; но это рѣдкій случай. Прислуга моя изумлялась, видя, что я ѣмъ ихъ говядину съ костями, какъ ѣдятъ у насъ крылышко жаворонка. Ихъ гусей и индѣекъ я обыкновенно бралъ въ ротъ цѣликомъ, по одной штукѣ, и долженъ сознаться, что они далеко превосходятъ нашихъ нѣжностью своего мяса. Ихъ мелкую дичь я забиралъ по двадцати, по тридцати штукъ на кончикъ ножа.

Однажды его императорское величество, заинтересовавшись моимъ образомъ жизни, о которомъ онъ слышалъ много разсказовъ, изъявилъ желаніе „имѣть счастье“ (какъ ему благоугодно было выразиться) отобѣдать у меня вмѣстѣ съ своей августѣйшей супругой и молодыми принцами крови обоего пола. Въ назначенный день они явились ко мнѣ. Я помѣстилъ ихъ всѣхъ на столѣ прямо противъ себя. Лица королевской фамиліи сидѣли на креслахъ; за креслами стоялъ почетный караулъ. Былъ тутъ и канцлеръ казначейства, Флимнапъ, со своимъ бѣлымъ жезломъ. Я видѣлъ, что онъ посматриваетъ на меня очень косо, но притворился, что ничего не замѣчаю, и ѣлъ за десятерыхъ, желая поддержать честь моего дорогого отечества и поразить изумленіемъ чужеземцевъ. Я имѣю нѣкоторыя (мнѣ одному извѣстныя) основанія подозрѣвать, что это посѣщеніе императоромъ моего скромнаго жилища дало Флимнапу случай подставить мнѣ ножку, уронивъ мои фонды въ глазахъ своего господина. Флимнапъ былъ всегда моимъ тайнымъ врагомъ, хоть и оказывалъ мнѣ внѣшніе знаки вниманія съ любезностью, совершенно несвойственной его угрюмому нраву. Теперь же онъ далъ понять императору, что „положеніе государственныхъ финансовъ крайне плачевно, что казначейство было вынуждено прибѣгнуть къ займу подъ большіе

проценты, что билеты государственнаго банка стоятъ на девять процентовъ ниже альпари, что я уже и такъ обошелся казнѣ въ полтора слишкомъ милліона *спруговъ* (*спругъ*—самая крупная изъ золотыхъ монетъ лиллипутовъ, величиною въ нашу блестку) и что въ виду всего этого его величество поступилъ бы какъ нельзя болѣе благоразумно, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ отдѣлаться отъ меня".

Теперь я считаю своимъ долгомъ возстановить репутацію одной дамы, превосходнѣйшей женщины, невинно пострадавшей изъ за меня. Канцлеръ казначейства вздумалъ приревновать ко мнѣ свою супругу. Виною тому были злые языки, увѣрившіе этого вельможу, что ея свѣтлость страстно влюбилась въ меня. Одно время при дворѣ ходили даже скандальные слухи, будто какъ-то разъ она тайкомъ пріѣзжала ко мнѣ. Но я торжественно объявляю, что это безстыдная ложь, лишенная всякихъ основаній. Правда, ея свѣтлость удостаивала меня своей дружбы и обращалась со мной свободно и просто, но наши отношенія были самаго невиннаго свойства. Правда и то, что она часто заѣзжала ко мнѣ, но всегда заѣзжала открыто. Въ ея каретѣ, кромѣ нея, всегда сидѣло не менѣе трехъ человѣкъ: обыкновенно ея сестра и маленькая дочь и еще кто-нибудь изъ близкихъ знакомыхъ. Надо впрочемъ замѣтить, что очень многія придворныя дамы посѣщали меня, и я могу сослаться на прислуживавшихъ мнѣ въ то время людей: пусть скажутъ, было-ли хоть разъ, чтобы у дверей моего дома стояла карета и чтобы они не знали, кто въ ней сидитъ. Во всѣхъ случаяхъ такихъ посѣщеній, какъ только слуга являлся съ докладомъ, я сейчасъ-же выходилъ къ дверямъ и засвидѣтельствовавъ дорогимъ гостямъ мое нижайшее почтеніе, осторожно бралъ въ руки карету съ лошадьми (съ парой лошадей, потому-что если карета была запряжена шестеркой, форейторъ всегда отпрягалъ четырехъ) и ставилъ ее на столъ, на которомъ, въ предупрежденіе несчастныхъ случаевъ, я укрѣпилъ подвижную закраину въ пять дюймовъ вышиной. Нерѣдко на моемъ столѣ стояло по четыре кареты, биткомъ набитыя публикой, а я сидѣлъ передъ столомъ на стулѣ, наклонившись къ гостямъ, и покуда я бесѣдовалъ съ одной компаніей, кучера другихъ каретъ тихонько проѣзжали лошадей вокругъ стола. Не одинъ пріятный вечеръ провелъ я въ этихъ бесѣдахъ. Но я ручаюсь головой, что ни канцлеру казначейства, ни двумъ его наушникамъ — я назову ихъ фамиліи, пусть ихъ потомъ хоть лопнутъ со злости, — ни двумъ его наушникамъ, Клустрилю и Друнло, не удастся доказать, чтобы ко мнѣ когда-нибудь пріѣзжали *инкогнито*, кромѣ одного раза, когда я принималъ мини

Однажды императоръ изъявилъ желаніе отобѣдать у меня.

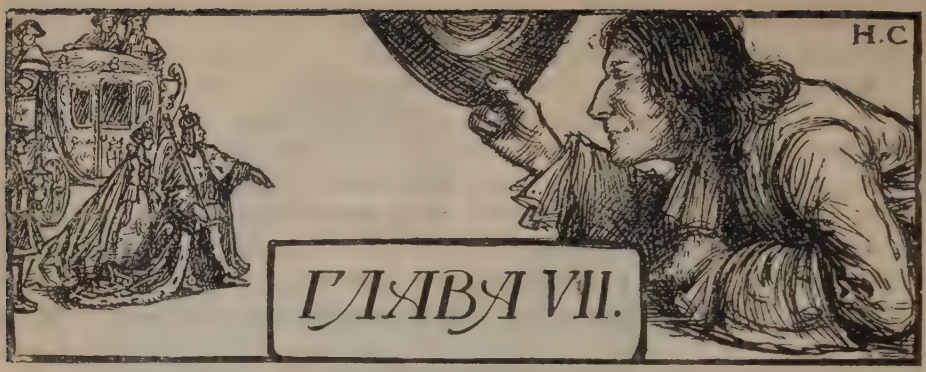
стра внутреннихъ дѣлъ Рельдрезаля, являвшагося ко мнѣ по нарочитому повелѣнію императора, о чемъ я уже говорилъ.

Я-бы не сталъ такъ долго останавливаться на этихъ мелочахъ, но вѣдь здѣсь дѣло идетъ о доброй славѣ знатной дамы, не говоря уже о моей, хотя и я въ то время имѣлъ честь называться *нардакомъ*, чего самъ канцлеръ казначейства не можетъ сказать о себѣ, ибо всему міру извѣстно, что онъ только *глумглумъ*, а у лиллипутовъ *глумглумъ* цѣлой степеньк ниже *нардака*, все равно какъ въ Англіи маркизъ ниже герцога. Впрочемъ, я не могу не признать, что высокій государственный постъ,

Нерѣдко на моемъ столѣ стояло по четыре кареты.

который онъ занимаетъ, даетъ ему больше правъ на титулъ нардака, чѣмъ имѣю ихъ я.

Вышеупомянутые ложные доносы (я узналъ о нихъ лишь много времени спустя, благодаря случайности, о которой считаю неудобнымъ разсказывать) сдѣлали то, что канцлеръ долго гнѣвался на свою супругу и еще того больше на меня, и хотя въ концѣ-концовъ онъ удостовѣрился въ неосновательности своихъ подозрѣній и помирился съ женой, но что касается меня, то я потерялъ въ его глазахъ всякій кредитъ и долженъ былъ убѣдиться, что фонды мои падаютъ и въ глазахъ самого императора, который, правду сказать, ужъ слишкомъ поддавался вліянію своего фаворита.



ГЛАВА VII.

Предупрежденный о томъ, что его намѣрены обвинить въ государственной измѣнѣ, авторъ спасается бѣгствомъ на островъ Блефуску.—Какъ его тамъ принимаютъ.

Прежде, чѣмъ разсказывать о томъ, какъ я оставилъ страну лиллипутовъ, я считаю необходимымъ познакомить читателя съ нѣкоторыми подробностями тайной интриги, которую въ теченіе двухъ мѣсяцевъ вели противъ меня. За всю мою жизнь до самой той поры я ни разу не имѣлъ сношеній съ королевскими дворами, да и не могъ ихъ имѣть по своему скромному общественному положенію. Правда, я много слышалъ и читалъ о нравахъ и обычаяхъ государей и царедворцевъ, но я никакъ не ожидалъ встрѣтить такія ужасныя проявленія лукавства и жестокости со стороны предержащихъ властей, да еще въ столь отдаленной странѣ, гдѣ люди, какъ я полагалъ, руководствуются совершенно иными принципами, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ.

Однажды, позднимъ вечеромъ (это было какъ разъ въ то время, когда я собрался посѣтить императора Блефуску и уже дѣлалъ приготовленія къ этому путешествію), ко мнѣ явился одинъ важный сановникъ—вліятельное лицо при дворѣ. Это былъ мой знакомый, которому я какъ-то передъ тѣмъ оказалъ большую услугу, заступившись за него передъ императоромъ, когда онъ былъ въ опалѣ. Теперь онъ подъѣхалъ къ моему дому тайкомъ, съ закрытомъ портшезѣ, и, не называя своего имени, просилъ мнѣ доложить, что меня желаютъ видѣть по дѣлу. Я отпустилъ носильщиковъ, взялъ въ руки портшезъ и вмѣстѣ съ его сіятельствомъ положилъ въ карманъ; затѣмъ, приказавъ моему слугѣ—надежному человѣку—говорить всѣмъ моимъ посѣтителямъ, что я нездоровъ и легъ въ постель, заперъ дверь на замокъ и, поставивъ портшезъ къ себѣ на столъ, какъ я это обыкновенно дѣлалъ въ такихъ случаяхъ, сѣлъ подлѣ него у стола. Когда мы съ моимъ гостемъ обмѣнялись привѣтствіями, я обратилъ вни-

маніе на озабоченное выраженіе его лица и спросилъ о причинѣ. Въ отвѣтъ на это онъ попросилъ меня «выслушать его терпѣливо, ибо дѣло идетъ о моей чести и жизни». Привожу полностью содержаніе его рѣчи, которую я записалъ, какъ только мы разстались.

„Да будетъ вамъ извѣстно", началъ онъ, „что въ послѣднее время по поводу васъ было нѣсколько засѣданій верховнаго совѣта, обставленныхъ весьма таинственно, къ слову сказать, и только два дня тому назадъ его императорское величество пришелъ къ окончательному рѣшенію въ вашемъ дѣлѣ.

„Вы уже знаете, что Скайрешъ Болголамъ (*гальбетъ*, иначе генералъ-адмиралъ лиллипутскаго флота) почти со дня вашего прибытія въ нашу страну сдѣлался вашимъ смертельнымъ врагомъ. Первоначальная причина его ненависти къ вамъ мнѣ неизвѣстна, но я знаю, что эта ненависть замѣтно возрасла послѣ вашей блестящей экспедиціи противъ Блефуску, значительно затмившей его славу, какъ генералъ-адмирала. Такъ вотъ этотъ самый Скайрешъ Болголамъ, стакнувшись съ канцлеромъ казначейства, Флимнапомъ (злобствующимъ на васъ изъ-за жены, какъ это всѣмъ извѣстно), съ генераломъ Лимтокомъ, съ оберъ-гофмейстеромъ Лалкономъ и съ лордомъ главнымъ судьею Бальмуффомъ, составилъ кляузный актъ, по которому вы обвиняетесь въ государственной измѣнѣ и въ другихъ тяжкихъ преступленіяхъ".

Въ твердомъ сознаніи своей невинности и заслугъ я былъ такъ возмущенъ этимъ вступленіемъ, что хотѣлъ было заговорить; но мой посѣтитель настоятельно просилъ меня выслушать его, не прерывая, и продолжалъ:

„Изъ чувства признательности за оказанную мнѣ вами услугу и изъ желанія въ свою очередь быть вамъ полезнымъ, я, рискуя своей головой, досталъ протоколы засѣданій совѣта и копію съ обвинительнаго акта. Вотъ она.

„*Обвинительный актъ противъ Квинбуса Флестрина, Человѣка-Горы.*

Пунктъ первый.

„Основываясь на томъ, что въ силу закона, обнародованнаго въ царствованіе его императорскаго величества, Калина Деффара Плуна, всякій, дозволившій себѣ помочиться въ предѣлахъ ограды императорскаго дворца, признается виновнымъ въ государственной измѣнѣ и подвергается соотвѣтственному взысканію, и принимая во вниманіе, что вышепоименованный Квинбусъ Флестринъ, подъ предлогомъ тушенія пожара, охватившаго покои любезной супруги

его императорскаго величества, открыто нарушилъ упомянутый законъ, злокозненно, предательски и съ дьявольскимъ коварствомъ выпустилъ мочу, каковою и погасилъ вышереченный пожаръ въ вышереченныхъ покояхъ, расположенныхъ въ предѣлахъ ограды императорскаго дворца, поправъ такимъ образомъ законы страны, и т. д. и т. д., измѣнивъ долгу вѣрноподданнаго, и т. д. и т. д.

„Пунктъ второй.

„Что, когда вышепоименованный Квинбусъ Флестринъ привелъ въ нашъ императорскій портъ флотъ имперіи Блефуску и когда затѣмъ его императорское величество повелѣлъ ему захватить остальные корабли вышереченной державы, дабы обратить оную въ провинцію нашей имперіи, которая управлялась-бы намѣстниками, и истребить, предавъ ихъ смерти, не только всѣхъ бѣжавшихъ туда представителей партіи тупого конца, но и всѣхъ жителей покоренной страны, кои не согласятся немедленно отречься отъ названной ереси,—онъ, вышепоименованный Квинбусъ, Флестринъ, какъ вѣроломный измѣнникъ и предатель, обратился къ его милостивому, пресвѣтлому императорскому величеству съ просьбой избавить его отъ вышеизложенной обязанности, выставляя причиной такого отказа свое нежеланіе насиловать совѣсть цѣлаго народа и лишать свободы и жизни ни въ чемъ неповинныхъ людей *)

Пунктъ третій.

„Что, когда ко двору его величества прибыли послы отъ императора Блефуску съ предложеніемъ мира, вышепоименованный Квинбусъ Флестринъ, какъ вѣроломный измѣнникъ и предатель, державъ руку вышереченныхъ пословъ, всячески обнадеживалъ ихъ и увеселялъ, зная, что они—слуги монарха, еще недавно бывшаго смертельнымъ врагомъ его императорскаго величества и состоявшаго съ его величествомъ въ открытой войнѣ.

Пунктъ четвертый.

„Что въ настоящее время вышепоименованный Квинбусъ Флестринъ, въ противность долгу вѣрноподданнаго, готовится предпринять путешествіе ко двору императора Блефуску, на ка-

*) Юристъ считаетъ себя правымъ, когда онъ работаетъ для своего кліента по мѣрѣ разумѣнія и силъ; государственный дѣятель—когда онъ служитъ интересамъ своей отчизны; но почтенный деканъ преподаетъ намъ болѣе высокія понятія о справедливости и учитъ насъ, что существуютъ обязанности къ болѣе широкой общественной единицѣ, чѣмъ отчизна.
Гоксвортъ.

ковую поѣздку онъ получилъ отъ его величества только словесное разрѣшеніе, и что, прикрываясь вышеупомянутымъ разрѣшеніемъ, онъ отправляется въ путь съ предательскимъ и вѣроломнымъ намѣреніемъ оказать всяческое поощреніе и поддержку императору Блефуску, еще недавно бывшему врагомъ его величества и состоявшему съ онымъ величествомъ въ открытой войнѣ".

„Есть и другіе пункты", продолжалъ мой таинственный гость, „но я прочелъ вамъ самые важные.

„Нельзя не сознаться, что во время всѣхъ этихъ дебатовъ по вашему дѣлу его величество проявилъ большую снисходительность по отношенію къ вамъ: онъ постоянно ставилъ на видъ оказанныя ему вами услуги и всячески старался смягчить вашу вину. Канцлеръ казначейства и генералъ-адмиралъ стояли на томъ, что васъ надо предать самой позорной и мучительной смерти. Они предлагали поджечь ночью вашъ домъ, поставивъ у выхода отрядъ въ двадцать тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ отравленными стрѣлами, которыя они должны были выпустить вамъ въ руки и лицо. Предполагалось, что самъ генералъ-адмиралъ будетъ командовать этимъ отрядомъ. Мало того: ваши слуги дожны были получить тайное предписаніе обрызгать ваши рубахи и постельное бѣлье сильнѣйшимъ ядомъ, который причинилъ-бы вамъ жестокую боль и отъ котораго вы-бы умерли въ страшныхъ мученіяхъ. Генералъ-адмиралъ энергично дѣйствовалъ въ пользу такого рѣшенія, и большинство подало за него голоса, но императоръ рѣшилъ, если будетъ возможно, пощадить вашу жизнь, и послѣ долгихъ преній ему наконецъ удалось привлечь на свою сторону лорда оберъ-гофмейстера.

„Его величество такъ далеко простеръ свое милосердіе, что, вспомнивъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ Рельдрезалѣ, который всегда былъ вашимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, повелѣлъ ему высказать въ заключеніе свой взглядъ на ваше дѣло, что тотъ не замедлилъ исполнить, вполнѣ оправдавъ при семъ случаѣ ваше доброе о немъ мнѣніе. Въ своей рѣчи онъ соглашался, что ваши преступленія велики, но прибавлялъ, что все-таки всегда есть мѣсто милосердію—этой похвальнѣйшей изъ добродѣтелей монарха, за которую такъ справедливо прославляютъ нашего государя. Горячая дружба, связывающая его съ вами, продолжалъ Рельдрезаль, такъ хорошо извѣстна всему міру, что, быть можетъ, почтенное собраніе сочтетъ его пристрастнымъ; но тѣмъ не менѣе, повинуясь полученному предписанію, онъ откровенно выскажетъ свое мнѣніе. Онъ полагаетъ, что если императоръ, во вниманіе къ вашимъ заслугамъ и согласно милосердію,

Канцлеръ казначейства и генералъ-адмиралъ стояли на томъ, что васъ надо предать самой позорной и мучительной казни.

присущему его кроткой душѣ, соизволитъ пощадить вашу жизнь и ограничится приказаніемъ выколоть вамъ глаза, то правосудіе будетъ до извѣстной степени удовлетворено такой мѣрой, и міру останется только восхвалять снисходительность его величества, а равно и благородное великодушіе людей, удостоившихся чести быть его совѣтчиками въ этомъ дѣлѣ. Потеря глазъ (какъ онъ позволитъ себѣ замѣтить въ подтвержденіе своего мнѣнія) нисколько не уменьшитъ вашей физической силы, которою такимъ образомъ его величество можетъ по прежнему пользоваться въ интересахъ страны. Напротивъ, слѣпота, скрывая отъ человѣка опасность, можетъ только усилить его храбрость. И въ самомъ дѣлѣ, боязнь потерять зрѣніе была для васъ главной помѣхой при захватѣ непріятельскаго флота. Для васъ-же лично будетъ достаточно видѣть глазами министровъ: вѣдь даже самые великіе изъ монарховъ только такъ и умѣютъ смотрѣть.

„Это предложеніе встрѣтило горячій протестъ со стороны всѣхъ членовъ совѣта. Генералъ-адмиралъ Болголамъ не могъ даже сдержаться: внѣ себя отъ гнѣва онъ вскочилъ на ноги и сказалъ, что онъ удивляется, какъ могъ министръ внутреннихъ дѣлъ позволить себѣ высказаться за сохраненіе жизни измѣннику. Затѣмъ онъ прибавилъ, что услуги, оказанныя вами странѣ, по всѣмъ соображеніямъ высшей политики только усугубляютъ вашу вину; что человѣкъ, не задумавшійся погасить пожаръ въ аппартаментахъ ея величества такимъ безцеремоннымъ способомъ (о которомъ онъ, Болголамъ, не можетъ вспомнить безъ содраганія), въ другой разъ можетъ тѣмъ-же способомъ произвести наводненіе и затопить весь дворецъ; что ту самую силу, которая дала вамъ возможность привести въ нашъ портъ непріятельскій флотъ, при первомъ-же вашемъ неудовольствіи противъ насъ вы можете употребить на то, чтобъ отвести его обратно; что наконецъ онъ, Болголамъ, имѣетъ сильныя основанія подозрѣвать, что ваши тайныя симпатіи принадлежатъ партіи тупого конца, а такъ какъ измѣна зарождается въ сердцѣ, прежде чѣмъ проявить себя въ дѣйствіяхъ, то онъ и объявляетъ васъ измѣнникомъ и требуетъ, чтобы, какъ таковой, вы были преданы смерти.

„Канцлеръ казначейства высказался въ томъ-же смыслѣ. Доказавъ точными цифрами, какъ тяжело ложится ваше прокормленіе на государственный бюджетъ, который въ концѣ концовъ — и этотъ день не за горами — не выдержитъ такого бремени, онъ объявилъ, что предложеніе выколоть вамъ глаза, высказанное господиномъ министромъ, не только не поможетъ этому злу, но, по всей вѣроятности, еще усилитъ его, ибо, какъ это извѣстно изъ практики откармливанія домашней птицы на убой, нѣкоторыя

породы куръ и гусей послѣ ослѣпленія начинаютъ лучше ѣсть и быстро жирѣютъ. Въ заключеніе онъ прибавилъ, что и его величество, и всѣ члены совѣта, выступающіе въ данномъ случаѣ

Это предложеніе встрѣтило горячій протестъ со стороны всѣхъ членовъ совѣта.

вашими судьями, вполнѣ и по чистой совѣсти убѣждены въ вашей виновности, а это уже само по себѣ служитъ достаточно вѣскимъ аргументомъ въ пользу произнесенія надъ вами смерт-

наго приговора и дѣлаетъ излишними формальныя улики, какихъ требуетъ буква закона *).

„Но императоръ, твердо рѣшившійся не допустить смертнаго приговора, милостиво изволилъ замѣтить, что если совѣтъ находитъ лишеніе зрѣнія слишкомъ слабой карательной мѣрой, ее можно усилить прибавкой другой кары. Тогда вашъ другъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, обратился къ собранію съ покорнѣйшей просьбой выслушать его еще разъ, такъ какъ на возраженіе канцлера казначейства касательно того, что ваше прокормленіе ложится слишкомъ тяжелымъ бременемъ на государственный бюджетъ, онъ въ свою очередь имѣетъ возразить слѣдующее. Будучи единственнымъ распорядителемъ государственныхъ доходовъ, его превосходительство господинъ канцлеръ легко можетъ противодѣйствовать указанному имъ злу, постепенно уменьшая отпускаемый вамъ паекъ. Такимъ образомъ, за недостаткомъ необходимаго питанія вы неизбѣжно ослабѣете, начнете худѣть, потеряете аппетитъ и черезъ мѣсяцъ, другой, умрете отъ истощенія. Эта мѣра хороша еще и тѣмъ, что ослабляетъ опасность отъ разложенія трупа, такъ какъ объемъ вашего тѣла уменьшится болѣе чѣмъ вдвое. А какъ только вы умрете, пять или шесть тысячъ подданныхъ его величества очистятъ ваши кости отъ мяса (на это будетъ довольно двухъ, трехъ дней), сложатъ куски на тачки, увезутъ подальше отъ города и, во избѣжаніе зловонія, зароютъ въ разныхъ мѣстахъ. Скелетъ-же вашъ останется, какъ памятникъ, на удивленіе потомству.

„Такимъ образомъ министръ Рельдрезаль, по своей великой къ вамъ дружбѣ, уладилъ ваше дѣло. Проектъ постепенно уморить васъ голодомъ было рѣшено хранить въ строжайшемъ секретѣ, но приговоръ о лишеніи зрѣнія былъ занесенъ въ протоколъ. Подъ нимъ подписались всѣ члены совѣта за исключеніемъ генералъ-адмирала. Болголамъ—креатура императрицы: она-то и подстрекала его настаивать на смертной казни, питая къ вамъ непримиримую ненависть съ того самаго дня, когда вы погасили

*) Во всякомъ нарушеніи права есть что-то до такой степени гнусное что даже тѣ, кто за подобныя нарушенія не подвергаются карѣ закона стараются ихъ оправдать, придавъ своимъ дѣйствіямъ видъ правоты. Но такія попытки остаются всегда безуспѣшными и только обличаютъ сознаніе совершеннаго безобразія, выдавая желаніе его скрыть. Такъ, лиллипутскіе вельможи, порѣшивъ осудить на смерть Гулливера, признали за собою право отступить отъ буквы закона, а между тѣмъ, если его и можно было обвинить въ преступленіи, то только по буквѣ закона, ибо смыслъ законодательнаго акта, о которомъ идетъ въ этомъ случаѣ рѣчь, ужъ никакъ нельзя было истолковать такимъ образомъ, что лучше дать дворцу сгорѣть, чѣмъ погасить пожаръ способомъ Гулливера.—*Гоксвортъ*.

пожаръ въ ея аппартаментахъ такимъ беззаконнымъ и возмутительнымъ способомъ.

„Черезъ три дня вашъ другъ Рельдрезаль получитъ приказъ явиться къ вамъ на домъ и прочитать вамъ обвинительный актъ. При этомъ онъ не преминетъ распространиться о безпримѣрномъ великодушіи и милосердіи императора и совѣта, приговорившихъ васъ только къ ослѣпленію, и выскажетъ отъ имени его величества увѣренность въ томъ, что вы съ благодарностью и смиреніемъ подчинитесь этому наказанію. Въ назначенный день вы ляжете на землю и вамъ выпустятъ въ глаза залпъ отточенныхъ стрѣлъ. При исполненіи приговора будутъ присутствовать двадцать лейбъ-хирурговъ для наблюденія за правильнымъ совершеніемъ операціи. Предоставляю на ваше благоусмотрѣніе, какія вамъ слѣдуетъ принять мѣры для огражденія вашей безопасности. А засимъ, во избѣжаніе подозрѣній, я долженъ исчезнуть тѣмъ-же таинственнымъ способомъ, какимъ явился сюда".

Его сіятельство удалился, и я остался одинъ, удрученный заботами и сомнѣніями.

Въ странѣ лиллипутовъ существуетъ такой обычай (онъ былъ введенъ только нынѣ царствующимъ императоромъ и, какъ меня увѣряли, никогда не практиковался въ прежнія времена): всякій разъ, какъ верховный совѣтъ—ради удовлетворенія-ли личной злобы монарха или въ угоду кому-нибудь изъ его фаворитовъ,—произнесетъ жестокій приговоръ, его величество держитъ въ собраніи совѣта длинную рѣчь, въ которой распространяется о своей ангельской кротости и великомъ милосердіи, какъ о качествахъ, признанныхъ всѣмъ міромъ. Его рѣчь немедленно опубликовывается по всей имперіи, и ничто не устрашаетъ народъ до такой степени, какъ эти панегирики императорскому милосердію, ибо было замѣчено, что чѣмъ они пространнѣе и чѣмъ настойчивѣе повторяются въ рѣчи, тѣмъ безчеловѣчнѣе будетъ приговоръ и тѣмъ меньше заслуживаетъ его пострадавшій. Что-же касается меня лично, то, такъ какъ мои родители не прочили меня въ царедворцы и не дали мнѣ придворнаго воспитанія, я, говоря по совѣсти, былъ такимъ плохимъ судьею въ этихъ вещахъ, что при всемъ желаніи никакъ не могъ усмотрѣть въ моемъ приговорѣ ни кротости, ни милосердія, и находилъ его (быть можетъ ошибочно) скорѣе суровымъ, чѣмъ мягкимъ. Минутами мнѣ приходило въ голову встрѣтить лицомъ къ лицу взводимыя на меня обвиненія, ибо хоть я и не могъ отрицать самыхъ фактовъ, какъ они были изложены въ обвинительномъ актѣ, однако полагалъ, что, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, мои вины допускаютъ снисхожденіе. Но вспомнивъ, что всѣ политическіе процессы, о ко-

торыхъ мнѣ приходилось читать, всегда кончались такъ, какъ то было желательно судьямъ, и зная, что мнѣ придется имѣть дѣло съ могущественными врагами, я не посмѣлъ остановиться на такомъ рѣшеніи, считая его слишкомъ опаснымъ въ моемъ критическомъ положеніи. Былъ и такой моментъ, когда мной овладѣло искушеніе воспользоваться моей силой и сопротивляться. Я понималъ, что, пока я на свободѣ, меня не одолѣть никакимъ войскамъ лиллипутской имперіи и что, вооружившись каменьями, я легко могу расколотить въ дребезги всю ихъ столицу. Но я тутъ-же съ ужасомъ отогналъ эту мысль, вспомнивъ о присягѣ, которую я далъ императору, о милостяхъ, которыми онъ осыпалъ меня, и о пожалованномъ мнѣ высокомъ титулѣ *нардака*. Я еще не вполнѣ искусился въ придворныхъ повадкахъ и, не имѣя достаточно яснаго представленія о благодарности царедворцевъ, не сумѣлъ себя убѣдить, что теперешняя суровость ко мнѣ его величества снимаетъ съ меня всѣ прежнія обязательства по отношенію къ нему.

Наконецъ я принялъ рѣшеніе, за которое, быть можетъ, многіе осудятъ меня, и несовсѣмъ несправедливо. Сознаюсь откровенно, что если мнѣ удалось спасти мои глаза, а слѣдовательно и свободу, я этимъ обязанъ исключительно своей неопытности и сумасбродной отвагѣ. Знай я въ то время нравы королей и министровъ такъ хорошо, какъ знаю ихъ теперь, послѣ того какъ я имѣлъ случай наблюдать придворную жизнь во многихъ странахъ, и имѣй я понятіе объ ихъ манерѣ обращаться съ осужденными, даже гораздо менѣе преступными, чѣмъ былъ я, я бы съ полной готовностью, даже съ радостью, покорился столь легкому наказанію. Но, имѣя дозволеніе его величества на посѣщеніе императора Блефуску, я съ необузданной стремительностью молодости поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Не откладывая въ долгій ящикъ (я помнилъ, что черезъ три дня мнѣ должны прочесть приговоръ), я отправилъ моему другу Рельдрезалю письмо съ увѣдомленіемъ о моемъ намѣреніи выѣхать въ Блефуску въ тотъ-же день поутру, согласно полученному дозволенію, и, не дожидаясь отвѣта, пошелъ къ тому берегу, гдѣ стоялъ наякорѣ нашъ флотъ.

Выбравъ большой военный корабль, я привязалъ канатъ къ его носу и поднялъ державшіе его якоря, потомъ раздѣлся, сложилъ все свое платье и одѣяло (которое я захватилъ уходя) на палубу корабля и потащилъ его за собой. Послѣ получасового путешествія мѣстами въ бродъ, мѣстами вплавь, я прибылъ въ главный военный портъ имперіи Блефуску, гдѣ меня уже давно ожидали. Мнѣ дали тамъ двухъ проводниковъ, чтобы отвести меня въ столицу, которая, какъ и имперія, называется Блефуску. Я взялъ по проводнику въ каждую руку и отправился въ путь

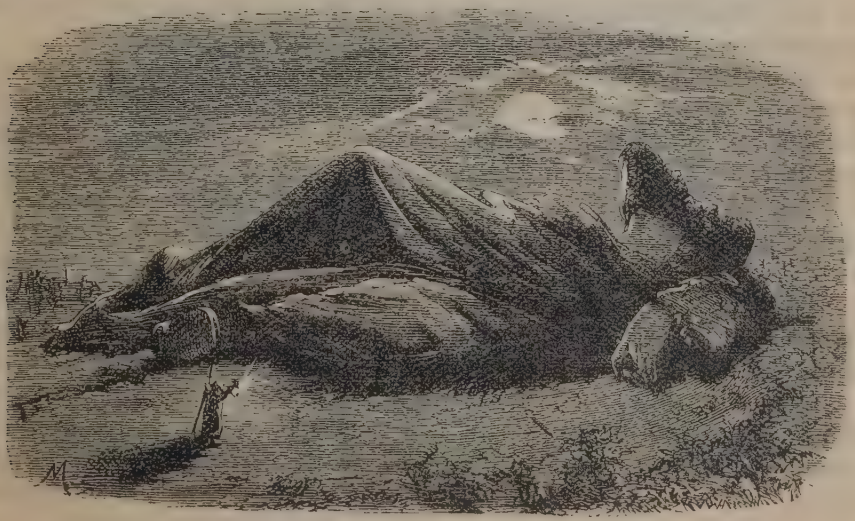
Въ двухстахъ ярдахъ отъ воротъ столицы я остановился и попросилъ проводниковъ „доложить о моемъ прибытіи кому-нибудь изъ министровъ и передать, что я жду приказаній его величества“.

Я легъ на землю, чтобы имѣть возможность поцѣловать руку у императора

Черезъ часъ или около того я получилъ увѣдомленіе, что „его величество, въ сопровожденіи членовъ императорской семьи и высшихъ придворныхъ чиновъ, идетъ ко мнѣ на встрѣчу“. Тогда я

прошелъ впередъ еще сто ярдовъ. Увидѣвъ меня, императоръ и его свита сошли съ лошадей, а императрица и придворныя дамы вышли изъ экипажей, при чемъ я не замѣтилъ, чтобы онѣ были испуганы или взволнованы. Я легъ на землю, чтобы имѣть возможность поцѣловать руку у императора и его августѣйшей супруги. Я сказалъ его величеству, что, „согласно моему обѣщанію и съ разрѣшенія моего государя, я прибылъ въ имперію Блефуску, чтобы удостоиться чести лицезрѣнія ея могущественнаго повелителя и предложить ему мою посильную помощь во всякомъ предпріятіи, характеръ котораго не будетъ противорѣчить моему долгу, какъ вѣрноподданнаго моего государя". Я ни однимъ словомъ не обмолвился о постигшей меня опалѣ, такъ какъ не получалъ еще оффиціальнаго о ней увѣдомленія и могъ держать себя такимъ образомъ, какъ будто я ничего не знаю о проискахъ моихъ враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не имѣлъ никакихъ основаній предполагать, чтобы нашъ императоръ захотѣлъ разгласить тайну состоявшагося надо мной приговора въ тотъ промежутокъ времени, когда я находился не въ его власти. Однако же, на этотъ разъ, какъ мнѣ вскорѣ пришлось убѣдиться, я ошибся въ разсчетѣ.

Не стану утомлять читателя подробнымъ описаніемъ пріема, который мнѣ сдѣлали при дворѣ императора Блефуску; довольно будетъ сказать, что онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той широкой щедрости, какая должна отличать всякаго великаго государя. Не стану распространяться и о томъ, въ какомъ я былъ затрудненіи, очутившись на чужой сторонѣ безъ крова, безъ постели, и будучи вынужденъ спать на голой землѣ, завернувшись въ одѣяло.



ГЛАВА VIII.

Счастливая случаиность даетъ автору возможность покинуть островъ Блефуску и, наконецъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, онъ благополучно возвращается на родину.

Спустя три дня послѣ прибытія моего въ имперію Блефуску я вышелъ прогуляться, интересуясь новыми мѣстами. Подойдя къ сѣверо-восточной окраинѣ острова, я замѣтилъ въ морѣ, миляхъ въ трехъ отъ берега, какой-то предметъ, очень похожій на опрокинутую лодку. Я снялъ чулки и башмаки и вошелъ въ воду. Пройдя ярдовъ двѣсти или триста впередъ, я убѣдился, что мою лодку или то, что я принималъ за нее, все ближе прибиваетъ къ берегу морскимъ приливомъ, и, наконецъ, ясно разсмотрѣлъ, что то была дѣйствительно лодка. „Должно быть, ее сорвало бурей съ какого-нибудь судна“, подумалъ я.

Я сейчасъ-же вернулся въ городъ и попросилъ императора отдать въ мое распоряженіе штукъ двадцать самыхъ большихъ кораблей изъ остававшихся еще у него послѣ потери его флота, и три тысячи матросовъ подъ командой вице-адмирала. Эта флотилія отправилась подъ парусами въ обходъ къ тому мѣсту, гдѣ я видѣлъ лодку, а я пошелъ туда-же кратчайшимъ путемъ. Достигнувъ берега, я увидѣлъ, что лодку прибило еще ближе. На моихъ корабляхъ былъ сложенъ запасъ такелажа, при чемъ, чтобы придать веревкамъ больше прочности, я заранѣе ссучилъ ихъ по нѣсколько въ одну. Когда корабли подошли, я снова раздѣлся и вошелъ въ море. Послѣдніе сто ярдовъ, остававшіеся до лодки, я принужденъ былъ проплыть. Матросы бросили мнѣ съ корабля конецъ веревки, который я закрѣпилъ за переднюю часть лодки. Но изъ моихъ стараній выходило мало толку, ибо, не доставая до дна, я не могъ работать, какъ слѣдуетъ. Дѣлать нечего, я обогнулъ лодку съ кормы и поплылъ назадъ къ берегу, подталкивая ее передъ собой одной рукою, насколько могъ сильнѣе и чаще. Мнѣ помогалъ приливъ и вскорѣ, опустивъ ноги, я почувствовалъ, что достаю до дна кончиками пальцевъ. Стоя на цыпочкахъ и приподнявъ подбородокъ

Въ ожиданіи моего появленія на лодкѣ стекласъ несмѣтная толпа народа.

чтобы вода не попадала мнѣ въ ротъ, я отдохнулъ минуты двѣ, три и затѣмъ поплылъ дальше, продолжая подталкивать лодку, пока морское дно не повысилось настолько, что вода доходила мнѣ только до подмышекъ.

Теперь, когда самая трудная часть предпріятія была доведена до конца, я снялъ съ сопровождавшихъ меня кораблей остальныя веревки и прикрѣпилъ ихъ однимъ концомъ къ лодкѣ, а другимъ къ девяти кораблямъ. Вѣтеръ былъ попутный; корабли тащили лодку на буксирѣ, я подталкивалъ ее сзади, и такимъ образомъ мы вскорѣ подошли къ берегу на разстояніе сорока ярдовъ, гдѣ и остановились съ тѣмъ, чтобы дождаться отлива. Затѣмъ я посуху дошелъ до самой лодки и съ помощью двухъ тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ блоками и веревками, приподнялъ ее за одинъ изъ бортовъ и поставилъ на киль. Тщательный осмотръ показалъ, что лодка не получила никакихъ серьезныхъ поврежденій.

Не стану докучать читателю разсказомъ о томъ, какія затрудненія я долженъ былъ преодолѣть, чтобы доставить мою лодку (на веслахъ, на которыя у меня ушло цѣлыхъ десять дней работы) въ главный военный портъ Блефуску, куда, въ ожиданіи моего появленія на лодкѣ, стеклась несмѣтная толпа народа и преисполнилась изумленіемъ, увидѣвъ такое чудовищное судно. Я сказалъ императору, что „моя счастливая звѣзда послала мнѣ эту лодку, дабы дать мнѣ возможность добраться до такого мѣста, откуда я могъ-бы вернуться на родину“, и попросилъ его величество отдать приказъ о доставкѣ мнѣ необходимыхъ матеріаловъ, чтобы оснастить судно для плаванія, а также выдать мнѣ разрѣшеніе на отъѣздъ, что онъ и соизволилъ исполнить, выразивъ весьма лестное для меня сожалѣніе о томъ, что я такъ скоро покидаю его владѣнія.

Все это время меня очень удивляло, что при дворѣ императора Блефуску до сихъ поръ не было получено отъ нашего государя никакихъ распоряженій на мой счетъ. Но впослѣдствіи мнѣ объяснили конфиденціальнымъ образомъ, что императоръ лилліпутовъ, никакъ не предполагая, чтобы его намѣренія были мнѣ извѣстны, видѣлъ въ предпринятой мною поѣздкѣ только желаніе исполнить данное слово, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ разрѣшеніе на эту поѣздку, о чемъ зналъ весь Дворъ. Такимъ образомъ его величество былъ увѣренъ, что черезъ нѣсколько дней, т. е. по окончаніи церемоніи представленія моего императору Блефуску и празднествъ по случаю моего пріѣзда, я возвращусь назадъ. Но подъ конецъ онъ началъ тревожиться моей долгой отлучкой и, посовѣтовавшись съ канцлеромъ казначейства и всею ихъ кликой, отправилъ въ Блефуску довѣренное лицо съ копіей составленнаго противъ меня обвинительнаго акта. Этому послу было поручено

обратить особенное вниманіе императора Блефуску на „безпримѣрную снисходительность“ государя, который все мое наказаніе „ограничивалъ лишеніемъ зрѣнія“, а также поставить ему на видъ, что я „бѣжалъ отъ кары закона“ и что, если я не возвращусь „въ теченіе двухъ часовъ времени, то буду лишенъ титула *нардака* и объявленъ измѣнникомъ“. „Мой государь надѣется“, прибавилъ въ заключеніе посолъ, „что, въ видахъ поддержанія мирныхъ и дружественныхъ отношеній между двумя державами, его августѣйшій братъ, императоръ Блефуску, немедленно распорядится доставить преступника, связаннаго по рукамъ и ногамъ, обратно въ страну лиллипутовъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ тамъ подвергнутъ наказанію за измѣну“.

Императоръ Блефуску попросилъ у посла три дня на размышленіе и по прошествіи трехъ дней отвѣтилъ отказомъ, смягчивъ его, впрочемъ, самыми учтивыми извиненіями. „Что касается требованія связать преступника по рукамъ и ногамъ“, говорилось между прочимъ въ этомъ отвѣтѣ, „то братъ мой и самъ прекрасно знаетъ, что это невозможно. Засимъ я долженъ прибавить, что хоть Человѣкъ-Гора и отнялъ у меня мой флотъ, но тѣмъ не менѣе я считаю себя его должникомъ за многія добрыя услуги, оказанныя имъ мнѣ при заключеніи мира“. Его величество заканчивалъ свой отвѣтъ увѣреніемъ, что во всякомъ случаѣ скоро ни у него, ни у его августѣйшаго брата не будетъ больше причинъ для тревоги, ибо я нашелъ на берегу чудовищныхъ размѣровъ судно, которое, съ его вѣдома и согласія, распорядился оснастить при помощи его подданныхъ и на которомъ собираюсь выйти въ море, такъ-что черезъ нѣсколько недѣль, какъ онъ надѣется, обѣ державы освободятся отъ этой невыносимой обузы.

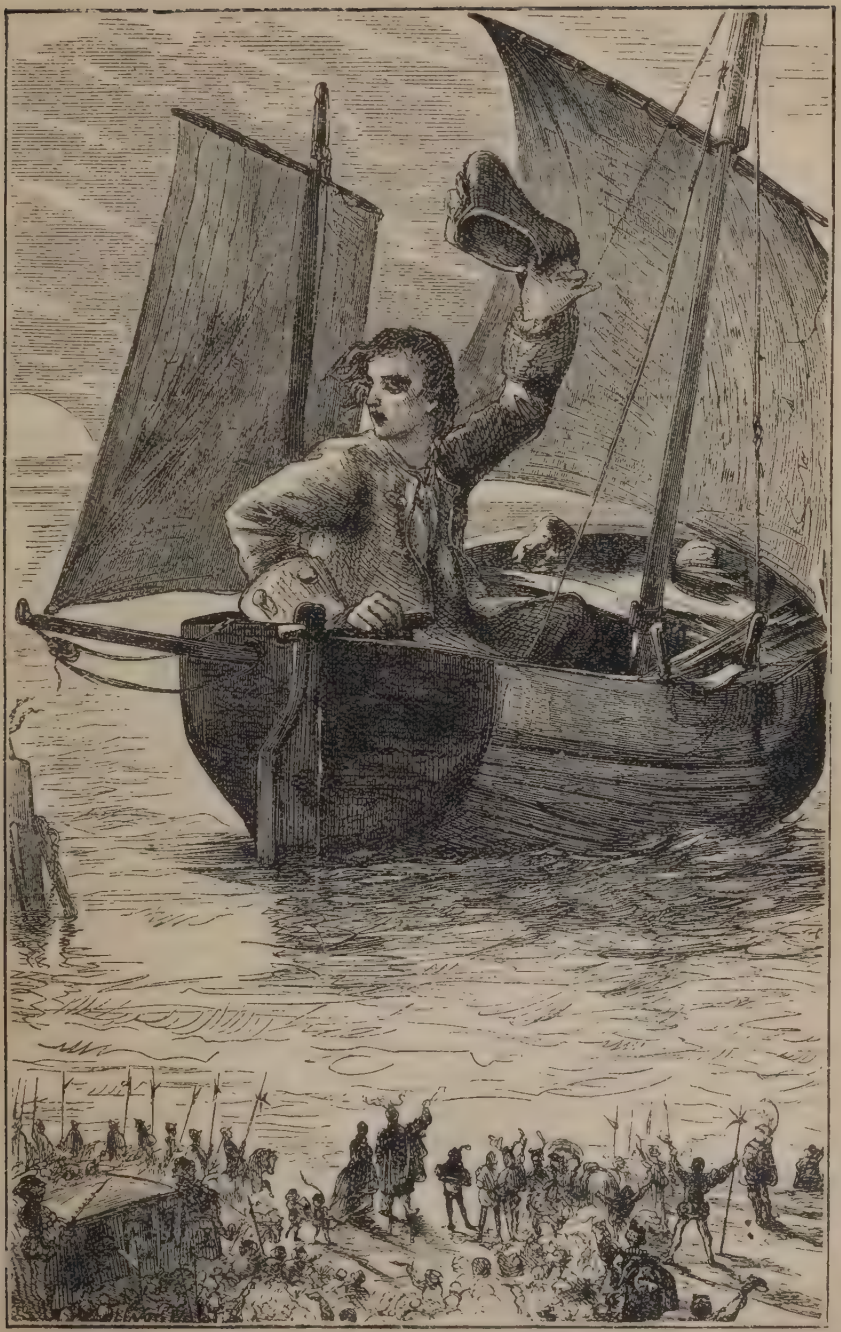
Съ такимъ отвѣтомъ уполномоченный вернулся къ императору лиллипутовъ, а императоръ Блефуску разсказалъ мнѣ все, какъ было, предлагая въ то-же время (но подъ строжайшимъ секретомъ) свое милостивое покровительство въ томъ случаѣ, если я пожелаю остаться у него на службѣ. Но я рѣшилъ никогда больше не полагаться на королей и министровъ, если можно будетъ этого избѣжать, и потому, хоть я вполнѣ вѣрилъ искренности чувствъ императора Блефуску, я все-таки отвѣтилъ ему, что, принося мою глубокую признательность за столь благосклонное предложеніе, я долженъ отъ него отказаться, за что почтительнѣйше прошу меня извинить. „Коль скоро моя счастливая или несчастная судьба поставила на моемъ пути эту лодку“, сказалъ я, „я предпочитаю рискнуть пуститься въ открытый океанъ, чѣмъ стать яблокомъ раздора для двухъ могущественныхъ монарховъ“. Къ моему удивленію я не замѣтилъ, чтобы его величество остался недоволенъ моимъ

отвѣтомъ, а потомъ я случайно узналъ, что онъ былъ даже радъ моему рѣшенію, такъ же какъ и большинство его министровъ.

Это обстоятельство заставило меня поспѣшить приготовленіями къ отъѣзду, въ чемъ мнѣ весьма охотно содѣйствовалъ весь дворъ, ибо всѣ они не могли дождаться, когда я уѣду. Пятьсотъ рабочихъ получили инструкцію сшить по моимъ указаніямъ два паруса для моей лодки изъ самой толстой парусины, которую все-таки пришлось сложить въ тринадцать разъ. Я взялъ на себя трудъ заготовленія веревокъ и канатовъ, причемъ мнѣ приходилось ссучивать по десяти, по двадцати, даже по тридцати самыхъ толстыхъ и крѣпкихъ ихъ веревокъ въ одну. Большой камень, который, послѣ долгихъ поисковъ, мнѣ посчастливилось найти на берегу, долженъ былъ служить мнѣ якоремъ. Я заготовилъ также большой запасъ говяжьяго жира (отъ трехсотъ коровъ) для смазки лодки и для другихъ надобностей. На весла и на мачты я срѣзалъ нѣсколько штукъ самыхъ большихъ деревьевъ, что стоило мнѣ неимовѣрнаго труда; впрочемъ въ этой работѣ мнѣ много помогли корабельные плотники изъ королевскихъ верфей: они обстругивали ивы равнивали болванки, которыя я вытесывалъ на черно.

Черезъ мѣсяцъ или около того, когда всѣ приготовленія были окончены, я послалъ сказать императору, что желаю съ нимъ проститься и прошу у него разрѣшенія на отъѣздъ. Императоръ и члены королевской фамиліи вышли изъ дворца. Я легъ на землю ничкомъ, чтобы поцѣловать его величеству руку, которую онъ весьма милостиво мнѣ протянулъ. Его примѣру послѣдовали императрица и молодые принцы крови. Государь презентовалъ мнѣ пятьдесятъ кошельковъ съ двумя стами *спругами* въ каждомъ и свой портретъ во весь ростъ, который я тутъ-же засунулъ подъ перчатку, чтобы предохранить отъ поврежденій. Вообще мой отъѣздъ сопровождался множествомъ церемоній, о которыхъ, боясь наскучить читателю, я пока умолчу.

Изъ провіанта я взялъ съ собой въ лодку сто штукъ коровьихъ и триста бараньихъ тушъ, а также соотвѣтственный запасъ хлѣба и напитковъ и такое количество жареной говядины, какое могли изготовить заразъ четыреста поваровъ. Кромѣ того, я взялъ на племя шесть живыхъ коровъ и двухъ быковъ и столько-же овецъ и барановъ съ тѣмъ чтобы вернувшись на родину развести тамъ эти породы, а чтобы было чѣмъ кормить животныхъ во время плаванія, я захватилъ хорошую вязанку сѣна и мѣшокъ съ зерномъ. Я-бы съ радостью прихватилъ еще пятокъ другой туземцевъ, но императоръ ни подъ какимъ видомъ не допустилъ-бы такой вещи. Въ предупрежденіе возможности всякой подобной попытки съ моей стороны онъ даже не удовольствовался



24 сентября 1701 года въ 6 часовъ утра я вышелъ въ море.

приказаніемъ тщательно обыскать мои карманы, а взялъ еще съ меня честное слово, что я „не увезу ни одного изъ его подданныхъ, буде даже кто-либо изъ нихъ пожелаетъ ѣхать со мной или выразитъ на то свое согласіе".

Окончивъ такимъ образомъ всѣ нужныя приготовленія по мѣрѣ умѣнья и силъ, я поднялъ паруса и двадцать четвертаго сентября 1701 года въ шесть часовъ утра вышелъ въ море. Пройдя при юго-восточномъ вѣтрѣ около двѣнадцати миль на сѣверъ, я въ шесть часовъ вечера увидѣлъ миляхъ въ полутора впереди, на сѣверо-западѣ, небольшой островокъ. Я сталъ держать на сѣверо-западъ и вскорѣ бросилъ якорь у островка съ подвѣтренной его стороны. Островъ казался необитаемымъ. Подкрѣпившись ѣдой, я легъ спать. Заснулъ я очень крѣпко и, по моимъ соображеніямъ, проспалъ не менѣе шести часовъ, потому-что, часа черезъ два послѣ того какъ я проснулся, начало свѣтать. Когда-же я проснулся, была свѣтлая лунная ночь. Я позавтракалъ еще до солнца и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поднялъ якорь и взялъ тотъ-же курсъ, какимъ шелъ наканунѣ, справляясь со своимъ карманнымъ компасомъ. Мнѣ хотѣлось, если будетъ возможно, добраться до одного изъ острововъ, лежавшихъ, по моимъ догадкамъ, къ сѣверо-востоку отъ Вандименовой Земли. Весь этотъ день я не видалъ ни береговъ, ни судовъ,—ничего, кромѣ моря; но на слѣдующій день, часовъ около трехъ пополудни, когда, по моему разсчету, я отошелъ отъ Блефуску на семьдесятъ слишкомъ миль, я замѣтилъ парусное судно, которое шло на юго-востокъ. Я замахалъ платкомъ и сталъ кричать, но мнѣ не отвѣчали. Однако вскорѣ я замѣтилъ, что нагоняю судно: я держалъ теперь курсъ прямо на востокъ, а такъ какъ вѣтеръ началъ слабѣть, то понятно, ходъ большого судна, сравнительно съ ходомъ моей лодки, замедлялся сильнѣе. Я поставилъ всѣ паруса и черезъ полчаса меня увидѣли съ корабля: тамъ выкинули флагъ и выпалили изъ пушки. Невозможно описать мою радость въ тотъ моментъ, когда во мнѣ воскресла надежда еще разъ увидѣть дорогую отчизну и милыхъ сердцу людей, остававшихся тамъ. Корабль убавилъ паруса и сердце чуть не выскочило у меня изъ груди, когда я увидѣлъ на немъ англійскій флагъ. 26-го сентября, между пятью и шестью часами пополудни, я причалилъ къ борту корабля. Посадивъ въ наружные карманы своихъ коровъ, быковъ и овецъ и забравъ свой небольшой запасъ провіанта, я взошелъ на корабль. Это было англійское торговое судно, возвращавшееся изъ Японіи южными морями (въ тотъ моментъ мы находились подъ 30^0 южной широты). На немъ было пятьдесятъ человѣкъ и въ ихъ числѣ мой старый товарищъ, нѣкто Питеръ Вилльямсъ, отрекомендовав-

шій меня капитанъ съ самой лучшей стороны. Капитанъ, м-ръ Джонъ Биддель изъ Дептфорда, превосходный морякъ, оказался человѣкомъ чрезвычайно любезнымъ. Онъ обошелся со мной весьма благосклонно и сталъ разспрашивать, откуда я ѣду, куда первоначально держалъ путь и въ какихъ краяхъ былъ теперь. Когда я въ короткихъ словахъ разсказалъ ему мои приключенія, онъ подумалъ, что я брежу, что мой умъ помутился отъ опасностей

Я досталъ изъ кармановъ моихъ коровъ и овецъ.

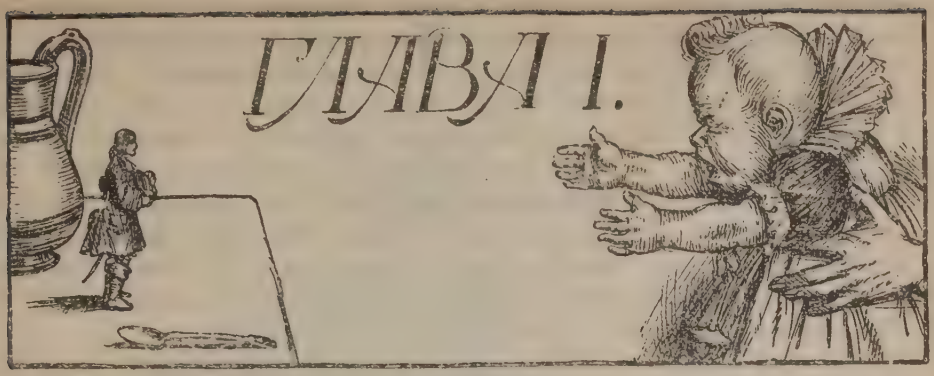
и лишеній, которыя мнѣ пришлось пережить. Тогда я досталъ изъ кармановъ моихъ коровъ и овецъ, послѣ чего, немного опомнившись отъ изумленія, овладѣвшаго имъ въ первую минуту, онъ, наконецъ, убѣдился въ правдивости моего разсказа. Я показалъ ему также золотыя монеты, подаренныя мнѣ императоромъ Блефуску, портретъ его величества во весь ростъ и многія другія диковинки, вывезенныя мною изъ этой страны. Я подарилъ ему два кошелька съ двумя стами *спругами* въ каждомъ и пообѣщалъ, что по пріѣздѣ въ Англію подарю еще тельную корову и овцу.

Не стану утомлять читателя подробнымъ описаніемъ моего

дальнѣйшаго плаванія, которое, говоря вообще, было весьма благополучно. 13-го апрѣля 1702 года мы пришли въ Даунсъ. За все плаваніе со мной приключилась только одна непріятность, а именно: корабельныя крысы утащили у меня овцу. Я нашелъ потомъ въ щели между досками однѣ ея косточки: все мясо было объѣдено. Весь остальной скотъ я благополучно привезъ въ Гринвичъ, гдѣ и пустилъ его пастись на лужайку, расчищенную подъ крикетъ. Я боялся, что мягкая травка, которая росла на этой лужайкѣ, будетъ все-таки слишкомъ грубымъ кормомъ для моихъ звѣрковъ, но они кушали ее преисправно. Считаю своимъ долгомъ прибавить, что мнѣ едвали удалось-бы сберечь ихъ въ такомъ продолжительномъ плаваніи, еслибъ не любезность капитана, предоставившаго въ мое пользованіе лучшіе сорта своихъ сухарей. Я растиралъ сухари въ порошокъ, размѣшивалъ водой, и это-то мѣсиво служило постояннымъ кормомъ для моего скота. Въ тотъ короткій промежутокъ времени, который я провелъ въ Англіи, я получалъ изрядный доходъ, показывая моихъ животныхъ за плату всѣмъ желающимъ; а передъ тѣмъ какъ отправиться въ новое плаваніе, я продалъ ихъ за шестьсотъ фунтовъ. Вернувшись домой изъ этого плаванія, я засталъ, что мой скотъ сильно расплодился, особенно овцы, что, по моему мнѣнію, должно немало способствовать развитію шерстяной мануфактуры въ нашей странѣ въ виду необыкновенной тонкости руна этой породы овецъ.

Я прожилъ съ семьей только два мѣсяца: меня томило ненасытное желаніе видѣть новыя земли, и я не могъ усидѣть дольше на мѣстѣ. Я нанялъ женѣ хорошую квартиру въ Редрифѣ и оставилъ ей полторы тысячи фунтовъ. Весь остальной капиталъ, частью въ деньгахъ, частью въ вещахъ, я взялъ съ собой. Мой старшій дядя, Джонъ, оставилъ мнѣ по завѣщанію небольшое имѣнье близь Эппинга, приносившее до тридцати фунтовъ годового дохода; да кромѣ того, я держалъ въ Феттеръ-Лэнѣ, въ долгосрочной арендѣ, таверну „Чернаго Быка“, съ которой получалъ еще тридцать фунтовъ. Такимъ образомъ мнѣ было нечего бояться, что съ моимъ отъѣздомъ семья моя останется на иждивеніи прихода. Сынокъ мой, Джонни, названный такъ въ честь дяди, былъ мальчикъ очень смышленый и уже учился въ классической школѣ. Дочь Бетти (теперь она замужемъ и имѣетъ дѣтей) въ то время училась кройкѣ и шитью. Итакъ, я простился съ женой, съ сыномъ и дочерью, при чемъ не обошлось безъ слезъ съ обѣихъ сторонъ, и сѣлъ на корабль „Приключеніе“. Это было большое торговое судно въ триста тоннъ; крайнимъ пунктомъ его назначенія былъ Суратъ, капитана звали Джонъ Николасъ. Но описаніе этого путешествія составитъ вторую часть моей книги.

ПУТЕШЕСТВІЕ
КЪ
БРОДЯГИНЬЯМЪ
HERBERT COLE. '99.



Описаніе сильнаго шторма. Съ корабля отправляютъ баркасъ за прѣсной водой; авторъ съѣзжаетъ на берегъ на этомъ баркасѣ, желая осмотрѣть мѣстность. — Его оставляютъ на берегу, и онъ попадается въ руки одному изъ туземцевъ — фермеру, который приноситъ его къ себѣ въ домъ. — Какъ его тамъ принимаютъ. Дальнѣйшія его приключенія въ фермерскомъ домѣ. — Обитатели страны.

Какъ видно, я предназначенъ самой судьбой и природой къ безпокойной, непосѣдливой жизни. Едва прошло два мѣсяца со времени моего возвращенія домой, какъ я уже снова покинулъ родную страну. 20-го іюня 1702 года я вышелъ въ море изъ Даунса на кораблѣ „Приключеніе“ (командиръ—капитанъ Джонъ Николасъ, родомъ корнвалліецъ; мѣсто назначенія—Суратъ). До мыса Доброй Надежды мы шли попутнымъ вѣтромъ; здѣсь бросили якорь, чтобы запастись свѣжей водой. Но въ кораблѣ открылась течь; кромѣ того, капитанъ захворалъ перемежающейся лихорадкой; мы разгрузили корабль и зазимовали на берегу. Только въ концѣ марта мы снова вышли въ море. Вначалѣ плаваніе было удачно; мы благополучно миновали Мадагаскарскій проливъ, но 19-го апрѣля, когда мы были приблизительно на 5^0 южной широты, нѣсколько сѣвернѣе Мадагаскара, сѣверо-западный вѣтеръ, который, по наблюденіямъ моряковъ, постоянно и равномѣрно дуетъ въ этихъ моряхъ отъ начала декабря по начало мая, задулъ съ особенной силой и притомъ скорѣе съ запада, чѣмъ съ сѣверо-запада. Такъ продолжалось двадцать дней безъ перерыва, и за этотъ промежутокъ времени насъ отнесло къ востоку, такъ-что мы очутились немного восточнѣе Молуккскихъ острововъ и приблизительно на три градуса къ сѣверу отъ экватора, какъ оказалось изъ наблюденій, произведенныхъ капитаномъ 2-го мая. Къ этому дню вѣтеръ прекратился и наступилъ полнѣйшій штиль. Я этому очень обрадовался, но капитанъ, какъ человѣкъ опытный въ морскомъ дѣлѣ и притомъ много плававшій въ тѣхъ моряхъ, приказалъ командѣ готовиться къ

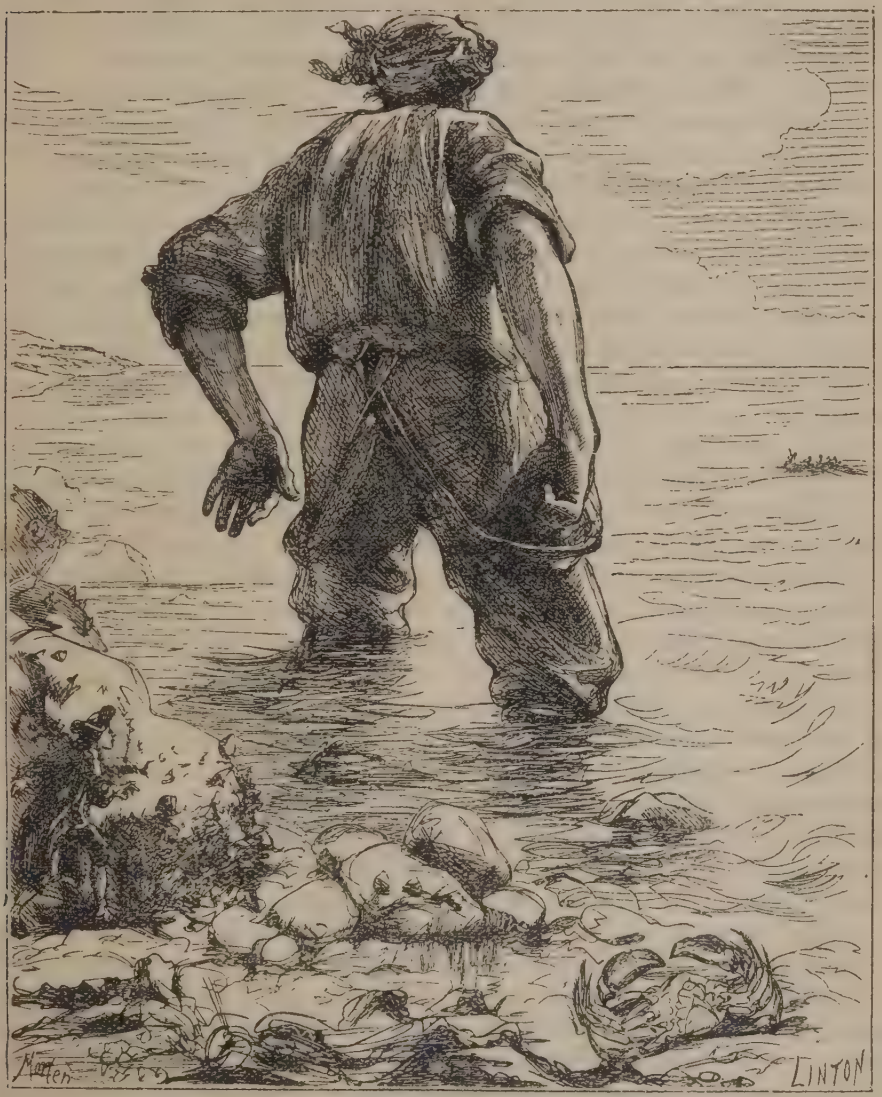
штормy. И дѣйствительно, на другой день задулъ южный вѣтеръ—такъ называемый южный муссонъ,—и штормъ разразился.

Видя, что вѣтеръ крѣпчаетъ, мы убрали блиндъ и поставили людей къ фоку на случай, если понадобится убрать и его. Штормъ все усиливался. Тогда мы осмотрѣли, хорошо-ли привязаны пушки, и убрали бизань. Передъ нами было открытое море; поэтому капитанъ счелъ болѣе благоразумнымъ идти на фордевиндъ, чѣмъ лечь въ дрейфъ или повернуть къ берегу. Мы взяли фокъ на рифы и натянули шкотъ. Корабль шелъ молодцомъ. Мы закрѣпили ниралъ, но парусъ лопнулъ. Тогда спустили рею и освободили ее отъ паруса и снастей.

Штормъ былъ жестокій, море бушевало, и опасность была велика. Мы взяли румпель на тальрепъ и поставили къ рулю еще человѣка. Капитанъ не хотѣлъ спускать стеньги въ виду того, что передъ судномъ было довольно простору, а при этомъ условіи, какъ извѣстно, стеньга уменьшаетъ опасность и выразниваетъ ходъ корабля. Когда штормъ сталъ затихать, мы поставили фокъ и гротъ, а затѣмъ бизань, большой и малый марселя. Курсъ нашъ лежалъ на востокъ-сѣверо-востокъ, вѣтеръ былъ юго-западный. Мы вытравили правые галсы, выбросили брасы и топенанты, сбрасовили подъ вѣтеръ, закрѣпили булиня и, повернувъ бизань круто къ вѣтру, начали лавировать. Покуда длился штормъ, смѣнившійся сильнымъ западо-юго-западнымъ вѣтромъ, насъ, по моему разсчету, снесло на полторы тысячи приблизительно миль къ востоку, такъ-что самые старые моряки на кораблѣ не могли сказать съ точностью, въ какой части свѣта мы находимся. Въ провіантѣ пока не предвидѣлось недостатка, корабль былъ надежный, команда здорова; но насъ пугала близкая перспектива остаться безъ прѣсной воды. Капитанъ счелъ за лучшее держаться прежняго курса, боясь, что, если мы повернемъ къ сѣверу, насъ можетъ снести къ сѣверо-западной части Великой Татаріи, а затѣмъ въ Ледовитый океанъ.

16-го іюня 1703 года нашъ юнга увидалъ землю съ гротъ-мачты, а 17-го мы были въ виду большого острова или материка (мы не могли сказать съ точностью, того или другого). Съ южной стороны этого острова земля выдавалась въ море узкой косой, образуя небольшую бухточку. Но бухточка была слишкомъ мелка для корабля въ сто слишкомъ тоннъ. Мы бросили якорь миляхъ въ трехъ отъ нея, и капитанъ отправилъ на берегъ баркасъ съ боченками для прѣсной воды и съ двѣнадцатью хорошо вооруженными людьми. Я отпросился ѣхать съ ними, такъ какъ мнѣ хотѣлось осмотрѣть мѣстность: „Можетъ быть посчастливится сдѣлать интересную находку“, думалъ я. Съѣхавъ на землю, мы не открыли никакихъ признаковъ ни рѣки, ни ручья, ни жилья человѣческаго.

Матросы разбрелись по берегу въ поискахъ за водой, а я направился вглубь страны. Передо мной тянулась пустынная, скалистая мѣстность. Отойдя съ милю отъ берега, я почувствовалъ усталость



Я вдругъ увидѣлъ существо неслыханныхъ размѣровъ, которое гналось за баркасомъ.

и, не видя впереди ничего любопытнаго, повернулъ назадъ и, не спѣша, пошелъ опять къ берегу. Вся бухточка, а за ней открытое

море были мнѣ видны, какъ на ладони, и тутъ я замѣтилъ, что наши люди уже сидятъ въ лодкѣ и изо всѣхъ силъ гребутъ къ кораблю. Я только-что хотѣлъ ихъ окликнуть (впрочемъ, это ни къ чему бы не повело: они не могли услышать меня на такомъ разстояніи), какъ вдругъ увидѣлъ нѣчто необычайное: существо, имѣвшее человѣческій обликъ, но неслыханныхъ, колоссальныхъ размѣровъ, гналось по водѣ за баркасомъ. Вода доходила ему только до колѣнъ. Чудовище шагало огромными шагами, видимо торопясь; но наши люди были впереди, по крайней мѣрѣ на полторы мили; къ тому-же дно бухточки было все усѣяно острыми камнями, такъ что гигантъ не могъ ихъ догнать. Все это мнѣ разсказали потомъ, а въ ту минуту я такъ испугался, что, не дожидаясь конца приключенія, повернулъ назадъ и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ по той самой дорогѣ, по которой пришелъ. Добѣжавъ до крутого холма, я взобрался на верхушку, и передо мной открылся довольно широкій видъ на окрестную мѣстность. Я увидѣлъ кругомъ вспаханныя, хорошо обработанныя поля; но что меня прежде всего поразило, такъ это вышина травы: на тѣхъ участкахъ, которые, повидимому, были отведены подъ сѣнокосъ, она достигала двадцати футъ.

Я вышелъ на большую дорогу (т. е. это *я* принялъ ее за большую, хотя для туземцевъ это была просто тропинка, пролегавшая черезъ ячменное поле). Я шелъ довольно долго, но ничего не видѣлъ по сторонамъ, такъ какъ настало время жатвы, и ячмень былъ очень высокъ—не ниже сорока футъ. Черезъ часъ я дошелъ до конца поля. Оказалось, что оно обнесено изгородью, по меньшей мѣрѣ въ сто двадцать футъ вышиной, а вышину виднѣвшихся за полемъ деревьевъ я не могъ опредѣлить даже съ приблизительной точностью, — такъ они были громадны. Къ этому полю примыкало другое, и черезъ раздѣлявшую ихъ изгородь былъ устроенъ переходъ въ четыре каменныхъ ступеньки, заканчивавшихся наверху большимъ камнемъ. Для меня эта лѣстница была недоступна, ибо каждая ступенька имѣла не менѣе шести футъ вышины, а верхній камень — около двадцати. Я осматривался по сторонамъ, отыскивая въ изгороди какой-нибудь щелки, куда я могъ бы пролѣзть, какъ вдругъ увидѣлъ на сосѣднемъ полѣ второго туземца такого-же роста, какъ тотъ, который гнался за баркасомъ, т. е. вышиной съ добрую колокольню. Онъ быстро приближался къ каменной лѣстницѣ и дѣлалъ шаги по десяти ярдовъ, насколько я могъ опредѣлить на глазомѣръ. Не помня себя отъ изумленія и страха, я бросился бѣжать и запрятался между колосьями ячменя. Отсюда я увидѣлъ, что великанъ уже стоитъ на верхушкѣ лѣстницы. Вдругъ онъ обернулся назадъ къ сосѣднему полю и что-то прокричалъ. Голосъ его былъ безъ всякаго сравненія

громче голоса обыкновеннаго человѣка, говорящаго въ рупоръ, и раздавался съ такой высоты, что въ первый моментъ я былъ увѣренъ, что это загремѣлъ громъ. На окрикъ страшилища къ нему подошли еще семеро такихъ-же, какъ онъ; въ рукахъ у нихъ были серпы, по крайней мѣрѣ вшестеро больше нашей косы. Эти семеро были одѣты хуже перваго; должно быть это были его работники или слуги, потому-что, когда онъ имъ что-то такое сказалъ, они начали жать ячмень въ томъ полѣ, гдѣ я сидѣлъ притаившись. Я старался держаться отъ нихъ какъ можно дальше, но мнѣ было страшно трудно подвигаться впередъ, ибо стебли ячменя мѣстами отстояли не далѣе, какъ на футъ одинъ отъ другого, и я съ трудомъ могъ протиснуться между ними. Тѣмъ не менѣе я кое-какъ подвигался, пока не дошелъ до той части поля, гдѣ хлѣбъ прибило вѣтромъ и дождемъ Дальше нельзя было сдѣлать ни шагу: поломанные стебли ячменя до такой степени перепутались, что не было возможности даже проползти подъ ними, а усики колосьевъ были такъ тверды и остры на концахъ, что протыкали мое платье и кололи мнѣ тѣло. Между тѣмъ я уже слышалъ за собой приближавшихся жнецовъ: насъ раздѣляло самое большее сто ярдовъ. Изнемогая отъ усталости, не помня себя отъ страха и отчаянія, я легъ въ борозду и отъ всей души призывалъ смерть. Я уже оплакивалъ мою несчастную вдову и осиротѣлыхъ дѣтей; оплакивалъ и собственную мою глупость и то упорство, съ которымъ я пустился въ это второе странствіе, вопреки совѣтамъ всѣхъ моихъ родныхъ и друзей.

Но даже въ томъ жестокомъ душевномъ смятеніи, въ которомъ я находился, я не могъ не вспомнить о странѣ лиллипутовъ, гдѣ на меня смотрѣли, какъ на восьмое чудо свѣта, гдѣ я одной рукой могъ привести весь императорскій флотъ и вообще совершить столько подвиговъ, которые навѣрное будутъ занесены въ лѣтописи государства и никогда не умрутъ,—подвиговъ до того поразительныхъ, что имъ съ трудомъ повѣритъ потомство, хотя ихъ видѣли милліоны людей. И, вспоминая лиллипутовъ, я размышлялъ о томъ, какъ горько будетъ мнѣ казаться въ глазахъ великановъ, къ которымъ я теперь попалъ, такимъ-же ничтожнымъ, какимъ казался бы между нами каждый лиллипутъ. Но, разумѣется, эта бѣда была еще не самой горшей изъ всѣхъ, какая могла обрушиться на меня, ибо, если признать вѣрнымъ общераспространенное мнѣніе, что дикость и жестокость людей возрастаютъ пропорціонально ихъ размѣрамъ, то чего другого могъ я теперь ожидать, какъ не того, что меня проглотитъ живьемъ первый-же изъ варваровъ-колоссовъ, которому посчастливится меня изловить? Философы, безспорно, правы, когда говорятъ, что большое и малое — понятія относи-

тельныя. Быть можетъ, по волѣ судебъ, и лиллипуты когда-нибудь встрѣтятъ народъ такихъ же миніатюрныхъ людей по сравненію съ ними, какими казались сами они по сравненію со мной. И какъ знать?—можетъ быть, на краю свѣта, въ какой-нибудь еще не открытой землѣ, живетъ племя страшныхъ великановъ, въ такой-же степени превосходящихъ своими размѣрами обитателей здѣшней страны, въ какой эти послѣдніе превосходятъ меня.

Итакъ, несмотря на весь ужасъ моего положенія я не могъ не размышлять на эту тему. И вотъ, покуда я предавался моимъ не размышленіямъ, одинъ изъ жнецовъ подошелъ на десять ярдовъ къ бороздѣ, въ которой я лежалъ. „Еще одинъ его шагъ„, подумалъ я, „и онъ раздавитъ меня ногой, какъ букашку, или перерѣжетъ пополамъ своимъ серпомъ“. И, видя, что онъ собирается двинуться дальше, я закричалъ, вложивъ въ мой крикъ всю силу легкихъ, какую только можетъ придать страхъ. Гигантъ остановился, оглянулся направо, налѣво, наконецъ, взглянулъ себѣ подъ ноги и замѣтилъ меня. Съ минуту онъ что-то соображалъ съ естественной осторожностью человѣка, который хочетъ поймать зловреднаго маленькаго звѣрка и старается сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы тотъ не могъ ни укусить, ни оцарапать его (мнѣ вспомнилось, глядя на него въ эту минуту, какъ я ловилъ хорьковъ въ Англіи). Наконецъ онъ рѣшился: протянулъ руку и, взявъ меня сзади за середину туловища большимъ и указательнымъ пальцами, поднесъ аршина на три къ глазамъ, очевидно желая хорошенько разсмотрѣть, какъ я устроенъ. Я угадалъ его намѣреніе и, на мое счастье, настолько сохранилъ присутствіе духа, что когда онъ поднялъ меня на воздухъ, на шестьдесятъ слишкомъ футъ отъ земли, я не сталъ вырываться, хотя онъ пребольно давилъ мнѣ бока, боясь, чтобъ я не выскользнулъ у него изъ подъ пальцевъ. Я отважился только поднять глаза къ солнцу, сложить руки умоляющимъ жестомъ и произнести нѣсколько словъ смиреннымъ, грустнымъ голосомъ, приличествующимъ человѣку въ моемъ положеніи: дѣло въ томъ, что я каждую минуту боялся, какъ бы онъ не швырнулъ меня о земь, какъ мы обыкновенно это дѣлаемъ, когда хотимъ убить маленькое животное, внушающее намъ отвращеніе *). Но, благодаря моей счастливой звѣздѣ, судьба распорядилась такимъ образомъ, что мой голосъ и движенія понравились

*) Невниманіе, съ какимъ мы относимся къ ощущеніямъ живыхъ и чувствующихъ тварей только потому, что они малы, встрѣчаетъ строгое осужденіе въ этихъ строкахъ. Тѣ самые люди, которымъ ничего не стоитъ раздавить насѣкомое, содрогнутся отъ ужаса, если имъ предложатъ зарѣзать собаку; но слѣдовало бы всегда помнить, что самая маленькая козявка въ „своей предсмертной агоніи испытываетъ такія же жестокія муки, какія умирая испытываетъ великанъ“. *Гоксвортъ.*

Еще одинъ шагъ и онъ раздавитъ меня ногой какъ букашку.

ему. Онъ разсматривалъ меня съ большимъ любопытствомъ, видимо удивляясь, что я могу издавать членораздѣльные звуки, хоть и непонятные для него. Тѣмъ временемъ онъ такъ крѣпко сжималъ мнѣ пальцами ребра, что я не могъ удержаться отъ стоновъ и слезъ, движеніями головы я старался дать ему понять,что испытываю жестокую боль. Должно быть онъ меня понялъ, потому что сейчасъ же приподнялъ свободной рукой полу своего камзола и осторожно спустилъ меня на нее. Вслѣдъ затѣмъ, придерживая полу обѣими руками, онъ побѣжалъ показывать меня своему господину—тому самому зажиточному фермеру, котораго я уже видѣлъ въ полѣ.

Выслушавъ отъ своего работника все, что тотъ могъ разсказать обо мнѣ (конечно, я могъ только догадываться по ихъ переговорамъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ), фермеръ взялъ кусочекъ соломенки величиной съ хорошую трость и приподнялъ ею фалды моего камзола, который онъ, кажется, принималъ за кожу или за скорлупу, или вообще за предохранительную покрышку, данную мнѣ природой. Потомъ онъ сдулъ мои волосы со лба, чтобы лучше разсмотрѣть мое лицо; потомъ созвалъ своихъ работниковъ и спросилъ: „Не попадалось ли имъ когда-нибудь въ полѣ другого звѣрка такой же породы?“, послѣ чего, тихонько спустивъ меня до земли, поставилъ на четвереньки. Но я сейчасъ же поднялся на ноги и началъ медленно прохаживаться взадъ и впередъ, чтобы показать этимъ людямъ, что я не имѣю намѣренія бѣжать. Тогда всѣ они усѣлись въ кружокъ вокругъ меня, чтобы съ большимъ удобствомъ слѣдить за моими движеніями. Я снялъ шляпу и отвѣсилъ фермеру глубокій поклонъ, потомъ упалъ на колѣни, воздѣлъ глаза и руки къ небу и произнесъ нѣсколько словъ, стараясь кричать какъ можно громче. Наконецъ, я вынулъ изъ кармана кошелекъ и съ самымъ смиреннымъ видомъ поднесъ его фермеру. Онъ подставилъ ладонь и, когда я положилъ на нее кошелекъ, приподнялъ его къ самымъ глазамъ, чтобъ лучше разсмотрѣть, потомъ потрогалъ кончикомъ булавки (которую вынулъ изъ рукава), но такъ и не догадался, что это за штука.

Тогда я показалъ ему знаками, чтобъ онъ положилъ руку на землю кверху ладонью, взялъ у него кошелекъ, развязалъ и высыпалъ все золото ему въ руку. Тутъ было шесть испанскихъ червонцевъ по четыре пистоли, да штукъ двадцать или тридцать мелкихъ монетъ. Онъ послюнилъ кончикъ мизинца, поднялъ имъ сначала одну, потомъ другую большую монету и долго разсматривалъ ихъ, видимо не понимая ихъ назначенія. Наконецъ, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ положить деньги назадъ въ кошелекъ, а кошелекъ въ карманъ, что я счелъ за лучшее исполнить послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ попытокъ заставить его принять мой подарокъ.

Между тѣмъ фермеръ начиналъ убѣждаться, что я разумное существо. Онъ пробовалъ со мной заговаривать, но голосъ его совершенно меня оглушалъ, какъ оглушаетъ насъ шумъ водяной мельницы, хотя я все-таки могъ различить, что онъ говоритъ членораздѣльными звуками. Я отвѣчалъ ему на разныхъ языкахъ, стараясь говорить какъ можно громче; онъ подставлялъ мнѣ ухо.

Я снялъ шляпу и отвѣсилъ глубокій поклонъ.

пытаясь въ свою очередь разобрать, что я говорю; но все было напрасно: мы не понимали другъ друга. Наконецъ, отправивъ работниковъ жать, онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ, сложилъ его вдвое и разложилъ его на ладони лѣвой руки, потомъ положилъ руку на землю и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я сталъ на нее, что было нетрудно, такъ какъ толщина кисти его руки

не превышала одного фута. Мнѣ оставалось только повиноваться: я взобрался къ нему на ладонь и, боясь упасть, растянулся на платкѣ во весь ростъ. Тогда онъ приподнялъ свободный уголъ платка, прикрылъ меня имъ до самаго горла для пущей безопасности и въ такомъ видѣ понесъ къ себѣ въ домъ. Когда мы пришли, онъ кликнулъ жену и показалъ меня ей; но, увидавъ меня, она завизжала и отскочила назадъ, какъ это дѣлаютъ наши женщины, когда увидятъ паука или жабу. Однако, присмотрѣвшись ко мнѣ хорошенько и замѣтивъ, какъ прилично я себя веду и какъ хорошо понимаю знаки ея мужа, она примирилась со мной и мало-по-малу почувствовала къ моей особѣ величайшую нѣжность.

Когда время подошло къ полудню, служанка подала обѣдъ; онъ состоялъ всего изъ одного мясного кушанья (какъ оно и подобаетъ въ скромномъ быту земледѣльца), поданнаго на блюдѣ футъ въ двадцать пять въ діаметрѣ. За столъ сѣли фермеръ, его жена, трое дѣтей и бабушка. Когда всѣ усѣлись, хозяинъ поставилъ меня на столъ передъ своимъ приборомъ. Доска стола приходилась на тридцать футъ отъ полу; я страшно боялся упасть и старался держаться подальше отъ края. Фермерша отрѣзала кусочекъ мяса, накрошила хлѣба, положила все это на отдѣльную тарелку и поставила передо мной. Я низко ей поклонился, досталъ свои походные ножикъ и вилку и приступилъ къ ѣдѣ. Хозяевамъ доставляло огромное удовольствіе смотрѣть, какъ я ѣмъ. Хозяйка велѣла служанкѣ подать ликерную рюмочку (которая оказалась вмѣстимостью въ добрыхъ шесть штофовъ) и налила въ нее какого-то питья. Я приподнялъ эту посудину обѣими руками, да и то съ великимъ трудомъ, и, выразивъ миледи мое глубокое почтеніе, выпилъ за ея здоровье. Я изъяснялся по англійски, крича при этомъ во все горло, и, глядя на меня, вся компанія покатилась со смѣху, отъ котораго я чуть не оглохъ. Напитокъ, которымъ меня угостили, немного напоминалъ слабый сидръ и былъ довольно пріятенъ на вкусъ. Тутъ хозяинъ поманилъ меня къ себѣ, но такъ какъ я все еще не могъ опомниться отъ изумленія и чувствовалъ себя весьма непокойно (въ чемъ снисходительный читатель, надѣюсь, меня извинитъ, входя въ мое положеніе), то, пробираясь къ хозяйскому прибору, я нечаянно споткнулся о корку и полетѣлъ носомъ въ столъ. Впрочемъ я нисколько не ушибся. Я сейчасъ-же поднялся на ноги и, замѣтивъ, что добрякъ фермеръ и вся его семья очень за меня испугались, взялъ въ руку свою шляпу (которую изъ приличія держалъ все время подъ мышкой), помахалъ ею надъ головой и прокричалъ три раза *ура*, дабы показать, что паденіе не причинило мнѣ никакого вреда. Но въ ту минуту, когда я подошелъ къ моему господину (такъ я буду

отнынѣ его называть), меньшой его сынъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ,—шустрый мальчишка лѣтъ десяти,—схватилъ меня за ноги и поднялъ на такую страшную высоту, что у меня затряслись всѣ поджилки. Въ тотъ-же мигъ отецъ выхватилъ меня изъ рукъ сына и, закативъ ему хорошую затрещину въ лѣвое ухо (я думаю, цѣлый кавалерійскій эскадронъ европейскаго войска сшибло-бы съ ногъ однимъ такимъ ударомъ), приказалъ ему выйти изъ за стола. Но, испугавшись, какъ-бы мальчуганъ не затаилъ противъ меня злобы (потому-что я знаю, какъ жестоки бываютъ иногда наши дѣти къ воробьямъ, кроликамъ, котятамъ и щенкамъ), я упалъ на колѣни и, показывая на мальчика, старался объяснить моему

Она была втрое больше быка.

господину, что я прошу его простить сына. Фермеръ согласился, и мальчикъ снова занялъ свое мѣсто за столомъ. Тогда я подошелъ къ нему и поцѣловалъ ему руку, а отецъ его взялъ эту руку и тихонько погладилъ ею меня по спинѣ.

Во время обѣда къ хозяйкѣ на колѣни вскочила ея любимая кошка. Я услыхалъ у себя за спиной какой-то странный шумъ въ родѣ того, какъ еслибы дюжина чулочныхъ ткачей разомъ принялись за работу. Я оглянулся назадъ и увидѣлъ, что это мурлычетъ кошка. Она была втрое больше быка, какъ я это могъ заключить

по головѣ ея и по лапѣ, которыя были мнѣ видны. Хозяйка кормила ее и гладила по спинѣ. Пораженный свирѣпымъ видомъ этого звѣря, я совсѣмъ растерялся, хотя стоялъ слишкомъ въ пятидесяти футахъ разстоянія отъ него на противоположномъ концѣ стола и видѣлъ, что хозяйка крѣпко держитъ его, чтобы онъ какъ-нибудь не бросился на меня и не схватилъ меня въ свои когти. Но казалось, что мнѣ не грозитъ ни малѣйшей опасности: кошка не обратила на меня никакого вниманія даже тогда, когда хозяинъ поставилъ меня въ трехъ ярдахъ отъ нея. Я много разъ слышалъ и потомъ убѣдился на опытѣ во время моихъ путешествій, что убѣгать отъ хищнаго звѣря или вообще обнаружить страхъ передъ нимъ значитъ навѣрняка вызвать его нападеніе; по этому теперь, понимая всю опасность моего положенія, я рѣшилъ ничѣмъ не выдавать своего безпокойства. Я храбро прошелся разъ пять или шесть передъ самымъ носомъ кошки попробовалъ даже подойти къ ней на полъ-аршина, но она быстро подалась назадъ, какъ будто сама боялась меня. Кромѣ кошки въ домѣ были и собаки; пока мы сидѣли за столомъ, въ комнату вошло три или четыре пса, какъ это водится въ деревенскихъ домахъ, но ихъ я не такъ испугался, какъ кошки. Одна собака была дворовая съ четырехъ слоновъ ростомъ; другая—борзая, немного повыше дворовой, но не такая массивная.

Въ концѣ обѣда вошла кормилица съ годовалымъ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ моментально увидѣлъ меня и поднялъ такой отчаянный вопль, что, право, его можно было-бы слышать отъ Лондонскаго моста до Чельси: онъ требовалъ, чтобы меня дали ему поиграть, и выражалъ свое желаніе съ назойливымъ краснорѣчіемъ, отличающимъ всѣхъ младенцевъ. Хозяйка, со свойственной матерямъ снисходительностью и наклонностью къ баловству, взяла меня въ руку и поднесла ребенку; но не успѣла она опомниться, какъ онъ схватилъ меня поперекъ туловища и засунулъ мою голову себѣ въ ротъ. Я заревѣлъ такимъ дикимъ голосомъ, что ребенокъ перепугался и выпустилъ меня изъ рукъ. Я неминуемо сломалъ-бы себѣ шею, еслибы хозяйка не подставила передникъ, на который я и упалъ. Кормилица, чтобы успокоить малютку, принялась трещать погремушкой, которая висѣла у него на поясѣ на толстомъ канатѣ и представляла нѣчто въ родѣ боченка, наполненнаго большими каменьями. Но все было напрасно: ребенокъ не унимался, и кормилица должна была прибѣгнуть къ послѣднему средству — дать ему грудь. Сознаюсь откровенно, никогда въ жизни я не видалъ такого отвратительнаго зрѣлища, какъ эта чудовищная грудь; я даже не могу придумать, съ чѣмъ ее сравнить, чтобы дать читателю хоть слабое представленіе объ ея раз-

мѣрахъ, формѣ и цвѣтѣ. Она выдавалась впередъ на шесть футъ и имѣла не менѣе шестнадцати въ окружности. Сосокъ былъ съ половину моей головы, при чемъ и грудь и сосокъ были испещрены какими-то пятнами, пупырышками и веснушками, такъ-что отъ одного ихъ вида тошнило. Все это я могъ хорошо разсмотрѣть, такъ какъ кормилица для большаго удобства присѣла къ столу, а я стоялъ на столѣ у того-же края. Созерцаніе этой тош-

Ребенокъ засунулъ мою голову себѣ въ ротъ.

нотворной картины навело меня на размышленія по поводу бѣлизны и нѣжности кожи нашихъ англійскихъ дамъ; я говорилъ себѣ: „Вѣдь только оттого онѣ и кажутся намъ такими красивыми, что мы съ ними приблизительно одного роста и можемъ видѣть ихъ изъяны только въ увеличительное стекло, а подъ микроскопомъ самая гладкая и бѣлая кожа окажется грубой, неровной и непріятнаго цвѣта“.

Я помню, когда я былъ у лиллипутовъ, мнѣ казалось, что нѣтъ въ мірѣ народа съ такимъ чудеснымъ цвѣтомъ лица, какъ у этихъ крошечныхъ людей, и когда какъ-то разъ мнѣ случилось бесѣдовать по этому поводу съ однимъ изъ тамошнихъ ученыхъ, моимъ короткимъ пріятелемъ, онъ сказалъ, что мое лицо кажется ему гораздо бѣлѣе и глаже, когда онъ смотритъ на меня издали, стоя на землѣ, чѣмъ когда я беру его въ руки и подношу къ себѣ вплотную; онъ даже прямо сознался, что первое время ему было противно смотрѣть на меня. Онъ говоритъ, что „различаетъ на моей кожѣ глубокія ямы, что пеньки волосъ на моей бритой бородѣ вдесятеро толще кабаньей щетины, а цвѣтъ лица у меня пестрый, чрезвычайно непріятный на видъ“ А между тѣмъ мое лицо, осмѣлюсь замѣтить, нисколько не темнѣе, чѣмъ у большинства моихъ соотечественниковъ, и даже сравнительно мало загорѣло отъ постоянныхъ странствій. Съ другой-же стороны, о придворныхъ дамахъ лиллипутскаго королевства пріятель мой говорилъ, что „у одной вся физіономія въ веснушкахъ, у другой ротъ слишкомъ широкъ, у третьей великъ носъ“, тогда какъ я ничего этого не замѣчалъ. Пожалуй, многіе найдутъ банальными мои разсужденія на эту тему. Согласенъ, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго; но я считалъ своимъ долгомъ ихъ высказать, дабы читатель не подумалъ, что огромныя существа, къ которымъ я попалъ, были на самомъ дѣлѣ такими уродами, какими они мнѣ показались сначала, потому-что въ сущности это очень красивый народъ я не могу не отдать имъ въ этомъ справедливости. Особенно нравилась мнѣ наружность моего господина: черты его лица (хоть онъ былъ простой фермеръ) я находилъ вполнѣ пропорціональными, когда смотрѣлъ на него снизу на разстояніи шестидесяти футъ.

Послѣ обѣда хозяинъ отправился къ рабочимъ и, уходя, строго наказалъ женѣ (какъ я могъ догадаться по его тону и жестамъ), чтобы она позаботилась обо мнѣ. Я былъ очень утомленъ, и мнѣ хотѣлось спать. Замѣтивъ это, хозяйка отнесла меня къ себѣ на постель, уложила и накрыла чистымъ носовымъ платкомъ, который былъ больше и толще большого паруса съ нашаго линейнаго корабля.

Я проспалъ часа два. Мнѣ приснилось, что я дома съ женой и дѣтьми, и грусть моя только усилилась, когда, проснувшись, я увидѣлъ, что я одинъ въ огромной комнатѣ отъ двухсотъ до трехсотъ футъ въ поперечникѣ и футовъ въ двѣсти вышиной, и лежу на постели шириной въ двадцать ярдовъ. Моя госпожа ушла куда-то по хозяйству и заперла меня на замокъ. Кровать, на которой я лежалъ, возвышалась на восемь ярдовъ отъ полу, а между тѣмъ мнѣ необходимо было слѣзть на полъ за естествен-

ной нуждой. Позвать я не смѣлъ, да это было-бы и безполезно; на такомъ большомъ разстояніи, какъ отъ комнаты, гдѣ я спалъ, и до кухни, гдѣ сидѣли хозяева, никто все равно не услышалъ-бы моего голоса. Покуда я придумывалъ, какъ мнѣ выйти изъ этого затрудненія, двѣ крысы взобрались по пологу на постель и принялись шнырять по ней, обнюхивая, нѣтъ-ли гдѣ чего-нибудь съѣстного. Одна подбѣжала чуть-что не къ самому моему лицу. Я вскочилъ въ страшномъ испугѣ, выхватилъ кортикъ изъ ноженъ и приготовился защищаться. Страшныя животныя оказались чрезвычайно смѣлыми: они напали на меня съ двухъ сторонъ, а одна крыса даже стала мнѣ на плечи передними лапами. Къ счастью, мнѣ удалось распороть ей кортикомъ брюхо, и она свалилась мнѣ подъ ноги, не причинивъ мнѣ вреда. Другая-же, увидѣвъ, какая участь постигла ея товарку, пустилась на утекъ; но я все таки успѣлъ проводить ее хорошимъ ударомъ въ спину, такъ что, убѣгая, она оставила за собой длинный кровавый слѣдокъ. Совершивъ этотъ подвигъ, я нѣсколько разъ тихонько прошелся по постели, чтобы успокоить свои нервы и придти въ себя. Эти крысы были величиной съ нашего большого дворового пса, но несравненно проворнѣе и злѣе, такъ-что, сними я только свой кортикъ передъ тѣмъ, какъ лечь спать, онѣ бы неминуемо растерзали и съѣли меня. Я смѣрилъ хвостъ убитой крысы: въ немъ оказалось два ярда безъ одного дюйма. Мнѣ очень хотѣлось столкнуть трупъ съ постели, гдѣ онъ лежалъ, плавая въ крови, но было противно дотронуться до него. Я замѣтилъ, что животное еще проявляетъ слабые признаки жизни и прикончилъ его сильнымъ ударомъ кортика по шеѣ.

Вскорѣ послѣ того въ комнату вошла моя госпожа. Увидѣвъ, что я весь въ крови, она подбѣжала ко мнѣ и взяла меня на руки. Я показалъ на мертвую крысу, улыбаясь и стараясь знаками дать ей понять, что я цѣлъ и невредимъ. Она поняла и очень обрадовалась. Кликнувъ работницу, она велѣла ей взять щипцы и выбросить за окно дохлую крысу, а сама поставила меня на столъ. Тогда я показалъ ей свой окровавленный кортикъ и, обтеревъ его о полу камзола, вложилъ въ ножны.

Между тѣмъ я все сильнѣе и сильнѣе ощущалъ потребность сдѣлать одно дѣло... нѣтъ, даже не одно, а два, которыхъ за меня не могъ сдѣлать другой. Кое-какъ я объяснилъ своей госпожѣ, что мнѣ необходимо сойти на полъ; но когда мое желаніе было исполнено, стыдъ не позволилъ мнѣ высказаться яснѣе; все, на что я могъ рѣшиться, это—показать пальцемъ на дверь и поклониться нѣсколько разъ съ умоляющимъ видомъ. Добрая женщина, хоть и съ великимъ трудомъ, поняла, наконецъ, чего мнѣ отъ нея

Страшныя животныя оказались чрезвычайно смѣлыми.

нужно, и снова, взявъ меня на руки, вышла въ садъ, гдѣ и спустила меня. Я отошелъ къ сторонкѣ ярдовъ на двѣсти отъ нея, махнулъ ей рукой, чтобъ она не ходила за мной и не смотрѣла на меня, и, спрятавшись между двумя листочками щавеля, отдалъ долгъ природѣ.

Надѣюсь, снисходительный читатель извинитъ, что я останавливаюсь на такого рода подробностяхъ. Какъ-бы ничтожны ни показались онѣ низкой и пошлой толпѣ, онѣ несомнѣнно могутъ расширить поле фантазіи и кругозоръ философскаго ума и такимъ образомъ послужить на пользу общества, а равно и частныхъ людей. Такова, по крайней мѣрѣ, была единственная моя цѣль, когда я рѣшился представить на судъ свѣта описаніе этого и другихъ моихъ путешествій,—описаніе, въ коемъ я поставилъ своей главной задачей не оступать отъ истины, не претендуя ни на ученость, ни на украшенія слога. А подробности этого второго моего путешествія такъ сильно подѣйствовали на мою душу и такъ глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, что, передавая ихъ на бумагѣ, я не могъ опустить ни одного факта, ни одной черточки. Однако, перечтя внимательно первую рукопись, я вычеркнулъ нѣкоторыя мѣста, не представлявшія большого интереса, боясь, чтобы меня не упрекнули въ мелочности и въ томъ, что я навожу на читателей скуку, чѣмъ (какъ говорятъ и, можетъ быть, не безъ основанія) часто грѣшатъ путешественники.

ГЛАВА II.

Дочь фермера.—Автора везутъ въ ближайшій городъ, а затѣмъ въ столицу государства.—Подробности его путешествія.

У моей госпожи была девятилѣтняя дочка, очень добрая дѣвочка и пресмышленая для своихъ лѣтъ. Она отлично владѣла иглой и сама обшивала свою куклу. Вдвоемъ съ матерью онѣ придумали устраивать меня на ночь въ кукольной колыбелькѣ: колыбельку ставили въ маленькій ящичекъ отъ конторки, а ящичекъ—во избѣжаніе нападенія крысъ—на висячую полочку. Такъ я и спалъ все время, что прожилъ у этихъ людей; но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ ихъ языкомъ и получалъ возможность объяснять свои нужды, мое ложе становилось все комфортабельнѣе.

Хозяйская дочка, какъ я уже сказалъ, была прешустрая дѣвочка: увидѣвъ раза два, какъ я раздѣваюсь, она стала одѣвать и раздѣвать меня; впрочемъ, я никогда не утруждалъ ее этой работой въ тѣхъ случаяхъ, когда она позволяла мнѣ исполнять ее самому. Она сшила мнѣ семь сорочекъ, нашила и другого бѣлья изъ самаго тонкаго полотна, какое только можно было достать, (хотя—говорю безъ преувеличенія—оно было грубѣе нашей мѣшечной холстины), и все это собственноручно стирала. Она-же учила меня туземному языку: я показывалъ на какой-нибудь предметъ, а она говорила мнѣ, какъ онъ у нихъ называется, такъ-что въ какихъ-нибудь нѣсколько дней я выучилъ столько словъ, что могъ спросить всего, въ чемъ нуждался. Ростомъ моя учительница была для своего возраста очень мала—не выше сорока футъ. Она окрестила меня *Грильдригомъ*; за ней такъ стала меня называть вся семья, а потомъ это прозвище утвердилось за мной во всемъ королевствѣ. Слово *Грильдригъ* имѣетъ у бробдиньяговъ такое-же значеніе, какъ латинское слово *homunculus*, итальянское *homuncelettino* и англійское *mannikin*; оно означаетъ: *человѣчекъ*. Этой дѣвочкѣ я больше всего обязанъ тѣмъ, что уцѣлѣлъ въ странѣ бробдиньяговъ. Мы съ ней никогда не разставались за все время мо-

его пребыванія тамъ. Я называлъ ее своею *Глумдальклічъ*, т. е. маленькой няней, и я считалъ-бы себя виновнымъ въ черной неблагодарности, еслибъ забылъ отдать должную справедливость ея заботливой добротѣ и умолчалъ-бы объ ея нѣжной привязанности

Я называлъ ее своею *Глумдальклічъ*, т. е. маленькой няней.

ко мнѣ. Я дорого-бы далъ за возможность отблагодарить ее, какъ она того заслуживаетъ, а между тѣмъ на мое несчастье мнѣ до-

велось (какъ я имѣю сильныя основанія опасаться) сдѣлаться невольной причиной ея бѣдъ.

Мало-по-малу обо мнѣ прослышали въ сосѣднихъ деревняхъ. Говорили, что мой хозяинъ поймалъ въ полѣ какое-то странное животное, величиной съ *слакнука*, но совершенно такого устройства, какъ человѣкъ, которому оно и подражаетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: что-то такое лепечетъ по своему, научилось произносить нѣсколько словъ и на туземномъ языкѣ, ходитъ не на четверенькахъ, а на двухъ ногахъ. Звѣрекъ этотъ ручной и смирный; идетъ на зовъ, дѣлаетъ, что прикажутъ; ручки и ножки у него очень изящныя, а цвѣтъ лица нѣжнѣе, чѣмъ у трехлѣтней дѣвочки-аристократки. Одинъ фермеръ, ближайшій сосѣдъ и большой другъ моего господина, пришелъ къ намъ нарочно, чтобъ разузнать, насколько справедливы эти слухи. Меня сейчасъ-же вынесли и поставили на столъ, гдѣ по командѣ хозяина я прохаживался взадъ и впередъ, обнажалъ кортикъ и снова вкладывалъ его въ ножны, поклонился гостю, спросилъ его по бробдиньягски, какъ онъ поживаетъ, и сказалъ ему: „Добро пожаловать“, словомъ, продѣлалъ все то, чему учила меня моя няня. Нашъ гость, который былъ уже старъ и плохо видѣлъ, надѣлъ очки, чтобы лучше меня разсмотрѣть, а я, глядя на него, не могъ удержаться отъ смѣха: глаза его въ очкахъ были совершенныя окна, въ которыя свѣтитъ полная луна. Хозяева, догадавшись о причинѣ моей внезапной веселости, тоже стали смѣяться, и старикашка былъ такъ глупъ, что обидѣлся и надулся. Онъ слылъ большимъ скрягой и на мое несчастье тутъ-же оправдалъ свою репутацію, посовѣтовавъ моему господину свезти меня на рынокъ въ сосѣдній городокъ (до котораго отъ насъ было около двадцати двухъ миль, т. е. съ полчаса ѣзды) и выставить тамъ на показъ за плату. Я замѣтилъ, что мой господинъ и его пріятель о чемъ-то долго шептались, кивая въ мою сторону, и догадался, что затѣвается какая-то каверза противъ меня; со страху мнѣ даже казалось, что я разслышалъ изъ ихъ разговора нѣкоторыя слова. Но на другой день утромъ Глумдальклич, моя маленькая няня, ловко выспросивъ у матери, о чемъ шла у нихъ рѣчь, пересказала мнѣ все отъ слова до слова. Бѣдная дѣвочка взяла меня на руки, прижала къ груди и горько плакала отъ горя и стыда. Она боялась, чтобы, разглядывая меня, этотъ грубый народъ не причинилъ мнѣ вреда, чтобы меня не задавили до смерти, не сломали-бы мнѣ руку или ногу, когда будутъ брать меня въ руки. Кромѣ того, замѣтивъ, какъ скроменъ я отъ природы и какъ дорожу своей честью, она понимала, какое негодованіе поднимется въ моей душѣ, когда меня станутъ показывать за деньги и заставятъ ломаться передъ низкой чернью.

Папа и мама, говорила она, обѣщали ей, что Грильдригъ будетъ ея собственностью, а теперь она видитъ, что они намѣрены удружить ей, какъ въ прошломъ году, когда подарили ягненка, а потомъ, какъ только онъ нагулялъ жиру, продали его мяснику. Я съ своей стороны могу сказать по совѣсти, что моя няня тревожилась за мою участь гораздо больше меня. Я твердо вѣрилъ — и эта вѣра никогда не покидала меня, — что рано или поздно я вырвусь на свободу. Что-же касается позора быть выставленнымъ на показъ, какъ какое-нибудь чудище, то вопервыхъ я былъ чужой въ тѣхъ краяхъ, а во вторыхъ считалъ, что если я когда-нибудь вернусь въ Англію, мое невольное униженіе не будетъ вмѣнено мнѣ въ вину: вѣдь самъ король Великобританіи, очутись онъ на моемъ мѣстѣ, могъ-бы подвергнуться такой-же участи и долженъ былъ-бы подчиниться ей.

Слѣдуя совѣту своего друга, мой господинъ въ первый-же рыночный день повезъ меня въ городъ. Онъ взялъ съ собой и свою дочь, а мою няню, посадивъ ее на сѣдло къ себѣ за спину. Меня везли въ ящикѣ, наглухо закрытомъ со всѣхъ сторонъ, но съ продѣланными въ немъ маленькой дверкой, черезъ которую я могъ входить и выходить, и нѣсколькими круглыми дырочками для притока воздуха. Дѣвочка была такъ внимательна, что постлала на днѣ ящика ватное стеганое одѣяльце съ кукольной постели, чтобы мнѣ было на чемъ прилечь, если я захочу. Но, несмотря на эту предосторожность, меня жестоко растрясло, хотя мы ѣхали всего полчаса: лошадь дѣлала шаги по сорока футъ и такъ высоко подкидывала на рыси, что я чувствовалъ себя какъ на кораблѣ въ сильную бурю, съ той разницей, что размахи при опусканіи и подъемѣ корабля бываютъ плавны и медленны, а здѣсь они повторялись несравненно чаще и потому рѣзче ощущались.

Мы проѣхали разстояніе немногимъ длиннѣе, чѣмъ отъ Лондона до Сентъ-Альбанса. Мой господинъ остановился въ гостинницѣ, въ которой всегда останавливался, когда пріѣзжалъ въ городъ. Посовѣтовавшись съ хозяиномъ гостинницы и сдѣлавъ необходимыя приготовленія для предстоящаго спектакля, онъ нанялъ грультруда, т. е. глашатая, который долженъ былъ оповѣстить по всему городу, что въ гостинницѣ подъ вывѣской *Зеленаго Орла* показываютъ необыкновенное существо величиной не больше *сплакнука* (очень красивый туземный звѣрекъ около шести футъ длиною), но представляющее во всѣхъ подробностяхъ полнѣйшее подобіе человѣка: произносящее нѣсколько словъ на бробдиньягскомъ языкѣ и продѣлывающее всевозможныя забавныя штуки.

Меня поставили на столъ въ самой большой комнатѣ гостинницы около трехсотъ футъ въ квадратѣ. Моя няня стала у стола

на низенькій табуретъ, чтобы оберегать меня отъ всякихъ случайностей и говорить мнѣ, что я долженъ дѣлать. Во избѣжаніе давки мой господинъ объявилъ, что будутъ впускать не болѣе тридцати человѣкъ заразъ. По командѣ дѣвочки я ходилъ по столу, оборачивался на всѣ стороны, отвѣшивалъ поклоны, говорилъ: „Добро пожаловать“ и нѣкоторыя другія фразы, которыя зналъ. Моя учительница задавала мнѣ вопросы, не выходя изъ предѣловъ моего знанія языка (которые были хорошо ей извѣстны), и я ей отвѣчалъ, стараясь говорить какъ можно громче. Я бралъ у нея изъ рукъ наперстокъ съ какимъ-то питьемъ, служившій мнѣ вмѣсто стакана, и пилъ за здоровье господъ посѣтителей. Я обнажалъ кортикъ и производилъ имъ манипуляціи въ воздухѣ, какъ это дѣлаютъ у насъ въ Англіи учителя фехтованія. Моя няня дала мнѣ соломенку, и я дѣйствовалъ ею какъ копьемъ—искусство, которое я произошелъ еще въ дѣтствѣ. Въ этотъ первый день у меня перебывало двѣнадцать смѣнъ зрителей; двѣнадцать разъ меня заставляли повторять все тѣ-же фиглярскія штуки и замучили до полусмерти. Дѣло въ томъ, что всѣ выходившіе отъ меня разсказывали обо мнѣ такія чудеса, что народъ ломился въ двери гостинницы, желая поскорѣе увидѣть меня. Мой господинъ въ своихъ-же собственныхъ интересахъ не позволялъ никому, кромѣ дочери, дотрогиваться до меня, и въ предупрежденіе всякой опасности, какая могла мнѣ грозить со стороны любопытныхъ, вокругъ стола были разставлены скамьи въ видѣ барьера и на такомъ разстояніи, чтобы до меня нельзя было достать. Но и это несовсѣмъ помогло: какой-то каверзный школьникъ запустилъ орѣхомъ прямо мнѣ въ голову и чуть-чуть не попалъ, а орѣхъ былъ брошенъ съ такой силой, что неминуемо размозжилъ-бы мнѣ черепъ, такъ какъ онъ былъ немногимъ меньше нашей небольшой тыквы. Я очень обрадовался, когда маленькому негодяю задали въ публикѣ хорошую трепку и выгнали его изъ залы.

Мой господинъ выпустилъ афиши, оповѣщавшія жителей, что меня будутъ снова показывать въ ближайшій рыночный день. За этотъ промежутокъ времени онъ приготовилъ для перевозки меня въ городъ и обратно болѣе удобный экипажъ и поступилъ весьма благоразумно, потому-что въ первую нашу поѣздку я былъ до того измученъ тряской (не говоря уже о восьмичасовомъ непрерывномъ ломаньѣ передъ публикой), что насилу стоялъ на ногахъ и почти не могъ говорить. Только черезъ три дня я немного оправился и силы мои возстановились. Но мнѣ и дома не давали покою: прослышавъ о моей славѣ, всѣ наши сосѣди на сто миль кругомъ пріѣзжали къ моему господину взглянуть на меня. Ихъ перебывало у насъ не менѣе тридцати человѣкъ (ибо страна бробдиньяговъ населена

Я обнажалъ кортикъ и производилъ имъ манипуляціи въ воздухѣ.

очень густо), и всѣ съ женами и дѣтьми. А господинъ мой, показывая меня на дому, бралъ за полное число мѣстъ, хотя-бы вся публика состояла изъ одной семьи. Такимъ образомъ первое время, хотя меня и не возили въ городъ, у меня за цѣлую недѣлю не было ни одного свободнаго дня (кромѣ середы, которая считается у нихъ праздничнымъ днемъ, какъ у насъ—воскресенье).

Видя, какія выгоды можно изъ меня извлекать, мой господинъ рѣшилъ проѣхать со мной по всѣмъ большимъ городамъ королевства. Онъ заготовилъ все необходимое для предстоящаго долгаго пути, распорядился домашними дѣлами, простился съ женой, и 17 августа 1703 года, т. е. приблизительно черезъ два мѣсяца послѣ прибытія моего въ страну, мы выѣхали въ столичный ея городъ, расположенный почти въ центрѣ государства и отстоявшій на три тысячи миль отъ нашего дома. Глумдальклич тоже поѣхала съ нами. Она сидѣла на подушкѣ за спиной у отца и держала меня на колѣняхъ въ ящикѣ, привязанномъ къ ея поясу. Весь ящикъ внутри она обила самой мягкой матеріей, какую только можно было достать, подложивъ подъ нее предварительно ваты, поставила въ ящикъ кровать своей куклы, снабдила меня бѣльемъ и всѣмъ необходимымъ, однимъ словомъ, устроила, по мѣрѣ возможности, съ полнымъ комфортомъ. Весь нашъ эскортъ состоялъ изъ парня—работника, который ѣхалъ сзади съ багажемъ.

Мой господинъ рѣшилъ, что будетъ показывать меня во всѣхъ городахъ, лежавшихъ на нашемъ пути, а также во всѣхъ деревняхъ и помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ можно было разсчитывать на хорошій барышъ; поэтому намъ часто приходилось сворачивать съ дороги въ сторону на пятьдесятъ, на сто миль. Мы дѣлали коротенькіе переѣзды отъ ста сорока до ста шестидесяти миль въ день, потому-что Глумдальклич, постоянно имѣя въ виду мои интересы, жаловалась, что устаетъ отъ тряски. По моей просьбѣ она часто вынимала меня изъ ящика, чтобы дать мнѣ подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться окрестными видами, но никогда не спускала меня со шнурка, за который я былъ привязанъ. Мы переѣхали пять или шесть большихъ рѣкъ, изъ коихъ каждая была въ нѣсколько разъ глубже и шире Нила или Ганга, а изъ попадавшихся намъ ручейковъ не было, кажется, ни одного уже Темзы у Лондонскаго моста. Мы пробыли въ дорогѣ десять недѣль, и за это время я успѣлъ дать представленія въ восемнадцати большихъ городахъ, не считая деревень и частныхъ домовъ.

26-го октября мы прибыли въ столицу, которую бробдиньяги называютъ *Лорбрульгрудъ*, т. е. „Гордость вселенной“. Мой господинъ остановился на главной улицѣ города, недалеко отъ королевскаго дворца. Затѣмъ онъ, какъ это обыкновенно дѣлается,

расклеилъ афиши съ самымъ точнымъ описаніемъ моей особы и талантовъ, нанялъ огромную залу отъ трехсотъ до четырехсотъ футъ въ поперечникѣ и взялъ на прокатъ большой столъ въ шестьдесятъ футъ шириной. На этомъ столѣ я долженъ былъ фигурировать передъ публикой, и, чтобы я какъ-нибудь не упалъ съ него на полъ, весь столъ былъ обнесенъ перилами въ три фута вышиной и на три фута отъ края. Я давалъ по десяти представленій ежедневно, изумляя и повергая въ восторгъ всю столицу. Въ то время я уже могъ порядочно изъясняться на мѣстномъ языкѣ и понималъ каждое слово изъ того, что мнѣ говорили. Кромѣ того, я выучилъ бробдиньягскую азбуку и могъ читать по складамъ не слишкомъ трудныя фразы: недаромъ Глумдалькличъ учила меня дома и даже въ дорогѣ въ свободные часы. Она везла съ собой въ карманѣ маленькую книжку (немногимъ больше атласа Сансона): это былъ краткій сборникъ правилъ бробдиньягской религіи, написанный въ популярной формѣ и предназначенный для дѣвицъ. По этой-то книжкѣ она и учила меня азбукѣ, при чемъ объясняла мнѣ значеніе словъ.

Автора требуютъ ко двору.—Королева покупаетъ его у фермера и представляетъ королю.—Во дворцѣ авторъ ведетъ диспутъ съ первыми учеными государства.—Для него приготовляютъ помѣщеніе во дворцѣ.—Онъ пользуется благосклонностью королевы.—Стоитъ за честь своей отчизны.—Его ссоры съ карликомъ королевы.

Тяжелый трудъ, который я несъ изо дня въ день въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, забавляя приходившихъ смотрѣть на меня любопытныхъ, замѣтно подорвалъ мое здоровье. Чѣмъ больше зарабатывалъ на мнѣ мой хозяинъ, тѣмъ ненасытнѣе онъ становился. Я началъ страдать разстройствомъ пищеваренія и превратился почти-что въ скелетъ. Хозяинъ это замѣтилъ и, будучи увѣренъ, что я скоро умру, положилъ какъ можно больше выжать изъ меня напослѣдокъ. Но, покуда онъ размышлялъ на эту тему, рѣшая мою участь, къ нему явился сардраль — посланный отъ королевскаго двора—съ приказаніемъ немедленно доставить меня во дворецъ для увеселенія королевы и фрейлинъ. Изъ фрейлинъ многія уже успѣли побывать у меня и разсказывали необыкновенныя вещи о моей понятливости, красотѣ и хорошихъ манерахъ. Королева и вся ея свита остались въ полнѣйшемъ восхищеніи отъ меня. Я упалъ передъ ея величествомъ на колѣни и попросилъ позволенія поцѣловать ея королевскую ножку, но благодушная государыня приказала поставить меня на столъ и милостиво протянула мнѣ свой мизинчикъ. Я обхватилъ его обѣими руками и съ благоговѣніемъ приложился къ нему. Королева предложила мнѣ нѣсколько общихъ вопросовъ по поводу моего отечества и моихъ путешествій. Я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, стараясь быть краткимъ и точнымъ. Она спросила: „желалъ-ли бы я остаться при дворѣ?“ Я поклонился до земли (т. е. до доски стола, на которомъ стоялъ) и смиренно отвѣтилъ, что „я—невольникъ моего господина, но еслибъ могъ располагать собой, то почелъ-бы за честь посвятить всю жизнь служенію ея величеству“. Тогда она

спросила фермера „не продастъ-ли онъ меня за хорошую цѣну". Фермеръ, боясь, что я не протяну и мѣсяца, былъ очень радъ разстаться со мной на такихъ выгодныхъ условіяхъ. Онъ запросилъ

Королева милостиво протянула мнѣ свой мизинчикъ.

за меня тысячу червонцевъ, которые и отсчитали ему тутъ-же на мѣстѣ. Каждый червонецъ былъ по объему не меньше восьмисотъ луидоровъ, но, принимая въ разсчетъ соотношеніе объема тамош-

нихъ предметовъ и европейскихъ, а также высокую стоимость золота въ ихъ странѣ, тысяча бробдиньягскихъ червонцевъ, считая на ихъ счетъ, пожалуй, и не составитъ тысячи англійскихъ гиней. Когда торгъ былъ заключенъ, я сказалъ королевѣ, что, „такъ какъ отнынѣ я состою всеподданнѣйшимъ слугой и вассаломъ ея величества, то позволяю себѣ просить ее, какъ о милости, чтобы Глумдальклячъ, которая все это время ходила за мной съ такой добротой, заботливостью и умѣньемъ, была тоже взята ко двору и могла такимъ образомъ остаться моей няней и наставницей".

Королева согласилась исполнить мою просьбу. Фермеръ былъ съ своей стороны очень радъ пристроить дочь во дворецъ и охотно далъ свое согласіе. Что-же касается самой дѣвочки, то она не могла даже скрыть своей радости. Мой бывшій хозяинъ простился со мной, сказалъ, что оставляетъ меня въ хорошихъ рукахъ, и ушелъ. Но я ни слова не отвѣтилъ на его прощальное привѣтствіе; я только слегка кивнулъ ему головой.

Королева замѣтила мою холодность и, когда фермеръ вышелъ изъ комнаты, спросила меня о причинѣ. Тогда я взялъ на себя смѣлость объяснить ея величеству, что „единственное, чѣмъ я обязанъ моему бывшему господину, это—что, случайно подобравъ на полѣ безобидное маленькое существо, какимъ я былъ по сравненію съ нимъ, онъ не разможжилъ ему головы, какъ легко могъ-бы сдѣлать; но что за это одолженіе онъ былъ сторицей вознагражденъ, во первыхъ, тою прибылью, которую получилъ, показывая меня за деньги чуть-что не по всѣмъ городамъ королевства, во вторыхъ, крупной денежной суммой, за которую онъ продалъ меня". „Я велъ у него такую тяжелую жизнь", продолжалъ я свое объясненіе, „что она могла-бы убить животное въ десять разъ сильнѣе меня. Мое здоровье совершенно подорвано непосильнымъ трудомъ, ибо я долженъ былъ ежечасно изо дня въ день забавлять всякій сбродъ. И еслибы, прибавилъ я, „мой хозяинъ не считалъ меня близкимъ къ могилѣ, Ваше Величество ни за что не пріобрѣли-бы меня за такую дешевую цѣну. Но теперь, когда я нахожусь подъ покровительствомъ великой и благодушной государыни—украшенія природы, любимицы вселенной, отрады своихъ подданныхъ, феникса творенія— и когда мнѣ нечего бояться дурного обращенія со мной, я надѣюсь, что опасенія моего бывшаго господина окажутся лишенными основанія, ибо я и теперь уже чувствую, какъ воскресаютъ мои силы отъ одного лицезрѣнія Вашей августѣйшей особы".

Такова была суть моей рѣчи, сильно хромавшей въ грамматическомъ отношеніи и произнесенной съ большими запинками, такъ какъ я не всегда могъ сразу подыскать нужное слово. Впрочемъ,

Она взяла меня въ руку и понесла къ королю.

послѣдняя часть рѣчи была составлена совершенно въ духѣ красно-рѣчія бробдиньяговъ: Глумдальклич успѣла дать мнѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ слогѣ и даже научила нѣсколькимъ фразамъ въ то время, когда везла меня во дворецъ.

Королева отнеслась весьма снисходительно къ погрѣшностямъ моего говора, но, главное, была поражена тѣмъ, что открыла столько ума и здраваго смысла въ такомъ миніатюрномъ животномъ. Она взяла меня въ руку и понесла къ королю, который на ту пору сидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Его величество (отличавшійся, къ слову сказать, весьма строгой и внушительной наружностью) мелькомъ взглянулъ на меня и, не замѣтивъ, что я имѣю человѣческій обликъ, холодно спросилъ королеву, „давно-ли она пристрастилась къ *сплакнукамъ*?“ (Я лежалъ ничкомъ въ правой рукѣ ея величества, и онъ очевидно принялъ меня за экземпляръ этой породы). Но королева, обладавшая неисчерпаемымъ запасомъ юмора, поставила меня на ноги на письменный приборъ и приказала мнѣ разсказать его величеству исторію моихъ приключеній. Я разсказалъ ее въ короткихъ словахъ, а Глумдальклич (которая, боясь хоть на минуту спустить меня съ глазъ, все время стояла за дверьми кабинета и которой теперь велѣли войти), подтвердила достовѣрность всего случившагося со мной со дня моего появленія въ домѣ ея отца.

Король былъ человѣкъ въ высшей степени образованный, не уступая въ этомъ отношеніи любому ученому королевства: онъ былъ воспитанъ на философскихъ сочиненіяхъ, но особенно хорошо изучилъ математику. Тѣмъ не менѣе, когда онъ разсмотрѣлъ форму моего тѣла и увидѣлъ, что я хожу на двухъ ногахъ (надо, впрочемъ замѣтить, что я еще не успѣлъ тогда заговорить), онъ принялъ меня за искусно сдѣланный автоматъ съ часовымъ механизмомъ внутри (издѣлія этого рода доведены у бробдиньяговъ до высокой степени совершенства). Но, когда его величество услышалъ мой голосъ и убѣдился, что я говорю логично и сознательно какъ разумное существо, онъ не могъ скрыть своего изумленія. Однако онъ рѣшительно не повѣрилъ моему разсказу о томъ, какъ я попалъ въ его владѣнія: онъ заподозрилъ, что Глумдальклич съ отцомъ сами придумали эту исторію и заставили меня ее затвердить, разсчитывая продать меня подороже. Чтобы провѣрить свою догадку, онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые, конечно, получилъ разумные отвѣты, грѣшившіе развѣ только недостаточнымъ знаніемъ языка, неправильнымъ произношеніемъ, въ которомъ слышался иностранный акцентъ, да простонародными оборотами и словами, которымъ я научился въ фермерскомъ домѣ и которыя были, разумѣется, неумѣстны въ бесѣдѣ съ королемъ.

Его величество послалъ за тремя знаменитыми учеными, дежурившими во дворцѣ ту недѣлю (у бробдиньяговъ всѣ ученые дежурятъ въ королевскомъ дворцѣ понедѣльно,—таковъ національный обычай). Изслѣдовавъ меня весьма добросовѣстно, ученые джентльмены пришли къ совершенно разнымъ выводамъ на мой счетъ. Правда, всѣ они сходились на томъ, что мое появленіе на землѣ не можетъ быть объяснено обыкновеннымъ дѣйствіемъ законовъ природы. Моя организація ясно показываетъ, что ялишенъ всякихъ средствъ къ самооборонѣ: не могу ни быстро передвигаться съ мѣста на мѣсто, ни лазать по деревьямъ, ни рыть норы въ землѣ. По моимъ зубамъ (которые были осмотрѣны также весьма тщательно) они опредѣлили, что я—животное плотоядное. Но такъ какъ — разсуждали они — большинство четвероногихъ, по всей вѣроятности, сильнѣе меня, а остальныя (какъ-то: полевая мышь и другія мелкія животныя) если и не сильнѣе, то во всякомъ случаѣ обладаютъ большею ловкостью и проворствомъ, то трудно себѣ представить, какимъ образомъ я могу существовать и какими путями добываю себѣ пропитаніе. Остается только допустить, что я питаюсь улитками и насѣкомыми, а между тѣмъ они берутся доказать на основаніи научныхъ данныхъ, что и этого нельзя допустить. Но дальше мнѣнія ученыхъ расходились. Одинъ изъ этихъ артистовъ склонялся, кажется, къ предположенію, что я—эмбріонъ, недоносокъ. Но двое другихъ отвергли эту гипотезу. Свои возраженія они мотивировали тѣмъ, что всѣ части моего тѣла совершенно сформированы и закончены и что я прожилъ на свѣтѣ нѣсколько лѣтъ, какъ это видно по моему подбородку, на которомъ они ясно разсмотрѣли въ лупу сбритые, но начинающіе отрастать волосы бороды. Признать меня карликомъ было тоже нельзя, ибо моя миніатюрность была внѣ сравненій: любимый карликъ королевы считался самымъ маленькимъ изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ, но даже и въ немъ было около тридцати футъ. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, ученые пришли къ заключенію, что я ничто иное, какъ *рильплюмъ скалькатъ*—буквально: *lusus naturae*, т. е. игра природы. Это опредѣленіе сходилось точка въ точку съ выводами новѣйшей европейской философіи, ибо извѣстно, что адепты этой философіи, пренебрегая старой уловкой объясненія явленій дѣйствіемъ скрытыхъ причинъ—уловкой, которою послѣдователи Аристотеля тщетно пытались замаскировать свое невѣжество,—давно придумали это удивительное опредѣленіе, разрѣшающее всѣ затрудненія, оказавъ такимъ образомъ, огромную услугу прогрессу человѣческихъ знаній.

Какъ только ученые мужи пришли къ вышеупомянутому окончательному заключенію на мой счетъ, я попросилъ короля меня вы-

слушать, обѣщая быть краткимъ. Я объяснилъ его величеству, что „въ той странѣ, откуда я прибылъ, живутъ милліоны людей обоего пола такихъ-же размѣровъ, какъ я; что размѣры животныхъ, деревьевъ, домовъ и всѣхъ предметовъ въ этой странѣ вполнѣ про-

Ученые пришли къ заключенію, что я ничто иное, какъ игра природы.

порціональны росту людей и что, слѣдовательно, тамъ я могу защищаться и добывать себѣ пищу не хуже, чѣмъ любой изъ поддан-

ныхъ Его величества въ его королевствѣ, а разъ это такъ, то мнѣ кажется, аргументація ученыхъ джентльменовъ падаетъ сама собой". На это они только презрительно улыбнулись и сказали, что „фермеръ, какъ видно, заставилъ меня хорошо вытвердить мой урокъ" *). Король, бывшій гораздо сообразительнѣе своихъ мудрецовъ, отпустилъ ихъ съ миромъ и послалъ за фермеромъ, который, къ счастью, еще не успѣлъ уѣхать изъ города. Допросивъ его сначала наединѣ, а затѣмъ поставивъ на очную ставку съ дочерью и со мной, его величество началъ приходить къ заключенію, что мы съ Глумдальклячъ говорили правду. Онъ просилъ королеву присмотрѣть, чтобы ко мнѣ относились съ особенной заботливостью, и сказалъ, что, по его мнѣнію, Глумдальклячъ должна остаться при мнѣ въ качествѣ няни, ибо онъ замѣтилъ, что мы очень привязаны другъ къ другу. Ей отвели во дворцѣ отдѣльную комнату, приставили къ ней гувернантку, которая должна была заняться ея воспитаніемъ, камеристку, на обязанности которой лежало ее одѣвать, и еще двухъ служанокъ для мелкихъ услугъ. Но обо мнѣ должна была заботиться сама Глумдальклячъ: я былъ сданъ исключительно на ея попеченіе.

Королева послала за собственнымъ ея величества столяромъ и заказала ему (по образцу, который поручила придумать намъ съ Глумдальклячъ) такой ящикъ, чтобы онъ могъ служить мнѣ спальней. Этотъ столяръ былъ большой мастеръ своего дѣла: въ три недѣли онъ сдѣлалъ мнѣ, по моимъ указаніямъ, комнату въ шестнадцать футовъ въ квадратѣ и двѣнадцать вышиной, съ подъемными окнами, съ дверью и съ двумя стѣнными шкапами,—точь-въ-точь какъ въ какой-нибудь лондонской спальнѣ. Верхняя доска ящика, служившая мнѣ потолкомъ, была устроена на шалнерахъ, такъ-что могла подыматься и опускаться. Это было сдѣлано для того, чтобы можно было вынимать мою постель (которую сдѣлалъ мнѣ по заказу придворный обойщикъ) и снова ставить на мѣсто. Аккуратно каждое утро Глумдальклячъ вынимала постель, провѣтривала, собственноручно застилала, а на ночь опускала въ ящикъ и закрывала крышку. Другой мастеръ — токарь, спеціалистъ по выдѣлкѣ изящныхъ вещицъ, славившійся своей тонкой работой, — взялся сдѣлать для меня два стула со спинками (изъ какого-то особеннаго матеріала, довольно близко напоминающаго слоновую кость) и два стола съ ящиками для моихъ вещей. Всѣ стѣны, полъ и потолокъ моей комнаты были обтянуты

*) Здѣсь сатира направлена противъ людей, отвергающихъ факты только потому, что они не могутъ ихъ объяснить, хотя-бы эти факты подтверждались свидѣтельствами, не вѣрить которымъ нелѣпо.

Гоксвортъ.

какой-то мягкой матеріей, положенной на вату, въ предупрежденіе несчастныхъ случайностей при переноскѣ меня съ мѣста на мѣсто, а также для ослабленія дѣйствія тряски при переѣздахъ въ экипажѣ. Я просилъ сдѣлать висячій замокъ на мою дверь, чтобы можно было запираться отъ крысъ и мышей. Придворный слесарь, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ пробъ, смастерилъ-таки мнѣ замокъ, такой маленькій, какого бробдиньяги никогда еще не видали. И дѣйствительно, въ Англіи я только разъ видѣлъ замокъ больше этого (на воротахъ одной усадьбы). Я кое-какъ ухитрился умѣстить его въ карманѣ и всегда держалъ при себѣ, боясь, чтобы Глумдальклич ъ его не потеряла. Королева заказала самой тонкой шелковой матеріи мнѣ на платье, но она была гораздо толще тѣхъ тканей, изъ которыхъ въ Англіи дѣлаютъ одѣяла, и казалась мнѣ очень тяжелой, пока я не привыкъ. Платье было сшито по туземной модѣ: это былъ весьма степенный и скромный костюмъ, представлявшій по покрою нѣчто среднее между персидскимъ и китайскимъ.

Королева такъ полюбила мое общество, что никогда не обѣдала безъ меня. Для меня ставили стулъ и столъ на томъ самомъ столѣ, за которымъ кушала ея величество, у самого ея локтя. Глумдальклич ъ становилась на низенькую табуретку у стола, чтобы прислуживать мнѣ. У меня былъ мой собственный столовый сервизъ— тарелки, блюда, ложки и прочее,—все изъ серебра; сравнительно съ приборомъ королевы онъ былъ немногимъ больше тѣхъ кукольныхъ сервизовъ, какіе мнѣ случалось видѣть въ Лондонѣ въ игрушечныхъ лавкахъ. Моя маленькая няня держала его у себя въ карманѣ въ серебряной шкатулкѣ, за обѣдомъ подавала мнѣ изъ него тѣ вещи, какія были нужны, а потомъ все это мыла, чистила и убирала. Кромѣ меня, съ королевой обѣдали только двѣ принцессы крови, старшая шестнадцати лѣтъ и меньшая—тринадцати съ мѣсяцемъ. Ея величество обыкновенно накладывала жаркого на мое блюдо, а я уже самъ отрѣзывалъ себѣ и бралъ на тарелку, сколько хотѣлъ. Ее очень забавляло, что я такъ мало ѣлъ. Впрочемъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо сама королева (а у нея, надо замѣтить, былъ очень слабый желудокъ) клала себѣ въ ротъ по такому куску, что имъ могла-бы сытно пообѣдать цѣлая дюжина англійскихъ мужиковъ. Признаюсь, первое время меня тошнило, когда я смотрѣлъ, какъ она ѣстъ *). Крылышко жаворонка она съѣдала цѣликомъ, вмѣстѣ

*) Къ числу ужасныхъ и отвратительныхъ представленій, съ которыми, благодаря привычкѣ, мы до такой степени освоились, что они уже не поражаютъ насъ, слѣдуетъ отнести представленія, неразлучныя съ употребленіемъ въ пищу мяса животныхъ. Всякій, кому случалось видѣть трупъ

съ костями, хотя оно было въ девять разъ больше крыла нашего взрослаго индюка, и клала въ ротъ по куску хлѣба величиной въ двѣ наши ковриги по двѣнадцати пенсовъ. Пила она изъ золотого кубка и выпивала по боченку однимъ глоткомъ. Ножи, которыми она рѣзала мясо, были вдвое длиннѣе нашей косы, но, разумѣется, насажены на рукоятку не подъ угломъ, а прямо. Соотвѣтственныхъ размѣровъ были у нея вилки, ложки и прочая посуда. Я помню, когда какъ-то разъ Глумдалькличъ, по моей просьбѣ, принесла меня въ залу, гдѣ обѣдало нѣсколько человѣкъ, и я увидѣлъ, какъ одновременно работало штукъ десять или двѣнадцать этихъ колоссальныхъ вилокъ и ножей, мнѣ показалось, что никогда въ жизни я не видалъ такой устрашающей картины.

По издревле установившемуся у бробдиньяговъ обычаю, по средамъ (т. е. по праздничнымъ днямъ, ибо, какъ уже было сказано, бробдиньяги празднуютъ среду, какъ мы — воскресенье) король, королева и всѣ ихъ дѣти обѣдали вмѣстѣ въ аппартаментахъ короля. Я скоро сдѣлался большимъ фаворитомъ его величества, и на этихъ обѣдахъ мой стулъ и столъ всегда ставили по лѣвую его руку, рядомъ съ солонкой. Государь видимо находилъ удовольствіе бесѣдовать со мной. Онъ разспрашивалъ меня о нашей религіи, законахъ и нравахъ, о системѣ управленія и положеніи наукъ въ государствахъ Европы. На всѣ его вопросы я старался отвѣчать какъ можно добросовѣстнѣе и точнѣе. Онъ обладалъ такимъ яснымъ умомъ, что нерѣдко поражалъ меня вѣрностью своихъ сужденій и глубокой мудростью замѣчаній по поводу того, что я ему сообщалъ. Одинъ только разъ, когда, увлекшись воспоминаніями о возлюбленной отчизнѣ, я началъ вдаваться въ слишкомъ мелочныя подробности касательно нашей торговли, нашихъ войнъ—морскихъ и сухопутныхъ, нашихъ религіозныхъ и политическихъ партій, предвзятыя мнѣнія—результатъ воспитанія—заговорили въ немъ такъ сильно, что онъ позволилъ себѣ (я не считаю возможнымъ объ этомъ умолчать) довольно безтактную выходку: онъ расхохотался отъ всего сердца, взялъ меня въ руку и, легонько потрепавъ по спинѣ свободной рукой,

---

животнаго, объѣденный до костей хищными птицами или червями, и кто съ гадливостью отворачивался отъ этого зрѣлища, не можетъ не сознаться, что только сила привычки помогаетъ ему спокойно выносить видъ искромсаннаго мяса и раздробленныхъ костей мертвыхъ животныхъ, ежедневно появляющихся у него за столомъ и, если подумать, сколько уничтожается жизней для поддержанія нашей собственной, невольно спросишь себя, чѣмъ-же восполняется балансъ и дѣйствительно-ли наша жизнь, поглощая всѣ эти жизни, становится соразмѣрно цѣннѣе, являя собой образецъ добродѣтели и святости, разливая кругомъ счастье болѣе высокаго качества, потому что дается оно разумнымъ существамъ. *Гокевортъ.*

спросилъ, кто я такой - вигъ или тори? Потомъ повернулся къ первому министру, который стоялъ за его кресломъ со своимъ бѣлымъ жезломъ, вышиной съ гротъ-мачту корабля „Рояль Соверенъ“, и сказалъ: „Какъ ничтожно величіе человѣческое, если его могутъ передразнивать такія козявки! А между тѣмъ“, прибавилъ онъ, „держу пари, что у этихъ козявокъ есть свои титулы и почетныя отличія; они что-то такое дѣлаютъ, надъ чѣмъ-то копошатся, лѣпятъ птичьи гнѣзда и роютъ норки, которыя называютъ домами и городами, фигурируютъ и парадируютъ на всѣхъ поприщахъ честолюбія, любятъ, сражаются, ведутъ диспуты, обманываютъ, предаютъ“. Онъ долго говорилъ въ томъ-же духѣ, а я, слушая его, краснѣлъ и блѣднѣлъ отъ негодованія, что нашу благородную страну—любимицу Минервы и Марса, бичъ Франціи, властительницу Европы, разсадникъ добродѣтели, святости, чести и справедливости, гордость и предметъ зависти всего міра—третируютъ такъ свысока.

Но въ моемъ положеніи обижаться не приходилось и потому, обсудивъ со всѣхъ сторонъ обстоятельства дѣла, я даже началъ сомнѣваться, дѣйствительно-ли вышеприведенныя слова короля можно было принять за обиду. Дѣло въ томъ, что, когда проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ близкомъ общеніи съ великанами, я попривыкъ къ ихъ виду и убѣдился, что величина каждаго предмета, на который обращался мой взглядъ, была строго соразмѣрна съ величиною всѣхъ остальныхъ, то страхъ, который вначалѣ эти люди внушали мнѣ своимъ колоссальнымъ ростомъ, настолько испарился, что они даже перестали меня поражать и, если-бы тогда я вдругъ очутился въ какомъ-нибудь парадномъ собраніи расфранченныхъ англійскихъ лордовъ и лэди, продѣлывающихъ съ самымъ придворнымъ изяществомъ все то, что каждому изъ нихъ полагается по штату въ великосвѣтскомъ ритуалѣ поклоновъ и присѣданій, пустословія и пусканія пыли въ глаза, то, говоря откровенно, у меня явилось-бы сильное искушеніе посмѣяться надъ ними, какъ смѣялись надо мной король бробдиньяговъ и его вельможи. Да я и самъ смѣялся надъ собой: я помню, когда, бывало, королева, посадивъ меня къ себѣ на ладонь, поднесетъ къ зеркалу, и я увижу въ немъ рядомъ наши двѣ фигуры, я не могъ удержаться отъ улыбки. И, въ самомъ дѣлѣ, не могло быть ничего смѣшнѣе этого контраста. Подъ конецъ я самымъ искреннимъ образомъ началъ воображать себя во много разъ меньше, чѣмъ я былъ.

Ужасно сердилъ меня и выводилъ изъ себя карликъ королевы. Во всемъ королевствѣ не было человѣка такого маленькаго роста, какъ онъ (въ немъ было неполныхъ тридцать футъ—

я хорошо это помню); поэтому, увидавъ человѣческое существо безъ всякаго сравненія меньше себя, онъ Богъ знаетъ что о себѣ возмечталъ и сдѣлался невыносимо дерзокъ. Проходя по пріемной королевы, когда я стоялъ тамъ гдѣ-нибудь на столѣ, бесѣдуя съ придворными джентльменами и лэди, онъ какъ-то весь надувался, задиралъ носъ и мимоходомъ непремѣнно запускалъ камешекъ въ мой огородъ по поводу моего малаго роста. Въ отместку за это я называлъ его своимъ „братцемъ“, вызывалъ на поединокъ и вообще прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ обычнымъ репликамъ придворныхъ пажей, такъ какъ ничѣмъ больше не могъ ему отплатить.

Какъ-то разъ за обѣдомъ этотъ зловредный карапузикъ до того разозлился на какую-то мою остроту по его адресу, что, вскочивъ сзади на раму стула, на которомъ сидѣла королева, и, перегнувшись черезъ нее, схватилъ меня поперекъ туловища (я сидѣлъ на столѣ, ничего не ожидая) и бросилъ въ большую серебряную вазу со сливками, а самъ убѣжалъ. Я окунулся съ головой, и не будь я такимъ хорошимъ пловцомъ, мнѣ пришлось-бы очень плохо, ибо Глумдалькличъ была въ эту минуту на другомъ концѣ комнаты, а королева съ перепугу до того растерялась, что не могла мнѣ помочь. Впрочемъ, моя маленькая няня скоро подоспѣла мнѣ на выручку и вытащила меня послѣ того,

Я называлъ его своимъ братцемъ.

однако, какъ я проглотилъ, по крайней мѣрѣ, кварту густыхъ сливокъ. Меня уложили въ постель, но къ счастью инцидентъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій, если не считать потери пары платья, которое оказалось совершенно испорченнымъ. Карлика больно высѣкли и въ видѣ добавочной мзды заставили выпить всѣ сливки, въ которыхъ онъ меня выкупалъ. Съ того дня онъ навсегда лишился милостей своей госпожи, а вскорѣ послѣ того королева подарила его одной знатной дамѣ, и я больше его не видалъ—къ великому моему успокоенію, надо признаться, ибо трудно сказать, до какихъ геркулесовыхъ столповъ дошли-бы злоба и мстительность этой твари.

Еще до приключенія со сливками онъ сыгралъ со мной преподлую штуку, насмѣшившую королеву, хотя потомъ она все-таки очень сердилась и непремѣнно прогнала-бы этого плута, еслибъ я по своему великодушію не заступился за него. Это случилось тоже за обѣдомъ. Ея величество взяла себѣ на тарелку говяжью берцовую кость, вынула изъ нея мозгъ и положила обратно на блюдо. Негодный карликъ, улучивъ минуту, когда Глумдальклич отошла зачѣмъ-то къ буфету, сталъ на ея табуретку, схватилъ меня въ обѣ руки, стиснулъ мнѣ ноги и засунулъ меня по поясъ въ пустую кость, поставивъ ее стоймя. Такъ я и остался торчать, представляя изъ себя очень смѣшную фигуру. Прошло, я думаю, не меньше минуты, пока меня хватились, такъ какъ я считалъ унизительнымъ кликнуть на помощь. Впрочемъ, на мое счастье короли не любятъ горячаго кушанья, и я не обжегся; только чулки мои и панталоны сильно пострадали. Карлику, по моей усиленной просьбѣ, смягчили наказаніе, ограничивъ его хорошей поркой.

Королева часто посмѣивалась надъ моей боязливостью и спрашивала меня, всѣ-ли мои соотечественники такіе трусы, какъ я. Вотъ по какому поводу это началось: надо замѣтить, что страна бробдиньяговъ лѣтомъ буквально наводняется мухами, и, когда мы садились обѣдать, эти отвратительныя насѣкомыя, величиной съ нашего жаворонка, не давали мнѣ ни минуты покоя: лѣзли ко мнѣ, жужжали, мнѣ въ уши, садились на тарелку и оставляли за собой слѣды въ видѣ экскрементовъ и яичекъ, которые мнѣ-то были хорошо видны, хотя туземцы ихъ и не замѣчали, ибо ихъ зрительные органы такъ велики, что не могутъ различать мелкихъ предметовъ. Иногда муха садилась мнѣ на лобъ или на носъ и больно жалила меня, не говоря уже о томъ, что эти животныя распространяли препротивный запахъ. Кромѣ того, я безъ труда различалъ у нихъ на лапкахъ клейкое вещество, благодаря которому (какъ утверждаютъ наши естествоиспытатели) муха можетъ

ходить по потолку вверхъ ногами. Мнѣ было очень трудно обороняться отъ этихъ мерзкихъ тварей,—и я невольно вскакивалъ,—когда которая-нибудь изъ нихъ подлетала ко мнѣ. Любимымъ за-

Я трепеталъ отъ страха, что которая нибудь ужалитъ меня.

нятіемъ карлика было поймать ихъ въ горсть нѣсколько штукъ, какъ это дѣлаютъ наши школьники, и затѣмъ неожиданно выпустить всю стаю мнѣ подъ носъ. Я всякій разъ страшно пугался,

а королеву это смѣшило. Въ такихъ случаяхъ я только тѣмъ и спасался, что, вооружившись столовымъ ножомъ, перерубалъ своихъ враговъ на лету Всѣ восхищались ловкостью, которой я достигъ въ этого рода спортѣ.

А одинъ разъ со мной, я помню, случилось такое приключеніе. Глумдальклячъ выставила меня въ моемъ ящикѣ на наружный подоконникъ, чтобы дать мнѣ подышать свѣжимъ воздухомъ (въ ясные дни меня всегда ставили на окно, потому-что я не позволялъ подвѣшивать мой ящикъ за окномъ, какъ подвѣшиваютъ у насъ въ Англіи клѣтки съ птицами: я боялся, чтобы онъ не сорвался съ гвоздя). Я поднялъ одну раму и, сидя за столомъ, ѣлъ сладкій тортъ, который мнѣ подали къ завтраку, какъ вдругъ штукъ двадцать осъ, привлеченныхъ, вѣроятно, запахомъ торта, влетѣло ко мнѣ въ комнату. Можно было подумать, что заигралъ оркестръ волынокъ,—такъ онѣ громко жужжали. Онѣ набросились на мой тортъ и растащили его по кусочкамъ, другія кружили надъ моей головой. Оглушенный ихъ жужжаньемъ, я трепеталъ отъ страха, что которая-нибудь ужалитъ меня. Тѣмъ не менѣе я не растерялся: выхвативъ кортикъ, я принялся на удачу размахивать имъ въ воздухѣ. Я убилъ четырехъ осъ, а остальныя улетѣли, послѣ чего я поскорѣе захлопнулъ окно. Эти насѣкомыя были съ нашу куропатку. Я выдернулъ жало у четырехъ убитыхъ осъ: оно было въ полтора дюйма длиной и острое, какъ иголка. Я сохранилъ всѣ четыре жала и впослѣдствіи показывалъ ихъ вмѣстѣ съ другими диковинками во многихъ государствахъ Европы. По возвращеніи въ Англію я пожертвовалъ три экземпляра въ Грэшемскую коллегію, а четвертый оставилъ себѣ.

Описаніе страны.—Проектъ исправленія географическихъ картъ.—Королевскій дворецъ и нѣкоторыя подробности о столицѣ государства.—Придуманный для автора способъ передвиженія.—Описаніе главнаго храма.

Путешествуя съ Глумдальклич, я до нѣкоторой степени ознакомился съ страной и намѣренъ теперь представить читателю краткое описаніе тѣхъ мѣстъ, которыя я объѣхалъ: я разумѣю окрестности Лорбрульгруда, столицы королевства, на протяженіи не свыше двухъ тысячъ миль отъ нея. Дѣло въ томъ, что королева, которая всегда брала меня съ собой, когда сопровождала короля въ его поѣздкахъ по королевству, никогда не удалялась отъ столицы дальше, чѣмъ на двѣ тысячи миль; отъѣхавъ приблизительно на указанное разстояніе, она обыкновенно останавливалась и ожидала возвращенія его величества, который отправлялся дальше для обозрѣнія границъ. Владѣнія этого государя, по своему общему протяженію, достигаютъ шести тысячъ миль въ длину и отъ трехъ до пяти въ ширину, этотъ фактъ неизбѣжно приводитъ насъ къ выводу, что европейскіе географы впадаютъ въ грубую ошибку, предполагая, что между Японіей и Калифорніей нѣтъ ничего, кромѣ воды (я, впрочемъ, и раньше держался того мнѣнія, что въ этомъ мѣстѣ должна быть земля, какъ противовѣсъ материку Великой Татаріи), и, въ виду этого, имъ слѣдовало бы исправить свои карты присоединеніемъ къ сѣверо-западной части Америки указанной обширной полосы суши, въ чемъ я всегда готовъ оказать имъ посиль-ную помощь.

Королевство Бробдиньягъ представляетъ полуостровъ, заканчивающійся на сѣверо-востокѣ горнымъ хребтомъ въ тридцать миль вышиной. Эти горы совершенно непроходимы по причинѣ множества вулкановъ на вершинахъ, и даже величайшіе изъ ученыхъ не знаютъ, какая порода смертныхъ обитаетъ по ту сторону хребта, и вообще, обитаема-ли эта часть страны. Съ трехъ остальныхъ сторонъ полуостровъ окруженъ океаномъ. Во всемъ

королевствѣ нѣтъ ни одной морской гавани; что-же касается тѣхъ частей побережья, гдѣ рѣки изливаются въ море, то онѣ такъ густо усѣяны неприступными скалами и море здѣсь такъ бурно, что даже самыя маленькія изъ тамошнихъ судовъ не могутъ рисковать пускаться въ плаваніе по этимъ водамъ. Такимъ образомъ населеніе страны совершенно отрѣзано отъ остального міра. За то большія ея рѣки покрыты судами и изобилуютъ превосходной рыбой. Бробдиньяги рѣдко ловятъ рыбу въ морѣ, ибо морская рыба у ихъ береговъ такой-же величины, какъ въ Европѣ, и, слѣдовательно, ловля ея не можетъ имъ приносить большихъ выгодъ,— любопытный фактъ, изъ коего явствуетъ, что, породивъ растенія и животныхъ столь необычайныхъ размѣровъ, какъ видѣнныя мною въ странѣ бробдиньяговъ, природа всецѣло ограничила свое творчество въ этомъ направленіи указанной страной. Предоставляю философамъ изысканіе причинъ этого феномена. Тѣмъ не менѣе, когда какого-нибудь кита прибьетъ теченіемъ къ прибрежнымъ скаламъ (что случается довольно часто), его подбираютъ: простонародье охотно ѣстъ китовое мясо. Я видалъ здѣсь китовъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что человѣкъ съ трудомъ тащилъ на плечахъ одну штуку. Иногда китовъ привозятъ, какъ диковинку, въ Лорбрульгрудъ въ большихъ корзинахъ. Одинъ разъ при мнѣ подавали кита за королевскимъ столомъ, но я не замѣтилъ, чтобы его величество выказалъ особенное пристрастіе къ этому блюду; мнѣ даже показалось, что ему было противно его ѣсть; должно быть, огромные размѣры животнаго внушали ему отвращеніе. Говорили, что это былъ рѣдкій по величинѣ экземпляръ, хотя мнѣ случилось однажды въ Гренландіи видѣть кита еще больше.

Страна бробдиньяговъ населена очень густо: она имѣетъ пятьдесятъ одинъ торговый городъ, около ста крѣпостей и множество деревень. Чтобы удовлетворить любопытству читателя, я опишу столицу государства Лорбрульгрудъ и, полагаю, этого будетъ достаточно. Черезъ весь городъ протекаетъ рѣка и дѣлитъ его на двѣ, почти равныя части. Въ немъ насчитываютъ болѣе восьмидесяти тысячъ домовъ и около шестисотъ тысячъ жителей. Онъ занимаетъ три *гломглунга* въ длину (что составляетъ около пятидесяти четырехъ англійскихъ миль) и два съ половиной въ ширину, какъ я измѣрилъ самъ по картѣ, составленной для меня по распоряженію короля. Эта карта занимала площадь въ сто футъ. Для большаго удобства ее разложили на полу; я разулся и вымѣрилъ ее шагами по окружности и діаметру, затѣмъ вычислилъ по масштабу протяженіе общей суммы моихъ шаговъ и, такимъ образомъ, съ точностью опредѣлилъ длину и ширину города.

Королевскій дворецъ представляетъ неправильную постройку, — вѣрнѣе, кучу отдѣльныхъ построекъ, занимающихъ до семи квадратныхъ миль. Главные апартаменты дворца достигаютъ двухсотъ сорока футъ высоты и соразмѣрной длины и ширины. Мы съ Глумдалькличъ часто катались по городу. Въ ея распоряженіи была особая карета, и когда онѣ съ гувернанткой ѣхали въ лавки или прокатиться, то всегда брали меня съ собой въ моемъ ящикѣ. Когда мы проѣзжали по улицамъ, дѣвочка, по моему желанію, вынимала меня изъ ящика и держала у себя нарукѣ, чтобы я могъ лучше видѣть дома и народъ. Мнѣ кажется, наша карета была величиной съ Вестминстерскую залу, только немного пониже; впрочемъ, навѣрно утверждать не могу. Одинъ разъ гувернантка приказала кучеру остановиться у лавокъ. Нѣсколько человѣкъ нищихъ, воспользовавшись случаемъ, обступили нашу карету, и глазамъ моимъ предстало такое ужасное зрѣлище, какого, я думаю, не доводилось видѣть ни одному европейцу. Толпа нищихъ состояла вся сплошь изъ калѣкъ и уродовъ. Была тутъ женщина, пораженная ракомъ; ея раздувшаяся до чудовищныхъ размѣровъ грудь была покрыта такими глубокими язвами, что я могъ-бы легко спрятаться въ каждую язвинку съ головой и съ ногами. Былъ парень съ зобомъ на шеѣ величиной съ пять добрыхъ тюковъ шерсти. Былъ нищій на деревяшкахъ вышиной до двадцати футъ. Но всего отвратительнѣе были вши, ползавшія по платью этихъ людей. Я ясно различалъ невооруженнымъ глазомъ лапы этихъ насѣкомыхъ (яснѣе, чѣмъ мы видимъ въ микроскопъ лапки европейской вши); я видѣлъ ихъ рыльца, которыми онѣ, какъ свиньи, копались въ грязи, покрывавшей лохмотья и кожу людей. Это было въ первый разъ, что я видѣлъ вшей бробдиньяговъ, и, несмотря на ихъ отвратительный видъ, отъ котораго меня буквально тошнило, я, можетъ быть, полюбопытствовалъ-бы произвести диссекцію одного экземпляра, будь со мной нужные инструменты; но, къ сожалѣнію, мои инструменты остались на кораблѣ.

Кромѣ большого ящика, въ которомъ меня обыкновенно носили, королева заказала другой, поменьше, для перевозки меня въ экипажѣ, такъ какъ первый ящикъ слишкомъ загромождалъ карету и не помѣщался на колѣняхъ у Глумдалькличъ. Второй ящикъ—мой дорожный кабинетъ, какъ я его называлъ—былъ сдѣланъ тѣмъ самымъ художникомъ-столяромъ, который работалъ на меня и раньше, и тоже по моимъ указаніямъ. Онъ былъ квадратный, имѣлъ до двѣнадцати футъ въ ширину и длину и десять въ вышину; въ трехъ его стѣнкахъ было прорѣзано посрединѣ по одному окну, и всѣ три окна были забраны съ наружной стороны

проволочной желѣзной рѣшеткой, въ предупрежденіе несчастныхъ случайностей во время продолжительныхъ путешествій. Къ четвертой стѣнѣ, гдѣ не было окна, были прикрѣплены снаружи двѣ толстыя скобы на случай, еслибъ мнѣ вздумалось прокатиться на лошади съ верховымъ: сквозь нихъ мой провожатый продѣвалъ широкій ремень и пристегивалъ его пряжкой къ своему кушаку. Если почему-нибудь я не могъ ѣхать въ каретѣ съ Глумдальклячъ, я обыкновенно ѣздилъ вышеописаннымъ способомъ, и во всѣхъ такихъ случаяхъ—сопровождалъ-ли я короля съ королевой въ ихъ періодическихъ объѣздахъ королевства, желалъ-ли посѣтить окрестные сады или отдать визитъ какой-нибудь знатной дамѣ или министру,—обязанность конвоировать меня возлагалась на какого-нибудь стараго, надежнаго слугу, на котораго я могъ вполнѣ положиться. По поводу моихъ визитовъ министрамъ считаю нелишнимъ замѣтить, что я очень скоро пріобрѣлъ извѣстность между первыми сановниками государства и пользовался большимъ уваженіемъ съ ихъ стороны (не столько, полагаю, за личныя мои достоинства, сколько за благосклонность ко мнѣ августѣйшей четы). Во время долгихъ странствій, когда я уставалъ ѣхать въ каретѣ, мой ящикъ бралъ верховой, ставилъ передъ собой на подушку и пристегивалъ къ поясу ремнемъ, и съ высоты сѣдла я могъ свободно любоваться окрестными видами изъ всѣхъ трехъ моихъ оконъ. Въ моемъ дорожномъ кабинетѣ была походная кровать, гамакъ, подвѣшенный къ потолку, два стула и столъ. Кровать, столъ и стулья были наглухо привинчены къ полу, чтобы они не могли опрокинуться отъ тряски и толчковъ во время пути. Меня же эти толчки—хотя порой они бывали очень сильны—не особенно безпокоили потому, что я привыкъ къ морскимъ путешествіямъ.

Всѣ городскія поѣздки я совершалъ въ моемъ дорожномъ кабинетѣ. Когда мнѣ приходила фантазія прокатиться по городу, Глумдальклячъ садилась въ открытый портшезъ (этотъ способъ передвиженія въ большомъ ходу у бробдиньяговъ) и ставила мой ящикъ къ себѣ на колѣни. Портшезъ несли четыре человѣка, а двое другихъ, въ придворной ливреѣ, шли по бокамъ. Вокругъ насъ толпился народъ (ибо весь городъ уже зналъ меня по разсказамъ), и няня моя, со свойственнымъ ей добродушіемъ, часто приказывала носильщикамъ остановиться и сажала меня къ себѣ на руку, чтобы дать возможность любопытнымъ хорошенько меня разсмотрѣть.

Мнѣ очень хотѣлось осмотрѣть главный храмъ, и въ особенности примыкающую къ нему башню, которая считается самымъ высокимъ зданіемъ въ королевствѣ. И вотъ, въ одинъ прекрасный

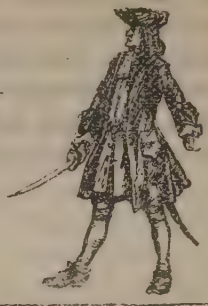
день моя няня свезла меня въ этотъ храмъ, но—говорю по совѣсти,—я вернулся разочарованный. Оказалось, что высота башни не превышаетъ трехъ тясячъ футъ, считая отъ фундамента до кончика средняго шпица, а это (принимая во вниманіе разницу въ ростѣ бробдиньяговъ и европейцевъ) отнюдь не представляетъ такой ужъ диковинки, которой-бы стоило удивляться, ибо выходитъ, если не ошибаюсь, что эта башня сравнительно не выше, (если не ниже) нашей Салисберійской колокольни. Впрочемъ, желая быть справедливымъ къ народу, передъ которымъ я буду считать себя въ долгу всю мою жизнь, спѣшу оговориться, что если вышеупомянутая пресловутая башня и сплоховала въ смыслѣ высоты, то этотъ недостатокъ ея съ избыткомъ выкупается солидностью и красотой постройки: стѣны башни имѣютъ до ста футъ толщины, выложены изъ тесанаго камня въ сорокъ кубическихъ футъ каждая штука и украшены со всѣхъ сторонъ помѣщенными въ нишахъ мраморными статуями императоровъ и боговъ, болѣе чѣмъ въ натуральную величину. Я вымѣрилъ длину мизинца, отломившагося отъ одной статуи и валявшагося въ кучѣ мусора на землѣ: въ немъ оказалось четыре фута съ дюймомъ. Глумдальклячъ завернула его въ свой носовой платокъ и привезла домой въ карманѣ, чтобы присоединить къ своей коллекціи побрякушекъ, къ которымъ дѣвочка, какъ и всѣ дѣти въ ея возрастѣ, питала большое пристрастіе.

Дворцовая кухня—величественное зданіе со сводчатымъ потолкомъ, вышиной около шестисотъ футъ. Главная печь всего на десять шаговъ уже купола собора Св. Павла, который я нарочно вымѣрилъ по возвращеніи въ Англію. Но, еслибы я пустился въ подробное описаніе этой кухни съ ея гигантскими рашпорами, горшками и кастрюлями, съ чудовищными вертелами, на которыхъ поджариваются не менѣе чудовищные куски мяса, и со всѣми прочими принадлежностями кулинарнаго искусства,—пожалуй, мнѣ-бы не повѣрили; во всякомъ случаѣ, строгіе критики могли-бы сказать, что я преувеличиваю, какъ это часто дѣлаютъ путешественники. Боюсь, однако, что, въ своемъ желаніи избѣжать такого упрека, я впалъ въ другую крайность, и если когда-нибудь эта книжка попадетъ въ Бробдиньягъ (такъ называютъ описываемую мною страну ея обитатели) и будетъ переведена на туземный языкъ, бробдиньягскій король и его подданные будутъ имѣть нѣкоторое основаніе упрекнуть меня въ недостаткѣ безпристрастія по отношенію къ ихъ отчизнѣ, которую я представилъ читателямъ въ уменьшенномъ и потому невѣрномъ масштабѣ.

Его величество, король бробдиньяговъ, рѣдко держитъ на конюшнѣ болѣе шестисотъ лошадей (обыкновенный ростъ тамош-

нихъ лошадей отъ пятидесяти четырехъ до шестидесяти футъ). Но когда онъ дѣлаетъ свои парадные выѣзды по высокоторжественнымъ днямъ, его сопровождаетъ гвардейскій кавалерійскій отрядъ въ пятьсотъ человѣкъ. Я не могъ себѣ представить болѣе великолѣпнаго зрѣлища, чѣмъ эти парадные выѣзды короля, пока не увидѣлъ корпуса его арміи на маневрахъ. Но объ этомъ я разскажу въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА V.

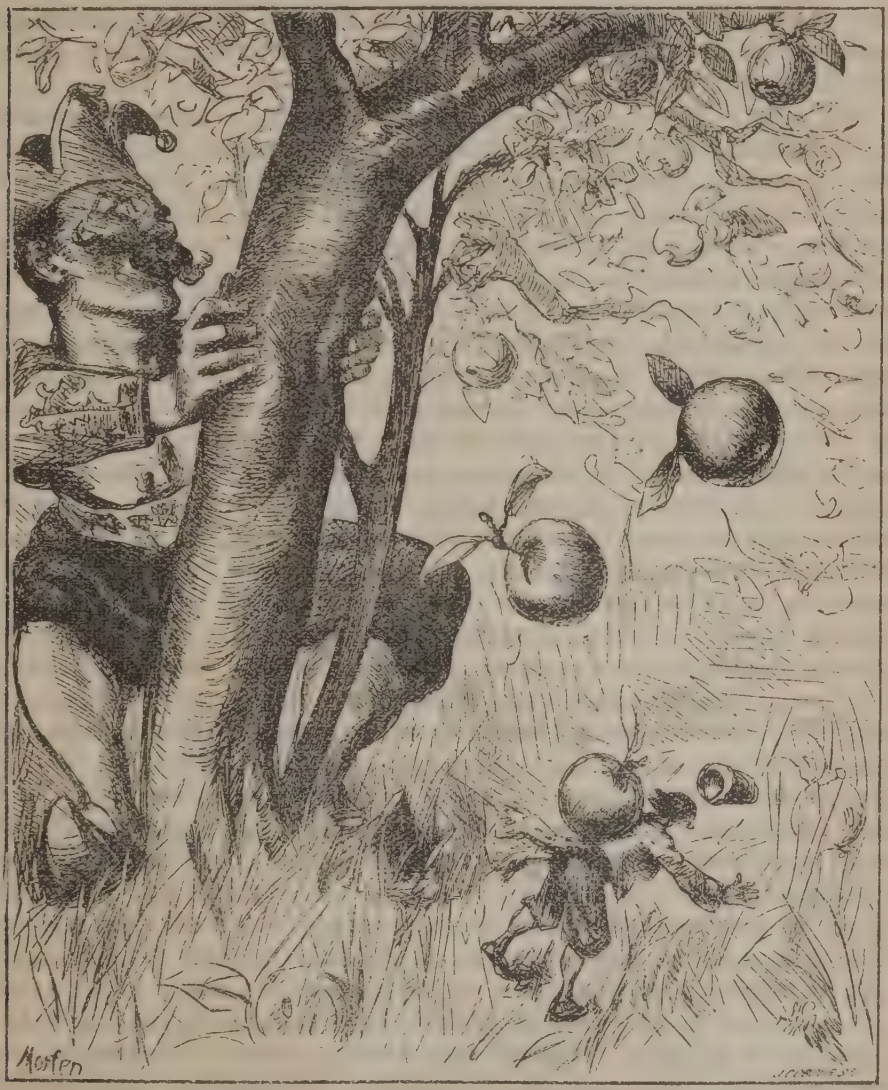


Описаніе нѣсколькихъ приключеній, случившихся съ авторомъ.—Казнь преступника.—Авторъ показываетъ свою ловкость въ искусствѣ навигаціи.

Могу сказать по совѣсти, что я чувствовалъ-бы себя въ странѣ бробдиньяговъ довольно счастливымъ, еслибъ не моя миніатюрность, которая часто подвергала меня непріятнымъ случайностямъ и ставила въ смѣшныя положенія. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ я позволю себѣ теперь разсказать. Глумдальклячъ очень часто брала меня съ собой въ дворцовый садъ въ моемъ маленькомъ ящикѣ. Иногда она вынимала меня изъ ящика и несла на рукѣ или спускала на землю прогуляться. Я помню, одинъ разъ съ нами отправился въ садъ придворный карликъ (это было еще до того, какъ королева рѣшилась съ нимъ разстаться). Моя няня спустила меня на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ росли карликовыя яблони. Карликъ стоялъ рядомъ со мной, и я не могъ удержаться, чтобы не поточить языкъ на его счетъ: я сдѣлалъ какой-то глупый намекъ по поводу сходства между нимъ и этими яблонями. Что-же выкинулъ этотъ маленькій зловредный плутъ?—Улучивъ удобный моментъ, когда я, прохаживаясь, очутился подъ однимъ изъ деревьевъ, онъ ухватился за вѣтку и встряхнулъ ее надъ моей головой. Градъ яблокъ (не менѣе двѣнадцати штукъ), величиной съ хорошій бристольскій боченокъ, съ шумомъ посыпался на землю; одно ударило меня въ спину (къ счастью, я успѣлъ наклониться) и моментально сбило съ ногъ, такъ-что я упалъ носомъ въ землю. Впрочемъ, это паденіе не причинило мнѣ вреда. Карлика простили по моей просьбѣ: я заступился за него, потому-что понималъ, что самъ-же первый вызвалъ его на эту злую шутку.

Въ другой разъ Глумдальклячъ оставила меня на лужайкѣ развлекаться собственными средствами, а сама стала прохаживаться вдали со своей гувернанткой. Вдругъ набѣжала туча, и пошелъ такой сильный градъ, что меня мгновенно повалило, и, пока я лежалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, огромныя градины такъ же-

стоко колотили меня по спинѣ, по бокамъ и по всему тѣлу, что у меня было такое чувство, точно въ меня швыряютъ большими деревянными шарами, какими мы играемъ въ теннисъ. Кое-какъ,



Яблоко моментально сбило меня съ ногъ.

на четверенькахъ, я заползъ подъ какой-то кустъ съ подвѣтренной стороны, гдѣ и притаился, крѣпко прижавшись къ землѣ. Но у меня было до того избито все тѣло съ ногъ до головы, что

цѣлыхъ десять дней я не могъ выходить. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо въ странѣ бробдиньяговъ природа соблюдаетъ строгую пропорціональность во всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности, и градъ тамъ почти въ тысячу восемьсотъ разъ крупнѣе, чѣмъ въ Европѣ: я могу утверждать это съ фактической достовѣрностью, такъ какъ въ свое время поинтересовался вымѣрить и взвѣсить одну изъ тамошнихъ градинъ.

Въ этомъ самомъ саду со мной случилось и другое, гораздо болѣе опасное приключеніе. Какъ то разъ моя няня, чтобъ не таскать съ собою понапрасну моего ящика, оставила его дома и понесла меня въ садъ на рукахъ. Спустивъ меня на землю въ безопасномъ мѣстѣ (она, по крайней мѣрѣ, считала его безопаснымъ) и оставивъ одного (я часто просилъ ее оставлять меня одного, такъ какъ я люблю размышлять на свободѣ), она ушла въ другую часть сада съ гувернанткой и съ нѣсколькими знакомыми дамами. Между тѣмъ въ садъ случайно забѣжала маленькая бѣлая болонка, принадлежавшая одному изъ придворныхъ садовниковъ. Въ то время, когда Глумдальклич и ея спутницы были уже далеко и не могли меня слышать, эта болонка подобралась къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ. Руководимая своимъ тонкимъ чутьемъ, она сейчасъ-же отыскала меня, обнюхала, взяла въ ротъ и пустилась прямикомъ къ своему хозяину. Она подбѣжала къ нему, виляя хвостомъ, и тихонько положила меня на землю. По счастью, собаченка была такъ хорошо выдрессирована, что донесла меня цѣлымъ и невредимымъ, даже не порвавъ на мнѣ платья. Но бѣдняга садовникъ, хорошо меня знавшій и питавшій ко мнѣ большую симпатію, страшно перепугался. Онъ осторожно поднялъ меня обѣими руками и спросилъ, какъ я себя чувствую; но я былъ такъ ошеломленъ и напуганъ, что не могъ выговорить ни слова. Черезъ нѣсколько минутъ я пришелъ въ себя, и садовникъ отнесъ меня въ полной сохранности къ моей маленькой нянѣ, которая тѣмъ временемъ успѣла воротиться на то мѣсто, гдѣ я оставался и была въ жестокой тревогѣ, когда оказалось, что меня тамъ нѣтъ, и когда я не откликнулся на ея зовъ. Она сдѣлала строгій выговоръ садовнику за собаку. Но мы рѣшили замять эту исторію, такъ-что при дворѣ о ней никто не узналъ. Глумдальклич боялась гнѣва королевы, а я, если говорить откровенно, сильно побаивался, что моя репутація не слишкомъ-то выиграетъ, если мое приключеніе разгласится.

Послѣ этого случая Глумдальклич твердо рѣшила никогда больше не спускать меня съ глазъ во время прогулокъ. Я давно уже боялся, что она придетъ къ такому рѣшенію, и потому скрылъ отъ нея не одно изъ моихъ маленькихъ злоключеній, случившихся

еще въ тѣ времена, когда меня предоставляли самому себѣ. Однажды на меня спустился коршунъ, парившій надъ садомъ въ поискахъ за добычей, и, еслибъ не быстрота рѣшимости, съ какою я, обнаживъ кортикъ, бросился подъ защиту густого шпалерника, коршунъ навѣрно схватилъ-бы меня и унесъ въ своихъ когтяхъ. Въ другой разъ я взобрался на кучу земли, взрытой кротомъ, и провалился въ кротовью нору по самую шею, а потомъ сочинилъ цѣлую исторію (ужъ не припомню—какую), чтобъ объяснить, почему мое платье оказалось испачканнымъ. Въ третій разъ, гуляя одинъ, я такъ размечтался о моей милой отчизнѣ, что споткнулся о ракушку улитки и сломалъ себѣ правую голень.

Не знаю, чего было больше въ моей душѣ—удовольствія, или обиды,—когда во время этихъ одинокихъ прогулокъ я замѣчалъ, что даже самыя маленькія птицы нисколько меня не боятся и попрыгиваютъ себѣ въ какомъ-нибудь аршинѣ разстоянія отъ меня, отыскивая зерна и червей съ такой невозмутимой беззаботностью, какъ будто по близости нѣтъ ни души. Я помню, одинъ дроздъ дошелъ до такого нахальства, что выхватилъ у меня изъ рукъ кусокъ пирога, который Глумдальклячъ только-что дала мнѣ на завтракъ. А когда я пытался поймать какую нибудь птицу, она храбро кидалась на меня, стараясь клюнуть меня въ руку, которую я поскорѣе отдергивалъ, а потомъ отворачивалась какъ ни въ чемъ не бывало и продолжала охотиться на улитокъ и червей. Одинъ разъ я взялъ съ собой толстую дубину и такъ удачно запустилъ ею въ коноплянку, что сшибъ ее съ ногъ. Не давая ей времени опомниться, я обхватилъ ее обѣими руками за шею и съ торжествомъ побѣжалъ къ моей нянѣ. Но по дорогѣ птица, которую мой ударъ только оглушилъ, пришла въ себя и принялась такъ больно колотить меня крыльями по головѣ и по плечамъ, что я разъ двадцать былъ готовъ ее выпустить (хотя держалъ ее въ вытянутыхъ рукахъ, такъ-что она не могла достать меня когтями. Къ счастью, меня выручилъ одинъ изъ нашихъ слугъ: подбѣжавъ ко мнѣ, онъ свернулъ голову коноплянкѣ, и на другой день, по приказанію королевы, мнѣ ее подали на жаркое. Насколько я могу припомнить, эта коноплянка была величиной съ нашего лебедя или немного побольше.

Фрейлины королевы часто приглашали Глумдальклячъ въ свои комнаты и просили ее приводить меня съ собой: имъ доставляло удовольствіе смотрѣть на меня и брать меня въ руки. Онѣ зачастую раздѣвали меня до-гола и въ такомъ видѣ клали къ себѣ на грудь. Мнѣ это было очень противно, ибо, говоря откровенно, отъ нихъ шелъ отвратительный запахъ. Я упоминаю объ этомъ безъ всякаго намѣренія умалить въ глазахъ читателя очарованіе

Я замѣчалъ, что даже самыя маленькія птицы нисколько меня не боятся.

прекрасныхъ дамъ, къ которымъ питаю глубочайше уваженіе, не объясняю упомянутый фактъ единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что обоняніе было у меня настолько-же тоньше, чѣмъ у бробдиньяговъ, насколько я былъ меньше ихъ ростомъ. Надо поэтому полагать, что бробдиньягскія знатныя дамы были не болѣе противны своимъ любовникамъ, чѣмъ англійскія леди—своимъ, и что онѣ не внушали отвращенія другъ другу. Во всякомъ случаѣ природный ихъ запахъ былъ на мой вкусъ все-таки лучше того-же запаха съ примѣсью духовъ: этого послѣдняго аромата я положительно не могъ выносить и моментально падалъ отъ него въ обморокъ. Никогда не забуду, какъ въ бытность мою въ странѣ лилипутовъ одинъ изъ туземцевъ, мой короткій пріятель, послѣ того, какъ я однажды очень много двигался и сильно вспотѣлъ (это было въ жаркую погоду), жаловался на исходившій отъ моего тѣла крѣпкій запахъ пота. А между тѣмъ я страдаю этимъ недостаткомъ ничуть не больше большинства людей моего пола. Все дѣло, очевидно, было въ томъ, что обоняніе моего пріятеля лиллипута было настолько-же тонко въ сравненіи съ моимъ, насколько у меня оно тоньше, чѣмъ у бробдиньяговъ. Не могу при этомъ случаѣ не отдать справедливости повелительницѣ моей королевѣ и нянѣ Глумдальклич: отъ нихъ не было ни малѣйшаго запаха: положительно, онѣ могли-бы потягаться въ этомъ отношеніи съ любой англійской леди.

Но что мнѣ было особенно непріятно въ моихъ посѣщеніяхъ фрейлинъ, такъ это то, что онѣ ни крошечки не церемонились со мной, относясь ко мнѣ, какъ къ какому-то безполому существу, которое не можетъ питать никакихъ вожделѣній. Онѣ раздѣвались до-нага въ моемъ присутствіи, мѣняли при мнѣ сорочку, какъ будто даже не замѣчая, что я стою тутъ-же, на туалетѣ, и смотрю на ихъ обнаженное тѣло. Впрочемъ, и то сказать: это зрѣлище отнюдь не казалось мнѣ соблазнительнымъ и, кромѣ отвращенія и ужаса, не возбуждало во мнѣ ровно никакихъ чувствъ. Кожа этихъ дамъ, когда на нее смотришь вблизи, кажется грубой, неровной, какой-то разноцвѣтной; мѣстами вы видите на ней родинку, величиной съ блюдо, или бородавку, изъ которой торчатъ волоски толще нашей бичевки. Не говорю уже обо всемъ остальномъ. Между прочимъ онѣ не стѣснялись ходить при мнѣ за малой нуждой, при чемъ все выпитое ими въ теченіе дня выливалось въ огромную посудину, вмѣщавшую болѣе трехъ нашихъ бочекъ, и въ количествѣ, равнявшемся, по меньшей мѣрѣ, двойному объему боченка. Одна изъ фрейлинъ, шестнадцатилѣтняя веселая рѣзвушка и самая хорошенькая изъ всѣхъ, заходила иногда такъ далеко въ своихъ шалостяхъ, что сажала меня верхомъ къ

себѣ на сосокъ. Вообще она продѣлывала надо мной много экспериментовъ въ этомъ родѣ, но я надѣюсь, читатель меня извинитъ, если я позволю себѣ не распространяться объ ея продѣлкахъ. Скажу одно: онѣ были мнѣ до такой степени непріятны, что я просилъ Глумдальклич устроить подъ какимъ-нибудь предлогомъ, чтобы мнѣ не приходилось больше встрѣчаться съ этой молодой особой.

Однажды къ намъ зашелъ нѣкій джентльменъ, племянникъ гувернантки Глумдальклич, и уговорилъ ихъ обѣихъ идти смотрѣть на казнь. Приговоренный къ смерти преступникъ убилъ хорошаго знакомаго упомянутаго джентльмена. Глумдальклич согласилась, чтобы не разстраивать компаніи, но ей очень не хотѣлось идти, ибо у нея было отъ природы мягкое сердце. Что до меня, то хоть я и ненавижу такого рода зрѣлища, но на этотъ разъ рѣшилъ пойти изъ любопытства, такъ какъ разсчитывалъ увидѣть необыкновенную вещь. Преступникъ поднялся на эшафотъ, сооруженный спеціально для этой казни; его посадили на табуретъ, къ которому накрѣпко привязали, и затѣмъ однимъ взмахомъ снесли ему голову огромнымъ мечемъ футъ въ сорокъ длины. Изъ венъ и артерій брызнула кровь въ невѣроятномъ количествѣ и такою высокой струей, какой не выбрасываетъ даже большой фонтанъ въ Версали; а голова упала на помостъ съ такимъ громкимъ стукомъ, что я весь вздрогнулъ, хотя стоялъ, по крайней мѣрѣ, въ полмилѣ (считая на англійскія мили) отъ эшафота.

Королева, очень любившая слушать мои разсказы о моихъ морскихъ путешествіяхъ и пользовавшаяся каждымъ случаемъ доставить мнѣ развлеченіе, когда мнѣ, бывало, взгрустнется, спросила меня какъ-то разъ, умѣю-ли я грести и управлять парусами, и какъ я думаю, не будетъ-ли полезно для моего здоровья поупражняться въ греблѣ. Я отвѣчалъ ея величеству, что, конечно, умѣю обращаться и съ парусами, и съ весломъ, ибо хоть плавалъ я собственно въ качествѣ корабельнаго хирурга и врача, но тѣмъ не менѣе по нуждѣ мнѣ много разъ случалось работать за матроса, „Не знаю только“, прибавилъ я, „какимъ образомъ могу я упражняться въ мореплаваніи въ вашей странѣ, когда самый маленькій вашъ яликъ равняется по величинѣ нашему первоклассному линейному кораблю; а если сдѣлать лодку по моему росту, она все равно затонетъ въ вашихъ рѣкахъ“. На это королева соизволила сказать, что пусть я только придумаю планъ лодки, а ужъ мнѣ ее сдѣлаетъ собственный ея величества столяръ; что-же касается мѣста, гдѣ-бы я могъ на ней плавать, то объ этомъ она позаботится. Столяръ оказался очень искуснымъ работникомъ и въ десять дней соорудилъ по моимъ указаніямъ игрушечную лодку такихъ размѣровъ, что въ ней могли-бы свободно помѣститься восемь человѣкъ европейцевъ. Когда ко-

ролева увидѣла готовую лодку съ мачтой, съ парусомъ и со всѣми снастями, она пришла въ такой восторгъ, что побѣжала съ ней въ рукахъ къ королю. Король приказалъ посадить меня въ лодку и спустить ее въ видѣ пробы въ лоханку съ водой. Оказалось, однако, что въ этой лоханкѣ я не могу дѣйствовать веслами занедостаткомъ мѣста. Но у королевы былъ уже готовъ другой планъ. Она еще раньше заказала своему столяру деревянную бадью въ триста футъ длины, пятьдесятъ ширины и восемь вышины. Когда бадья была готова и хорошо просмолена въ предупрежденіе течи, ее поставили на полу у стѣны въ одной изъ дворцовыхъ прихожихъ. Въ бадью у самаго дна былъ вдѣланъ кранъ, чтобы спускать воду, когда она начнетъ загнивать, а наполнить ее два человѣка легкомогли въ полчаса. Я часто плавалъ въ этой бадьѣ ради собственнаго развлеченія, а равно и для увеселенія королевы и придворныхъ дамъ, которыхъ очень забавляли моя ловкссть и проворство въ обращеніи съ лодкой. Иногда я поднималъ парусъ, и тогда мнѣ оставалось только править рулемъ; мой парусъ надувался отъ вѣтра, который дѣлали дамы своими вѣерами. Когда онѣ уставали, въ парусъ дулъ кто нибудь изъ пажей, а я въ это время производилъ всевозможныя эволюціи, держалъ, смотря по надобности, то право, то лѣво руля и всячески старался блеснуть своимъ искусствомъ. Всякій разъ по окончаніи катанья Глумдальклич уносила мою лодку къ себѣ въ комнату и вѣшала на гвоздикъ сушить.

Передъ однимъ изъ такихъ катаній со мной случилось приключеніе, едва не стоившее мнѣ жизни. Не успѣлъ одинъ изъ пажей спустить на воду мою лодку, какъ гувернантка Глумдальклич, желая ей прислужиться, подхватила меня на руки, чтобы посадить въ лодку; но я какимъ-то образомъ проскользнулъ у нея между пальцевъ и неминуемо упалъ-бы на полъ съ высоты сорока футъ, еслибы, по необыкновенно счастливой случайности, меня не задержала на лету большая булавка, торчавшая въ корсажѣ благородной леди; головка булавки проскочила подъ ремень, которымъ были стянуты мои панталоны, и я повисъ на воздухѣ въ летящей позѣ. Но моя няня сейчасъ-же подбѣжала ко мнѣ на выручку.

Въ другой разъ по небрежности слуги, на обязанности котораго лежало черезъ каждые два дня въ третій наливать мою бадью свѣжей водой, въ ней оказалась большая лягушка (которая, вѣроятно, вскочила въ ведро, когда слуга зачерпывалъ воду и которой онъ не замѣтилъ). Лягушка сидѣла на днѣ притаившись, пока меня съ лодкой не спустили въ бадью; но, увидѣвъ на водѣ твердый прэдметъ, на который можно было взобраться, она подпрыгнула, уцѣпилась за бортъ лодки передними лапами и такъ сильно накренила ее на одинъ бокъ, что я принужденъ былъ навалиться

Мой парусъ надувался отъ вѣтра, который дѣлали дамы своими вѣерами.

всею тяжестью моего тѣла на другой бортъ, чтобы не дать моему судну опрокинуться. Между тѣмъ лягушка вскарабкалась на лодку, однимъ прыжкомъ перескочила съ середины ея на корму, потомъ обратно, и продолжала такимъ образомъ прыгать черезъ мою голову, оставляя у меня на лицѣ и на платьѣ слѣды своей отвратительной слизи. Невозможно себѣ представить болѣе безобразнаго

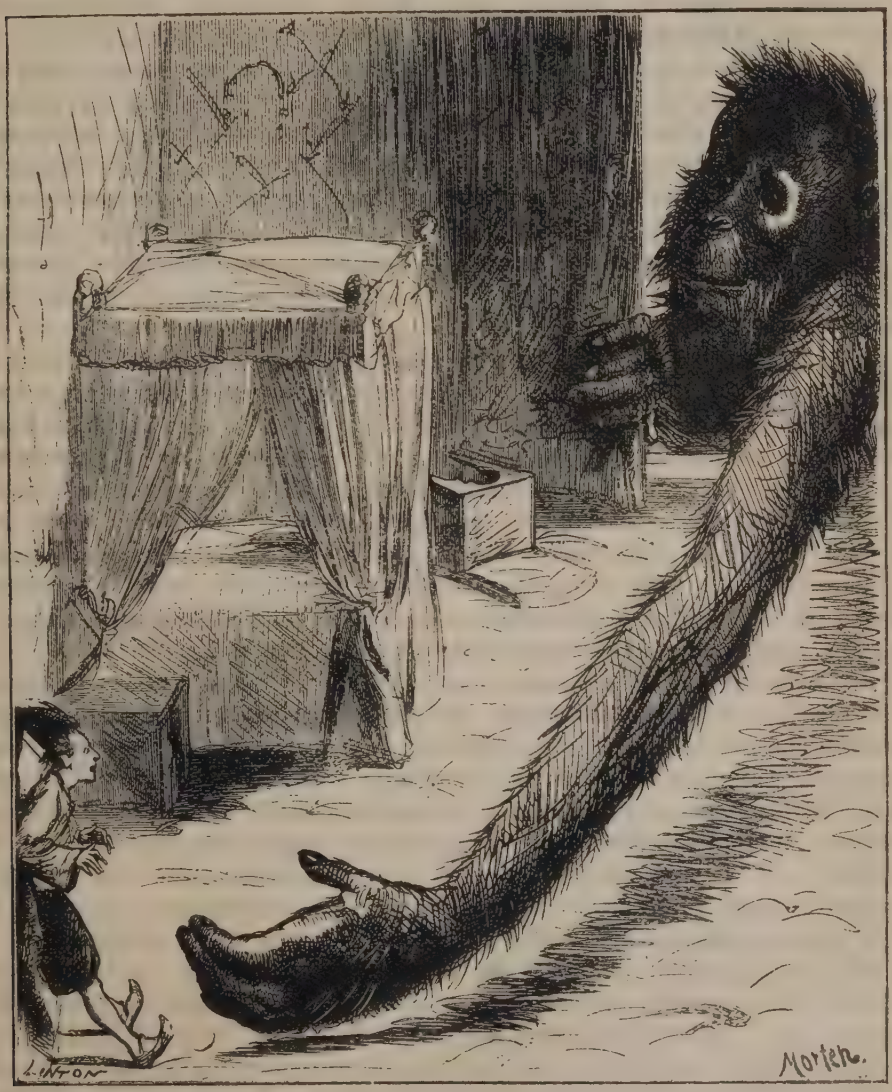
Лягушка сильно накренила лодку на одинъ бокъ.

существа, чѣмъ какимъ казалась мнѣ эта лягушка, благодаря громаднымъ размѣрамъ своей морды. Тѣмъ не менѣе я попросилъ Глумдальклячъ предоставить мнѣ самому расправиться съ этимъ звѣремъ. Довольно долго я сражался съ лягушкой, нанося ей удары весломъ, и, наконецъ, заставилъ-таки ее выпрыгнуть изъ лодки.

Но, за все время моего пребыванія въ странѣ бробдиньяговъ, я ни разу не подвергался такой страшной опасности, какъ въ приключеніи съ обезьяной, принадлежавшей одному изъ служащихъ

при королевской кухнѣ. Вотъ какъ это было. Глумдальклячъ, уходя куда-то по дѣлу или въ гости, заперла меня на ключъ въ своей комнатѣ. Погода была жаркая, и окно комнаты стояло настежъ, такъ же, какъ окна и дверь моего большого ящика, въ которомъ я спалъ и проводилъ весь день, потому что мнѣ было въ немъ просторно и удобно. Я спокойно сидѣлъ у стола, о чемъ-то размышляя, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то вскочилъ въ окно и ходитъ по комнатѣ. Не смотря на сильный испугъ, я рѣшился выглянуть изъ ящика, но не вставая съ мѣста. Я увидалъ обезьяну чудовищныхъ размѣровъ: она скакала, кувыркалась и шарила по всѣмъ угламъ съ непосѣдливостью, отличающею этихъ шкодливыхъ животныхъ. Но вотъ она добралась до моего ящика и принялась съ видимымъ интересомъ и удовольствіемъ осматривать его со всѣхъ сторонъ, заглядывая въ дверь и во всѣ окна по очереди. Я забился въ самый дальній уголокъ, но отъ страха, который наводила на меня обезьяна, заглядывавшая во всѣ щелки, я такъ растерялся, что не догадался спрятаться подъ кровать, что легко могъ-бы сдѣлать. Обойдя вокругъ ящика нѣсколько разъ (все это время она, не переставая, гримасничала, рычала и скалила зубы), обезьяна, наконецъ, увидѣла меня. Просунувъ въ мою дверь одну лапу (какъ это дѣлаетъ кошка, когда играетъ съ мышью, попавшеюся въ мышеловку), онатаки поймала меня за фалду камзола, хотя я поминутно перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, стараясь отъ нея ускользнуть, и выволокла наружу. (Мой камзолъ былъ сшитъ изъ мѣстной шелковой ткани, очень толстой и крѣпкой, такъ-что, къ сожалѣнію, она выдержала мою тяжесть и не порвалась). Обезьяна поднесла меня къ своей правой груди, придерживая правой передней рукой на манеръ того, какъ держитъ ребенка кормилица, когда даетъ ему грудь (помню, я видѣлъ въ Европѣ, какъ одна обезьяна продѣлывала то же съ котенкомъ); а когда я попробовалъ было сопротивляться, она такъ больно притиснула меня, что я счелъ за лучшее покориться. По тому, какъ нѣжно гладила она меня по лицу свободной рукой, я догадался, что она принимаетъ меня за дѣтеныша обезьяньей породы. Щелканье замка отпираемой двери прервало ее на этомъ занятіи: услышавъ шумъ, она мгновенно вскочила на окно и, дѣйствуя тремя свободными руками, а четвертой крѣпко прижимая меня къ себѣ, перебралась по водосточному желобу на крышу сосѣдняго зданія. Въ тотъ моментъ, когда она меня уносила, я услыхалъ крикъ моей няни. Бѣдная дѣвочка чуть не сошла съ ума отъ отчаянія. Она подняла на ноги весь дворецъ. Прислуга побѣжала за приставными лѣстницами. Десятки людей видѣли, какъ обезьяна сидѣла на крышѣ, придерживала меня одной рукой, какъ грудного ребенка, а другой усердно кормила, запихивая мнѣ въ ротъ какую-

то гадость, которую она вынимала изъ своего защечнаго мѣшка, и шлепая меня по чемъ попало, когда я отказывался ѣсть. Многіе изъ придворной челяди, столпившейся внизу, не могли удержаться



Просунувъ въ мою дверь одну лапу она поймала меня.

отъ смѣха, глядя на насъ; впрочемъ, говоря по совѣсти, нельзя было ихъ за это и осуждать, ибо картина была, безспорно, въ достаточной мѣрѣ комична для всякаго, кромѣ меня. Нѣкоторые

стали было швырять въ обезьяну каменьями въ разсчетѣ заставить ее спуститься, но имъ это немедленно запретили, и хорошо сдѣлали, ибо иначе они въ своемъ усердіи, по всей вѣроятности, разможжили-бы мнѣ голову.

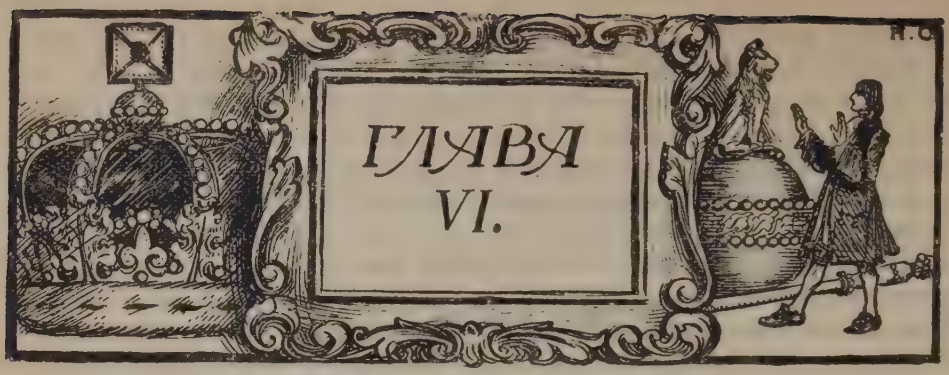
Между тѣмъ къ крышѣ приставили лѣстницы, по которымъ поднялось нѣсколько человѣкъ. Увидѣвъ себя окруженной почти со всѣхъ сторонъ и понимая, что ей не убѣжать на трехъ лапахъ, обезьяна бросила меня на конекъ крыши и пустилась на утекъ. Я сидѣлъ на самой верхней черепицѣ, на высотѣ пятисотъ ярдовъ отъ земли, ежеминутно ожидая, что меня или сдуетъ вѣтромъ, или у меня закружится голова, и я самъ скачусь съ крыши и разобьюсь въ дребезги. Но одинъ изъ камеръ-лакеевъ моей няни—спасибо этому честному малому!— своевременно добрался до меня и, посадивъ меня въ карманъ своихъ панталонъ, благополучно спустился на землю.

Я чуть не подавился отвратительной снѣдью, которою обезьяна набила мнѣ ротъ, но моя милая няничка, вооружившись тонкой иглой, выковыряла у меня изо рта эту мерзость, послѣ чего меня жестоко вырвало и мнѣ стало легче. Тѣмъ не менѣе я такъ ослабѣлъ и чувствовалъ себя такимъ разбитымъ послѣ нѣжныхъ объятій противной обезьяны, что около двухъ недѣль не могъ встать съ постели. Король, королева и весь дворъ присылали каждый день справляться о моемъ здоровьѣ, а ея величество даже навѣщала меня во время моей болѣзни. Обезьяну убили, и былъ изданъ указъ, запрещавшій держать обезьянъ во дворцѣ.

Когда по выздоровленіи я явился къ королю, чтобы поблагодарить его за благосклонное вниманіе ко мнѣ, его величество изволилъ много шутить по поводу моего приключенія. Онъ спрашивалъ меня, „какія мысли и высшія соображенія занимали меня въ тѣ минуты, когда обезьяна держала меня на рукахъ?—понравились-ли мнѣ лакомства, которыми она меня угощала, и способъ угощенья?“ и „не замѣчаю-ли я, что свѣжій воздухъ на крышѣ усилилъ мой аппетитъ?“ На вопросъ его величества: „какъ-бы я поступилъ при подобныхъ обстоятельствахъ у себя на родинѣ“, я отвѣчалъ, что „у насъ въ Европѣ нѣтъ обезьянъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ привозятъ изъ другихъ странъ, какъ диковинку; да и тѣ“, прибавилъ я, „такъ малы, что я легко управился-бы съ цѣлой дюжиной, еслибъ имъ вздумалось напасть на меня. Что-же касается того чудовищнаго звѣря (дѣйствительно, обезьяна была ростомъ съ нашего слона), съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло намедни, то, еслибы испугъ не помутилъ моего разсудка и еслибъ въ ту минуту, когда эта тварь просунула ко мнѣ свою лапу, я догадался пустить въ дѣло мой кортикъ (тутъ я принялъ

свирѣпый видъ и ухватился рукой за эфесъ вышереченнаго оружія). я, можетъ быть, сумѣлъ-бы ей себя показать... Да, я нанесъ-бы ей такой хорошій ударъ, что она была-бы не рада, что связалась со мной, и поспѣшила-бы убраться по добру, по здорову". Я произнесъ эту тираду рѣшительнымъ тономъ человѣка, принимающаго за личное оскорбленіе малѣйшее сомнѣніе съ своей храбрости. И, однако, единственнымъ эффектомъ моей рѣчи былъ громкій смѣхъ всѣхъ присутствующихъ, отъ котораго они не могли удержаться, несмотря на все свое уваженіе къ своему повелителю королю. Это обстоятельство навело меня на размышленія о тщетности всѣхъ нашихъ попытокъ заставить признать наши достоинства существъ, безъ всякаго сравненія превосходящихъ насъ размѣрами и силой. А между тѣмъ по возвращеніи въ Англію мнѣ приходилось наблюдать человѣческіе поступки, изъ коихъ можно было вывести такую-же мораль: сколько разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-нибудь ничтожный мелкій плутъ, не имѣвшій за собой ни знатности происхожденія, ни личныхъ заслугъ, ни ума, ни даже простого здраваго смысла, напускалъ на себя неприступную важность и держалъ себя на равной ногѣ чуть-ли не съ первыми лицами въ государствѣ.

Я каждый день увеселялъ весь дворъ какимъ-нибудь смѣшнымъ приключеніемъ, въ которомъ игралъ страдательную роль. Дѣло въ томъ, что Глумдалькличъ—хотя она безъ памяти любила меня,—была настолько коварна, что всякій разъ, какъ я совершалъ какую-нибудь капитальную глупость, она доводила о ней до свѣдѣнія королевы, желая позабавить ее. Какъ-то разъ, когда дѣвочкѣ немного нездоровилось, гувернантка повезла ее за городъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Меня по обыкновенію взяли съ собой. Когда мы отъѣхали отъ города на разстояніе часа пути, т. е. на тридцать англійскихъ миль, дамы вышли изъ экипажа и, поставивъ на землю мой дорожный ящикъ, отправились гулять въ поле по тропинкѣ. Я тоже вышелъ пройтись. Посерединѣ тропинки лежала куча свѣжаго коровьяго навоза и, самъ не знаю съ чего, мнѣ захотѣлось доказать мою ловкость, перепрыгнувъ черезъ эту кучу. Я разбѣжался и сдѣлалъ прыжокъ, но, вѣроятно, плохо разсчиталъ, потому что плюхнулся въ самую середину навоза, въ которомъ и увязъ по колѣна. Не безъ усилій выбрался я на чистое мѣсто. Одинъ изъ камеръ-лакеевъ обтеръ меня своимъ платкомъ, насколько это было возможно, ибо я вымазался, какъ свинья. Затѣмъ моя няня посадила меня въ ящикъ и уже не вынимала до самаго дома. Какъ только мы вернулись, королевѣ разсказали о моемъ приключеніи, лакеи въ свою очередь растрезвонили о немъ по всему дворцу, и въ теченіе нѣсколькихъ дней моя особа служила неистощимымъ поводомъ ко всеобщему веселью.



ГЛАВА VI.

Авторъ изощряется въ выдумкахъ для увеселенія короля и королевы и показываетъ свои музыкальные таланты.—Король разспрашиваетъ о государственномъ устройствѣ Англіи, и авторъ удовлетворяетъ его любопытству.—Замѣчанія короля по этому поводу.

Живя во дворцѣ и находясь въ постоянномъ общеніи со всѣми его обитателями, я сдѣлался между ними своимъ человѣкомъ. Разъ или два въ недѣлю я присутствовалъ при королевскомъ вставаніи, часто видѣлъ его величество въ тѣ минуты, когда онъ отдавалъ свою особу въ распоряженіе своего брадобрѣя, и первое время—говорю безъ преувеличенія, это зрѣлище наводило на меня паническій ужасъ, ибо бритва, которою орудовалъ королевскій цирюльникъ, была вдвое длиннѣе нашей косы. Слѣдуя обычаю своей страны, король бробдиньяговъ брился только два раза въ недѣлю. Однажды я выпросилъ у цирюльника мыльную пѣну, оставшуюся послѣ бритья, и выудилъ изъ нея отрѣзки волосъ отъ королевской бороды. Выбравъ изъ нихъ штукъ сорокъ или пятьдесятъ самыхъ толстыхъ, я взялъ кусокъ мягкаго дерева, выстругалъ изъ него нѣкоторое подобіе ободка гребенки, потомъ досталъ у Глумдальклич иголку (самую тонкую, какая у нея была) и, проколовъ ею въ моемъ ободкѣ нѣсколько дырочекъ на равныхъ разстояніяхъ одну отъ другой, вставилъ въ нихъ отрѣзки волосъ, заостривъ ихъ предварительно на концахъ перочиннымъ ножомъ. Работа была сдѣлана очень искусно, и такимъ образомъ у меня оказался довольно сносный гребешокъ, что было очень кстати, такъ какъ у прежняго моего гребешка обломались всѣ зубья, и онъ былъ почти негоденъ къ употребленію, а сдѣлать новый было некому, ибо между бробдиньягскими мастерами едва ли нашелся-бы хотя одинъ, который взялся-бы за такую тонкую работу.

Исторія съ гребешкомъ напоминаетъ мнѣ другую мою затѣю, надъ которой я провозился немало досужихъ часовъ. Я попросилъ камеръ-фрейлину, на обязанности которой лежало причесывать

королеву, чтобъ она собирала для меня волосы ея величества, остававшіеся на гребешкѣ. Съ теченіемъ времени у меня накопилось довольно много этихъ волосъ. И вотъ, посовѣтовавшись съ моимъ пріятелемъ столяромъ, который разъ навсегда получилъ предписаніе исполнять мои маленькіе заказы, я заказалъ ему два стула, или вѣрнѣе, остовы стульевъ такихъ-же приблизительно размѣровъ, какъ тѣ, что стояли въ моемъ ящикѣ. Въ каждомъ стулѣ, по всей рамѣ спинки и сидѣнья, я велѣлъ ему наколоть тонкимъ шиломъ маленькихъ сквозныхъ дырочекъ; затѣмъ, отобравъ изъ моего запаса волосъ самые крѣпкіе, сплелъ изъ нихъ сидѣнья и спинки, продѣвая ихъ въ дырочки совершенно такъ, какъ у насъ въ Англіи плетутъ изъ соломы. Когда стулья были готовы, я поднесъ ихъ въ даръ королевѣ, которая поставила ихъ въ свою конторку и потомъ показывала, какъ рѣдкость. И въ самомъ дѣлѣ—говорю это безъ хвастовства,—моя работа приводила въ изумленіе всякаго, кто ее видѣлъ. Королева просила меня посидѣть на этихъ стульяхъ, но я рѣшительно отказался повиноваться, объявивъ, что лучше готовъ тысячу разъ умереть, чѣмъ прикоснуться презрѣнной частью моего тѣла къ драгоцѣннымъ волосамъ, которые нѣкогда украшали голову ея величества. Кромѣ стульевъ, я сдѣлалъ изъ королевскихъ волосъ (у меня всегда былъ талантъ къ рукодѣльямъ) хорошенькій маленькій кошелекъ около пяти футъ длиной и вышилъ на немъ золотомъ полное имя королевы. Съ разрѣшенія ея величества я подарилъ этотъ кошелекъ Глумдальклич; но, по правдѣ сказать, онъ не выполнялъ своего назначенія, такъ какъ не могъ выдержать тяжести крупныхъ бробдиньягскихъ монетъ, и Глумдальклич не держала въ немъ ничего, кромѣ мелкихъ бездѣлушекъ, которыя такъ любятъ всѣ дѣвочки.

Его величество, обожавшій музыку, часто устраивалъ концерты во дворцѣ. Меня приносили иногда на эти концерты въ моемъ ящикѣ, который ставили въ концертной залѣ на столѣ; но инструменты бробдиньяговъ производили такой адскій шумъ, что я почти не различалъ тоновъ. Еслибъ у васъ надъ ухомъ разомъ заиграли всѣ барабанщики и горнисты англійской арміи, вы и тогда, я увѣренъ, не составили-бы себѣ даже приблизительнаго представленія объ этихъ концертахъ. Я дѣлалъ обыкновенно такъ: просилъ поставить мой ящикъ какъ можно дальше отъ эстрады, гдѣ помѣщались музыканты, затѣмъ запиралъ мою дверь и всѣ окна, задергивалъ занавѣски, и тогда ихъ музыка не казалась мнѣ особенно непріятной.

Въ ранней юности я немного игралъ на клавикордахъ. Въ комнатѣ Глумдальклич стояли клавикорды: она училась играть

у учителя, приходившаго къ ней два раза въ недѣлю. Я сказалъ: *клавикорды*, потому-что инструментъ, на которомъ упражнялась моя няня, нѣсколько напоминалъ наши клавикорды, и играли на немъ точно такъ же. Мнѣ пришло въ голову, что королю и ко-

Инструменты производили такой адскій шумъ, что я почти не различалъ тоновъ.

ролевѣ будетъ пріятно, если я сыграю имъ какую-нибудь англійскую мелодію на этомъ инструментѣ. Но оказалось, что это очень

трудно исполнить. Клавіатура инструмента имѣла до шестидесяти футъ длины, а каждая клавиша—около фута ширины, такъ-что, растянувъ руки во всю длину, я могъ захватить не болѣе пяти клавишъ, а чтобы извлечь изъ нихъ музыкальные звуки, мнѣ пришлось-бы изо всей силы бить по нимъ кулакомъ. Ясно, что такое упражненіе было-бы мнѣ не подъ силу, да и все равно ничего-бы не вышло изъ такой игры. Но я придумалъ другой способъ. Я сдѣлалъ двѣ колотушки въ видѣ цилиндрическихъ палочекъ (величиной съ нашу дубину) съ утолщеніями на одномъ концѣ; толстые концы я обернулъ мышиной шкуркой, чтобы поверхность клавишъ не поцарапалась и чтобы не слышно было стука при игрѣ. Передъ клавикордами поставили длинную скамью фута на четыре пониже клавіатуры и подсадили меня на эту скамью. Держа по колотушкѣ въ каждой рукѣ, я, какъ угорѣлый, носился взадъ и впередъ вдоль клавіатуры и ударялъ нужныя клавиши. Такимъ образомъ мнѣ удалось сыграть нѣчто въ родѣ джиги къ великому удовольствію ихъ величествъ. Но это былъ такой неистовый моціонъ, какого мнѣ не доводилось продѣлывать за всю мою жизнь, и, несмотря на то, что я не жалѣлъ ни ногъ ни рукъ, я долженъ былъ ограничить свои упражненія шестнадцатью клавишами, не поспѣвая перебѣгать съ одного конца клавіатуры на другой, и, слѣдовательно, не могъ играть въ дискантѣ и въ басу одновременно, какъ дѣлаютъ другіе артисты, а отъ этого моя игра, разумѣется, много теряла.

Король, который, какъ я уже говорилъ, былъ человѣкъ съ высоко просвѣщеннымъ умомъ, часто приказывалъ приносить меня къ нему въ моемъ ящикѣ. Ящикъ ставили на конторку въ его кабинетѣ, послѣ чего, по его приказанію, я выносилъ одинъ стулъ, садился въ трехъ ярдахъ разстоянія отъ него на верхней крышкѣ конторки, чтобы быть въ уровень съ его лицомъ, и у насъ начиналась бесѣда. Мы бесѣдовали такимъ образомъ нѣсколько разъ. Однажды я осмѣлился замѣтить его величеству, что „презрѣніе, съ какимъ онъ относится къ Европѣ и ко всему міру, не согласуется, мнѣ кажется, съ тѣми высокими умственными и душевными качествами, которыми онъ такъ щедро надѣленъ. Вѣдь степень ума не зависитъ отъ роста", говорилъ я: „напротивъ, часто мы замѣчаемъ обратное; въ моемъ отечествѣ, по крайней мѣрѣ, держатся того мнѣнія, что рослые люди, говоря вообще, не отличаются большими умственными способностями. Что же касается животныхъ, то между ними пчелы и муравьи считаются одними изъ самыхъ смышленыхъ и, во всякомъ случаѣ, безспорно, обладаютъ большей степенью развитія и большею изобрѣтательностью, чѣмъ многія изъ болѣе крупныхъ породъ. О себѣ

Я, какъ угорѣлый, носился взадъ и впередъ вдоль клавіатуры и ударялъ нужныя клавиши.

скажу только одно; какимъ бы ничтожнымъ ни казался я Вашему Величеству, я не теряю надежды, что настанетъ пора, когда я окажу вамъ важную услугу". Король выслушалъ меня очень внимательно, и съ этого дня его мнѣніе обо мнѣ замѣтно измѣнилось въ мою пользу. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я „какъ можно точнѣе описалъ ему государственное устройство Англіи, ибо (объяснилъ онъ), какъ ни пристрастны вообще государи къ обычаямъ своей страны (такое заключеніе о государяхъ онъ вывелъ изъ прежнихъ моихъ разсказовъ), ему все-таки хотѣлось бы познакомиться съ соціальнымъ строемъ иноземной державы, такъ какъ во всякой странѣ есть что-нибудь, что стоитъ перенять".

Можешь себѣ вообразить, любезный читатель, какъ горячо я желалъ въ эту минуту обладать краснорѣчіемъ Демосѳена и Цицерона, дабы имѣть возможность воспѣть хвалу моей дражайшей отчизнѣ въ достойныхъ ея величія и процвѣтанія словахъ.

Прежде всего я объяснилъ его величеству, что наши владѣнія состоятъ изъ двухъ острововъ, образующихъ три могущественныя государства, соединенныя подъ верховной властью одного короля, и изъ плантацій въ Америкѣ. Я долго распространялся о плодородіи нашихъ земель и объ умѣренности нашего климата. Затѣмъ я подробно описалъ устройство англійскаго парламента; сказалъ, что онъ состоитъ изъ двухъ частей—Верхней и Нижней Палатъ, — и что въ составъ первой входятъ исключительно лица благороднаго происхожденія, владѣльцы древнихъ и богатыхъ вотчинъ. Я не жалѣлъ красокъ, описывая, съ какою заботливостью воспитываютъ нашихъ молодыхъ лордовъ, обучая ихъ всѣмъ наукамъ и военному дѣлу, дабы со временемъ они могли стать хорошими совѣтчиками своего государя, полезными слугами отечества, мудрыми законодателями, членами верховнаго судилища, на которое нѣтъ аппеляціи, и храбрыми, доблестными, честными борцами, всегда готовыми встать на защиту отечества и престола. Я сказалъ, что эти люди — украшеніе и оплотъ государства, достойные преемники славныхъ предковъ, считавшихъ честь лучшей наградой за свои доблести, которыя, какъ это всѣмъ извѣстно, не выродились въ ихъ потомкахъ. Я прибавилъ, что, кромѣ лордовъ, въ Верхней Палатѣ засѣдаютъ еще лица духовнаго званія, принадлежащія къ институту епископовъ, на обязанности которыхъ лежитъ попеченіе о религіи и надзоръ за людьми, наставляющими въ оной народъ. Я объяснилъ, что епископовъ выбираютъ изъ среды духовенства всей націи король и мудрѣйшіе изъ его совѣтчиковъ, останавливая свой выборъ на лицахъ, заслужившихъ репутацію глубокой эрудиціи и святости жизни, и которыхъ, такимъ образомъ, можно поистинѣ назвать духовными отцами народа.

„Вторая часть парламента,—такъ называемая Нижняя Палата или Палата Общинъ"—продолжалъ я, „состоитъ изъ джентльменовъ, свободно избираемыхъ народомъ за свои таланты и любовь къ родинѣ и являющихся, такимъ образомъ, представителями мудрости народной. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что упомянутыя двѣ палаты, на которыя, вкупѣ съ государемъ, возложено законодательство страны, представляютъ самый непогрѣшимый изъ институтовъ, какіе только существуютъ въ Европѣ".

Затѣмъ я перешелъ къ судебнымъ учрежденіямъ. Я разсказалъ, какіе почтенные судьи, какіе мудрые истолкователи закона засѣдаютъ въ нашихъ судахъ, какъ справедливо рѣшаютъ они споры о правахъ и имуществахъ, какъ нелицепріятно караютъ порокъ и обѣляютъ невинность, я упомянулъ и о разумной администраціи нашего казначейства, и о храбрыхъ подвигахъ нашихъ войскъ на сушѣ и на морѣ. Я опредѣлилъ цифру народонаселенія нашей страны, сосчитавъ, сколько милліоновъ людей принадлежитъ у насъ къ каждой религіозной сектѣ и къ каждой политической партіи. Я не забылъ даже о нашихъ національныхъ развлеченіяхъ, не пропустилъ ни одного вида спорта, ни одной подробности, которая могла возвеличить мое отечество въ глазахъ короля. Я заключилъ краткимъ историческимъ очеркомъ фактовъ и событій, совершившихся въ Англіи за послѣднія сто лѣтъ.

Эта бесѣда заняла пять аудіенцій по нѣскольку часовъ каждая. Король выслушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ. Все время, пока я говорилъ, онъ дѣлалъ замѣтки въ своей записной книжкѣ, а когда я кончилъ, составилъ списокъ вопросовъ, которые намѣревался мнѣ предложить.

На шестой аудіенціи его величество, справившись со своими замѣтками, сталъ задавать мнѣ вопросы и дѣлать возраженія, требуя разъясненій по каждому пункту. Онъ спросилъ меня: „Какихъ вы придерживаетесь методовъ въ вашей системѣ физическаго и нравственнаго воспитанія молодыхъ людей знатныхъ фамилій и въ какого рода занятіяхъ проводятъ они обыкновенно свои юношескіе годы, т. е. самую воспріимчивую пору человѣческой жизни? Какимъ образомъ пополняется у васъ составъ Верхней Палаты со смертью тѣхъ изъ ея членовъ, которые были послѣдними отпрысками угасающаго знатнаго рода? Какія качества требуются отъ человѣка, чтобы онъ могъ получить званіе лорда, и не случается ли иногда, чтобы въ такого рода повышеніяхъ главную роль играли капризъ короля, подкупъ куртизанки, или желаніе подслужиться политической партіи, хотя интересы ея и не согласуются съ общественнымъ благомъ? дѣйствительно ли высокородные лорды такъ хорошо знаютъ законы своей страны, что могутъ

рѣшать въ послѣдней инстанціи споры своихъ согражданъ объ имущественныхъ и иныхъ правахъ? И всегда ли они настолько свободны отъ жадности, пристрастія и всякихъ низменныхъ побужденій, что взятка не можетъ ихъ соблазнить? Всегда ли также лорды духовнаго сана, о которыхъ вы говорили, попадаютъ въ палату единственно за свою компетентность въ религіозныхъ вопросахъ и за святость своей жизни? И неужели ни объ одномъ изъ нихъ нельзя сказать, что, будучи простымъ священникомъ, онъ мѣнялъ убѣжденія и, какъ флюгеръ, вертѣлся по вѣтру или раболѣпствовалъ передъ какимъ-нибудь аристократомъ, у котораго служилъ капелланомъ и чьи взгляды онъ рабски проводитъ въ Верхней Палатѣ, сдѣлавшись ея членомъ?"

Затѣмъ король попросилъ меня объяснить, „какая система практикуется у насъ при выборахъ въ члены Нижней Палаты, и не бываетъ ли, чтобы какой-нибудь избирательный округъ, предпочтительно передъ своимъ лендлордомъ или вообще самымъ вліятельнымъ изъ мѣстныхъ джентльменовъ, выбралъ человѣка посторонняго, но съ толстой мошной, благодаря которой тотъ могъ подкупить избирателей? Отчего всѣ такъ стремятся попасть въ эту палату, несмотря на то, что, по моимъ словамъ, депутатство не приноситъ ничего, кромѣ хлопотъ и расходовъ, нерѣдко разоряющихъ всю семью, и не оплачивается ни жалованьемъ, ни пенсіей?" Столь безпримѣрная гражданская доблесть казалась его величеству явленіемъ до такой степени необычнымъ, что заставляла его усомниться въ искренности побужденій проявлявшихъ ее лицъ. Онъ просилъ меня отвѣтить по совѣсти: „не объясняется-ли такое рвеніе господъ депутатовъ просто разсчетомъ такъ или иначе вознаградить себя за понесенные убытки и трудъ и не случается ли иногда, чтобы они жертвовали общественнымъ благомъ, содѣйствуя замысламъ слабаго и порочнаго государя и его подкупленнаго министерства?" Онъ задавалъ, такимъ образомъ, вопросъ за вопросомъ, выжимая изъ меня, какъ изъ губки, все, что я зналъ, и засыпалъ меня возраженіями, которыя я нахожу неблагоразумнымъ и неудобнымъ повторять.

По поводу сказаннаго мною о нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ его величество потребовалъ отъ меня разъясненій по нѣкоторымъ пунктамъ, и я тѣмъ легче могъ удовлетворить его любопытство, что мнѣ случилось однажды вести длинную тяжбу въ канцлерскомъ судѣ, которая чуть не разорила меня, хотя окончилась въ мою пользу. Его величество спросилъ: „Много-ли времени и большихъ-ли издержекъ требуетъ въ гражданскихъ дѣлахъ рѣшеніе вопроса о томъ, на чьей сторонѣ право? Предоставляется-ли адвокатамъ и вообще судебнымъ ораторамъ вести завѣдомо непра-

выя дѣла, клонящіяся къ утѣсненію ближняго или къ нарушенію его правъ? Не имѣютъ-ли вліянія политическія и религіозныя партіи на приговоры суда и не можетъ-ли иногда партійный интересъ склонить вѣсы правосудія на сторону неправды? Проникнуты-ли судебные ораторы общимъ пониманіемъ принциповъ справедливости, или довольствуются знаніемъ мѣстныхъ обычаевъ и законовъ, провинціальныхъ, отечественныхъ и иныхъ? Участвуютъ-ли они, а равно и судьи, въ составленіи законовъ, которые они съ такимъ легкимъ сердцемъ берутся истолковывать и примѣнять? Не случается-ли когда-нибудь, чтобы адвокатъ въ разное время и въ разныхъ инстанціяхъ велъ дѣло двухъ противныхъ сторонъ и приводилъ при этомъ прецеденты въ доказательство противуположныхъ мнѣній? Богата или бѣдна корпорація адвокатовъ? Получаютъ-ли они какое-нибудь денежное вознагражденіе за совѣты и за веденіе дѣлъ? А главное, допускаются-ли въ члены Нижней Палаты"?

Послѣ этого онъ перешелъ къ администраціи нашего казначейства. „Мнѣ кажется", сказалъ онъ, „память вамъ измѣняетъ: такъ, говоря о государственныхъ доходахъ. вы опредѣлили ихъ въ пять, шесть милліоновъ; а между тѣмъ изъ того, что вы говорили о расходахъ казны, оказывается, что расходы превышаютъ доходы больше чѣмъ вдвое; въ этомъ я не могъ ошибиться, такъ какъ старательно записывалъ съ вашихъ словъ все. что касалось этого пункта, въ разсчетѣ, что знакомство съ вашей финансовой системой можетъ быть мнѣ полезно. Но, если приведенныя вами цифры не лгутъ, я рѣшительно отказываюсь понять, какимъ образомъ государство можетъ выходить изъ бюджета, точно какой-нибудь частный человѣкъ". Тутъ онъ спросилъ меня, „кто же насъ кредитуетъ и откуда мы беремъ деньги на уплату нашихъ долговъ?" Онъ очень удивился, когда я ему разсказалъ, какъ дорого обходятся намъ войны и какимъ тяжелымъ бременемъ онѣ ложатся на страну, и высказалъ догадку, что „вѣроятно мы очень неуживчивый народъ или, быть можетъ, окружены плохими сосѣдями, и что, должно быть, генералы у насъ богаче королей". Засимъ онъ спросилъ, „какія у насъ могутъ быть дѣла за предѣлами нашихъ двухъ острововъ, кромѣ торговли съ сосѣдними государствами, да охраны нашихъ береговъ, для которой вполнѣ достаточно флота?" Больше всего его поразилъ фактъ существованія постояннаго наемнаго войска у свободнаго народа и въ мирное время. „Коль скоро вы сами, въ лицѣ вашихъ представителей, управляете дѣлами страны", сказалъ онъ, „я никакъ не могу взять въ толкъ, кого вы боитесь и съ кѣмъ готовитесь воевать. Скажите мнѣ откровенно, какъ вы думаете, кто лучше защититъ вашъ домъ:

вы сами съ женой и дѣтьми, или десятокъ проходимцевъ, набранныхъ съ улицы за ничтожную плату,—разбойниковъ, которые могутъ добыть во сто разъ больше денегъ, перерѣзавъ вамъ горло?"

Его величество много смѣялся надъ моей „оригинальной ариѳметикой" (какъ ему угодно было выразиться), по которой я вычислилъ народонаселеніе нашей страны на основаніи числа приверженцевъ каждой изъ существующихъ у насъ религіозныхъ сектъ и политическихъ партій. Онъ сказалъ, что „конечно не видитъ причины принуждать людей отрекаться отъ мнѣній, могущихъ нанести ущербъ общему благу, но, съ другой стороны, не понимаетъ, почему не заставляютъ держать такія мнѣнія при себѣ, ибо поскольку со стороны правительства будетъ тиранніей требовать перваго, постольку же будетъ слабостью не добиться второго: человѣку можно позволить держать ядъ у себя въ столѣ, но нельзя допускать, чтобъ онъ продавалъ ядъ, какъ лѣкарство".

Вспомнивъ, что въ числѣ развлеченій нашей аристократіи и мелкаго дворянства я назвалъ картежную игру, его величество поинтересовался узнать, „въ какомъ возрастѣ у насъ обыкновенно занимаются этой забавой и когда бросаютъ ее? Много-ли времени на нее тратятъ? Не принимаетъ-ли она въ иныхъ случаяхъ настолько серьезныхъ размѣровъ, чтобы вредно отражаться на матеріальныхъ средствахъ игрока, и не случается-ли иногда, что безчестные люди наживаютъ богатства своею ловкостью въ игрѣ и забираютъ въ свои лапы благородныхъ лордовъ, а тѣ, въ свою очередь, постепенно развращаясь въ дурномъ обществѣ, все ниже и ниже опускаются въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ и, въ концѣ концовъ, до-чиста обобранные ловкими шулерами, начинаютъ и сами практиковать надъ другими это позорное ремесло?"

Когда я изложилъ его величеству исторію моего отечества за послѣднія сто лѣтъ, онъ былъ совершенно пораженъ. „Да это какая-то вакханалія убійствъ, заговоровъ, рѣзни, мятежей, революцій и ссылокъ", сказалъ онъ: „все худшее, къ чему только могутъ привести алчность и честолюбіе, лицемѣріе и вѣроломство, ненависть и жестокость, безуміе и ярость, зависть и злоба, крамола и развратъ".

На послѣдней аудіенціи онъ резюмировалъ въ короткихъ словахъ все, что я ему говорилъ, сличилъ предложенные имъ вопросы съ моими отвѣтами, затѣмъ взялъ меня въ руку, тихонько погладилъ и обратился ко мнѣ съ нижеслѣдующею рѣчью, которой я никогда не забуду, такъ-же какъ и тона, какимъ онъ ее произнесъ:

„Дружокъ мой, Грильдригъ! Вы преподнесли мнѣ превосход-

Дружокъ мой, Грильдригъ! Вы преподнесли мнѣ превосходнѣйшіи панегирикъ вашему отечеству.

нѣйшій панегирикъ вашему отечеству: вы доказали съ полной очевидностью, что невѣжество, лѣнь и продажность—необходимые аттрибуты вашихъ законодателей, что наилучшими истолкователями законовъ и первыми мастерами въ примѣненіи ихъ на практикѣ являются у васъ люди, всѣ интересы и таланты которыхъ заключаются въ томъ, чтобы затемнять, извращать и обходить законъ. Въ государственномъ устройствѣ вашей страны я замѣчаю черты, свидѣтельствующія о томъ, что первоначально оно было сносно; но эти черты еле замѣтны,—до такой степени все старое испорчено, загажено, исковеркано. Изъ всего вами сказаннаго я не вижу, чтобы для полученія хоть одного изъ общественныхъ постовъ у васъ требовались знанія, умъ и нравственная доблесть, а тѣмъ менѣе, чтобы людей награждали за добродѣтель, чтобы служители алтаря получали повышенія за благочестіе и ученость, солдаты—за храбрость и вѣрность, судьи—за неподкупность, члены парламента—за любовь къ родинѣ, министры—за мудрость. Что касается васъ лично", продолжалъ его величество, „то, зная, что большую часть своей жизни вы провели въ скитаніяхъ по свѣту, я склоненъ вѣрить, что вы избѣгли многихъ изъ пороковъ, характеризующихъ вашу страну. Но судя по тому, что вы сами мнѣ разсказали, и по тому, что мнѣ съ такимъ трудомъ удалось изъ васъ вытянуть моими вопросами, я поневолѣ долженъ придти къ заключенію, что ваши соотечественники въ массѣ — зловредное племя самыхъ гнусныхъ маленькихъ гадовъ, какихъ когда-либо терпѣла природа на землѣ".

Любовь автора къ своему отечеству.—Авторъ дѣлаетъ королю очень выгодное предложеніе, которое тотъ отвергаетъ.—Полнѣйшее невѣжество короля въ области политики.—Неполнота и ограниченность научныхъ знаній въ странѣ бробдиньяговъ.—Законодательство, военное дѣло и политическія партіи въ означенной странѣ.

Я такъ люблю правду, что уже одно это не позволяетъ мнѣ умолчать о послѣдней части моихъ похожденій въ странѣ бробдиньяговъ. Напрасно я возмущался и негодовалъ, слыша, какъ оскорбляютъ и поносятъ мою благородную, возлюбленную отчизну: на всѣ мои негодующіе протесты отвѣчали насмѣшками, и я былъ вынужденъ, вооружившись терпѣніемъ, замкнуться въ молчаніи. Не менѣе чѣмъ каждый изъ моихъ читателей, я сожалѣю о томъ, что вызвалъ своими разсказами такое оскорбительное отношеніе къ нашей странѣ; но король бробдиньяговъ оказался такимъ любознательнымъ и съ такимъ интересомъ допрашивалъ меня по каждому пункту, что съ моей стороны было-бы черной неблагодарностью и нарушеніемъ простыхъ правилъ приличій, еслибъ я не удовлетворилъ его любопытству, насколько это было въ моей власти. Тѣмъ не менѣе—да будетъ мнѣ позволено сказать это въ свое оправданіе я ловко уклонился отъ многихъ вопросовъ и каждую подробность старался представить въ гораздо болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ, строго говоря, то допускали требованія истины, ибо я всегда относился къ своему отечеству съ тѣмъ похвальнымъ пристрастіемъ, которое Діонисій Галикарнасскій такъ справедливо рекомендуетъ историку: я всегда старался утаить изъяны и слабости моей матери-отчизны и выставить съ самой выгодной стороны ея добродѣтели и красоты. Такова была моя завѣтная цѣль и въ многочисленныхъ бесѣдахъ моихъ съ королемъ бробдиньяговъ, хотя къ несчастью мои старанія не увѣнчались успѣхомъ.

Но мы должны быть снисходительны къ государю, который прожилъ всю жизнь отрѣзанный отъ міра и, слѣдовательно, не

могъ познакомиться съ обычаями и нравами, утвердившимися у другихъ націй. Ограниченность знаній всегда приводитъ къ предвзятости мнѣній и къ нѣкоторой узости мысли, которыхъ совершенно чужды мы и другіе просвѣщенные народы Европы, и, конечно, дико было-бы требовать, чтобы понятія о нравственности монарха столь отдаленной страны служили указкой для всего человѣчества.

Въ подтвержденіе только-что сказаннаго и въ доказательство того, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ недостатокъ образованія, я разскажу эпизодъ, настолько необыкновенный, что мнѣ, пожалуй, не повѣрятъ. Въ надеждѣ еще болѣе утвердиться въ благосклонности короля я разсказалъ ему, что „лѣтъ триста пятьдесятъ или четыреста тому назадъ въ Европѣ было сдѣлано замѣчательное открытіе: изобрѣли нѣкій составъ—порошокъ, имѣющій такое свойство, что отъ малѣйшей искры весь порошокъ, будь его хоть цѣлая гора, мгновенно воспламеняется и взлетаетъ на воздухъ, при чемъ происходитъ страшное сотрясеніе и раздается трескъ сильнѣе громового удара. Я сказалъ его величеству, что если взять полый цилиндръ изъ мѣди или желѣза и набить его этимъ составомъ въ опредѣленномъ количествѣ, соотвѣтствующемъ размѣрамъ цилиндра, а сверху вогнать чугунный или свинцовый шаръ такого объема, чтобы онъ какъ разъ заполнялъ собою отверстіе, и затѣмъ поджечь порошокъ, то шаръ вылетитъ съ такою силой и быстротой, что передъ нимъ не устоятъ никакія преграды. Я сказалъ, что самые большіе изъ такихъ шаровъ, выпущенные указаннымъ способомъ, не только разстраиваютъ цѣлыя арміи, опустошая ихъ ряды, но разрушаютъ самыя крѣпкія стѣны и пускаютъ ко дну корабли съ сотнями людей, а такіе-же шары, соединенные по два толстой цѣпью, какъ ножемъ перерѣзываютъ корабельныя мачты и снасти, разрываютъ пополамъ человѣка и производятъ жестокія опустошенія на своемъ пути. Я сказалъ, что у насъ часто начиняютъ этимъ составомъ большіе чугунные шары, пустые внутри, и затѣмъ, при помощи механическаго снаряда, выпускаютъ ихъ въ осаждаемые города, гдѣ они рвутъ мостовыя, разрушаютъ дома, разрываясь на мелкіе осколки, изъ которыхъ каждый можетъ оторвать голову человѣку. „Я знаю“, продолжалъ я, „изъ какихъ веществъ состоитъ этотъ порошокъ: всѣ они очень дешевы и ихъ легко достать. Я умѣю составлять эту смѣсь и, если Ваше Величество пожелаете, берусь показать вашимъ рабочимъ, какъ приготовить цилиндры; размѣры ихъ будутъ, конечно, пропорціональны размѣрамъ всѣхъ прочихъ предметовъ въ вашихъ владѣніяхъ, при чемъ самый большой будетъ имѣть не болѣе ста футъ въ длину. Довольно двухъ-трехъ десятковъ такихъ цилиндровъ,

при соотвѣтственномъ количествѣ порошка и шаровъ, чтобы въ нѣсколько часовъ сравнять съ землей стѣны самой сильной крѣпости въ вашемъ государствѣ или разгромить всю вашу столицу въ случаѣ, еслибы когда-нибудь она отказалась признать вашу верховную власть. Смиренно предлагаю Вашему Величеству свои услуги", сказалъ я въ заключеніе, „какъ скромную дань моей признательности за многочисленные знаки вашей королевской милости и покровительства, коими вы меня удостоили".

Выслушавъ мое описаніе нашихъ пушекъ и ружей, король пришелъ въ ужасъ отъ моего предложенія. Его поразило, „какъ въ такомъ ничтожномъ, безсильномъ насѣкомомъ, какъ я (это были подлинныя его слова), могутъ гнѣздиться столь безчеловѣчныя мысли, оказывающіяся притомъ настолько привычными, что разсказчика ни капли не трогаютъ описываемыя имъ кровавыя картины опустошенія, являющіяся, по его словамъ, обыкновеннымъ результатомъ дѣйствія этихъ разрушительныхъ машинъ, изобрѣсти которыя могъ развѣ только злой духъ, врагъ рода человѣческаго". „Что-же касается меня лично", прибавилъ его величество, „то хотя ничто не доставляетъ мнѣ такой радости, какъ новыя открытія въ области искусствъ и наукъ, но я лучше соглашусь лишиться половины моего королевства, чѣмъ воспользуюсь вашимъ секретомъ, и совѣтую вамъ, если вы дорожите жизнью, никогда больше не заикаться мнѣ о немъ".

Странное дѣйствіе односторонникъ взглядовъ и узкихъ принциповъ! Государь, обладающій всѣми качествами, какія только могутъ обезпечить человѣку всеобщую любовь, уваженіе и почетъ— правитель столь высокаго ума, недюжинныхъ талантовъ и глубокой учености, надѣленный всѣми дарами природы, почти боготворимый своими подданными,—человѣкъ необыкновенный во всѣхъ отношеніяхъ,— и этотъ человѣкъ изъ мелочной, никому не нужной щепетильности, о какой мы, европейцы, и понятія не имѣемъ, упускаетъ рѣдкій случай, который самъ дается ему въ руки,— возможность сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ имущества, свободы и жизни своего народа! Я говорю это, отнюдь не имѣя въ виду умалить многочисленныя достоинства этого превосходнаго государя. Конечно, я понимаю, что щепетильность, которую онъ обнаружилъ въ описанномъ эпизодѣ, сильно уронитъ его въ глазахъ всякаго англичанина; но этотъ недостатокъ, отличающій всѣхъ вообще бробдиньяговъ, я приписываю исключительно ихъ невѣжеству, по милости котораго политика до сихъ поръ еще не возведена у нихъ на степень науки, какъ это давно уже сдѣлано въ Европѣ усиліями наиболѣе тонкихъ изъ европейскихъ умовъ Я хорошо помню, какъ во время одной изъ моихъ бесѣдъ съ ко-

ролемъ, я между прочимъ сказалъ ему, что „у насъ написано нѣсколько тысячъ томовъ объ искусствѣ управленія государствомъ"; я сказалъ это, разсчитывая внушить королю самое лестное мнѣніе о нашемъ развитіи, но мои слова произвели совершенно обратный эффектъ. Его величество объявилъ мнѣ, что презираетъ и ненавидитъ таинственность и считаетъ позорнымъ какъ для короля, такъ и вообще для правителя, прибѣгать къ какимъ-бы то ни было ухищреніямъ и подвохамъ въ управленіи страной. Онъ недоумѣвалъ, что я разумѣю подъ словами „государственная тайна" и какой можетъ быть смыслъ въ этихъ словахъ, когда государству не угрожаетъ опасности со стороны другой, враждебной державы. Искусство управленія онъ понималъ крайне узко, сводя его къ осторожности и здравому смыслу, къ справедливости, милосердію, скорому рѣшенію гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и другимъ общимъ мѣстамъ въ томъ-же родѣ, которыхъ не стоитъ перечислять. И въ довершеніе всего онъ твердо держался того мнѣнія, что „человѣкъ, выростившій три колоса хлѣба или три стебля травы на землѣ, гдѣ раньше ихъ росло только два, оказалъ своему отечеству болѣе существенную услугу и заслуживаетъ большей признательности отъ людей, чѣмъ всѣ политиканы, взятые вмѣстѣ".

Научныя познанія бробдиньяговъ весьма ограничены: правила нравственности, исторія, поэзія и математика—вотъ и всѣ ихъ науки, въ которыхъ, впрочемъ,—надо имъ отдать справедливость—они достигли высокой степени совершенства. Но изученіе математики имѣетъ у нихъ исключительной цѣлью полезныя приложенія ея въ жизни: улучшеніе земледѣлія, усовершенствованія въ различныхъ отрасляхъ механики и т. п. однимъ словомъ, ихъ математика была-бы у насъ не въ чести. Что-же касается области чистой идеи—сущностей, абстрактовъ, трансцендентальныхъ умозрѣній,—то, сколько я ни старался, я никакъ не могъ вложить въ ихъ головы ни малѣйшаго представленія объ этихъ вещахъ.

У бробдиньяговъ существуетъ законъ, по которому ни въ одномъ законодательномъ актѣ число словъ не должно превышать числа буквъ бробдиньягской азбуки, состоящей изъ двадцати двухъ буквъ. Но лишь немногія законоположенія достигаютъ даже и этого числа словъ. Всѣ они изложены самымъ простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, и бробдиньяги, какъ народъ, не отличающійся слишкомъ быстрымъ умомъ, не умѣютъ придавать закону болѣе одного толкованія. Письменныя разъясненія законовъ считаются у нихъ уголовнымъ преступленіемъ. Что-же касается рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ и приговоровъ надъ преступниками, то у нихъ такъ мало накопилось прецедентовъ въ обѣихъ

этихъ областяхъ судопроизводства, что неудивительно, если они не могутъ похвастаться особенной виртуозностью ни въ той, ни въ другой.

Книгопечатаніе извѣстно имъ, такъ же какъ и китайцамъ, съ незапамятныхъ временъ, но у нихъ нѣтъ обширныхъ библіотекъ: такъ, въ королевской библіотекѣ, которая считается самой богатой, имѣется не болѣе тысячи томовъ. Эта библіотека помѣщается въ галлереѣ, достигающей тысячи двухсотъ футъ въ длину. Мнѣ было разрѣшено брать изъ нея книги для чтенія, но, для того чтобы я могъ ихъ читать, пришлось соорудить цѣлое приспособленіе, что и было выполнено столяромъ ея величества. Онъ сдѣлалъ для меня деревянную лѣстницу, которую можно было переносить съ мѣста на мѣсто и которая обыкновенно стояла въ комнатѣ Глумдальклич. Это сооруженіе имѣло двадцать пять футъ въ вышину, а длина каждой ступеньки достигала пятидесяти футъ. Когда я выражалъ желаніе почитать, мою лѣстницу устанавливали футахъ въ десяти отъ стѣны, повернувъ къ ней ступеньками, а на полъ ставили раскрытую книгу, прислонивъ ее къ стѣнѣ. Я взбирался на верхнюю ступеньку, поворачивался лицомъ къ книгѣ и начиналъ читать съ верхней строки, переходя слѣва направо и обратно шаговъ на восемь или на десять, смотря по длинѣ строкъ. По мѣрѣ того, какъ чтеніе подвигалось впередъ и строки приходились все ниже и ниже уровня моихъ глазъ. я постепенно спускался на вторую ступеньку, на третью, и такъ далѣе. Дочитавъ до конца страницы, я снова поднимался наверхъ и начиналъ новую страницу такимъ-же манеромъ. Листы я переворачивалъ обѣими руками, что было нетрудно, такъ какъ бумага, на которой у нихъ печатаютъ книги, не толще нашего толстаго картона, а самые большіе ихъ томы in folio имѣютъ не болѣе восемнадцати, двадцати футъ въ длину.

Слогъ ихъ литературныхъ произведеній отличается ясностью, силой и плавностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ всякой цвѣтистости: они терпѣть не могутъ нанизывать ненужныя слова и приводить по нѣскольку терминовъ для выраженія одного и того-же понятія. Я перечелъ немало бробдиньягскихъ книгъ, въ особенности по этикѣ и исторіи. Между прочимъ мнѣ попалась прелюбопытная книженка—старинный трактатъ религіозно-нравственнаго содержанія; она всегда лежала на столикѣ въ спальной Глумдальклич и составляла собственность ея гувернантки, почтенной пожилой дамы, питавшей пристрастіе къ поучительному чтенію. Книжонка эта трактуетъ о слабостяхъ человѣческаго рода и, говоря вообще, не пользуется у бробдиньяговъ особенной популярностью: ее читаютъ только женщины, да простонародье. Тѣмъ

не менѣе мнѣ интересно было узнать, какъ смотрятъ ихъ писатели на такого рода вопросы. Авторъ книги начинаетъ съ повторенія всѣхъ общихъ мѣстъ, которыя такъ любятъ и европейскіе моралисты; говоритъ о томъ, „какимъ мелкимъ, ничтожнымъ и

Я перечелъ не мало бробдиньягскихъ книгъ.

безпомощнымъ животнымъ создала человѣка природа, до какой степени онъ неспособенъ противустоять климатическимъ невзгодамъ и ярости дикихъ звѣрей, насколько онъ уступаетъ одному

животному въ силѣ, другому въ быстротѣ ногъ, третьему въ предусмотрительности, четвертому въ умѣньѣ приспособляться къ обстоятельствамъ". Дальше идетъ разсужденіе на ту тему, что „за послѣдніе вѣка существованія міра природа выродилась въ своихъ твореніяхъ и стала производить какихъ-то недоносковъ по сравненію съ существами, жившими въ древнія времена. „Есть основанія предполагать", продолжаетъ авторъ свои умствованія, „что въ первобытную эпоху не только вся вообще человѣческая раса была крупнѣе, но что тогда существовали великаны; это подтверждается во первыхъ исторіей и преданіемъ, во вторыхъ тѣми громадными костями и черепами, которые случайно находятъ въ землѣ въ различныхъ частяхъ королевства и которые далеко превосходятъ своими размѣрами скелетъ измельчавшаго современнаго человѣка". Затѣмъ авторъ старается доказать, что такъ и должно оно быть по законамъ природы: что первые люди должны были рождаться болѣе рослыми, сильными и выносливыми, чтобы быть въ состояніи противустоять всякимъ случайностямъ, отъ которыхъ такъ легко погибаетъ нынѣшній человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ жизнь каждаго изъ насъ не виситъ на волоскѣ? Насъ можетъ убить черепица, упавшая съ крыши, камень, брошенный рукою ребенка; намъ ничего не стоитъ утонуть въ ручьѣ". Изъ приведенныхъ положеній авторъ выводитъ различныя правила нравственности, весьма полезныя въ житейскомъ обиходѣ, но не стоющія того, чтобы ихъ повторять. Я, съ своей стороны, читая эту книгу, невольно думалъ о томъ, до какой степени повсемѣстно распространена у людей страсть читать мораль, или вѣрнѣе, изыскивать поводы къ недовольству своимъ положеніемъ и сѣтованіямъ на природу за то, что она создала насъ такими, а не иными. А между тѣмъ, если хорошенько вникнуть въ дѣло, то, мнѣ кажется, можно было-бы доказать, что мы имѣемъ такъ-же мало основаній, какъ и бробдиньяги, для подобнаго недовольства.

Перехожу къ положенію у бробдиньяговъ военнаго дѣла. Бробдиньяги гордятся своей арміей (въ ней числится сто семьдесятъ шесть тысячъ пѣхоты и тридцать двѣ тысячи кавалеріи), если только можно назвать арміей сборное войско, раскинутое по всѣмъ городамъ и селамъ государства и состоящее изъ мѣстныхъ купцовъ и мѣстныхъ фермеровъ, которыми командуютъ мѣстные помѣщики и дворяне, не получающіе никакой платы за свой трудъ. Правда, солдаты этой арміи безукоризненно исполняютъ военныя экзерциціи и строго соблюдаютъ дисциплину; но я не вижу въ этомъ заслуги, ибо развѣ можетъ быть иначе въ войскахъ, гдѣ каждый солдатъ—или фермеръ, служащій подъ начальствомъ сво-

его-же лендлорда, или горожанинъ, подчиненный генералу изъ главныхъ заправилъ своего города, избираемыхъ, какъ въ Венеціи, всеобщей баллотировкой Я часто видѣлъ милицію Лорбрульгруда во время маневровъ, которые обыкновенно производятся за городомъ, въ открытомъ полѣ въ двадцать квадратныхъ миль. Всѣхъ войскъ на эти маневры собирается не болѣе тридцати одной тысячи (около двадцати пяти тысячъ пѣхоты и около шести—кавалеріи), но они занимаютъ такое огромное пространство, что опредѣлить ихъ цифру съ точностью я не могъ. Кавалеристъ верхомъ на росломъ скакунѣ представляетъ монументальную фигуру футъ въ девяносто вышиной. Я видѣлъ, какъ весь отрядъ кавалеріи, обнаживъ по командѣ свои сабли, махалъ ими въ воздухѣ. Это была такая грандіозная, такая поразительная картина, какой не нарисовать самому живому воображенію: казалось, десять тысячъ молній разомъ прорѣзали водъ небесный по всѣмъ направленіямъ.

Меня заинтересовало, какимъ образомъ государь, царствующій въ странѣ, къ которой нѣтъ доступу ни изъ какого другого государства, могъ придти къ мысли завести армію и обучить своихъ подданныхъ военной дисциплинѣ. Но чтеніе книгъ по исторіи страны и бесѣды съ компетентными лицами скоро разъяснили мнѣ причину этого феномена. Дѣло въ томъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ бробдиньяги страдали общимъ недугомъ человѣческой расы: ихъ аристократія старалась захватить власть въ свои руки, народъ отстаивалъ свою свободу, а короли стремились сдѣлаться полновластными господами страны. Каждая изъ трехъ партій, хотя и сдерживаемая въ своихъ аппетитахъ разумными законами, часто нарушала чужія права, что вызывало междоусобныя войны. Послѣдняя изъ такихъ войнъ благополучно окончилась при дѣдѣ нынѣ царствующаго государя: всѣ партіи пришли къ соглашенію, и тогда-то, съ общаго согласія, была сформирована милиція, которая дѣйствуетъ и понынѣ, сохраняя въ своей организаціи образцовый порядокъ и строжайшую дисциплину.

ГЛАВА VIII.

Король и королева предпринимаютъ поѣздку къ границамъ государства.—Авторъ сопутствуетъ имъ.—Обстоятельный разсказъ о томъ, какимъ способомъ авторъ покидаетъ страну бробдиньяговъ и возвращается въ Англію.

Уже много разъ я избавлялся отъ угрожавшихъ мнѣ опасностей, выходилъ невредимымъ изъ самаго рокового, повидимому, стеченія обстоятельствъ, и, благодаря этому, меня и теперь не покидала увѣренность, что рано или поздно я вырвусь на свободу, хотя я не могъ себѣ представить, даже приблизительно, какими путями я этого достигну, не говоря уже о какомъ-нибудь опредѣленномъ планѣ освобожденія, который подавалъ-бы хоть малѣйшую надежду на успѣхъ. Корабль, на которомъ меня занесло къ бробдиньягамъ, былъ первымъ судномъ, когда-либо появлявшимся въ виду ихъ береговъ, и король отдалъ строгій приказъ: „въ случаѣ, еслибы когда-нибудь показался другой корабль, немедленно доставить его на берегъ и со всею командой и пассажирами привезти на телѣгѣ въ Лорбрульгрудъ“. Его величеству очень хотѣлось добыть мнѣ жену, которая подходила бы мнѣ по росту, чтобы такимъ образомъ развести нашу породу. Но мнѣ кажется, я лучше согласился-бы умереть, чѣмъ пойти на такой позоръ—расплодить потомство только для того, чтобы его держали въ клѣткахъ, какъ ручныхъ канареекъ и, можетъ быть, со временемъ, продавали по всему королевству, какъ рѣдкостныхъ звѣрьковъ, для увеселенія богатыхъ и знатныхъ людей. Не могу сказать, чтобы мнѣ дурно жилось у бробдиньяговъ: обращались со мной очень ласково, я былъ фаворитомъ могущественнаго короля и королевы и утѣхой всего ихъ двора; но я не могъ быть на равной ногѣ съ великанами, и это оскорбляло мое человѣческое достоинство. Кромѣ того, я никогда не забывалъ, что на родинѣ у меня оставались дорогія моему сердцу существа. Я жаждалъ общества людей, съ которыми я могъ-бы разговаривать, какъ равный съ равными; мнѣ хотѣлось ходить по улицамъ и

полямъ, не боясь, что на меня наступятъ и раздавятъ меня, какъ лягушку или щенка. Освобожденіе пришло раньше, чѣмъ я могъ ожидать, и въ самой необыкновенной формѣ. Но лучше я разскажу подробно и по порядку, какъ это произошло.

Уже два года жилъ я въ странѣ бробдиньяговъ. Въ началѣ третьяго года король съ королевой рѣшили посѣтить южные берега своихъ владѣній. Мы съ Глумдальклячъ должны были ихъ сопровождать. Меня по обыкновенію везли въ моемъ дорожномъ кабинетѣ, который, какъ я уже говорилъ, былъ устроенъ со всевозможнымъ комфортомъ и представлялъ квадратный ящикъ по двѣнадцати футъ въ длину и ширину. Къ потолку, по моей просьбѣ, былъ подвѣшенъ гамакъ на тѣ случаи, когда мнѣ хотѣлось прокатиться на лошади съ верховымъ; гамакъ висѣлъ на шелковыхъ шнуркахъ, прикрѣпленныхъ къ четыремъ верхнимъ угламъ ящика, и значительно смягчалъ силу толчковъ при ѣздѣ; я часто спалъ въ немъ во время пути. Въ крышѣ моего кабинета, надъ гамакомъ, поближе къ одному его концу, я приказалъ столяру прорѣзать небольшую отдушину (около фута въ квадратѣ) для вентиляціи, такъ какъ въ жаркую погоду въ гамакѣ было душно спать. Эту отдушину можно было открывать и закрывать по желанію при помощи доски, свободно ходившей въ пазахъ.

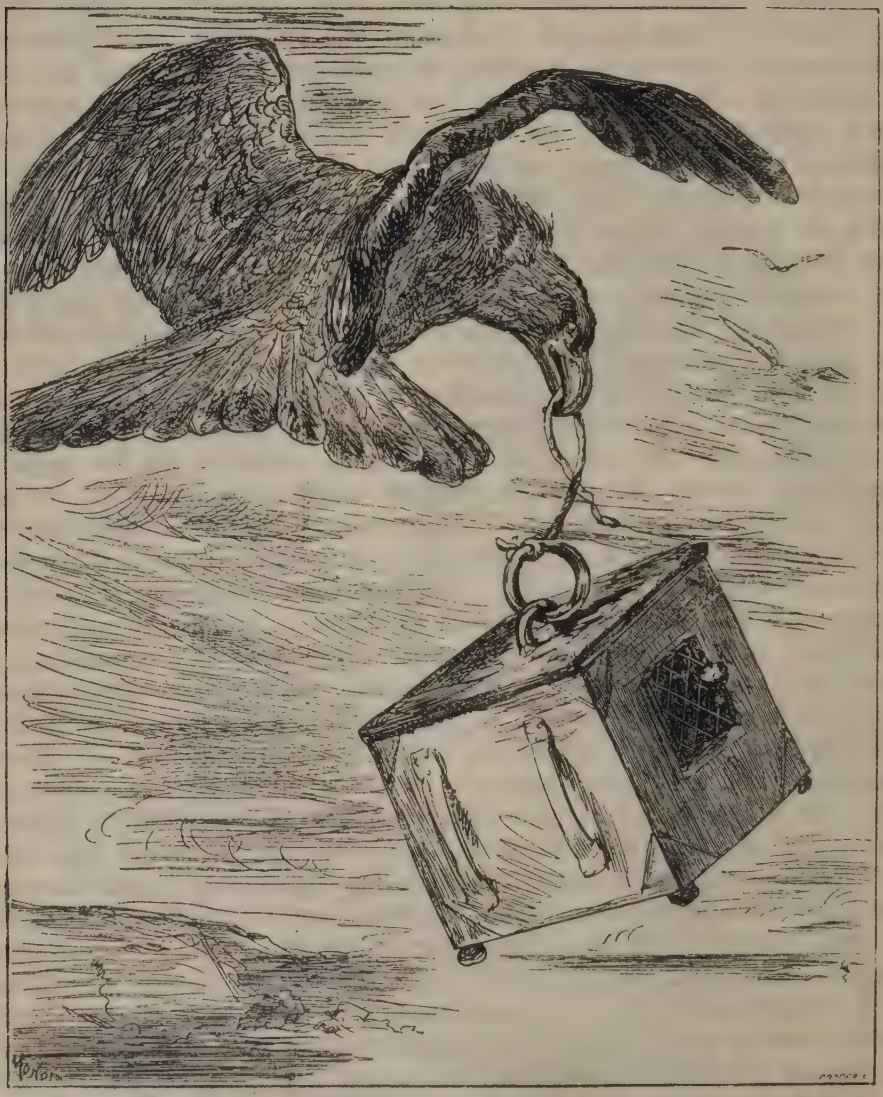
Когда мы прибыли къ цѣли нашего путешествія, король рѣшилъ провести нѣсколько дней въ своемъ дворцѣ близь Флэнфласника, торговаго города, расположеннаго въ восемнадцати англійскихъ миляхъ отъ берега моря. Мы съ Глумдальклячъ очень устали послѣ дороги и были оба больны: я схватилъ легкую простуду, а бѣдная дѣвочка такъ расхворалась, что не могла выходить изъ комнаты. Меня томило желаніе взглянуть на океанъ—единственную стихію, которая могла освободить меня изъ плѣна, если только моему освобожденію когда-нибудь суждено было наступить. Я притворился, что чувствую себя хуже, чѣмъ это было въ дѣйствительности, сказалъ, что мнѣ хочется подышать морскимъ воздухомъ, и просилъ отпустить меня на берегъ съ молоденькимъ пажемъ, котораго я очень любилъ и которому меня уже не разъ поручали. Никогда не забуду, какъ неохотно Глумдальклячъ дала свое согласіе на эту прогулку, какъ строго наказывала пажу беречь меня пуще глаза и какими горькими заливалась слезами, разставаясь со мной, точно предчувствовала то, что должно было случиться.

Мальчикъ поднялъ меня въ моемъ ящикѣ, и черезъ полчаса мы были на скалахъ, возвышавшихся прямо надъ моремъ. Я приказалъ ему поставить мой ящикъ на землю, потомъ присѣлъ къ окну, поднялъ раму и долго глядѣлъ на море съ глубокой тоской

Она точно предчувствовала то, что должно было случиться.

Я чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо и сказалъ пажу, что попробую уснуть, такъ какъ думаю, что сонъ меня освѣжитъ. Я легъ въ гамакъ, и мальчикъ плотно заперъ окно, чтобы меня не продуло. Я скоро уснулъ, и, вѣроятно, покуда я спалъ (я не могу придумать другого объясненія тому, что случилось), мой провожатый, считая вполнѣ безопаснымъ оставить меня одного, отправился бродить по скаламъ въ поискахъ за птичьими яйцами. Я заключаю это изъ того, что еще прежде, чѣмъ лечь, я видѣлъ, какъ онъ заглядывалъ въ трещины скалъ и нашелъ тамъ нѣсколько яицъ. Но какъ бы тамъ оно ни случилось, а только я внезапно проснулся отъ страшнаго толчка: кто-то съ силой дергалъ за кольцо, которое было ввинчено въ крышку моего ящика для большаго удобства при переноскѣ. Затѣмъ я почувствовалъ, что ящикъ подымается на воздухъ выше и выше. Онъ поднялся на страшную высоту и вдругъ понесся впередъ съ невѣроятной быстротой. Первымъ толчкомъ меня чуть не выбросило изъ гамака, но затѣмъ движеніе стало ровнѣй. Я пробовалъ звать на помощь, напрягая всю силу моего голоса, но это не привело ни къ чему. Я заглядывалъ въ окно, но не видѣлъ ничего, кромѣ неба и облаковъ. Прямо надъ моей головой раздавался какой-то странный шумъ; прислушавшись, я замѣтилъ, что онъ напоминаетъ хлопанье крыльевъ, и тутъ только мнѣ начала уясняться вся безвыходность моего положенія. „Должно быть“, думалъ я, „какой-нибудь орелъ поднялъ мой ящикъ за веревку, продѣтую въ кольцо, съ тѣмъ, чтобы, бросивъ съ высоты, разбить его о камни утеса, какъ это дѣлаютъ орлы съ черепахами, а потомъ вытащить меня и растерзать“. Какъ извѣстно, эти птицы очень умны и, благодаря своему тонкому обонянію, выслѣживаютъ добычу на очень далекихъ разстояніяхъ, какъ-бы хорошо ни была она спрятана; меня-же прикрывали только двухдюймовыя доски. Вскорѣ я замѣтилъ, что шумъ надъ моей головой усиливается, хлопанье крыльевъ быстро ускоряется, и вдругъ мой ящикъ закачался, точно вывѣска на столбѣ въ вѣтренный день. Вслѣдъ затѣмъ я услышалъ шумъ драки—очевидно какая-нибудь другая птица напала на моего орла (потому-что я былъ убѣжденъ, что это орелъ несетъ въ клювѣ мой ящикъ),—и вдругъ почувствовалъ, что я лечу внизъ совершенно перпендикулярно. Такъ продолжалось съ минуту: я летѣлъ съ такой головокружительной быстротой, что у меня перехватило дыханіе. Но вотъ полетъ мой закончился страшнымъ всплескомъ, показавшимся мнѣ громче шума Ніагарскаго водопада. Въ первый моментъ меня оглушило; въ слѣдующую мунуту я очутился въ темнотѣ, продолжая опускаться, но уже гораздо медленнѣе; затѣмъ ящикъ сталъ подниматься, наконецъ въ окна мелькнулъ

свѣтъ, и я увидѣлъ, что упалъ въ море. Мой ящикъ, отъ тяжести моего тѣла, бывшихъ въ немъ вещей и толстыхъ желѣзныхъ полосъ, которыми для прочности онъ былъ окованъ по угламъ,



Я почувствовалъ, что ящикъ подымается на воздухъ выше и выше.

погрузился въ воду футъ на пять. Стараясь объяснить себѣ мое паденіе въ море, я пришелъ тогда, да и теперь прихожу къ тому предположенію, что въ то время, когда орелъ летѣлъ съ моимъ

ящикомъ, за нимъ погнались два или три другихъ орла, надѣясь раздѣлить съ нимъ добычу, и онъ выпустилъ меня изъ клюва, отбиваясь отъ нихъ. Желѣзныя полосы, скрѣплявшія углы ящика, были значительно толще на нижнихъ углахъ, и потому ящикъ не перевернулся во время паденія и не разбился о поверхность воды. Сколоченъ онъ былъ очень плотно; дверь была не на петляхъ, а выдвижная, какъ подъемная рама; такимъ образомъ мое помѣщеніе было закупорено почти герметически и пропускало очень мало воды. Съ большими усиліями вылѣзъ я изъ гамака, но предварительно открылъ отдушину въ потолкѣ, о которой было упомянуто выше; я рискнулъ это сдѣлать, потому-что задыхался отъ недостатка воздуха.

Какъ дорого я далъ-бы тогда, чтобы снова очутиться подлѣ моей дорогой Глумдалькличъ, отъ которой меня такъ страшно отдалилъ одинъ короткій часъ! И я не покривлю душой, если скажу, что даже въ первыя ужасныя минуты постигшей меня бѣды у меня нашлось сочувствіе для бѣдной моей няни, которая, я зналъ, будетъ сильно горевать обо мнѣ, не говоря уже о томъ, что мое исчезновеніе должно было навлечь на нее неудовольствіе королевы и могло испортить всю ея будущность. Я думаю, мало кто изъ путешественниковъ попадалъ въ такое безвыходное, отчаянное положеніе, въ какомъ былъ я въ то время, когда ежеминутно ожидалъ, что при первомъ сильномъ шквалѣ мой ящикъ разобьетъ въ дребезги или опрокинетъ волной. Стоило разбиться одному стеклу въ которомъ-нибудь изъ моихъ оконъ, и мнѣ грозила неминуемая смерть; но къ счастью крѣпкія желѣзныя рѣшетки, которыми были задѣланы окна снаружи, до нѣкоторой степени защищали ихъ отъ случайностей, какія могли встрѣтиться на пути. Я замѣтилъ, что въ щели въ нѣсколькихъ мѣстахъ начала просачиваться вода; впрочемъ, течь была незначительная, и я принялъ противъ нея свои мѣры, заткнувъ всѣ щели насколько могъ лучше. Мнѣ было не подъ силу поднять крышку ящика, иначе я непремѣнно поднялъ-бы ее и вылѣзъ-бы наружу, гдѣ я могъ-бы все-таки продержаться на нѣсколько часовъ дольше, чѣмъ сидя закупореннымъ, какъ мышь въ мышеловкѣ. Но еслибы даже я избѣжалъ опасности потонуть, чего я могъ затѣмъ ожидать, кромѣ ужасной смерти отъ холода и голода? Такъ протомился я часа четыре, ежесекундно ожидая, что каждый наступающій моментъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, и почти желая этого.

Выше я уже говорилъ, что къ моему ящику, со стороны глухой стѣны, были придѣланы двѣ толстыя желѣзныя скобки, сквозь которыя, когда я хотѣлъ ѣхать на лошади съ верховымъ, мой провожатый продѣвалъ ремень и этимъ ремнемъ пристегивалъ

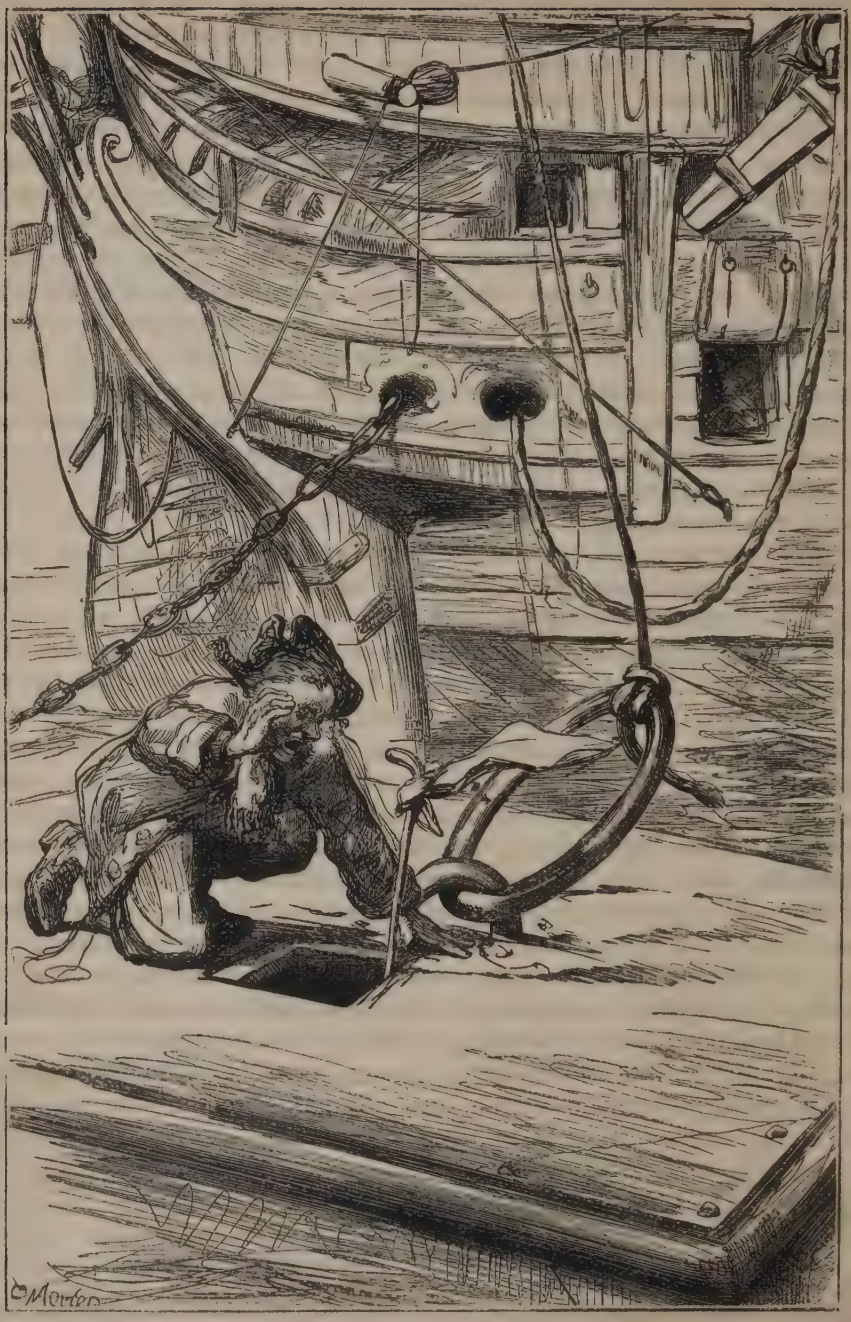
ящикъ къ своему кушаку. И вотъ, въ то время, когда, видя безвыходность своего положенія, я погрузился въ полное отчаяніе, мнѣ вдругъ послышались съ этой стороны ящика такіе звуки, какъ будто что-то терлось о желѣзо скобы. Вслѣдъ затѣмъ мнѣ показалось, что ящикъ ведутъ на буксирѣ: временами я положительно чувствовалъ, какъ его что-то тянетъ и дергаетъ, и когда это движеніе усиливалось, волны вокругъ меня подымались выше, закрывая окна до самаго верху и оставляя меня почти въ полной темнотѣ. Это подало мнѣ нѣкоторую надежду на спасеніе, хоть у меня не мелькало даже приблизительнаго представленія о томъ, какимъ образомъ я могъ-бы спастись. Я отвинтилъ одинъ изъ стульевъ (которые, какъ я уже упоминалъ, были привинчены къ полу), потомъ съ большимъ трудомъ привинтилъ его въ другомъ мѣстѣ, прямо подъ отдушиной, которую незадолго передъ тѣмъ открылъ, влѣзъ на него и, приблизившись лицомъ къ отдушинѣ, насколько было возможно, сталъ звать на помощь во весь голосъ и на всѣхъ извѣстныхъ мнѣ языкахъ. Потомъ, привязавъ носовой платокъ къ своей палкѣ (съ которой я ходилъ обыкновенно гулять и никогда не разставался), я просунулъ ее въ отдушину и помахалъ ею въ воздухѣ въ надеждѣ, что, если по близости есть корабль или лодка, матросы увидятъ мой сигналъ и догадаются, что въ ящикѣ запертъ какой-нибудь несчастный смертный.

Отъ всѣхъ моихъ ухищреній не послѣдовало никакихъ результатовъ, но теперь я уже больше не сомнѣвался, что мой ящикъ движется равномѣрно и все въ одномъ направленіи. Спустя часъ или немного побольше, глухая стѣнка ящика, которою онъ подвигался впередъ, наткнулась на что-то твердое. Меня отбросило въ одинъ уголъ, потомъ въ другой. Я испугался, полагая, что ящикъ налетѣлъ на скалу. Но вотъ я явственно услышалъ надъ потолкомъ царапающіе звуки, какъ отъ веревки, когда она обо что-нибудь трется: очевидно, сквозь кольцо въ крышкѣ продѣвали канатъ. Затѣмъ я почувствовалъ, что меня поднимаютъ—не вдругъ, а съ перерывами. Ящикъ поднялся, по крайней мѣрѣ, на три фута и остановился. Тогда я снова просунулъ въ отдушину палку съ платкомъ и началъ кричать. Я кричалъ до того, что охрипъ. Наконецъ, въ отвѣтъ на мои призывы, раздался, громкій крикъ; онъ повторился три раза и преисполнилъ меня такою бурной радостью, которую надо испытать самому, чтобы понять. Вслѣдъ затѣмъ я услыхалъ топотъ ногъ у себя надъ головой, и чей-то голосъ прокричалъ мнѣ въ отдушину на англійскомъ языкѣ: „Если тамъ кто-нибудь есть,—говори!“ Я отвѣчалъ: „Здѣсь англичанинъ. Волею злого рока онъ очутился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, въ

какое когда-либо попадало живое существо, и заклинаетъ всѣмъ, что только можетъ тронуть человѣческое сердце, выпустить его на свободу". На это голосъ сказалъ: „Вы въ безопасности, такъ какъ вашъ ящикъ привязанъ къ нашему кораблю. Сейчасъ придетъ плотникъ, пропилитъ въ крышкѣ отверстіе пошире, и вамъ помогутъ выйти". Я отвѣчалъ, что это „совершенно лишнее и возьметъ слишкомъ много времени, а пусть лучше кто-нибудь изъ матросовъ просунетъ палецъ въ кольцо, подниметъ ящикъ на палубу и снесетъ въ капитанскую каюту" *). Когда на кораблѣ услыхали эти дикія рѣчи, меня сочли за помѣшаннаго. Нѣкоторые стали смѣяться. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ ни на минуту не пришло въ голову, что теперь я опять имѣю дѣло съ людьми одинаковаго со мной роста и силы. Пришелъ плотникъ и въ нѣсколько минутъ пропилилъ въ крышкѣ ящика дыру въ четыре приблизительно квадратныхъ фута. Въ эту дыру мнѣ спустили лѣстницу; я вылѣзъ наружу, и меня подняли на корабль въ состояніи полнаго изнеможенія.

Команда корабля не могла опомниться отъ изумленія и осыпала меня вопросами, на которые у меня не было ни малѣйшаго желанія отвѣчать. Я въ свою очередь растерялся при видѣ такого множества пигмеевъ (глаза мои такъ привыкли за два года къ чудовищнымъ размѣрамъ существъ, съ которыми я только-что разстался, что обыкновенные люди казались мнѣ пигмеями). Капитанъ корабля—м-ръ Томасъ Вилькоксъ, чудесный малый, уроженецъ Шропшира,—замѣтивъ, что я близокъ къ обмороку, увелъ меня въ свою каюту, заставилъ выпить какого-то укрѣпляющаго и уложилъ на свою койку, посовѣтовавъ соснуть, въ чемъ я сильно нуждался. Но, прежде чѣмъ лечь, я сказалъ ему, что въ моемъ ящикѣ есть цѣнныя вещи—гамакъ, прекрасная походная кровать, два стула, столъ и шкапчикъ,—и что мнѣ будетъ жалко, если онѣ пропадутъ; я прибавилъ, что весь ящикъ обитъ внутри шелковой матеріей, положенной на вату, и что если онъ прикажетъ матросу внести его въ каюту, я сейчасъ-же открою его и покажу всѣ мои богатства. Услышавъ эту околесицу, капитанъ рѣшилъ, что я брежу; тѣмъ не менѣе онъ обѣщалъ исполнить мое жела-

*) Въ книгѣ Свифта много маленькихъ подробностей, обличающихъ въ авторѣ глубокое знаніе человѣческой природы, и мнѣ кажется, что это одна изъ такихъ. Говоря въ началѣ главы о своемъ страстномъ желаніи вернуться на родину, Гулливеръ, какъ на главное преимущ ство жизни между своими соотечественниками, указываетъ на то, что они подходятъ къ нему по размѣрамъ; но онъ совершенно забываетъ объ этомъ обстоятельствѣ въ своемъ нетерпѣніи быть освобожденнымъ. Дальше, заботясь о сохраненіи своихъ вещей, онъ еще разъ впадаетъ въ тотъ-же абсурдъ.—*Гоксвортъ.*



Чей то голосъ прокричалъ мнѣ въ отдушину на англійскомъ языкѣ.

ніе (вѣроятно, чтобъ успокоить меня) и вышелъ на палубу. Тамъ онъ приказалъ своимъ людямъ (какъ мнѣ потомъ разсказали) спуститься въ мой ящикъ, вынести изъ него всѣ вещи и ободрать обивку со стѣнъ; но матросы сильно попортили мою мебель, которая, какъ уже извѣстно читателю, была привинчена къ полу и которую они, не зная этого, отдирали вмѣсто того, чтобы отвинтить. Когда изъ ящика было взято все, что представляло какую-нибудь цѣнность, матросы откололи отъ него нѣсколько досокъ, находя, что онѣ могутъ пригодиться, а остовъ спустили въ море, и онъ немедленно затонулъ, наполнившись водой черезъ дыры, пробитыя въ днѣ и въ бокахъ. Сказать по правдѣ, я былъ радъ, что не видалъ, какъ раззоряли мой кабинетъ: я увѣренъ, что эта картина подѣйствовала-бы на меня очень непріятно, напомнивъ мнѣ событія, о которыхъ мнѣ хотѣлось поскорѣе забыть.

Я проспалъ нѣсколько часовъ, но все время видѣлъ тревожные сны, имѣвшіе отношеніе къ только-что оставленнымъ мною мѣстамъ и къ тѣмъ опасностямъ, которыхъ я такъ счастливо избѣжалъ. Тѣмъ не менѣе, проснувшись, я почувствовалъ себя гораздо бодрѣе. Было около восьми часовъ вечера, и капитанъ немедленно распорядился, чтобъ подавали ужинъ, находя, что я уже и такъ слишкомъ долго голодалъ. Онъ обращался со мной очень привѣтливо, замѣтивъ, что я уже не имѣю больше полоумнаго вида и не говорю несообразныхъ вещей, а когда мы остались одни, попросилъ меня разсказать о моихъ приключеніяхъ и какимъ образомъ случилось, что меня спустили въ море въ этомъ огромномъ сундукѣ. Онъ сказалъ, что около двѣнадцати часовъ дня увидѣлъ мой ящикъ въ подзорную трубу и принялъ его издали за судно. Онъ рѣшилъ догнать это судно (для чего не пришлось даже особенно уклониться отъ курса), разсчитывая купить у капитана сухарей, такъ какъ ихъ собственные запасы подходили къ концу. Подойдя ближе къ моему ящику, онъ убѣдился, что ошибся, и приказалъ спустить баркасъ для изслѣдованія страннаго предмета, виднѣвшагося на поверхности воды. Матросы воротились перепуганные и божились, что своими глазами видѣли плавающій домъ. Капитанъ посмѣялся ихъ глупости и отправился самъ на баркасѣ, приказавъ людямъ захватить съ собой крѣпкій канатъ. Море было спокойно, и они нѣсколько разъ объѣхали вокругъ моего ящика, замѣтили въ немъ окна и защищавшія ихъ желѣзныя рѣшетки. Увидѣвъ двѣ желѣзныя скобы по ту сторону ящика, гдѣ не было оконъ, капитанъ скомандовалъ пристать къ нему съ этой стороны. Въ одну скобу продѣли канатъ и повели ящикъ къ кораблю на буксирѣ. Причаливъ къ борту, капитанъ распорядился, чтобы подали другой канатъ. Канатъ закрѣпили за кольцо въ

крышкѣ ящика и стали тянуть его вверхъ на шкивахъ, но, несмотря на то, что работала вся команда, ящикъ подняли только на два или на три фута и выше не могли поднять Они видѣли, какъ изъ отдушины высунулась палка съ навязаннымъ на нее платкомъ, и догадались, что въ ящикѣ сидитъ какой-то несчастный.

Когда капитанъ замолчалъ, я спросилъ его, не замѣтилъ-ли онъ или кто-нибудь изъ команды огромныхъ птицъ въ той сторонѣ, гдѣ плавалъ мой ящикъ, и незадолго передъ тѣмъ, какъ они увидали его. Онъ отвѣчалъ на это: „Да, одинъ матросъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ около этого времени, какъ три орла пролетѣли съ юга на сѣверъ; но должно быть ему не показалось, чтобъ они были больше обыкновенной величины, потому-что онъ ничего объ этомъ не сказалъ“. Я-то легко объяснилъ себѣ это обстоятельство тѣмъ, что птицы пролетали очень высоко; что-же касается капитана, то онъ остался въ недоумѣніи, чѣмъ могъ быть вызванъ мой вопросъ. Тогда я снова спросилъ его, какъ далеко мы отъ земли по его разсчету. Онъ отвѣчалъ, что „по самымъ точнымъ вычисленіямъ насъ отдѣляетъ отъ ближайшаго берега по меньшей мѣрѣ триста миль“. Я сталъ было его увѣрять, что онъ ошибается, что мы не можемъ быть дальше полутораста миль отъ земли, такъ какъ прошло не больше двухъ часовъ съ того времени, когда я оставилъ страну, въ которой жилъ, и до той минуты, когда я упалъ въ море. Но тутъ капитанъ опять заподозрилъ, что у меня голова не въ порядкѣ, и тонко намекнулъ мнѣ объ этомъ, посовѣтовавъ пойти въ приготовленную для меня каюту и лечь въ постель. На это я сказалъ, что „совершенно отдохнулъ, благодаря его радушному пріему, прекрасно чувствую себя въ его обществѣ, и голова моя никогда еще не была такъ свѣжа, какъ теперь“. Тогда онъ принялъ строгій видъ и попросилъ меня сказать ему откровенно, „нѣтъ-ли у меня на совѣсти тяжкаго преступленія и не въ видѣ-ли наказанія засадили меня въ мой сундукъ по повелѣнію какого-нибудь короля? Вѣдь бываетъ-же въ нѣкоторыхъ странахъ“, продолжалъ капитанъ, „что особенно важныхъ преступниковъ сажаютъ на старое, негодное судно и пускаютъ въ море безъ всякихъ припасовъ на произволъ судьбы. Конечно“, прибавилъ онъ, „мнѣ будетъ очень жаль, если я узнаю, что взялъ къ себѣ на корабль дурного человѣка, но что-бы я отъ васъ ни услышалъ, даю вамъ слово высадить васъ въ полной сохранности въ первомъ-же морскомъ портѣ, въ который мы придемъ“. Въ заключеніе онъ сказалъ, что мой странный видъ, нелѣпости, которыхъ я наговорилъ по поводу моего ящика сперва матросамъ, а потомъ ему самому, и, наконецъ, мое поведеніе за

жиномъ только укрѣпили его въ его подозрѣніяхъ на мой счетъ.

Я попросилъ капитана терпѣливо выслушать меня и разсказалъ ему правдивую исторію моихъ приключеній съ того времени, какъ я въ послѣдній разъ уѣхалъ изъ Англіи, и до того момента, когда онъ меня нашелъ. И такъ какъ истина всегда найдетъ дорогу къ непредубѣжденному уму, то честный морякъ, который былъ нелишенъ кое-какихъ познаній и отличался большимъ здравымъ смысломъ, немедленно убѣдился въ моемъ чистосердечіи и достовѣрности моего разсказа. Но чтобы у него не оставалось никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, я попросилъ его приказать, чтобы въ каюту принесли мой шкапчикъ (онъ уже успѣлъ мнѣ сообщить къ этому времени, какъ распорядились матросы моими вещами). Ключъ отъ шкапчика былъ у меня въ карманѣ; я отперъ его въ присутствіи капитана и показалъ ему небольшую коллекцію рѣдкостей, составленную мною въ странѣ, съ которой я разстался столь необычайнымъ образомъ. Въ числѣ моихъ рѣдкостей былъ гребешокъ, который я смастерилъ изъ волосъ, сбритыхъ съ королевскаго подбородка, и другой изъ такого-же матеріала, но съ ободкомъ изъ обрѣзка ногтя съ большого пальца королевы. Была еще цѣлая коллекція иголокъ и булавокъ отъ одного до полутора фута длиной; было четыре осиныхъ жала величиной съ большой столярный гвоздь. Были очески волосъ ея величества, золотое кольцо, которое она сама мнѣ подарила, милостиво снявъ его со своего мизинца и накинувъ мнѣ черезъ голову на шею, какъ ожерелье. Я просилъ капитана сдѣлать мнѣ честь принять это кольцо въ знакъ моей благодарности за оказанное имъ мнѣ гостепріимство; но онъ наотрѣзъ отказался. Я показалъ ему еще мозоль, которую собственноручно срѣзалъ съ ноги у одной фрейлины. Мозоль была съ хорошее кентское яблоко и затвердѣла, какъ камень. По возвращеніи въ Англію я отдалъ ее выдолбить, оправить въ серебро, и употреблялъ вмѣсто кубка. Подъ конецъ я обратилъ вниманіе капитана на бывшіе на мнѣ панталоны, сшитые изъ мышиной шкурки.

Мнѣ удалось-таки уговорить моего любезнаго хозяина принять отъ меня на память одну вещь—вырванный зубъ выѣзднаго лакея, служившаго при Глумдальклич. Я замѣтилъ, что почтенный капитанъ разсматривалъ его съ большимъ любопытствомъ, и мнѣ показалось, что ему хотѣлось его получить. Но ужъ конечно мой ничтожный подарокъ не стоилъ тѣхъ изліяній благодарности, въ которыхъ онъ передо мной разсыпался. Зубъ былъ вырванъ по ошибкѣ неискуснымъ дантистомъ: правда, человѣкъ страдалъ зубной болью, но этотъ зубъ былъ совершенно здоровый. Я отдалъ

его вычистить и пріобщилъ къ моей коллекціи. Длиною онъ былъ около фута и имѣлъ четыре дюйма въ діаметрѣ.

Мнѣ удалось-таки уговорить моего любезнаго хозяина принять отъ меня на память одну вещь.

Капитанъ вполнѣ удовлетворился моимъ безыскусственнымъ разсказомъ и выразилъ надежду, что по пріѣздѣ въ Англію я изложу его на бумагѣ и отдамъ въ печать, чѣмъ принесу несом-

нѣнную пользу всему человѣчеству. Я отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что, мнѣ кажется, у насъ и безъ того слишкомъ щедро угощаютъ публику описаніями путешествій и что изъ книгъ этого рода имѣютъ успѣхъ только такія, въ которыхъ описывается что-нибудь необычайное. „Послѣднее обстоятельство", прибавилъ я, „заставляетъ меня даже подозрѣвать, что господа путешественники, разсказывая о своихъ похожденіяхъ, руководствуются не столько истиной, сколько собственнымъ тщеславіемъ, или выгодой, или желаніемъ угодить невѣжественному читателю. Моя-же книга не будетъ заключать почти ничего, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ событій; въ ней не будетъ дополнительныхъ прикрасъ въ видѣ описаній странныхъ растеній, деревьевъ, цвѣтовъ, птицъ и другихъ животныхъ, или варварскихъ обычаевъ и языческихъ обрядовъ дикарей,—описаній, которыми изобилуетъ большая часть такихъ книгъ. Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ за доброе мнѣніе и обѣщаю подумать о вашемъ совѣтѣ".

Между прочимъ капитанъ выразилъ удивленіе по поводу того, что я такъ громко говорю, и спросилъ, не туги ли на ухо король и королева той страны, гдѣ я жилъ послѣднее время. Я отвѣчалъ, что говорю громко по привычкѣ, которую пріобрѣлъ за два слишкомъ года моего пребыванія въ этой странѣ, и что если его удивляетъ мой голосъ, то мнѣ, въ свою очередь, странно слышать, какъ говорятъ его люди и онъ самъ. „Мнѣ все кажется, что вы шепчете", сказалъ я, „хотя я ясно слышу все, что вы говорите. Но когда мнѣ приходилось говорить съ великанами, я былъ въ положеніи человѣка, который, стоя на улицѣ, разговариваетъ съ другимъ, стоящимъ на колокольнѣ, и только тогда, когда мой собесѣдникъ ставилъ меня передъ собой на столъ или бралъ въ руку, я могъ говорить, не повышая голоса. Я замѣтилъ еще одну вещь", продолжалъ я: „когда я, выбравшись изъ ящика, взошелъ къ вамъ на корабль и меня обступили матросы, мнѣ показалось, что никогда въ жизни я не видалъ такихъ козявокъ въ человѣческомъ образѣ. И это совершенно понятно: пока я жилъ среди великановъ, я терпѣть не могъ смотрѣться въ зеркало: глаза мои такъ привыкли къ чудовищнымъ размѣрамъ всѣхъ тамошнихъ предметовъ, что, сравнивая себя съ ними, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ сознанія моего ничтожества". „То-то я замѣтилъ за ужиномъ", сказалъ капитанъ, „что вы съ удивленіемъ осматриваетесь по сторонамъ, а нѣсколько разъ мнѣ даже показалось, что вы едва удерживаетесь отъ смѣха. Я не зналъ, чѣмъ объяснить эту странность, и приписалъ ее умственному разстройству". Я отвѣчалъ ему: „это совершенная правда, что мнѣ хотѣлось смѣяться, и я самъ удивляюсь, какъ удержался отъ смѣха, когда увидалъ ваши

тарелки, величиной съ серебряный трехпенсовикъ, когда на столъ подали окорокъ, котораго едва хватило-бы и на одинъ глотокъ, и поставили передо мной стаканъ не больше орѣховой скорлупы". И я продолжалъ въ томъ-же духѣ, описывая остальныя кушанья, подававшіяся за ужиномъ, и всю домашнюю утварь капитана съ точки зрѣнія великановъ, ибо хотя съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ ко двору короля бробдиньяговъ, ея величество всегда заботилась о томъ, чтобы всѣ необходимыя для меня вещи были по моему росту, но умъ мой былъ до такой степени поглощенъ окружающими меня громадными предметами, что я не замѣчалъ своей мизерности, какъ не замѣчаемъ мы вообще своихъ недостатковъ. Капитанъ прекрасно понялъ мою иронію: онъ засмѣялся и отвѣтилъ мнѣ старинной англійской поговоркой. „Какъ видно у васъ глаза больше брюха", сказалъ онъ: „по крайней мѣрѣ я не замѣтилъ, чтобы вы проявили чудовищный аппетитъ, не смотря на то, что цѣлый день голодали". Затѣмъ онъ продолжалъ въ шутливомъ тонѣ: „я не пожалѣлъ-бы ста фунтовъ, чтобы только посмотрѣть, какъ орелъ тащилъ васъ въ своемъ клювѣ и какъ потомъ вашъ ящикъ упалъ въ море съ такой ужасной высоты. Должно быть это была удивительная картина, достойная быть занесенной на страницы исторіи въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ". И такъ какъ сравненіе съ Фаэтономъ само просилось на языкъ въ данномъ случаѣ, то капитанъ не могъ отъ него воздержаться, хотя не скажу, чтобы заключающаяся въ немъ мысль на этотъ разъ пришлась мнѣ по вкусу.

Незадолго то того, какъ меня приняли на корабль, онъ заходилъ въ Тонкинъ и теперь былъ на пути въ Англію. Насъ отнесло къ сѣверо-востоку, и мы находились подъ 44° сѣверной широты и 143° восточной долготы. Но черезъ два дня по прибытіи моемъ на корабль задулъ пассатный вѣтеръ; мы повернули къ югу и долго шли этимъ курсомъ. Пройдя Новую Голландію, повернули на западъ-юго-западъ, потомъ на юго-юго-западъ, и обогнули Мысъ Доброй Надежды. Наше плаваніе было вполнѣ благополучно, но я не стану утомлять читателя подробностями. Мы заходили въ два или три порта, и капитанъ посылалъ баркасъ за провизіей и за свѣжей водой. Но я ни разу не съѣзжалъ на берегъ до самаго Даунса, куда мы прибыли 3-го іюня 1706 года, т. е. почти черезъ девять мѣсяцевъ послѣ моего избавленія. Я предлагалъ капитану оставить у него мои вещи, пока я уплачу ему за мое содержаніе и за провозъ, но онъ объявилъ, что не возьметъ съ меня ни гроша. Мы разстались друзьями, и я взялъ съ него слово, что онъ пріѣдетъ погостить ко мнѣ въ Редрифъ. Уѣзжая я попросилъ у него въ займы пять шиллинговъ и на эти деньги нанялъ лошадь съ проводникомъ.

Во мнѣ укоренилась привычка задирать голову кверху

Когда я ѣхалъ домой, все, что попадалось мнѣ по пути, — дома, деревья, скотъ, люди,—все казалось мнѣ такимъ маленькимъ, что я готовъ былъ вообразить себя въ странѣ лиллипутовъ. При каждой встрѣчѣ съ прохожимъ я боялся, что моя лошадь наступитъ на него, и такъ громко кричалъ, чтобъ онъ посторонился, что раза два или три мнѣ чуть не проломили голову за мою грубость.

Когда я подъѣхалъ къ своему дому (къ слову сказать, мнѣ пришлось спрашивать дорогу къ нему, такъ какъ я не могъ его найти) и когда слуга отворилъ мнѣ дверь, я нагнулся, входя (точно гусь, пролѣзающій въ подворотню), потому-что боялся стукнуться головой. Прибѣжала жена и бросилась меня обнимать, но я согнулся въ три погибели, думая, что иначе она не достанетъ до моей шеи. Дочь опустилась передо мной на колѣни, желая получить мое благословеніе, но я ея не замѣтилъ, до такой степени во мнѣ укоренилась привычка задирать голову кверху и направлять взглядъ на высоту шестидесяти футъ; а когда она встала, я взялъ ее за талію одной рукой и хотѣлъ приподнять. На нашихъ слугъ и на двухъ, трехъ знакомыхъ, случившихся у насъ на ту пору, я смотрѣлъ сверху внизъ, какъ будто они были пигмеи, а я—великанъ. Я сказалъ женѣ, что, должно быть, она черезчуръ скупилась на ѣду и что онѣ съ дочерью навѣрно голодали, такъ какъ свелись совсѣмъ на нѣтъ. Короче говоря, я велъ себя такъ несообразно, что всѣ они подумали обо мнѣ то же, что и капитанъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ меня, т. е. пришли къ заключенію, что я лишился разсудка. Привожу этотъ фактъ, какъ доказательство силы привычки и живучести предвзятыхъ идей.

Впрочемъ, все скоро уладилось, и мы съ семьей и друзьями начали опять понимать другъ друга. Жена умоляла меня никогда больше не пускаться въ море; но моя злая судьба судила иначе, и женѣ не удалось удержать меня дома, какъ въ этомъ не замедлитъ убѣдиться читатель. А пока я ставлю точку и прошу считать законченной вторую часть моихъ злосчастныхъ путешествій.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛА=
ПУТУ, ВЪ БАЛЬНИБАР=
БИ, ЛУПЯГЪ, ГЛУБДУБ=
ДРИБЪ И ЯПОНІЮ.
HERBERT COLE. 1899

ГЛАВА I.

Автсръ пускается въ третье плаваніе.- На него нападаютъ пираты. - Злоба голландца.— Авторъ пристаетъ къ острову.—Его принимаютъ въ Лапуту.

Я прожилъ дома не болѣе десяти дней, когда меня посѣтилъ капитанъ Вилльямъ Робинзонъ изъ Корнваллиса, командиръ „Доброй Надежды“, большого корабля въ триста тоннъ. Когда-то мы съ нимъ служили на другомъ суднѣ и вмѣстѣ совершили путешествіе на Востокъ; онъ былъ отчасти хозяиномъ этого судна (пайщикомъ въ четвертой долѣ), а я служилъ на немъ врачемъ. Онъ всегда относился ко мнѣ скорѣе, какъ къ младшему брату, чѣмъ какъ къ подчиненному, и теперь, узнавъ о возвращеніи моемъ на родину, явился ко мнѣ. Я объяснялъ такую любезность съ его стороны единственно нашей старой дружбой, такъ какъ въ первый его визитъ между нами не было сказано ничего, что выходило-бы за предѣлы обыкновенной бесѣды двухъ пріятелей послѣ долгой разлуки. Но эти посѣщенія стали повторяться, и одинъ разъ, выразивъ мнѣ свое удовольствіе по поводу того, что онъ нашелъ меня „въ добромъ здоровьѣ“, и, спросивъ „окончательно-ли я рѣшилъ основаться на родинѣ“, капитанъ сообщилъ мнѣ, что „мѣсяца черезъ два онъ ѣдетъ въ Остъ-Индію“, и, наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ оговорокъ, уже напрямикъ предложилъ мнѣ поступить врачемъ къ нему на корабль. При этомъ онъ объяснилъ, что мнѣ дадутъ подъ начало другого врача и двухъ фельдшеровъ, что я буду получать двойной окладъ жалованья, сравнительно съ прежнимъ, и что, такъ какъ я знаю морское дѣло не хуже его самого (въ чемъ онъ убѣдился на опытѣ), то онъ обязуется слѣдовать во всемъ моимъ совѣтамъ, какъ еслибы я раздѣлялъ съ нимъ власть командира.

Продолжая въ томъ-же тонѣ, мой пріятель наговорилъ мнѣ столько любезностей, да и я, съ своей стороны, зналъ его за такого честнаго малаго, что у меня не хватило духу отказаться отъ

его предложенія, тѣмъ болѣе, что моя жажда видѣть свѣтъ нисколько не уменьшилась, не смотря на всѣ постигшія меня бѣды. Мнѣ было трудно убѣдить жену отпустить меня въ новое плаваніе, но въ концѣ концовъ я добился ея согласія, поставивъ ей на видъ, какія выгоды должна была принести моя поѣздка нашей семьѣ.

5-го августа 1706 года мы снялись съ якоря и 11-го апрѣля 1707 года пришли въ фортъ Сентъ-Джорджъ. Мы простояли здѣсь три недѣли, такъ какъ между нашими матросами было много больныхъ, и явилась необходимость пополнить комплектъ экипажа. Изъ Сентъ-Джорджа мы отплыли въ Тонкинъ, гдѣ капитанъ рѣшилъ остаться на нѣсколько мѣсяцевъ въ виду того, что многое изъ закупленнаго имъ товара не было готово и не могло быть доставлено раньше этого срока. Разсчитывая окупить хоть часть расходовъ предстоящей стоянки, капитанъ купилъ одномачтное судно (такъ называемый *шлюпъ*), нагрузилъ его разными товарами изъ тѣхъ, какими обыкновенно торгуютъ тонкинцы съ островитянами, отрядилъ на это судно четырнадцать человѣкъ изъ корабельной команды (въ томъ числѣ трехъ туземцевъ) и, назначивъ меня его командиромъ, поручилъ мнѣ объѣхать сосѣдніе острова и распродать товаръ, пока самъ онъ покончитъ съ дѣлами въ Тонкинѣ.

Прошло не болѣе трехъ сутокъ съ того дня, когда мы вышли въ море, какъ разразился сильный штормъ. Пять дней насъ гнало на сѣверо-сѣверо-востокъ, а потомъ на востокъ, послѣ чего штормъ прекратился, хотя съ запада продолжалъ дуть крѣпкій вѣтеръ. На десятый день плаванія мы наткнулись на два разбойничьихъ судна, которыя пустились за нами въ погоню и скоро насъ догнали, ибо нашъ шлюпъ былъ сильно нагруженъ и шелъ очень медленно. Мы не имѣли возможности защищаться. Пираты взяли насъ на абордажъ съ двухъ сторонъ одновременно и, какъ бѣшеные, кинулись къ намъ на палубу. Но я заранѣе приказалъ моимъ людямъ лечь ничкомъ и не шевелиться, и разбойники, видя, что мы не оказываемъ никакого сопротивленія, связали насъ крѣпкими веревками, приставили къ намъ караулъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, а сами отправились обыскивать судно.

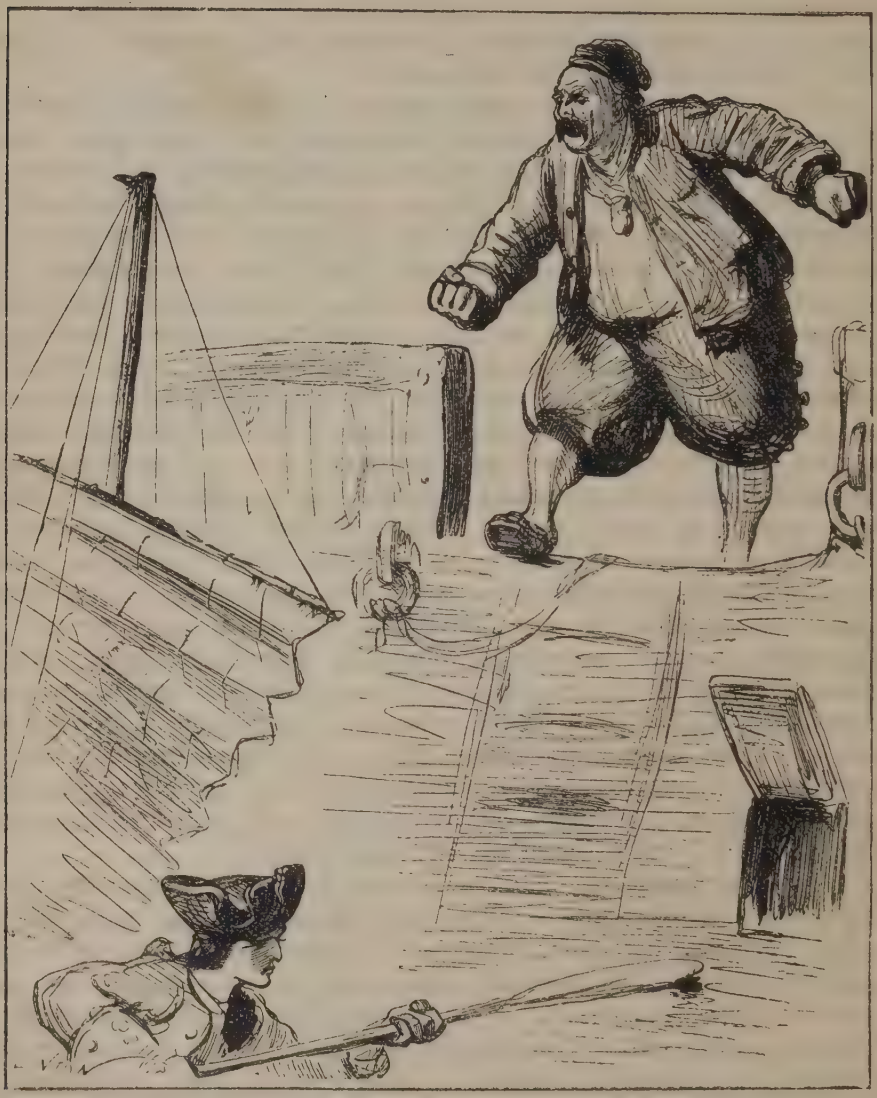
Я замѣтилъ между ними одного голландца, который, повидимому, пользовался у нихъ авторитетомъ, хотя не былъ командиромъ ни того, ни другого корабля. По нашимъ лицамъ онъ догадался, что мы англичане, и, обращаясь къ намъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ, сталъ божиться, что всѣхъ насъ свяжутъ попарно спиной къ спинѣ и побросаютъ въ море. Я порядочно говорю по голландски. Я объяснилъ этому человѣку, кто мы такіе, и просилъ его, во вниманіе къ тому, что мы христіане и протестанты, и притомъ

подданные сосѣдней и союзной его отечеству державы, повліять на капитановъ разбойничьихъ кораблей и убѣдить ихъ сжалиться надъ нами. Но мои слова только разожгли его ярость: онъ подтвердилъ свою угрозу и, повернувшись къ товарищамъ, что-то долго и съ большимъ жаромъ говорилъ имъ (кажется, по японски), часто повторяя слово *Christianos*.

Однимъ изъ разбойничьихъ кораблей (тѣмъ, который былъ побольше) командовалъ японецъ, говорившій по голландски, хотя и очень плохо. Онъ подошелъ ко мнѣ и, предложивъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я отвѣтилъ съ величайшимъ смиреніемъ, объявилъ, что мы „не умремъ“. Я низко ему поклонился и, повернувшись къ голландцу, сказалъ: „Мнѣ очень прискорбно, что я нашелъ въ язычникѣ больше милосердія, чѣмъ въ моемъ братѣ христіанинѣ“. Но скоро мнѣ пришлось раскаяться въ этихъ необдуманныхъ словахъ. Послѣ многократныхъ тщетныхъ попытокъ уговорить капитановъ бросить меня въ море (на что они рѣшительно не соглашались, не желая нарушать своего обѣщанія пощадить нашу жизнь) подлый злодѣй добился все-таки того, что меня подвергли наказанію, которое, по всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ, должно было оказаться хуже смерти. Моихъ людей пираты размѣстили поровну на своихъ корабляхъ, а на мое судно посадили новую команду. Меня-же было рѣшено пустить въ море въ маленькой лодочкѣ, снабдивъ парусомъ, веслами и провизіей на четыре дня. Впрочемъ японецъ, капитанъ большого корабля, по своей добротѣ удвоилъ потихоньку отъ другихъ запасъ моей провизіи изъ собственныхъ запасовъ, а чтобы у меня не отобрали того, что онъ мнѣ далъ, не позволилъ обыскивать меня. Я сошелъ въ лодку и отвалилъ отъ корабля, между тѣмъ какъ мой недругъ голландецъ, стоя на кормѣ, посылалъ мнѣ въ догонку всѣ ругательства и проклятія, какія только были въ его лексиконѣ.

Приблизительно за часъ до нашей встрѣчи съ пиратами, я дѣлалъ наблюденія и опредѣлилъ, что мы находились подъ 46° сѣверной широты и 183-мъ долготы. И теперь, отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ разбойничьихъ кораблей, я посмотрѣлъ въ подзорную трубу и увидѣлъ на юго-востокѣ нѣсколько острововъ. Я рѣшилъ добраться до ближайшаго изъ нихъ. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, я поставилъ парусъ и часа черезъ три подошелъ къ острову. Онъ представлялъ одну сплошную скалу. Тѣмъ не менѣе я нашелъ на немъ много птичьихъ яицъ. Сложивъ костеръ изъ вереска и сухихъ водорослей, я высѣкъ огня, поджегъ костеръ и испекъ на немъ яйца. Больше я ничего не ѣлъ въ этотъ вечеръ, такъ какъ рѣшилъ поберечь свою провизію, чтобы ея хватило по возможности надолго. Я провелъ ночь подъ защитой утеса, по-

достлавъ подъ себя водорослей, чтобы мягче было лежать, и спалъ довольно крѣпко. На слѣдующій день я переправился на другой



Голландецъ, стоя на кормѣ, посылалъ мнѣ въ догонку ругательства и проклятія.

островъ, потомъ на третій и на четвертый, то работая веслами, то поднимая парусъ, смотря по направленію вѣтра. Но чтобы не утомлять читателя подробнымъ описаніемъ моихъ злоключеній,

довольно будетъ сказать, что на пятый день я добрался до послѣдняго изъ открытыхъ мною острововъ, лежавшаго отъ перваго на юго-юго-востокъ.

Этотъ островъ оказался дальше, чѣмъ я предполагалъ, и, чтобы дойти до него, понадобилось не менѣе пяти часовъ. Я объѣхалъ его почти весь, прежде чѣмъ нашелъ такое мѣсто, гдѣ можно было пристать: это была крошечная бухточка, раза въ три шире моей лодки. Почва острова, какъ и на остальныхъ островахъ, была скалистая и лишь мѣстами прерывалась полянками, поросшими какою-то душистой травой. Я досталъ свой скромный запасъ провизіи и, утоливъ голодъ, спряталъ все, что осталось, въ одну изъ пещеръ, которыми изобиловалъ островъ, потомъ обошелъ скалы и набралъ яицъ, сухихъ водорослей и засохшей травы, съ тѣмъ, чтобы на другой день развести костеръ и испечь яйца (со мной были огниво, кремень, фитиль и зажигательное стекло). Всю эту ночь я пролежалъ въ пещерѣ—той самой, гдѣ были сложены мои запасы; постель я устроилъ изъ водорослей и травы, предназначавшихся для костра. Спалъ я очень плохо: моя душевная тревога оказалась сильнѣе усталости и не давала мнѣ заснуть. Почти невозможно было разсчитывать остаться въ живыхъ въ такомъ пустынномъ мѣстѣ, и я размышлялъ о томъ, какой ужасный конецъ меня ожидаетъ. Отъ этихъ мыслей я пришелъ въ состояніе такой полной апатіи, что долго не могъ заставить себя встать, такъ что, когда, наконецъ, я собрался съ духомъ и выползъ изъ своей пещеры, на дворѣ былъ уже бѣлый день. Я пошелъ бродить по скаламъ. На небѣ не было ни одного облачка, и солнце такъ пекло, что я былъ принужденъ отворачивать отъ него лицо. Вдругъ солнце скрылось, но не такъ, какъ это бываетъ, когда на него набѣжитъ тучка. Я обернулся назадъ и увидѣлъ въ воздухѣ надъ собой какое-то большое непрозрачное тѣло: находясь на высотѣ приблизительно двухъ миль отъ земли, оно подвигалось по направленію къ острову и закрывало солнце въ теченіе шести или семи минутъ.

Но я не замѣтилъ, чтобы въ воздухѣ стало значительно холоднѣе и чтобы небо особенно потемнѣло; правда, я ощущалъ нѣкоторую прохладу, но не сильнѣе, чѣмъ еслибъ я стоялъ въ тѣни высокой горы. По мѣрѣ того, какъ странное темное тѣло приближалось къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, я убѣждался, что оно состоитъ изъ твердаго вещества и имѣетъ плоское, гладкое дно. Море отсвѣчивало на нижней поверхности этого дна, и оно ярко блестѣло. Я стоялъ на высотѣ приблизительно двухсотъ ярдовъ надъ моремъ. Постепенно опускаясь, большое темное тѣло пришлось, наконецъ, почти въ уровень со мной, но на разстояніи одной

Я увидѣлъ въ воздухѣ надъ собой какое то большое непрозрачное тѣло.

англійской мили или немного поменьше. Я досталъ изъ кармана свою подзорную трубу и при ея помощи ясно различилъ людей на поверхности темнаго тѣла: ихъ было очень много, и они спускались и подымались по его бокамъ, казавшимся мнѣ съ моего мѣста покатыми; но что дѣлали тамъ эти люди—я не могъ разсмотрѣть.

Во мнѣ заговорила естественная привязанность къ жизни, наполнивъ мою душу неописанной радостью: у меня явилась надежда, что теперь такъ или иначе я буду освобожденъ изъ безлюднаго мѣста, гдѣ я находился, и такимъ образомъ выйду изъ моего отчаяннаго положенія. Но, я думаю, читатель пойметъ, какъ велико было въ то же время мое изумленіе, когда я смотрѣлъ на этотъ летающій островъ, населенный людьми, которые, повидимому, могли заставлять его подыматься и опускаться и вообще управляли его движеніями по своему произволу. Однако, въ тотъ моментъ я былъ нерасположенъ философствовать по поводу этого феномена и предпочелъ наблюдать, какое направленіе приметъ островъ въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи, ибо на нѣкоторое время, какъ мнѣ показалось, онъ остановился на мѣстѣ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ приближаться, и я могъ разсмотрѣть, что вокругъ него идутъ въ нѣсколько рядовъ галлереи, и черезъ извѣстные промежутки разставлены лѣстницы, чтобы спускаться съ одной галлереи на другую. На нижней галлереѣ было нѣсколько человѣкъ: одни удили рыбу длинными удочками, другіе смотрѣли, какъ они удятъ. Я сталъ махать имъ носовымъ платкомъ и фуражкой (шляпа моя давно уже износилась), а когда островъ подошелъ еще ближе,—началъ кричать изо всѣхъ силъ. Немного погодя, вглядѣвшись внимательнѣе, я замѣтилъ, что на той сторонѣ острова, которою онъ былъ обращенъ ко мнѣ, собралась большая толпа. По тому, какъ всѣ эти люди показывали на меня и какъ потомъ, сильно жестикулируя, что-то говорили другъ другу, я понялъ, что они меня замѣтили. Правда, они не отвѣчали на мои крики, но я видѣлъ, какъ человѣка четыре или пять торопливо взбѣжали по лѣстницамъ на верхушку острова, гдѣ исчезли. Я заключилъ (и, какъ потомъ оказалось, вполнѣ справедливо), что ихъ послали къ какому-нибудь начальствующему лицу за распоряженіями на мой счетъ.

Толпа все увеличивалась. Не прошло и получаса, какъ островъ былъ снова приведенъ въ движеніе и принялъ такое положеніе, что нижняя его галлерея оказалась на одномъ уровнѣ съ возвышенностью, на которой я стоялъ и, менѣе чѣмъ въ ста ярдахъ разстоянія отъ нея. Тогда я сталъ дѣлать умоляющіе жесты и заговорилъ, стараясь придать своему голосу самое униженное

выраженіе, но не получилъ никакого отвѣта. Ближайшіе изъ стоявшихъ на галлереѣ, судя по костюму, были важные господа. Они съ жаромъ совѣщались между собой, безпрестанно поглядывая на меня. Наконецъ одинъ прокричалъ мнѣ что-то на чистомъ, плавномъ, весьма благозвучномъ языкѣ, напоминавшемъ итальянскій. Я поспѣшилъ отвѣтить по итальянски, въ надеждѣ, что если меня и не поймутъ, то хоть по крайней мѣрѣ звуки и ритмъ моей рѣчи будутъ пріятны для слуха этихъ людей. И хотя они, дѣйствительно, не поняли моихъ словъ, но, видя мое отчаяніе, безъ труда уяснили себѣ ихъ значеніе.

Мнѣ показали знаками, чтобъ я сошелъ со скалы на берегъ, что я и сдѣлалъ; тогда Летучій островъ, спустившись до надлежащей высоты, приблизился ко мнѣ настолько, что край его пришелся прямо надъ моей головой. Съ нижней галлереи мнѣ спустили цѣпь съ прикрѣпленной къ концу ея скамейкой; я сѣлъ на эту скамейку, ухватился руками за цѣпь, и меня подняли наверхъ при помощи блоковъ.

ГЛАВА II.

Описаніе характера и нравовъ лапутинцевъ.—Лапутская наука.—Король и его дворъ.—Какъ тамъ приняли автора.—Обуревающія жителей страны опасенія и тревоги.—Тамошнія женщины *).

Какъ только я высадился на Летучій островъ, меня обступила толпа. Стоявшіе ближе ко мнѣ принадлежали повидимому къ высшему сословію страны. Разглядывая меня, они обнаруживали всѣ признаки крайняго изумленія. Да впрочемъ и я не оставался у нихъ въ долгу, ибо никогда еще не видалъ породы смертныхъ до такой степени своеобразныхъ по костюму, по наружности и повадкамъ. Всѣ они держали голову на сторону—или на правый, или на лѣвый бокъ. Глаза у нихъ были совершенно косые: одинъ смотрѣлъ внутрь, другой вверхъ, прямо къ зениту **). Ихъ верхнее платье было все испещрено изображеніями солнца, луны и звѣздъ въ перемежку съ рисунками скрипокъ, арфъ, флейтъ, гобоевъ, гитаръ, клавикордъ и множества другихъ музыкальныхъ инструментовъ, неизвѣстныхъ въ Европѣ. Я замѣтилъ въ толпѣ нѣсколькихъ человѣкъ, одѣтыхъ похуже,—по всей вѣроятности слугъ: у

*) Въ путешествіи въ Лапуту Свифтъ осмѣиваетъ современныхъ ему математиковъ и философовъ и, въ частности, членовъ Королевскаго Общества, ко многимъ изъ которыхъ онъ питалъ непримиримую вражду. При этомъ Свифтъ обнаруживаетъ иногда непониманіе тѣхъ принциповъ, на которые нападаетъ. Хотя въ этомъ отношеніи онъ заслуживаетъ нѣкотораго порицанія, но съ другой стороны мы обязаны вспомнить великую заслугу Свифта, который съ безпощадной суровостью выставилъ на показъ классъ людей, приносившихъ въ его время много зла обществу—тѣхъ шарлатановъ, которые не имѣли ни призванія къ наукѣ, ни таланта, и обладали лишь поверхностнымъ научнымъ знаніемъ какъ разъ настолько, сколько было нужно для обмана легковѣрной толпы съ жадностью принимавшей ихъ воображаемыя открытія, не приносившія никому ничего кромѣ вреда и разоренія.

**) Описанія лапутинцевъ выходятъ у Свифта въ высшей степени остроумными. Скосивъ у нихъ головы—у однихъ на правую сторону, у другихъ на лѣвую, Свифтъ почти ясно указываетъ, что они никогда не могутъ идти

каждаго изъ нихъ была въ рукѣ коротенькая палка съ привязаннымъ къ ней надутымъ пузыремъ, свободно болтавшимся на концѣ, такъ-что все вмѣстѣ представляло нѣкоторое подобіе цѣпа. Въ эти пузыри (какъ мнѣ потомъ объяснили) насыпалось немного сухого гороху или мелкихъ камешковъ. Меня удивило, что каждый слуга, имѣвшій въ рукѣ описанное приспособленіе съ пузыремъ, отъ времени до времени хлопалъ имъ по рту и по ушамъ стоявшаго рядомъ съ нимъ барина,—манипуляція, значенія которой я тогда еще не могъ себѣ уяснить. Но впослѣдствіи я узналъ, что представители высшихъ классовъ общества въ этой странѣ до такой степени погружены въ свои размышленія, что не могутъ ни говорить, ни слѣдить за чужой рѣчью, пока какой-нибудь внѣшній толчекъ не пробудитъ къ дѣятельности ихъ органовъ слуха и рѣчи. По этой-то причинѣ каждый изъ нихъ (если только ему позволяютъ матеріальныя средства) доржитъ при себѣ въ числѣ прислуги *хлопушника* (по лапутски—кляймноля), безъ котораго никогда не выходитъ изъ дому. Обязанность хлопушника состоитъ въ томъ, чтобы, когда его баринъ встрѣчается со своими знакомыми, легонько хлопать пузыремъ по рту того, кому надлежитъ говорить, и по правому уху того или тѣхъ, къ кому обращаются съ рѣчью. Кромѣ того каждый хлопушникъ обязанъ сопровождать своего барина на прогулкахъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ, и въ случаѣ надобности хлопать его по глазамъ, ибо баринъ такъ поглощенъ соображеніями высшаго порядка, что ему ежеминутно угрожаетъ опасность свалиться въ оврагъ или, если онъ идетъ по улицѣ,—наткнуться на фонарный столбъ, сбить съ ногъ кого-нибудь изъ прохожихъ или самому очутиться въ канавѣ.

Я считалъ необходимымъ привести это объясненіе, такъ какъ иначе поведеніе лапутинцевъ въ то время, когда они вели меня по лѣстницѣ на верхушку острова и потомъ въ королевскій дворецъ, было бы для читателя такъ же непонятно, какъ и для меня въ тотъ моментъ. Покуда мы взбирались наверхъ, эти люди нѣсколько разъ забывали, куда и зачѣмъ мы идемъ, и бросали меня одного, вспоминая обо мнѣ лишь тогда, когда хлопушники освѣжали ихъ

въ своихъ взглядахъ по прямому и вѣрному пути. Глазъ, обращенный внутрь, очевидно обозначаетъ отвлеченность и разсѣянность, присущія обыкновенно тѣмъ, кто занятъ различными собственными измышленіями; въ то время какъ глазъ, обращенный вверхъ, указываетъ на то, что его обладатель занятъ созерцаніемъ призрачныхъ и трансцендентальныхъ схемъ и паритъ выше обыкновеннаго человѣческаго пониманія. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ умственное зрѣніе не направляется на предметы, окружающіе человѣка, лежащіе, такъ сказать, у него подъ рукой, на предметы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ его жизни и съ которыми приходится постоянно имѣть дѣло.

Его величество былъ погруженъ въ рѣшеніе какой-то задачи.

память, ибо на нихъ видимо не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія ни мой чужеземный нарядъ и лицо, ни возгласы удивленія, которыми насъ провожалъ простой народъ, не отличающійся здѣсь такою наклонностью къ самоуглубленію, какъ высшіе классы.

Наконецъ мы пришли во дворецъ. Насъ провели въ аудіенцъ-залу, и я увидѣлъ короля. Онъ возсѣдалъ на тронѣ, окруженный первыми сановниками государства. Передъ тономъ стоялъ большой столъ, уставленный земными и небесными глобусами и заваленный всевозможными математическими инструментами. Король не обратилъ на насъ никакого вниманія, хотя наше появленіе не обошлось безъ шуму, такъ какъ все населеніе дворца сбѣжалось смотрѣть на меня. Дѣло въ томъ, что его величество былъ погруженъ въ рѣшеніе какой-то задачи, и мы прождали по крайней мѣрѣ часъ, пока онъ ее рѣшилъ. У трона, по бокамъ, стояли два молоденькіе пажа съ хлопушками въ рукахъ. Когда они увидѣли, что король кончилъ свои вычисленія, одинъ изъ нихъ тихонько ударилъ его по губамъ, а другой по правому уху. Его величество вздрогнулъ, точно его разбудили, взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ я со своей свитой, и вспомнилъ, по какому случаю мы пришли, о чемъ его уже предупреждали. Онъ сказалъ нѣсколько словъ. Въ ту же минуту ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ съ хлопушкой и далъ мнѣ шлепка по правому уху. Я сталъ показывать ему знаками, что не нуждаюсь въ такомъ поощреніи, и это обстоятельство, какъ мнѣ потомъ говорили, внушило его величеству и всему двору самое нелестное мнѣніе о моихъ умственныхъ способностяхъ. Король предлагалъ мнѣ какіе-то вопросы (какъ я могъ догадаться по интонаціи его голоса), и я отвѣчалъ ему на всѣхъ извѣстныхъ мнѣ языкахъ. Когда же выяснилось, что мы не можемъ понять другъ друга, меня отвели по его приказанію въ одну изъ комнатъ дворца и приставили ко мнѣ для услугъ двухъ камеръ-лакеевъ. (Надо замѣтить, что нынѣ царствующій государь лапутинцевъ безъ всякаго сравненія превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ гостепріимствомъ по отношенію къ чужестранцамъ). Мнѣ принесли обѣдъ, и четыре важныхъ сановника, которыхъ я только что передъ тѣмъ видѣлъ въ свитѣ его величества, сдѣлали мнѣ честь отобѣдать со мной. Намъ подали двѣ перемѣны, каждую изъ трехъ блюдъ. Первая перемѣна состояла изъ бараньей лопатки, которой поваръ придалъ форму равносторонняго треугольника, изъ ростбифа въ видѣ ромбоида и изъ пуддинга въ видѣ циклоида. Во второй перемѣнѣ были двѣ утки, перетянутыя посрединѣ и уложенныя такимъ образомъ, что своей формой онѣ напоминали скрипки, затѣмъ сосиски и кол-

басы, представлявшія нѣкоторое подобіе флейтъ и гобоевъ, и телячья грудинка, имѣвшая форму арфы. Хлѣбъ былъ нарѣзанъ конусами, цилиндрами, параллелограмами; однимъ словомъ, каждый кусокъ имѣлъ форму какой-нибудь геометрической фигуры.

За обѣдомъ я позволилъ себѣ обратиться къ хозяевамъ съ коекакими вопросами: я спрашивалъ ихъ, какъ называются на ихъ языкѣ различные предметы, и эти высокородные джентльмены, при помощи своихъ хлопушниковъ, съ полнѣйшей готовностью отвѣчали на мои вопросы, разсчитывая, по всей вѣроятности, что я преисполнюсь восхищенія передъ ихъ высокими талантами, какъ только буду въ состояніи ихъ понимать. Такимъ образомъ, я вскорѣ настолько подвинулся въ знаніи туземнаго языка, что могъ спросить себѣ хлѣба, воды и всего, что мнѣ было нужно.

Послѣ обѣда мои собесѣдники удалились, и, по повелѣнію короля, ко мнѣ явился новый господинъ въ сопровожденіи хлопушника. Онъ принесъ съ собой перо, чернила, бумагу и три или четыре книги, и далъ мнѣ понять знаками, что его прислали обучать меня туземному языку. Мы просидѣли за урокомъ четыре часа, не вставая. За это время я написалъ нѣсколько столбцовъ лапутскихъ словъ съ англійскимъ переводомъ противъ каждаго слова. Я успѣлъ также выучить нѣсколько коротенькихъ фразъ. Для уясненія мнѣ значенія глаголовъ мой учитель заставлялъ одного изъ камеръ-лакеевъ то принести что-нибудь, то повернуться, то поклониться, то сѣсть, то встать, то пройтись по комнатѣ и т. п., затѣмъ произносилъ фразу съ соотвѣтствующимъ глаголомъ, а я записывалъ ее. Кромѣ того онъ показалъ мнѣ въ одной изъ своихъ книгъ изображенія солнца, луны, звѣздъ, знаки зодіака, тропики, полярные круги, фигуры разныхъ плоскостей и кубическихъ тѣлъ, причемъ говорилъ названіе каждой фигуры. Онъ сказалъ мнѣ также названія всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ и всѣ техническіе термины, употребляемые при изученіи игры на каждомъ изъ нихъ. Когда онъ ушелъ, я размѣстилъ всѣ выписанныя мною слова въ алфавитномъ порядкѣ, съ подстрочнымъ переводомъ противъ каждаго слова, и продолжая работать по этой системѣ, я въ нѣсколько дней, благодаря моей хорошей памяти, довольно порядочно ознакомился съ ихъ языкомъ.

Ихъ слово *Laputa* (Лапута) я перевожу *Летучій* или *Парящій островъ*; но я никогда не могъ добраться до настоящей этимологіи этого слова. По объясненію лапутскихъ ученыхъ слово *Laputa* есть испорченное *Lapuntuh*, образовавшееся изъ двухъ словъ: *lap* (устарѣлая, вышедшая изъ употребленія форма) — означаетъ высокій, и *untuh* — правитель. Но я нахожу такое словопроизводство нѣсколько натянутымъ и не могу его принять. Я пробовалъ

предлагать господамъ лапутскимъ ученымъ мое собственное толкованіе относительно этого пункта: по моему, слово *Laputa* есть сокращеніе отъ *quasi lap outed*—(*lap* буквально: дрожаніе солнечныхъ лучей на поверхности моря, а *outed* — крыло); впрочемъ, я

Черезъ шесть дней онъ принесъ мнѣ платье, отвратительно сшитое.

не навязываю моего объясненія, а только отдаю его на судъ безпристрастнаго читателя.

Придворные чиновники, на попеченіе которыхъ я былъ сданъ королемъ, замѣтивъ, какъ я плохо одѣтъ, на другое же утро послали за портнымъ и велѣли ему снять съ меня мѣрку для полной пары платья. Но этотъ артистъ исполнилъ означенную процедуру совершенно не тѣмъ способомъ, какой практикуется его собратьями у насъ въ Европѣ. Прежде всего онъ опредѣлилъ высоту моего роста посредствомъ квадранта; затѣмъ, при помощи линейки и циркулей, вымѣрилъ окружность моего тѣла и размѣры его по всѣмъ направленіямъ. Все это онъ записалъ на бумагѣ, и черезъ шесть дней принесъ мнѣ платье, отвратительно сшитое—вѣрнѣе, лишенное всякаго подобія фасона. Оказалось, что онъ ошибся на одну цифру въ своихъ вычисленіяхъ. Впрочемъ, я могъ утѣшаться тѣмъ соображеніемъ, что у лапутинцевъ (какъ я уже успѣлъ замѣтить) такіе случаи были очень обыкновенны и никого не смущали.

За неимѣніемъ платья, а потомъ по нездоровью, я нѣсколько дней не выходилъ изъ комнаты, и за это время мой лексиконъ лапутскихъ словъ значительно увеличился, такъ что когда послѣ того я въ первый разъ явился ко двору, я уже могъ понимать многое изъ того, что говорилъ мнѣ король, и отвѣчать на нѣкоторые его вопросы. Его величество отдалъ приказъ передвинуть островъ къ сѣверо-востоку и остановить его надъ Лагадо, столицей королевства, которое находится на землѣ. Мы были въ двухстахъ семидесяти миляхъ разстоянія отъ Лагадо, и наше путешествіе продолжалось четыре съ половиной дня. Островъ такъ плавно двигался въ воздухѣ, что я совсѣмъ не ощущалъ его движенія. На другой день послѣ того, какъ мы отправились въ путь, часовъ въ одиннадцать утра, всѣ царедворцы, представители знатныхъ фамилій, государственные сановники, и въ томъ числѣ самъ король, достали свои музыкальные инструменты и играли три часа безъ перерыва. Я былъ совершенно оглушенъ этой музыкой и тщетно спрашивалъ себя, что она означаетъ, пока мой наставникъ не объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. „У обитателей острова уши устроены такимъ образомъ“, сказалъ онъ, „что они слышатъ музыку небесныхъ сферъ, которая раздается всегда въ опредѣленные сроки, и вотъ теперь король и его дворъ, собираясь принять участіе въ этомъ концертѣ, репетируютъ свои партіи каждый на своемъ инструментѣ“.

По дорогѣ къ Лагадо нашъ островъ, по повелѣнію короля, останавливался надъ многими городами и селами, и его величество принималъ прошенія отъ своихъ подданныхъ, жившихъ на землѣ. Для этой цѣли съ острова спускали бичевки съ небольшимъ грузомъ на концѣ. Народъ нанизывалъ на эти бичевки свои

прошенія, и они мгновенно взлетали наверхъ, какъ тѣ бумажки, которыя школьники пускаютъ по веревочкѣ къ бумажному змѣю. Иногда мы получали снизу вино и провизію: то и другое поднимали на блокахъ.

Мои познанія въ математикѣ помогли мнѣ усвоить фразеологію лапутинцевъ, которая въ значительной мѣрѣ основана на терминологіи этой науки. Въ нее входитъ также много музыкальныхъ терминовъ, а въ музыкѣ я тоже не совсѣмъ профанъ. Всѣ ихъ понятія вращаются около линій и фигуръ. Хочетъ ли, напримѣръ, лапутинецъ воспѣть красоту женщины или описать какое-нибудь животное, у него и тутъ дѣло не обойдется безъ ромбовъ, окружностей, параллелограмовъ, элипсисовъ и другихъ геометрическихъ фигуръ или техническихъ музыкальныхъ терминовъ, которые нѣтъ надобности перечислять. Я видѣлъ въ дворцовой кухнѣ всевозможные математическіе и музыкальные инструменты, по образцу которыхъ вырѣзываются всѣ жаркія, подающіяся за королевскимъ столомъ.

Дома у лапутинцевъ построены очень плохо; стѣны кривыя, въ комнатахъ нѣтъ ни одного прямого угла. Эти архитектурные недочеты объясняются полнѣйшимъ ихъ презрѣніемъ къ практическимъ приложеніямъ геометріи, которыми они совершенно пренебрегаютъ, какъ механической и слишкомъ общедоступной областью знаній. Указанія, которыя получаютъ у нихъ рабочіе при постройкѣ домовъ, слишкомъ сложны и глубоки для простого ума, и это приводитъ къ постояннымъ ошибкамъ въ постройкѣ. И хотя, говоря вообще, лапутинцы — большіе искусники въ обращеніи съ линейкой, карандашемъ и циркулями, и могутъ дѣлать чудеса на бумагѣ, но въ повседневной жизни, во всѣхъ мелочахъ домашняго обихода, это такой неловкій, неумѣлый, безрукій народъ, какого я никогда не встрѣчалъ. Да даже и въ области отвлеченныхъ представленій, если только послѣднія не касаются математики или музыки, они замѣчательно туги на соображеніе и становятся втупикъ передъ каждымъ новымъ вопросомъ. Они плохіе мыслители и яростные спорщики: лапутинецъ не споритъ только тогда, когда ему случится напасть на вѣрную мысль, чего, впрочемъ, почти никогда не бываетъ. Воображеніе, фантазія, изобрѣтательность совершенно имъ чужды: въ ихъ языкѣ нѣтъ даже и словъ для выраженія этихъ понятій. Весь кругъ ихъ идей и нравственныхъ запросовъ вращается въ предѣлахъ двухъ вышеупомянутыхъ наукъ.

Большинство изъ нихъ, особенно тѣ, кто занимается астрономіей, вѣрятъ въ астрологію, хоть и стыдятся сознаваться въ этомъ открыто. Но что меня больше всего поражало и чего я никакъ не могъ себѣ объяснить, такъ это ихъ страсть къ политикѣ: они

вѣчно роются въ политическихъ новостяхъ, судятъ и рядятъ о государственныхъ дѣлахъ и яростно отстаиваютъ каждую пядь своихъ политическихъ мнѣній. Сказать по правдѣ, такую-же страсть къ политикѣ я замѣчалъ и у большинства изъ европейскихъ математиковъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, хотя я никогда не могъ открыть ни малѣйшей аналогіи между этими двумя областями человѣческихъ знаній. Быть можетъ математики полагаютъ, что какъ самый маленькій кругъ имѣетъ то же число градусовъ, что и самый большой, такъ и управленіе ходомъ міровыхъ событій требуетъ не большей степени умѣнья и таланта, чѣмъ обращеніе съ земнымъ глобусомъ; но я лично скорѣе склоненъ приписать это явленіе той общераспространенной человѣческой слабости, въ силу которой мы всего больше интересуемся вещами, меньше всего насъ касающимися, и считаемъ себя наиболѣе компетентными въ тѣхъ вопросахъ, для разрѣшенія которыхъ мы наименѣе подготовлены воспитаніемъ и приспособлены природой *).

Лапутинцы вѣчно волнуются и тревожатся, не зная ни минуты покоя, и все это по такимъ поводамъ, которые не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на остальныхъ смертныхъ. Различныя измѣненія, могущія произойти въ небесныхъ тѣлахъ, составляютъ главную причину ихъ опасеній. Такъ, напримѣръ, они боятся, что земля, неуклонно приближаясь къ солнцу, будетъ когда-нибудь поглощена и уничтожена имъ; что испаренія, исходящія отъ поверхности солнца, мало-по-малу отвердѣютъ, превратятся въ кору, и солнце не будетъ больше давать намъ ни тепла, ни свѣта; что такъ какъ послѣдняя комета уже чуть-чуть не задѣла землю хвостомъ (а случись это, земля неминуемо превратилась-бы въ пепелъ), то слѣдующая комета (которая, по ихъ вычисленіямъ, должна появиться ровно черезъ тридцать одинъ годъ), по всей вѣроятности, уничтожитъ нашу планету, ибо если эта комета подойдетъ къ солнцу на такое-то разстояніе (какъ они имѣютъ основаніе опасаться), она пріобрѣтетъ температуру, въ десять тысячъ разъ превышающую температуру краснаго каленія; а если затѣмъ, удаляясь отъ солнца и волоча за собой пылающій хвостъ въ десять тысячъ четырнадцать миль длиной, она пересѣчетъ земную орбиту,

---

*) Намекъ на астрологію, которою прежде дѣйствительно занимались астрономы,—прекрасный сатирическій намекъ, но дѣлая своихъ математиковъ людьми, сильно преданными общественнымъ дѣламъ, Свифтъ противорѣчитъ самъ себѣ. Онъ говоритъ объ ихъ политическихъ мнѣніяхъ съ большимъ презрѣніемъ, которое будетъ понятно, если вспомнить, что Свифтъ былъ тори, между тѣмъ какъ самые извѣстные математики его времени были виги. *Де-Морганъ.*

и земля пройдетъ сквозь ея хвостъ въ разстояніи ста тысячъ миль отъ ея ядра или главнаго тѣла, она непремѣнно воспламенится и сгоритъ до тла. Затѣмъ они боятся, что солнце, изо дня въ день расточая свои лучи и ничѣмъ не восполняя этой потери, въ концѣ концовъ сойдетъ на нѣтъ, что неизбѣжно приведетъ къ уничтоженію жизни на землѣ и на всѣхъ планетахъ, получающихъ свѣтъ отъ солнца.

И они до такой степени терзаются страхомъ вышеизложенныхъ и иныхъ опасностей въ томъ-же родѣ, что не спятъ по ночамъ и не знаютъ никакихъ радостей человѣческой жизни. Когда лапутинецъ встрѣчаетъ знакомаго поутру, онъ первымъ дѣломъ освѣдомляется, какъ поживаетъ солнце, какой оно имѣло видъ вчера при закатѣ и сегодня при восходѣ, и есть-ли надежда избѣжать столкновенія съ приближающейся кометой. Такія бесѣды они способны вести безъ конца и съ тѣмъ же жаднымъ наслажденіемъ, съ какимъ ребенокъ слушаетъ страшную сказку про лѣшихъ и домовыхъ, послѣ которой не смѣетъ лечь въ постель, боясь остаться одинъ въ комнатѣ.

Женщины Летучаго острова отличаются необыкновенной живостью. Онѣ презираютъ своихъ мужей и очень любятъ чужестранцевъ, которыхъ всегда бываетъ много при лапутскомъ дворѣ, куда они являются съ континента по дѣламъ различныхъ городовъ и корпорацій или по своимъ личнымъ дѣламъ. Здѣшніе мужчины ихъ презираютъ, потому-что они не обладаютъ тѣмъ даромъ самоуглубленія, которымъ въ такой высокой степени надѣлены коренные обитатели острова; но зато здѣшнія дамы охотно берутъ ихъ въ любовники. Бѣда только въ томъ, что лапутскія дамы могутъ разыгрывать свои романы вполнѣ безпрепятственно, не подвергаясь ни малѣйшей опасности изъ-за ревности мужа, а вѣдь отсутствіе препятствій, какъ извѣстно, наполовину лишаетъ романъ привлекательности. Но здѣшніе мужья до такой степени погружены въ свои размышленія, что жена и любовникъ могутъ позволять себѣ величайшія вольности подъ носомъ у супруга, если только у него есть подъ рукой клочекъ бумаги и прочіе необходимые аттрибуты математическихъ выкладокъ, и если подлѣ него нѣтъ хлопушника.

Жены и дочери жалуются на судьбу, говоря, что онѣ прикованы къ своему острову и живутъ на немъ, какъ въ ссылкѣ (хотя, по моему, это самый восхитительный уголокъ въ мірѣ), и несмотря на то, что всѣ онѣ окружены полнѣйшимъ довольствомъ, даже роскошью, и дѣлаютъ все, что хотятъ, ихъ мучитъ жажда видѣть свѣтъ и насладиться столичными удовольствіями, что дозволяется имъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія короля. По-

лучить-же такое разрѣшеніе нелегко, такъ какъ мужья — все лица высокопоставленныя—всѣми мѣрами противодѣйствуютъ отлучкамъ своихъ женъ, зная по многолѣтнему опыту, какъ трудно бываетъ мужу уговорить жену вернуться съ земли. Мнѣ разсказывали про одну придворную даму, мать многочисленнаго семейства, жену перваго министра и перваго богача въ королевствѣ, владѣльца роскошнѣйшаго дворца, человѣка очень красивой наружности, безъ памяти влюбленнаго въ свою супругу, — мнѣ говорили, что эта госпожа отправилась однажды въ Лагадо якобы для поправленія здоровья и скрывалась тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ король послалъ разыскивать ее, и ее нашли въ кабакѣ, одѣтую въ лохмотья: оказалось, что она заложила всѣ свои платья, чтобы добыть денегъ на содержаніе своего любовника лакея—стараго, безобразнаго, который билъ ее каждый день. Въ его-то обществѣ ее и застали, когда пришли арестовать. Ее увезли насильно, и хотя мужъ принялъ ее съ ангельской добротой, не попрекнувъ ни однимъ словомъ, она таки ухитрилась снова бѣжать къ своему красавцу, захвативъ всѣ свои брилльянты, и съ тѣхъ поръ о ней не слыхали.

Пожалуй читатель найдетъ, что эта исторія смахиваетъ скорѣе на картинку европейскихъ или англійскихъ нравовъ и малоправдоподобна для такой отдаленной страны. Но пусть онъ приметъ въ соображеніе, что женскіе капризы не обуславливаются ни климатомъ, ни національностью, и носятъ гораздо болѣе единообразный характеръ, чѣмъ это вообще полагаютъ.

По прошествіи мѣсяца или около того я сдѣлалъ порядочные успѣхи въ изученіи лапутскаго языка, такъ-что могъ отвѣчать почти на всѣ вопросы короля, когда удостаивался королевской аудіенціи. Его величество не обнаружилъ ни малѣйшаго любопытства по отношенію къ законодательству, образу правленія, исторіи, религіи и нравамъ тѣхъ странъ, которыя я посѣтилъ. Всѣ его вопросы касались исключительно положенія въ нихъ математическихъ наукъ, и мои отвѣты по этому пункту были приняты имъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и пренебреженіемъ несмотря на то, что два хлопушника, стоявшіе по бокамъ его трона, не забывали своихъ обязанностей, безпрестанно хлопая его по ушамъ.

ГЛАВА III.

Замѣчательный феноменъ, разъясненный новѣйшей философіей при помощи астрономіи.—Огромные успѣхи лапутянцевъ въ этой послѣдней наукѣ.—Способъ подавленія возстаній, практикуемый монархомъ Лапуты.

Недовѣріе къ иностранцамъ — такая общераспространенная черта, что прежде, чѣмъ приступать къ какимъ бы то ни было изслѣдованіямъ въ незнакомой странѣ, куда меня забросила судьба, я обратился къ королю за разрѣшеніемъ осмотрѣть достопримѣчательности Летучаго острова, каковое разрѣшеніе его величество милостиво соизволилъ мнѣ даровать, приказавъ при этомъ моему наставнику быть моимъ проводникомъ. Главное, что мнѣ хотѣлось узнать, это—какимъ законамъ природы или какимъ ухищреніямъ человѣческаго искусства обязанъ былъ Летучій островъ своимъ свойствомъ двигаться по всѣмъ направленіямъ, и теперь я намѣренъ представить читателю философское объясненіе этого феномена.

Летучій или Парящій островъ есть совершенно правильный кругъ. Его діаметръ достигаетъ 7837-ми ярдовъ, т. е. почти четырехъ съ половиною миль, и, слѣдовательно, площадь острова равняется десяти тысячамъ акровъ. Въ толщину онъ имѣетъ ровно триста ярдовъ.

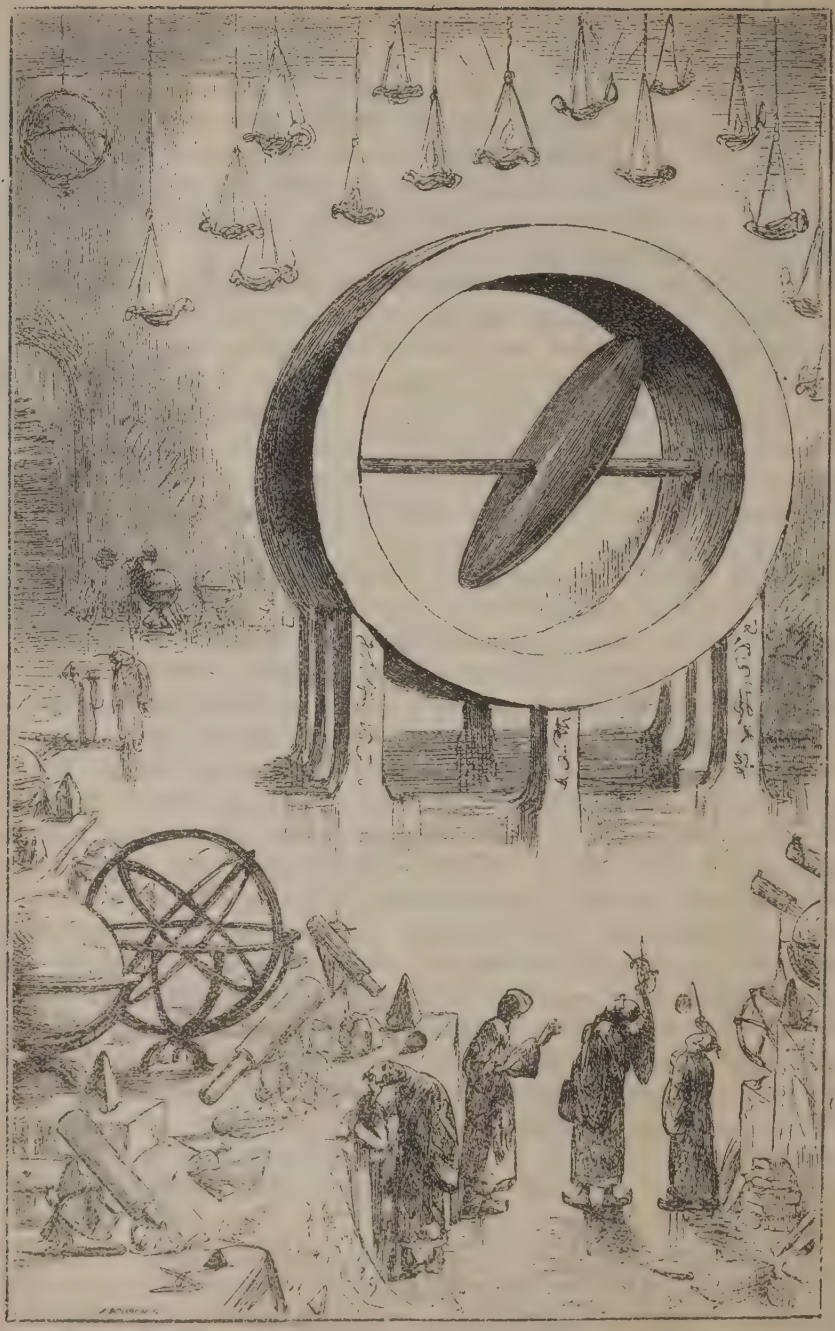
Исподняя его поверхность или дно, которое можно видѣть только съ земли, представляетъ совершенно ровную, гладкую плоскость изъ сплошного алмаза около двухсотъ ярдовъ толщиной. На этомъ фундаментѣ покоятся залежи различныхъ минераловъ, расположенныхъ въ обыкновенномъ порядкѣ, а надъ ними—слой богатѣйшаго чернозема въ десять или двѣнадцать футъ глубины. Верхняя поверхность острова отлого спускается отъ окружности къ центру, вслѣдствіе чего всѣ выпадающіе на немъ дожди и роса стекаютъ маленькими ручейками къ серединѣ, гдѣ изливаются въ четыре огромныхъ бассейна (около полумили въ окружности каждый), отстоящихъ на двѣсти ярдовъ отъ центральной точки острова. Подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей въ теченіе

дня вода въ этихъ бассейнахъ постоянно испаряется и такимъ образомъ они не могутъ переполниться. Кромѣ того, такъ какъ король можетъ заставить островъ подняться выше района облаковъ и атмосферныхъ осадковъ, то въ каждый данный моментъ отъ него зависитъ предупредить паденіе дождей, ибо самыя высокія облака, по единогласному мнѣнію естествоиспытателей, находятся не выше двухъ миль отъ поверхности земли: по крайней мѣрѣ въ описываемой странѣ не знаютъ примѣровъ скопленія облаковъ на большей высотѣ.

Середина острова представляетъ глубокую пропасть или колодезь около пятидесяти ярдовъ въ діаметрѣ. По этому колодцу астрономы спускаются въ большую пещеру (такъ называемую *flandona gagnole*, т. е. астрономическій подвалъ), находящуюся на глубинѣ ста ярдовъ подъ верхнею поверхностью алмазнаго дна. Въ этомъ подвалѣ постоянно горитъ двадцать лампъ, лучи которыхъ, отражаясь отъ блестящей поверхности алмазныхъ стѣнъ, отбрасываютъ яркій свѣтъ во всѣ его углы. Подвалъ весь заставленъ секстантами, квадрантами, телескопами, астролябіями и другими астрономическими инструментами. Но самый любопытный и самый важный изъ имѣющихся здѣсь научныхъ приборовъ, ибо отъ него зависитъ участь всего острова, это чудовищныхъ размѣровъ магнитъ, напоминающій своей формой ткацкій челнокъ. Магнитъ этотъ имѣетъ шесть ярдовъ длины и три ярда въ поперечникѣ въ самой толстой своей части. Онъ укрѣпленъ на прочной оси изъ алмаза, которая проходитъ черезъ его середину и вокругъ которой онъ вращается такъ свободно, что довольно самаго легкаго прикосновенія руки, чтобы его повернуть. Помѣщается онъ внутри полаго круга, тоже изъ алмаза. Этотъ кругъ имѣетъ четыре фута ширины, столько-же толщины и двѣнадцать ярдовъ въ діаметрѣ; онъ укрѣпленъ въ горизонтальной плоскости на восьми алмазныхъ подставкахъ по шести ярдовъ вышиной. Вдоль середины всей внутренней поверхности круга проходитъ желобокъ въ двѣнадцать дюймовъ глубиной. Въ этотъ желобокъ вставлены концы оси магнита, направленіе которой можетъ быть такимъ образомъ измѣняемо по произволу.

Никакая сила не можетъ сдвинуть съ мѣста этотъ магнитъ, потому-что и кругъ, въ которомъ онъ укрѣпленъ, и подставки круга, составляютъ одно цѣлое съ алмазной массой дна, на которомъ покоится островъ.

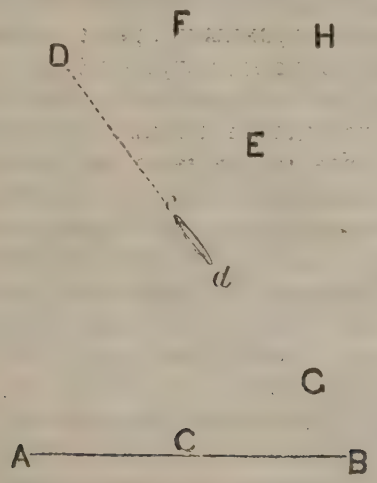
Дѣйствіемъ магнита островъ подымается, опускается и передвигается съ мѣста на мѣсто. Дѣло въ томъ, что одинъ конецъ магнитнаго камня обладаетъ притягательной, а другой—отталкивающей силой, но это только по отношенію къ той части зе-



Дѣйствіемъ магнита островъ поднимается, опускается и передвигается.

много шара, которая составляетъ владѣнія лапутскаго короля. Если поставить магнитъ вертикально, направивъ притягательнымъ полюсомъ къ землѣ,—островъ опустится; но какъ только магнитъ повернется обратной стороной къ землѣ,—островъ начнетъ подниматься. Если привести магнитъ въ наклонное положеніе, островъ будетъ двигаться по косой, ибо сила этого магнита дѣйствуетъ всегда параллельно его направленію.

При помощи такихъ попеременныхъ движеній то вверхъ, то внизъ по косой линіи островъ переносится въ любую часть владѣній своего государя. Чтобы читатель могъ вполнѣ уяснить себѣ это поступательное движеніе острова, изобразимъ его наглядно. Положимъ, что линія AB пересѣкаетъ королевство Бальнибарби. Магнитный камень обозначимъ буквами CD, причемъ пусть буква D обозначаетъ отталкивающій полюсъ, а буква C—притягивающій. Предположимъ, что островъ стоитъ надъ точкой C. Если теперь мы приведемъ магнитный камень въ положеніе CD, направивъ от-



талкивающимъ полюсомъ книзу, то островъ поднимется вверхъ по косой къ точкѣ D. Дойдя до точки D, повернемъ магнитъ на оси такимъ образомъ, чтобы его притягивающій полюсъ смотрѣлъ въ точку E: тогда островъ передвинется по косой къ точкѣ E. Если-же, снова повернувъ магнитъ на оси, мы придадимъ ему положеніе EF, обративъ его книзу отталкивающимъ полюсомъ,—островъ поднимется по косой къ точкѣ F, откуда, направивъ притягивающій полюсъ магнита въ точку G, мы перенесемъ его въ G, а отъ G къ H, поворачивая только магнитъ такимъ образомъ, чтобы его отталкивающій полюсъ былъ обращенъ прямо

внизъ. Итакъ, измѣняя по мѣрѣ надобности положеніе магнитнаго камня, мы можемъ заставить островъ то подниматься, то опускаться по косой линіи, и помощью такихъ поперемѣнныхъ спусковъ и подъемовъ (ибо поступательное движеніе при этомъ весьма незначительно) переносить его изъ одной части государства въ другую.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Летучій островъ можетъ двигаться только въ предѣлахъ земныхъ владѣній своего короля и не можетъ подняться выше четырехъ миль отъ земли. Это явленіе лапутскіе астрономы (написавшіе цѣлую обширную теорію дѣйствія магнитнаго камня) объясняютъ слѣдующими причинами. Магнитная сила камня (говорятъ они) дѣйствительна на разстояніи четырехъ миль отъ земли, но не дальше; минералы-же, оказывающіе вліяніе на магнитъ (какъ заключенные въ нѣдрахъ земли такъ и лежащіе на днѣ моря на разстояніи приблизительно восемнадцати миль отъ береговъ) размѣщены не по всему земному шару, а лишь въ предѣлахъ владѣній Лапуты. Понятно, что государю, обладающему огромными преимуществами владѣльца резиденціи, парящей надъ міромъ, нетрудно было покорить своей власти всѣ земли, лежавшія въ полѣ дѣйствія притягательной силы магнита.

Если магнитъ установить параллельно плоскости горизонта,—островъ будетъ стоять неподвижно, ибо полюсы магнита, находясь на равныхъ разстояніяхъ отъ земли, дѣйствуютъ съ одинаковой силой, а такъ какъ при этомъ одинъ полюсъ тянетъ островъ внизъ, а другой вверхъ, то и не можетъ воспослѣдовать никакого движенія.

Магнитнымъ камнемъ завѣдываютъ лучшіе астрономы, которые и придаютъ ему то или другое положеніе по указаніямъ короля. Большую часть своей жизни они проводятъ въ наблюденіяхъ надъ небесными свѣтилами, производя эти наблюденія посредствомъ телескоповъ, безъ всякаго сравненія превосходящихъ наши устройствомъ. Такъ, несмотря на то, что длина самыхъ большихъ изъ тамошнихъ телескоповъ не превышаетъ трехъ футъ, они увеличиваютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ нашъ телескопъ длиною въ сто футъ, и звѣзды видны въ нихъ несравненно яснѣе. Благодаря такому преимуществу своихъ инструментовъ, лапутинцы далеко опередили Европу въ астрономическихъ открытіяхъ: въ ихъ каталогахъ небесныхъ тѣлъ значится десять тысячъ неподвижныхъ звѣздъ, тогда какъ нашимъ астрономамъ извѣстно не болѣе трети этого числа. Сверхъ того они открыли двухъ малыхъ спутниковъ Марса, причемъ вычислили, что ближайшій къ Марсу отстоитъ отъ него ровно на тройную длину его діаметра, а слѣдующій—на длину того-же діаметра, взятую пять разъ; что первый проходитъ свою орбиту въ теченіе десяти часовъ, а второй—въ те-

ченіе двадцати одного часа съ половиной, и что такимъ образомъ квадраты періодическихъ временъ ихъ обращенія приблизительно пропорціональны кубамъ ихъ разстояній отъ центра главной планеты, а это доказываетъ съ полнѣйшей очевидностью, что оба новооткрытые спутника управляются въ своихъ движеніяхъ закономъ тяготѣнія, какъ и всѣ прочія небесныя тѣла.

Бо́льшую часть своей жизни ученые проводятъ въ наблюденіяхъ надъ небесными свѣтилами.

Лапутинцы открыли девяносто три кометы и съ большой точностью опредѣлили періоды ихъ появленія. Если только ихъ наблюденія вѣрны (въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться), то было бы желательно, чтобы они сдѣлались всеобщимъ достояніемъ, ибо тогда теорія кометъ, которая у насъ пока сильно хромаетъ,

могла-бы быть разработана въ совершенствѣ и по праву заняла бы мѣсто въ ряду другихъ отраслей астрономіи.

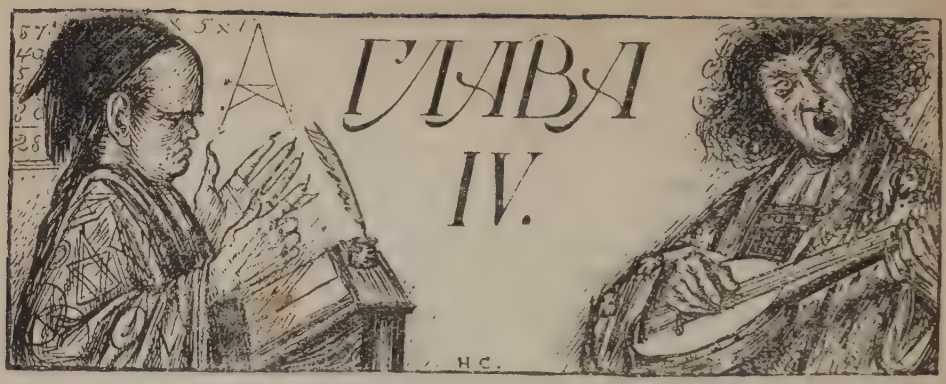
Повелитель Лапуты былъ бы самымъ неограниченнымъ дес потомъ во вселенной, еслибъ только могъ склонить свое министерство оказать ему поддержку въ достиженіи этой цѣли; но лапутскіе министры, владѣя помѣстьями на континентѣ и находя положеніе королевскаго фаворита черезчуръ ненадежнымъ, ни подъ какимъ видомъ не дадутъ своего согласія на порабощеніе страны.

Если бы какой-нибудь городъ вздумалъ возстать, или распался бы на партіи, которыя явились-бы выразительницами слишкомъ крайнихъ мнѣній, или отказался-бы платить установленные налоги, тогда у короля Лапуты есть подъ рукой два средства для приведенія къ повиновенію непокорныхъ. Первая и наиболѣе мягкая мѣра заключается въ томъ, что островъ останавливаютъ прямо надъ взбунтовавшимся городомъ и прилегающими къ нему областями, вслѣдствіе чего ихъ жители лишаются благодѣтельнаго дѣйстія солнца и дождей, и между ними начинаютъ развиваться болѣзни и сильная смертность. Если-же преступленіе требуетъ болѣе строгихъ мѣропріятій,—съ острова скатываютъ на провинившуюся область огромные каменья, разбивающіе въ дребезги крыши домовъ, такъ-что жителямъ, для спасенія жизни, не остается ничего больше, какъ заползать въ погреба и подвалы. Но если и послѣ этого они продолжаютъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ, или бунтовать,—король прибѣгаетъ къ послѣднему средству: онъ отдаетъ приказъ опустить островъ прямо на головы бунтовщиковъ, и въ результатѣ получается полное разрушеніе зданій и поголовное истребленіе людей. Я долженъ однако оговориться, что дѣло очень рѣдко доходитъ до такой крайности: хотя король и грозитъ иногда этой карой, но избѣгаетъ приводить ее въ дѣйствіе, да и министры никогда не отваживаются посовѣтовать ему такую крутую мѣру, ибо, не говоря уже о томъ, что она возбудила бы противъ нихъ народную ненависть, она нанесла бы ущербъ и ихъ карману: вѣдь все ихъ недвижимое имущество находится внизу, на землѣ, такъ какъ самый островъ составляетъ личную собственность государя.

Но существуетъ и другая, болѣе вѣская причина, почему государи Лапуты, если и примѣняли вышеописанное жестокое наказаніе, то лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Дѣло въ томъ, что если подлежащій уничтоженію городъ изобилуетъ скалистыми возвышенностями, какъ это обыкновенно и бываетъ въ здѣшнихъ городахъ (надо полагать, что основатели городовъ выбирали такія мѣстности съ цѣлью—въ предупрежденіе катастрофъ, исходящихъ отъ королевскаго гнѣва, или если въ немъ много высокихъ ко-

локоленъ, каменныхъ колоннъ и тому подобныхъ сооруженій, то внезапное паденіе на нихъ острова можетъ повредить его дно. Правда, оно состоитъ, какъ уже сказано, изъ одного сплошного куска алмаза въ двѣсти ярдовъ толщиной, но при сильномъ ударѣ можетъ все-таки дать трещину, а тамъ и совсѣмъ расколоться отъ слишкомъ близкаго соприкосновенія съ огнями на улицахъ и въ домахъ, подобно тому, какъ раскалываются и лопаются кирпичныя и желѣзныя стѣнки въ нашихъ каминахъ. Все это хорошо извѣстно подданнымъ Летучаго острова, и они, какъ нельзя лучше, понимаютъ, до какихъ предѣловъ имъ можно доводить свой протестъ, не слишкомъ рискуя своимъ имуществомъ и свободой. Съ своей стороны и король, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его прогнѣвятъ особенно сильно, такъ-что его начинаетъ соблазнять возможность стереть мятежниковъ въ порошокъ, приказываетъ опускать на нихъ островъ какъ можно осторожнѣе подъ предлогомъ нѣжныхъ чувствъ къ своему народу, но въ сущности изъ страха разбить алмазное дно, ибо если бы это случилось, то, по единогласному мнѣнію всѣхъ туземныхъ философовъ, магнитный камень утратилъ бы силу поддерживать островъ на воздухѣ, и послѣдній всею своей массой обрушился-бы на землю.

По основному закону королевства король и два его старшіе сына не имѣютъ права покидать островъ ни на одинъ день. Этотъ законъ распространяется и на королеву, пока она не выйдетъ изъ того возраста, когда женщина можетъ рожать.



ГЛАВА IV.

Авторъ покидаетъ Лапуту.—Его высаживаютъ въ Бальнибарби. — Прибытіе его въ столицу королевства. — Описаніе столицы и прилегающихъ къ ней земель.—Одинъ знатный вельможа радушно принимаетъ автора у себя въ домѣ.— Бесѣды автора съ этимъ вельможей.

Отнюдь не имѣя въ виду жаловаться на обитателей Летучаго острова за оказанный мнѣ ими пріемъ, я не могу, однако, не сознаться, что чувствовалъ себя тамъ какимъ-то заброшеннымъ: мало того: въ обращеніи со мной короля, да и всего населенія острова былъ нѣкоторый оттѣнокъ презрѣнія. Я объясняю это тѣмъ, что никто изъ этихъ людей ничѣмъ не интересовался кромѣ математики и музыки, въ которыхъ я былъ неучемъ сравнительно съ ними, почему меня и не удостаивали вниманія. А съ другой стороны, послѣ того, какъ я осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности острова, мнѣ и самому хотѣлось разстаться съ нимъ какъ можно скорѣе, такъ какъ мнѣ до-смерти надоѣли его странные обитатели. Правда, они обладаютъ глубокими свѣдѣніями въ двухъ упомянутыхъ отрасляхъ знанія (къ которымъ я и самъ отношусь съ большимъ уваженіемъ и въ которыхъ считаю себя тоже несовсѣмъ профаномъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ они до такой степени поглощены своими умствованіями, до того запутались въ отвлеченностяхъ, что съ ними ни о чемъ нельзя говорить: такихъ скучныхъ собесѣдниковъ я положительно нигдѣ не встрѣчалъ. За все время моего двухмѣсячнаго пребыванія въ этой странѣ я разговаривалъ только съ женщинами, съ придворными пажами, съ торговцами да съ хлопушниками, что окончательно уронило меня во мнѣніи мѣстной знати. Но что-же было мнѣ дѣлать, когда только отъ женщинъ, пажей, торговцевъ и хлопушниковъ я могъ добиться сколько-нибудь разумныхъ отвѣтовъ?

Усердно изучая лапутскій языкъ, я ознакомился съ нимъ довольно основательно; но меня тяготило мое заточеніе, да еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мною пренебрегали, и потому я рѣшилъ при

первомъ-же благопріятномъ случаѣ покинуть Лапуту. Въ королевской свитѣ былъ одинъ знатный вельможа, близкій родственникъ короля. Единственно по этой причинѣ онъ пользовался при дворѣ вліяніемъ и почетомъ, такъ какъ придворные считали его самымъ невѣжественнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ изъ своей среды. Онъ оказалъ много важныхъ услугъ государству, обладалъ большими природными дарованіями и благопріобрѣтенными талантами, блисталъ безпристрастіемъ и неподкупною честностью, но отличался настолько плохимъ музыкальнымъ слухомъ, что, какъ говорили о немъ его недоброжелатели, „очень часто отбивалъ тактъ невпопадъ“. Говорятъ, что не сильнѣе онъ былъ и въ математикѣ; по крайней мѣрѣ, профессора, обучавшіе его этой наукѣ, лишь съ великимъ трудомъ могли вложить ему въ голову способы доказательства самыхъ простыхъ математическихъ формулъ. Такъ вотъ этотъ самый вельможа много разъ удостаивалъ меня знаковъ своего расположенія, часто дѣлалъ мнѣ честь своими посѣщеніями и очень интересовался европейской жизнью — законодательствомъ, обычаями, нравами и положеніемъ наукъ въ тѣхъ странахъ, которые мнѣ довелось посѣтить. Онъ очень внимательно слушалъ мои разсказы и дѣлалъ чрезвычайно разумныя замѣчанія по поводу всего, что я ему говорилъ. При немъ состояло два хлопушника, потому-что такъ полагалось по этикету; но онъ пользовался ихъ услугами только когда бывалъ при дворѣ или дѣлалъ офиціальные визиты, и потому всегда отпускалъ ихъ домой, когда мы съ нимъ оставались одни.

Къ нему-то я и обратился съ просьбой ходатайствовать передъ его величествомъ о дозволеніи мнѣ покинуть Лапуту, и онъ исполнилъ мою просьбу—„съ сожалѣніемъ“, какъ ему угодно было выразиться въ разговорѣ со мной по этому поводу. Впрочемъ, повидимому, ему и въ самомъ дѣлѣ хотѣлось, чтобы я остался на островѣ, такъ какъ онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько очень выгодныхъ предложеній, отъ которыхъ я отказался, выразивъ ему мою глубокую признательность за любезность.

16-го февраля я простился съ королемъ и со всѣми придворными. Его величество презентовалъ мнѣ на прощанье довольно крупную сумму (около двухсотъ фунтовъ стерлинговъ на англійскія деньги), да столько-же я получилъ отъ его знатнаго родственника, моего покровителя, который сверхъ того далъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему знакомому въ Лагадо, столицѣ королевства. Нашъ островъ въ то время парилъ надъ горой, миляхъ въ двухъ разстоянія отъ этого города: на эту-то гору меня и спустили съ нижней галлереи тѣмъ-же способомъ, какимъ я былъ поднятъ наверхъ.

Континентальныя владѣнія монарха Летучаго острова извѣстны подъ общимъ наименованіемъ Бальнибарби, а столица ихъ, какъ уже сказано, называется Лагадо. Признаюсь, я ощутилъ очень пріятное чувство, снова очутившись на твердой землѣ. Я направился къ городу безъ всякихъ опасеній, такъ какъ на мнѣ былъ туземный костюмъ и я настолько хорошо владѣлъ туземнымъ языкомъ, что мнѣ не могло встрѣтиться никакихъ затрудненій съ этой стороны. Я скоро нашелъ домъ вельможи, къ которому меня направилъ мой покровитель, вручилъ ему мое рекомендательное письмо и былъ принятъ очень любезно. Лагадскій вельможа (его звали Муноди) отвелъ мнѣ комнату у себя въ домѣ, гдѣ я прожилъ все время моего пребыванія въ столицѣ и гдѣ со мной обходились, какъ съ дорогимъ гостемъ.

На другое утро по прибытіи моемъ въ Лагадо, мой хозяинъ повезъ меня въ своей коляскѣ осматривать городъ. Величиной онъ будетъ съ половину Лондона, но дома въ немъ построены какъ-то несообразно, и большая ихъ часть почти развалилась. Попадавшіеся намъ навстрѣчу прохожіе сновали по улицамъ съ какимъ-то потерянным видомъ, устремивъ глаза въ одну точку, и почти всѣ были въ лохмотьяхъ. Мы выѣхали за городъ черезъ городскія ворота и проѣхали полемъ около трехъ миль. Здѣсь было очень много народу, должно быть рабочихъ, потому-что всѣ они копались въ землѣ, употребляя при этомъ самые разнообразные инструменты; но что они собственно дѣлали—я не могъ догадаться. Не замѣтилъ я также ничего похожаго на всходы хлѣбовъ или травъ, хотя земля съ виду была превосходная. Я не могъ не удивляться всѣмъ этимъ особенностямъ городского и деревенскаго быта туземцевъ и позволилъ себѣ обратиться къ моему провожатому съ покорнѣйшей просьбой объяснить мнѣ, что значитъ, что у нихъ повсюду, и на поляхъ, и на улицахъ, встрѣчается такое множество озабоченныхъ лицъ, занятыхъ рукъ и головъ, а между тѣмъ нигдѣ не замѣтно результатовъ этой работы, „потому-что“, прибавилъ я, „я никогда еще не видалъ такой плохой обработки земли, домовъ въ такомъ состояніи разрушенія и до такой степени нелѣпыхъ по плану, и такихъ поражающихъ признаковъ нищеты и лишеній въ костюмахъ и на лицахъ населенія“ *).

*) Въ Бальнибарби Свифтъ представляетъ Англію, а въ Лагадо—ея столицу Лондонъ. Въ лицѣ прохожихъ съ потерянным видомъ, снующихъ по улицамъ, Свифтъ хотѣлъ изобразить умственное возбужденіе въ Англіи подъ вліяніемъ множества проектовъ и спекуляцій, безумно увлекавшихъ общество въ 1719—1721 г. г. и извѣстныхъ потомъ подъ именемъ «Мыльныхъ пузырей». По своей чудовищности во главѣ этихъ проектовъ находился «проектъ Южнаго Моря», одно время поглотившій вниманіе всѣхъ клас-

Прохожіе сновали по улицамъ съ какимъ то потерянным видомъ.

Лордъ Муноди былъ важной персоной: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ состоялъ губернаторомъ Лагадо, но по проискамъ королевскихъ министровъ былъ отставленъ за неспособностью. Тѣмъ не менѣе король продолжалъ относиться къ нему съ большой благосклонностью, какъ къ человѣку благонамѣренному, хотя и недалекаго ума.

На высказанное мною чистосердечное мнѣніе о странѣ и ея обителяхъ милордъ не сдѣлалъ ни одного прямого возраженія, а отвѣтилъ нѣсколькими общими мѣстами на ту тему, что, дескать, я „слишкомъ недавно живу между ними, чтобы быть въ состояніи составить о нихъ какое-нибудь опредѣленное сужденіе“, что „недаромъ существуетъ пословица: *„что городъ, то норовъ“* и т. д. Но когда мы воротились къ нему во дворецъ, онъ спросилъ меня: „какъ я нахожу его домъ, замѣчаю-ли какія-нибудь несообразности въ обстановкѣ и имѣю-ли что-либо возразить противъ костюма и общаго вида его домочадцевъ“. Милордъ могъ смѣло предложить эти вопросы, ибо его домъ и все, что его окружало, было безукоризненно по своему великолѣпію, комфорту и изящному вкусу. Я отвѣчалъ: „Высокій санъ, богатство и мудрость вашего превосходительства помогли вамъ избѣгнуть недостатковъ, къ которымъ привели вашихъ соотечественниковъ ихъ глупость и нищета“. Тогда онъ сказалъ, что если я „соглашусь проѣхать съ нимъ въ его имѣнье миль за двадцать отъ города, мы можемъ тамъ свободнѣе поговорить на эту тему“. Я

совъ общества, которые бросили свои занятія, что невыгодно отразилось на торговлѣ и земледѣліи страны, на что намекаетъ Свифтъ, описывая плохое состояніе построекъ Лагадо и полное отсутствіе хлѣбовъ и травъ. «Лѣтомъ этого года (1720), пишетъ Найтъ въ своей *Исторіи Англіи*, «проектъ Южнаго Моря» свирѣпствовалъ на биржѣ съ страшной силой; не было не только капиталиста, но даже человѣка, обладающаго единственнымъ шиллингомъ, который бы не воображалъ, что передъ нимъ открытъ широкій путь къ обогащенію». Скреггсъ писалъ въ концѣ этого года графу Стенгопу, что «невозможно описать ту яростную горячку, которая охватила подписчиковъ на акціи «Южнаго Моря» за какую бы то ни было цѣну. Толпа владѣльцевъ государственной ренты, желавшихъ ее выкупить, была такъ велика, что банкъ, будучи обязанъ исполнять эти требованія, нашелъ необходимымъ посадить своихъ клерковъ на улицѣ за столами». Почти каждый день появлялись разные другіе проекты и эфемерныя торговыя предпріятія. Образовывались компаніи не только для рыбной ловли, страхованія, разработки рудъ, но и всевозможныя коммерческія общества, напримѣръ, общества для производства париковъ, башмаковъ, подсолнечнаго масла, для вывоза изъ Испаніи золотарей, для торговли человѣческимъ волосомъ, для откармливанія свиней, и, наконецъ, для выдѣлки колеса съ непрерывнымъ движеніемъ. Все это послужило прекрасной пищей для сатиры Свифта и его глубокое чувство патріотизма возмутилось противъ пагубныхъ послѣдствій такого всеобщаго сумасбродства

поспѣшилъ отвѣтить, что „отдаю себя въ полное распоряженіе его превосходительства“, и мы выѣхали на другое-же утро.

Милордъ обращалъ мое вниманіе на различные способы обработки земли, примѣняемые въ туземныхъ хозяйствахъ.

По дорогѣ милордъ обращалъ мое вниманіе на различные способы обработки земли, примѣняемые въ туземныхъ хозяйствахъ; но, говоря откровенно, я не могъ признать цѣлесообразнымъ ни

одного изъ нихъ, ибо на окрестныхъ поляхъ, за очень немногими исключеніями, не мелькало ни колоска, ни былинки. Но вотъ, послѣ трехчасового пути картина совершенно измѣнилась: передъ нами была прекрасная мѣстность: по обѣимъ сторонамъ дороги, на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другого, виднѣлись фермерскіе домики хорошей постройки; между ними тянулись виноградники и огороженныя поля, засѣянныя зерновыми хлѣбами и кормовыми травами. Давно уже я не видалъ такой восхитительной панорамы. Его превосходительство замѣтилъ, что мое лицо прояснилось, и сказалъ мнѣ со вздохомъ, что это начались его владѣнія, что всѣ его земли находятся въ такомъ-же состояніи культуры и что теперь видъ полей не измѣнится до самаго его дома. „Мои соотечественники", прибавилъ онъ, „смѣются надо мной и презираютъ меня за то, что я не умѣю хозяйничать и подаю такой дурной примѣръ населенію королевства. Впрочемъ, моему примѣру никто не слѣдуетъ, если не считать нѣсколькихъ старыхъ чудаковъ въ родѣ меня, которые не могутъ отстать отъ своихъ слабостей".

Наконецъ мы подъѣхали къ дому. Это было поистинѣ благородное зданіе, построенное по послѣднему слову архитектуры. Фонтаны, куртины, дорожки, аллеи и рощицы сада были распланированы съ большимъ толкомъ и вкусомъ. Я отдалъ должную дань похвалъ всему, что видѣлъ, но его превосходительство не обратилъ на нихъ никакого вниманія и только послѣ ужина, когда мы остались одни, сказалъ мнѣ съ меланхолическимъ видомъ: „Боюсь, что мнѣ придется срыть мой городской и деревенскій дома и перестроить ихъ по новымъ образцамъ, а также уничтожить всѣ мои насажденія, разбить ихъ наново по планамъ, какихъ требуетъ современная мода, и приказать сдѣлать то же моимъ арендаторамъ, иначе я неминуемо буду обвиненъ въ гордости, оригинальничаньѣ и ломаньѣ, въ невѣжествѣ и фантазерствѣ, и рискую возбудить противъ себя еще большее неудовольствіе государя. „Я думаю", прибавилъ милордъ, „вы перестанете восхищаться моимъ хозяйствомъ, или, по крайней мѣрѣ, ваше восхищеніе значительно поостынетъ, когда я разскажу вамъ кой-какіе факты, о которыхъ вы, вѣроятно, ничего не слыхали при дворѣ, ибо обитатели Летучаго острова слишкомъ погружены въ свои размышленія, чтобы обращать вниманіе на то, что дѣлается здѣсь, на землѣ".

И вотъ что онъ мнѣ разсказалъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ нѣсколько человѣкъ отправились изъ Бальнибарби въ Лапуту, отчасти по дѣламъ, отчасти съ цѣлью развлечься, и послѣ пятимѣсячнаго тамъ пребыванія вернулись домой съ весьма поверхностными познаніями въ математикѣ, но зато начиненные заоблачными идеями этой воздушной страны. Немедленно по возвращеніи на

родину всѣ эти господа начали критиковать отечественные порядки и сочинять проекты преобразованія по новому плану всѣхъ наукъ, искусствъ, языковъ и практическихъ приложеній механики. Для достиженія этой цѣли они выхлопотали у короля привилегію на учрежденіе въ Лагадо Академіи прожектеровъ, и вскорѣ эта новая идея получила такое сильное распространеніе, что въ настоящее время во всемъ королевствѣ не найдется ни одного сколько-нибудь значительнаго города, въ которомъ не было бы академіи прожектеровъ. Профессора этихъ академій изобрѣтаютъ новыя правила архитектуры, новые способы обработки земли, новые инструменты и орудія для всѣхъ ремеслъ и для всѣхъ отраслей фабричнаго производства. Они увѣряютъ, что при помощи новыхъ орудій одинъ человѣкъ будетъ дѣлать работу, на которую прежде понадобилось-бы десять паръ рукъ, такъ-что въ одну недѣлю можно будетъ построить цѣлый дворецъ, и притомъ изъ такого прочнаго матеріала, что онъ будетъ стоять вѣчно, не требуя никакого ремонта. Они говорятъ, что всѣ плоды земные будутъ созрѣвать въ любое время года по желанію хозяина земли и что урожаи сравнительно съ теперешними возрастутъ, по крайней мѣрѣ, во сто кратъ. Однимъ словомъ, невозможно даже исчислить всѣхъ благотворныхъ послѣдствій, къ какимъ должно привести примѣненіе на практикѣ предлагаемыхъ ими проектовъ. Единственное неудобство этихъ проектовъ заключается въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ пока еще не разработанъ вполнѣ и что, въ ожиданіи того времени, когда они будутъ закончены и доведены до возможной степени совершенства, страна представляетъ сплошную пустыню съ развалившимися зданіями, съ голоднымъ и оборваннымъ населеніемъ. Но это не только не смущаетъ господъ прожектеровъ, а напротивъ, еще сильнѣе укрѣпляетъ ихъ въ намѣреніи неуклонно проводить въ жизнь свои идеи и планы: отчаяніе и надежда въ равной мѣрѣ подстрекаютъ ихъ энергію въ этомъ направленіи. „Что касается меня лично“, продолжалъ его превосходительство, „то, не отличаясь предпріимчивостью, я довольствуюсь старыми формами: живу въ домѣ, построенномъ еще моими предками, живу по старинѣ, какъ жили они, не признавая никакихъ нововведеній. Такъ же, какъ я, живутъ еще нѣкоторые потомки знатныхъ фамилій (очень немногіе), но къ нимъ относятся недоброжелательно и смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ, какъ на невѣждъ, какъ на враговъ науки и вредныхъ членовъ общества, которые ни во что ставятъ прогрессъ и благо отечества, дорожа лишь своимъ личнымъ благосостояніемъ и покоемъ“.

Затѣмъ милордъ сказалъ, что онъ не станетъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности на эту тему, чтобы не забѣгать впередъ

и чтобы я могъ такимъ образомъ получить полное удовольствіе при осмотрѣ великой Академіи, которую (по его словамъ) я непремѣнно долженъ былъ посѣтить. „Я попрошу васъ только“, прибавилъ онъ въ заключеніе, „обратить вниманіе на полуразвалившуюся постройку, что виднѣется вонъ тамъ, на склонѣ горы, миляхъ въ трехъ отсюда“. И онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію по поводу этихъ развалинъ. Въ его имѣніи, въ полумилѣ отъ дома, была очень хорошая мельница. Она работала водой, отведенной изъ широкой рѣки, и успѣвала молоть не только на его семью, но и на большинство его арендаторовъ. Лѣтъ семь тому назадъ къ нему явилась депутація отъ Академіи прожектеровъ съ предложеніемъ закрыть эту мельницу и построить другую на склонѣ горы. Для снабженія водой новой мельницы предполагалось прорыть длинный каналъ по гребню горы и затѣмъ накачивать въ него воду насосами. По объясненію господъ прожектеровъ, вода, будучи поднята на высоту горы, открытой всѣмъ вѣтрамъ, будетъ постоянно волноваться, и потому ее будетъ легче приводить въ движеніе, а такъ какъ при этомъ она будетъ сбѣгать внизъ по крутому уклону, то для того, чтобы вертѣть колесо мельницы, достаточно будетъ половиннаго количества воды сравнительно съ прежнимъ, когда мельница стояла на одномъ уровнѣ съ рѣкой и работала водой, которая текла по отлогому руслу. Боясь окончательно возстановить противъ себя короля и его приближенныхъ, съ которыми онъ уже и безъ того былъ въ холодныхъ отношеніяхъ, и уступая настояніямъ своихъ друзей, Муноди принялъ предложеніе депутаціи. Сто человѣкъ рабочихъ проработало у него два года надъ сооруженіемъ новой мельницы и канала, а когда изъ ихъ работы ровно ничего не вышло, прожектеры уѣхали во-свояси, сваливъ на хозяина всю отвѣтственность за эту неудачу. Съ тѣхъ поръ они поносятъ его на всѣхъ перекресткахъ и продѣлываютъ свой экспериментъ надъ другими простаками, все такъ-же увѣренно ручаясь за успѣхъ предпріятія, хотя оно неизмѣнно кончается неудачей.

Черезъ нѣсколько дней мы воротились въ городъ. Лордъ Муноди, въ виду дурной репутаціи, которою онъ пользуется въ Академіи прожектеровъ, не захотѣлъ сопутствовать мнѣ самъ при осмотрѣ этого учрежденія, а возложилъ эту обязанность на одного изъ своихъ друзей. При этомъ милордъ былъ настолько любезенъ, что отрекомендовалъ меня своему другу, какъ человѣка чрезвычайно любознательнаго и большого любителя всякихъ проектовъ (что, впрочемъ, было отчасти и справедливо, такъ какъ во дни моей юности я дѣйствительно былъ прожектеръ въ своемъ родѣ).

ГЛАВА V.

Автору разрѣшаютъ осмотрѣть столичную Академію прожектеровъ.—Подробное описаніе этого учрежденія.—Въ какихъ искусствахъ изощряются профессора Академіи.

Понимая, какъ долженъ интересоваться читатель подробностями организаціи Лагадской Академіи прожектеровъ, я, не откладывая, приступаю къ описанію всего, что я тамъ видѣлъ. Академія помѣщается не въ одномъ зданіи, а занимаетъ нѣсколько отдѣльныхъ домовъ, которые тянутся по обѣ стороны улицы. Мѣсто, на которомъ стоятъ эти дома, когда-то густо заселенное, постепенно превратилось въ пустырь, и члены ученаго общества прожектеровъ, купивъ его у города, отвели подъ свою академію.

Ректоръ академіи принялъ меня очень любезно, и я посѣщалъ эту храмину наукъ ежедневно въ теченіе многихъ дней. Во всѣхъ комнатахъ академическихъ зданій сидятъ ученые профессора и сочиняютъ проекты. Въ каждой комнатѣ засѣдаетъ по крайней мѣрѣ по одному прожектеру, а я посѣтилъ, я думаю, не менѣе пятисотъ комнатъ.

Первый ученый, котораго я тамъ видѣлъ, былъ тощій человѣкъ съ длинными, всклокоченными волосами и бородой, опаленными во многихъ мѣстахъ. Лицо и руки были у него въ сажѣ, верхнее платье, рубаха и кожа—одного цвѣта. Онъ уже восемь лѣтъ работалъ надъ проектомъ извлеченія солнечныхъ лучей изъ огурцовъ. Добывъ солнечные лучи этимъ способомъ, предполагалось герметически закупоривать ихъ въ стклянки и затѣмъ выпускать для нагрѣванія воздуха всякій разъ, когда выпадетъ сырое и холодное лѣто. Господинъ профессоръ не сомнѣвался, что еще черезъ восемь лѣтъ онъ будетъ имѣть возможность снабжать губернаторскіе сады солнечнымъ свѣтомъ въ достаточномъ количествѣ и по умѣренной цѣнѣ; но въ настоящее время у него не хватало капиталовъ на продолженіе опытовъ, и онъ просилъ меня дать ему малую толику въ видахъ поощренія его

изобрѣтательности, тѣмъ болѣе, что —какъ онъ объяснилъ,— огурцы были очень дороги въ этомъ году *). Я далъ ему немного денегъ, которыми предупредительно снабдилъ меня мой хозяинъ, знавшій эту повадку лапутскихъ ученыхъ выпрашивать денегъ у каждаго посѣтителя Академіи.

Войдя затѣмъ въ другую лабораторію я чуть-было не выскочилъ вонъ, потому-что меня обдало ужаснѣйшею вонью. Но мой провожатый подталкивалъ меня сзади, упрашивая шепотомъ „не обижать господъ ученыхъ, ибо мнѣ никогда этого не простятъ", и я принужденъ былъ войти, не смѣя даже заткнуть себѣ носа. Хозяинъ этой лабораторіи былъ самый старый изъ профессоровъ академіи: его бѣлая борода совсѣмъ пожелтѣла; такого-же цвѣта было у него и лицо. Его руки и платье насквозь пропитались нечистотами. Меня представили ему, и онъ заключилъ меня въ объятія,—любезность, безъ которой я бы охотно обошелся. Съ перваго дня поступленія своего въ академію этотъ ученый занимается переработкой человѣческихъ экскрементовъ въ пищевыя вещества; для этого онъ разлагаетъ ихъ на составныя части, старается измѣнить ихъ окраску, которую они пріобрѣтаютъ отъ желчи, выпариваетъ ихъ, чтобы удалить запахъ, и кипятитъ, чтобъ отдѣлить слюну. Ученое общество еженедѣльно доставляетъ ему извѣстное количество экскрементовъ въ большой посудинѣ съ бристольскій боченокъ величиной.

Третьяго ученаго я тоже засталъ за работой: онъ дѣлалъ порохъ изъ толченаго льда. Онъ показалъ мнѣ также свой трактатъ о ковкости огня, уже совсѣмъ готовый для печати.

Въ числѣ прочихъ здѣсь былъ одинъ геніальный архитекторъ, придумавшій новый способъ строить дома, начиная съ крыши и кончая фундаментомъ. Онъ старался доказать мнѣ цѣлесообразность своего изобрѣтенія, ссылаясь на примѣръ такихъ двухъ мудрыхъ насѣкомыхъ, какъ пчела и паукъ, которые въ своихъ сооруженіяхъ неизмѣнно руководствуются этой системой.

Былъ еще одинъ профессоръ, слѣпой отъ рожденія, при которомъ состоитъ нѣсколько человѣкъ такихъ-же слѣпыхъ учениковъ. Подъ руководствомъ своего учителя они занимаются составленіемъ красокъ для живописцевъ, причемъ распознаютъ ихъ посредствомъ обонянія и на ощупь. Но на мое несчастье я попалъ въ Академію въ такое время, когда слѣпые студенты еще не вполнѣ усовершенствовались въ своей спеціальности. Впрочемъ,

*) Описывая Академію прожектеровъ, Свифтъ нападаетъ не на истинную науку, а на тѣ химерныя и поддѣльныя ученія, съ которыми слишкомъ часто связывали имя науки.

по правдѣ сказать, и самъ профессоръ—большой мастеръ своего дѣла, пользующійся уваженіемъ всего ученаго братства,—на этотъ разъ безпрестанно ошибался, принимая одну краску за другую.

Очень заинтересовалъ меня также прожектеръ-изобрѣтатель новаго способа пахать свиньями во избѣжаніе расходовъ на плуги, на скотъ и на наемъ рабочихъ. Этотъ способъ вспашки заключается въ слѣдующемъ. На пространствѣ, положимъ, одного акра земли закапываются на глубинѣ восьми дюймовъ и въ разстояніи дюймовъ шести одинъ отъ другого жолуди, финики, каштаны и другіе лѣсные плоды или овощи, до которыхъ особенно лакомы свиньи. На приготовленное такимъ образомъ поле загоняютъ штукъ шестьсотъ этихъ животныхъ. Отыскивая себѣ пропитаніе, они въ нѣсколько дней перероютъ все поле и вмѣстѣ съ тѣмъ удобрятъ его, сдѣлавъ пригоднымъ для посѣва. Правда, опытъ показалъ, что такая вспашка земли сопряжена съ большими затратами, не обходится безъ хлопотъ и почти совсѣмъ не даетъ урожая; но изобрѣтатель не сомнѣвается, что когда его проектъ будетъ окончательно разработанъ, онъ дастъ блестящіе результаты.

Въ лабораторіи одного ученаго весь потолокъ и стѣны были затянуты паутиной, такъ-что оставался только узенькій проходъ для хозяина. Когда я входилъ, онъ крикнулъ мнѣ: „Не спутайте моей паутины!“ Затѣмъ, бесѣдуя со мной о предметѣ своихъ изысканій, онъ горько жаловался на „всеобщее роковое заблужденіе человѣчества, по милости котораго мы въ теченіе стольких вѣковъ пользуемся для выдѣлки тканей работой шелковичныхъ червей, вывозя ихъ изъ заморскихъ странъ, между тѣмъ какъ у насъ дома въ такомъ множествѣ водится насѣкомое, безъ всякаго сравненія превосходящее шелковичнаго червя своей пригодностью для упомянутой цѣли, ибо оно не только прядетъ, но и ткетъ. Кромѣ того“, продолжалъ почтенный профессоръ, „при утилизаціи паукозъ совершенно упраздняется расходъ на окраску шелковыхъ тканей“. И дѣйствительно, я въ этомъ вполнѣ убѣдился, когда онъ показалъ мнѣ огромную коллекцію очень красивыхъ разноцвѣтныхъ мухъ, которыми онъ кормитъ своихъ пауковъ, и объяснилъ, что „паутина будетъ принимать отъ нихъ свою окраску“, и что такимъ образомъ онъ надѣется „потрафить на всѣ вкусы, какъ только подберетъ для мухъ подходящій родъ корма изъ клейкихъ, смолистыхъ и маслянистыхъ веществъ, которыя придадутъ нитямъ паутины необходимую эластичность и прочность“.

Видалъ я тамъ также одного астронома, проектировавшаго устроить солнечные часы изъ большого флюгера городской ратуши,

Снъ крикнулъ мнѣ: «Не спутайте моей паутины!»

добившись предварительно того, чтобы годовыя и суточныя движенія земли и солнца совпадали со всѣми перемѣнами вѣтра.

Случайно у меня сдѣлались рѣзи въ кишкахъ. Я сказалъ объ этомъ моему провожатому, и онъ повелъ меня въ кабинетъ знаменитаго доктора, прославившагося своимъ лѣченіемъ болѣзней желудка. Его система лѣченія очень проста: при помощи одного и того-же прибора онъ производитъ двѣ діаметрально противуположныя операціи. Этотъ приборъ состоитъ изъ большого раздувательнаго мѣха съ длиннымъ и тонкимъ наконечникомъ изъ слоновой кости. Сжавъ предварительно мѣхъ такъ, чтобы изъ него вышелъ весь воздухъ, вводятъ наконечникъ въ задній проходъ паціента и затѣмъ, растягивая мѣхъ, выкачиваютъ у него изъ кишекъ все содержимое. Ученый мужъ утверждалъ, что, систематически повторяя эту операцію, можно прочистить кишки такъ основательно, что онѣ съежатся, какъ высушенный воловій пузырь. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь принимаетъ болѣе острый и упорный характеръ, мѣхъ сперва раздуваютъ, а наконечникъ зводятъ потомъ. Тогда, накачавъ воздуху въ тѣло паціента, докторъ вынимаетъ наконечникъ и, зажавъ большимъ пальцемъ отверстіе задняго прохода, снова наполняетъ воздухомъ мѣхъ и снова вводитъ наконечникъ. Послѣ трехъ или четырехкратнаго повторенія этой процедуры весь воздухъ, введенный въ кишки, съ силой вырывается наружу, увлекая за собой скопившіяся въ нихъ вредныя вещества, и больной выздоравливаетъ. Оба эти опыта ученый джентльменъ продѣлалъ въ моемъ присутствіи надъ собакой. Первый опытъ, насколько я могъ замѣтить, не произвелъ никакого эффекта. Послѣ второго собаку такъ раздуло, что она чуть не лопнула; затѣмъ изъ нея хлынули нечистоты въ такомъ изобиліи, что я и мой спутникъ были принуждены зажать себѣ носы. Собака издохла тутъ-же, на мѣстѣ, и мы оставили доктора въ хлопотахъ: онъ пытался оживить ее при помощи все той-же операціи съ раздувательнымъ мѣхомъ.

Я обошелъ еще много лабораторій и кабинетовъ ученыхъ, но не стану утомлять читателя описаніемъ всѣхъ диковинъ, которыя я тамъ видѣлъ, такъ какъ желаю быть краткимъ.

Я осмотрѣлъ пока только одно отдѣленіе Академіи: другое занято профессорами спекулятивныхъ наукъ. Мы поговоримъ и о нихъ въ свое время, но прежде я хочу разсказать еще объ одномъ знаменитомъ ученомъ изъ перваго отдѣленія, извѣстномъ въ Академіи подъ именемъ „универсальнаго артиста“. Этотъ господинъ сообщилъ мнѣ и моему спутнику, что „вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ онъ измышляетъ средства для улучшенія человѣческой жизни“. Двѣ большія комнаты отведены ему для занятій, и подъ его руко-

водствомъ работаетъ пятьдесятъ человѣкъ. Одни сгущаютъ воздухъ, пытаясь превратить его въ твердое, осязаемое вещество (для этой цѣли изъ воздуха извлекаютъ селитру, а его жидкія и газообразныя частицы процѣживаютъ сквозь сито); другіе размягчаютъ мраморъ, чтобы можно было набивать имъ подушки; третьи перерабатываютъ въ камень копыта живыхъ лошадей, чтобы они не трескались и не ломались. Самъ универсальный артистъ занимался въ то время разработкой двухъ великихъ проектовъ: проекта обсѣменѣнія полей мякиной, въ которой, какъ онъ утверждаетъ, заключается главная производительная сила растеній (онъ доказывалъ мнѣ эту истину многочисленными опытами, но я ихъ не понялъ за недостаткомъ научной подготовки), и затѣмъ проекта о предотвращеніи роста шерсти у овецъ посредствомъ втиранія въ кожу какого-то состава изъ камеди и другихъ растительныхъ и минеральныхъ веществъ. Въ тотъ моментъ, когда мы вошли, маститый профессоръ производилъ опытъ такого втиранія надъ двумя молодыми ягнятами. По его словамъ, онъ надѣется съ теченіемъ времени развести въ странѣ породу безшерстыхъ овецъ, если только всѣ сельскіе хозяева согласятся примѣнять его средство.

Перейдя черезъ улицу, мы вошли во второе отдѣленіе Академіи, гдѣ, какъ уже было сказано, занимаются профессора спекулятивныхъ наукъ.

Первый изъ профессоровъ второго отдѣленія, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться, засѣдалъ въ большой комнатѣ, окруженный студентами въ числѣ сорока человѣкъ. Когда мы съ нимъ обмѣнялись привѣтствіями, онъ обратился ко мнѣ, замѣтивъ, что я внимательно разсматриваю стоячую раму, занимавшую бо́льшую часть комнаты въ длину и ширину, и сказалъ: „Быть можетъ васъ удивляетъ, что, будучи спеціалистомъ по разработкѣ и усовершенствованію спекулятивныхъ знаній, я думаю достигнуть этой цѣли посредствомъ механическаго аппарата. Но міръ скоро оцѣнитъ всю цѣлесообразность и практичность моего проекта, и я даже льщу себя увѣренностью, что никогда еще доселѣ въ мозгу человѣческомъ не зарождалось столь геніальной идеи. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ трудомъ сопряжено изученіе искусствъ и наукъ по общепринятой методѣ; но какъ только войдетъ во всеобщее употребленіе предлагаемый мною механическій аппаратъ, самый невѣжественный человѣкъ получитъ возможность писать всякія книги: философскіе и юридическіе трактаты, сочиненія по богословію и по математикѣ, политическіе памфлеты и даже стихи, ибо тогда, чтобы сочинять книги, не нужно будетъ ни эрудиціи, ни таланта“. Съ этими словами профессоръ подвелъ меня къ рамѣ,

по бокамъ которой стояли рядами его ученики. Рама занимала середину комнаты, была квадратной формы и имѣла по двадцати футъ въ длину и вышину. По всей рамѣ, отъ края до края, были натянуты тонкія проволоки съ нанизанными на нихъ деревяшками несовсѣмъ одинакихъ размѣровъ, но въ среднемъ величиной съ игральную кость. Каждая деревяшка была со всѣхъ сторонъ оклеена бумагой, и на этихъ бумажкахъ были написаны всѣ слова лапутскаго языка во всѣхъ ихъ грамматическихъ формахъ—временахъ, наклоненіяхъ, падежахъ,—но безъ всякой системы. Профессоръ объявилъ, что онъ сейчасъ пуститъ въ ходъ свою машину, и просилъ меня внимательно наблюдать. По его командѣ всѣ сорокъ студентовъ взялись за сорокъ желѣзныхъ рукоятокъ, укрѣпленныхъ по краямъ рамы, повернули ихъ на одинъ оборотъ, и расположеніе словъ въ рамѣ совершенно измѣнилось. Тогда профессоръ приказалъ тридцати шести студентамъ прочесть про себя строчку за строчкой всѣ новыя слова, появившіяся въ рамѣ, и всякій разъ, какъ кому-нибудь попадется такое сочетаніе словъ, что изъ него составится фраза,—диктовать ихъ четыремъ остальнымъ студентамъ, которые должны ихъ записывать. Эту манипуляцію продѣлали три или четыре раза, и съ каждымъ поворотомъ рукоятокъ, по мѣрѣ того, какъ деревяшки обращались къ зрителю все новой стороной, въ рамѣ получались новыя комбинаціи словъ,—такъ остроумно была устроена машина.

Въ теченіе шести часовъ въ день студенты занимаются этой работой, и профессоръ показалъ мнѣ нѣсколько томовъ in folio, уже составленныхъ имъ изъ отрывочныхъ фразъ, записанныхъ съ деревяшекъ. Онъ намѣревается разсортировать весь этотъ богатый матеріалъ, затѣмъ подобрать его по предметамъ и такимъ образомъ обогатить міръ полной библіотекой книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Его работа, говоритъ онъ, была-бы гораздо успѣшнѣе, если бы общество собрало по подпискѣ необходимый капиталъ на сооруженіе пятисотъ такихъ машинъ въ Лагадо и обязало бы всѣхъ завѣдующихъ этими машинами работать сообща, составляя общія коллекціи изъ фразъ, записываемыхъ каждымъ въ отдѣльности.

Затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что „это изобрѣтеніе съ юныхъ лѣтъ занимало всѣ его помыслы, что онъ умѣстилъ въ свою раму цѣлый словарь и самымъ точнымъ образомъ вычислилъ, въ какомъ количественномъ соотношеніи находятся между собой имена существительныя, глаголы, мѣстоименія и всѣ другія части рѣчи въ книгахъ, написанныхъ на лапутскомъ языкѣ".

Я выразилъ знаменитому ученому мою нижайшую благодарность за его сообщительность и обѣщалъ, что если мнѣ „когда

нибудь посчастливится вернуться на родину, я воздамъ должное его заслугамъ, оповѣстивъ о немъ міръ, какъ о единственномъ изобрѣтателѣ удивительной машины". Затѣмъ я попросилъ у него позволенія составить для себя чертежъ его машины, прибавивъ ему въ успокоеніе, что „хоть у нашихъ европейскихъ ученыхъ и водится замашка красть другъ у друга счастливыя мысли (обычай, имѣющій, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что онъ приводитъ къ интереснымъ дебатамъ, такъ какъ нельзя-же оставлять открытымъ вопросъ о томъ, кто настоящій изобрѣтатель), но что ужъ я позабочусь, чтобы на этотъ разъ честь открытія никѣмъ не оспаривалась и осталась всецѣло за нимъ".

Затѣмъ мы посѣтили школу языкознанія, гдѣ попали на ученое засѣданіе трехъ профессоровъ, совѣщавшихся насчетъ своихъ проектовъ усовершенствованія отечественнаго языка.

Въ одномъ изъ этихъ проектовъ доказывалась необходимость сокращенія разговорной рѣчи посредствомъ замѣны многосложныхъ словъ односложными и изъятія изъ нея глаголовъ и причастій на томъ основаніи, что въ сущности всѣ понятія могутъ быть выражены именами существительными.

Другой проектъ—проектъ абсолютнаго упраздненія словъ—представлялъ еще болѣе радикальную мѣру въ смыслѣ упрощенія рѣчи. По словамъ своего изобрѣтателя, онъ имѣетъ сверхъ того большія преимущества съ точки зрѣнія народнаго здравія, ибо ясно, что съ каждымъ словомъ, которое мы произносимъ, до извѣстной степени расходуются наши легкія и, слѣдовательно, сокращается жизнь. Для осуществленія этого проекта предлагалось нижеслѣдующее: такъ какъ слова суть не что иное, какъ названія предметовъ, то гораздо проще и удобнѣе объясняться при помощи самыхъ предметовъ. Желая, напримѣръ, побесѣдовать съ пріятелемъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, вы, отправляясь къ нему, берете съ собой всѣ вещи, какія могутъ вамъ понадобиться для изложенія вашего дѣла, и такимъ образомъ можете разговаривать, совершенно не прибѣгая къ словамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта остроумная выдумка получила-бы широкое примѣненіе въ жизни ко всеобщему облегченію и удобству (не говоря уже о сохраненіи народнаго здравія); но къ несчастью этому воспротивились женщины и невѣжественная чернь, угрожавшія правительству открытымъ возстаніемъ, если имъ не позволятъ объясняться тѣмъ способомъ, какимъ объяснялись ихъ предки, т. е. болтать языкомъ. Вотъ какимъ упорнымъ, непримиримымъ врагомъ знанія являются непросвѣщенныя массы! Однако жъ это не мѣшаетъ людямъ ученымъ и умнымъ цѣнить по достоинству предлагаемый въ вышеизложенномъ проектѣ новый способъ со-

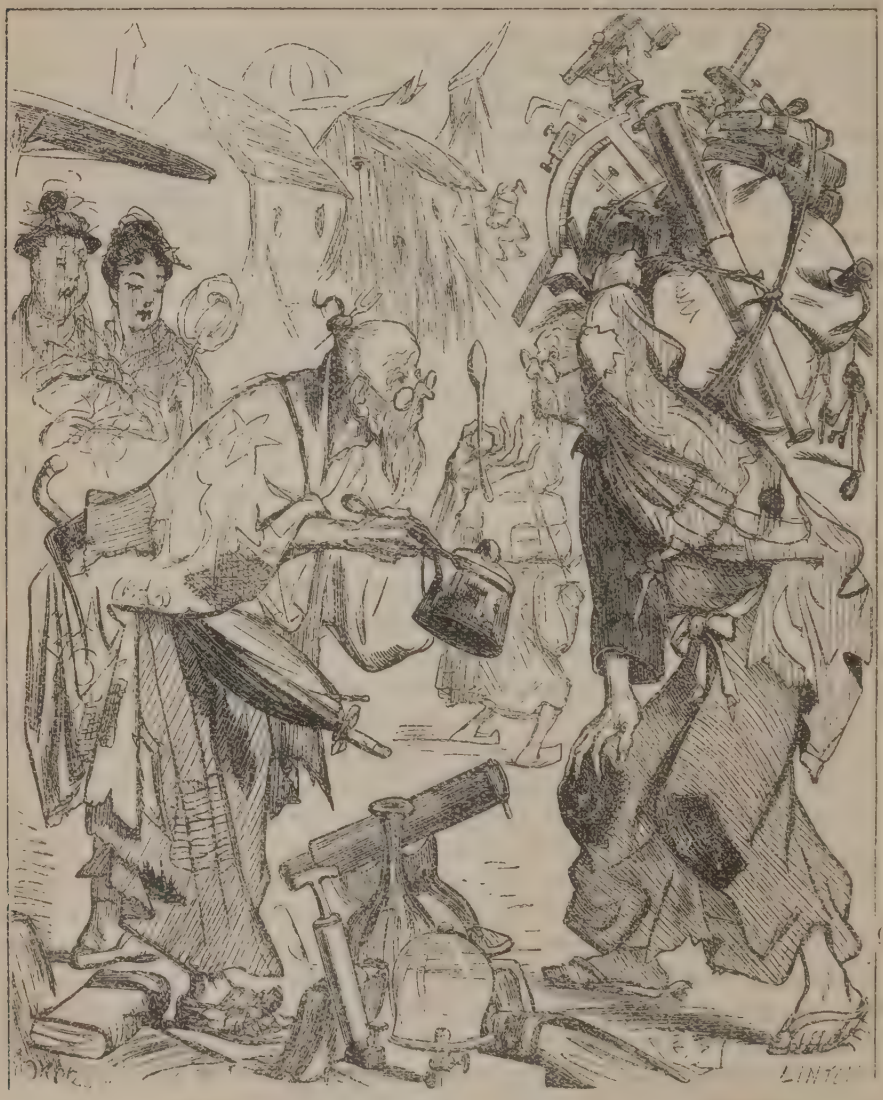
бесѣдованія посредствомъ вещей, превосходный способъ, имѣющій лишь то неудобство, что когда предметъ предполагаемой бесѣды очень обширенъ, или когда вы собираетесь бесѣдовать о многихъ предметахъ, вамъ приходится тащить на себѣ цѣлый узелъ вещей, если только вы не имѣете средствъ нанять дюжаго парня, а то и двухъ, которые тащили-бы его за васъ. Мнѣ часто приходилось наблюдать, какъ два такихъ мудреца, послѣдователи проекта радикальнаго упрощенія рѣчи посредствомъ изъятія изъ нея всякихъ словъ, вступали на улицѣ въ разговоръ: чуть не падая подъ тяжестью тюковъ, которые были у нихъ на спинѣ, они останавливались, сваливали свою ношу на троттуаръ, развязывали мѣшки, вынимали изъ нихъ вещь за вещью и показывали другъ другу. Проговоривъ такимъ образомъ съ часъ или больше, они опять укладывали вещи въ мѣшки, подсобляли другъ другу взвалить ихъ на плечи, и расходились.

Но для короткихъ разговоровъ нѣтъ никакой надобности навьючивать себя узлами: все необходимое можетъ легко умѣститься въ карманахъ и подъ мышками; бесѣдуя-же у себя на дому, мы и подавно не встрѣтимъ затрудненій въ изложеніи своихъ мыслей. Въ Лагадо дѣло упрощается еще тѣмъ, что въ домахъ всѣхъ практикующихъ предметный способъ рѣчи гостиныя набиты всевозможными вещами, такъ-что собесѣдники имѣютъ подъ рукой все, что имъ можетъ понадобиться для такого рода наглядной бесѣды.

Другое важное преимущество проекта упраздненія словъ заключается въ томъ, что предлагаемый имъ разговорный языкъ можетъ служить языкомъ международнымъ, по крайней мѣрѣ, для цивилизованныхъ націй, которымъ онъ долженъ быть одинаково понятенъ, такъ какъ у всѣхъ у нихъ товары, домашняя утварь и вообще предметы повседневнаго обихода приблизительно въ одномъ родѣ. Такимъ образомъ послы каждой державы могутъ свободно сноситься со всѣми иноземными государями или съ ихъ министрами, не имѣя ни малѣйшаго понятія о языкѣ ихъ страны.

Посѣтилъ я также школу математики. Профессоръ этой школы преподаетъ по совершенно особой методѣ: ничего подобнаго мы, европейцы, не въ состояніи даже вообразить. Вотъ въ чемъ состоитъ эта метода Каждая математическая формула съ соотвѣтствующимъ доказательствомъ старательно выписывается на тоненькой хлѣбной облаткѣ чернильнымъ составомъ, приготовленнымъ изъ тинктуры отъ головной боли. Учащійся долженъ проглотить такую облатку на голодный желудокъ и въ теченіе трехъ послѣдующихъ дней ничего не ѣсть и не пить, кромѣ хлѣба и воды. По мѣрѣ того, какъ облатка переваривается въ желудкѣ, тинктура поднимается въ голову, а вмѣстѣ съ нею переходитъ въ мозгъ и

формула съ доказательствомъ. Но къ сожалѣнію эта прекрасная метода преподаванія математики пока еще не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ, что объясняется, по всей вѣроятности,



Разговоръ безъ словъ.

какой-нибудь ошибкой въ опредѣленіи относительнаго количества различныхъ веществъ, входящихъ въ составъ чернильной тинктуры, а, можетъ быть, отчасти и недобросовѣстностью учащейся моло-

дежи. Дѣло въ томъ, что упомянутыя педагогическія пилюли изъ облатокъ вызываютъ тошноту; поэтому каждый студентъ, проглотивъ такую пилюлю, обыкновенно сейчасъ-же отходитъ къ сторонкѣ и, заложивъ въ ротъ два пальца, заставляетъ ее выскочить назадъ, прежде чѣмъ она успѣла оказать свое дѣйствіе. Кромѣ того, нѣтъ никакой возможности убѣдить молодежь соблюдать во всей строгости предписаніе о трехдневномъ воздержаніи отъ пищи, которое ставится необходимымъ условіемъ при пріемѣ этихъ пилюль.

ГЛАВА VI.

Дальнѣйшее описаніе Академіи.—Авторъ предлагаетъ нѣкоторыя усовершенствованія, которыя съ благодарностью принимаютъ.

Школа политическихъ прожектеровъ мнѣ, признаюсь, не понравилась; на мой взглядъ она отличается совершеннымъ отсутствіемъ здраваго смысла. Профессора показались мнѣ совсѣмъ сумасшедшими, а картина умопомѣшательства въ какой бы то ни было формѣ всегда наводитъ на меня тоску. Эти несчастные (я говорю о профессорахъ упомянутой школы) сочиняютъ самые нелѣпые проекты, напримѣръ: убѣдить всѣхъ монарховъ, чтобы при выборѣ фаворитовъ они принимали въ расчетъ степень ума и способностей, а равно и нравственныя качества человѣка, котораго намѣрены отличить;—научить министровъ сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ общественнымъ благомъ;—добиться, чтобы добродѣтель, великій талантъ и высокія заслуги получали награду;—втолковать королямъ, что истинные ихъ интересы неразрывно связаны съ интересами подвластныхъ имъ народовъ;—достигнуть того, чтобы на общественныя должности назначались люди, способные занимать ихъ съ успѣхомъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, и т. п. Вообще могу сказать безъ преувеличенія, что я наслушался тамъ такихъ нелѣпыхъ и неисполнимыхъ химеръ, какія и въ голову не придутъ человѣку съ неповрежденнымъ умомъ, при чемъ лишній разъ убѣдился въ вѣрности стариннаго изреченія, что „нѣтъ такой дикой безсмыслицы, которая не нашла-бы между философами охотниковъ отстаивать ея разумность и выдавать ее за истину“.

Но, чтобы не быть несправедливымъ, я долженъ оговориться, что не всѣ профессора политическаго отдѣленія Академіи отличаются такимъ фантазерствомъ. Я видѣлъ между ними одного въ высшей степени проницательнаго доктора, въ совершенствѣ изучившаго всѣ свойства и отправленія государственнаго организма.

Этотъ знаменитый ученый сдѣлалъ весьма полезное примѣненіе изъ своихъ глубокихъ познаній, открывъ радикальное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней и аномалій, которымъ бываютъ подвержены различныя отрасли общественной администраціи благодаря столькоже слабостямъ и порокамъ тѣхъ, кто призванъ управлять, сколько и безпутству управляемыхъ. Вотъ ходъ его разсужденій: „Такъ какъ всѣ писатели и мыслители признаютъ существованіе самой точной и полной аналогіи между животнымъ организмомъ и политическимъ тѣломъ, то не очевидно-ли, что какъ для сохраненія здоровья, такъ и для исцѣленія недуговъ того и другого должны быть примѣняемы одни и тѣ-же средства? Всѣми признано, что сенаторы и члены государственныхъ совѣтовъ, вслѣдствіе излишествъ и другихъ причинъ, часто страдаютъ различными злокачественными болѣзнями, какъ-то: разстройствомъ головного мозга и еще чаще—отправленій сердца; сильными судорогами, опасными сокращеніями нервовъ и мышцъ въ обѣихъ рукахъ, особенно въ правой; сплиномъ, вѣтрами въ кишкахъ, головокруженіемъ, умоизступленіемъ, гноящимися, зловонными опухолями золотушнаго происхожденія, кислой отрыжкой, волчьимъ голодомъ, несваренiемъ желудка, не считая многихъ другихъ заболѣваній, которыхъ нѣтъ надобности перечислять“. На этомъ основаніи предлагается, чтобы „на засѣданіяхъ сената, государственнаго совѣта и всѣхъ прочихъ учрежденій того же характера присутствовали по назначенію врачи. Внимательно прослѣдивъ въ теченіе первыхъ трехъ засѣданій за совѣщаніями и дебатами, причемъ въ концѣ каждаго дня они щупаютъ пульсъ у каждаго члена собранія, эти врачи составляютъ консиліумъ. На четвертый день, послѣ всесторонняго обсужденія характера всѣхъ открытыхъ ими болѣзней, а равно и курса лѣченія для каждой изъ нихъ, они возвращаются въ залу совѣта въ сопровожденіи фельдшеровъ съ медикаментами и передъ началомъ засѣданія даютъ каждому члену, смотря по роду его болѣзни, то или другое лѣкарство: слабительное или вяжущее, послабляющее или закрѣпляющее, раздражающее или болеутоляющее, противумокротное или потогонное, отъ желтухи или отъ кашля, отъ головной боли или отъ боли въ ушахъ. Передъ слѣдующимъ засѣданіемъ эти лѣкарства повторяются, замѣняются новыми или-же совсѣмъ отмѣняются въ зависимости отъ дѣйствія, которое они оказали на паціентовъ“.

Осуществленіе этого проекта не потребовало-бы отъ общества слишкомъ большихъ затратъ, а между тѣмъ въ странахъ, гдѣ такимъ учрежденіямъ, какъ сенатъ, принадлежитъ часть законодательной власти, предлагаемая проектомъ мѣра можетъ быть, по моему скромному мнѣнію, чрезвычайно полезна, порождая едино-

душіе въ совѣщательныхъ собраніяхъ, сокращая пренія, раскрывая немногіе нынѣ безмолвствующіе рты и затыкая многіе изъ такихъ,

На четвертый день врачи возвращаются въ залу совѣта въ сопровожденіи фельдшеровъ съ медикаментами.

которые никогда не молчатъ, укрощая пылкую опрометчивость юности, расшевеливая слишкомъ благоразумную медлительность

старости, будя неповоротливую тупость, обуздывая нахальство и такимъ образомъ приводя всѣ дѣла къ возможно скорому концу.

Далѣе: въ виду постоянныхъ жалобъ на слабую и короткую память министровъ—обычную болѣзнь всѣхъ королевскихъ фаворитовъ—ученый докторъ предлагаетъ, чтобы „всякій являющійся къ первому министру съ какой-нибудь просьбой, изложивъ свое дѣло въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ и по возможности кратко, передъ уходомъ оставлялъ по себѣ какое-нибудь осязательное воспоминаніе, дабы лучше запечатлѣть свою просьбу въ умѣ забывчиваго вельможи. Весьма полезно въ такихъ случаяхъ потянуть его за носъ, дать ему пинка въ животъ, наступить на мозоль, надрать уши, воткнуть въ ляжку булавку сквозь брюки или ущипнуть за руку такъ, чтобы она почернѣла. Эту операцію слѣдуетъ повторять во всѣ пріемные дни вышереченнаго министра до тѣхъ поръ, пока просьба не будетъ исполнена или пока проситель не получитъ рѣшительнаго отказа".

Рекомендуется также членамъ сената и государственнаго совѣта „послѣ того, какъ каждый изъ нихъ выскажетъ свой взглядъ по обсуждаемому вопросу и приведетъ всѣ имѣющіеся у него въ запасѣ аргументы въ защиту этого взгляда, подавать голосъ за діаметрально противуположное мнѣніе, ибо при такой системѣ подачи голосовъ можно съ достовѣрностью разсчитывать, что все окончится къ общему благополучію".

Удивительное средство предлагаетъ все тотъ-же мудрецъ для умиротворенія разбушевавшихся политическихъ страстей. Вотъ это средство. Берутъ сотню-другую вожаковъ каждой политической партіи и разставляютъ ихъ попарно съ такимъ расчетомъ, чтобы въ каждой парѣ оказались вожаки двухъ противныхъ партій, но подходящіе другъ къ другу по росту. Затѣмъ два искусные хирурга отпиливаютъ у каждой пары затылки, стараясь сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы мозгъ распался на двѣ равныя части. По окончаніи операціи между противниками производятъ обмѣнъ, накладывая затылокъ съ головы одного на голову другого. Конечно, эта работа требуетъ большой точности, которой трудно достигнуть; но профессоръ увѣрялъ насъ, что „если выполнить ее какъ слѣдуетъ, исцѣленіе несомнѣнно". Вотъ какъ онъ аргументируетъ въ доказательство этого положенія: „Предоставивъ двумъ половинкамъ разныхъ мозговъ свободно перекаться въ тѣсномъ пространствѣ одного черепа, мы тѣмъ самымъ неизбѣжно приведемъ ихъ къ соглашенію и создадимъ ту умѣренность, трезвость и правильность сужденій, которыхъ такъ недостаетъ горячимъ головамъ, воображающимъ себя призванными указывать пути всему міру и руко

водить ходомъ событій". Что же касается разницы въ количествѣ и качествѣ мозговъ у этихъ самозванныхъ руководителей, то, по словамъ ученаго доктора, убѣдившагося въ томъ изъ личныхъ наблюденій, это „такая бездѣлица, что о ней не стоитъ и говорить".

Въ той-же школѣ политическихъ прожектеровъ я былъ свидѣтелемъ горячаго спора между двумя профессорами о томъ, какую систему взиманія налоговъ слѣдуетъ признать самой дѣйствительной, наиболѣе удобной и въ то же время наименѣе обременительной для плательщиковъ. Одинъ профессоръ утверждалъ, что „самое раціональное—это обложить налогомъ людскіе пороки и глупость съ тѣмъ, чтобы точный размѣръ платежа, причитающагося съ каждаго человѣка, опредѣлялся особымъ совѣтомъ присяжныхъ, набранныхъ изъ числа его ближайшихъ сосѣдей". Другой профессоръ отстаивалъ противуположное мнѣніе, а именно, что „налогу должны подлежать лишь такія физическія и душевныя качества, которыми люди всего больше гордятся, причемъ сумма платежа должна быть повышаема или понижаема въ зависимости отъ того, въ какой степени обладаетъ плательщикъ этими качествами; рѣшеніе же послѣдняго вопроса должно быть предоставлено ему самому" Самые высокіе платежи падутъ въ этомъ случаѣ на людей, пользующихся наибольшею благосклонностью другого пола; при этомъ размѣръ обложенія долженъ соотвѣтствовать количеству и характеру знаковъ такой благосклонности, которыми можетъ похвастаться плательщикъ, а въ оцѣнкѣ этихъ знаковъ опять-таки полагаются на его совѣсть. На такихъ же основаніяхъ рекомендуется взимать налогъ съ остроумія, храбрости и учтивости, т. е при оцѣнкѣ этихъ качествъ вѣрить на слово человѣку, утверждающему, что онъ обладаетъ ими въ такой-то или такой-то пропорціи. Но честность, справедливость, знанія и умъ должны быть освобождены отъ налога, ибо это качества до такой степени исключительныя, что не найдется человѣка, который допустилъ-бы возможность присутствія ихъ въ своемъ ближнемъ и сумѣлъ-бы распознать ихъ въ себѣ.

Женщины, по предложенію того же профессора, облагаются налогомъ пропорціонально своей красотѣ и умѣнью одѣваться, причемъ имъ, наравнѣ съ мужчинами, предоставляется привилегія самимъ таксировать этотъ налогъ. Но такія качества, какъ цѣломудріе, супружеская вѣрность, здравый смыслъ и кроткій нравъ, должны быть абсолютно изъяты изъ числа статей, подлежащихъ обложенію у прекраснаго пола, ибо издержки по взиманію налога на нихъ не окупятся доходами, которые онъ можетъ принести.

Чтобы заставить сенатъ служить интересамъ престола, профессоръ предлагаетъ разыгрывать въ лотерею между его членами

Эта работа требуетъ большой точности.

всѣ коронныя мѣста, съ тѣмъ, чтобы каждый участвующій въ лотереѣ сенаторъ передъ розыгрышемъ присягалъ и выдавалъ росписку въ томъ, что онъ подастъ свой голосъ за партію двора независимо отъ того, выиграетъ его билетъ или нѣтъ. За это вынувшимъ пустые билеты предоставляется право разыграть въ лотерею слѣдующее вакантное мѣсто. При этой системѣ у кандидатовъ всегда будутъ поддерживаться сладкія надежды, никто не будетъ имѣть основаній жаловаться на министерство за нарушеніе обѣщаній, и всѣ будутъ сваливать свои неудачи на плечи фортуны, у которой они во всякомъ случаѣ шире и крѣпче, чѣмъ у министровъ.

Другой профессоръ показалъ мнѣ толстую рукопись своего сочиненія, озаглавленную: „Инструкція государственнымъ сановникамъ для раскрытія политическихъ заговоровъ". Въ этихъ „инструкціяхъ" преподаются всевозможные благіе совѣты. Такъ напримѣръ, рекомендуется неотступно слѣдить за образомъ жизни, діетой и всѣми отправленіями подозрѣваемыхъ лицъ: замѣчать, въ какіе часы они ѣдятъ, на которомъ боку спятъ; тщательно изслѣдовать ихъ испражненія и по цвѣту, по запаху, вкусу и степени твердости оныхъ узнавать образъ мыслей и характеръ намѣреній каждаго такого лица. „Потому-что", прибавляетъ авторъ въ поясненіе этой послѣдней инструкціи, „никогда человѣкъ не бываетъ такъ глубокомысленъ, серьезенъ и сосредоточенъ, какъ въ тѣ часы, когда онъ возсѣдаетъ на суднѣ. Я это знаю по личному опыту", говоритъ онъ: „такъ напримѣръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, находясь въ упомянутомъ положеніи, я (просто въ видѣ пробы) сосредоточивалъ свое вниманіе на измышленіи наилучшаго способа цареубійства, мои испражненія принимали зеленую окраску; но цвѣтъ ихъ не имѣлъ ничего общаго съ зеленымъ, когда мои замыслы не заходили дальше возбужденія мятежа или поджога столицы".

Вообще трактатъ написанъ очень тонко и содержитъ много любопытныхъ наблюденій, для политическаго дѣятеля очень и очень полезныхъ. Но я нашелъ его немного неполнымъ и позволилъ себѣ указать автору на этотъ недостатокъ, прибавивъ, что, если онъ пожелаетъ, я могу сдѣлать кое-какія добавленія отъ себя. Онъ принялъ мое предложеніе гораздо снисходительнѣе, чѣмъ этого можно вообще ожидать отъ писателя, а тѣмъ болѣе отъ писателя-прожектера, и поспѣшилъ увѣрить меня, что онъ „радъ всякому новому свѣдѣнію по разрабатываемому имъ вопросу".

Тогда я разсказалъ ему, что „въ королевствѣ Трибнія (по туземному: *Ланггдонъ*), гдѣ я прожилъ довольно долгое время въ одно изъ моихъ путешествій, главная масса населенія состоитъ

исключительно изъ сыщиковъ, развѣдчиковъ и шпіоновъ, изъ достовѣрныхъ свидѣтелей и лжесвидѣтелей подъ присягой, изъ слѣдователей, обвинителей, доказчиковъ съ цѣлымъ штатомъ ихъ помощниковъ и приспѣшниковъ, причемъ вся эта клика находится на жалованьѣ у министерства и орудуетъ подъ его флагомъ и руководствомъ". Я объяснилъ ему, что „политическіе заговоры въ упомянутомъ королевствѣ бываютъ обыкновенно дѣломъ рукъ этихъ господъ, которымъ оказывается нужно то поддержать свою репутацію тонкихъ политиковъ, то пришпорить энергію слишкомъ вялой администраціи, то отвлечь вниманіе общества отъ внутреннихъ неурядицъ и для этого обратить его недовольство на новый объектъ (а кстати ужъ набить свои сундуки всякимъ добромъ, конфискованнымъ у заподозрѣнныхъ лицъ), то повліять на общественное мнѣніе въ ту или другую сторону, сообразуясь со своими личными выгодами. Для осуществленія этихъ цѣлей", продолжалъ я, „они начинаютъ съ того, что уславливаются между собой, кого именно изъ подозрительныхъ лицъ надлежитъ обвинить въ заговорѣ, а затѣмъ приступаютъ къ самымъ энергичнымъ мѣропріятіямъ: перехватываютъ письма намѣченныхъ жертвъ, арестуютъ ихъ бумаги, а самихъ ихъ сажаютъ въ тюрьму. Тѣмъ временемъ отобранныя бумаги и письма поступаютъ на просмотръ къ особаго рода артистамъ, чрезвычайно искуснымъ въ дѣлѣ откапыванья сокровеннаго смысла не только въ словахъ, но даже въ отдѣльныхъ слогахъ и буквахъ. Этихъ искусниковъ не проведешь какимъ-нибудь двусмысленнымъ выраженіемъ въ родѣ „отхожее мѣсто": они сейчасъ же доберутся, что подъ этимъ надо понимать: тайный совѣтъ. Не менѣе твердо знаютъ они, что „стадо гусей" значитъ сенатъ, „хромая собака"—посягатель, „моровая язва"—войска на постоѣ, „навозный жукъ"—первый министръ, „подагрикъ" —Римскій папа, „висѣльникъ"—государственный канцлеръ, „ночной горшокъ"—совѣщательная комиссія, „рѣшето"—придворная дама, „метла"—революція, „мышеловка"—коронная служба, „бездонный колодезь"—казначейство, „помойная лохань"—придворный штатъ, „дурацкій колпакъ"—королевскій фаворитъ, „разбитая дудка"—уголовный судъ, „пустая бочка"—генералъ, „гнойная язва"—правительство.

Но когда этотъ способъ разслѣдованія не достигаетъ цѣли, прибѣгаютъ къ двумъ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ и извѣстнымъ тамошнему ученому міру подъ именами „метода акростиховъ" и „метода анаграмъ".

Первый имѣетъ дѣло съ иниціалами, и при его помощи можно доискаться политическаго значенія въ каждой буквѣ. Такъ напримѣръ, было открыто, что буква N означаетъ заговоръ, B—кавалерійскій полкъ, Z—флотъ въ плаваніи.

Дѣйствуя по второму методу, перемѣщаютъ буквы словъ въ подозрительной бумагѣ или письмѣ и такимъ образомъ разоблачаютъ самые сокровенные замыслы партіи недовольныхъ. Если, положимъ, въ письмѣ къ пріятелю я скажу: „Нашъ братъ Томъ схватилъ геморой“, опытный экспертъ по шифрованнымъ письмамъ только переставитъ буквы въ этой фразѣ, и у него выйдетъ: „Держитесь стойко, заговоръ созрѣлъ“. Это и есть анаграматическій методъ.

Профессоръ очень благодарилъ меня за сообщенныя свѣдѣнія и обѣщалъ, что не забудетъ упомянуть обо мнѣ въ своемъ трактатѣ.

Такъ какъ ничто болѣе не привлекало моего любопытства въ этой странѣ, я началъ подумывать о возвращеніи въ Англію.

Авторъ покидаетъ Лагадо. — Его пріѣздъ въ Мальдонаду. — Узнавъ, что въ гавани нѣтъ судовъ, отходящихъ въ Лугнагъ въ непродолжительномъ времени, онъ остается въ Мальдонадѣ и, пользуясь случаемъ, предпринимаетъ поѣздку на островъ Глубдубдрибъ. — Пріемъ, оказанный ему правителемъ острова.

Земныя владѣнія Лапуты составляютъ часть материка, простирающагося, какъ я имѣю основанія предполагать, къ востоку до тѣхъ, еще неизслѣдованныхъ земель Америки, что тянутся на западъ отъ Калифорніи, и къ сѣверу до Тихаго океана. Отъ Тихаго океана до Лагадо будетъ не болѣе полутораста миль, и на берегу его королевство Бальнибарби имѣетъ хорошую гавань, которая ведетъ обширную торговлю съ большимъ островомъ Лугнагомъ, лежащимъ отъ нея къ сѣверо-западу приблизительно подъ 29° сѣверной широты и подъ 140-мъ долготы. Островъ расположенъ миляхъ въ трехстахъ отъ Японіи, на юго-востокъ отъ нея. Японскій императоръ находится въ тѣсномъ союзѣ съ Лугнагскимъ королемъ, вслѣдствіе чего между Лугнагомъ и Японскими островами существуютъ постоянныя сношенія. Въ виду этого и желая возвратиться въ Европу, я и рѣшилъ направить путь свой къ Лугнагу. Чтобы добраться до берега, я нанялъ двухъ муловъ съ проводникомъ, обязавшихся довести мой скромный багажъ и показать мнѣ дорогу. Затѣмъ я простился съ моимъ благороднымъ покровителемъ, оказавшимъ мнѣ столько знаковъ своего милостиваго вниманія, и, получивъ отъ него на прощанье щедрый подарокъ, отправился въ путь.

Мое путешествіе совершилось благополучно, не ознаменовавшись ни однимъ приключеніемъ, о которомъ стоило бы упоминать. По прибытіи моемъ въ Мальдонаду (такъ называется приморскій портъ, о которомъ я говорилъ) я узналъ, что въ гавани нѣтъ судовъ, отходящихъ въ Лугнагъ, и неизвѣстно, когда будутъ. Мальдонада—довольно большой городъ: приблизительно такой, какъ

Портсмутъ. Я былъ тамъ принятъ очень радушно, и вскорѣ у меня завязались кое-какія знакомства. Одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ (человѣкъ, занимающій видное положеніе въ обществѣ) сказалъ мнѣ какъ-то разъ въ разговорѣ, что „такъ какъ все равно раньше мѣсяца для меня не предвидится случая уѣхать въ Лугнагъ, то не пожелаю ли я ради развлеченія предпринять небольшую поѣздку на островокъ Глубдубдрибъ, миль за пятнадцать отъ Мальдонады къ юго-западу". При этомъ онъ предложилъ мнѣ въ провожатые себя и своего пріятеля и обѣщалъ достать баркасъ, небольшой, но вполнѣ подходящій для такого рода поѣздокъ.

Глубдубдрибъ (насколько я могъ доискаться точнаго смысла этого слова) значитъ: островъ колдуновъ или чародѣевъ. По величинѣ онъ составляетъ приблизительно одну треть острова Уайта, отличается необыкновенно плодородною почвой и находится подъ управленіемъ вождя одного племени или клана, состоящаго сплошь изъ чародѣевъ. Члены этого клана заключаютъ брачные союзы только между собою, и старшій въ родѣ назначается княземъ или правителемъ острова. Онъ живетъ въ роскошномъ дворцѣ съ большимъ паркомъ, занимающимъ до трехсотъ акровъ земли и окруженнымъ стѣной изъ тесанаго камня въ двадцать футъ вышиной. Часть принадлежащей парку земли разбита на участки, изъ коихъ каждый обнесенъ оградой. Одни изъ этихъ участковъ отведены для скота, другіе подъ посѣвы хлѣбовъ, на третьихъ занимаются садоводствомъ.

Придворный и домашній штатъ правителя и его семейства состоитъ изъ несовсѣмъ обыкновенныхъ людей. Чтобы понять, что это за субъекты, надо знать, что при помощи черной магіи, которую его высочес во изучилъ въ совершенствѣ, онъ можетъ вызывать мертвецовъ. Отъ каждаго изъ явившихся по его вызову духовъ онъ имѣетъ право требовать услугъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, но не больше; не можетъ онъ также (за исключеніемъ самыхъ экстренныхъ случаевъ) вызывать одно и то же лицо чаще, чѣмъ въ три мѣсяца разъ.

Какъ только мы пріѣхали въ Глубдубдрибъ (это было около одиннадцати часовъ утра), одинъ изъ моихъ спутниковъ отправился къ правителю съ просьбой „принять чужестранца, прибывшаго въ его владѣнія спеціально затѣмъ, чтобы удостоиться чести представиться его высочеству". На эту просьбу послѣдовало согласіе, и вскорѣ послѣ того мы всѣ трое вступили въ ограду дворца между двумя рядами тѣлохранителей въ очень древнемъ вооруженіи и не менѣе старинныхъ костюмахъ. Въ выраженіи лицъ и вообще въ наружности всѣхъ этихъ людей было что-то особенное, наполнившее мою душу неизъяснимымъ ужасомъ, отъ кото-

раго у меня пошли мурашки по спинѣ. Пройдя нѣсколько комнатъ (опять-таки между двумя шеренгами слугъ такого же типа), мы добрались до аудіенцъ-залы. Послѣ того, какъ мы отвѣсили три глубокихъ поклона и отвѣтили на нѣсколько общихъ вопросовъ, намъ разрѣшили сѣсть у нижней ступеньки трона, гдѣ мы и размѣстились на трехъ табуреткахъ. Его высочество понимаетъ бальнибарбскій языкъ, хотя въ его владѣніяхъ говорятъ на другомъ языкѣ. Онъ попросилъ меня разсказать о моихъ путешествіяхъ и, чтобы показать мнѣ, что онъ хочетъ бесѣдовать со мной запросто, отпустилъ движеніемъ руки всю свою свиту, которая, къ великому моему изумленію, исчезла мгновенно, какъ исчезаютъ грезы сна въ моментъ пробужденія. Довольно долго я не могъ опомниться отъ этого сюрприза и пришелъ въ себя только тогда, когда правитель успокоилъ меня, сказавъ, что „въ его владѣніяхъ мнѣ не сдѣлаютъ никакого вреда". Я замѣтилъ, что оба мои спутника совершенно спокойны (они часто бывали на пріемахъ его высочества и уже привыкли къ нимъ) и, набравшись храбрости, описалъ въ короткихъ словахъ мои приключенія. Не могу, однако, сказать, чтобы мнѣ удалось совсѣмъ отдѣлаться отъ страха: во время разсказа я частенько оглядывался назадъ, на то мѣсто, гдѣ только-что стояла призрачная свита князя. Я удостоился чести отобѣдать у его высочества. За столомъ прислуживалъ новый штатъ духовъ, но теперь я уже не пугался ихъ такъ, какъ поутру. Я пробылъ во дворцѣ до самаго вечера, но отъ приглашенія хозяина остаться ночевать уклонился, смягчивъ свой отказъ наипочтительнѣйшими извиненіями. Я переночевалъ вмѣстѣ съ моими спутниками на частной квартирѣ въ находящемся по сосѣдству съ дворцомъ городкѣ—столицѣ Глубдубдриба,—а на другое утро мы снова явились во дворецъ засвидѣтельствовать свое почтеніе правителю, какъ ему благоугодно было намъ приказать.

Такимъ образомъ мы провели на островѣ десять дней, пребывая большую часть дня во дворцѣ и ночуя у себя на квартирѣ. Я скоро привыкъ къ обществу духовъ, такъ-что уже на третій или на четвертый день ихъ видъ не возбуждалъ во мнѣ никакого волненія, или, по крайней мѣрѣ, если мой страхъ передъ ними и не совсѣмъ прошелъ, то во всякомъ случаѣ любопытство оказалось сильнѣе. Дѣло въ томъ, что его высочество предложилъ мнѣ „вызвать изъ числа всѣхъ умершихъ отъ начала міра до нашихъ временъ всѣхъ, кого я захочу, и въ какомъ угодно количествѣ". При этомъ онъ сказалъ, что прикажетъ душамъ умершихъ отвѣчать на всѣ вопросы, которые мнѣ вздумается имъ предложить, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы каждый вопросъ касался только времени земной жизни лица, къ которому онъ будетъ обращенъ.

Я удостоился чести отобѣдать у его высочества.

„Вы можете быть вполнѣ увѣрены въ одномъ“, прибавилъ его высочество въ заключеніе, „а именно, что вамъ отвѣтятъ правду, ибо ложь—талантъ безполезный въ царствѣ тѣней“.

Я выразилъ любезному хозяину мою нижайшую признательность за столь высокую милость. Въ то время мы сидѣли въ комнатѣ, изъ которой открывался широкій видъ на паркъ. Мнѣ захотѣлось увидѣть какую-нибудь величественную, грандіозную картину, и я попросилъ вызвать Александра Великаго во главѣ его арміи тотчасъ послѣ битвы при Арбелѣ. Его высочество только шевельнулъ пальцемъ, и въ тотъ-же мигъ видѣніе появилось посреди широкой лужайки подъ окномъ, подлѣ котораго мы стояли. Александра потребовали въ комнату, и онъ сейчасъ же пришелъ.

Я съ великимъ трудомъ понималъ *его* греческій языкъ, *) да и изъ своего-то, говоря откровенно, могъ припомнить очень немногое. Умершій герой честью увѣрялъ меня между прочимъ, что онъ „не былъ отравленъ, а умеръ отъ бѣлой горячки вслѣдствіе пьянства“ **).

Послѣ Александра вызвали Ганнибала: я видѣлъ его переходъ черезъ Альпы, и онъ мнѣ сказалъ, что „у него во всемъ лагерѣ не осталось ни капельки уксусу“ ***).

Мнѣ показали также Цезаря и Помпея во главѣ ихъ войскъ, готовящихся вступить въ бой. Я видѣлъ Цезаря въ моментъ его

---

*) Гулливеръ намекаетъ на то, что у насъ утратилось знаніе настоящаго греческаго языка.—*Оррери.*

**) Въ этихъ двухъ строчкахъ есть своеобразная прелесть, хотя не всякій откроетъ ее съ перваго взгляда. Единственнымъ результатомъ появленія Александра съ его грозною арміей, только-что одержавшей побѣду въ битвѣ подъ Арбелой, оказывается его заявленіе, что онъ умеръ отъ пьянства. Не менѣе ничтожна и смѣшна въ глазахъ разума конечная цѣль, для которой Александръ со своей арміей совершилъ походъ въ далекую страну, разрушилъ могущественную державу и затопилъ ее въ крови: все, что онъ выигралъ этимъ походомъ, былъ почетный эпитетъ, который стали прибавлять къ его имени, да и тотъ, послѣ нѣсколькихъ повтореній, до того всѣмъ пріѣлся, что никто, даже самъ герой, не придавалъ ему больше значенія. Такимъ образомъ цѣль воскрешенія Александра въ описанной авторомъ сценѣ является во всякомъ случаѣ не ничтожнѣе цѣли его жизни, на которую она представляетъ столько же мѣткую, сколько и злую сатиру. — *Гоксвортъ.*

***) Римскій историкъ Титъ Ливій разсказываетъ, будто Ганнибалъ во время этого похода развелъ огромный костеръ на скалѣ, загораживавшей путь его арміи, и когда скала раскалилась, полилъ ее уксусомъ: отъ этого камень скалы такъ размякъ, что въ ней безъ особеннаго труда прорѣзали выемку для прохода войскъ.—*Гоксвортъ*

Новѣйшіе историки сомнѣваются въ достовѣрности этого разсказа, ибо, во-первыхъ, трудно допустить, чтобы въ войскахъ Ганнибала во время похода могло оказаться достаточное количество уксуса для производства описываемаго Ливіемъ опыта, а во-вторыхъ, если бы даже опытъ былъ сдѣланъ, онъ все равно не могъ привести къ сколько-нибудь практическимъ результатамъ.

послѣдняго тріумфа. Затѣмъ, по моему желанію, передо мной явился римскій сенатъ, засѣдающій въ большой залѣ, и рядомъ, для сравненія, другая зала, въ которой совѣщались современные предста-

Я проникся глубокимъ почтеніемъ, когда увидѣлъ передъ собой Брута.

вители законодательной власти. Первое собраніе казалось сонмомъ героевъ и полубоговъ, второе — толпой мужиковъ и пьяныхъ буяновъ, карманныхъ воришекъ и разбойниковъ.

Хозяинъ по моей просьбѣ сдѣлалъ знакъ Цезарю и Бруту приблизиться къ намъ. Я проникся глубокимъ почтеніемъ, когда увидѣлъ передъ собой Брута: безупречная добродѣтель, неустрашимость, не знающая равной себѣ, непреклонная твердость духа, самая преданная любовь къ отчизнѣ и благожелательное отношеніе ко всему человѣчеству были написаны на этомъ благородномъ лицѣ. Съ большимъ удовольствіемъ я замѣтилъ, что Брутъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Цезаремъ, да и самъ Цезарь чистосердечно сознался въ разговорѣ со мной, что „величайшіе подвиги его жизни не могутъ сравняться съ славнымъ подвигомъ человѣка, отнявшаго у него жизнь“*). Я имѣлъ честь долго бесѣдовать съ Брутомъ, который сказалъ мнѣ между прочимъ, что „онъ, его предокъ Юній, Сократъ, Эпаминондъ, Катонъ Младшій и сэръ Томасъ Муръ никогда не разстаются“—славный секстимвиратъ, къ которому всѣ послѣдующіе вѣка не могли прибавить новаго члена.

Я бы наскучилъ читателю, если бъ вздумалъ перечислять всѣхъ знаменитыхъ людей, которыхъ вызвалъ съ того свѣта правитель Глубдубдриба, чтобы удовлетворить моей ненасытной жаждѣ видѣть жизнь человѣческую во всѣ эпохи исторической древности. Больше всего меня восхищали картины, въ которыхъ появлялись убійцы тирановъ и узурпаторовъ и возстановители попранныхъ правъ и свободы угнетенныхъ народовъ. Но сколько-бы я ни старался, я все равно не сумѣю описать наслажденіе, полученное мною отъ созерцанія этихъ картинъ, настолько ярко и образно, чтобы оно передалось читателю.

---

*) Свифтъ питалъ глубокое уваженіе къ характеру Брута, что ясно видно изъ сравненія Брута съ Цезаремъ и изъ признанія, влагаемаго Свифтомъ въ уста Цезаря Кромѣ того, Свифтъ желаетъ выразить свое убѣжденіе, что непоколебимый патріотизмъ, жертвуя благу отечества даже дружбой, представляетъ болѣе величія, чѣмъ тотъ героизмъ, который все порабощаетъ, хотя бы и доставляя своему отечеству внѣшнюю славу.

Дальнѣйшее описаніе Глубдубдриба. Поправки къ древней и новой исторіи.

Мнѣ хотѣлось увидать нѣкоторыхъ изъ мужей древности, прославившихся ученостью и мудростью; для этого я остался на островѣ нѣсколько лишнихъ дней. Прежде всего я попросилъ вызвать Гомера и Аристотеля въ сопровожденіи всѣхъ ихъ коментаторовъ; но послѣднихъ оказалось такое несмѣтное множество, что цѣлыя сотни ихъ стояли во дворѣ и въ прихожихъ дворца. Я съ одного взгляда узналъ обоихъ великихъ мужей,—узналъ не только въ толпѣ, но и отличилъ одного отъ другого. Гомеръ былъ выше Аристотеля и отличался болѣе привлекательной внѣшностью. Для своихъ лѣтъ онъ держался очень прямо, и ни у кого я не видалъ такихъ быстрыхъ и проницательныхъ глазъ. Аристотель сильно горбился и опирался на палку. Лицо у него было очень худое, волосы рѣдкіе и прямые, голосъ глухой. Я скоро замѣтилъ, что оба они были совершенно чужими въ остальной компаніи, что они никогда не видали никого изъ этихъ господъ и ничего о нихъ не слыхали. А одинъ духъ, котораго я не хочу называть, шепнулъ мнѣ на ушко, что „коментаторы этихъ двухъ авторовъ, переходя въ загробный міръ, стараются держаться подальше отъ своихъ принципаловъ, потому-что сознаютъ себя виновными въ жестокомъ искаженіи передъ потомствомъ смысла ихъ твореній и терзаются упреками совѣсти". Я познакомилъ Евстахія и Дидима съ Гомеромъ, который по моей настоятельной просьбѣ обошелся съ ними любезнѣе, чѣмъ они того стоютъ; впрочемъ скоро онъ и самъ убѣдился, что у нихъ не хватаетъ ни чутья, ни таланта для тонкой и глубокой оцѣнки, какой требуетъ геніальный поэтъ. Но Аристотель вышелъ изъ себя, когда, представляя ему Скота и Рамуса, я сдѣлалъ краткую характеристику этихъ господъ: не выдержавъ, онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: „Неужели вся ваша братія такіе же ослы?"

Мы вызвали Декарта и Гассенди, и я попросилъ того и другого объяснить Аристотелю ихъ научныя системы. Выслушавъ обоихъ ученыхъ, великій философъ чистосердечно призналъ свои заблужденія въ натурфилософіи,—„заблужденія вполнѣ понятныя“, прибавилъ онъ, „ибо многіе изъ моихъ выводовъ я по необходимости основывалъ на догадкахъ“. По поводу же доктринъ Гассенди и Декарта онъ высказался въ такомъ смыслѣ, что и Гассенди, сдѣлавшій все возможное для популяризаціи ученія Эпикура, и Декартъ со своею теоріей вихрей будутъ освистаны потомствомъ. Такую же участь онъ предсказалъ и теоріи тяготѣнія, столь ярыми адептами которой являются новѣйшіе ученые. Онъ сказалъ, что „новыя естественнонаучныя системы суть не что иное, какъ новыя моды, мѣняющіяся съ каждымъ столѣтіемъ, и что даже философы, претендующіе на строгую научность своихъ доктринъ, потому-что они выводятъ ихъ изъ математическихъ законовъ, будутъ имѣть успѣхъ лишь въ теченіе самаго короткаго періода времени, пока ихъ теоріи не выйдутъ изъ моды“.

Пять дней провелъ я въ собесѣдованіи съ различными учеными древняго міра. Я видѣлъ также почти всѣхъ первыхъ римскихъ императоровъ. По моей просьбѣ его высочество вызвалъ поваровъ Геліогабала и приказалъ имъ приготовить намъ обѣдъ, но за недостаткомъ матеріаловъ они не могли показать намъ своего искусства во всемъ его объемѣ. Одинъ илотъ Агезилая состряпалъ намъ спартанскую похлебку, но я былъ не въ состояніи проглотить и двухъ ложекъ этого блюда.

Черезъ три дня оба мои провожатые должны были вернуться домой по своимъ дѣламъ. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы познакомиться кое съ кѣмъ изъ знаменитостей, умершихъ за послѣдніе два-три вѣка и игравшихъ при жизни выдающуюся роль въ нашемъ отечествѣ или въ другихъ европейскихъ странахъ; а такъ какъ я всегда былъ большимъ почитателемъ старинныхъ, извѣстныхъ фамилій, то и попросилъ вызвать десятокъ-другой королей со всѣми ихъ предками за восемь или за девять поколѣній. Но какъ жестоко было мое разочарованіе, когда всѣ эти тѣни явились на зовъ! Вмѣсто длиннаго шествія вѣнценосцевъ, которыхъ я ожидалъ, я увидѣлъ: въ одной династіи — двухъ музыкантовъ, трехъ вылощенныхъ царедворцевъ и итальянскаго прелата, въ другой -цирюльника, аббата и двухъ кардиналовъ. Но я такъ глубоко преклоняюсь передъ вѣнчанными главами, что не хочу больше распространяться на столь щекотливую тему. Совсѣмъ другая статья—графы, маркизы и герцоги: относительно этихъ господъ я не буду такъ щепетиленъ. Немалое удовольствіе (сознаюсь откровенно) доставила мнѣ возможность прослѣдить

Одинъ илотъ Агезилая состряпалъ намъ спартанскую похлебку.

вплоть до источника родовыя особенности нѣкоторыхъ извѣстныхъ фамилій. Мнѣ стало ясно, откуда взялся длинный подбородокъ у членовъ такой-то семьи; отчего въ другой рождалось въ двухъ поколѣніяхъ такое множество плутовъ, а въ двухъ послѣдующихъ—дураковъ; почему третья состояла почти изъ однихъ сумасшедшихъ, а четвертая изъ пройдохъ. Я убѣдился, что ко всѣмъ этимъ семьямъ можно примѣнить слова Полидора Виргилія, сказанныя объ одномъ очень знатномъ домѣ: *Nec vir fortis, nec fœmina casta* (нѣтъ тамъ ни храбраго мужа, ни цѣломудренной женщины). Я видѣлъ, какъ жестокость, вѣроломство и трусость становились характерными чертами нѣкоторыхъ семей, такимъ-же родовымъ ихъ отличіемъ, какъ фамильные гербы. Я видѣлъ, кто первый занесъ сифилисъ въ ту или другую высокородную семью, и могъ прослѣдить, какъ болѣзнь, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, переходила въ видѣ золотухи къ потомкамъ. Но могъ-ли я всему этому удивляться, видя, какъ прерывалась линія наслѣдственности по милости лакеевъ, пажей, кучеровъ, шулеровъ, музыкантовъ, актеровъ, матросовъ и карманныхъ воровъ, помогавшихъ продолженію рода?

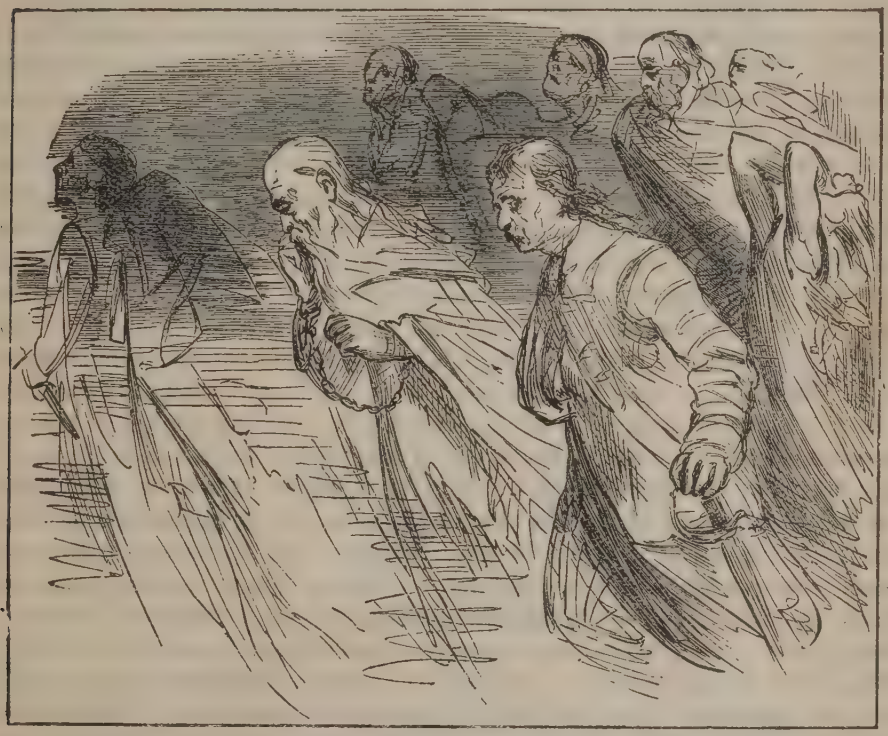
Я получилъ полное отвращеніе къ новой исторіи. Произведя строгій смотръ всѣмъ героямъ, чьи имена за послѣдніе сто лѣтъ гремѣли при королевскихъ дворахъ, я понялъ, какъ грубо обманываютъ человѣчество продажные писаки, приписывая великіе военные подвиги трусамъ, простодушную искренность—льстецамъ, змѣиную мудрость—дуракамъ, римскую доблесть—измѣнникамъ отчизнѣ, благочестіе—атеистамъ, цѣломудріе—осквернennымъ содомскимъ грѣхомъ, правдивость—доносчикамъ. Я увидалъ, сколько невинныхъ и благородныхъ людей было осуждено на смерть и на изгнаніе только потому, что могущественные временщики сумѣли ловко воспользоваться продажностью судей и партійной враждой, сколько мерзавцевъ было вознесено на высоту власти и почестей, занимало высокіе довѣренные посты, широко пользовалось матеріальными благами. Я увидалъ, какъ огромная доля вліянія въ политическихъ событіяхъ, въ дворцовыхъ переворотахъ, въ рѣшеніяхъ сената и государственнаго совѣта принадлежитъ по праву паразитамъ, сводникамъ и сводникамъ, распутницамъ и шутамъ. Какое низкое мнѣніе я принужденъ былъ составить о человѣческой мудрости и человѣческомъ безкорыстіи, когда мнѣ открылись настоящія пружины государственныхъ переворотовъ тайные мотивы, руководившіе великими предпріятіями, и тѣ ничтожныя случайности, отъ которыхъ зависѣлъ ихъ успѣхъ!

Тутъ только я вполнѣ оцѣнилъ невѣжество и плутни поставщиковъ такъ называемыхъ историческихъ анекдотовъ или исто-

рическихъ тайнъ,— тѣхъ беззастѣнчивыхъ бытописателей, что отправили на тотъ свѣтъ такую кучу королей, преподнеся имъ кубокъ съ ядомъ,—всезнаекъ, повторяющихъ разговоры монарховъ съ министрами, хотя никто ихъ не слыхалъ, подбирающихъ ключи къ кабинетамъ и мыслямъ министровъ и посланниковъ и, несмотря на столь многосторонніе таланты, имѣющихъ несчастье вѣчно ошибаться. Тутъ только я уразумѣлъ истинныя причины многихъ великихъ событій, въ свое время изумлявшихъ міръ; тутъ только мнѣ стало ясно, какъ непотребная женщина можетъ вертѣть черной лѣстницей, черная лѣстница—тайнымъ совѣтомъ, а тайный совѣтъ—сенатомъ. Одинъ полководецъ самъ мнѣ сознался, что онъ „выигралъ битву единственно, благодаря своей трусости и подлости"; другой—адмиралъ флота—конфиденціально сообщилъ, что „будучи обманутъ невѣрнымъ донесеніемъ, онъ разбилъ непріятеля совершенно неожиданно для себя, такъ какъ собирался сдаться со всѣмъ своимъ флотомъ". Три короля увѣряли меня, что за все время своего царствованія они не отличили своей милостью ни одного достойнаго человѣка, а если когда и согрѣшили въ этомъ смыслѣ, такъ развѣ по ошибкѣ или вслѣдствіе измѣны какого-нибудь министра, которому довѣряли. Всѣ трое клялись, что доведись имъ воскреснуть и снова возсѣсть на престолъ, они продолжали бы дѣйствовать въ томъ же духѣ". Порочные нравы поддерживаютъ королевскій тронъ", доказывали они съ большой силой логики, „потому-что независимость, твердость духа, сознаніе собственнаго достоинства—словомъ, всѣ тѣ качества, которыми украшаетъ человѣка добродѣтель, только тормозятъ ходъ государственныхъ дѣлъ".

Мнѣ любопытно было узнать, какими путями добываются почетные титулы и наживаются чудовищныя состоянія, и я рѣшилъ поразспросить объ этомъ конфиденціальнымъ образомъ компетентныхъ людей. Мои справки ограничивались сравнительно недавней эпохой, не касаясь однако же нашихъ дней: я не хотѣлъ обижать моихъ современниковъ, хотя-бы даже иностранцевъ (потому-что, надѣюсь, мнѣ нѣтъ надобности объяснять читателю, что то, что я собираюсь ему разсказать, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ моему отечеству). Итакъ, мы вызвали множество лицъ, отъ которыхъ можно было разсчитывать получить свѣдѣнія объ интересовавшемъ меня предметѣ, и послѣ первыхъ-же вопросовъ передо мной развернулась картина такихъ гнусностей, что на меня находитъ уныніе, когда я начинаю о нихъ размышлять. Клятвопреступленія, притѣсненіе слабыхъ, подслуживанье, подкупъ, мошенничество и тому подобные грѣшки были еще самыми извинительными изъ ухищреній, практиковавшихся для достиженія

богатства и почета, и къ нимъ, желая быть умѣреннымъ въ своемъ приговорѣ, я отнесся снисходительно. Но когда нѣкоторые изъ духовъ сознались, что своимъ возвышеніемъ и богатствомъ, они были обязаны: одни—содомскому грѣху или кровосмѣшенію, другіе—распутству своихъ женъ и дочерей, третьи—тому, что предали свою отчизну или государя, иные—отравительству, очень многіе—нарушенію правосудія съ цѣлью погубить невиннаго,—когда, повторяю, я услыхалъ такія признанія, то (надѣюсь, мнѣ



Они явились передо мной съ истомленными, убитыми лицами.

извинятъ мою слабость) я почувствовалъ, какъ убываетъ то глубокое почтеніе къ высокопоставленнымъ лицамъ, которое было у меня прирожденнымъ и которое обязаны къ нимъ питать за ихъ высокія добродѣтели мы, маленькіе люди.

Я много разъ читалъ, что были на свѣтѣ хорошіе люди, оказавшіе великія услуги своей странѣ и государю, и теперь мнѣ захотѣлось увидѣть этихъ людей. Прежде, когда я спрашивалъ ихъ имена, мнѣ всегда отвѣчали, что „имена ихъ нигдѣ не записаны, и исторія ихъ не знаетъ, кромѣ, впрочемъ, тѣхъ немно-

гихъ изъ нихъ, которыхъ она изображаетъ самыми гнусными измѣнниками и послѣдними изъ негодяевъ". Объ остальныхъ же я никогда ничего не слыхалъ. И вотъ, теперь они явились передо мной съ истомленными, убитыми лицами, и почти всѣ въ рубищахъ: большинство изъ нихъ (какъ оказалось изъ ихъ собственныхъ словъ) „умерли въ бѣдности и въ опалѣ", а остальные—на висѣлицѣ или на эшафотѣ.

Въ числѣ прочихъ тутъ былъ одинъ старикъ, который разсказалъ мнѣ случившійся съ нимъ несовсѣмъ обыкновенный казусъ. Человѣкъ этотъ явился въ сопровожденіи юноши лѣтъ восемнадцати, который все время стоялъ рядомъ съ нимъ Вотъ что мнѣ повѣдалъ старикъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ командовалъ кораблемъ. Въ морскомъ сраженіи при Акціумѣ ему посчастливилось пробиться сквозь боевую линію непріятельскихъ судовъ, пустить ко дну три самыхъ большихъ корабля и овладѣть четвертымъ, что и было единственной причиной бѣгства Антонія и явившейся его послѣдствіемъ побѣды Октавіана. Стоявшій подлѣ старика юноша, его единственный сынъ, былъ убитъ въ этомъ дѣлѣ. „По окончаніи войны", продолжалъ разсказчикъ, „чувствуя за собой нѣкоторыя заслуги, я отправился въ Римъ ко двору Августа просить о назначеніи меня на корабль бо́льшаго ранга, командиръ котораго былъ убитъ. Но на мою просьбу не обратили никакого вниманія, и командиромъ корабля былъ назначенъ мальчишка, никогда не нюхавшій моря,—сынъ вольноотпущенницы, служившей у одной изъ фаворитокъ императора. По возвращеніи моемъ на мой прежній корабль меня обвинили въ нерадѣніи къ служебнымъ обязанностямъ, смѣнили, и отдали мой корабль подъ команду любимому пажу вице-адмирала Публиколы. Тогда я уѣхалъ подальше отъ Рима въ одну глухую, бѣдную деревушку, гдѣ и окончилъ жизнь". Мнѣ было такъ любопытно узнать, насколько можно было вѣрить этой исторіи, что я попросилъ вызвать Агриппу, участвовавшаго въ сраженіи при Акціумѣ въ качествѣ адмирала. Агриппа не только подтвердилъ разсказъ старика, но дополнилъ его многими подробностями, выставлявшими въ еще болѣе выгодномъ свѣтѣ заслуги почтеннаго капитана, о которыхъ тотъ по скромности упомянулъ только вскользь.

Меня поразило, что въ Римской имперіи вліяніе роскоши въ такой короткій срокъ (ибо при Августѣ она была тамъ сравнительно недавнимъ явленіемъ) привело къ столь полному растлѣнію нравовъ, и послѣ разсказа римскаго капитана меня уже не такъ удивляли аналогичные примѣры, имѣвшіе мѣсто въ другихъ государствахъ, гдѣ всевозможные пороки господствовали гораздо болѣе долгое время и гдѣ въ такихъ случаяхъ вся слава и вся

военная добыча доставались главнокомандующему, который, быть можетъ, имѣлъ всѣхъ меньше правъ на то и на другое.

Надо замѣтить, что всѣ названные мною умершіе являлись точь-въ-точь такими, какими были при жизни, и видъ ихъ навелъ меня на грустныя размышленія. Глядя на нихъ, я думалъ о томъ, какъ выродилась человѣческая раса за послѣднія сто лѣтъ, какъ сифилисъ со всѣми своими подраздѣленіями и послѣдствіями измѣнилъ каждую черту англо-саксонскаго типа, укоротилъ ростъ, разслабивъ нервы, придавъ вялость сухожиліямъ и мускуламъ, а кожѣ—нездоровую желтизну.

Въ своей неутолимой жаждѣ видѣть жизнь минувшихъ временъ я спустился даже до простонародья: по моему желанію были вызваны въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ англійскіе йомены стараго закала, прославившіеся патріархальностью нравовъ, простотой въ пищѣ и одеждѣ, строгой честностью въ поступкахъ, истиннымъ патріотизмомъ, храбростью и любовью къ свободѣ. Но и тутъ я не могъ не скорбѣть, сравнивая умершихъ съ живыми и видя, какъ всѣ эти, чисто національныя, добродѣтели честныхъ йоменовъ опозорены, проданы за деньги ихъ правнуками, которые, торгуя на выборахъ своими голосами, научились всѣмъ порокамъ и низостямъ, какимъ только могутъ научить царедворцы.

Авторъ возвращается въ Мальдонаду и отплываетъ въ королевство Лугнагъ.—Его заключаютъ подъ стражу, затѣмъ отправляютъ ко двору.—Какъ его тамъ принимаютъ.—Необычайное милосердіе лугнагскаго короля къ его подданнымъ.

Получивъ разрѣшеніе его высочества правителя Глубдубдриба покинуть его владѣнія, я и оба мои спутника вернулись въ Мальдонаду, откуда, прождавъ корабля еще двѣ недѣли, я могъ наконецъ, отплыть въ Лугнагъ. Два мои знакомые, съ которыми я ѣздилъ въ Глубдубдрибъ, и еще нѣкоторые другіе были такъ любезны, что снабдили меня на дорогу провизіей и проводили на корабль. Я пробылъ въ плаваніи цѣлый мѣсяцъ. Насъ застигла сильная буря; мы были вынуждены измѣнить курсъ и повернули на западъ, чтобы попасть въ полосу пассатныхъ вѣтровъ, которые дуютъ въ тѣхъ мѣстахъ на протяженіи ста восьмидесяти миль. 21-го апрѣля 1708 года мы вошли въ рѣку Клумегнигъ, впадающую въ море у юго-восточной оконечности Пугнага. При устьѣ этой рѣки стоитъ городъ того же названія, имѣющій хорошую гавань. Мы бросили якорь въ трехъ миляхъ отъ города и подали сигналъ, чтобъ намъ прислали лоцмановъ. Не прошло и полчаса, какъ два лоцмана вошли къ намъ на корабль и по узкому, опасному проходу, между отмелями и подводными камнями, провели насъ въ широкую бухту, гдѣ могъ бы свободно стать цѣлый флотъ на разстояніи длины кабельтова отъ городской стѣны.

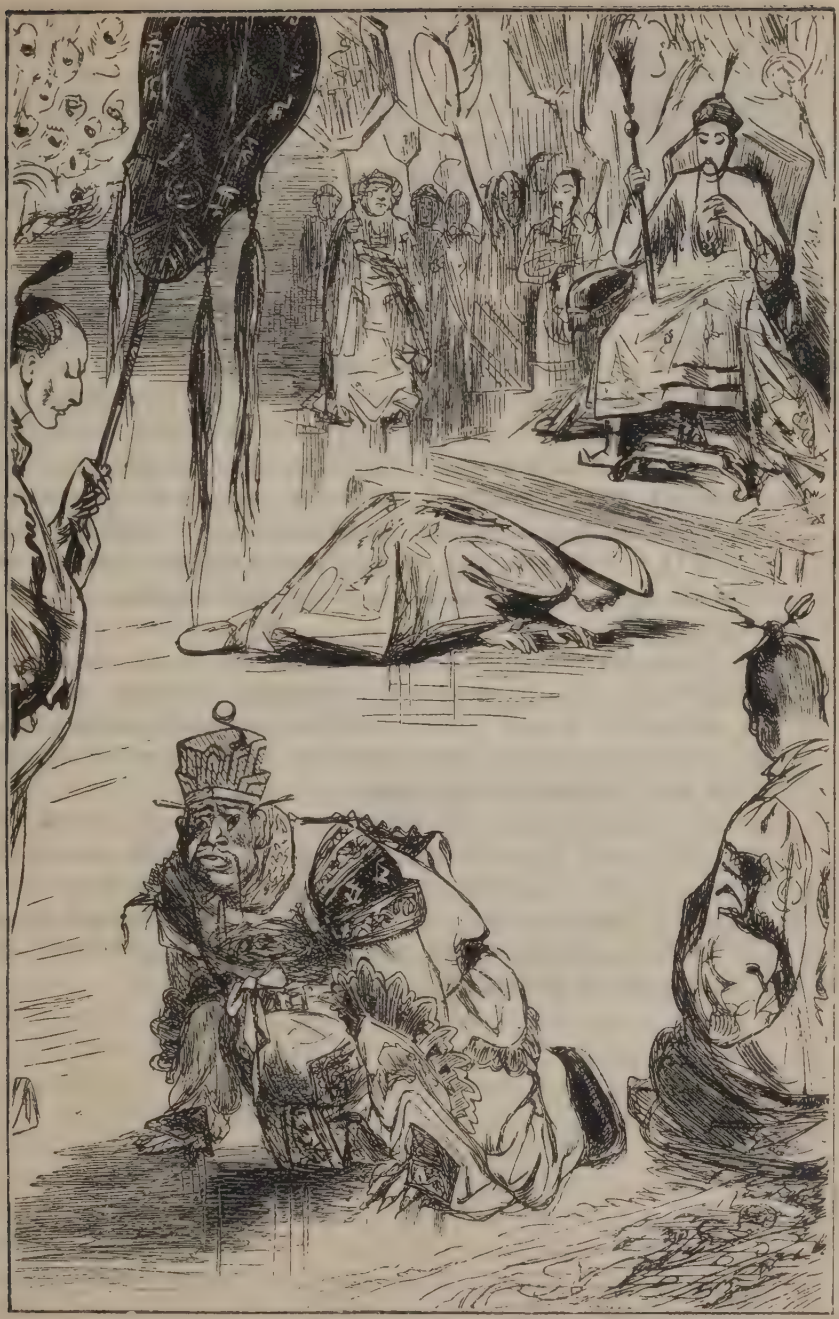
Кто-то изъ нашихъ матросовъ проговорился, а можетъ быть и съ умысломъ сказалъ лоцманамъ, что у насъ на кораблѣ есть „чужестранецъ, извѣстный путешественникъ“. Лоцмана дали знать объ этомъ въ таможню и, когда я сошелъ на берегъ, таможенный чиновникъ снялъ съ меня самый строгій допросъ. Мы съ нимъ объяснялись на бальнибарбскомъ языкѣ, который, благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ между Бальнибарби и Лугнагомъ, здѣсь всѣ понимаютъ, а тѣмъ болѣе моряки и служащіе

въ таможнѣ. Я ему разсказалъ кое-что изъ моихъ похожденій, стараясь, чтобы мой разсказъ вышелъ по возможности послѣдовательнымъ и правдоподобнымъ. Но я счелъ необходимымъ скрыть свою національность и назвался голландцемъ, такъ какъ ближайшая цѣль моего странствія была Японія, а мнѣ было извѣстно, что изъ всѣхъ европейцевъ одни только голландцы допускаются въ эту страну. Я сказалъ чиновнику, что „корабль, на которомъ я ѣхалъ, потерпѣлъ крушеніе у береговъ Бальнибарби", что меня „выбросило на скалу", что „затѣмъ меня приняли на Летучій островъ (о которомъ чиновникъ уже кое-что слыхалъ) и что „теперь я пробираюсь въ Японію, откуда мнѣ, можетъ быть, представится случай вернуться на родину". Выслушавъ меня, чиновникъ сказалъ, что онъ „долженъ меня арестовать и продержать подъ стражей до полученія распоряженій относительно моей особы отъ Двора", куда онъ обѣщалъ безотлагательно сообщить обо мнѣ и откуда, по его расчетамъ, отвѣтъ долженъ былъ притти черезъ двѣ недѣли. Мнѣ отвели приличное помѣщеніе. Къ дверямъ моей камеры приставили часового, но я могъ невозбранно пользоваться примыкавшимъ къ ней большимъ садомъ. Обращались со мной и кормили меня довольно хорошо, такъ какъ все время, что я находился подъ стражей, мое содержаніе оплачивалось изъ собственныхъ суммъ короля. Многіе горожане приглашали меня къ себѣ—больше, конечно, изъ любопытства, ибо по городу разнесся слухъ о „знаменитомъ путешественникѣ, прибывшемъ изъ далекихъ странъ, о которыхъ никто ничего не слыхалъ".

Я нанялъ себѣ толмача — молодого человѣка, пріѣхавшаго на кораблѣ вмѣстѣ со мной. Онъ былъ уроженецъ Лугнага, но прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Мальдонадѣ и превосходно владѣлъ обоими языками. При его помощи я могъ бесѣдовать съ моими посѣтителями; впрочемъ, всѣ наши бесѣды состояли исключительно изъ вопросовъ съ ихъ стороны и изъ отвѣтовъ съ моей.

Недѣли черезъ двѣ (какъ и разсчитывалъ таможенный чиновникъ) пришелъ пакетъ изъ дворца. Въ немъ былъ приказъ препроводить меня съ моей свитой въ *Тральдрагдубъ* или *Трильдрогдрибъ* (ибо, насколько я могу припомнить, это слово произносится двояко), подъ коннымъ конвоемъ изъ десяти человѣкъ. Вся моя свита состояла изъ моего толмача, котораго я уговорилъ ѣхать со мной. По моей убѣдительной просьбѣ намъ обоимъ дали муловъ, такъ что мы могли совершить путешествіе безъ особенныхъ неудобствъ. Впередъ (за полъ дня до нашего отъѣзда) былъ отправленъ курьеръ, чтобы предувѣдомить короля о моемъ скоромъ прибытіи, и спросить отъ моего имени, „не соизволитъ ли его величество назначить день и часъ, когда я могъ бы имѣть

честь (буде на то послѣдуетъ его монаршая милость) подлизать прахъ у подножія его трона". Таковъ придворный языкъ въ королевствѣ Лугнагъ, и мнѣ вскорѣ пришлось убѣдиться, что выраженіе „подлизать прахъ" употребляется тамъ отнюдь не для проформы. Когда спустя два дня по пріѣздѣ моемъ въ Тральдрагдубъ я явился во дворецъ на пріемъ, то какъ только я вошелъ въ аудіенцъ-залу, мнѣ велѣли лечь на полъ ничкомъ и ползти на животѣ до самаго трона, подлизывая пыль по пути. И еще на мое счастье, во вниманіе къ тому, что я былъ чужестранецъ, позаботились подмести полъ, такъ что пыли было не слишкомъ много. Но это была особенная милость, которую здѣсь оказываютъ только самымъ высокопоставленнымъ лицамъ, когда они являются ко двору. А то бываетъ и такъ (когда у человѣка есть при дворѣ могущественные враги), что на полу нарочно насорятъ; я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ важный вельможа послѣ того, какъ представившись королю, онъ отползъ отъ трона на надлежащее разстояніе, не могъ выговорить ни одного слова,— до того у него ротъ былъ набитъ пылью. Но ужъ съ такого рода маленькими непріятностями лугнагцамъ приходится мириться, ибо плевать или вытирать ротъ въ присутствіи короля считается уголовнымъ преступленіемъ въ ихъ странѣ. Тамъ существуетъ еще одинъ обычай, котораго, признаюсь, я не могу одобрить. Когда королю приходитъ фантазія спровадить на тотъ свѣтъ деликатнымъ манеромъ кого-нибудь изъ приближенныхъ, онъ отдаетъ приказъ посыпать полъ аудіенцъ-залы какимъ-то коричневымъ порошкомъ, настолько ядовитымъ, что, подлизавъ его, человѣкъ умираетъ черезъ двадцать четыре часа. Но къ чести нынѣ царствующаго государя и чтобы читатель могъ оцѣнить великое его милосердіе и доброту, съ какою онъ печется о жизни своихъ подданныхъ (добродѣтель, которою смѣло могли бы позаимствоваться у него европейскіе короли), я долженъ оговориться, что послѣ каждой такой казни отдается строгій приказъ начисто отмывать зараженныя мѣста пола, и если слуги по небрежности не исполнятъ приказа, они рискуютъ навлечь на себя немилость короля. Я самъ слышалъ, какъ его величество приказывалъ высѣчь одного пажа за то, что тотъ, будучи дежурнымъ, не распорядился (по забывчивости, а можетъ быть и нарочно), чтобы вымыли полъ послѣ казни, хотя это была его прямая обязанность. Благодаря его небрежности или злобѣ, одинъ молодой лордъ, подававшій большія надежды, явившись на аудіенцію, отравился и умеръ, хотя въ тотъ разъ у короля и не было намѣренія лишить его жизни. Впрочемъ, великодушный монархъ простилъ бѣднягу пажа и отмѣнилъ порку послѣ того, какъ тотъ далъ ему слово не повторять такихъ продѣлокъ безъ именного на то указа короля.



Одинъ важный вельможа, представившись королю, не могъ выговорить ни слова, до того у него ротъ былъ набитъ пылью.

Но возвращаюсь къ моему разсказу. Я проползъ почти всю залу. Когда оставалось не болѣе четырехъ ярдовъ до трона, я тихонько приподнялся на колѣни и, положивъ передъ тономъ семь земныхъ поклоновъ, произнесъ слѣдующія слова, которымъ меня научили наканунѣ: „*Инкплингъ глофдробъ скунтъ серримъ блюпъ млягинальтъ звинъ тнэбдокефсіофодъ гэрдлсбъ ашть*“. Этой фразой по законамъ страны должны привѣтствовать монарха всѣ, кто является ко двору. Ее можно перевести приблизительно такъ: „Желаю Вашему Небесному Величеству пережить солнце на одиннадцать съ половиною лунъ“. Въ отвѣтъ на мое привѣтствіе король произнесъ нѣсколько словъ, и хотя я ихъ не понялъ, но тѣмъ не менѣе сказалъ, какъ меня научили: „*Флютъ дринъ ялерикъ дуэльдомъ престредъ мирпешъ*“ (буквально: „Мой языкъ во рту моего друга“). Это должно было означать, что я прошу допустить въ аудіенцъ-залу моего толмача. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ явился уже извѣстный читателю молодой человѣкъ, и черезъ его посредство я отвѣтилъ на всѣ вопросы, которые успѣлъ мнѣ предложить его величество, бесѣдовавшій со мной больше часа. Я говорилъ по бальнибарбски, а толмачъ переводилъ мою рѣчь на лугнагскій языкъ.

Король былъ въ восторгѣ отъ этой бесѣды и приказалъ своему *блифмарклубу* (т. е. великому канцлеру) отвести во дворцѣ помѣщеніе для меня и для моего толмача, а также выдавать мнѣ посуточно столовыя деньги и единовременно выдать крупную сумму золотомъ на мои карманные расходы.

Я прожилъ въ Лугнагѣ три мѣсяца, единственно изъ-за того, что король, которому благоугодно было почтить меня своимъ расположеніемъ, не желалъ меня отпускать, и я боялся обидѣть его ослушаніемъ. Его величество дѣлалъ мнѣ весьма лестныя предложенія, но я считалъ, что поступлю и благоразумнѣе, и честнѣе, если остатокъ моихъ дней проведу съ женой и дѣтьми.

ГЛАВА X.

Панегирикъ обитателямъ королевства Лугнагъ. —Подробная характеристика *струльбруговъ* и бесѣды о нихъ между авторомъ и многими высокопоставленными лицами.

Лугнагцы — обходительный и великодушный народъ. Если и нельзя сказать, чтобы они были вполнѣ свободны отъ высокомѣрія, свойственнаго всѣмъ восточнымъ народамъ, то во всякомъ случаѣ, они вѣжливы съ чужестранцами, особенно съ тѣми, которые встрѣчаютъ хорошій пріемъ при дворѣ. У меня было въ Лугнагѣ много знакомыхъ, все больше изъ великосвѣтскаго круга, а такъ какъ мнѣ повсюду сопутствовалъ мой толмачъ, то я проводилъ время довольно пріятно.

Какъ-то разъ, когда я сидѣлъ въ большомъ и избранномъ обществѣ, одна высокопоставленная особа спросила меня, „видалъ ли я когда-нибудь лугнагскихъ *струльдруговъ*“ (т. е. безсмертныхъ)? Я отвѣчалъ, что не видѣлъ, и попросилъ объяснить, что можетъ означать это слово въ примѣненіи къ смертнымъ существамъ. Тогда мой собесѣдникъ сказалъ: „У насъ случается иногда (хотя очень рѣдко), что въ семьѣ родится ребенокъ съ круглымъ краснымъ пятнышкомъ на лбу, какъ разъ надъ лѣвой бровью: такое пятнышко у новорожденнаго есть безошибочный признакъ того, что онъ никогда не умретъ. Вначалѣ оно бываетъ не больше самой маленькой серебряной монетки, но съ годами все увеличивается и мѣняетъ цвѣтъ. Къ двѣнадцати годамъ оно становится зеленымъ и остается зеленымъ до двадцати пяти лѣтъ, а съ этого возраста постепенно принимаетъ темно-синій оттѣнокъ. Къ сорока пяти годамъ оно чернѣетъ, какъ уголь, разростается до размѣровъ англійскаго шиллинга и въ такомъ видѣ остается уже навсегда. Но такія дѣти“, продолжалъ мой знакомый, „родятся такъ рѣдко, что, я думаю, у насъ во всемъ королевствѣ не наберется и тысячи *струльдруговъ* обоего пола. Изъ нихъ здѣсь, въ столицѣ, проживаетъ человѣкъ пятьдесятъ, и въ томъ числѣ одна

маленькая дѣвочка, родившаяся назадъ тому года три. Надо замѣтить, что эти рожденія не составляютъ исключительной особенности одной или нѣсколькихъ семей: они—дѣло случая, и даже дѣти самихъ *струльдбруговъ*, когда придетъ ихъ часъ, умираютъ наравнѣ со всѣми прочими смертными".

Признаюсь, выслушавъ этотъ разсказъ, я преисполнился неизъяснимымъ восторгомъ, а такъ какъ мой собесѣдникъ понималъ бальнибарбскій языкъ, на которомъ я говорилъ совершенно свободно, то я не могъ удержаться отъ изліянія своихъ чувствъ, быть можетъ, немного и преувеличенныхъ. Я восклицалъ въ экстазѣ: „Счастлива страна, гдѣ у каждаго ребенка есть, по крайней мѣрѣ, шансы на безсмертіе! Счастливъ народъ, имѣющій передъ собой столько живыхъ образцовъ доблести древнихъ, располагающій учителями, которые въ каждый данный моментъ могутъ наставлять его въ правилахъ мудрости, накопленной опытомъ всѣхъ минувшихъ вѣковъ! Но во сто разъ счастливѣе сами *струльдбруги*,—эти совершенныя существа, рождающіяся свободными отъ проклятія, которое тяготѣетъ надъ всею человѣческой расой: они безстрашны и вольны душой, ибо ихъ не гнететъ и не подавляетъ безпрерывное ожиданіе смерти". Затѣмъ я высказалъ свое удивленіе по поводу того, что „мнѣ до сихъ поръ не случилось встрѣтиться при дворѣ ни съ однимъ изъ этихъ необыкновенныхъ людей, ибо черное пятно на лбу", продолжалъ я,—„настолько рѣзкій отличительный признакъ, что я не могъ бы не замѣтить его, а между тѣмъ трудно допустить, чтобы вашъ государь — человѣкъ такого высокаго ума и здравыхъ понятій,—не позаботился окружить себя столь мудрыми и опытными совѣтчиками. Впрочемъ, быть можетъ, эти почтенные мудрецы такъ суровы въ своей добродѣтели, что не мирятся съ порочными и вольными нравами двора, а молодежь, какъ всѣ мы знаемъ по опыту, слишкомъ своевольна и вѣтрена, чтобы подчиниться волѣ старшихъ и слѣдовать ихъ разумнымъ совѣтамъ. Но все равно: коль скоро вашъ государь былъ такъ милостивъ, что допустилъ меня до своей монаршей особы, то при первомъ-же благопріятномъ случаѣ я съ полной откровенностью и подробно выскажу ему, черезъ толмача мое мнѣніе объ этомъ предметѣ, и, приметъ онъ или нѣтъ мой совѣтъ, я во всякомъ случаѣ твердо рѣшился воспользоваться милостивымъ предложеніемъ его величества, которое онъ мнѣ нѣсколько разъ повторялъ, и основаться на житье въ вашей странѣ: такимъ образомъ я буду имѣть счастье провести всю мою жизнь въ постоянномъ общеніи съ высшими безсмертными существами, если только они снизойдутъ до меня".

Сановникъ, къ которому была обращена моя рѣчь и который (какъ уже было упомянуто) говорилъ по бальнибарбски, отвѣтилъ

мнѣ съ легкой улыбкой—улыбкой состраданія къ невѣдѣнію профана,—что онъ „будетъ радъ всякой причинѣ, которая удержитъ меня между ними“, и затѣмъ попросилъ у меня позволенія пере-

Счастливъ народъ, имѣющій передъ собой столько живыхъ образцовъ доблести древнихъ

дать остальному обществу то, что я говорилъ. Когда онъ перевелъ мои слова своимъ соотечественникамъ, они что-то долго бесѣдо-

вали между собой на своемъ языкѣ. Я, конечно, не понялъ ни слова, да и по лицамъ ихъ не могъ догадаться, какое впечатлѣніе произвела на нихъ моя рѣчь. Когда всѣ замолчали, мой знакомый сказалъ мнѣ, что „его и мои друзья“ (какъ онъ счелъ нужнымъ выразиться) „остались очень довольны высказанными мною глубокими мыслями о великомъ благѣ и преимуществахъ безсмертія, но желали бы знать, какой планъ жизни я начерталъ бы для себя, если бы на мою долю выпало родиться безсмертнымъ“.

На это я отвѣтилъ: „Нетрудно быть краснорѣчивымъ, когда даютъ такую интересную и богатую тему, а тѣмъ болѣе мнѣ, такъ какъ я всегда любилъ мечтать, что бы я сдѣлалъ, если бы былъ королемъ, полководцемъ или могущественнымъ вельможей. Что же касается вопроса о безсмертіи, то я и раньше много о немъ размышлялъ, стараясь представить себѣ въ стройной системѣ, какой бы я избралъ родъ жизни и какъ бы проводилъ мое время, если бъ былъ увѣренъ, что никогда не умру.

„Итакъ, если бъ мнѣ судила судьба родиться *струльдбругомъ*, то какъ только, уразумѣвъ различіе между жизнью и смертью, я созналъ бы вполнѣ свое счастье, я во-первыхъ, всѣми правдами и неправдами постарался бы разбогатѣть. Неуклонно преслѣдуя эту цѣль, я могъ бы съ полнымъ основаніемъ разсчитывать, что лѣтъ черезъ двѣсти, при нѣкоторой бережливости и разумномъ веденіи своихъ дѣлъ, я сдѣлаюсь первымъ богачемъ въ королевствѣ. Во вторыхъ, съ самой ранней юности я прилежно изучалъ бы науки и такимъ образомъ съ теченіемъ времени превзошелъ бы ученостью всѣхъ людей. Наконецъ, я велъ бы подробную хронику всѣхъ, сколько нибудь важныхъ, общественныхъ событій и составлялъ бы безпристрастныя характеристики королей и министровъ всѣхъ поколѣній, основывая каждый выводъ на личныхъ моихъ наблюденіяхъ. Я аккуратно записывалъ бы всѣ перемѣны, которымъ подвергаются обычаи, языкъ, моды, пища и развлеченія въ каждой странѣ. Обладая такими универсальными свѣдѣніями, я былъ бы для моихъ соотечественниковъ живымъ кладеземъ знаній и мудрости и ужъ, конечно, сдѣлался бы оракуломъ своей родины.

„Переваливъ за шестьдесятъ лѣтъ, я никогда бы больше не женился и жилъ бы хоть и открыто, но не отступая отъ правилъ разумной экономіи. Я доставлялъ бы себѣ удовольствіе руководить образованіемъ подающихъ надежды молодыхъ людей, формировать ихъ понятія и, опираясь на многочисленные примѣры изъ личнаго своего опыта, наблюденій и воспоминаній, старался бы убѣдить ихъ въ необходимости и пользѣ добродѣтели какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Но самыми избранными и

постоянными моими собесѣдниками были бы мои братья *струльдбруги:* я выбралъ бы изъ нихъ человѣкъ двѣнадцать отъ самыхъ древнихъ стариковъ до моихъ сверстниковъ включительно. Если бы между ними оказались люди безъ средствъ, я устроилъ бы имъ удобное помѣщеніе въ своемъ имѣніи и приглашалъ бы ихъ къ своему столу. Изъ васъ же, смертныхъ, я водилъ бы хлѣбъ-соль лишь съ немногими умнѣйшими и лучшими людьми, да и тѣхъ, когда придетъ ихъ смертный часъ, я терялъ бы безъ сожалѣнія, ибо чувства мои закалились бы длиннымъ рядомъ прожитыхъ мною годовъ. Точно такъ же я относился бы и къ вашимъ потомкамъ: спокойнымъ окомъ созерцателя я слѣдилъ бы за вѣчной смѣной поколѣній, какъ человѣкъ, который любуется распустившимися у него въ саду тюльпанами и гвоздикой, ни мало не горюя о тѣхъ экземплярахъ, что цвѣли и завяли въ прошломъ году.

„*Струльдбруги* и я обмѣнивались бы наблюденіями и воспоминаніями по мѣрѣ накопленія ихъ, отмѣчали бы послѣдовательныя градаціи захвата міра порокомъ и ставили бы преграды на его пути, безпрерывно предостерегая отъ него нашихъ ближнихъ и наставляя ихъ въ добродѣтели. И, подкрѣпленныя могущественнымъ вліяніемъ нашего примѣра, эти предостереженія, по всей вѣроятности, остановили бы вырожденіе человѣческой расы, о которомъ такъ основательно сокрушалось человѣчество во всѣ времена.

„Прибавьте къ этому удовольствіе быть очевидцемъ всѣхъ крупныхъ событій: государственныхъ переворотовъ, паденія имперій, перемѣнъ во всѣхъ слояхъ общества, отъ высшихъ до низшихъ—удовольствіе видѣть, какъ большіе старинные города постепенно обращаются въ развалины, а глухія, безвѣстныя деревушки становятся резиденціями королей; какъ огромныя рѣки мельчаютъ и превращаются въ ручейки; какъ океанъ отступаетъ отъ однихъ береговъ и заливаетъ другіе; какъ открываютъ все новыя неизвѣстныя страны; какъ просвѣщеннѣйшіе народы мало-по-малу приходятъ въ состояніе варварства, а варварскія, дикія орды становятся цивилизованными націями. На моихъ глазахъ совершались-бы факты такого мірового значенія, какъ открытіе вѣчнаго движенія, жизненнаго элексира и множество другихъ, и были бы доведены до совершенства всѣ великія изобрѣтенія человѣческаго ума.

„А сколько великихъ открытій сдѣлали бы мы въ астрономіи, имѣя возможность самимъ провѣрять наши предсказанія, наблюдать всѣ движенія и періодическія возвращенія кометъ, всѣ измѣненія въ обращеніи солнца, луны и звѣздъ!“

Я еще долго развивалъ мою мысль, подкрѣпляя ее безчисленными примѣрами, которые въ изобиліи подсказывала мнѣ моя,

вполнѣ естественная, жажда вѣчной жизни и безконечнаго счастья на землѣ. Когда я кончилъ и общій смыслъ моей рѣчи былъ, какъ и раньше, переведенъ всѣмъ присутствующимъ, они опять заговорили между собой на своемъ языкѣ и говорили очень долго, посмѣиваясь—очевидно на мой счетъ. Наконецъ, тотъ самый вельможа, который взялся быть моимъ толмачемъ, сказалъ мнѣ, что „его соотечественники желали бы вывести меня изъ заблужденія, въ которое я впалъ по недомыслію, свойственному человѣческой природѣ, и въ которомъ поэтому я ужъ не такъ виноватъ". „Итакъ" продолжалъ онъ, „я долженъ вамъ объяснить, что *струльдбруги* составляютъ исключительную особенность нашей страны: такой человѣческой разновидности не встрѣчается ни въ Бальнибарби, ни въ Японіи. Я имѣлъ честь быть посломъ его величества въ обоихъ этихъ государствахъ, и тамъ никто не вѣритъ даже въ возможность существованія безсмертныхъ людей. Да и для васъ этотъ фактъ былъ совершенной новостью, судя по тому, какъ вы удивились и съ какимъ трудомъ повѣрили мнѣ, когда услышали о немъ отъ меня. Въ бытность мою въ двухъ упомянутыхъ королевствахъ я приходилъ въ соприкосновеніе съ множествомъ лицъ и могъ убѣдиться изъ собственныхъ наблюденій, что долгая жизнь, говоря вообще, есть главный предметъ человѣческихъ вожделѣній. Можно сказать, не боясь ошибиться, что каждый смертный, уже стоя одною ногою въ гробу, будетъ изо всѣхъ силъ упираться, чтобы не ступить туда и другой. Самый дряхлый старикъ цѣпляется за надежду прожить лишній день и смотритъ на смерть, какъ на величайшее зло, которое всѣ люди, повинуясь голосу природы, стараются отъ себя отдалить. И только мы, обитатели Лугнага, не знаемъ такой жажды жизни, потому-что у насъ всегда передъ глазами примѣръ безсмертія—*струльдбруги*.

„Позвольте вамъ замѣтить, что планъ жизни, который вы намѣчаете для себя, предполагая, что вы родились бы безсмертнымъ, невѣренъ и нелѣпъ, ибо онъ подразумѣваетъ вѣчную молодость, всегдашнюю наличность здоровья и силъ, на что не можетъ разсчитывать ни одинъ человѣкъ, какъ бы далеко ни заходили его желанія*). Вопросъ, значитъ, не въ томъ, хочетъ ли человѣкъ вѣчно

*) На это можно бы возразить, что „вѣчная молодость, всегдашняя наличность здоровья и силъ" были бы менѣе поразительнымъ чудомъ, чѣмъ безсмертіе организма, подвергающагося постепенному разрушенію, и что, слѣдовательно, разсчитывать на первое было бы во всякомъ случаѣ не большимъ безумiемъ и нелѣпостью, чѣмъ уповать на второе. Но дѣло въ то..ъ, что здѣсь выраженъ взглядъ существа, для котораго безсмертіе—обыкновенный фактъ, а вѣчная молодость—вещь небывалая, и которому поэтому

наслаждаться молодостью и сопутствующими ей здоровьемъ и благоденствіемъ, а въ томъ, какъ ему жить нескончаемой жизнью при томъ условіи, что онъ не избѣгнетъ обычныхъ невзгодъ, которыя приводитъ за собою старость. Я думаю, немногіе заявятъ желаніе быть безсмертными на такихъ тяжелыхъ условіяхъ, а между тѣмъ въ Японіи и въ Бальнибарби (какъ я уже говорилъ) мнѣ постоянно приходилось наблюдать это желаніе отстрочить часъ своей смерти, какъ бы поздно ни наступилъ этотъ часъ, и не помню, слыхалъ ли я когда-нибудь о такомъ человѣкѣ, который умиралъ бы охотно, если не считать немногихъ несчастныхъ, доведенныхъ до послѣдней степени отчаянія физическими страданіями или горемъ. Теперь скажите откровенно, не замѣчали ли вы того же въ вашемъ отечествѣ и вообще во всѣхъ странахъ, которыя вамъ пришлось посѣтить?“ *)

Послѣ этого предисловія онъ обстоятельно разсказалъ мнѣ, что такое *струльдбруги*. „Лѣтъ до тридцати“, (такъ началъ онъ свой разсказъ), „они обыкновенно живутъ, какъ всѣ смертные, а затѣмъ мало-по-малу впадаютъ въ меланхолію и апатію. Такое душевное состояніе продолжается у нихъ до восьмидесятилѣтняго возраста, усиливаясь съ каждымъ годомъ. Я это знаю отъ самихъ *струльдруговъ*, да и не могъ бы знать иначе, какъ отъ нихъ: вѣдь людей этой породы родится не болѣе двухъ, трехъ въ столѣтіе, и потому у насъ ихъ такъ мало, что изъ наблюденій надъ ними нельзя сдѣлать никакихъ общихъ выводовъ. Къ восьмидесяти годамъ (этотъ возрастъ считается въ нашей странѣ крайнимъ предѣломъ человѣческой жизни) *струльдруги* не только сла-

---

только желаніе вѣчной молодости можетъ казаться безразсуднымъ, такъ какъ только эта послѣдняя является для него фактически невозможной. *Гоксвортъ.*

*) Пожалуй скажутъ, что хотя авторъ прекрасно доказываетъ все безразсудство желанія продлить свою жизнь, не взирая на всѣ непріятности, сопряженныя съ наступленіемъ старости, но что при этомъ онъ безмолвно допускаетъ желаніе безсмертія на землѣ на такихъ условіяхъ, на которыхъ оно только и могло бы быть возможно при естественномъ порядкѣ вещей, т. е. на условіи устраненія болѣзней, несчастныхъ случайностей и постепеннаго разрушенія организма отъ времени. На это можно отвѣтить, что, старѣясь день за днемъ и часъ за часомъ, мы не замѣчаемъ, что старимся, а потому и не ропщемъ на это, и что хотя, вообще говоря, мы не боимся смерти въ далекомъ будущемъ и каждый изъ насъ, по всей вѣроятности, скажетъ, что онъ встрѣтитъ смерть съ радостью, когда превратится въ дряхлаго старика,—однако, когда наступаетъ этотъ періодъ, когда всѣ кругомъ видятъ, что онъ наступилъ, самъ человѣкъ все-таки продолжаетъ цѣпляться за жизнь и протестуетъ противъ условія, на которомъ онъ ее получилъ. Такимъ образомъ примирить старость съ мыслью о концѣ—вотъ, мнѣ кажется, все, что требуется для практическихъ цѣлей отъ писателя-моралиста.—*Гоксвортъ.*

бѣютъ умомъ, не только пріобрѣтаютъ всѣ немощи, свойственныя вообще старикамъ, но и много другихъ, вытекающихъ, какъ естественное послѣдствіе, изъ ужасной перспективы жить вѣчно. Они становятся не только сварливы, угрюмы, капризны, скупы, тщеславны и болтливы, но и совершенно неспособны къ дружбѣ; они умираютъ для всѣхъ человѣческихъ чувствъ, и родственныя ихъ привязанности никогда не распространяются дальше ихъ внуковъ. Безсильныя желанія и зависть—вотъ ихъ преобладающая страсть. И главные предметы этой зависти—порочныя удовольствія молодежи и смерть стариковъ. Размышляя о первыхъ, они живѣе сознаютъ, что у нихъ отнята возможность наслаждаться; видя похороны, они сѣтуютъ и ропщутъ на то, что другіе находятъ тихую пристань, къ которой сами они никогда не придутъ. Помнятъ они только то, что выучили, узнали или подмѣтили въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ, но даже и эти ихъ воспоминанія крайне неполны. Если же вы интересуетесь подробностями какого-нибудь факта, или вамъ нужно знать, дѣйствительно ли онъ совершился, то будетъ гораздо вѣрнѣе обратиться къ обыкновенному источнику —преданію, чѣмъ полагаться даже на наиболѣе сохранившіяся изъ ихъ воспоминаній. Самые счастливые (вѣрнѣе, наименѣе несчастные) изъ этихъ людей—это старики, впавшіе въ дѣтство: такіе возбуждаютъ больше жалости и сочувствія, ибо у нихъ нѣтъ многихъ сквернихъ качествъ, которыми переполнены остальные.

„Если случится, что *струльдбругъ* женится на женщинѣ одной съ нимъ породы, то по законамъ страны ихъ бракъ считается расторгнутымъ съ той минуты, какъ младшему изъ супруговъ исполнится восемьдесятъ лѣтъ. Такое снисхожденіе законъ признаетъ справедливымъ на томъ основаніи, что разъ ужъ человѣкъ, безъ всякой вины съ своей стороны, обреченъ на вѣчное пребываніе въ семъ мірѣ, то было бы жестоко усугублять его несчастіе вѣчной обузой въ лицѣ безсмертной жены.

„Съ восьмидесятилѣтняго возраста для *струльдбруга* наступаетъ гражданская смерть: его имущество переходитъ къ наслѣдникамъ, за исключеніемъ незначительной части, которая ассигнуется на его содержаніе. Неимущіе же содержатся на общественный счетъ. Послѣ восьмидесяти лѣтъ *струльдбруги* признаются неспособными занимать отвѣтственныя или доходныя мѣста, не имѣютъ права ни покупать, ни арендовать земли, не допускаются свидѣтелями ни по гражданскимъ, ни по уголовнымъ дѣламъ, ни въ тяжбахъ изъ-за межи.

Въ девяносто лѣтъ они теряютъ зубы и волосы, утрачиваютъ вкусовыя ощущенія и потому ѣдятъ и пьютъ все, что попало, не получая никакого удовольствія отъ процесса ѣды. Ихъ старческія

болѣзни и немощи остаются все въ одномъ видѣ, не усиливаясь и не ослабѣвая. Съ ними нельзя разговаривать, потому-что они забываютъ названія самыхъ обыкновенныхъ вещей и имена своихъ знакомыхъ, даже ближайшихъ друзей и родныхъ. По той же причинѣ они не могутъ читать: дойдя до конца фразы, они забываютъ начало. Такимъ образомъ единственное удовольствіе, которымъ они могли бы еще пользоваться, оказывается для нихъ недоступнымъ.

„Такъ какъ лугнагскій языкъ еще не установился, и формы его постоянно мѣняются, то *струльдбруги* одного столѣтія не понимаютъ *струльдбруговъ* другого, а проживъ лѣтъ за двѣсти, *струльдругъ* не можетъ вести сколько-нибудь обстоятельной бесѣды и съ окружающими его смертными. Такимъ образомъ каждаго *струльдруга* въ концѣ концовъ постигаетъ печальная участь быть чужестранцемъ въ своей странѣ“.

Вотъ все, насколько я могу припомнить, что мнѣ разсказали о представителяхъ этой странной породы людей. Послѣ того я видѣлъ пятерыхъ или шестерыхъ струльдбруговъ разнаго возраста (младшему изъ нихъ было не болѣе двухсотъ лѣтъ); мои знакомые приводили ихъ ко мнѣ въ разное время, и хотя, знакомя насъ другъ съ другомъ, имъ всякій разъ говорили, что я—„извѣстный путешественникъ, объѣхавшій весь свѣтъ“, они не проявили ни малѣйшаго любопытства, не предложили мнѣ ни одного вопроса и только просили „дать имъ *слумскудаскъ*“, т. е. подарить что-нибудь на память. Это у нихъ приличная форма попрошайничества, придуманная для обхода закона, который строго воспрещаетъ *струльдругамъ* просить милостыню, такъ какъ они состоятъ на иждивеніи государства, хотя—надо правду сказать—содержатся очень плохо.

Всѣ безъ изъятія ненавидятъ и презираютъ *струльдруговъ*. Рожденіе *струльдруга* считается дурнымъ предзнаменованіемъ и заносится въ особую книгу, такъ-что, чтобы узнать возрастъ любого изъ нихъ, стоитъ только заглянуть въ эту книгу. Впрочемъ, метрическіе списки *струльдруговъ* существуютъ не болѣе, какъ за тысячу лѣтъ; можетъ быть они велись и въ болѣе ранія времена, но износились отъ времени или были утеряны въ одну изъ смутныхъ эпохъ. Самое простое средство опредѣлить возрастъ *струльдруга*, это спросить его, какихъ онъ помнитъ королей или великихъ людей за всю свою жизнь, и затѣмъ справиться въ исторіи, ибо можно навѣрно сказать, что ему не было восьмидесяти лѣтъ, когда началъ царствовать послѣдній изъ оставшихся у него въ памяти королей.

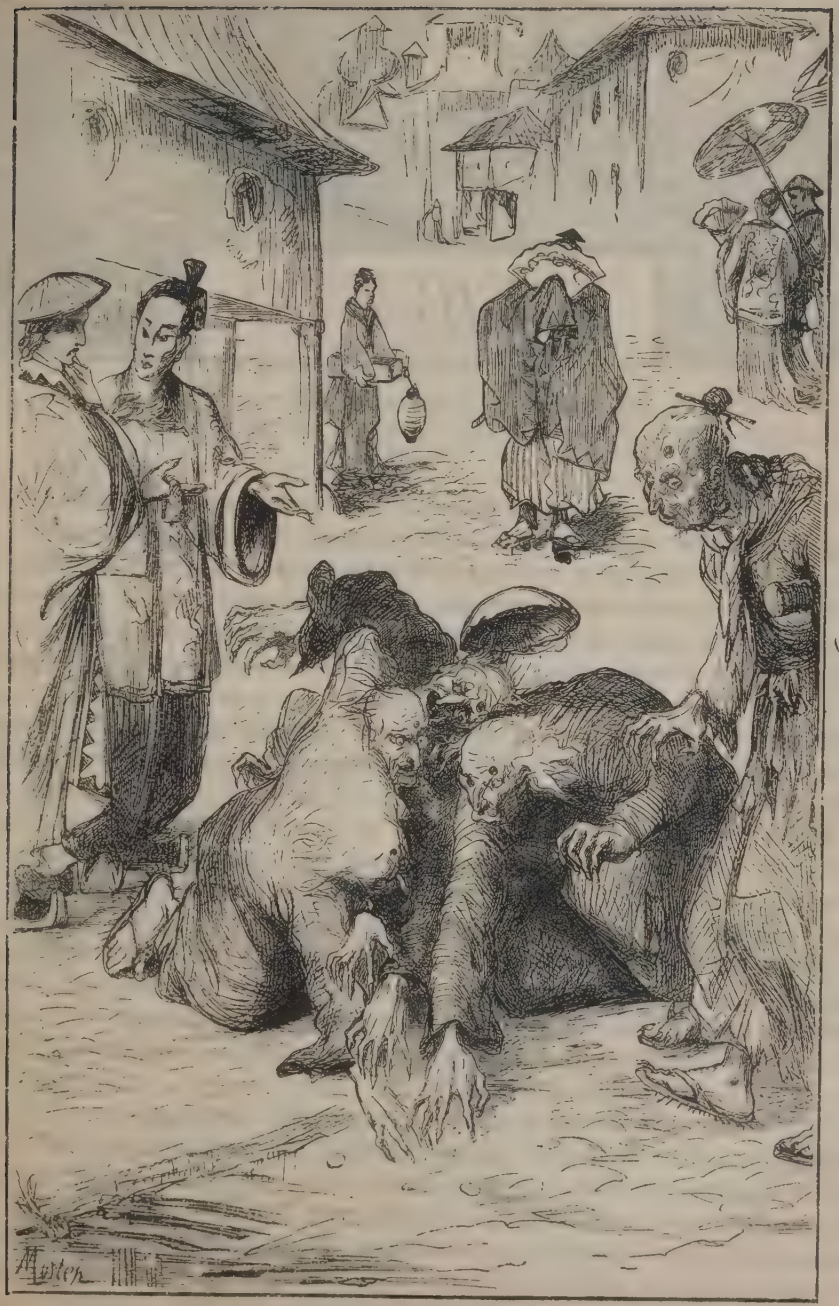
Струльдруги поражаютъ своимъ видомъ: я никогда не видалъ

болѣе удручающаго зрѣлища; и женщины еще страшнѣе мужчинъ. Помимо обыкновенныхъ изъяновъ и безобразія, присущихъ дряхлой старости, наружность этихъ людей пріобрѣтаетъ съ годами что-то призрачное, сверхъестественное, не поддающееся описанію, и это сходство съ привидѣніемъ все возрастаетъ по мѣрѣ накопленія лѣтъ. Изъ полдюжины *струльдбруговъ*, которыхъ ко мнѣ приводили, я сейчасъ же указалъ самаго стараго, хотя разница въ возрастѣ между каждыми двумя экземплярами была не болѣе одного, двухъ вѣковъ.

Полагаю, читателю будетъ нетрудно повѣрить, что послѣ всего, что я видѣлъ и слышалъ, моя страстная жажда безсмертія значительно ослабѣла. Отъ всей души устыдился я моихъ розовыхъ грезъ; мнѣ даже стало казаться, что нѣтъ такой лютой смерти, которой я бы не принялъ съ полной готовностью, лишь-бы избавиться отъ нескончаемой жизни.

Когда королю разсказали, какой разговоръ былъ у меня съ моими пріятелями, онъ долго и весьма остроумно подтрунивалъ надо мной. Онъ сказалъ между прочимъ, что было бы очень недурно послать ко мнѣ на родину парочку *струльдруговъ*, чтобы помочь моимъ соотечественникамъ освободиться отъ страха смерти Но къ сожалѣнію, основной законъ королевства Лугнагъ воспрещаетъ вывозъ *струльдруговъ*, а то я бы охотно взялъ на себя всѣ хлопоты и расходы по перевозкѣ.

Нельзя не признать, что законы касательно *струльдруговъ*, дѣйствующіе въ описываемомъ королевствѣ, въ высшей степени разумны и справедливы, и что всякое другое государство, при подобныхъ обстоятельствахъ, было бы вынуждено прибѣгнуть къ такимъ же законодательнымъ мѣрамъ. И въ самомъ дѣлѣ, лугнагцамъ пришлось бы очень плохо, если бъ законъ не оградилъ ихъ отъ ихъ безсмертныхъ земляковъ: такъ напримѣръ, извѣстно, что скупость есть неизбѣжный аттрибутъ старости, а потому, если бы имущественныя права *струльдруговъ* не были ограничены возрастомъ, они завладѣли бы всѣми богатствами страны и, благодаря этому, захватили бы политическую власть, что, при ихъ полной неспособности къ управленію, неминуемо погубило бы весь народъ.



Я никогда не видалъ болѣе удручающаго зрѣлища.

ГЛАВА XI.

Авторъ покидаетъ Лугнагъ и отплываетъ въ Японію; изъ Японіи идетъ на голландскомъ кораблѣ въ Амстердамъ, а изъ Амстердама возвращается въ Англію.

Я полагаю, что мой разсказъ о *струльдбругахъ* заинтересуетъ читателя, какъ несовсѣмъ обыкновенный; по крайней мѣрѣ я не припомню, чтобы мнѣ попадалось что-нибудь въ этомъ родѣ въ описаніяхъ путешествій, которыя я читалъ; если же я ошибаюсь, если мой разсказъ не представляетъ ничего новаго, то, я надѣюсь, читатель меня извинитъ: вѣдь у путешественниковъ, описывающихъ одну и ту же страну, неизбѣжно должны встрѣчаться однѣ и тѣ же подробности, и за это мы еще не въ правѣ упрекать въ заимствованіяхъ или въ литературномъ воровствѣ тѣхъ изъ нихъ, которые писали позднѣе.

Между королевствомъ Лугнагъ и великой Японской имперіей существуютъ постоянныя торговыя сношенія, и потому весьма вѣроятно, что у японскихъ писателей можно найти кое-что о *струльдбругахъ*. Но мое пребываніе въ Японіи было весьма непродолжительно; къ тому-же я совершенно не знаю японскаго языка, такъ-что и не могъ навести объ этомъ какихъ-либо справокъ. Но я надѣюсь, что голландцы, прочитавъ мою книгу, полюбопытствуютъ разслѣдовать этотъ вопросъ и исправятъ мою ошибку, если я дѣйствительно ошибаюсь.

Его величество много разъ уговаривалъ меня принять какое-нибудь мѣсто при лугнагскомъ дворѣ, но, убѣдившись, что мое рѣшеніе вернуться на родину неизмѣнно, былъ такъ милостивъ что выдалъ мнѣ формальное дозволеніе на отъѣздъ и далъ рекомендательное письмо къ японскому императору за собственноручной подписью и съ приложеніемъ королевской печати. Кромѣ того онъ подарилъ мнѣ четыреста сорокъ четыре крупныя золотыя монеты (лугнагцы питаютъ пристрастіе къ четнымъ числамъ)

и красный алмазъ, который я продалъ въ Англіи за тысячу сто фунтовъ стерлинговъ.

6-го мая 1709 года я торжественно простился съ королемъ и со всѣми моими друзьями въ Лугнагѣ. Его величество милостиво соизволилъ назначить мнѣ почетный эскортъ, который и проводилъ меня до Глангенстальда, приморскаго порта на юго-западной оконечности острова. Черезъ шесть дней я сѣлъ на корабль, отходившій въ Японію. Мы пробыли въ плаваніи пятнадцать дней, а на шестнадцатый бросили якорь въ гавани маленькаго приморскаго городка Ксамоши, расположеннаго въ юго-восточной части японской имперіи. Городъ построенъ на западномъ берегу узкаго пролива, который тянется съ юга на сѣверъ и по которому суда входятъ въ длинную бухту. Въ сѣверо-западномъ углу этой бухты стоитъ Іедо, столица имперіи.

Высадившись на берегъ, я показалъ таможеннымъ чиновникамъ бывшее со мной рекомендательное письмо. Они сейчасъ же признали печать лугнагскаго короля. Это была большая печать (приблизительно съ ладонь моей руки) съ оттиснутымъ на ней изображеніемъ короля, помогающаго хромому нищему подняться съ земли. Городскія власти, узнавъ о моемъ рекомендательномъ письмѣ, приняли меня, какъ министра: прислали мнѣ экипажи, прислугу, и доставили меня въ Іедо на казенный счетъ. Въ Іедо я получилъ аудіенцію у императора и вручилъ ему мое письмо. Оно было распечатано съ большими церемоніями и переведено императору собственнымъ его величества толмачемъ. Затѣмъ черезъ того же толмача императоръ соизволилъ мнѣ сказать, чтобы я „изложилъ свою просьбу, и въ чемъ бы она ни заключалась, она будетъ исполнена во вниманіе къ рекомендаціи его августѣйшаго брата лугнагскаго короля". Придворному толмачу по его обязанности постоянно приходилось имѣть дѣло съ голландцами, и, заключивъ по моему лицу, что я—европеецъ, онъ передалъ мнѣ слова его величества на нижне-голландскомъ нарѣчіи (на которомъ, въ скобкахъ сказать, онъ говорилъ превосходно). Я отвѣчалъ, какъ у меня было заранѣе рѣшено, что я—„голландскій купецъ", что „мой корабль разбился у береговъ отдаленной страны, откуда я моремъ и сушей добрался сначала въ Лугнагъ, а затѣмъ въ Японію" „Я зналъ" прибавилъ я, „что мои соотечественники ведутъ торговлю съ этой имперіей, и надѣялся, что мнѣ представится случай возвратиться въ Европу съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Поэтому обращаюсь къ Вашему Величеству съ смиренной просьбой оказать мнѣ великую милость,—распорядиться, чтобы меня доставили въ Нангасаки". Въ заключеніе я выразилъ надежду, что „ради моего покровителя, лугнагскаго, короля, его величество со бла-

Чиновники сейчасъ же узнали печать тугнагскаго короля.

говолитъ освободить меня отъ выполненія церемоніи *попранія ногами креста*, ибо хотя мои соотечественники, высаживаясь на японскіе берега, обязательно должны продѣлывать эту церемонію *), но отъ меня нельзя этого требовать, такъ какъ я явился въ Японію не съ коммерческими цѣлями, а былъ заброшенъ въ нее моею злою судьбой". Когда императору перевели эту послѣднюю мою просьбу, онъ былъ замѣтно удивленъ и сказалъ мнѣ: „Кажется, вы первый изъ вашихъ соотечественниковъ проявляете такую щепетильность по этому пункту, такъ-что я начинаю даже сомнѣваться, дѣйствительно ли вы голландецъ, хотя и вижу, что вы христіанинъ. Какъ бы то ни было, на основаніи приведенныхъ вами причинъ, а главное, желая почтить монарха королевства Лугнагъ доказательствомъ моего особаго къ нему благоволенія, я готовъ исполнить вашъ странный капризъ. Но только имѣйте въ виду, что тутъ надо дѣйствовать крайне осторожно. Моимъ чиновникамъ будетъ отданъ приказъ, чтобы, пропуская васъ на корабль безъ предварительнаго выполненія вами вышесказанной церемоніи, они сдѣлали это какъ будто по забывчивости, ибо могу васъ увѣрить, что если только ваши соотечественники голландцы проникнутъ въ вашъ секретъ, они перерѣжутъ вамъ горло во время пути". Я поблагодарилъ его величество черезъ толмача за оказанную мнѣ необычайную милость, и такъ какъ въ это время часть императорскихъ войскъ должна была выступить въ Нангасаки, то командующій отрядомъ, вмѣстѣ съ предписаніемъ препроводить меня въ этотъ городъ въ полной сохранности, получилъ подробныя инструкціи относительно того, какъ ему дѣйствовать, чтобы освободить меня отъ церемоніи съ крестомъ, не подвергая въ то же время опасности со стороны голландцевъ.

9-го іюня 1709 года послѣ очень долгаго и утомительнаго путешествія я прибылъ въ Нангасаки. Здѣсь я въ скоромъ времени познакомился съ голландскими моряками изъ экипажа *Амбоины*, большого корабля въ 450 тоннъ, прибывшаго изъ Амстердама. Я долго жилъ въ Голландіи, когда учился въ Лейденѣ, и хорошо говорю по голландски. Мои новые знакомцы какимъ-то образомъ узнали, что я пріѣхалъ изъ Лугнага, и стали съ любопытствомъ

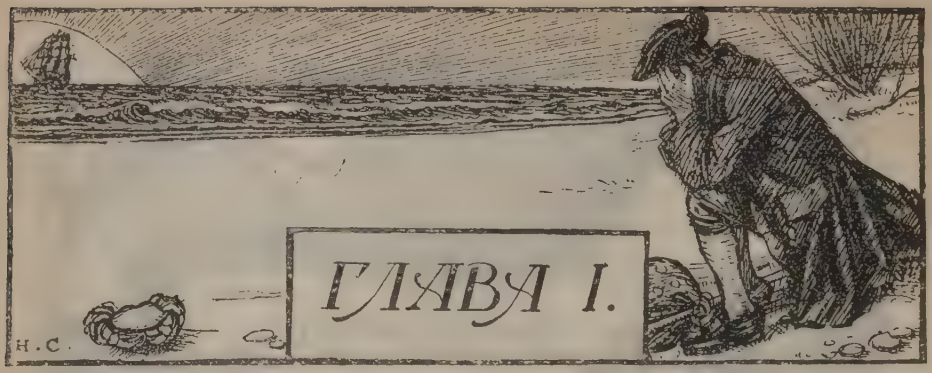
*) Здѣсь Свифтъ передастъ ошибочное, но очень распространенное въ его время убѣжденіе, что голландскіе купцы, по прибытіи въ Японію, были обязаны попирать ногами крестъ. Несомнѣнно однако, что испанскіе миссіонеры возбуждали страшную подозрительность и ненависть къ христіанской религіи. Каждый японецъ, занимавшій какое-нибудь мѣсто въ голландской факторіи былъ обязанъ два или три раза въ годъ давать торжественную клятву въ своемъ отреченіи отъ Христа и въ ненависти къ христіанской религіи, при чемъ попиралъ ногами крестъ. Этотъ обрядъ вѣроятно и послужилъ Свифту темой для описаннаго эпизода.

разспрашивать меня о моихъ путешествіяхъ и родѣ занятій. Я разсказалъ имъ кое-что въ короткихъ словахъ, и по возможности правдоподобно, но скрылъ бо́льшую часть моихъ похожденій. Я зналъ въ Голландіи много народу, и мнѣ было нетрудно придумать голландскую фамилію для моихъ родителей, которыхъ я аттестовалъ, какъ „простыхъ, темныхъ людей", проживавшихъ въ провинціи Гвельдерландъ. Я охотно заплатилъ бы какую угодно сумму денегъ за свой проѣздъ до Голландіи, но капитанъ *Амбоины* — нѣкто Теодоръ Вангрультъ, — узнавъ отъ меня о моей профессіи, самъ предложилъ, что возьметъ съ меня только половину обыкновенной пассажирской платы съ тѣмъ условіемъ, чтобы я исполнялъ на его кораблѣ обязанности врача. Прежде еще, чѣмъ я перебрался на корабль, матросы нѣсколько разъ меня спрашивали, исполнилъ ли я уже извѣстную читателю церемонію съ крестомъ. Я обходилъ этотъ вопросъ, отдѣлываясь неопредѣленными фразами въ родѣ: „Да, я исполнилъ всѣ требованія императора и двора". И вотъ, какъ-то разъ одинъ зловредный негодяй изъ корабельной команды, поговоривъ со мной, подошелъ къ японскому чиновнику, показалъ ему на меня и сказалъ: „А вѣдь онъ еще не топталъ ногами креста"; но чиновникъ, получившій инструкцію пропустить меня безъ задержекъ, всыпалъ этому канальѣ двадцать палокъ, послѣ чего меня уже больше не безпокоили никакими вопросами.

При переѣздѣ въ Голландію со мной не случилось ничего такого, о чемъ бы стоило упоминать. Мы шли попутнымъ вѣтромъ до самаго Мыса Доброй Надежды, гдѣ остановились ненадолго, только чтобы запастись свѣжей водой. 10-го апрѣля 1710 года мы благополучно прибыли въ Амстердамъ, потерявъ въ пути всего четырехъ человѣкъ, изъ коихъ трое умерли отъ болѣзней, а четвертый упалъ съ мачты въ море при переходѣ черезъ Гвинейскій заливъ. Изъ Амстердама я вскорѣ отплылъ въ Англію на одномъ изъ мелкихъ амстердамскихъ судовъ.

16-го апрѣля мы бросили якорь въ Даунсѣ. На другой день поутру я сошелъ на берегъ и еще разъ увидѣлъ родную страну, которую покинулъ ровно за пять лѣтъ и шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Я отправился прямо въ Редрифъ, куда пріѣхалъ въ тотъ же день въ два часа пополудни и гдѣ засталъ въ добромъ здоровьѣ и жену, и дѣтей.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ СТРАНУ
ГУИГНГНМОВЪ



Авторъ пускается въ море въ качествѣ капитана корабля.—Экипажъ корабля составляетъ противъ него заговоръ: долгое время его держатъ плѣнникомъ въ собственной его каютѣ и, наконецъ, высаживаютъ на берегъ въ неизвѣстной странѣ.—Описаніе *Яу*—животнаго невиданной породы —Авторъ встрѣчаетъ двухъ Гуингнамовъ.

Рискуя заслужить презрѣніе читателя за мои бродяжническія наклонности, я тѣмъ не менѣе долженъ сознаться, что пережитыя мною и описанныя въ предыдущихъ частяхъ этой книги опасности ничуть не охладили моей страсти къ приключеніямъ. Около пяти мѣсяцевъ прожилъ я дома съ женой и дѣтьми и, вѣроятно, почиталъ бы себя счастливымъ человѣкомъ, если бы опытъ научилъ меня своевременно понимать, гдѣ мнѣ хорошо. Но я опять пустился странствовать по свѣту, оставивъ беременной мою бѣдную жену: я соблазнился выгоднымъ предложеніемъ принять командованіе кораблемъ *Приключеніе*, большимъ торговымъ судномъ въ 350 тоннъ Морское дѣло я зналъ хорошо, а такъ какъ обязанности корабельнаго врача порядкомъ мнѣ надоѣли, то хоть я и рѣшилъ, что буду исполнять ихъ при случаѣ, но все-таки взялъ на корабль знающаго спеціалиста этой профессіи, молодого человѣка по имени Робертъ Пьюрфой.

7-го сентября 1710 года мы вышли изъ Портсмута, а 14-го встрѣтили у Тенерифа капитана Покока, направлявшагося изъ Бристоля въ бухту Кампеши за сандальнымъ деревомъ. 16-го насъ съ нимъ разлучила сильная буря, а по возвращеніи на родину я узналъ, что корабль его потонулъ, и изъ всего экипажа спасся только каютъ-юнга. Капитанъ Пококъ былъ честный человѣкъ и хорошій морякъ, немного только черезчуръ самоувѣренный въ своихъ мнѣніяхъ. Это-то и было причиной его гибели, какъ и многихъ людей: если бы тогда онъ принялъ мой совѣтъ, онъ, можетъ быть, сидѣлъ бы теперь дома въ кругу семьи, какъ я, здравый и невредимый.

У меня на кораблѣ умерло нѣсколько человѣкъ отъ горячки, и я былъ принужденъ пополнить свой экипажъ новобранцами съ Барбадосскихъ и Подвѣтренныхъ острововъ, куда мнѣ все равно нужно было зайти по маршруту, который я получилъ отъ хозяевъ моего корабля. Но скоро мнѣ пришлось раскаяться, что я взялъ этихъ людей: большинство изъ нихъ, какъ потомъ оказалось, были буканьеры *). Всей команды у меня было пятьдесятъ человѣкъ. По даннымъ мнѣ инструкціямъ я долженъ былъ завязать торговыя сношенія съ индѣйцами Южнаго океана и, если удастся, открыть новыя земли. По наущенію бездѣльниковъ, которыхъ я подобралъ на Барбадосскихъ и Подвѣтренныхъ островахъ, моя команда составила заговоръ овладѣть кораблемъ, лишивъ меня свободы. Въ одно прекрасное утро нѣсколько человѣкъ ворвались въ мою каюту и связали меня по рукамъ и по ногамъ, угрожая выбросить за бортъ, если я вздумаю сопротивляться. Конечно я сказалъ имъ, что я—„ихъ плѣнникъ и покорюсь всѣмъ ихъ требованіямъ“. Тогда они заставили меня поклясться, что я не нарушу моего обѣщанія; потомъ развязали меня, приковали за ногу цѣпью къ ножкѣ кровати и оставили въ каютѣ одного, приставивъ къ дверямъ часового съ заряженнымъ ружьемъ и приказавъ ему застрѣлить меня наповалъ при первой же моей попыткѣ освободиться.

Такимъ образомъ разбойники сдѣлались полными хозяевами корабля. Они имѣли въ виду заняться грабежемъ испанскихъ владѣній въ Вестъ-Индіи, но для того, чтобы осуществить этотъ планъ, нужно было имѣть больше людей. Поэтому они рѣшили распродать сначала бывшіе на кораблѣ товары, а потомъ уже итти на Мадагаскаръ и навербовать тамъ новыхъ матросовъ (надо замѣтить, что со дня моего ареста у нихъ умерло еще нѣсколько человѣкъ). Корабль нашъ плавалъ нѣсколько недѣль, пока разбойники торговали съ индѣйцами; но я не зналъ, куда мы держимъ курсъ, потому-что все это время просидѣлъ подъ замкомъ въ своей каютѣ, куда мнѣ присылали ѣду и питье. Я даже не разсчитывалъ остаться въ живыхъ, такъ какъ мнѣ поминутно угрожали смертью.

9-го мая 1711 года нѣкто Джемсъ Вельчъ вошелъ ко мнѣ въ каюту и объявилъ, что „по приказанію капитана онъ долженъ высадить меня на берегъ“. Я умолялъ его сжалиться надо мной, но тщетно: онъ даже не хотѣлъ мнѣ сказать, кто ихъ новый капитанъ. Меня насильно посадили въ баркасъ, позволивъ мнѣ,

*) Такъ назывались морскіе разбойники, опустошавшіе берега Вестъ Индскихъ острововъ.—*Гоксвортъ.*

впрочемъ, надѣть мое лучшее новое платье и взять съ собой немного бѣлья. Оружіе у меня все отобрали, за исключеніемъ кортика, но были такъ любезны, что не обыскивали моихъ кармановъ, такъ-что всѣ мои деньги и кой-какія мелочи изъ самаго необходимаго остались при мнѣ. Пройдя на веслахъ около трехъ миль, баркасъ остановился у отмели, которою заканчивался низкій берегъ, виднѣвшійся въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди. Я просилъ сказать мнѣ, какая это земля, но разбойники поклялись, что они „знаютъ объ этомъ не больше меня“, прибавивъ, что ихъ „капитанъ“ (какъ они его называли) „твердо рѣшилъ, какъ только распродастъ всѣ товары, отдѣлаться отъ меня, высадивъ меня на первую землю, какая имъ встрѣтится по пути“. Затѣмъ, посовѣтовавъ мнѣ не терять времени, если я не хочу быть застигнутымъ приливомъ, они оттолкнулись отъ отмели и были таковы.

Я направился къ берегу и скоро выбрался на сухую землю. Здѣсь я присѣлъ отдохнуть и поразмыслить, что мнѣ предпринять въ моемъ отчаянномъ положеніи. Подкрѣпившись отдыхомъ, я снова побрелъ въ глубь страны съ твердымъ рѣшеніемъ отдаться въ руки первымъ дикарямъ, которыхъ встрѣчу по дорогѣ, и купить у нихъ свою жизнь цѣною бывшихъ со мной браслетъ, стеклянныхъ колецъ и другихъ побрякушекъ, которыми всегда запасаются моряки, отправляясь въ дальнее плаваніе.

Окрестная мѣстность была покрыта длинными неправильными рядами деревьевъ, насажденныхъ, очевидно, самой природой. Повсюду кругомъ росла густая трава; мѣстами виднѣлись поля съ высокими всходами овса. Я шелъ съ большими предосторожностями, безпрестанно озираясь по сторонамъ, потому-что боялся, какъ бы дикари не напали на меня врасплохъ или, подкравшись сзади, не подстрѣлили бы меня изъ лука. Но вотъ я вышелъ на дорогу: на ней виднѣлось много человѣческихъ слѣдовъ; были слѣды и отъ коровьихъ копытъ, но больше всего лошадиныхъ. Вдругъ я увидѣлъ въ полѣ какихъ-то животныхъ: два или три экземпляра той же породы сидѣло на деревьяхъ. Это были очень странные и необыкновенно безобразные звѣри, такъ-что, увидѣвъ ихъ, я, признаюсь, немного струхнулъ. Я спрятался за кустъ и сталъ за ними наблюдать. Нѣсколько штукъ подошло довольно близко къ мѣсту моей засады, такъ-что я имѣлъ возможность хорошо ихъ разсмотрѣть. Голова и грудь у нихъ покрыты густыми волосами,— у однихъ курчавыми, у другихъ совершенно прямыми. Всѣ самцы съ бородой, какъ козлы; вдоль хребта, по спинѣ, у нихъ тянется узенькая грядка волосъ; ляжка, голень и ступня спереди также обросли волосами, но остальное тѣло голое, такъ-что я могъ разсмотрѣть, что кожа у нихъ грубая, желтовато-бураго цвѣта.

Хвоста нѣтъ; задняя часть тѣла лишена всякой растительности, и только отверстіе задняго прохода окаймлено кольцомъ волосъ: должно быть, заботливая природа помѣстила ихъ въ этомъ мѣстѣ, чтобы предохранить отъ засоренія прямую кишку животнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда оно сидитъ на землѣ, ибо сидячее положеженіе—самое привычное у этой породы животныхъ. Иногда они, впрочемъ, лежатъ и очень часто становятся на заднія лапы. По деревьямъ они лазаютъ, какъ бѣлки, благодаря крѣпкимъ, острымъ, крючковатымъ когтямъ, которыми вооружены ихъ заднія и переднія лапы; скачутъ и прыгаютъ съ изумительной легкостью. Самки меньше самцовъ. Волосы на головѣ у нихъ длинные и прямые, но лицо безволосое, а остальное тѣло (кромѣ заднепроходнаго отверстія и дѣторолныхъ частей, обросшихъ волосами) покрыто мягкимъ пушкомъ. Когда онѣ ходятъ, ихъ груди висятъ между передними лапами и у иныхъ достаютъ почти до земли. Какъ у самокъ, такъ и у самцовъ, волосы бываютъ разнаго цвѣта, отъ чернаго и каштановаго до красноватаго и свѣтло-желтаго включительно. Вообще могу сказать одно: за всѣ мои путешествія я ни разу не встрѣчалъ породы животныхъ, которыя возбуждали бы такое омерзѣніе съ перваго же взгляда.

Досыта насмотрѣвшись на этихъ гнусныхъ тварей, исполненный отвращенія и ненависти къ нимъ, я вышелъ изъ своей засады и пошелъ по дорогѣ, въ надеждѣ, что она приведетъ меня къ жилью какого нибудь индѣйца. Но не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ увидалъ, что по той же дорогѣ, прямо на меня, идетъ одно изъ только-что описанныхъ животныхъ. Замѣтивъ меня, отвратительный звѣрь принялся выдѣлывать самыя невозможныя гримасы и таращить на меня глаза, очевидно пораженный моимъ обликомъ, какъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, чего онъ никогда еще не видалъ. Поровнявшись со мной, онъ поднялъ переднюю лапу (хотѣлъ-ли онъ дотронуться до меня изъ любопытства или учинить мнѣ какую-нибудь пакость—навѣрно не могу сказать); но я выхватилъ кортикъ и нанесъ имъ чудовищу хорошій ударъ плашмя по головѣ: я не посмѣлъ ударить остріемъ, боясь, что жители этой страны могутъ на меня разсердиться, если узнаютъ, что я убилъ или искалѣчилъ одну штуку ихъ домашняго скота. Почувствовавъ боль отъ удара, животное отскочило назадъ и заревѣло такъ громко, что съ сосѣдняго поля сбѣжалось цѣлое стадо (по меньшей мѣрѣ штукъ сорокъ) этихъ звѣрей. Съ дикимъ воемъ и отвратительно гримасничая, они подступили ко мнѣ; но я успѣлъ добѣжать до толстаго стараго дерева и, прислонившись спиной къ его стволу, сталъ отмахиваться отъ нихъ моимъ кортикомъ. Тогда нѣсколько представителей этой проклятой породы,

зайдя мнѣ за спину, взобрались по вѣткамъ на мое дерево и принялись выпускать сверху мнѣ на голову свои экскременты. Правда, на меня почти ничего не попало, такъ какъ я принялъ предосторожность покрѣпче прижаться къ стволу, но зловоніе отъ падавшихъ со всѣхъ сторонъ нечистотъ едва не задушило меня.

Мое критическое положеніе разрѣшилось благополучно: враги мои, чего-то вдругъ испугавшись, соскочили съ дерева, и все стадо пустилось бѣжать со всѣхъ ногъ. Тогда я рѣшился отойти отъ дерева и продолжалъ свой путь, недоумѣвая, что могло такъ напугать этихъ животныхъ. Но, случайно бросивъ взглядъ налѣво, я увидалъ, что по полю идетъ лошадь: она-то и была причиной бѣгства моихъ мучителей, замѣтившихъ ее раньше меня. Когда лошадь, подойдя ближе, различила очертанія моей фигуры, она отъ неожиданности слегка вздрогнула, но сейчасъ же оправилась и поглядѣла прямо мнѣ въ лицо, обнаруживая всѣ признаки крайняго изумленія. Она обошла вокругъ меня нѣсколько разъ, разглядывая мои руки и ноги. Я пошелъ было дальше, но она загородила мнѣ дорогу, хотя смотрѣла на меня очень кротко и не покушалась прибѣгнуть къ насилію. Довольно долго стояли мы такимъ образомъ, глядя другъ на друга; наконецъ, я набрался храбрости и, тпрукая и присвистывая, какъ это дѣлаютъ жокеи, когда подходятъ къ незнакомому коню, протянулъ руку, чтобы потрепать животное по шеѣ. Но лошадь приняла мою любезность съ явнымъ презрѣніемъ: тряхнула головой, сдвинула брови и, приподнявъ правую переднюю ногу, легонько отвела прочь мою руку. Потомъ она заржала. Она принималась ржать раза три или четыре, и въ тонѣ этого ржанья было такое разнообразіе оттѣнковъ, что я невольно подумалъ: „Ужъ не разговариваетъ ли она сама съ собой на лошадиномъ языкѣ?“

Покуда мы такимъ образомъ были заняты другъ другомъ, къ намъ подошла другая лошадь. Произошла церемонная встрѣча знакомыхъ: оба коня разомъ приподняли правую переднюю ногу, и каждый тихонько постучалъ копытомъ о копыто пріятеля. При этомъ и тотъ и другой ржали попеременно, такъ искусно варьируя звуки, что они казались почти членораздѣльными. Потомъ оба отошли на нѣсколько шаговъ въ сторону и принялись прохаживаться рядомъ взадъ и впередъ, какъ это дѣлаютъ люди, когда имъ нужно побесѣдовать о важномъ дѣлѣ. Однако за разговоромъ они не забывали поглядывать на меня, какъ будто боялись, чтобъ я не убѣжалъ. Такое осмысленное поведеніе со стороны неразумныхъ животныхъ поразило меня, и, размышляя о немъ, я говорилъ себѣ, что если аборигены этой страны настолько же умнѣе своихъ животныхъ, насколько мы умнѣе своихъ, они должны быть

Лошадь приняла мою любезность съ явнымъ презрѣніемъ.

самымъ мудрымъ народомъ на земномъ шарѣ. Эта мысль такъ меня успокоила, что я рѣшилъ предоставить лошадямъ бесѣдовать на свободѣ и продолжать путь, пока мнѣ не попадется какой-нибудь домикъ или деревня, или не повстрѣчается кто-нибудь изъ туземцевъ. Но первый конь—сѣрый въ яблокахъ,—замѣтивъ, что я ухожу, заржалъ мнѣ въ догонку такимъ выразительнымъ тономъ, что, мнѣ казалось, я понялъ, что онъ хотѣлъ мнѣ сказать: я воротился назадъ и остановился, ожидая дальнѣйшихъ приказаній и всѣми силами стараясь скрыть свой страхъ, потому-что, долженъ признаться, я начиналъ не на шутку побаиваться за исходъ моего приключенія и (какъ, вѣроятно, легко повѣритъ читатель) былъ не особенно доволенъ положеніемъ, въ которое попалъ.

Оба коня подошли ко мнѣ вплотную и принялись внимательно осматривать мои руки и лицо. Сѣрый въ яблокахъ приподнялъ правую переднюю ногу и провелъ копытомъ по тульѣ моей шляпы, вслѣдствіе чего шляпа съѣхала на лобъ, такъ-что я принужденъ былъ снять ее и снова надѣть. Это видимо поразило и сѣраго, и его товарища (каурой масти): послѣдній потрогалъ фалду моего камзола, и, когда оказалось, что онъ виситъ на мнѣ совершенно свободно, лошади многозначительно переглянулись, выражая знаками свое изумленіе. Потомъ каурый погладилъ мою правую руку, очевидно восхищаясь мягкостью и цвѣтомъ кожи; но, желая поднести ее поближе къ глазамъ, онъ такъ крѣпко зажалъ ее между копытомъ и бабкой, что я буквально взвылъ отъ боли, послѣ чего оба коня, дотрогиваясь до меня, старались дѣлать это какъ можно нѣжнѣе. Въ большое недоумѣніе привели ихъ также мои башмаки и чулки: они поминутно щупали ихъ и что-то ржали другъ другу, сопровождая свою рѣчь разнообразными жестами въ родѣ тѣхъ, какіе могъ-бы дѣлать философъ, ломающій голову надъ объясненіемъ какого-нибудь новаго и сложнаго феномена.

Вообще все поведеніе этихъ животныхъ было до такой степени логично и послѣдовательно и обличало такую тонкость сужденія, что мнѣ не оставалось ничего больше, какъ признать ихъ чародѣями, которые обернулись лошадьми съ какою-нибудь цѣлью и которые, случайно встрѣтивъ чужестранца, рѣшили потѣшиться надъ нимъ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ удивились, увидавъ человѣка, такъ рѣзко отличающагося костюмомъ, чертами и цвѣтомъ лица отъ всѣхъ извѣстныхъ имъ существъ той же породы (какъ, вѣроятно, и долженъ былъ отличаться я отъ жителей столь отдаленной страны). Придя къ такому заключенію, я рѣшился обратиться къ нимъ съ нижеслѣдующей рѣчью: „Господа!“ началъ я, „если вы чародѣи, какъ я имѣю основаніе

подозрѣвать, то вамъ долженъ быть понятенъ всякій языкъ, а посему осмѣливаюсь довести до свѣдѣнія вашихъ сіятельствъ, что я—несчастный англичанинъ, заброшенный злою судьбой въ вашу землю, и обращаюсь къ вамъ съ униженной просьбой: пусть который-нибудь изъ васъ окажетъ мнѣ великую милость — позволитъ сѣсть къ нему на спину, какъ если бъ онъ былъ настоящая лошадь, и доѣхать до какого-нибудь человѣческаго жилья, гдѣ я могъ бы найти кровъ и пищу. Въ благодарность за такую услугу я предлагаю вамъ въ подарокъ вотъ этотъ ножикъ и браслетъ". И я вынулъ изъ кармана названныя вещи. Пока я говорилъ, оба коня стояли неподвижно, съ большимъ вниманіемъ прислушиваясь къ моимъ словамъ, и, какъ только я замолчалъ, принялись ржать, обращаясь другъ къ другу, точно совѣщались о чемъ-то между собой. Тутъ я окончательно убѣдился, что языкъ этихъ животныхъ прекрасно выражаетъ всѣ оттѣнки чувствъ; мнѣ пришло даже въ голову, что при нѣкоторомъ стараніи ихъ рѣчь можно разложить на опредѣленные звуки и что, если составить азбуку ихъ языка, она окажется, пожалуй, легче китайской.

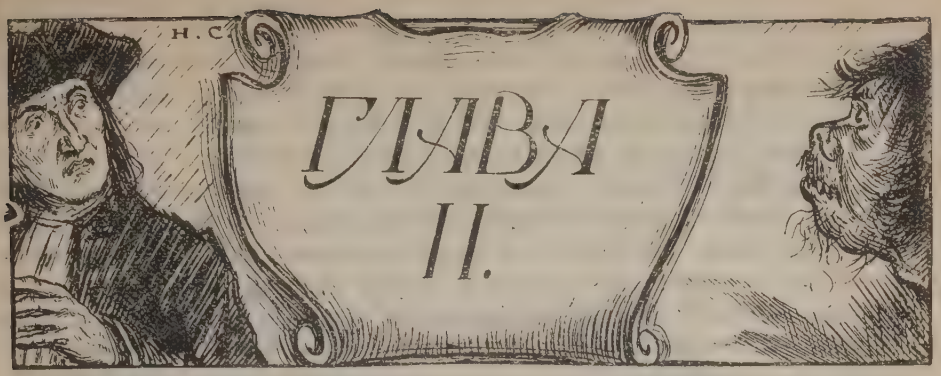
Я явственно различалъ слово *Яу*, безпрестанно повторявшееся обоими собесѣдниками. Конечно, я не могъ даже приблизительно догадаться, что оно означаетъ, но тѣмъ не менѣе, пока лошади были заняты разговоромъ, я нѣсколько разъ пробовалъ произнести его про себя и, какъ только онѣ замолчали, я смѣло и громко сказалъ: „Яу", подражая по мѣрѣ умѣнья лошадиному ржанью. Оба коня видимо изумились, услышавъ отъ меня знакомое слово, и сѣрый повторилъ его еще два раза съ особеннымъ удареніемъ, точно хотѣлъ мнѣ показать, какъ его надо произносить. Я повторялъ за нимъ, какъ умѣлъ, и чувствовалъ, что съ каждымъ разомъ дѣлаю замѣтные успѣхи, хотя, конечно, моему произношенію было еще далеко до совершенства. Тогда каурый попробовалъ научить меня еще одному слову, которое оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ первое (если составляющіе его звуки изобразить англійскими буквами, то выйдетъ такъ: *Houyhnhnm*). Я не могъ сразу овладѣть произношеніемъ этого слова; однако посл̀ѣ двухъ-трехъ попытокъ мнѣ удалось выговорить его приблизительно вѣрно, такъ-что оба коня были замѣтно поражены моими способностями.

Поговоривъ между собой еще немного (на этотъ разъ мнѣ было ясно, что бесѣда шла обо мнѣ), пріятели разстались, обмѣнявшись при прощаньѣ тѣмъ же привѣтствіемъ, что и при встрѣчѣ,—привѣтствіемъ, имѣвшимъ у нихъ, надо полагать, значеніе рукопожатія. Затѣмъ сѣрый конь сдѣлалъ мнѣ знакъ итти впередъ, и я счелъ за лучшее не прекословить, покуда не найду другого, болѣе надежнаго руководителя въ этой незнакомой сто-

ронѣ. Когда я замедлялъ шаги, онъ на меня покрикивалъ: „*Гуннъ, гуннъ!*“ Догадываясь, что онъ приказываетъ мнѣ поторопиться, я оборачивался назадъ и старался дать ему понять знаками, что я

«Въ благодарность за такую услугу я предлагаю вамъ въ подарокъ вотъ этотъ ножикъ и браслетъ».

усталъ и не могу итти быстрѣе. Тогда онъ останавливался и ждалъ, пока я отдохну.



ГЛАВА II.

Гуингнамъ приводитъ автора въ свой домъ.—Описаніе этого дома.—Какъ автора тамъ принимаютъ.—Чѣмъ питаются гуингнамы.—Отсутствіе мясной пищи ставитъ автора въ затруднительное положеніе, изъ котораго въ концѣ концовъ онъ находитъ выходъ.—Какъ онъ питается въ странѣ гуингнамовъ.

Пройдя около трехъ миль, я, наконецъ, увидѣлъ что-то въ родѣ жилья. Это была длинная постройка изъ бревенъ, вколоченныхъ въ землю и переплетенныхъ вѣтвями, съ низкой соломенной крышей. Я начиналъ понемногу успокаиваться. Какъ я уже говорилъ, со мной было нѣсколько побрякушекъ, какими обыкновенно запасаются путешественники для подарковъ дикарямъ Америки и другихъ частей свѣта. Подходя къ вышеописанному строенію, я вынулъ изъ кармана эти вещицы, въ надеждѣ, что обитатели дома, увидѣвъ меня не съ пустыми руками, окажутъ мнѣ болѣе радушный пріемъ. Сѣрый конь сдѣлалъ мнѣ знакъ головой, чтобъ я входилъ первымъ. Я вошелъ и очутился въ большой комнатѣ съ гладкимъ глинянымъ поломъ. По одной стѣнѣ, во всю ея длину, тянулись ясли съ сѣномъ. Въ комнатѣ было три жеребчика и двѣ кобылы. Они не ѣли и даже не стояли у яслей, а сидѣли на полу на задней части тѣла, совершенно какъ люди. Это меня поразило; но еще больше удивился я, когда замѣтилъ, что всѣ эти лошади занимаются разными работами по хозяйству. Я не видалъ еще ни одного изъ человѣческихъ аборигеновъ этой страны, но, глядя теперь на ихъ домашній скотъ, я окончательно утвердился въ моемъ первоначальномъ мнѣніи, что народъ, сумѣвшій до такой степени цивилизовать неразумныхъ животныхъ, долженъ превосходить мудростью всѣ народы земного шара.

Сѣрый конь вошелъ слѣдомъ за мной и такимъ образомъ предупредилъ возможность дурного пріема, если таковая угрожала мнѣ со стороны остальныхъ лошадей. Онъ заржалъ авторитетнымъ тономъ хозяина, и онѣ откликнулись ему.

Кромѣ этой комнаты, въ домѣ было еще три; всѣ четыре были расположены въ рядъ, по всей длинѣ постройки, образуя нѣчто въ родѣ анфилады, такъ-что двери приходились одна противъ другой. Мы съ сѣрымъ конемъ прошли вторую комнату и подошли къ третьей. Тутъ онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ подождать, а самъ вошелъ въ дверь. Въ ожиданіи, пока меня позовутъ, я еще разъ осмотрѣлъ подарки, приготовленные мною для хозяина и хозяйки дома: это были два ножа, три браслета изъ фальшиваго жемчуга, маленькое зеркальце и ожерелье изъ бусъ. Сѣрый конь проржалъ за дверью три или четыре раза; я насторожился, ожидая, что ему отвѣтитъ человѣческій голосъ. Но отвѣтъ послѣдовалъ на томъ же діалектѣ, только въ раздавшемся хорѣ лошадинаго ржанья выдѣлялись одинъ-два голоса потоньше. „Какъ видно, хозяинъ этого дома—очень важная персона въ здѣшнихъ мѣстахъ, иначе доступъ къ нему не былъ бы обставленъ такимъ множествомъ предварительныхъ церемоній", сказалъ я себѣ. Но чтобы человѣкъ, занимающій высокое положеніе въ свѣтѣ, не держалъ другой прислуги кромѣ лошадей,—это было до такой степени выше моего разумѣнія, что я началъ побаиваться, не помутился ли у меня разсудокъ отъ злоключеній, которыя мнѣ пришлось претерпѣть. Чтобы заставить себя вернуться къ сознанію дѣйствительности, я внимательно оглянулъ комнату, въ которой меня оставили одного: ея убранство было такое же, какъ и въ первой, только поэлегантнѣе. Я протиралъ глаза, но видѣлъ все тѣ же предметы; пробовалъ щипать себя за руки, въ надеждѣ, что, можетъ быть, я сплю и боль заставитъ меня проснуться. Наконецъ, я пришелъ къ заключенію, что все, что я вижу и что со мной происходитъ, есть навожденіе и колдовство. Но у меня не было времени остановиться на этой мысли, такъ какъ сѣрый конь показался въ дверяхъ третьей комнаты и пригласилъ меня знакомъ войти. Въ этой комнатѣ я увидѣлъ красивую кобылу съ двумя жеребятами—жеребчикомъ и кобылкой; всѣ трое сидѣли на полу, на соломенныхъ матахъ, совершенно чистыхъ и довольно искусной работы.

Когда я вошелъ, кобыла поднялась со своего мата и подошла ко мнѣ. Внимательно осмотрѣвъ мое лицо и руки, она подарила меня презрительнымъ взглядомъ, послѣ чего они съ сѣрымъ конемъ заговорили между собой. И тотъ, и другая безпрестанно повторяли слово *Яу*. Я тогда еще не зналъ, что оно значитъ, хоть это было первое слово, которое я научился произносить. Впрочемъ, сѣрый конь не замедлилъ просвѣтить меня насчетъ его смысла, къ вѣчному моему стыду и отчаянію: кивнувъ мнѣ головой въ знакъ того, что я долженъ слѣдовать за нимъ, и повторяя *гуунъ, гуунъ,* какъ онъ это дѣлалъ на дорогѣ, понукая меня (теперь я уже понималъ

Я увидѣлъ красивую кобылу съ двумя жеребятами.

значеніе этого звука), онъ привелъ меня во дворъ, гдѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, стояла другая постройка—нѣчто въ родѣ сарая. Мы вошли въ этотъ сарай, и я увидѣлъ тѣхъ самыхъ отвратительныхъ тварей, которыхъ встрѣтилъ въ полѣ послѣ высадки моей на берегъ. Ихъ было три штуки; они жадно пожирали коренья и мясо какихъ-то животныхъ (ослиное и собачье, какъ я потомъ узналъ; коровье мясо перепадало имъ очень рѣдко, только когда корова околѣвала вслѣдствіе какой-нибудь несчастной случайности или отъ болѣзни). Всѣ трое были привязаны къ балкѣ за шею крѣпкими плетешками изъ ивовыхъ прутьевъ; они придерживали пищу своими когтистыми передними лапами и разрывали ее зубами.

Сѣрый конь—мой господинъ, какъ я буду отнынѣ его называть,—приказалъ одному изъ своихъ слугъ, гнѣдому жеребчику, отвязать самаго рослаго изъ этихъ звѣрей и вывести во дворъ. Тутъ лошади поставили насъ рядомъ и принялись сличать во всѣхъ подробностяхъ нашу наружность. При этомъ и хозяинъ, и слуга нѣсколько разъ произнесли слово *Яу*. Не могу выразить, до чего я былъ пораженъ и какой ужасъ охватилъ мою душу, когда я замѣтилъ, что это гнусное животное имѣетъ вполнѣ человѣческій обликъ. Правда, у него было плоское и широкое лицо, приплюснутый носъ, большой ротъ и толстыя губы, но вѣдь эти особенности присущи всѣмъ дикарямъ, природное безобразіе которыхъ усугубляется еще тѣмъ, что у нихъ мать таскаетъ грудныхъ дѣтей за спиной и они сплющиваютъ себѣ носы объ ея спину. Переднія лапы Яу отличались отъ моихъ рукъ только необыкновенной длиною ногтей, грубостью и темнымъ цвѣтомъ кожи на ладоняхъ да волосистостью обратной стороны кисти. Такое же сходство и тѣ же самыя различія, какъ я прекрасно видѣлъ, существовали и между нашими нижними конечностями. (Я-то это видѣлъ и зналъ, но лошади не могли знать, такъ какъ на мнѣ были чулки и башмаки). Такимъ же обоюднымъ сходствомъ отличались и остальныя части нашего тѣла, если не считать болѣе темнаго цвѣта и волосистости кожи у Яу, о которыхъ я уже говорилъ.

Главнымъ камнемъ преткновенія для обѣихъ лошадей было, повидимому, то обстоятельство, что при столь несомнѣнномъ сходствѣ нашихъ лицъ моя фигура рѣзко отличалась отъ фигуры Яу. Я былъ этимъ обязанъ надѣтому на мнѣ платью, но тамошнія лошади не имѣютъ никакого понятія объ одеждѣ вообще. Гнѣдой жеребчикъ поднесъ мнѣ въ видѣ угощенія какой-то корешокъ, зажавъ его между копытомъ и бабкой по способу всѣхъ гуингнамовъ (подробное объясненіе этого способа держать вещи будетъ приведено въ своемъ мѣстѣ). Я взялъ корешокъ въ руку, понюхалъ

и возвратилъ со всевозможной учтивостью. Тогда гнѣдой вынесъ мнѣ изъ хлѣва Яу кусокъ ослинаго мяса, но отъ него такъ воняло, что я съ гримасой отвращенія отвернулся; гнѣдой швырнулъ кусокъ Яу, и тотъ съ жадностью набросился на него. Послѣ этого онъ

Лошади поставили насъ рядомъ и принялись сличать во всѣхъ подробностяхъ нашу наружность.

принесъ изъ дому и показалъ мнѣ сперва клочекъ сѣна, потомъ пригоршню овса, но я покачалъ головой, давая понять, что не ѣмъ

ни того, ни другого. Я положительно начиналъ опасаться, что мнѣ придется умереть съ голоду, если я не попаду въ скоромъ времени въ среду себѣ подобныхъ, потому-что какъ ни жаждалъ я человѣческаго общества и какъ ни склоненъ былъ вслѣдствіе этого отнестись снисходительно даже къ самымъ низшимъ представителямъ человѣческой расы, но не могъ же я признать за людей этихъ грязныхъ тварей Яу; говорю по совѣсти: никогда въ жизни я не видалъ разумнаго существа, до такой степени отталкивающаго во всѣхъ отношеніяхъ, и чѣмъ ближе я узнавалъ этихъ гадинъ во время пребыванія моего въ той странѣ. тѣмъ ненавистнѣе они мнѣ становились.

Сѣрый конь замѣтилъ, съ какимъ отвращеніемъ я смотрю на Яу, и отослалъ его обратно въ хлѣвъ. Затѣмъ онъ сталъ спрашивать меня знаками, чего бы я хотѣлъ поѣсть (между прочимъ онъ подносилъ ко рту переднюю ногу такъ легко и свободно, что это движеніе казалось совершенно естественнымъ, хотя въ первый моментъ и поразило меня); но я при всемъ желаніи не могъ отвѣтить ему такъ, чтобъ онъ меня понялъ, да если бы даже мнѣ и удалось объяснить, чѣмъ я питаюсь, я все равно не видѣлъ возможности получить нужную для меня пищу. Къ счастью, въ то время, когда мы были заняты этимъ мимическимъ разговоромъ, я увидалъ, что по двору проходитъ корова: я показалъ на нее моему господину и сталъ объяснять ему знаками, что я хотѣлъ бы ее подоить. Это произвело желаемый эффектъ: онъ повелъ меня въ домъ и приказалъ служанкѣ (одной изъ кобылъ, которыхъ я засталъ въ первой комнатѣ, когда пришелъ къ гуингнамамъ) отпереть какой-то чуланъ. Тамъ оказался большой запасъ молока въ глиняной и деревянной посудѣ, содержанной очень чисто и въ полномъ порядкѣ. Кобыла подала мнѣ большую чашку, полную до краевъ; я выпилъ, сколько мнѣ хотѣлось, и почувствовалъ себя подкрѣпленнымъ.

Около полудня къ дому подъѣхалъ экипажъ (что-то въ родѣ возка на полозьяхъ). Везли его четыре Яу, а сидѣлъ въ немъ старый конь, —судя по всѣмъ признакамъ, особа высокаго ранга. Вылѣзъ онъ изъ возка задними ногами впередъ, потому-что лѣвая передняя была у него зашиблена, какъ я потомъ узналъ. Онъ пріѣхалъ обѣдать къ моему господину, который принялъ его чрезвычайно любезно. Они обѣдали въ лучшей комнатѣ дома. На вторую перемѣну подавали вареный въ молокѣ овесъ; гость ѣлъ это блюдо горячимъ, а всѣ остальные—холоднымъ. Обѣдали такимъ образомъ: посреди комнаты поставили ясли, перегороженныя на нѣсколько отдѣленій, и каждый обѣдающій сидѣлъ противъ своего отдѣленія на охапкѣ соломы. За яслями помѣстили длинную

рѣшетку съ сѣномъ, тоже передѣленную на равныя части: каждое отдѣленіе рѣшетки приходилось противъ соотвѣтствующаго отдѣленія яслей: такимъ образомъ каждая лошадь ѣла свое сѣно и свою порцію овсянки и--надо имъ отдать справедливость—ѣли онѣ вполнѣ прилично и аккуратно. Маленькіе жеребчикъ и кобылка вели себя весьма скромно, а хозяинъ и хозяйка дома были очень веселы и какъ нельзя болѣе предупредительны въ обращеніи съ гостемъ. По приказанію моего господина я простоялъ подлѣ него весь обѣдъ, и они съ пріятелемъ много говорили обо мнѣ, какъ это было видно изъ того, что чужой конь часто поглядывалъ на меня и оба безпрестанно повторяли слово Яу.

Передъ самымъ обѣдомъ мнѣ почему-то вздумалось надѣть перчатки. Сѣрый конь случайно обратилъ вниманіе на мои руки и видимо пришелъ въ недоумѣніе отъ происшедшей съ ними перемѣны: онъ нѣсколько разъ дотрогивался до нихъ копытомъ, какъ будто спрашивалъ меня, что я сдѣлалъ со своими передними лапами, и просилъ привести ихъ въ прежній ихъ видъ, что я не замедлилъ исполнить, снявъ перчатки и положивъ ихъ въ карманъ.

Этотъ эпизодъ послужилъ поводомъ къ дальнѣйшему разговору о моей особѣ. Я замѣтилъ, что вся компанія осталась довольна моимъ поведеніемъ, и послѣдствія этого не замедлили сказаться на мнѣ. Хозяинъ велѣлъ мнѣ произнести тѣ немногія слова гуингнамскаго языка, которымъ я успѣлъ научиться, и затѣмъ, пока они обѣдали, объяснилъ мнѣ значеніе еще нѣсколькихъ словъ (сказалъ, какъ у нихъ называется овесъ, молоко, вода, огонь и т. п.). Всѣ эти названія я повторилъ за нимъ безъ всякаго затрудненія, ибо съ юныхъ лѣтъ отличался большими способностями къ языкамъ.

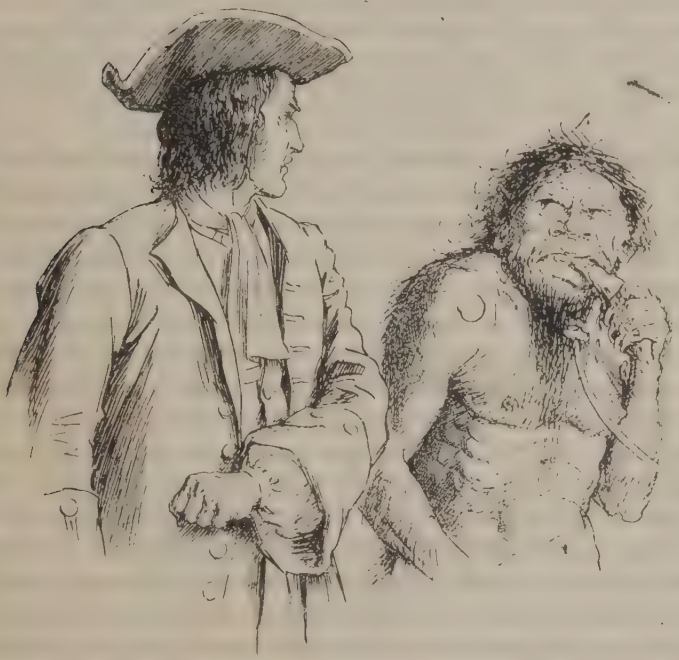
Послѣ обѣда мой господинъ отвелъ меня въ сторону и частью знаками, частью словами, объяснилъ мнѣ, какъ его заботитъ то обстоятельство, что мнѣ у нихъ нечего ѣсть. Овесъ на ихъ языкѣ называется *хлуннхъ*. И теперь, отвѣчая моему господину, я раза два или три повторилъ это слово, ибо хоть сначала я было и отказался отъ овса, но, поразмысливъ, сообразилъ, что изъ него можно приготовить нѣчто въ родѣ хлѣба и что, при такомъ подспорьѣ, какъ молоко, этотъ суррогатъ хлѣба можетъ поддержать мою жизнь до тѣхъ поръ, пока мнѣ представится возможность перекочевать въ другую страну, обитаемую человѣческими существами. Услышавъ отъ меня слово *хлуннхъ*, сѣрый конь немедленно послалъ за овсомъ одну изъ служанокъ (бѣлую кобылу), которая и принесла его полное корыто. Разогрѣвъ овесъ надъ огнемъ, я отдѣлилъ шелуху отъ зерна посредствомъ тренія, смо-

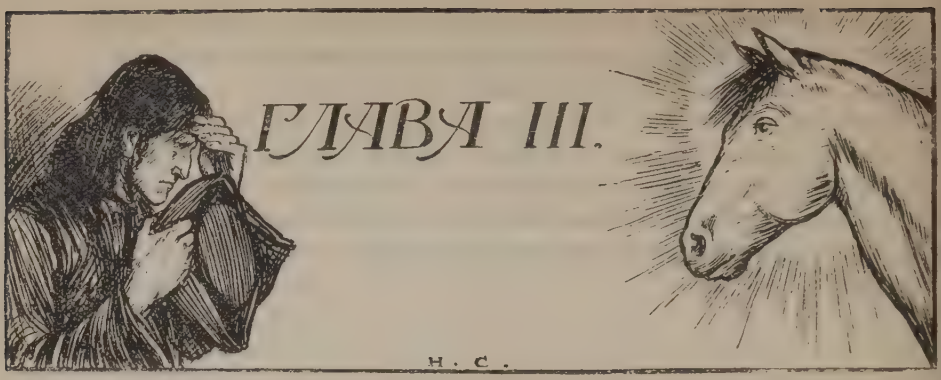
лолъ зерно между двумя камнями, подлилъ въ муку воды, вымѣсилъ тѣсто, сдѣлалъ лепешку, поджарилъ ее и съѣлъ горячею съ молокомъ.

Такъ я и питался овсяными лепешками все время пребыванія моего въ странѣ гуингнамовъ. Сначала это кушанье (которое, надо замѣтить, составляетъ обыкновенную пищу простонародья во многихъ мѣстностяхъ Европы) казалось мнѣ невкуснымъ, но потомъ я привыкъ. Впрочемъ, это былъ не первый случай въ моей жизни, когда я долженъ былъ сѣсть на діэту: мнѣ часто приходилось пробавляться по нуждѣ грубой пищей, и тутъ я только лишній разъ убѣдился на опытѣ, какъ невзыскателенъ въ сущности человѣческій организмъ. И я могу засвидѣтельствовать, что овесъ съ молокомъ—здоровое блюдо: по крайней мѣрѣ, за всѣ три года пребыванія моего на островѣ гуингнамовъ я не былъ боленъ ни одного часу. Нельзя сказать, это правда, чтобы я сидѣлъ тамъ исключительно на овсяной діэтѣ: мнѣ удавалось иногда поймать кролика или птицу силками, которые я плелъ изъ волосъ Яу; кромѣ того, я часто собиралъ съѣдобныя травы, варилъ ихъ и ѣлъ съ овсянымъ хлѣбомъ, какъ салатъ, а отъ времени до времени, когда мнѣ приходила охота полакомиться, сбивалъ масло и дѣлалъ творогъ. Первое время мнѣ очень недоставало соли, но привычка и тутъ взяла свое, совершенно примиривъ меня съ отсутствіемъ этой приправы. И теперь я держусь того мнѣнія, что общераспространенное между нами употребленіе соли отнюдь не вызывается потребностью организма. Я даже думаю, что первоначально соль имѣла значеніе только какъ средство, возбуждающее позывъ на питье. Конечно, соль, имѣя свойство предохранять отъ порчи мясо, весьма полезна въ далекихъ путешествіяхъ и въ глухихъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ рынковъ; но какъ постоянная приправа къ пищѣ, она намъ не нужна: вѣдь ни одно животное не любитъ соли; исключеніе изъ этого правила составляетъ только человѣкъ. Что же касается меня лично, то могу сказать лишь одно: долгое время послѣ того, какъ я покинулъ страну гуингнамовъ, я совершенно не выносилъ въ кушаньяхъ вкуса соли.

Однако, довольно объ этомъ: я не хочу уподобляться инымъ путешественникамъ, наполняющимъ свои книги подробными описаніями яствъ, которыя они потребляли во время своихъ странствій по свѣту, какъ будто читатель лично заинтересованъ въ томъ, хорошо или дурно ихъ кормили въ той или другой странѣ. Но я считалъ все-таки необходимымъ коснуться этой темы настолько, чтобы выяснить, чѣмъ я питался у гуингнамовъ, иначе никто бы не повѣрилъ, что я могъ просуществовать три года въ странѣ, населенной такими обитателями.

Передъ наступленіемъ вечера сѣрый конь распорядился отвести мнѣ мѣсто для ночлега: это былъ сарайчикъ, всего въ шести ярдахъ отъ дома и отдѣленный отъ хлѣва Яу глухою стѣной. Мнѣ постлали соломы; я накрылся снятымъ съ себя платьемъ и крѣпко уснулъ. Впрочемъ меня вскорѣ устроили съ большимъ комфортомъ, въ чемъ читатель не замедлитъ убѣдиться, когда прочтетъ слѣдующія главы, заключающія болѣе подробное описаніе моего образа жизни въ этой странѣ.





Авторъ обучается туземному языку.—Гуингнамъ, его господинъ, помогаетъ ему въ этихъ занятіяхъ.—Характеръ языка гуингнамовъ.—Нѣкоторыя высокопоставленныя лица изъ гуингнамовъ, интересуясь авторомъ, пріѣзжаютъ взглянуть на него.—Авторъ разсказываетъ въ короткихъ словахъ своему господину о послѣднемъ своемъ путешествіи.

Главныя мои усилія были теперь направлены на то, чтобы какъ можно скорѣе ознакомиться съ туземнымъ языкомъ. Всѣ въ домѣ—мой господинъ, его дѣти, даже слуги,—желали быть моими учителями, потому что имъ казалось чудомъ, что неразумное животное проявляетъ въ столь сильной степени всѣ свойства разумнаго существа. Учился я такимъ образомъ: показавъ на какой-нибудь предметъ, я спрашивалъ, какъ онъ называется и, запомнивъ нѣсколько названій, заносилъ ихъ въ свою записную книжку, когда оставался одинъ. Для исправленія моего выговора я просилъ кого-нибудь изъ обитателей дома произнести нѣсколько разъ не дающееся мнѣ слово и повторялъ его за нимъ. Всѣхъ охотнѣе приходилъ мнѣ на помощь въ такихъ случаяхъ гнѣдой жеребчикъ—слуга, котораго держали въ домѣ для черной работы.

Гуингнамскій языкъ изобилуетъ носовыми и гортанными звуками и изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ европейскихъ языковъ больше всего приближается къ голландскому или нѣмецкому, но только онъ гораздо изящнѣе и выразительнѣе обоихъ этихъ языковъ. Императоръ Карлъ V-й выразилъ приблизительно то же мнѣніе, когда сказалъ, что „если бы ему пришлось говорить съ своей лошадью, онъ говорилъ бы по голландски“. Любопытство и нетерпѣніе моего господина видѣть мои успѣхи были такъ велики, что онъ посвящалъ много часовъ своего досуга занятіямъ со мной. Онъ былъ убѣжденъ (какъ и самъ признавался мнѣ впослѣдствіи), что я—Яу; но его поражали моя понятливость, опрятность и деликатность манеръ—качества, которыми я рѣзко отличался отъ этихъ животныхъ. Больше всего ломалъ онъ голову по поводу моего платья,

будучи не въ состояніи рѣшить, составляетъ ли оно часть моего тѣла или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что никто изъ семьи ни разу не видалъ меня раздѣтымъ: я раздѣвался только тогда, когда весь домъ уже спалъ, а одѣвался рано утромъ, прежде, чѣмъ кто-нибудь подымался. Мой господинъ сгоралъ отъ нетерпѣнія знать, „откуда я пріѣхалъ и какимъ образомъ пріобрѣлъ тѣ зачатки разума, которые я обнаруживаю во всѣхъ моихъ поступкахъ“. Ему хотѣлось „услышать мою исторію изъ собственныхъ устъ“, и онъ надѣялся „судя по тѣмъ успѣхамъ, какіе я уже проявилъ въ запоминаніи и произношеніи словъ и цѣлыхъ фразъ на ихъ языкѣ“, что желаніе его скоро осуществится. Чтобы помочь своей памяти, я всѣ выученныя слова записывалъ англійскими буквами и противъ каждаго слова писалъ его переводъ на англійскомъ языкѣ. По прошествіи времени, когда я немного освоился съ моимъ господиномъ, я исполнялъ эту работу при немъ. Мнѣ стоило большого труда объяснить ему, что я дѣлаю, ибо гуингнамы не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о письменности и литературѣ.

Недѣль черезъ шесть я уже понималъ большую часть вопросовъ, которые онъ мнѣ предлагалъ, а черезъ три мѣсяца могъ довольно сносно отвѣчать на эти вопросы. Больше всего его интересовало, „изъ какихъ мѣстъ я пришелъ въ ихъ страну и какъ научился подражать разумнымъ существамъ, потому-что Яу, которыхъ—говорилъ онъ,—по лицу, по головѣ и рукамъ можно принять за родныхъ моихъ братьевъ (объ остальныхъ частяхъ моего тѣла онъ не могъ составить никакого сужденія, такъ какъ никогда ихъ не видалъ)... потому-что Яу, при всей своей хитрости и сильнѣйшей наклонности къ каверзамъ, считаются у нихъ самой непонятливой породой звѣрей“. Я отвѣчалъ: „Пріѣхалъ я изъ-за моря, изъ далекой страны; по морю плылъ въ огромной посудинѣ, сдѣланной изъ деревьевъ и называемой кораблемъ, и плылъ не одинъ, а съ другими существами одной породы со мной; но мои товарищи насильно свезли меня на берегъ въ вашей землѣ и предоставили собственнымъ рессурсамъ, а сами воротились на корабль“. Съ большимъ трудомъ, и только при помощи жестовъ и мимики, мнѣ удалось уяснить ему общій смыслъ этихъ словъ. Когда же, наконецъ, онъ понялъ меня, то объявилъ, что я „или ошибся, или нарочно разсказалъ то, чего не было (онъ не употребилъ слова: „солгалъ“, потому-что въ языкѣ гуингнамовъ совершенно отсутствуютъ такія слова; какъ „ложь“ и „обманъ“). „Я знаю навѣрно“, продолжалъ онъ, „что за моремъ нѣтъ никакихъ земель и что какая-то тамъ кучка неразумныхъ животныхъ не можетъ заставить деревянную посудину двигаться по водѣ, да еще управлять ею по своему произволу. Ни одинъ гуингнамъ во всемъ мірѣ не

Мнѣ стоило большого труда объяснить ему, что я дѣлаю.

сумѣетъ построить такой посудины и ужъ конечно ни за что не довѣритъ ее управленію Яу".

Слово *гуингнамъ* значитъ *лошадь*; но если мы обратимся къ этимологіи этого слова, то должны будемъ перевести его: *вѣнецъ творенія*. Я объяснилъ моему господину, что „не могу отвѣчать на его возраженіе, такъ какъ пока еще затрудняюсь въ изложеніи своихъ мыслей на ихъ языкѣ, но что я постараюсь усовершенствоваться въ немъ какъ можно скорѣе и тогда надѣюсь поразсказать ему много чудесъ". Онъ былъ такъ обязателенъ, что тутъ же приказалъ своей женѣ, обоимъ дѣтямъ — жеребчику и кобылкѣ — и даже всей прислугѣ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поскорѣе научить меня ихъ языку; да и самъ онъ занимался со мной ежедневно по два или по три часа. Кромѣ того, какъ только по странѣ распространилась молва объ „удивительномъ Яу, который можетъ говорить, какъ гуингнамъ, и во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ обнаруживаетъ проблески разума", къ намъ въ домъ стали наѣзжать высокопоставленныя лица—жеребцы и кобылы—изъ окрестныхъ селъ и городовъ. Всѣ эти господа бесѣдовали со мной съ большимъ удовольствіемъ: они задавали мнѣ вопросы, а я отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Благодаря столь благопріятнымъ условіямъ, я такъ преуспѣлъ въ изученіи языка гуингнамовъ, что спустя пять мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ ихъ страну понималъ рѣшительно все, что мнѣ говорили, и могъ довольно сносно объясняться самъ.

Никто изъ гуингнамовъ, пріѣзжавшихъ къ моему господину, чтобы видѣть меня, не хотѣлъ вѣрить, что я — настоящій Яу, такъ какъ наружные покровы моего тѣла были совсѣмъ не такіе, какъ у тамошнихъ представителей этой породы. Ихъ удивляло то обстоятельство, что у меня только руки и лицо обтянуты кожей, и волосы растутъ только на головѣ. Но господинъ мой въ то время былъ уже посвященъ въ мою тайну, которую я принужденъ былъ открыть ему послѣ одного инцидента, случившагося недѣли за двѣ до того, какъ слухи о моей особѣ начали привлекать къ намъ посѣтителей.

Читатель уже знаетъ, что я ложился въ постель позже всѣхъ въ домѣ: я раздѣвался, когда вся семья уже спала, и накрывался своимъ платьемъ. И вотъ, какъ-то разъ мой господинъ прислалъ за мной гнѣдого жеребчика, своего камердинера, рано поутру. Когда гнѣдой вошелъ ко мнѣ, я крѣпко спалъ; камзолъ, которымъ я былъ накрытъ, съѣхалъ на сторону, рубашка поддернулась кверху, и я лежалъ почти голый. Проснулся я отъ шума шаговъ и сейчасъ же замѣтилъ, что гнѣдой былъ пораженъ моимъ видомъ. Передавъ мнѣ на скорую руку то, что ему поручили ска-

зать, онъ (какъ потомъ оказалось) прибѣжалъ перепуганный къ своему барину и въ довольно сбивчивыхъ выраженіяхъ разсказалъ ему, что онъ видѣлъ. Все это я узналъ въ то же утро, ибо какъ только я одѣлся и явился къ моему господину, онъ спросилъ меня, „правда-ли то, что ему только-что передалъ его слуга: что будто, когда я сплю, я совсѣмъ не такой, какъ въ другіе часы дня, что тѣло у меня во время сна мѣстами бѣлое, мѣстами желтое, или по крайней мѣрѣ желтѣе лица, а мѣстами коричневое."

Я скрывалъ тайну моихъ одѣваній и раздѣваній, потому-что ненавидѣлъ Яу и хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь отличаться отъ ихъ проклятой породы. Но съ этой минуты таиться долѣе было безполезно. Да и кромѣ того я разсудилъ, что когда мое платье и обувь износятся (а они у меня къ тому времени уже порядкомъ поистрепались), мнѣ придется замѣнить ихъ какой-нибудь покрышкой изъ шкуръ Яу или другихъ звѣрей, и тогда моя тайна все равно обнаружится. Поэтому я теперь откровенно объяснилъ моему господину, что „въ той странѣ, гдѣ я жилъ раньше, всѣ существа нашей породы, частью изъ скромности, частью, чтобы предохранить себя отъ климатическихъ невзгодъ—не только отъ стужи, но и отъ сильныхъ жаровъ прикрываютъ свое тѣло издѣліями изъ шерсти нѣкоторыхъ животныхъ, въ чемъ, если ему угодно, онъ можетъ немедленно убѣдиться: стоитъ ему приказать, и я сниму свои покрышки, попросивъ только у него разрѣшенія не обнажать тѣхъ частей тѣла, которая сама природа учитъ насъ скрывать". На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что ему „странно слышать подобныя рѣчи, но что особенно его поражаютъ мои послѣднія слова: онъ отказывается понять, какимъ образомъ природа можетъ учить насъ скрывать то, чѣмъ сама же она насъ надѣлила; по крайней мѣрѣ ни самъ онъ и никто изъ членовъ его семьи не стыдится ни одной изъ частей своего тѣла". „Но разумѣется", прибавилъ онъ, „вы можете поступать, какъ хотите". Тогда я разстегнулъ и снялъ съ себя камзолъ, потомъ такимъ же манеромъ снялъ жилетку, чулки, башмаки и брюки. Рубашки я не снималъ, а только спустилъ ее до пояса, устроивъ изъ нея нѣчто въ родѣ перевязи вокругъ бедръ, прикрывшей мою наготу.

Съ любопытствомъ наблюдая за процедурой моего раздѣванья, мой господинъ проявлялъ всѣ признаки величайшаго изумленія. Онъ перебралъ вещь за вещью все мое платье и внимательно его осмотрѣлъ; потомъ легонько погладилъ меня по голому тѣлу, нѣсколько разъ обошелъ вокругъ меня и наконецъ объявилъ, что я несомнѣнно *настоящій* Яу, хотя и сильно отличаюсь отъ своихъ родичей мягкостью, бѣлизной и гладкостью кожи, отсутствіемъ

волосъ на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла, формой и длиною ногтей, а главное тѣмъ, что я постоянно стараюсь ходить на заднихъ ногахъ. Дальнѣйшаго осмотра онъ не потребовалъ и разрѣшилъ

Онъ перебралъ вещь за вещью все мое платье.

мнѣ снова одѣться, чему я очень обрадовался, потому-что страшно озябъ.

Тутъ ужъ кстати я высказалъ моему господину свою обиду по

поводу того, что онъ такъ часто награждаетъ меня кличкой Яу—„этой гнусной скотины, къ которой я питаю неизреченную ненависть и презрѣніе“. Я просилъ его воздержаться впредь отъ примѣненія ко мнѣ этого названія и заодно ужъ передать мою просьбу членамъ своего семейства и всѣмъ своимъ знакомымъ, которымъ онъ показываетъ меня. Кромѣ того, я потребовалъ, чтобы онъ сохранилъ тайну насчетъ искусственныхъ покрововъ моего тѣла, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока моя теперешняя покрышка будетъ мнѣ служить; что же касается гнѣдого жеребчика, его камердинера, который видѣлъ меня безъ одежды, то его всегда можно заставить молчать“.

Господинъ мой весьма любезно согласился исполнить обѣ мои просьбы, и такимъ образомъ, тотъ фактъ, что я ношу платье, оставался въ секретѣ до самой той поры, когда принадлежности моего туалета стали понемногу разваливаться и мнѣ пришлось подумать о замѣнѣ ихъ другими собственнаго издѣлія, о чемъ будетъ сказано ниже. Въ заключеніе нашей бесѣды его милость выразилъ желаніе, чтобы я „приложилъ всѣ усилія для наискорѣйшаго ознакомленія съ ихъ языкомъ, ибо мои способности къ языкамъ и, вообще, тѣ свойства разумнаго существа, которыя я проявляю, занимаютъ его гораздо больше, чѣмъ форма моего тѣла—(нагого или прикрытаго—безразлично)“. „Я съ нетерпѣніемъ жду той минуты, когда услышу отъ васъ чудеса, о которыхъ вы обѣщали мнѣ разсказать“, прибавилъ онъ благосклонно.

Съ этого дня онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ занимался обученіемъ меня гуингнамскому языку. Кромѣ того, онъ ввелъ меня въ кружокъ своихъ знакомыхъ и потребовалъ отъ нихъ, чтобы они обходились со мной вѣжливо, объяснивъ имъ конфиденціальнымъ образомъ, что „отъ этого я прихожу въ хорошее расположеніе духа и бываю тогда гораздо забавнѣе“.

Помимо нашихъ ежедневныхъ учебныхъ занятій его милость посвящалъ много времени бесѣдамъ со мной: всякій разъ, какъ я являлся пожелать ему добраго утра, онъ задавалъ мнѣ разные вопросы обо мнѣ, на которые я отвѣчалъ по мѣрѣ моего разумѣнія. Такимъ образомъ, въ умѣ его слагались мало-по-малу кое-какія общія (хотя покамѣстъ далеко не полныя) представленія о многомъ, чего онъ раньше не зналъ. Читателю показалось бы скучно, если бъ я вздумалъ излагать во всей ихъ постепенности мои успѣхи въ изученіи гуингнамскаго языка до того времени, когда, наконецъ, я усовершенствовался въ немъ настолько, что могъ вести на немъ разговоръ. Но первый, сколько-нибудь обстоятельный и связный разсказъ о себѣ, который я преподнесъ моему господину, былъ приблизительно такого содержанія.

„Какъ я уже пытался объяснить вашей милости“ (такъ начинался этотъ разсказъ), „я пріѣхалъ изъ далекой страны вмѣстѣ съ другими существами нашей породы. Всѣхъ насъ было около пятидесяти душъ. Мы долго плавали по морямъ въ огромной деревянной посудинѣ, превосходившей размѣрами вашъ домъ“. (Я описалъ ему устройство корабля, стараясь выражаться какъ можно понятнѣе и, при помощи развернутаго носового платка, объяснилъ, какъ корабли гонитъ по водѣ вѣтромъ). „На кораблѣ между нами произошла ссора“—продолжалъ я,—„и меня высадили на берегъ въ вашей землѣ. Я пошелъ впередъ наудачу, и вскорѣ на меня напали проклятые Яу, отъ которыхъ вы освободили меня“. Тутъ онъ меня спросилъ, „кто сдѣлалъ нашъ корабль и какъ могло случиться, что гуингнамы нашей страны отдали его въ распоряженіе звѣрей“. На это я отвѣчалъ: „Я не рѣшаюсь... не смѣю продолжать мой разсказъ. Но если вы непремѣнно этого хотите, дайте мнѣ честное слово не оскорбляться, что бы вы ни услышали отъ меня, и тогда я разскажу вамъ обѣщанныя чудеса“. Онъ согласился, и я разсказалъ ему, что нашъ корабль былъ сдѣланъ такими же существами, какъ я; что во всѣхъ странахъ, которыя мнѣ пришлось посѣтить, такъ же, какъ и въ моемъ отечествѣ, эти существа представляютъ единственную разумную породу животныхъ, господствующую надъ всѣми остальными, и что когда, прибывъ въ страну гуингнамовъ, я увидалъ, что лошади дѣйствуютъ здѣсь, какъ разумныя существа, я былъ пораженъ нисколько не меньше, чѣмъ были бы, по всей вѣроятности, поражены его родичи и самъ онъ, если бы подмѣтили проблески разума въ грубой скотинѣ, которая у нихъ называется Яу. „Конечно,“ прибавилъ я, „я не могу не признать моего сходства съ этимъ мерзкимъ животнымъ, но положительно не знаю, чѣмъ объяснить такое вырожденіе нашей породы“. „Если мнѣ когда-нибудь посчастливится вернуться на родину“—сказалъ я въ заключеніе,—„и я разскажу тамъ, что я видѣлъ во время моихъ странствій (а я непремѣнно разскажу),—мнѣ никто не повѣритъ и всѣ останутся при томъ убѣжденіи, что я наплелъ имъ небылицъ и что гуингнамы — плодъ моей досужей фантазіи, потому что...—но прежде, чѣмъ я рѣшусь продолжать, позвольте напомнить вамъ ваше обѣщаніе не обижаться и то глубокое уваженіе, которое я питаю къ вамъ, вашему семейству и всѣмъ вашимъ друзьямъ...—потому что моимъ соотечественникамъ покажется невѣроятнымъ, чтобы гуингнамъ могъ занимать въ государствѣ первенствующее мѣсто существа, одареннаго разумомъ, а Яу—состоять при немъ въ качествѣ домашней скотины“.

Понятія гуингнамовъ о правдѣ и лжи.—Сообщенные авторомъ факты не встрѣчаютъ одобренія со стороны его господина. — Авторъ представляетъ послѣднему болѣе обстоятельный отчетъ с себѣ и о своихъ путешествіяхъ.

Сильнѣйшее смущеніе отражалось на лицѣ моего господина, пока онъ слушалъ меня, ибо чувство сомнѣнія или недовѣрія такъ мало извѣстно въ странѣ гуингнамовъ, что обитатели ея совершенно теряются и недоумѣваютъ, какъ себя вести, когда имъ приходится въ чемъ-нибудь сомнѣваться. Я помню, что когда, въ многочисленныхъ разговорахъ моихъ съ моимъ господиномъ объ обитателяхъ другихъ странъ и объ особенностяхъ ихъ характера мнѣ случалось касаться такихъ явленій, какъ ложь и обманъ, онъ съ трудомъ меня понималъ, хотя, говоря вообще, отличался большою сообразительностью. Онъ разсуждалъ такъ: „Даръ слова данъ намъ затѣмъ, чтобы мы понимали другъ друга и могли получать вѣрныя свѣдѣнія о различныхъ предметахъ; слѣдовательно, разсказывая то, чего не было, я употребляю во зло этотъ даръ, ибо тогда уже никакъ нельзя сказать, что мои слушатели меня понимаютъ; мало того: тогда я не только не даю имъ вѣрныхъ свѣдѣній, но оставляю ихъ въ еще большемъ невѣдѣніи относительно предмета, о которомъ говорю, такъ какъ вселяю въ нихъ увѣренность, что черное бѣло, короткое длинно и т. п.“ Этимъ и ограничивались всѣ представленія моего господина о лганьѣ, которое столь повсемѣстно практикуется между человѣческими существами и такъ понятно каждому изъ насъ.

Но возвращаюсь къ моему разсказу. Когда я сказалъ, что въ моемъ отечествѣ Яу—единственная разумная порода животныхъ, господствующая надъ всѣми остальными, мой господинъ объявилъ, что это выше его пониманія, и спросилъ меня, „есть-ли у насъ гуингнамы и какое ихъ значеніе въ нашей странѣ“. На это я отвѣчалъ: „Гуингнамовъ у насъ очень много. Лѣтомъ они пасутся на лугахъ а зимой ихъ держатъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ на

сѣнѣ и овсѣ; особые служители изъ Яу смотрятъ за ними: чистятъ ихъ, расчесываютъ имъ гривы, моютъ копыта, задаютъ кормъ". „Я понимаю васъ" сказалъ мой господинъ: „изъ того, что вы мнѣ разсказали, для меня ясно, что на какую бы степень разума ни претендовали ваши родичи, гуингнамы у васъ все-таки господа, и я отъ души желалъ-бы, чтобы наши Яу были такими же послушными и ручными, какъ ваши". Тутъ я сталъ униженно просить его милость „уволить меня отъ продолженія разсказа, такъ какъ дальнѣйшія подробности, я увѣренъ, будутъ ему въ высшей степени непріятны". Но онъ категорически приказалъ мнѣ продолжать, говоря, что хочетъ знать худшее. Я отвѣчалъ: „Ваша воля будетъ исполнена" и продолжалъ: „Наши гуингнамы, или лошади, какъ мы ихъ называемъ,—самыя благородныя и красивыя изъ нашихъ домашнихъ животныхъ: они замѣчательны своей силой и быстротою ногъ. Гуингнамовъ хорошей породы, принадлежащихъ богатымъ или знатнымъ лицамъ, употребляютъ для поѣздокъ верхомъ и въ экипажахъ, для скачекъ и бѣговъ; съ ними хорошо обращаются и вообще относятся къ нимъ съ большою заботливостью, пока они здоровы и крѣпки на ногахъ; но какъ только гуингнамъ начинаетъ хирѣть или слабѣть на ноги, его продаютъ, и уже весь остатокъ своей жизни онъ проводитъ въ самой тяжелой работѣ. Когда онъ умретъ, съ него сдираютъ кожу и продаютъ ее за гроши, а трупъ бросаютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ. Еще тяжелѣе живется гуингнамамъ обыкновенной породы, которыхъ держатъ фермеры, извозчики и прочій бѣдный людъ: этихъ съ юныхъ лѣтъ заставляютъ возить тяжести и кормятъ значительно хуже".

Я описалъ, насколько могъ понятнѣе, нашъ способъ ѣзды верхомъ и въ экипажѣ, объяснилъ употребленіе упряжи и колесъ, сѣдла, уздечки, шпоръ и кнута, и описалъ внѣшній видъ всѣхъ этихъ предметовъ; наконецъ разсказалъ, что „такъ какъ мы часто ѣздимъ по каменистымъ или даже нарочно выложеннымъ камнемъ дорогамъ, то въ предохраненіе отъ трещинъ и поломки копытъ у нашихъ гуингнамовъ мы прикрѣпляемъ имъ къ нижней поверхности копыта пластинки изъ особаго, очень твердаго вещества, которое называемъ желѣзомъ". Мой господинъ выразилъ сильнѣйшее негодованіе по поводу всѣхъ этихъ фактовъ. Онъ не могъ понять, какъ мы „рѣшаемся садиться на спину гуингнамамъ". „Я убѣжденъ" прибавилъ онъ, „что самый слабый гуингнамъ изъ моей домашней прислуги легко бы сбросилъ съ себя самаго сильнаго Яу, а если бъ не сбросилъ, такъ опрокинулся бы на спину и задавилъ бы его до смерти". Я отвѣчалъ: „Нашихъ гуингнамовъ дрессируютъ съ трехъ или четырехлѣтняго возраста, пріучая каж-

Еще тяжелѣе живется гуингнамамъ обыкновенной породы.

даго къ тому дѣлу, для котораго его предназначаютъ. Гуингнамовъ съ норовистымъ характеромъ, не поддающихся дрессировкѣ, пускаютъ по тяжелой работѣ перевозки грузовъ. Жеребятъ подростковъ нещадно бьютъ за каждое проявленіе непослушанія и упрямства. Жеребцовъ, предназначаемыхъ для ѣзды, обыкновенно кастрируютъ по второму или по третьему году, чтобы умѣрить ихъ живость и сдѣлать ихъ болѣе кроткими и ручными. „Надѣюсь“, прибавилъ я, „ваша милость соблаговолите принять во вниманіе, что наши гуингнамы не обнаруживаютъ ни малѣйшихъ проблесковъ разума, все равно, какъ Яу въ вашей странѣ, хотя нельзя не признать, что они у насъ весьма чувствительны къ ласкѣ и наказанію“.

Только послѣ многочисленныхъ отступленій, оговорокъ и разъясненій я могъ добиться того, что господинъ мой понялъ, о чемъ я говорю. Дѣло въ томъ, что языкъ гуингнамовъ довольно бѣденъ словами, и это совершенно понятно, такъ какъ у нихъ очень мало потребностей и страстей. Невозможно описать того благороднаго негодованія, какимъ преисполнился его милость, услышавъ о нашемъ грубомъ обращеніи съ гуингнамами; но больше всего возмутилъ его нашъ обычай кастрировать жеребцовъ, отнимая у нихъ способность къ продолженію рода съ цѣлью поработить ихъ нашей волѣ. „Конечно“, говорилъ онъ, „если бы могла существовать такая страна, гдѣ Яу были-бы единственными существами, одаренными разумомъ, они должны бы были господствовать надъ всѣмъ животнымъ царствомъ, ибо разумъ въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ надъ грубой силой. Но, принимая въ расчетъ строеніе тѣла этихъ животныхъ, я полагаю, что нѣтъ на свѣтѣ другого существа такихъ же размѣровъ, которое было бы такъ плохо приспособлено для разумной, сознательной жизни“. Тутъ онъ выразилъ желаніе знать, „какой имѣютъ видъ тѣ Яу, въ средѣ которыхъ я жилъ раньше, и похожи ли они на меня и на Яу ихъ страны“. Я поспѣшилъ увѣрить его, что „по внѣшнему виду я не лучше и не хуже большинства моихъ родичей одного со мной возраста“. „Но у молодыхъ нашихъ Яу и у самокъ тѣло гораздо нѣжнѣе и мягче“, прибавилъ я, „а у послѣднихъ кожа бѣлая, какъ молоко“. Тогда онъ сказалъ: „Это правда, что вы во многомъ отличаетесь отъ нашихъ Яу: вы гораздо опрятнѣе ихъ и не такъ безобразны; но съ практической точки зрѣнія эта разница, я нахожу, не въ вашу пользу: когти на вашихъ заднихъ и переднихъ ногахъ ни къ чему не пригодны—такъ они слабы и коротки, а ваши переднія ноги, собственно говоря, не могутъ даже считаться ногами; по крайней мѣрѣ, насколько я могъ замѣтить, вы никогда не ходите на нихъ, да, вѣроятно, и не могли бы ходить по твердой землѣ,—для этого они слишкомъ нѣжны и, кромѣ того, по боль-

шей части ничѣмъ не прикрыты; та же покрышка, которую вы иногда на нихъ надѣваете, совсѣмъ не такой формы и не такъ крѣпка, какъ покрышка на вашихъ заднихъ ногахъ. А между тѣмъ ходьба на двухъ ногахъ небезопасна: стоитъ одной изъ вашихъ заднихъ ногъ поскользнуться, и вы неминуемо упадете". Затѣмъ онъ принялся критиковать остальныя части моего тѣла. Лицо мое онъ находилъ слишкомъ плоскимъ, носъ—черезчуръ торчащимъ впередъ; не нравилось ему, что оба глаза посажены у меня спереди, такъ-что я не могу видѣть вбокъ, не поворачивая головы; не нравилось и то, что я не могу ѣсть безъ помощи рукъ или, какъ онъ выразился, что я „долженъ подносить пищу ко рту передней ногой". „для каковой надобности природа, вѣроятно, и снабдила ваши переднія ноги подвижными суставами", замѣтилъ онъ въ скобкахъ. Но онъ не могъ понять, зачѣмъ у меня столько отростковъ и суставовъ на заднихъ ногахъ, когда по своей нѣжности онѣ все равно не могутъ выдержать соприкосновенія съ твердыми и острыми камнями и мнѣ приходится ихъ прикрывать кожей какихъ-нибудь животныхъ. „Да и все ваше тѣло", продолжалъ онъ, „нуждается въ защитѣ отъ стужи и жары, и вы изо дня въ день должны одѣваться и раздѣваться, а это скучно и хлопотливо. Наконецъ, всѣ животныя, по крайней мѣрѣ, въ нашей странѣ, питаютъ врожденное отвращеніе къ Яу: слабѣйшіе стараются ихъ избѣгать, а болѣе сильные гонятъ прочь отъ себя. Такимъ образомъ, даже допустивъ, что вы и ваши родичи одарены разумомъ, я все-таки не вижу для васъ возможности побороть прирожденную антипатію къ вамъ всѣхъ живыхъ тварей и потому не понимаю, какъ вы ухитряетесь ихъ приручать и заставляете служить себѣ. Но впрочемъ я не намѣренъ препираться съ вами объ этомъ предметѣ: мнѣ гораздо интереснѣе послушать ваши разсказы о странѣ, въ которой вы родились, и обо всѣхъ перипетіяхъ вашей жизни до того дня, когда вы прибыли къ намъ".

Я постарался увѣрить его въ моемъ горячемъ желаніи удовлетворить его любопытству по всѣмъ пунктамъ, но выразилъ сомнѣніе, удастся ли мнѣ сдѣлать мое изложеніе вполнѣ удобопонятнымъ, такъ какъ въ моемъ разсказѣ встрѣтится много такого, о чемъ его милость не имѣетъ никакого представленія. „Дѣло въ томъ (прибавилъ я въ поясненіе моей мысли), что многихъ вещей и явленій, весьма обыкновенныхъ въ нашей странѣ, я у васъ совсѣмъ не встрѣчалъ, такъ-что мнѣ даже не съ чѣмъ будетъ ихъ сравнивать, когда придется о нихъ говорить. Но все-таки (такъ я закончилъ мою рѣчь) я всѣми силами постараюсь выражаться какъ можно яснѣе, прибѣгая къ сравненіямъ и уподобленіямъ и обращаясь къ помощи вашей милости, когда у меня не хватитъ словъ".

Мой господинъ любезно обѣщалъ приходить мнѣ на выручку въ такихъ случаяхъ, и я началъ такъ:

„Родился я отъ честныхъ родителей, на островѣ, называемомъ Англія. Этотъ островъ такъ далеко отъ вашей страны, что самому сильному слугѣ вашей милости, чтобы дойти до него, понадобилось бы столько дней, во сколько солнце совершаетъ свой годовой круговоротъ. По ремеслу я—хирургъ, т. е. занимаюсь лѣченіемъ ранъ и ушибовъ, бывающихъ послѣдствіемъ насилія или несчастныхъ случайностей. Страна наша управляется самкой, которую мы зовемъ королевой. Я покинулъ свою отчизну на время, надѣясь разбогатѣть и такимъ образомъ на всю жизнь обезпечить себя и семью. Въ послѣднее мое путешествіе я командовалъ кораблемъ, и подъ начальствомъ у меня состояло около пятидесяти Яу. Изъ нихъ многіе умерли во время плаванія, и я принужденъ былъ замѣнить ихъ другими, набранными въ разныхъ мѣстахъ. Два раза мы подвергались смертельной опасности: одинъ разъ нашъ корабль чуть не потонулъ во время сильной бури, а въ другой разъ мы наткнулись на скалу". Тутъ мой господинъ перебилъ меня вопросомъ, „какимъ образомъ мнѣ удалось убѣдить всѣхъ этихъ Яу разныхъ національностей связать свою судьбу съ моей послѣ столькихъ, понесенныхъ мною, потерь и опасностей, которымъ я подвергался". Я отвѣчалъ: „Все это были такіе ребята, которымъ было нечего терять: почти всѣ они покинули родину, гонимые или бѣдностью, или тяготѣвшими на ихъ совѣсти преступленіями. Однихъ раззорила судебная волокита, другіе размотали свое состояніе на пьянство, на игру и развратъ. Многіе спасались отъ кары закона, будучи осуждены за разныя преступленія: за убійство, за воровство, за отравленіе или грабежъ, за клятвопреступленіе, за подлогъ или за фабрикацію фальшивой монеты, за изнасилованіе или мужеложство, за то, что дезертировали изъ арміи или передались непріятелю. Большинство этихъ преступниковъ бѣжало изъ тюрьмы и ни одинъ не смѣлъ вернуться на родину, потому что рисковалъ попасть на висѣлицу или сгнить заживо въ каменномъ мѣшкѣ. Такимъ образомъ всѣ они были вынуждены искать пропитанія на чужбинѣ".

Мой господинъ нѣсколько разъ прерывалъ вопросами мою рѣчь. Такъ, напримѣръ, я безпрестанно долженъ былъ удаляться въ сторону отъ разсказа, чтобы уяснить ему сущность различныхъ преступленій, совершонныхъ моими матросами и принудившихъ ихъ бѣжать изъ отчизны. Только послѣ нѣсколькихъ дней разговоровъ на эту тему и послѣ усиленныхъ разъясненій съ моей стороны онъ, наконецъ, понялъ меня. Но онъ рѣшительно не могъ понять, какая была польза и какая надобность совершать всѣ эти

злодѣянія. Чтобы выяснить для него этотъ вопросъ, я попытался дать ему нѣкоторое представленіе о жаждѣ богатства и власти, объ ужасающихъ послѣдствіяхъ невоздержности и распутства, о человѣческой злобѣ и зависти. Для опредѣленія всѣхъ этихъ понятій я принужденъ былъ обращаться къ помощи примѣровъ, придумывать подходящіе случаи, дѣлать предположенія. Послѣ каждаго изъ моихъ объясненій мой господинъ, какъ человѣкъ, пораженный чѣмъ-то, дотолѣ неслыханнымъ и невиданнымъ, воздѣвалъ глаза къ небу, изумляясь и негодуя. Власть, правительство, война, законы, наказанія и тысяча другихъ однородныхъ понятій не имѣютъ соотвѣтственныхъ словъ на языкѣ гуингнамовъ; такимъ образомъ трудность предпринятой мною задачи познакомить съ этими понятіями моего господина оказывалась почти непреодолимой. Но, отличаясь недюжиннымъ умомъ, окрѣпшимъ и развившимся въ самоуглубленіи и философскихъ бесѣдахъ, онъ въ концѣ концовъ уразумѣлъ съ достаточной степенью ясности, на что способна человѣческая природа въ нашей части свѣта, и такъ заинтересовался всѣмъ слышаннымъ, что выразилъ желаніе болѣе основательно ознакомиться со страной, которую мы называемъ Европой, и въ особенности съ моимъ отечествомъ.

ГЛАВА V.

По приказанію своего господина авторъ знакомитъ его съ государственнымъ строемъ и общественнымъ бытомъ Англіи.—Причины войнъ между европейскими государями.—Авторъ приступаетъ къ объясненію англійской конституціи.

Позволю себѣ напомнить читателю, что нижеслѣдующія страницы моего повѣствованія представляютъ лишь краткое извлеченіе изъ многочисленныхъ разговоровъ моихъ съ моимъ господиномъ, содержащее только важнѣйшіе изъ вопросовъ, обсуждавшихся нами въ разное время въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, ибо его милость требовалъ отъ меня все болѣе и болѣе пространныхъ объясненій по мѣрѣ того, какъ я совершенствовался въ туземномъ языкѣ. Я описалъ ему, насколько могъ понятнѣе, нашу европейскую жизнь: разсказалъ о нашей торговлѣ и промышленности, объ искусствахъ и наукахъ, и мои отвѣты на вопросы, которые онъ задавалъ по мѣрѣ того, какъ я переходилъ отъ предмета къ предмету, служили неизсякаемымъ источникомъ все новыхъ и новыхъ бесѣдъ. Но здѣсь я изложу только главную суть моихъ разсказовъ о моемъ отечествѣ, строго придерживаясь истины, но соблюдая лишь общую послѣдовательность въ моемъ изложеніи, независимо отъ того, въ какомъ порядкѣ сообщались мною отдѣльные факты. Я боюсь одного: боюсь, что не смогу дать читателю вполнѣ точное представленіе о блестящей аргументаціи моего господина, о его возраженіяхъ и глубокихъ замѣчаніяхъ, и что они много потеряютъ въ моей неумѣлой передачѣ, а равно и въ переводѣ на нашъ варварскій языкъ.

Повинуясь приказанію его милости, я разсказалъ ему исторію революціи при принцѣ Оранскомъ и многолѣтней войны нашей съ Франціей, начатой вышеупомянутымъ принцемъ и возобновленной его преемницей, нынѣ царствующей королевой,—войны, въ которую вмѣшались могущественнѣйшія державы христіанскаго

міра и которая тянется и до сихъ поръ. По его требованію я сдѣлалъ вычисленіе, показавшее, что „около милліона европейскихъ Яу было перебито за эту войну, взято болѣе ста городовъ, и болѣе пятисотъ кораблей сожжено или пущено ко дну".

Онъ спросилъ меня: „Какія бываютъ обыкновенно причины возникновенія войнъ и по какимъ поводамъ государи объявляютъ войну иноземнымъ державамъ"? Я отвѣчалъ: „Причины войнъ неисчислимы; я назову только главнѣйшія изъ нихъ. Иногда поводомъ къ объявленію войны является честолюбіе государя (вѣдь короли никогда не довольствуются тѣмъ, что имѣютъ: имъ всегда кажется, что у нихъ мало подданныхъ и земель); иногда—подлость министра, который находитъ выгоднымъ для себя втянуть въ войну своего господина, чтобы отвлечь вниманіе его подданныхъ отъ внутреннихъ неурядицъ—послѣдствія плохого управленія страной,—и такимъ образомъ смягчить ихъ недовольство. Разногласіе во мнѣніяхъ также неоднократно служило поводомъ къ войнѣ и стоило милліоновъ жизней. Такъ, напримѣръ, оружіемъ рѣшались споры о томъ, есть ли хлѣбъ тѣло, а тѣло—хлѣбъ; признавать ли виномъ или кровью сокъ одной ягоды, извѣстной у насъ подъ именемъ винограда; грѣшно ли свистать въ церкви; слѣдуетъ ли цѣловать кресты; какой цвѣтъ предпочтителенъ для поповской одежды: черный, бѣлый, красный или сѣрый, и какого она должна быть покроя и вида: длинная или короткая, широкая или узкая, чистая или грязная; и многое другое въ этомъ родѣ. И нѣтъ болѣе жестокихъ, болѣе кровавыхъ и длительныхъ войнъ, какъ войны изъ-за розни во мнѣніяхъ, особенно когда споръ идетъ о пустякахъ".

Иногда между двумя монархами возгорается ссора изъ-за того, кому завладѣть землями третьяго, на которыя ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакихъ правъ. А бываетъ и такъ, что одинъ монархъ задираетъ другого изъ страха, чтобы тотъ не догадался первый сдѣлать съ нимъ того же. Иной разъ война начинается оттого, что соперникъ слишкомъ силенъ, въ другой разъ оттого, что онъ достаточно слабъ. Случается, что мы деремся съ сосѣдями на томъ основаніи, что у нихъ много такого, чего у насъ нѣтъ или имъ хочется получить то, чего у насъ много, и драка продолжается до тѣхъ поръ, пока или мы ихъ не ограбимъ, или они не отнимутъ у насъ то, чего имъ надо. Если мы видимъ, что сосѣдняя страна раззорена голодомъ, истощена моровой язвой или ослаблена внутренними смутами, это вполнѣ законный поводъ объявить ей войну. Не менѣе законно будетъ напасть съ оружіемъ въ рукахъ на вѣрнаго союзника, когда насъ соблазняетъ своимъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ какой-нибудь изъ его

городовъ или когда мы находимъ удобнымъ округлить наши владѣнія захватомъ у него кусочка земли. Если населеніе враждебной намъ державы бѣдно и невѣжественно, то, посылая туда наши войска, мы имѣемъ полное право перебить половину всѣхъ жителей, а остальныхъ обратить въ рабство, дабы вывести ихъ изъ состоянія варварства и просвѣтить свѣтомъ цивилизаціи. Если какой-нибудь государь попроситъ помощи у другого для освобожденія своихъ владѣній отъ вражескаго нашествія и если послѣдній, прогнавъ враговъ союзника, котораго онъ пришелъ освободить, завладѣетъ его государствомъ (что практикуется очень часто), а самого его убьетъ, заточитъ въ темницу или отправитъ въ изгнаніе,—онъ поступитъ благородно и вполнѣ по царски. Кровное родство и брачный союзъ также нерѣдко служатъ причиною возникновенія войнъ, и чѣмъ тѣснѣе родство между двумя государями, тѣмъ больше поводовъ у нихъ къ распрямъ. Населеніе бѣдныхъ странъ голодаетъ, богатыя націи очень горды; а голодъ и гордость не могутъ жить въ мирѣ. Въ виду всего вышесказаннаго ремесло солдата считается самымъ почетнымъ, ибо солдатъ есть такой Яу, которому платятъ за то, чтобы онъ съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ и какъ можно въ большемъ количествѣ убивалъ своихъ ближнихъ, не сдѣлавшихъ ему ни малѣйшаго зла.

„Кромѣ того, въ Европѣ существуетъ особый видъ королей—королей-нищихъ, у которыхъ нѣтъ средствъ воевать за свой страхъ и которые отдаютъ свои войска въ наемъ болѣе богатымъ державамъ постольку-то въ день за человѣка: три четверти получаемой платы они берутъ себѣ, и это составляетъ главную статью ихъ доходовъ. Таковы многіе короли сѣверной части Европы“.

„Все то, что вы мнѣ разсказали о вашихъ европейскихъ войнахъ“ замѣтилъ мой господинъ, „можетъ служить только новымъ поразительнымъ подтвержденіемъ моего мнѣнія о пользѣ того разума, которымъ вы такъ гордитесь. Хорошо еще, что во всемъ этомъ меньше опасности, чѣмъ позора, потому-что природа создала васъ неспособными сильно вредить, сдѣлавъ вашъ ротъ такимъ плоскимъ, что вы не можете сколько-нибудь чувствительно кусаться, иначе какъ съ обоюднаго согласія дерущихся, а когти на вашихъ заднихъ и переднихъ ногахъ—такими мягкими и короткими, что каждый изъ нашихъ Яу легко одолѣетъ дюжину вашихъ собратій. Вотъ почему я не могу не заподозрить, что, называя цифры убитыхъ въ вашихъ сраженіяхъ, вы говорили мнѣ небылицы“.

Я невольно покачалъ головой и улыбнулся его невѣдѣнію. Затѣмъ, будучи довольно хорошо знакомъ съ техникой военнаго дѣла,

я описалъ ему въ общихъ чертахъ наше огнестрѣльное и холодное оружіе—наши пушки, кульверины, мушкеты, карабины и пистолеты, наши штыки и сабли; объяснилъ дѣйствіе пороха, ядеръ и пуль; далъ общее понятіе объ атакахъ и отступленіяхъ, о минахъ и контръ-минахъ, о морскихъ сраженіяхъ и бомбардировкахъ; разсказалъ, какъ мы пускаемъ ко дну корабли съ тысячами людей; какъ иной разъ по двадцати тысячъ человѣкъ погибаетъ съ каждой стороны въ одной битвѣ; какъ стонутъ умирающіе; какъ въ воздухѣ летаютъ оторванныя головы, руки и ноги; какъ въ общей свалкѣ, въ облакахъ порохового дыма, подъ грохотъ орудій, лошади топчутъ ногами упавшихъ; какъ одни бѣгутъ, другіе ихъ преслѣдуютъ, и это значитъ, что послѣдніе побѣдили; какъ послѣ такихъ побѣдъ земля покрывается трупами, которые остаются на съѣденіе собакамъ, волкамъ и хищнымъ птицамъ; какъ побѣдители грабятъ побѣжденныхъ, разбойничаютъ, опустошаютъ ихъ страну, выжигаютъ города и села, все разрушаютъ на своемъ пути. И, дабы рельефнѣе выставить доблесть моихъ дорогихъ соотечественниковъ, я завѣрилъ его милость честнымъ словомъ, что „я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ наши взорвали сотню враговъ при осадѣ одной непріятельской крѣпости, да столько-же ихъ взлетѣло на воздухъ съ непріятельскимъ кораблемъ, и что я видѣлъ своими глазами, какъ куски мертвыхъ тѣлъ дождемъ падали сверху, къ великому удовольствію зрителей *)“.

Я собирался было перейти къ дальнѣйшимъ подробностямъ,

---

*) Самое пылкое краснорѣчіе, самые хитроумные аргументы не могли бы, мнѣ кажется, съ большей наглядностью показать всю нелѣпость, всю несправедливость и возмутительную жестокость войны, чѣмъ этотъ простой пріемъ изображенія войны въ новомъ свѣтѣ. Война, заключающая въ себѣ всѣ виды беззаконія, всѣ способы разрушенія, не возмущаетъ насъ: мы свыкаемся съ этимъ понятіемъ постепенно, выражая его спеціальными терминами, въ смыслъ которыхъ рѣдко вникаемъ, потому-что учимъ ихъ въ такомъ возрастѣ, когда умъ безотчетно воспринимаетъ и удерживаетъ все, что отпечатлѣвается въ мозгу. Такъ, когда человѣкъ убиваетъ другого, чтобы насытить свои вожделѣнія, мы содрагаемся; а когда люди убиваютъ милліоны себѣ подобныхъ въ угоду своему тщеславію, мы одобряемъ, восхищаемся, завидуемъ и рукоплещемъ. Поэтому, когда, пробѣжавъ эту и предыдущія страницы, читатель съ удивленіемъ убѣдится, что всѣ тѣ факты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не возбуждали въ немъ никакого волненія, когда онъ читалъ о нихъ въ исторіи, и что тогда, напротивъ, онъ одобрялъ войну, хотя не могъ не знать, по какимъ поводамъ войны возникаютъ и какими способами ихъ ведутъ, — когда онъ въ этомъ убѣдится, то пусть не осуждаетъ за несправедливое униженіе человѣчества того человѣка, который, ради блага своихъ ближнихъ и чтобы сохранить имъ жизнь, сорвалъ покровы съ рутины и предразсудка и показалъ во всемъ ихъ прирожденномъ безобразіи пороки, тяготѣющіе проклятіемъ на ихъ головахъ, и ухищренія человѣческой изобрѣтательности, губящія ихъ.—*Гоксвортъ*.

но господинъ мой приказалъ мнѣ замолчать. „Всякій, кто изучилъ натуру Яу“, сказалъ онъ, „легко повѣритъ, что эти злыя животныя способны на самый подлый изъ описанныхъ вами подлыхъ поступковъ, если только у нихъ хватитъ силы и сметки его совершить. Но вашъ разсказъ, усиливъ мое отвращеніе къ этой гнусной породѣ, глубоко возмутилъ мою душу, поднялъ въ ней такое негодованіе и скорбь, какихъ я никогда не испытывалъ раньше. Боюсь, что мои уши мало-по-малу привыкнутъ ко всѣмъ этимъ ужаснымъ словамъ, и они уже не будутъ возбуждать во мнѣ того омерзѣнія, какое возбуждаютъ теперь. Хоть я и ненавижу Яу нашей страны, я все-таки не могу осуждать ихъ за ихъ мерзкія качества, какъ не могу осуждать какого-нибудь *гнайха* (хищную птицу) за его жестокость или острый камень за то, что онъ порѣзалъ мнѣ ногу. Но когда видишь, что существо, имѣющее притязаніе считаться разумнымъ, оказывается способно на всякія гнусности, то остается только притти къ печальному выводу, что извращенный умъ хуже полнаго отсутствія этой способности, какое мы наблюдаемъ у скотовъ. Потому-то я и склоняюсь къ тому убѣжденію, что вы и ваши родичи обладаете не разумомъ, а какимъ-то особеннымъ несчастнымъ качествомъ или даромъ, только усугубляющимъ прирожденную вамъ порочность, все равно какъ отраженіе уродливаго тѣла на волнующейся поверхности ручья представляется не только въ увеличенномъ, но и въ еще болѣе искаженномъ видѣ, сравнительно съ оригиналомъ.

„Довольно уже я наслушался о войнѣ, и сейчасъ, и въ предыдущихъ нашихъ бесѣдахъ“, продолжалъ мой господинъ. „Теперь же мнѣ хотѣлось бы уяснить себѣ еще одинъ вопросъ. Вы говорили, что нѣкоторые изъ вашихъ матросовъ покинули родину изъ-за того, что ихъ раззорила судебная волокита. Вы уже объяснили мнѣ значеніе словъ *судъ* и *законъ*, но я никакъ не возьму въ толкъ, какимъ образомъ законъ, имѣющій своимъ назначеніемъ ограждать права человѣка, можетъ его раззорить. Поэтому я просилъ бы васъ объяснить мнѣ болѣе обстоятельно, что вы разумѣете подъ словомъ *законъ* и что изъ себя представляютъ блюстители закона, примѣняющіе его на практикѣ въ вашей странѣ. Я же лично полагаю, что природа и разумъ—достаточно надежные руководители для разумныхъ животныхъ, какими вы себя почитаете, и что въ каждомъ данномъ случаѣ они намъ указываютъ вполнѣ безошибочно, что мы должны дѣлать и чего избѣгать“.

Я объяснилъ его милости, что „законодательство и судопроизводство представляютъ особую, весьма обширную область знаній“, и прибавилъ, что „хоть я и не особенно искусился въ этой наукѣ (такъ какъ все мое знакомство съ ней ограничивается су-

дебнымъ процессомъ, который я велъ, думая возстановить свои нарушенныя права, и на который я понапрасну истратился, нанявъ адвоката), но что я тѣмъ не менѣе готовъ отвѣтить на занимающій его вопросъ по мѣрѣ моего разумѣнія".

Затѣмъ я началъ такъ: „Въ моемъ отечествѣ существуетъ особая корпорація законниковъ или адвокатовъ. Это такія Яу, которыхъ съ юныхъ лѣтъ учатъ изображать бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, и которые многословно и краснорѣчиво докажутъ вамъ то или другое, смотря по тому, за что имъ заплатили. Эта корпорація держитъ въ рабствѣ все населеніе страны. Такъ напримѣръ, если моему сосѣду понравилась моя корова, онъ нанимаетъ адвоката съ тѣмъ, чтобы тотъ доказалъ, что онъ имѣетъ право отобрать мою корову. Тогда, чтобъ отстоять мои права, мнѣ не остается ничего больше, какъ нанять другого адвоката, такъ какъ говорить на судѣ самому за себя противно всѣмъ правиламъ юридической науки. Очутившись въ такомъ положеніи, я—настоящій владѣлецъ коровы, — имѣю два крупныхъ шанса противъ меня: во-первыхъ, мой адвокатъ, напрактиковавшись чуть-ли не съ колыбели въ искусствѣ отстаивать ложь, чувствуетъ себя выбитымъ изъ колеи, оказавшись защитникомъ праваго дѣла,—обязанность, его натурѣ совершенно несвойственная и за которую поэтому онъ берется въ высшей степени неумѣло, чтобы не сказать—изъ подъ палки; во-вторыхъ, мой адвокатъ долженъ вести дѣло съ крайней осмотрительностью, иначе онъ рискуетъ получить нахлобучку отъ судей и возбудить къ себѣ ненависть своихъ собратій по ремеслу, какъ человѣкъ, старающійся сузить поле примѣненія закона. Такимъ образомъ мнѣ остается только два способа удержать за собой мою корову. Первый способъ—подкупить адвоката противной стороны, посуливъ ему двойной гонораръ, и тогда онъ утопитъ своего кліента, давъ понять господамъ судьямъ, что право на его сторонѣ. Второй способъ—попросить моего адвоката, чтобъ онъ постарался представить мой искъ неправильнымъ и противозаконнымъ, согласившись, что корова должна по справедливости принадлежать моему противнику: эта уловка, если ее продѣлать съ надлежащимъ искусствомъ, навѣрняка расположитъ въ мою пользу судейскую скамью. Я долженъ объяснить вашей милости, что наши судьи, на обязанности которыхъ лежитъ рѣшеніе всѣхъ имущественныхъ споровъ, а равно и постановленіе приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ, выбираются изъ числа искуснѣйшихъ адвокатовъ, которые успѣли состариться и облѣниться. А такъ какъ эти господа всю свою жизнь были гонителями правды и справедливости, то, сдѣлавшись судьями, они естественно продолжаютъ покровительствовать обману, клятвопреступленію и насилію; это что-то до такой

степени фатальное, роковое, что есть судьи (я самъ знавалъ такихъ), которые лучше откажутся отъ крупной взятки, если ее предлагаетъ тотъ изъ тяжущихся, на чьей сторонѣ справедливость, чѣмъ рѣшатся опозорить свое сословіе неподобающимъ характеру его спеціальности правильнымъ рѣшеніемъ дѣла.

„У судей есть такое правило, что все, что было постановлено по судебнымъ дѣламъ ими или ихъ предшественниками, получаетъ санкцію закона и должно быть постановляемо вновь. Поэтому они самымъ тщательнымъ образомъ записываютъ всѣ рѣшенія, къ какимъ они когда-либо приходили вопреки человѣческой справедливости и здравому смыслу. На эти рѣшенія, именуемыя у нихъ прецедентами, ссылаются, какъ на авторитетъ, адвокаты въ оправданіе самыхъ софистическихъ мнѣній, и судьи считаютъ своимъ священнымъ долгомъ сообразоваться съ прецедентами въ своихъ приговорахъ.

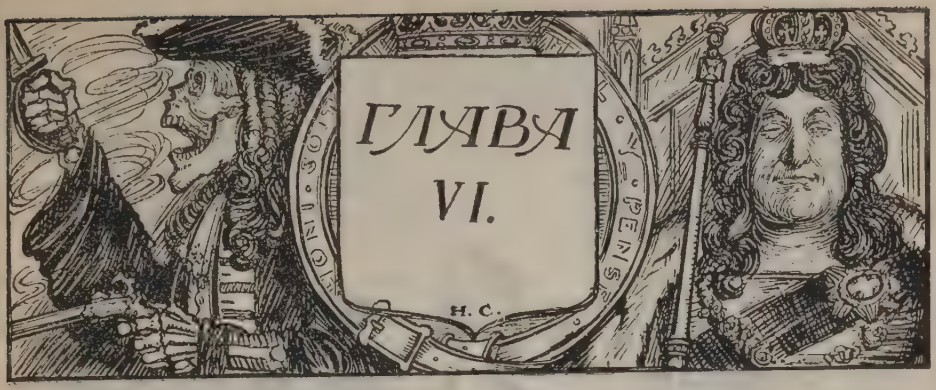
„Во время судебныхъ преній адвокаты старательно избѣгаютъ касаться сути дѣла, но зато весьма витіевато, громогласно и усыпительно распространяются обо всемъ, что не имѣетъ къ нему ни малѣйшаго отношенія. Взять напримѣръ, хотя-бы вышеприведенный случай съ коровой. Произнося свою рѣчь, мой адвокатъ и не подумаетъ выяснить, какія права имѣетъ мой противникъ на мою корову и чѣмъ онъ можетъ ихъ доказать, но зато онъ досконально изслѣдуетъ, какого цвѣта вышереченная корова—рыжая или черная; какіе у нея рога—короткіе или длинные; какой формы—квадратной или круглой—тотъ лугъ, на которомъ ее пасутъ; гдѣ ее доятъ—дома или на пастбищѣ; какимъ она подвержена болѣзнямъ и такъ далѣе. Потомъ онъ подыщетъ нужные прецеденты, а потомъ... дѣло будетъ откладываться съ сессіи на сессію и черезъ десять, двадцать, тридцать лѣтъ чѣмъ-нибудь рѣшится.

„Не мѣшаетъ также замѣтить, что корпорація законовѣдовъ имѣетъ свой особый жаргонъ, котораго не пойметъ ни одинъ простой смертный и на которомъ пишутся всѣ законы, при чемъ эти законы такъ усердно дополняются и коментируются, что въ концѣ концовъ правда и неправда перепутываются въ нихъ до полной невозможности отличить законное право отъ противузаконнаго притязанія, и въ результатѣ оказывается, что нужно не менѣе тридцати лѣтъ для того, чтобы рѣшить, кому принадлежитъ поле, унаслѣдованное мною отъ моихъ предковъ, владѣвшихъ имъ въ шести поколѣніяхъ,—мнѣ, или какому-нибудь иностранцу, проживающему за триста миль отъ него.

„При разбирательствѣ дѣлъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ судебная процедура бываетъ несравненно проще и

короче: судья заранѣе щупаетъ почву, т. е. освѣдомляется о настроеніи предержащихъ властей, и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, или оправдываетъ обвиняемаго, или вѣшаетъ съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ формъ".

На этомъ мѣстѣ мой господинъ меня перебилъ. „Какъ жаль", сказалъ онъ, „что такая баснословная сила ума, какою, по вашимъ словамъ, обладаютъ ваши законники, въ сущности пропадаетъ задаромъ, тогда какъ они могли бы отдать ее на служеніе своимъ ближнимъ, сдѣлавшись ихъ учителями и руководителями". На это я отвѣтилъ его милости такъ: „Во всемъ, что не входитъ въ кругъ вѣдѣнія ихъ профессіи, наши законники—самая тупоумная и невѣжественная порода людей, не возбуждающая ничего, кромѣ презрѣнія внѣ сферы дѣловыхъ отношеній. Это заклятые враги всякаго знанія, съ одинаковымъ успѣхомъ извращающіе здравый человѣческій смыслъ какъ въ вопросахъ по своей спеціальности, такъ и во всѣхъ остальныхъ".



Продолженіе описанія Англіи при королевѣ Аннѣ.—Что такое первый министръ при европейскихъ дворахъ.

Несмотря на всѣ мои объясненія, мой господинъ не могъ понять, что побуждаетъ нашихъ законниковъ такъ дружно ополчаться противъ правды и справедливости и доставлять себѣ столько труда, хлопотъ и безпокойства единственно ради того, чтобы вредить своимъ ближнимъ; не понималъ онъ также, что я разумѣю, говоря, что они дѣлаютъ это за плату. Тогда я объяснилъ ему (хоть и съ великимъ трудомъ), что такое деньги; разсказалъ, изъ какого матеріала ихъ дѣлаютъ, и далъ понятіе о стоимости различныхъ металловъ. „Яу, обладающій большимъ запасомъ этого драгоцѣннаго вещества“, сказалъ я, объясняя значеніе денегъ, „можетъ имѣть все, что пожелаетъ: самыя изящныя статьи туалета, великолѣпнѣйшіе дома, большія пространства земли, самыя дорогія яства и напитки и красивѣйшихъ самокъ по своему выбору. И такъ какъ однѣ только деньги имѣютъ власть творить всѣ эти чудеса, то нашему Яу, какъ бы онъ ни былъ богатъ, всегда кажется, что у него мало денегъ, и хочется имѣть ихъ еще больше,—на то ли, чтобы тратить, или на то, чтобъ копить, смотря по тому, къ чему онъ больше склоненъ отъ природы: къ скопидомству или къ мотовству. Богатые Яу пользуются плодами труда бѣдняковъ, а богачей одинъ на тысячу; такимъ образомъ, главная масса народа принуждена работать изо дня въ день за ничтожную плату и вести нищенское существованіе ради того, чтобы немногіе избранные могли жить въ довольствѣ“.

Я долго говорилъ на эту тему и привелъ въ подтвержденіе моихъ словъ множество фактовъ, но его милость продолжалъ недоумѣвать, не понимая меня, ибо въ своихъ разсужденіяхъ онъ исходилъ изъ того положенія, что каждое животное имѣетъ право на свою долю произведеній земли, а тѣмъ болѣе животное, гос-

Яу всегда кажется, что у него мало денегъ и хочется имѣть ихъ еще больше

подствующее надъ остальными. Въ виду этого онъ попросилъ меня объяснить, „изъ чего состоятъ дорогія яства, о которыхъ я говорилъ, и отчего—если они такъ дороги,—мы не можемъ отказаться отъ нихъ“. Тогда я перечислилъ все, что только могъ припомнить по части ѣды и питья; описалъ способы приготовленія различныхъ закусокъ и блюдъ, и сказалъ, что для того, чтобы добыть нѣкоторыя изъ описанныхъ снѣдей, а также напитковъ, приправъ и прочихъ лакомствъ, которымъ нѣсть числа, мы разсылаемъ корабли во всѣ концы свѣта. „Нужно по меньшей мѣрѣ три раза объѣхать весь земной шаръ“, прибавилъ я, „для того, чтобы какая-нибудь знатная богачиха изъ нашихъ Яу женскаго пола могла позавтракать и чтобы у нея было на чемъ ѣсть и изъ чего пить“. „Какъ бѣдна должна быть ваша страна“, замѣтилъ онъ на это, „если она не можетъ прокормить своихъ обитателей! Но что меня больше всего поражаетъ, такъ это то, что столь обширное пространство земли (какое, по вашимъ словамъ, занимаетъ ваше отечество) совершенно лишено прѣсной воды, такъ-что вамъ приходится посылать за напитками въ заморскія страны“. Я отвѣчалъ ему такъ: „Точныя вычисленія показали, что Англія, моя дорогая отчизна, производитъ втрое больше пищевыхъ веществъ, чѣмъ въ состояніи потребить всѣ ея обитатели, а равно и напитковъ, которые у насъ частью добываются изъ зерна, частью изъ плодовъ нѣкоторыхъ породъ деревьевъ, и доставляютъ превосходное питье; въ соразмѣрномъ количествѣ производитъ она и всѣ прочіе предметы потребленія. Но такъ сильна у насъ страсть къ роскоши и всякимъ излишествамъ, что для того, чтобы удовлетворить въ этомъ отношеніи невоздержность самцовъ и тщеславіе самокъ, мы отсылаемъ въ чужеземныя страны большую часть предметовъ первой необходимости изъ отечественныхъ произведеній и получаемъ въ замѣнъ для распространенія между нами все то, что служитъ источникомъ болѣзней, чѣмъ питаются безуміе и порокъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей является то, что массы народа принуждены снискивать себѣ пропитаніе нищенствомъ, грабежомъ, воровствомъ, плутовствомъ, сводничествомъ, подхалимствомъ, вымогательствомъ, мошенничествами всякаго рода, клятвопреступничествомъ, азартной игрой, лганьемъ, низкопоклонствомъ, продажей на выборахъ своихъ голосовъ, бумагомараньемъ, шарлатанствомъ, распутствомъ, отравительствомъ, ханжествомъ, пасквилянтствомъ, дешевымъ вольнодумствомъ и тому подобными занятіями“.

Надо замѣтить, что каждый изъ этихъ терминовъ я долженъ былъ объяснить моему господину, что было нелегко. Затѣмъ я продолжалъ: „Изъ чужеземныхъ странъ къ намъ привозятъ вино,

но привозятъ его не потому, чтобы у насъ не хватало воды, а потому, что вино, отнимая сознаніе дѣйствительности, имѣетъ свойство веселить, разсѣивать грустныя мысли, порождать въ мозгу дикія, нелѣпыя представленія, возбуждать радужныя надежды, прогонять страхъ, вообще прекращать на время сознательную дѣятельность разума. Напившись вина, мы совершенно теряемъ человѣческій смыслъ, перестаемъ владѣть нашими членами и, наконецъ, впадаемъ въ глубокій сонъ. Но, чтобы быть правдивымъ до конца, я долженъ прибавить, что послѣ такого сна мы пробуждаемся больными и разбитыми и что вообще употребленіе этого напитка награждаетъ насъ болѣзнями, которыя отравляютъ и сокращаютъ нашу жизнь.

„Помимо перечисленныхъ выше сомнительныхъ источниковъ существованія, бѣдное населеніе нашей страны имѣетъ и другіе: огромная масса народа зарабатываетъ хлѣбъ тѣмъ, что снабжаетъ предметами роскоши и первой необходимости богачей и другъ друга. Такъ напримѣръ, для того, чтобы я могъ считаться прилично одѣтымъ, я долженъ навѣсить на себя издѣлія цѣлой сотни ремесленниковъ; по крайней мѣрѣ, вдвое больше рукъ понадобится мнѣ, чтобы построить и обставить мой домъ, и въ пять разъ больше, чтобы одѣть и разукрасить мою жену“.

Затѣмъ я сталъ разсказывать моему господину о другого рода ремесленникахъ, добывающихъ средства къ жизни лѣченьемъ больныхъ. Я уже и раньше неоднократно имѣлъ случай докладывать его милости, что многіе изъ экипажа моего корабля умерли отъ болѣзней, но несмотря на это, мнѣ стоило теперь величайшаго труда растолковать ему, что я собственно разумѣю подъ словами *болѣзнь* и *больной*. „Для меня совершенно понятно“, говорилъ онъ, „что гуингнамъ можетъ ослабѣть и отяжелѣть за нѣсколько дней до смерти, что онъ можетъ, наконецъ, вслѣдствіе какой-нибудь несчастной случайности вывихнуть или сломать себѣ ногу; но чтобы природа, столь совершенная въ своихъ твореніяхъ, могла допустить присутствіе постояннаго источника страданія въ тѣлѣ живого существа,—это по моему невозможно, и я хотѣлъ бы знать причину такого необъяснимаго зла“.

Въ отвѣтъ на это я разсказалъ ему, что „мы употребляемъ въ пищу множество такихъ веществъ, которыя не вяжутся между собой, оказывая на организмъ совершенно различное, нерѣдко даже противуположное дѣйствіе“; что „мы ѣдимъ, не чувствуя голода, и пьемъ, не чувствуя жажды“; что „мы просиживаемъ цѣлыя ночи, распивая крѣпкіе напитки и ничѣмъ ихъ не заѣдая, а крѣпкіе напитки въ неумѣренномъ количествѣ располагаютъ къ лѣни, горячатъ кровь и нарушаютъ пищевареніе“; что „у насъ

существуетъ особый классъ самокъ, торгующихъ своимъ тѣломъ и извѣстныхъ подъ именемъ проституткъ"; что „эти проститутки часто заболѣваютъ особаго рода болѣзнью, сопровождающейся гніеніемъ костей, и заражаютъ самцовъ, покупающихъ ихъ ласки"; что „какъ эта, такъ и многія другія наши болѣзни передаются изъ рода въ родъ отъ отца къ сыну, и такимъ образомъ тысячи людей, рождаясь на свѣтъ, уже носятъ въ себѣ зачатки самыхъ сложныхъ недуговъ". „Я никогда бы не кончилъ", прибавилъ я, „если бы сталъ перечислять всѣ виды заболѣваній, которымъ подверженъ нашъ организмъ. Мы ихъ насчитываемъ не менѣе пяти или шестисотъ. Нѣтъ въ нашемъ тѣлѣ ни одного сустава, который не поражала бы какая-нибудь болѣзнь: короче, каждая часть нашего тѣла, каждый изъ нашихъ наружныхъ и внутреннихъ органовъ имѣетъ свою специфическую, присущую ему болѣзнь. Въ виду этого у насъ образовался цѣлый классъ спеціалистовъ, обладающихъ или претендующихъ на обладаніе искусствомъ вылѣчивать больныхъ. А такъ какъ я немного знакомъ съ этимъ дѣломъ, то, въ знакъ моей признательности къ вашей милости, я могу посвятить васъ въ тайну тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ эти господа въ своемъ ремеслѣ.

„Переполненіе желудка—причина всѣхъ болѣзней: таково основное ихъ положеніе. Отсюда естественный выводъ: въ каждомъ случаѣ заболѣванія необходимо прежде всего хорошенько прочистить желудокъ или черезъ задній проходъ, или черезъ ротъ. Съ этою цѣлью составляются разныя смѣси изъ травъ, минераловъ, смолистыхъ и маслянистыхъ веществъ, изъ ракушекъ, солей, растительныхъ соковъ, изъ морскихъ водорослей, экскрементовъ, древесной коры, изъ змѣй и лягушекъ, изъ жабъ и пауковъ, изъ мяса и костей умершихъ людей, дохлыхъ птицъ, рыбъ и четвероногихъ. Главное условіе при составленіи такого рода смѣси—это чтобы она имѣла самый тошнотворный запахъ и вкусъ и, благодаря этому, тотчасъ послѣ пріема выбрасывалась-бы назадъ. Это средство называется у нихъ рвотнымъ. Но въ ихъ ученомъ арсеналѣ имѣются и другія лѣкарства, фабрикуемыя изъ тѣхъ же матеріаловъ съ прибавкой еще какихъ-то вредоносныхъ веществъ. На вкусъ составы этой второй категоріи, извѣстныя подъ названіемъ слабительныхъ, нисколько не пріятнѣе рвотнаго, и какъ рвотное дѣйствуетъ на желудокъ, такъ они дѣйствуютъ на кишки. Будучи введено въ организмъ паціента черезъ пищепріемное отверстіе, а иногда (если врачу придетъ такая фантазія) и черезъ задній проходъ (въ послѣднемъ случаѣ это будетъ называться клистиромъ), такое снадобье разслабляетъ пищеварительные органы и быстро прочищаетъ кишечникъ, выгоняя наружу все его содер-

жимое. Врачи весьма остроумно объясняютъ необходимость примѣненія клистировъ и рвотныхъ. „Природа“, говорятъ они, „предназначила верхнее отверстіе для введенія въ организмъ твердыхъ и жидкихъ пищевыхъ веществъ, а нижнее заднее для выдѣленія экскрементовъ; а такъ какъ всякая болѣзнь нарушаетъ естественныя отправленія, выгоняя, такъ сказать, природу изъ ея владѣній, то, чтобы возстановить послѣднюю въ ея правахъ, мы въ свою очередь выгоняемъ болѣзнь, вышибая клинъ клиномъ, т. е. вводя пищевыя вещества черезъ задній проходъ, а черезъ ротъ прочищая желудокъ и заставляя такимъ образомъ нижнее отверстіе отправлять функцію верхняго и обратно“.

„Кромѣ настоящихъ болѣзней, у насъ существуетъ еще много воображаемыхъ, для излѣченія которыхъ все тѣ же искусники изобрѣли воображаемыя лѣкарства, для каждой болѣзни особыя. Всѣ болѣзни этой второй категоріи имѣютъ также свои спеціальныя названія, и ими вѣчно страдаютъ наши Яу женскаго пола.

„Но въ чемъ наши врачи достигли неоспоримаго совершенства, такъ это въ отгадываніи исхода болѣзней, который они предсказываютъ почти безошибочно. Впрочемъ, объясняется это весьма просто. Во всѣхъ случаяхъ дѣйствительныхъ заболѣваній, какъ только болѣзнь принимаетъ мало-мальски злокачественный характеръ, эти господа приговариваютъ больного къ смерти. А уморить человѣка гораздо легче, чѣмъ вылѣчить, и всегда зависитъ отъ нихъ; поэтому, если бы, уже послѣ произнесенія надъ паціентомъ смертнаго приговора, у него неожиданно обнаружились признаки улучшенія, они всегда сумѣютъ, прописавъ ему хорошую дозу надлежащаго снадобья, доказать міру свою проницательность и такимъ образомъ избѣгнуть обвиненія въ шарлатанствѣ.

„Особенно полезны бываютъ врачи мужьямъ, которымъ надоѣли ихъ жены, и женамъ, которымъ надоѣли мужья. Такого же рода спеціальныя услуги оказываютъ они старшимъ сыновьямъ знатныхъ фамилій, первымъ министрамъ и нерѣдко королямъ“*.

Мнѣ уже и раньше приходилось бесѣдовать съ моимъ господиномъ о правленіяхъ и правительствахъ вообще и въ частности о превосходной нашей конституціи, вполнѣ заслуженно возбуждающей удивленіе и зависть всего міра. Но когда въ этотъ разъ я случайно упомянулъ о первыхъ министрахъ, его милость по-

*) Свифтъ нападаетъ на врачей такъ же жестоко, какъ онъ нападалъ рачьше на юристовъ, Дѣйствительно, во времена Свифта всякаго рода шарлатаны и обманщики, число которыхъ было не мало, сильно подорвали репутацію этой почтенной и полезной профессіи.

требовалъ, чтобы я ему объяснилъ, какую именно породу Яу я разумѣю подъ этимъ названіемъ.

На это я отвѣчалъ: „Чтобы дать вѣрную характеристику перваго министра европейскихъ державъ, я прежде всего долженъ сказать, что это существо, которое не знаетъ ни радости, ни горя, ни ненависти, ни любви, ни жалости, ни гнѣва, или, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не проявляетъ этихъ страстей, да и вообще никакихъ чувствъ, кромѣ неутолимой жажды богатства, власти и почестей. Даромъ слова первый министръ пользуется для чего угодно, но только не для выраженія своихъ мыслей: если когда-нибудь онъ и обмолвится правдой, такъ это значитъ, что онъ хочетъ, чтобы ее приняли за ложь, а лжетъ онъ въ томъ расчетѣ, что его ложь сойдетъ за правду.

Чѣмъ безпощаднѣе онъ честитъ васъ у васъ за спиной, тѣмъ, значитъ, вѣрнѣе ваши шансы на повышеніе; но съ той минуты, какъ онъ началъ васъ хвалить въ глаза или за глаза, вы можете считать себя пропащимъ человѣкомъ. Если онъ обѣщалъ вамъ исполнить вашу просьбу, это самый зловѣщій изъ признаковъ, въ особенности, когда обѣщаніе было подкрѣплено клятвенными увѣреніями: послѣ такихъ увѣреній каждый благоразумный человѣкъ спѣшитъ убраться подальше и разстается съ надеждой навсегда.

„Есть три способа сдѣлаться первымъ министромъ. Первый способъ—это съ умѣньемъ и расчетомъ пустить въ дѣло женскія чары жены, сестры или дочери; второй способъ—подкопаться подъ своего предшественника и такъ или иначе (при помощи предательства, доноса, клеветы или иныхъ дипломатическихъ уловокъ) его утопить; третій способъ—публично громить съ пѣной у рта порочные нравы двора. И надо замѣтить, что мудрый монархъ всегда отдастъ предпочтеніе практикующимъ послѣдній способъ, ибо изъ этихъ-то протестантовъ и выходятъ всегда самые услужливые исполнители воли господина, самые угодливые потатчики его капризамъ и страстямъ. Располагая по своему произволу всѣми государственными должностями, первый министръ безъ труда удерживаетъ за собою власть посредствомъ подкупа членовъ сената и государственнаго совѣта, а въ концѣ своего служебнаго поприща, воспользовавшись весьма удобнымъ для него закономъ—такъ называемымъ актомъ помилованія (сущность котораго я тутъ же объяснилъ моему господину), избавляющимъ его отъ отчета въ его образѣ дѣйствій,—удаляется отъ дѣлъ съ награбленной у народа добычей.

„Дворецъ перваго министра есть воспитательное заведеніе, въ которомъ всѣ его челядинцы обучаются его ремеслу: пажи, лакеи,

швейцары, подражая своему господину, становятся въ свой чередъ первыми министрами въ маломъ масштабѣ и достигаютъ совершенства въ трехъ главныхъ элементахъ этой профессіи: въ наглости, подкупѣ и лганьѣ. Будучи тоже вліятельными особами въ своемъ родѣ, они также имѣютъ свой дворъ; за ними ухаживаютъ именитыя лица, а иногда бываютъ и такіе случаи, что какой-нибудь дворецкій, обладающій надлежащей дозой ловкости и безстыдства, пройдя всѣ градаціи повышенія, становится преемникомъ своего господина.

„Обыкновенно первымъ министромъ вертитъ падшая женщина или любимый лакей: они служатъ посредниками между нимъ и прочими смертными; черезъ нихъ раздаются милости и награды, такъ-что въ сущности они-то и есть настоящіе правители государства“.

Какъ-то разъ, бесѣдуя съ моимъ господиномъ, я упомянулъ о нашей аристократіи, и его милость сказалъ мнѣ по этому поводу большой комплиментъ, котораго я совершенно не заслужилъ. „Я убѣжденъ“, сказалъ онъ, „что вы происходите изъ знатнаго рода, такъ какъ и по строенію тѣла, и по цвѣту кожи, и по опрятности, наконецъ, вы стоите несравненно выше нашихъ Яу (Правда, вы зато уступаете имъ въ силѣ и ловкости, но это объясняется тѣмъ, что вы ведете другой образъ жизни). Сверхъ того, вы обладаете способностью рѣчи и зачатками разума, настолько замѣтными, что всѣ мои знакомые считаютъ васъ чудомъ природы“.

Затѣмъ онъ обратилъ мое вниманіе на тотъ фактъ, что „у гуингнамовъ экземпляры бѣлой, рыжей и гнѣдой масти по строенію тѣла стоятъ ниже каурыхъ, сѣрыхъ въ яблокахъ и вороныхъ“, что „и умственныя способности у первыхъ слабѣе отъ природы, вслѣдствіе чего они туго поддаются развитію и потому всю свою жизнь остаются въ положеніи слугъ, даже и не мечтая сравняться съ своими родичами болѣе высокой расы, что, впрочемъ было бы и невозможно въ странѣ гуингнамовъ, гдѣ на подобныя поползновенія смотрятъ, какъ на нѣчто чудовищное, противное законамъ природы“.

Я выразилъ его милости мою нижайшую признательность за его доброе мнѣніе обо мнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поспѣшилъ его разувѣрить, сказавъ, что „происхожденіе мое самое низменное, ибо я родился отъ простыхъ, хотя и честныхъ людей, которые еле-еле могли дать мнѣ сносное образованіе“. Тутъ кстати я объяснилъ ему, что „наша аристократія не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ представленіемъ о ней, которое онъ себѣ составилъ“; что „наши лорды съ младенческихъ лѣтъ воспитываются

въ роскоши и праздности"; что „едва достигнувъ возмужалости, они проматываютъ свое состояніе, растрачиваютъ силы и пріобрѣтаютъ гнусныя болѣзни въ обществѣ развратныхъ женщинъ, а когда имъ грозитъ раззореніе, женятся изъ-за денегъ на какой-нибудь мѣщанкѣ, нерѣдко безобразной собой и болѣзненной, которую презираютъ и ненавидятъ". „Отъ такихъ браковъ", продолжалъ я, „обыкновенно рождаются золотушныя, рахитичныя дѣти, часто уроды, и, говоря вообще, такія семьи рѣдко производятъ болѣе трехъ поколѣній, если только жена не позаботится, въ видахъ улучшенія породы и продленія рода, дать здороваго отца своимъ будущимъ дѣтямъ, выбравъ его изъ числа своихъ сосѣдей или лакеевъ. Болѣзненное, слабое тѣло и желтое, испитое лицо—вѣрные признаки благородной, неподмѣшанной крови. Здоровое, крѣпкое сложеніе считается позоромъ для человѣка знатнаго рода, потому-что при видѣ такого аристократа всякій непремѣнно рѣшитъ, что его отецъ былъ кучеръ или грумъ. Духовное убожество этихъ людей ничуть не уступаетъ ихъ физической немощи; смѣсь ипохондріи и тупоумія, невѣжества и капризовъ, чувственности и высокомѣрія — таковъ ихъ нравственный обликъ.

„А между тѣмъ безъ согласія этой блистательной кучки не можетъ ни пройти, ни быть отмѣненъ или измѣненъ ни одинъ законъ, и ей же принадлежитъ право безаппеляціоннаго рѣшенія всѣхъ нашихъ споровъ по имущественнымъ дѣламъ".

ГЛАВА VII.

Сильная любовь автора къ родинѣ.—Его господинъ высказываетъ свое мнѣніе объ англійской конституціи и администраціи, какими ихъ изобразилъ авторъ въ своемъ разсказѣ; приводитъ аналогичные факты и сравненія изъ жизни мѣстныхъ Яу и дѣлится съ авторомъ своими наблюденіями надъ человѣческой природой.

Да не удивляется читатель той откровенности, съ какою я позволилъ себѣ охарактеризовать моихъ родичей передъ существами, которыя уже и безъ того были склонны составить самое низкое мнѣніе о человѣческой расѣ, замѣчая столь полное тождество между мной и Яу ихъ страны. Но сопоставленіе высокихъ добродѣтелей несравненныхъ гуингнамовъ съ пороками, которыми такъ богатъ человѣческій родъ, настолько расширило мой умственный кругозоръ, что—сознаюсь чистосердечно --- людскіе страсти и поступки, изъ нихъ вытекающіе, начали мнѣ представляться въ совершенно новомъ свѣтѣ, и я рѣшилъ, что не стоитъ щадить репутацію такихъ жалкихъ твореній, какъ представители нашей породы. Впрочемъ, если бъ даже я и хотѣлъ это сдѣлать, мнѣ все равно не удалось бы обмануть тонкую проницательность моего господина; не онъ ли ежедневно открывалъ мнѣ глаза на мои собственные недостатки, которыхъ дотолѣ я и не подозрѣвалъ за собой и которые у насъ, людей, даже не считаются недостатками? Кромѣ того примѣръ его милости научилъ меня глубоко ненавидѣть всякую фальшь и гнушаться обмана, и правда сдѣлалась мнѣ такъ дорога, что я рѣшился всѣмъ пожертвовать ей.

Но чтобы быть вполнѣ правдивымъ, я долженъ сознаться читателю, что у меня была еще болѣе сильная побудительная причина не стѣсняться въ выраженіи моихъ мнѣній. Я не прожилъ и года въ странѣ гуингнамовъ, какъ уже проникся такою любовью и уваженіемъ къ ея обитателямъ, что твердо рѣшилъ никогда не возвращаться къ людямъ, а провести остатокъ жизни среди удивительныхъ четвероногихъ, къ которымъ случайно по-

палъ,—въ странѣ, гдѣ я могъ созерцать всѣ виды добродѣтели и практиковаться въ нихъ, гдѣ я не имѣлъ бы передъ глазами развращающихъ примѣровъ, а слѣдовательно не имѣлъ бы и побужденій грѣшить. Но по волѣ судьбы, моей вѣчной гонительницы, столь великое счастье было мнѣ не дано. Какъ бы то ни было, теперь я хоть могу утѣшать себя той мыслью, что, разсказывая моему господину о моихъ соотечественникахъ, я смягчалъ ихъ недостатки, насколько могъ себѣ это позволить передъ лицомъ столь строгаго допросчика, и старался каждую подробность представить по возможности въ благопріятномъ свѣтѣ. Да и есть ли на землѣ живой человѣкъ, которому привязанность къ родинѣ не мѣшала бы быть вполнѣ безпристрастнымъ по отношенію къ ней?

Я передалъ въ общихъ чертахъ содержаніе моихъ разговоровъ съ его милостью, продолжавшихся въ теченіе почти всего времени, что я имѣлъ честь находиться у него въ услуженіи, но долженъ замѣтить, что ради краткости я опустилъ большую часть изъ того, что было сказано съ обѣихъ сторонъ.

Послѣ того, какъ я отвѣтилъ на всѣ вопросы моего собесѣдника и любопытство его было, повидимому, удовлетворено, онъ какъ-то разъ прислалъ за мной раннимъ утромъ и, приказавъ мнѣ сѣсть поодоль отъ него (до того дня я ни разу не удостаивался такой чести), сказалъ: „Я много размышлялъ по поводу того, что вы мнѣ разсказали о себѣ и о вашемъ отечествѣ, и вотъ къ чему я пришелъ. Я смотрю на вашихъ европейскихъ Яу, какъ на животныхъ низшей породы, которымъ по какой-то, для меня необъяснимой случайности, отпущена частичка разума, но которымъ онъ служитъ единственно на то, чтобъ изощрять порочныя наклонности, имъ прирожденныя, и пріобрѣтать новыя, первоначально отсутствовавшія. Вы добровольно лишили себя тѣхъ немногихъ рессурсовъ, какіе дала вамъ природа; вы постарались—и вполнѣ успѣшно,—до невозможности расширить ваши естественныя потребности, и, насколько я васъ понялъ, вся ваша жизнь проходитъ въ томъ, что вы напрягаете свою изобрѣтательность въ тщетныхъ усиліяхъ удовлетворить ваши нужды. Что касается васъ лично, то съ одного взгляда на васъ всякій скажетъ, что по силѣ и проворству вы ниже средняго Яу; вы, точно калѣка, ходите на заднихъ ногахъ; какими-то ухищреніями вы добились того, что ваши когти стали совершенно непригодны для обороны; вы свели зачѣмъ-то волосы съ вашего подбородка, а они были нужны, какъ защита отъ солнца и непогоды. Вы, наконецъ, не можете ни быстро бѣгать, ни лазать по деревьямъ, какъ ваши братья—Яу нашей стра[illegible]

„Существованіе у васъ правительства и законовъ можно объяснить только неполнотой и слабостью вашихъ умственныхъ способностей и вытекающей отсюда безнравственностью. Разумъ достаточно надежный руководитель для разумнаго существа: слѣдовательно, вы не имѣете права претендовать считаться существами разумными; да, впрочемъ, это видно и изъ того, что вы мнѣ разсказали о вашихъ единоплеменникахъ, хотя я прекрасно замѣтилъ, что, желая не слишкомъ уронить ихъ въ моихъ глазахъ, вы утаили многіе факты и часто говорили то, чего нѣтъ.

„Больше всего укрѣпляетъ меня въ моемъ мнѣніи ваше сходство съ нашими Яу: я вижу его въ каждой подробности строенія вашего тѣла Исключеніе составляютъ (да и то не въ вашу пользу) лишь немногія мелкія отличія по части силы, ловкости, быстроты ногъ, длины и формы когтей,—отличія, въ которыхъ природа непричемъ,—и, судя по тому, что вы разсказываете о вашей жизни, нравахъ и обычаяхъ, я полагаю, что и въ умственномъ отношеніи вы очень и очень сродни нашимъ Яу. Извѣстно, что Яу ни къ одной породѣ животныхъ не относятся съ такой ненавистью, какъ другъ къ другу. Обыкновенно мы объясняемъ это явленіе отталкивающимъ безобразіемъ этихъ звѣрей, которое каждый изъ нихъ видитъ въ другихъ Яу, но не замѣчаетъ въ себѣ. Поэтому я даже находилъ, что вы и ваши родичи очень умно поступаете, прикрывая свое тѣло одеждой и пряча, такимъ образомъ, другъ отъ друга его уродливыя формы, на которыя иначе было бы тошно смотрѣть. Но теперь, когда я узналъ, чѣмъ вызываются ссоры въ вашей странѣ, я вижу, что ошибался и что взаимные раздоры нашихъ Яу происходятъ отъ тѣхъ же причинъ. И въ самомъ дѣлѣ, бросьте вы пятерымъ Яу любое количество корма,—хоть на пятьдесятъ душъ,—и въ тотъ же моментъ, вмѣсто того, чтобы мирно приняться за ѣду, они вцѣпятся другъ въ друга, потому-что каждый непремѣнно захочетъ забрать все себѣ. Поэтому, когда мы кормимъ нашихъ Яу въ полѣ, мы ставимъ слугу присматривать за порядкомъ, пока они ѣдятъ, а тѣхъ, которые стоятъ во дворѣ, привязываемъ на нѣкоторомъ разстояніи одного отъ другого. А вотъ вамъ еще примѣръ: если у гуингнама издохнетъ корова (отъ старости или вслѣдствіе какой-нибудь несчастной случайности), и онъ не позаботится во-время припрятать ее на кормъ своимъ домашнимъ Яу, изъ окрестностей цѣлыми стадами збѣгаются дикіе Яу, набрасываются на трупъ, и поднимается точь-въ-точь такая свалка, какія вы описывали, разсказывая про войну: съ обѣихъ сторонъ наносятся страшныя раны когтями, хотя дѣло рѣдко доходитъ до смертоубійства за неимѣніемъ тѣхъ смертоносныхъ орудій, какія изобрѣли въ вашей

странѣ. Бываетъ и такъ, что Яу двухъ сосѣднихъ мѣстностей начинаютъ воевать безъ всякой видимой причины: животныя одного стада подкарауливаютъ своихъ сосѣдей, выжидая удобнаго случая, чтобы напасть на нихъ врасплохъ. Но если почему-нибудь ихъ планъ военной кампаніи окончился неудачей, они возвращаются во-свояси, и за отсутствіемъ внѣшняго врага дерутся между собою: другими словами, у нихъ заваривается то самое, что вы называете междоусобной войной.

„Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у насъ попадаются на поляхъ особой породы блестящіе разноцвѣтные камни. Яу большіе охотники до нихъ; они ихъ собираютъ и складываютъ въ кучу у себя въ конурахъ. Иногда эти камни сидятъ въ землѣ очень крѣпко. Если Яу найдетъ такой камень, онъ будетъ хоть цѣлый день рыть землю когтями, пока не отроетъ его, а потомъ потащитъ къ себѣ, зорко оглядываясь по сторонамъ изъ опасенія, чтобы какой нибудь другой Яу не нашелъ дороги къ его кладу. Я никогда не могъ доискаться причины неестественнаго пристрастія этихъ животныхъ къ блестящимъ игрушкамъ, совершенно для нихъ безполезнымъ; но теперь мнѣ приходитъ въ голову, не объясняется ли оно просто скупостью, которая, какъ вы говорите, присуща человѣческой расѣ, а слѣдовательно и нашимъ Яу, надо полагать. Какъ-то разъ я, въ видѣ опыта, потихоньку унесъ у одного изъ моихъ Яу кучу камешковъ, которые онъ насбиралъ и зарылъ у себя въ хлѣву. И что жъ бы вы думали? — Замѣтивъ, что его сокровище исчезло, жадный звѣрь поднялъ такой отчаянный вой, что сбѣжалось все стадо. Тогда онъ бросился на товарищей, сталъ царапаться и кусаться. Нѣсколько дней онъ тосковалъ, не могъ ни ѣсть, ни спать, не хотѣлъ работать, пока, наконецъ, я не приказалъ одному изъ слугъ незамѣтно положить камешки на прежнее мѣсто. Какъ только мой Яу нашелъ свою пропажу, онъ выздоровѣлъ и повеселѣлъ; въ тотъ-же день онъ позаботился перепрятать камешки въ другое, болѣе надежное мѣсто, и съ тѣхъ поръ сталъ по прежнему послушно работать“.

Мой господинъ увѣрялъ меня даже (впрочемъ впослѣдствіи мнѣ и самому приходилось наблюдать этотъ фактъ), что самыя ожесточенныя битвы между Яу происходятъ на такихъ поляхъ, гдѣ попадается особенно много упомянутыхъ блестящихъ каменьевъ, потому-что эти поля подвергаются постояннымъ набѣгамъ всѣхъ стадъ Яу изъ окрестныхъ мѣстъ.

„А вотъ еще черта для характеристики этихъ животныхъ“ продолжалъ его милость: „Если случится, что камень найдутъ разомъ два Яу и подымется споръ, кому онъ долженъ принадлежать, то третій непремѣнно этимъ воспользуется и утащитъ находку изъ подъ носа у

двухъ первыхъ". Въ этомъ примѣрѣ мой господинъ усматривалъ нѣкоторое сходство съ нашими судебными тяжбами, и въ интересахъ моихъ соотечественниковъ я счелъ за лучшее не разубѣждать его, находя, что рѣшеніе спора въ приведенномъ примѣрѣ было во всякомъ случаѣ справедливѣе большинства судебныхъ рѣшеній у насъ, ибо тамъ и истецъ и отвѣтчикъ не теряли ничего кромѣ случайной находки—предмета ихъ спора, тогда какъ наши суды не выпустятъ изъ рукъ гражданскаго дѣла, пока у которой-нибудь изъ тяжущихся сторонъ остается хоть грошъ за душой.

Если камень найдутъ двое и подымется споръ, то третій непремѣнно этимъ воспользуется и утащитъ находку.

Затѣмъ мой господинъ продолжалъ: „Но самая отталкивающая черта нашихъ Яу—это ихъ неразборчивость въ ѣдѣ: они ѣдятъ все, что попало, съ одинаковой жадностью набрасываясь на траву, на коренья, на ягоды и на падаль. И замѣчательная вещь: самая плохая пища, если они ее стянули или добыли силой гдѣ-нибудь на сторонѣ, кажется имъ вкуснѣе и слаще самаго лучшаго корма,

заготовленнаго для нихъ хозяиномъ въ хлѣву. Если Яу наворовалъ себѣ корму больше, чѣмъ можно съѣсть въ одинъ присѣстъ, онъ обязательно объѣстся, послѣ чего, слѣдуя инстинкту, который предусмотрительно дала ему природа, отыскиваетъ и съѣдаетъ особенной породы корешокъ, дѣйствующій какъ слабительное и какъ рвотное одновременно, прочищая желудокъ въ оба конца.

„Есть у насъ еще другой корешокъ, очень сочный; но попадается онъ довольно рѣдко и его трудно найти. Яу страшно лакомы до него: они неутомимо отыскиваютъ его по полямъ и сосутъ съ наслажденіемъ. Онъ дѣйствуетъ на нихъ такъ же, какъ на васъ вино: насосавшись его сока, они обнимаются, дерутся, воютъ, гримасничаютъ, болтаютъ, кувыркаются, потомъ начинаютъ спотыкаться, наконецъ валятся на землю и засыпаютъ".

И дѣйствительно, впослѣдствіи я убѣдился, что изъ всѣхъ животныхъ, населявшихъ страну гуингнамовъ, одни только Яу были подвержены заболѣваніямъ. Но болѣзни ихъ вызываются отнюдь не жестокимъ обращеніемъ съ ними или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, а единственно нечистоплотностью и обжорствомъ этихъ жадныхъ звѣрей; да и числомъ ихъ очень немного, гораздо меньше, чѣмъ у насъ лошадиныхъ. Въ языкѣ гуингнамовъ нѣтъ даже отдѣльныхъ названій для различныхъ болѣзней, которыми страдаютъ тамошніе Яу, а всѣ онѣ обозначаются общимъ терминомъ *„гнеа-Яу"*, т. е. *немочь Яу*, да и то, какъ видите, производнымъ отъ названія животнаго, которое одно только и болѣетъ въ этой странѣ. Всѣ виды *немочи Яу* вылѣчиваются однимъ и тѣмъ же лѣкарствомъ (микстурой изъ собственнаго кала больного, разведеннаго его же мочей), которое насильно вливаютъ ему въ глотку. Эта микстура, какъ мнѣ приходилось много разъ наблюдать, примѣняется съ большимъ успѣхомъ, такъ-что, радѣя объ общемъ благѣ, я могу съ чистой совѣстью рекомендовать ее моимъ соотечественникамъ, какъ превосходное средство отъ всѣхъ болѣзней, являющихся послѣдствіемъ обремененія желудка.

Мой господинъ чистосердечно сознался, что въ отношеніи наукъ, искусствъ, промышленности, порядка управленія и тому подобныхъ вещей онъ не находитъ никакого или почти никакого сходства между Яу ихъ и нашей страны. „Впрочемъ я вѣдь и имѣлъ въ виду" прибавилъ онъ, „отмѣтить только такія черты сходства между тѣми и другими, которыя присущи имъ отъ природы. Правда, я слыхалъ отъ нѣкоторыхъ наблюдателей-гуингнамовъ, что будто въ большинствѣ стадъ дикихъ Яу есть что-то въ родѣ правителя или вожака, который всегда бываетъ самымъ безобразнымъ по внѣшности и самымъ шкодливымъ и злымъ по характеру изъ всего стада. При такомъ вожакѣ состоитъ обыкновенно фаворитъ,

представляющій по возможности точную его копію во всѣхъ отношеніяхъ. Спеціальное занятіе этого фаворита—лизать ноги и задницу своему принципалу и пригонять самокъ въ его конуру. Въ награду за эти услуги ему отъ времени до времени бросаютъ подачку въ видѣ куска ослинаго мяса. Фаворитъ является предметомъ ненависти для всего стада и, вѣчно опасаясь за свою жизнь, старается держаться поближе къ вожаку. Обыкновенно онъ пребываетъ въ своей должности до тѣхъ поръ, пока въ стадѣ не найдется другого Яу еще хуже его, и въ ту же минуту, какъ онъ получитъ отставку, всѣ Яу его стада — старые и малые, самки и самцы,—съ его замѣстителемъ во главѣ, окружаютъ его и съ головы до ногъ обдаютъ своими экскрементами. Не знаю", заключилъ мой господинъ, „насколько примѣнимъ этотъ обычай къ королевскимъ фаворитамъ и министрамъ вашей страны: конечно, вы въ этомъ лучшій судья".

Я не посмѣлъ возразить на эту злостную инсинуацію, ставившую человѣческій разумъ ниже сообразительности любой гончей собаки, которая всегда безошибочно отличитъ и признаетъ вожакомъ самаго смышленнаго пса въ сворѣ.

„Есть у Яу еще нѣкоторыя особенности", продолжалъ между тѣмъ его милость, „о которыхъ, мнѣ кажется, вы не упоминали въ вашихъ разсказахъ о людяхъ, а если и упоминали, такъ развѣ только вскользь. Наши Яу, какъ и вообще всѣ животныя, имѣютъ общихъ самокъ. Но вотъ чѣмъ они рѣзко отличаются отъ другихъ звѣрей: во первыхъ самка Яу, уже будучи беременной, все таки подпускаетъ къ себѣ самцовъ; во вторыхъ самцы грызутся съ самками ничуть не меньше, чѣмъ между собой. А обѣ эти черты, согласитесь, обличаютъ такую степень скотства, до какой не спускалось ни одно разумное существо. Поражаетъ меня еще въ нашихъ Яу ихъ непонятное пристрастіе къ грязи, особенно по сравненію съ другими животными, которыя, насколько я знаю, отличаются вообще врожденною любовью къ чистотѣ.

Первыя два обвиненія я постарался пропустить мимо ушей, такъ какъ мнѣ нечего было на нихъ возразить: при всемъ моемъ желаніи я не могъ сказать ни одного слова въ защиту моихъ соотечественниковъ, что непремѣнно сдѣлалъ-бы, если бъ могъ. Что же касается упрека въ нечистоплотности, то мнѣ было бы очень легко до извѣстной степени оправдать человѣческій родъ по этому пункту, если бы только въ странѣ гуингнамовъ водились свиньи (которыхъ, къ несчастью, тамъ нѣтъ), ибо свинья — хотя, быть можетъ, въ другихъ отношеніяхъ она и привлекательнѣе Яу,—по всей справедливости не можетъ претендовать на большую чистоплотность, съ чѣмъ долженъ былъ бы согласиться и самъ его

милость, если бъ онъ видѣлъ, какъ отвратительно она ѣстъ и какъ любитъ валяться въ грязи.

Мой господинъ указалъ мнѣ еще на одну особенность Яу, которую его слуги наблюдали у многихъ животныхъ этой породы и которую онъ ничѣмъ не могъ себѣ объяснить. „Бываетъ“ сказалъ онъ, „что какому-нибудь Яу придетъ фантазія захандрить: тогда онъ забивается въ уголъ, ложится на землю, воетъ и стонетъ и гонитъ всѣхъ прочь. Такія полосы упадка духа отнюдь не находятся въ зависимости отъ старости или болѣзни, или вообще отъ какихъ-либо матеріальныхъ причинъ: онѣ нападаютъ и на молодыхъ субъектовъ, совершенно здоровыхъ и не терпящихъ недостатка ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, такъ-что, глядя на захандрившаго Яу, невозможно понять, чего ему не хватаетъ. Единственное, но зато безошибочно вѣрное средство противъ этой болѣзни—заставить больного хорошенько поработать, послѣ чего онъ совершенно приходитъ въ себя“.

Изъ пристрастія къ моимъ единоплеменникамъ я промолчалъ на эту тираду, но про себя въ безпричинной хандрѣ тамошнихъ Яу я не могъ не признать зачатковъ нашего сплина, которымъ, какъ извѣстно, страдаютъ только живущіе въ роскоши богатые и праздные люди, и, каюсь, подумалъ, что если бъ попробовать подвергнуть этихъ больныхъ такому же режиму, какой примѣняется гуингнамами къ тоскующимъ Яу, исцѣленіе было бы несомнѣнно.

Послѣ этого его милость перешелъ къ характеристикѣ Яу женскаго пола, и вотъ что онъ о нихъ разсказалъ: „Яу—самки любятъ заигрывать съ самцами. Завидѣвъ издали молодого самца, каждая самка непремѣнно начинаетъ кривляться, стараясь обратить на себя его вниманіе: она то присядетъ за кустъ или за выступъ скалы, то выглянетъ, то опять спрячется; а когда онъ подойдетъ ближе,—уходитъ отъ него, но не слишкомъ поспѣшно, при чемъ поминутно оборачивается назадъ, притворяясь, что боится, и, наконецъ, забирается въ какое-нибудь укромное мѣстечко, зная навѣрно, что онъ послѣдуетъ за ней.

„Если случится, что въ стадо забредетъ чужая самка, ее мгновенно окружатъ представительницы ея пола и примутся ее обнюхивать, таращить на нее глаза и скалить зубы; потомъ полопочутъ что-то такое между собой и отвернутся, выражая жестами полнѣйшее свое презрѣніе къ незнакомкѣ“.

Быть можетъ мой господинъ немного и преувеличилъ факты; не знаю даже, были ли они имъ добыты изъ личныхъ наблюденій, или онъ передавалъ ихъ съ чужихъ словъ. Какъ бы тамъ ни было, но, слушая его, я невольно съ удивленіемъ и глубокой грустью подумалъ, что, должно быть, злословіе, кокетство и рас-

путство—неотъемлемые аттрибуты женскаго пола, ибо зародыши этихъ качествъ вложены въ женщину самою природой.

Я такъ и ждалъ, что послѣ этого мой господинъ начнетъ обличать Яу въ противуестественныхъ порокахъ, столь распространенныхъ у насъ среди представителей обоего пола. Но оказывается, что природа—недостаточно опытный педагогъ для того, чтобы преподавать эту науку, и что такого рода утонченныя удовольствія являются всецѣло продуктомъ ухищреній ума человѣческаго въ нашей части земного шара.

ГЛАВА VIII.

Авторъ сообщаетъ еще нѣкоторыя подробности о Яу.—Высокія добродѣтели гуингнамовъ.—Воспитаніе юношества въ ихъ странѣ.—Общее собраніе гуингнамовъ.

Зная человѣческую природу безъ всякаго сравненія лучше, чѣмъ могъ ее знать мой господинъ, я естественно долженъ былъ распространить его характеристику Яу на себя и на моихъ соотечественниковъ. Мнѣ даже казалось, что я могу дополнить ее собственными наблюденіями. Въ виду этого я часто испрашивалъ у моего господина разрѣшенія посѣщать стада Яу, которыя паслись по сосѣдству, и онъ всегда давалъ мнѣ свое милостивое согласіе, такъ какъ былъ вполнѣ увѣренъ, что моя ненависть къ этимъ грубымъ животнымъ достаточно застраховывала меня отъ развращающаго вліянія ихъ примѣра. Его милость былъ даже настолько любезенъ, что приказалъ одному изъ своихъ слугъ (гнѣдому жеребчику, очень честному и добродушному малому, обладавшему притомъ большой силой) сопровождать и охранять меня въ этихъ экскурсіяхъ. Я, впрочемъ, и самъ не рискнулъ бы подойти близко къ стаду Яу, не будь у меня столь надежной защиты. Читатель уже знаетъ, какъ насолили мнѣ эти мерзкія твари въ первый же день по прибытіи моемъ въ ихъ страну, а потомъ еще раза три или четыре случилось, что, отойдя довольно далеко отъ дома и не имѣя при себѣ кортика, я чуть-чуть не попался имъ въ лапы.

Мнѣ кажется, они догадывались, что я принадлежу къ одной съ ними породѣ звѣрей; я даже думаю, что самъ помогъ имъ утвердиться въ этой догадкѣ, потому-что, когда мы съ моимъ тѣлохранителемъ приходили къ нимъ въ стадо, я часто засучивалъ рукава, растегивалъ рубаху и показывалъ имъ мои голыя руки и грудь. И всякій разъ при этомъ они подбирались ко мнѣ настолько близко, насколько позволяла имъ трусость, и принимались, точно обезьяны, передразнивать всѣ мои движенія съ явными признаками злобы и ненависти ко мнѣ: такъ дикія галки преслѣ-

дуютъ свою ручную товарку въ колпакѣ и чулкахъ, если она случайно замѣшается въ ихъ стаю.

Яу изумительно увертливы и проворны чуть не съ младенческихъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось однажды поймать маленькаго трехгодовалаго Яу—самца. Но какъ я ни ублажалъ его, стараясь успокоить его страхъ, маленькій чертенокъ визжалъ такъ отчаянно и такъ больно царапался и кусался, что я принужденъ былъ его выпустить, и хорошо сдѣлалъ, потому-что на его визгъ сбѣжалось все стадо. Однако, убѣдившись, что дѣтенышъ цѣлъ и невредимъ (онъ въ это время удиралъ во всѣ лопатки) и увидѣвъ подлѣ меня моего тѣлохранителя, злыя животныя не посмѣли тронуть меня. Я замѣтилъ, что кожа маленькаго Яу издавала очень рѣзкій запахъ, напоминавшій запахъ лисицы и отчасти хорька, но только еще болѣе непріятный. Я забылъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ (и, пожалуй, читатель былъ бы не въ претензіи, если бъ я и совсѣмъ о немъ умолчалъ), а именно, что пока я держалъ на рукахъ этого мерзкаго выродка, онъ обдѣлалъ все мое платье своими зловонными жидкими испражненіями желтаго цвѣта. На мое счастье поблизости былъ ручеекъ, въ которомъ я и отмылся, насколько это было возможно; но мнѣ еще долго пришлось провѣтриваться, прежде чѣмъ я рѣшился показаться на глаза моему господину.

Яу поразительно туго поддаются дрессировкѣ (по крайней мѣрѣ, насколько я могу положиться на свои наблюденія); я не встрѣчалъ другой породы животныхъ, до такой степени безнадежной съ этой стороны: дальше перевозки и переноски тяжестей таланты ихъ не идутъ. Но я лично держусь того мнѣнія, что эту кажущуюся неспособность къ развитію слѣдуетъ почти цѣликомъ отнести на счетъ упорнаго нрава этихъ звѣрей, ибо во всемъ остальномъ они сметливы и хитры. Ужъ я не говорю объ ихъ злостной шкодливости, объ ихъ вѣроломствѣ и мстительности. Они отличаются также большой физической силой и дерзостью, но въ то же время трусливы, и какъ всѣ трусы, нахальны, подлы и жестоки. Замѣчено, что у рыжеволосыхъ особъ обоего пола особенно сильно развита чувственность, что они злѣе другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно сильнѣе и энергичнѣе.

Тѣхъ Яу, которыхъ гуингнамы употребляютъ на домашнія работы, они держатъ въ хлѣвахъ, по близости отъ дома, а остальныхъ выгоняютъ въ поле, на спеціально для этой цѣли отведенные участки, гдѣ эти животныя питаются отчасти кореньями, которые выкапываютъ изъ земли, отчасти травой, отчасти падалью, какая попадется. Кромѣ того, они ловятъ хорьковъ и *лугимуговъ* особый видъ полевой крысы) которхъ пожираютъ съ жадностью.

Слѣдуя врожденному инстинкту, они роютъ когтями по скатамъ холмовъ глубокія норы, въ которыя забиваются на ночь. Въ каждой норѣ можетъ помѣститься не болѣе одного Яу; только у самокъ норы пошире, потому-что съ каждой самкой спитъ обыкновенно по два или по три дѣтеныша.

Всѣ Яу плаваютъ отъ рожденія, какъ лягушки, и могутъ долго оставаться подъ водой, что они и дѣлаютъ очень часто, когда

Мнѣ удалось однажды поймать маленькаго Яу.

охотятся за рыбой, которую потомъ самки таскаютъ домой на кормъ своимъ дѣтямъ. Я припомнилъ по этому поводу одно странное приключеніе, которое читатель, надѣюсь, позволитъ мнѣ разсказать.

Одинъ разъ я по обыкновенію гулялъ съ моимъ провожатымъ—гнѣдымъ жеребцомъ. День былъ страшно жаркій, и я попросилъ у него позволенія выкупаться въ рѣкѣ, мимо которой мы проходили. Онъ позволилъ, и я сейчасъ же раздѣлся до-нага и ти-

хонько вошелъ въ воду. Какъ потомъ оказалось, на берегу, за кустомъ, стояла молодая самка Яу и видѣла, какъ я раздѣвался. Воспламененная любовнымъ желаніемъ (какъ догадались потомъ мы съ моимъ провожатымъ), она стремглавъ бросилась въ рѣку и вынырнула въ пяти шагахъ отъ меня. Никогда въ жизни я не переживалъ такого испуга. Жеребчикъ пасся недалеко отъ рѣки, ни откуда не ожидая опасности. Красавица принялась меня обнимать самымъ безстыднымъ образомъ. Я заоралъ во все горло, и жеребчикъ пустился галопомъ ко мнѣ. Тогда она меня выпустила (хотя весьма неохотно), выскочила на противоположный берегъ и все время, пока я одѣвался, стояла и выла, не сводя съ меня глазъ.

Это приключеніе долго служило источникомъ веселья для моего господина и его семейства и предметомъ сокрушенія для меня. И въ самомъ дѣлѣ: могъ ли я теперь отрицать свое тождество съ Яу? Ужъ если самки этой гнусной породы испытывали ко мнѣ любовное влеченіе, какъ къ своимъ самцамъ, такъ, значитъ, я былъ по всѣмъ статьямъ чистокровный, подлинный Яу. И надо замѣтить, что волосы у этой самки были не рыжаго цвѣта (ибо тогда ея порывъ еще можно было-бы объяснить извращенностью вкусовъ), а черные, какъ сажа. Я долженъ также прибавить, что она была не такъ безобразна лицомъ, какъ всѣ ея родичи,—можетъ быть потому, что была очень молода: на видъ ей можно было дать лѣтъ одиннадцать—не больше.

Я прожилъ три года въ странѣ гуингнамовъ, и читатель, вѣроятно, разсчитываетъ, что, по примѣру другихъ путешественниковъ, я представлю подробное описаніе обычаевъ и нравовъ ея населенія, изученіе которыхъ было, дѣйствительно, моею главной задачей въ теченіе всего времени пребыванія моего въ этой странѣ.

Благородные гуингнамы надѣлены отъ природы зачатками всѣхъ добродѣтелей и не имѣютъ никакого понятія о возможности присутствія зла въ разумномъ существѣ; поэтому основное правило ихъ морали — культивировать разумъ и во всѣхъ своихъ поступкахъ подчиняться ему. Но разумъ у нихъ не есть нѣчто проблематичное и не представляетъ, какъ у насъ, только вспомогательнаго рессурса, пользуясь которымъ можно съ одинаковой степенью доказательности аргументировать за или противъ по любому вопросу: у нихъ доводы разума убѣждаютъ мгновенно, не оставляя мѣста колебаніямъ, какъ и должно оно быть, тамъ, гдѣ разумъ свободенъ отъ всякихъ постороннихъ примѣсей, гдѣ онъ не ослабляется и не затемняется ни страстью, ни корыстью. Я помню, какого мнѣ стоило неимовѣрнаго труда растолковать моему господину значе-

ніе слова *мнѣніе*, заставить его понять, что въ каждомъ вопросѣ могутъ быть спорные пункты. „Вѣдь разумъ“, говорилъ онъ, „даетъ намъ возможность утверждать или отрицать только то, что мы знаемъ навѣрное; во всемъ же остальномъ, что лежитъ за предѣлами нашего знанія, мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать“. Понятно, при такомъ взглядѣ на значеніе разума всякія препирательства, вздорные споры и упорное отстаиваніе ложныхъ или сомнительныхъ положеній—зло, неизвѣстное въ странѣ гуингнамовъ. Точно такъ же, когда я попробовалъ было изложить его милости наши различныя системы натуръ-философіи, онъ только разсмѣялся. Ему показалось смѣшно (какъ объяснилъ онъ потомъ), что „существо, претендующее на разумъ, можетъ придавать значеніе знанію, почерпнутому изъ чужихъ умствованій, да еще въ такой области, гдѣ знаніе, будь оно даже безспорнымъ, не можетъ ни на что пригодиться“. Въ этомъ онъ совершенно сходился съ Сократомъ (какъ излагаетъ его взгляды Платонъ), что я считаю величайшей честью для царя философіи. Съ тѣхъ поръ я часто думалъ о томъ, какія опустошенія произвела бы въ библіотекахъ Европы такая доктрина, если бы она была признана всѣми, и сколько путей къ славѣ закрылось бы тогда среди ученаго міра.

Благожелательное, дружеское отношеніе къ ближнимъ — вотъ одна изъ главныхъ добродѣтелей гуингнамовъ, и такое отношеніе не ограничивается у нихъ немногими избранными объектами, а распространяется на всѣхъ представителей расы. Съ чужестранцемъ, прибывшимъ изъ самыхъ далекихъ краевъ, обходятся нисколько не хуже, чѣмъ съ ближайшимъ сосѣдомъ, такъ-что, куда бы судьба ни забросила гуингнама въ этой странѣ, онъ вездѣ чувствуетъ себя дома. Гуингнамы строжайшимъ образомъ блюдутъ правила вѣжливости и приличій, но совершенно не признаютъ церемоній. Въ той заботливости, которую они проявляютъ въ воспитаніи своего потомства, они руководствуются исключительно разумомъ, будучи абсолютно лишены родительскихъ чувствъ. Я могу засвидѣтельствовать, что мой господинъ съ такою же нѣжностью относился къ дѣтямъ своего сосѣда, какъ и къ своимъ собственнымъ. „Природа учитъ насъ любить всѣхъ представителей нашего вида, и только разумъ дѣлаетъ различіе между отдѣльными личностями, отдавая предпочтеніе тѣмъ, кто превосходитъ другихъ добродѣтелью“—такъ разсуждаютъ гуингнамы.

Произведя на свѣтъ по одному ребенку каждаго пола, гуингнамская матрона навсегда прекращаетъ сожительство съ мужемъ. Это правило нарушается только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда который-нибудь изъ дѣтей умираетъ: тогда супруги снова сходятся для возмѣщенія своей утраты. Если же такая утрата по-

стигнетъ супружескую чету, уже вышедшую изъ того возраста, когда животныя плодятся, то другая чета уступаетъ ей одного изъ своихъ жеребятъ, а сама возобновляетъ супружескую связь и продолжаетъ ее до тѣхъ поръ, пока кобыла не окажется жеребой. Такая воздержность въ половыхъ сношеніяхъ считается необходимой для предупрежденія чрезмѣрнаго прироста населенія въ странѣ. Но гуингнамы низшей расы, которыхъ ростятъ для домашнихъ работъ, не подвергаются столь строгимъ ограниченіямъ по этому пункту: имъ разрѣшается имѣть до трехъ жеребятъ каждаго пола, изъ которыхъ потомъ выходитъ прислуга для семейныхъ гуингнамовъ-господъ.

При заключеніи браковъ гуингнамы особенно заботятся о такомъ подборѣ мастей у супруговъ, чтобы при скрещиваніи не могло произойти непріятнаго для глаза смѣшенія цвѣтовъ. Въ жеребцахъ больше всего цѣнится сила, а въ кобылахъ—красота, и не по какимъ-либо соображеніямъ романическаго характера, а въ видахъ предохраненія вида отъ вырожденія; поэтому, если кобыла отличается большой физической силой, то при выборѣ для нея мужа главное вниманіе обращается на красоту.

Любовь, волокитство, подарки невѣстѣ, приданое, вдовья часть жены послѣ мужа,—все это понятія, неизвѣстныя гуингнамамъ: въ ихъ языкѣ нѣтъ даже соотвѣтствующихъ словъ. Молодая чета знакомится и сочетается бракомъ единственно потому, что такова воля родителей или опекуновъ: сходясь, какъ мужъ и жена, она дѣлаетъ только то, что дѣлается у нея на глазахъ изо дня въ день и на что она привыкла смотрѣть, какъ на одинъ изъ необходимыхъ жизненныхъ актовъ всякаго разумнаго существа. И несмотря на то, ни о расторженіи брачныхъ союзовъ, ни о нарушеніи супружеской вѣрности здѣсь никогда не слыхали: супружескія пары проходятъ свой жизненный путь во взаимномъ согласіи, питая другъ къ другу такія же добрыя чувства, съ какими относится каждый гуингнамъ ко всѣмъ представителямъ своего вида, съ которыми сталкиваетъ его судьба, и эти чувства не омрачаются ни страстью, ни ревностью, ни ссорами, ни размолвками.

Поистинѣ поразительна и достойна всякаго подражанія ихъ система воспитанія юношества обоего пола. До восемнадцатилѣтняго возраста жеребятамъ никогда не даютъ ни овса, ни молока, за исключеніемъ немногихъ опредѣленныхъ дней въ году. Лѣтомъ они вмѣстѣ съ родителями выходятъ на траву на два часа утромъ и на два вечеромъ; но прислугѣ разрѣшается пастись не болѣе половины этого времени; вся же остальная порція ихъ травы скашивается и приносится на домъ, гдѣ и съѣдается въ свободное отъ работы время.

Воздержность, трудолюбіе, энергія и опрятность – вотъ качества,

которыя гуингнамы съ одинаковой заботливостью стараются прививать молодежи обоего пола. Моему господину казалось чудовищнымъ, что у насъ мужчины и женщины получаютъ разное воспитаніе (онъ дѣлалъ, впрочемъ, оговорку о необходимости для послѣднихъ изученія домоводства). „Благодаря этому (говорилъ онъ, и вполнѣ справедливо) половина вашихъ соотечественниковъ оказывается ни къ чему не пригодной кромѣ того, чтобы рожать дѣтей, и то, что вы довѣряете заботу о дѣтяхъ столь безполезнымъ животнымъ, служитъ только новымъ доказательствомъ скотской грубости вашихъ нравовъ".

Гуингнамы очень заботятся о развитіи въ своей молодежи силы, ловкости, смѣлости и быстроты ногъ. Съ этой цѣлью молодыхъ жеребчиковъ и кобылокъ упражняютъ въ бѣганьѣ по горамъ и по твердымъ, каменистымъ дорогамъ, а когда послѣ такого моціона они хорошо пропотѣютъ, ихъ заставляютъ прыгать въ воду ближайшей рѣки или пруда. Четыре раза въ годъ для молодежи каждаго округа устраиваются бѣга, скачки и другія общія игры для состязанія въ силѣ и ловкости. Въ честь побѣдителя или побѣдительницы слагается хвалебная пѣсня, которую и поютъ ему или ей въ видѣ награды. Въ дни такихъ празднествъ на мѣсто состязаній пригоняютъ стадо Яу, нагруженныхъ сѣномъ, овсомъ и молокомъ для участниковъ игръ; но какъ только Яу исполнятъ свою обязанность вьючныхъ скотовъ, ихъ угоняютъ обратно, чтобы они не отравляли общаго веселья своимъ отвратительнымъ видомъ.

Каждые четыре года, въ день весенняго равноденствія, назначается совѣщательное собраніе депутатовъ отъ всей націи. Они собираются на широкой равнинѣ (миляхъ въ двадцати отъ того дома, гдѣ я жилъ) и засѣдаютъ въ теченіе пяти или шести дней. На этихъ собраніяхъ обсуждается экономическое положеніе различныхъ округовъ государства, выясняется вопросъ объ относительномъ количествѣ сѣна, овса и домашняго скота (коровъ и Яу), имѣющихся въ каждомъ округѣ въ данный моментъ, и если гдѣ-нибудь окажется недохватка по одной изъ этихъ статей (что, впрочемъ, случается очень рѣдко), она немедленно пополняется общими средствами по единогласному приговору. На этихъ же собраніяхъ производится распредѣленіе дѣтей между семьями. Такъ напримѣръ, если у одного гуингнама два сына и нѣтъ дочерей, а у другого только двѣ дочери, они производятъ обмѣнъ одного жеребчика на кобылку. Точно такъ же и въ тѣхъ случаяхъ, когда супруги лишились одного изъ дѣтей, а жена уже не можетъ больше рожать, собраніе рѣшаетъ, которая изъ супружескихъ паръ даннаго округа должна произвести на свѣтъ ребенка для возмѣщенія этой потери.

Какіе дебаты происходили на общемъ собраніи гуингнамовъ и чѣмъ они кончились. Наука гуингнамовъ.—Ихъ постройки.—Какъ они хоронятъ своихъ мертвецовъ.—Неполнота гуингнамскаго языка.

Говоря вообще, рѣшенія гуингнамскихъ совѣщательныхъ собраній отличаются единодушіемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ началѣ засѣданія мнѣнія членовъ расходятся, ибо гуингнамъ не считаетъ для себя позорнымъ согласиться съ мнѣніемъ своего оппонента, если доводы послѣдняго убѣдили его. Одно изъ такихъ общихъ собраній гуингнамовъ состоялось въ бытность мою въ ихъ странѣ, мѣсяца за два до моего отъѣзда, и господинъ мой присутствовалъ на немъ въ качествѣ представителя нашего округа. На этомъ собраніи обсуждался давнишній спорный вопросъ—въ сущности единственный изъ всѣхъ, когда-либо поднимавшихся у гуингнамовъ вопросовъ, мнѣнія по которому раздѣлились. Вернувшись домой съ засѣданія, мой господинъ передалъ мнѣ со всѣми подробностями содержаніе происходившихъ тамъ преній.

Подлежавшій обсужденію вопросъ былъ поставленъ въ такой формѣ: „Не слѣдуетъ ли истребить до тла племя Яу, — стереть его съ лица земли?“ Одинъ изъ членовъ собранія, высказавшійся въ утвердительномъ смыслѣ, привелъ нѣсколько въ высшей степени вѣскихъ и убѣдительныхъ аргументовъ въ пользу своего мнѣнія. „Если о Яу справедливо говорятъ, (такъ началъ онъ свою рѣчь), что это самыя грязныя, самыя уродливыя и антипатичныя животныя, какихъ когда либо создавала природа, то ужъ во всякомъ случаѣ съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что они превзошли всѣхъ земныхъ тварей упорствомъ и неукротимостью нрава, шкодливостью и злостью. Всѣ мы знаемъ, какъ любятъ наши Яу продѣлывать всякія каверзы: какъ они потихоньку высасываютъ нашихъ коровъ, убиваютъ и пожираютъ нашихъ кошекъ, вытаптываютъ нашу траву и овесъ, и не будь за ними безпрерывнаго надзора, они натворили бы тысячу бѣдъ“. Затѣмъ ораторъ на-

Собраніе депутатовъ всей націи.

помнилъ собранію общераспространенное у гуингнамовъ преданіе, гласящее, что Яу не всегда жили въ ихъ странѣ; что назадъ тому много столѣтій два экземпляра этой породы появились откуда-то на вершинѣ горы (но породила ли ихъ гніющая тина болота подъ вліяніемъ дѣйствія на нее солнечныхъ лучей, или они вышли изъ морского ила и пѣны, такъ и осталось неизвѣстнымъ); что затѣмъ эта пара стала плодиться, и въ короткое время потомство ея такъ размножилось, что наводнило собой и заполонило всю страну; что гуингнамы, желая избавиться отъ такого бича, устраивали облавы на этихъ животныхъ, и, наконецъ, имъ удалось окружить все стадо, послѣ чего, перебивъ всѣхъ взрослыхъ Яу, они взяли себѣ каждый по два дѣтеныша, которыхъ помѣстили въ хлѣвахъ и приручили, насколько можно было приручить звѣрей, столь дикихъ отъ природы, а затѣмъ стали употреблять ихъ для перевозки и переноски тяжестей, такъ какъ ни на что другое они не годились. „Я полагаю", прибавилъ ораторъ, „что въ этомъ преданіи много правды и что Яу не могутъ быть *ильнхніамшами* (т. е. аборигенами страны), потому-что будь это такъ, гуингнамы, да и всѣ остальныя животныя, не могли бы такъ сильно ихъ ненавидѣть, хоть они и заслуживаютъ ненависти по своимъ злобнымъ инстинктамъ. А между тѣмъ, благодаря этой затѣѣ приручения Яу съ цѣлью пользоваться ими, какъ рабочимъ скотомъ, мои единоплеменники весьма неблагоразумно пренебрегаютъ дрессировкой ословъ, которые были бы во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе Яу, ибо оселъ—животное благообразное и гораздо болѣе послушное и ручное; онъ не требуетъ почти никакого надзора и не имѣетъ непріятнаго запаха; для работы достаточно силенъ, хотя и уступаетъ многимъ животнымъ въ ловкости и быстротѣ ногъ; ревъ осла, это правда, не слишкомъ-то пріятенъ для слуха, но все-таки онъ музыкальнѣе ужасныхъ завываній Яу".

Это мнѣніе поддержали многіе члены собранія, но мой господинъ предложилъ другой выходъ изъ затрудненія, идея котораго, по правдѣ сказать, была имъ заимствована у меня. „Я признаю", сказалъ онъ, „достовѣрность преданія, приведеннаго почтеннымъ членомъ, который говорилъ до меня, но утверждаю, что два Яу, впервые появившіеся въ нашей странѣ, прибыли къ намъ изъ-за моря, а затѣмъ, будучи покинуты на берегу своими товарищами, поселились въ горахъ и съ теченіемъ времени, путемъ постепеннаго вырожденія, превратились въ тѣхъ дикихъ животныхъ, какими мы ихъ знаемъ теперь и какими никогда не были ихъ соплеменники, оставшіеся на родинѣ. Я утверждаю это на томъ основаніи, что знаю одного изъ тамошнихъ Яу: въ настоящее время у меня находится въ услуженіи удивительный экземпляръ этой породы

(читатель, конечно, догадывается, что тутъ рѣчь идетъ обо мнѣ), о которомъ большинство изъ васъ, вѣроятно, слыхало и котораго многіе видѣли у меня". Затѣмъ мой господинъ сообщилъ собранію, какъ онъ меня нашелъ; сказалъ, что мое тѣло защищено искусственными покровами, сфабрикованными изъ кожъ и шерсти другихъ животныхъ; что я говорю на какомъ-то своемъ языкѣ и основательно изучилъ языкъ гуингнамовъ; что я разсказалъ ему о моихъ приключеніяхъ и какъ я попалъ въ ихъ страну, и что увидѣвъ меня безъ покрововъ, онъ окончательно убѣдился, что я по всѣмъ статьямъ настоящій Яу, только когти у меня покороче, да кожа свѣтлѣе и не такъ волосиста, какъ у нихъ. „Онъ старался меня убѣдить", продолжалъ его милость, „что въ его отечествѣ и во многихъ другихъ государствахъ Яу одарены разумомъ, что они составляютъ тамъ господствующую расу животныхъ и что гуингнамы подчиняются имъ. Однако, что касается его лично, то я вижу въ немъ всѣ качества его родичей, живущихъ въ нашей странѣ. Правда, онъ немного развитѣе ихъ и проявляетъ нѣкоторое присутствіе разума, но все-таки стоитъ въ этомъ отношеніи настолько же ниже гуингнамовъ, насколько наши Яу ниже его самого. Онъ разсказалъ мнѣ между прочимъ, что въ его отечествѣ принято кастрировать молодыхъ гуингнамомъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе смирными и послушными. Онъ увѣряетъ, что это очень легкая операція, не представляющая никакой опасности для жизни, а такъ какъ, по моему, никогда не стыдно поучиться умуразуму, хотя бы даже у животныхъ,—вѣдь учитъ же насъ муравей трудолюбію, а ласточка строительному искусству (собственно не *ласточка*, а *лиханхъ*: такъ называется у гуингнамовъ птица, очень похожая на ласточку, но только гораздо крупнѣе),—то, мнѣ кажется, это изобрѣтеніе можно бы попробовать надъ нашими Яу. Кастрируя всѣхъ Яу въ раннемъ возрастѣ, мы не только сдѣлаемъ ихъ послушнѣе и болѣе пригодными для работы, но въ теченіе столѣтія переведемъ все ихъ племя, не отнимая жизни у отдѣльныхъ существъ. А гуингнамы тѣмъ временемъ навѣрно убѣдятся въ необходимости дрессировкиословъ, какъ животныхъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе цѣнныхъ, чѣмъ Яу, ибо, помимо другихъ своихъ преимуществъ, оселъ уже съ пятилѣтняго возраста можетъ работать, тогда какъ Яу годенъ въ работу только съ двѣнадцати лѣтъ".

Вотъ все, что въ то время счелъ возможнымъ сообщить мнѣ мой господинъ изъ преній, происходившихъ на общемъ собраніи гуингнамовъ. Но, какъ потомъ оказалось, онъ разсудилъ за благо скрыть отъ меня одно ихъ рѣшеніе, касавшееся меня лично,—рѣшеніе, печальныя послѣдствія котораго не замедлили сказаться

на мнѣ (о чемъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ) и которое, по моему твердому убѣжденію, было началомъ всѣхъ дальнѣйшихъ несчастій моей жизни.

Гуингнамамъ письменность неизвѣстна; слѣдовательно, всѣ ихъ знанія передаются по преданію. Но въ жизни народа, столь единодушнаго во всѣхъ своихъ помыслахъ и стремленіяхъ, предрасположеннаго отъ природы къ добру, руководящагося во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ исключительно разумомъ и неимѣющаго никакого общенія съ другими народами, не можетъ случаться сколько-нибудь крупныхъ событій, и потому исторія гуингнамовъ сохраняется въ полной неприкосновенности, не обременяя ихъ памяти. Выше я уже говорилъ, что гуингнамы никогда не болѣютъ и, слѣдовательно, не нуждаются въ докторахъ. Тѣмъ не менѣе у нихъ имѣются превосходныя лѣкарства изъ травъ для врачеванія ушибовъ, порѣзовъ бабки или стрѣлки ноги острыми камнями и другихъ случайныхъ увѣчій и ранъ на различныхъ частяхъ тѣла.

Они отсчитываютъ года по обращеніямъ солнца и луны, но не подраздѣляютъ года на недѣли. Они довольно хорошо освѣдомлены насчетъ движеній двухъ названныхъ свѣтилъ и понимаютъ причину затменій, но дальше этого ихъ астрономическія познанія не идутъ.

Зато въ области поэзіи они безспорно превзошли всѣхъ смертныхъ: мѣткость ихъ поэтическихъ уподобленій, обстоятельность и точность описаній поистинѣ неподражаемы. Ихъ стихотворныя произведенія изобилуютъ тѣми и другими; обыкновенное же содержаніе такихъ произведеній — возвышенные дифирамбы дружбѣ и милосердію или прославленіе побѣдителей на скачкахъ, на бѣгахъ и въ другихъ состязательныхъ играхъ. Постройки гуингнамовъ, при всей ихъ первобытной простотѣ, нельзя назвать неудобными, ибо онѣ хорошо приспособлены для защиты отъ стужи и зноя. У нихъ растетъ дерево особой породы съ совершенно прямымъ и ровнымъ стволомъ; достигнувъ сорокалѣтняго возраста, оно слабѣетъ въ корняхъ и валится отъ перваго сильнаго вѣтра. Этимъ-то деревомъ они и пользуются для построекъ. Насобиравъ необходимое количество стволовъ и заостривъ ихъ съ одного конца острымъ камнемъ на подобіе кольевъ (употребленіе желѣза имъ неизвѣстно), они втыкаютъ ихъ въ землю на разстояніи дюймовъ десяти одинъ отъ другого, и затѣмъ переплетаютъ овсяной соломой или гибкими вѣтвями. Такимъ же манеромъ сооружаются крыша и двери.

Работаютъ гуингнамы передними ногами, какъ мы—руками, пользуясь для этого впадиной между копытомъ и бабкой съ такою непринужденностью, о которой, не видавши ихъ за работой,

невозможно составить никакого понятія. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ наша бѣлая кобыла (одна изъ служанокъ моего господина) вдѣвала нитку въ иглу, которую я нарочно ей далъ, чтобы посмотрѣть, какъ она справится съ этимъ дѣломъ. Передними ногами они доятъ своихъ коровъ, убираютъ овесъ и вообще исполняютъ всякую ручную работу. У нихъ есть особый сортъ очень

Передними ногами они доятъ коровъ.

твердаго камня или кремня, изъ котораго, посредствомъ тренія его о другіе кремни, они выдѣлываютъ рабочіе инструменты въ родѣ нашихъ топора, молотка, долота, серпа и т. п. Такими самодѣльными кремневыми серпами они жнутъ траву и овесъ, который растетъ у нихъ въ дикомъ состояніи на очень многихъ поляхъ. Снопы складываются на повозки, и Яу отвозятъ ихъ въ особые крытые сараи, гдѣ ихъ сбмолачиваютъ ногами рабочіе-гуингнамы, послѣ чего зерно ссыпается въ амбаръ. Они умѣютъ также дѣлать грубую деревянную и глиняную посуду. Послѣднюю выжигаютъ на солнцѣ.

Гуингнамы доживаютъ до весьма преклоннаго возраста (конечно, не принимая въ расчетъ несчастныхъ случайностей, бывающихъ иногда причиной преждевременной смерти). Умершихъ они хоронятъ въ самыхъ глухихъ и уединенныхъ мѣстахъ. Друзья и родственники умершаго не проявляютъ ни скорби, ни радости по поводу своей утраты, да и самъ умирающій разстается съ жизнью безъ всякаго сожалѣнія, отходя въ лучшій міръ такъ же спокойно, какъ если бы онъ возвращался домой, навѣстивъ когонибудь изъ сосѣдей. Я помню, какъ-то разъ мой господинъ условился съ однимъ своимъ пріятелемъ, что тотъ пріѣдетъ къ нему со всѣмъ семействомъ въ такой-то день для переговоровъ по важному дѣлу. Въ назначенный день явилась только жена пріятеля съ двумя дѣтьми, да и то очень поздно. Въ оправданіе такой неаккуратности она привела двѣ причины. Первая заключалась въ томъ, что мужъ ея какъ разъ въ это утро „ушелъ (какъ она выразилась) къ своей прародительницѣ". (Такъ я перевожу слово *лхнувнхъ*: на гуингнамскомъ языкѣ оно въ высшей степени выразительно, но по англійски его трудно вполнѣ передать). Второю причиной, помѣшавшей ей пріѣхать раньше, было то, что послѣ смерти мужа (а умеръ онъ поздно утромъ) она еще долго совѣтовалась со своею прислугой насчетъ выбора мѣста для погребенія тѣла. Все время, что они пробыли у насъ, она была такъ же весела, какъ и остальная компанія,—я это хорошо замѣтилъ. Спустя три мѣсяца послѣ того она умерла.

Обыкновенно гуингнамы живутъ лѣтъ семьдесятъ, семьдесятъ пять, и очень рѣдко доживаютъ до восьмидесяти. За нѣсколько недѣль до смерти гуингнамъ чувствуетъ упадокъ силъ, но не испытываетъ никакихъ страданій. Въ этотъ періодъ его усердно навѣщаютъ родные и друзья, такъ какъ выходить самому ему трудно. Тѣмъ не менѣе, дней за десять до смерти (срокъ наступленія смерти они высчитываютъ съ большой точностью и рѣдко ошибаются въ расчетѣ) умирающій отдаетъ визиты ближайшимъ сосѣдямъ. Везутъ его Яу въ особаго устройства, очень удобныхъ саняхъ, въ которыхъ, впрочемъ, ѣздятъ не только умирающіе, но и вообще старики, а также гуингнамы, охромѣвшіе вслѣдствіе какой-нибудь несчастной случайности. Такія же сани употребляются и для далекихъ путешествій. Отдавая свои предсмертные визиты, гуингнамъ прощается съ друзьями торжественно, но спокойно, точно уѣзжаетъ въ далекую страну, гдѣ собирается провести остатокъ своей жизни.

Я думаю, нѣтъ надобности говорить, что въ языкѣ гуингнамовъ нѣтъ самостоятельныхъ терминовъ для выраженія понятій о чемъ-либо зломъ, дурномъ или порочномъ, а всѣ такіе термины

образуются при помощи приставки къ названію предмета эпитета *Яу*, которымъ и опредѣляется все некрасивое и дурное. Такъ, говоря о глупости прислуги, о провинности ребенка, о камнѣ, порѣзавшемъ ногу, о плохо построенномъ домѣ, о продолжительности дурной или неблагопріятной для уборки сѣна погодѣ и о тому подобныхъ вещахъ гуингнамъ скажетъ *„гхнмъ Яу“*, *„вхнахолмъ Яу“* и такъ далѣе, но непремѣнно съ прибавкой слова *Яу*.

Я бы съ большимъ удовольствіемъ остановился подольше на описаніи нравовъ и добродѣтелей этого прекраснаго народа, но, имѣя въ виду въ скоромъ времени выпустить въ свѣтъ отдѣльную книгу, трактующую объ этомъ предметѣ, я отсылаю читателя къ ней, а покамѣстъ перехожу къ изложенію печальной катастрофы, которою завершились мои похожденія.

ГЛАВА X.

Какъ авторъ устроился у гуингнамовъ и какую счастливую жизнь онъ велъ среди нихъ.—Какъ много онъ преуспѣлъ въ добродѣтели, благодаря общенію съ этими благородными существами.—О чемъ онъ съ ними бесѣдовалъ.—Авторъ получаетъ предупрежденіе отъ своего господина о томъ, что по приговору общаго собранія гуингнамовъ онъ долженъ покинуть ихъ страну.—Отъ горя при этомъ извѣстіи онъ лишается чувствъ, но затѣмъ покоряется рѣшенію собранія.—При помощи слуги-гуингнама онъ сооружаетъ себѣ лодку, на которой и пускается въ море на авось.

Какъ разъ ко времени съѣзда гуингнамовъ на общее собраніе, которое было описано выше, я окончательно устроилъ свое маленькое домашнее хозяйство къ полному моему удовольствію. Мой господинъ приказалъ построить для меня отдѣльное помѣщеніе, и, какъ это принято у гуингнамовъ относительно всѣхъ построекъ, гдѣ помѣщаются Яу, его поставили ярдахъ въ шести отъ господскаго дома. Мой домикъ состоялъ изъ одной комнаты. Стѣны и полъ я вымазалъ глиной и прикрылъ цыновками собственной работы. Насобиравъ конопли (которая растетъ здѣсь въ дикомъ состояніи), я натрепалъ пеньки. Изъ этой пеньки, послѣ многихъ послѣдовательныхъ операцій, я смастерилъ мѣшокъ, набилъ его перьями разныхъ птицъ, и у меня вышло нѣчто въ родѣ перины. Кромѣ перьевъ, птицы доставляли мнѣ превосходную пищу, а ловилъ я ихъ силками, которые самъ же и фабриковалъ изъ волосъ Яу. Затѣмъ, съ помощью моего карманнаго ножа я сдѣлалъ два стула. Гнѣдой жеребчикъ значительно облегчилъ мнѣ этотъ трудъ, взявъ на себя всю черную, т. е самую тяжелую работу. Когда мое платье износилось въ клочки, я сшилъ себѣ новое, частью изъ кроличьихъ шкурокъ, частью изъ шкурокъ одного туземнаго звѣрка, очень красиваго и приблизительно такихъ же размѣровъ, какъ кроликъ. (У гуингнамовъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ *нухноха*; кожа у него покрыта мягкимъ пухомъ). Изъ шкурокъ того же *нухноха* я сшилъ себѣ очень хорошіе чулки. Когда у меня развалились подошвы на башмакахъ,

Гнѣдой жеребчикъ значительно облегчилъ мнѣ трудъ.

я замѣнилъ ихъ деревянными, которыя ухитрился прикрѣпить къ верхней, еще крѣпкой кожѣ, а когда и та отказалась служить, я стачалъ новые башмаки изъ высушенной на солнцѣ кожи Яу. Въ дуплахъ деревьевъ я часто находилъ медъ и ѣлъ его съ хлѣбомъ или употреблялъ вмѣсто питья, разбавивъ водой. Навѣрно никому не доводилось лучше меня провѣрить на опытѣ всю справедливость двухъ изреченій: во-первыхъ, что „природа довольствуется очень немногимъ“, и во-вторыхъ, что „нужда—мать изобрѣтательности“. Я наслаждался цвѣтущимъ здоровьевъ и невозмутимымъ спокойствіемъ духа. Я не терзался непостоянствомъ и вѣроломствомъ друзей, не страдалъ отъ обидъ со стороны тайныхъ или явныхъ враговъ. Я не имѣлъ надобности прибѣгать ни къ подкупу, ни къ лести, чтобы втереться въ милость къ комунибудь изъ великихъ міра сего или къ его креатурѣ. Я не нуждался въ защитѣ противъ шарлатанства и насилія: здѣсь не было ни врачей, разрушающихъ тѣло, ни адвокатовъ, расхищающихъ имущество людей, ни наемныхъ шпіоновъ, которые слѣдили бы за каждымъ моимъ словомъ и поступкомъ и взводили бы на меня небылицы. Здѣсь не было ни клеветниковъ, ни пересмѣшниковъ, ни цензоровъ, ни карманныхъ воришекъ, ни грабителей, ни разбойниковъ, ни стряпчихъ, ни сводниковъ, ни шутовъ, ни шулеровъ, ни политикановъ, ни присяжныхъ остряковъ, ни ипохондриковъ, ни скучныхъ болтуновъ, ни спорщиковъ, ни насильниковъ, ни убійцъ, ни виртуозовъ; не было ни вожаковъ, ни приверженцевъ политическихъ и иныхъ партій; не было искусителей, сманивающихъ на грѣхъ рѣчами или примѣромъ; не было ни тюремъ, ни плахъ, ни висѣлицъ, ни позорнаго столба, ни кнута; не было ни мошенниковъ-торгашей, ни плутовъ-ремесленниковъ; не было ни гордости, ни тщеславія, ни притворства; не было ни пьяницъ, ни буяновъ, ни уличныхъ женщинъ, ни сифилитиковъ; не было сварливыхъ, распутныхъ и дорого стоющихъ женъ; не было тупоумныхъ, надутыхъ педантовъ; не было шумныхъ, крикливыхъ и назойливыхъ, пустоголовыхъ, самоувѣренныхъ и чванныхъ, горластыхъ и сквернословящихъ друзей-пріятелей; не было ни проходимцевъ, вылѣзшихъ изъ грязи единственно по милости своихъ пороковъ, ни аристократовъ, втоптанныхъ въ грязь за свою добродѣтель; не было ни лордовъ, ни скрипачей, ни судей, ни танцмейстеровъ.

Я имѣлъ счастье быть принятымъ въ домахъ многихъ гуингнамовъ, посѣщавшихъ моего господина и нерѣдко обѣдавшихъ у него, при чемъ мнѣ милостиво разрѣшали присутствовать въ комнатѣ и слушать разговоры. И гости, и хозяинъ очень часто снисходили до бесѣды со мной, обращаясь ко мнѣ съ вопросами, на

которые я смиренно имъ отвѣчалъ. Иногда я удостаивался также чести сопутствовать моему господину, когда онъ дѣлалъ визиты своимъ знакомымъ. Я никогда не позволялъ себѣ заговаривать съ гуингнамами; я только отвѣчалъ на ихъ вопросы, да и то неохотно, сожалѣя въ душѣ о потерѣ драгоцѣннаго времени, которое я могъ бы употребить на самосовершенствованіе, внимая мудрымъ рѣчамъ. Зато я чувствовалъ себя безконечно счастливымъ, присутствуя въ роли скромнаго слушателя на этихъ собесѣдованіяхъ, гдѣ не говорилось ничего лишняго, а то, что говорилось, излагалось въ самой сжатой формѣ и въ самыхъ выразительныхъ словахъ; гдѣ, какъ уже было сказано, строжайшимъ образомъ соблюдались приличія, но не было и тѣни церемонности; гдѣ говорили только тогда, когда хотѣлось говорить, или когда знали, что доставляютъ этимъ удовольствіе слушателямъ; гдѣ не горячились и не перебивали другъ друга; гдѣ не было ни скуки, ни разногласія во мнѣніяхъ. Гуингнамы находятъ, что всякій разговоръ много выигрываетъ послѣ небольшого промежутка молчанія, и я убѣдился, что это вполнѣ справедливо: присутствуя на сборищахъ этихъ благородныхъ животныхъ, я постоянно замѣчалъ, что послѣ такихъ коротенькихъ перерывовъ въ разговорѣ у собесѣдниковъ возникали новыя мысли, вслѣдствіе чего бесѣда становилась потомъ еще оживленнѣе. Обыкновенныя темы ихъ разговоровъ—дружба и благожелательное отношеніе къ ближнимъ, экономія и порядокъ; иногда—видимыя явленія природы, старинныя преданія, возможные предѣлы добродѣтели, непреложные законы разума; наконецъ—обсужденіе вопроса о томъ, какія слѣдуетъ принять рѣшенія на ближайшемъ общемъ собраніи; но чаще всего—неисчислимыя красоты поэзіи. Могу сказать безъ хвастовства, что мое присутствіе также давало много пищи для разговоровъ, доставляя случай моему господину познакомить своихъ друзей съ исторіей моихъ приключеній и съ моимъ отечествомъ, о которомъ онъ столько разъ слышалъ отъ меня. Всѣ гуингнамы особенно любили пускаться въ разсужденія на эту послѣднюю тему, а такъ какъ они не слишкомъ-то лестно отзывались о человѣческой расѣ, то я не стану повторять, что они говорили. Позволю себѣ только замѣтить, что господинъ мой, къ великому моему изумленію, обнаружилъ глубокое пониманіе натуры Яу, превзойдя въ этомъ меня самого. Его милость очень тонко разобралъ всѣ людскіе пороки, всѣ безразсудства, на которыя способенъ человѣческій родъ, и открылъ даже много такихъ, о которыхъ я никогда ему не заикался. Онъ дошелъ до этого открытія путемъ простой догадки, а именно, предположивъ, какія качества могли бы и должны бы были проявить Яу ихъ страны, если бы природа

надѣлила ихъ хоть небольшой долей разума. „Какъ гнусны и какъ презрѣнны должны быть такія существа“! заключилъ онъ свои выводы предположеніемъ, увы, лишь слишкомъ близкимъ къ истинѣ!

Сознаюсь откровенно, что немногими цѣнными знаніями, какія я за собой признаю, я всецѣло обязанъ поучительнымъ бесѣдамъ моего господина со мной и происходившимъ въ моемъ присутствіи разговорамъ между нимъ и его друзьями Съ глубокимъ чувствомъ самоудовлетворенія внималъ я этимъ разговорамъ и не промѣнялъ бы моей роли смиреннаго ихъ слушателя на роль оракула, предписывающаго законы многолюднѣйшему собранію европейскихъ мудрецовъ. Я восхищался силой и красотой обитателей страны гуингнамовъ; я восхищался быстротой ихъ бѣга и, видя столь гармоничное сочетаніе всѣхъ добродѣтелей въ столь привлекательныхъ физически существахъ, проникался глубочайшимъ почтеніемъ къ нимъ. Вначалѣ, это правда, они не внушали мнѣ того благоговѣнія, съ какимъ по врожденному инстинкту относились къ нимъ Яу и всѣ остальныя животныя ихъ страны; но это чувство пришло мало-по-малу, и даже скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, а вмѣстѣ съ нимъ пришли почтительная любовь и признательность за то, что меня удостаивали отличать отъ всѣхъ прочихъ особей моего вида.

Когда теперь я вспоминалъ свою семью, друзей и соплеменниковъ, когда я вообще думалъ о людяхъ, я думалъ о нихъ, какъ о Яу, какими они и были въ дѣйствительности. Да, они были для меня и по внѣшности, и по внутреннимъ качествамъ, настоящими Яу, быть можетъ только поразвитѣе своихъ родичей, живущихъ въ странѣ гуингнамовъ, и одаренными способностью рѣчи, но употреблявшими данный имъ разумъ единственно на изощреніе и пріумноженіе своихъ пороковъ, которыми здѣшніе Яу довольствовались въ той пропорціи, какую отпустила имъ природа. Когда мнѣ случалось увидѣть свое отраженіе въ озерѣ или ручьѣ, я съ ужасомъ и омерзѣніемъ отворачивался: даже видъ настоящаго Яу казался мнѣ сноснѣе вида моей драгоцѣнной особы. Вращаясь въ средѣ гуингнамовъ и съ восхищеніемъ взирая на нихъ, я сталъ невольно подражать ихъ походкѣ и всѣмъ ихъ движеніямъ, и въ настоящее время это обратилось у меня въ привычку. Мои друзья очень часто говорятъ мнѣ съ грубой дружеской прямотой, что я „топочу, какъ лошадь“; но я принимаю это за величайшій комплиментъ. Не скрою, что и когда я говорю, я зачастую сбиваюсь на интонаціи гуингнамовъ: я слышу, какъ надо мной смѣются по этому поводу, но не испытываю ни малѣйшаго огорченія.

И вотъ, въ то время, когда я почиталъ себя совершенно счастливымъ, рѣшивъ на всю жизнь основаться въ этой благодатной странѣ, мой господинъ въ одно прекрасное утро прислалъ за мною

Я сталъ невольно подражать ихъ походкѣ и всѣмъ ихъ движеніямъ.

раньше обыкновеннаго. По его лицу я сейчасъ же замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то озабоченъ и затрудняется, съ чего начать разго-

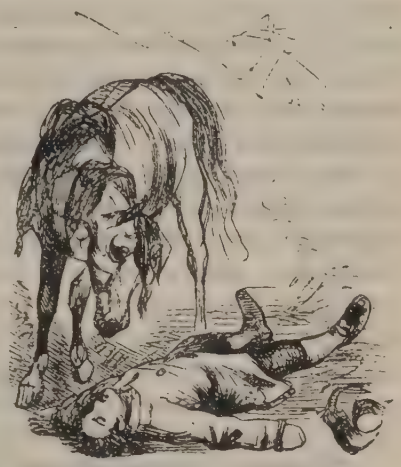
воръ. Наконецъ, послѣ непродолжительнаго молчанія онъ началъ такъ: „Не знаю, какъ вы примете то, что я сейчасъ вамъ скажу. Дѣло въ томъ, что на послѣднемъ общемъ собраніи, когда былъ поднятъ вопросъ о нашихъ Яу, многіе депутаты выразили на меня претензію за то, что я держу у себя въ домѣ представителя этой породы (т. е. васъ), скорѣе какъ равнаго себѣ гуингнама, чѣмъ какъ неразумную скотину. Они не одобряли того, что я такъ часто провожу время въ вашемъ обществѣ, какъ будто оно можетъ доставить мнѣ какія-нибудь выгоды или удовольствіе; говорили, что такія отношенія между разумнымъ существомъ и грубымъ животнымъ противны разуму и природѣ, что это вещь неслыханная среди гуингнамовъ. На основаніи этого заявленія собраніе постановило предложить мнѣ на выборъ: или поставить васъ въ такія условія, въ какихъ находятся всѣ ваши родичи въ нашей странѣ, или приказать вамъ вернуться туда, откуда вы прибыли къ намъ. Но всѣ, кто хоть разъ видѣлъ васъ въ моемъ домѣ или принималъ у себя, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ перваго изъ этихъ двухъ мѣропріятій, и вотъ почему. „Отличаясь всѣми дурными инстинктами Яу, но обладая при этомъ зачатками разума“, говорили они, „онъ (т. е. вы) можетъ подучить ихъ бѣжать въ лѣса или въ гористую часть нашей страны, откуда они потомъ будутъ подъ его предводительствомъ дѣлать набѣги на наши жилища и уничтожать нашъ скотъ, ибо вся ихъ порода — хищники по натурѣ и ненавидитъ трудъ“.

Затѣмъ мой господинъ продолжалъ: „Теперь мои сосѣди гуингнамы каждый день напоминаютъ мнѣ о необходимости исполнить волю собранія, и я не могу откладывать дольше. Я сомнѣваюсь, чтобы у васъ хватило силъ переплыть море (что необходимо для того, чтобы попасть въ другую страну); поэтому, мнѣ кажется, лучше всего будетъ, если вы соорудите себѣ большую посудину въ родѣ тѣхъ, какія вы мнѣ описывали и которая могла бы поддерживать васъ на водѣ. Мои слуги и слуги всѣхъ моихъ сосѣдей помогутъ вамъ въ этой работѣ. Что касается меня лично“, сказалъ въ заключеніе его милость, „то я съ радостью оставилъ бы васъ у себя въ услуженіи до конца вашихъ дней, такъ какъ нахожу, что вы освободились отъ многихъ дурныхъ наклонностей и привычекъ, стараясь во всемъ подражать гуингнамамъ, насколько это допускаетъ ваша низшая природа“.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что декреты общихъ собраній депутатовъ въ странѣ гуингнамовъ обозначаются словомъ *хихлоайнъ*, что значитъ *увѣщаніе* (насколько можно передать это слово на англійскомъ языкѣ). Дѣло въ томъ, что гуингнамы не

допускаютъ мысли, чтобы можно было приказывать разумному существу, и считаютъ, что на него можно дѣйствовать только совѣтомъ или увѣщаніемъ. „Тотъ, кто не слушаетъ голоса разума, уже тѣмъ самымъ лишается правъ на названіе разумнаго существа“, разсуждаютъ они.

Великая скорбь и отчаяніе сразили меня, когда я выслушалъ рѣчь моего господина, и будучи, не въ силахъ перенести этихъ мучительныхъ чувствъ, я упалъ въ обморокъ къ его ногамъ. Когда я очнулся, онъ мнѣ сказалъ: „А я былъ увѣренъ, что вы умерли“. Такое заключеніе было вполнѣ естественно съ его стороны, такъ какъ гуингнамы никогда не видѣли обмороковъ и не имѣютъ понятія о такого рода глупыхъ капризахъ природы. Я отвѣчалъ слабымъ голосомъ, что смерть была бы величайшимъ для меня счастьемъ и что хоть я не смѣю протестовать противъ рѣшенія собранія и осуждать друзей его милости, такъ настоятельно требовавшихъ исполненія моего приговора, но все-таки не могу не сказать, что, по моему слабому и превратному разумѣнію, можно было бы, не погрѣшивъ противъ разума, отнестись ко мнѣ менѣе строго“. „Конечно“, продолжалъ я, „я не могу пуститься въ море вплавь, такъ какъ не проплыву и трехъ миль, а до ближайшаго берега будетъ отсюда, можетъ быть, сто миль, а, можетъ, быть и больше. Между тѣмъ, въ вашей странѣ нельзя достать многихъ матеріаловъ, необходимыхъ для постройки маленькой лодки, на которой я могъ бы отплыть. Покоряясь желанію вашей милости и изъ признательности къ вамъ, я попытаюсь сдѣлать лодку, хотя увѣренъ, что это окажется невозможнымъ, и потому заранѣе смотрю на себя, какъ на существо, обреченное гибели. Впрочемъ, меня не страшитъ перспектива неминуемой насильственной смерти: смерть я приму, какъ наименьшую изъ угрожающихъ мнѣ бѣдъ, потому-что, допустивъ, что, благодаря какой-нибудь необыкновенной случайности, я останусь въ живыхъ, развѣ могу я тогда примириться съ необходимостью влачить остатокъ моей жизни среди Яу, гдѣ я неизбѣжно вновь погрязну въ порокахъ за неимѣніемъ высокихъ примѣровъ, которые поддерживали бы



Я упалъ въ обморокъ къ его ногамъ.

меня въ благихъ начинаніяхъ и направляли бы на стезю добродѣтели. Я знаю, что всѣ рѣшенія мудрыхъ гуингнамовъ покоятся на слишкомъ солидныхъ основаніяхъ для того, чтобъ ихъ могли поколебать аргументы какого-нибудь несчастнаго Яу, и потому, принося вашей милости мою нижайшую благодарность за предложеніе помощи въ лицѣ вашихъ слугъ для сооруженія лодки, я попрошу васъ только дать мнѣ необходимое время на выполненіе этой трудной работы и обѣщаю съ своей стороны приложить всѣ старанія для сохраненія моей презрѣнной жизни. А засимъ мнѣ остается только утѣшать себя надеждой, что, если мнѣ когда-нибудь посчастливится вернуться въ Англію, я буду, по крайней мѣрѣ полезенъ моимъ соплеменникамъ, воспѣвая хвалы доблестнымъ гуингнамамъ и призывая человѣчество къ подражанію добродѣтелямъ этихъ благородныхъ существъ.

Мой господинъ отвѣтилъ мнѣ въ немногихъ, но чрезвычайно милостивыхъ словахъ. Онъ далъ мнѣ два мѣсяца сроку на постройку лодки и назначилъ мнѣ въ помощники, приказавъ ему слѣдовать всѣмъ моимъ указаніямъ, гнѣдого жеребчика, моего товарища по службѣ (я могу себѣ позволить назвать его товарищемъ теперь, когда насъ раздѣляетъ такое большое пространство). Я отказался отъ другихъ помощниковъ, сказавъ его милости, что „совершенно удовольствуюсь помощью гнѣдого жеребчика, который, я знаю, сильно привязанъ ко мнѣ".

Первымъ моимъ дѣломъ послѣ этого разговора было отправиться вмѣстѣ съ гнѣдымъ на тотъ берегъ, гдѣ меня высадила взбунтовавшаяся команда моего корабля. Взобравшись на пригорокъ, я окинулъ взглядомъ все видимое пространство моря, и мнѣ показалось, что вдали, на сѣверо-востокѣ, виднѣется островокъ. Тогда я вооружился подзорной трубой и уже ясно различилъ, что это былъ дѣйствительно островъ, находившійся, по моему расчету, миляхъ въ пятнадцати отъ насъ. Но гнѣдому жеребчику онъ казался лишь синеватымъ облачкомъ. Не имѣя никакого представленія о странахъ, лежащихъ за предѣлами его родины, онъ естественно не могъ научиться различать на морѣ отдаленныя земли, какъ различаемъ ихъ мы, свыкшіеся съ этой стихіей.

Открывъ упомянутый островокъ, я, недолго думая, порѣшилъ, что онъ будетъ первымъ мѣстомъ моего изгнанія, если мнѣ удастся добраться до него; дальнѣйшее-же теченіе событій предоставилъ на волю судьбы.

Вернувшись домой, я посовѣтовался съ гнѣдымъ, и мы съ нимъ отправились въ ближній лѣсокъ. Здѣсь мы нарѣзали дубовыхъ вѣтвей (я —своимъ карманнымъ ножомъ, а онъ —заостренъ-

нымъ кремнемъ, весьма искусно насаженнымъ на деревянную рукоятку). Мы выбирали вѣтки толщиной съ обыкновенную трость, но между ними было нѣсколько сучьевъ потолще... Впрочемъ, я не стану утомлять вниманіе читателя подробнымъ описаніемъ моихъ кораблестроительныхъ упражненій; довольно будетъ сказать, что черезъ шесть недѣль, при помощи гнѣдого жеребчика, взявшаго на себя всю ту часть работы, гдѣ нужна была сила, я довелъ до конца постройку своей лодки, представлявшей нѣчто въ родѣ индѣйской пироги, но только болѣе крупныхъ размѣровъ. Я обтянулъ ее кожами Яу, плотно стачавъ ихъ пеньковыми нитками собственнаго издѣлія. Изъ того же матеріала былъ у меня сдѣланъ и парусъ, но для паруса я выбиралъ кожи самыхъ молодыхъ экземпляровъ, такъ какъ у стариковъ кожа черезчуръ толста и груба. Я позаботился также, чтобы мнѣ было чѣмъ грести въ случаѣ надобности, и выстругалъ четыре весла. Затѣмъ я заготовилъ запасъ варенаго мяса (кроликовъ и птицъ) и взялъ въ лодку два большихъ сосуда,—одинъ съ молокомъ, другой съ водой

При помощи жеребчика я построилъ лодку.

Сначала я попробовалъ спустить мое судно въ большой прудъ, находившійся подлѣ дома моего господина; потомъ исправилъ въ немъ всѣ изъяны, обнаружившіеся послѣ этого испытанія (замазалъ щели жиромъ Яу, и т. д.), и, наконецъ, убѣдившись, что лодка не потечетъ и выдержитъ меня и мой грузъ, распорядился

Его милость оказалъ мнѣ великую честь и самъ поднесъ копыто къ моимъ устамъ.

перевезти ее къ морскому берегу на повозкѣ. Повозка была запряжена Яу и ѣхала шагомъ подъ наблюденіемъ гнѣдого жеребчика и другого слуги.

Когда такимъ образомъ все было готово къ отплытію и назначенный для него день наступилъ, я попрощался съ моимъ господиномъ, госпожей и со всѣмъ ихъ семействомъ. Сердце мое сжималось отъ горя, и я обливался слезами. Но тутъ его милость—быть можетъ, движимый любопытствомъ, а, можетъ быть, и чувствомъ дружбы ко мнѣ (надѣюсь, я могу себѣ позволить такое предположеніе, не рискуя показаться тщеславнымъ),—вдругъ объявилъ, что онъ хочетъ посмотрѣть, какъ я сяду въ лодку, и пригласилъ кое-кого изъ сосѣдей сопутствовать ему. Мнѣ пришлось прождать около часу, такъ какъ надо было дождаться прилива. На мое счастье вѣтеръ дулъ по направленію къ островку, на который я намѣревался держать курсъ. Какъ только начался приливъ, я сталъ второй разъ прощаться съ моимъ господиномъ. Я хотѣлъ было пасть передъ нимъ ницъ, дабы облобызать его копыто; но его милость оказалъ мнѣ великую честь: тихонько приподнявъ переднюю ногу, онъ самъ поднесъ ее къ моимъ устамъ.

Я знаю, какимъ жестокимъ нападкамъ подвергаю себя, упоминая объ этой послѣдней подробности. Строгіе критики будутъ рады придраться ко мнѣ и ужъ конечно найдутъ невѣроятнымъ, чтобы такая высокопоставленная особа удостоила столь цѣннымъ знакомъ своего вниманія какого-нибудь презрѣннаго гада въ родѣ меня. Небезызвѣстно мнѣ также, какъ любятъ нѣкоторые путешественники хвастаться необычайной благосклонностью къ нимъ именитыхъ особъ, но если бы мои хулители были ближе знакомы съ благородной и деликатной натурой гуингнамовъ, они не замедлили бы измѣнить свое мнѣніе.

Простившись съ моимъ господиномъ, я засвидѣтельствовалъ мое почтеніе всѣмъ гуингнамамъ, сопровождавшимъ его, затѣмъ сѣлъ въ лодку и оттолкнулся отъ берега.

ГЛАВА XI.

Авторъ совершаетъ опасное путешествіе.—Онъ достигаетъ Новой Голландіи, гдѣ разсчитываетъ основаться на всю жизнь.—Одинъ изъ туземцевъ ранитъ его стрѣлой.—Авторъ попадаетъ въ руки португальцевъ, которые насильно увозятъ его на своемъ кораблѣ.—Любезность капитана.—Авторъ возвращается въ Англію.

Ровно въ девять часовъ утра 15-го февраля 1715 года я пустился въ мое безнадежное плаваніе. Несмотря на то, что вѣтеръ дулъ попутный, я шелъ сначала на однихъ веслахъ; но, сообразивъ, что, плывя такимъ образомъ, я скоро устану, а вѣтеръ тѣмъ временемъ можетъ спасть, я рискнулъ поднять мой маленькій парусъ. Кромѣ вѣтра, мою лодку подгоняло еще и теченіемъ, такъ-что, по моему расчету, я подвигался мили по четыре въ часъ. Мой господинъ со своими друзьями стоялъ на берегу, пока я не скрылся изъ вида, и я нѣсколько разъ слышалъ, какъ гнѣдой жеребчикъ (всегда любившій меня) кричалъ мнѣ: „*Гнуй иллa ниха мажахъ Яу*“, т. е. „береги себя, милый Яу“.

Моимъ единственнымъ желаніемъ было поселиться навсегда на какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ, гдѣ я могъ бы снискивать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ. Если бы мнѣ удалось найти такой островъ, я почиталъ бы себя совершенно счастливымъ и не промѣнялъ бы своей доли на положеніе перваго министра при самомъ просвѣщенномъ изъ европейскихъ дворовъ,—до такой степени меня страшила одна мысль о возможности вернуться въ общество Яу, въ страну, состоящую подъ управленіемъ этихъ существъ. Въ томъ одиночествѣ, котораго я такъ жаждалъ теперь, я могъ бы, по крайней мѣрѣ, безъ помѣхи предаваться своимъ размышленіямъ и съ восторгомъ вспоминать добродѣтели неподражаемыхъ гуингнамовъ, не рискуя вновь погрязнуть въ порокахъ и развратѣ моихъ соплеменниковъ.

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что когда взбунтовавшіеся люди моего экипажа, составивъ противъ меня заговоръ, заперли меня

въ моей каютѣ, я въ теченіе нѣсколькихъ недѣль оставался въ неизвѣстности относительно курса нашего корабля, и что когда затѣмъ меня посадили въ баркасъ и свезли на берегъ, то матросы клялись мнѣ (насколько искренно—ужъ не могу сказать), что они не знаютъ, въ какой части свѣта мы находимся. Тѣмъ не менѣе, изъ нѣсколькихъ подслушанныхъ мною фразъ, изъ которыхъ явствовало, что разбойники намѣревались зайти на Мадагаскаръ, я заключилъ, что мы находимся градусовъ на десять къ югу отъ Мыса Доброй Надежды, т. е. подъ 45-мъ приблизительно градусомъ южной широты. И хотя тогдашнее мое заключеніе было лишь простою догадкой, я все-таки рѣшилъ теперь держать курсъ на востокъ, надѣясь такимъ образомъ достигнуть юго-западныхъ береговъ Новой Голландіи или, быть можетъ, лежащаго на западъ отъ нея необитаемаго островка, такъ заманчиво рисовавшагося въ моихъ мечтахъ. Вѣтеръ дулъ прямо съ запада, и къ шести часамъ вечера, когда я, по моимъ расчетамъ, подвинулся, по меньшей мѣрѣ, на тридцать шесть миль на востокъ, я увидалъ миляхъ въ полутора впереди крошечный островокъ, къ которому вскорѣ и причалилъ. Островокъ оказался просто-на-просто торчащей изъ моря скалой, размытой съ одного боку волнами, такъ-что въ ней образовалось нѣчто въ родѣ маленькой бухточки. Поставивъ въ этой бухточкѣ мою лодку, я вскарабкался на скалу, откуда ясно различилъ на востокѣ полосу земли, тянувшуюся съ сѣвера на югъ. Я переночевалъ въ своей лодкѣ, а на утро чѣмъ свѣтъ продолжалъ свое плаваніе и къ семи часамъ достигъ юго-западной оконечности Новой Голландіи. Это окончательно утвердило меня въ давно уже мелькавшемъ у меня предположеніи, что составители нашихъ картъ помѣщаютъ Новую Голландію по крайней мѣрѣ на три градуса восточнѣе, чѣмъ она лежитъ на самомъ дѣлѣ. Я уже много лѣтъ тому назадъ высказывалъ эту мысль уважаемому другу моему, м-ру Герману Моллю и объяснилъ ему, что навело меня на нее; но онъ предпочелъ примкнуть къ другимъ авторитетамъ въ своемъ взглядѣ на этотъ вопросъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я причалилъ, не было никакихъ слѣдовъ людей, и, не имѣя при себѣ оружія, я боялся углубляться внутрь страны. На берегу попадалось много ракушекъ, и я ѣлъ ихъ сырыми, не рѣшаясь развести огонь изъ опасенія быть открытымъ туземцами. Три дня я питался устрицами и другими ракушками, приберегая на всякій случай мои запасы провизіи. На мое счастье я нашелъ ручеекъ съ превосходной водой, которая очень меня освѣжала.

На четвертый день раннимъ утромъ я рискнулъ немного уда-

литься отъ берега и вдругъ увидѣлъ на пригоркѣ, не болѣе, чѣмъ въ пятистахъ ярдахъ впереди, человѣкъ двадцать или тридцать дикарей. Всѣ они—мужчины, женщины и дѣти,—были совершенно голые и собрались вокругъ костра, какъ это можно было заключить по выходившему съ того мѣста густому облаку дыма. Одинъ дикарь замѣтилъ меня и поднялъ тревогу. Пять человѣкъ мужчинъ направилось ко мнѣ, оставивъ женщинъ и дѣтей у огня. Я со всѣхъ ногъ пустился бѣжать къ берегу, успѣлъ вскочить въ лодку и отчалить. Дикари погнались за мной, и прежде, чѣмъ моя лодка успѣла отойти на безопасное разстояніе, одинъ изъ нихъ выпустилъ изъ лука стрѣлу и ранилъ меня въ лѣвую ногу. Стрѣла глубоко засѣла въ колѣнѣ; знакъ отъ нея остался у меня до сихъ поръ и, вѣроятно, не изгладится до самой моей смерти. Боясь, что стрѣла, быть можетъ, отравлена, я налегъ на весла (день былъ довольно тихій, и паруса не стоило подымать) и, отойдя отъ берега на такое разстояніе, чтобы стрѣлы не могли долетать до меня, высосалъ рану, насколько это было возможно, и перевязалъ ее, какъ умѣлъ.

Я недоумѣвалъ, что мнѣ дѣлать. Не рѣшаясь вернуться на мѣсто моей прежней стоянки, я держалъ курсъ на сѣверъ, при чемъ мнѣ все время приходилось грести, такъ какъ вѣтеръ былъ слабый и къ тому-же дулъ съ сѣверо-запада, т. е. почти-что прямо мнѣ въ лицо. Озираясь по сторонамъ въ поискахъ безопасной стоянки, я вдругъ замѣтилъ, что на сѣверо-сѣверо-востокѣ показался парусъ. Онъ быстро приближался, становясь съ каждой минутой виднѣе. Нѣкоторое время я колебался, дожидаться мнѣ корабля или нѣтъ: въ моей душѣ боролись самыя противурѣчивыя чувства; но, наконецъ, отвращеніе къ Яу превозмогло: я повернулъ мою лодку и принялся усиленно грести по направленію къ югу. Вскорѣ я вошелъ въ ту самую бухточку, изъ которой вышелъ поутру, предпочитая отдаться въ руки дикарямъ, чѣмъ жить среди европейскихъ Яу. Я подтянулъ лодку какъ можно ближе къ берегу, а самъ спрятался за камнемъ у ручейка съ хорошей водой, о которомъ я уже говорилъ.

Корабль остановился въ полутора миляхъ отъ моей бухточки и спустилъ баркасъ за свѣжей водой (должно быть, это мѣсто было хорошо знакомо всѣмъ судамъ, ходившимъ этой дорогой); но я замѣтилъ баркасъ только тогда, когда онъ былъ уже почти у берега, такъ-что искать другого мѣста, гдѣ я могъ бы укрыться, было поздно. Войдя въ бухточку, матросы увидѣли мою лодку; они обшарили ее всю и безъ труда сообразили, что хозяинъ долженъ быть недалеко. Четыре человѣка принялись за поиски: обыскали весь берегъ, каждую трещинку, каждую ямку, и наконецъ нашли

Они нашли меня за камнемъ.

меня за камнемъ, гдѣ я лежалъ ничкомъ. Нѣсколько минутъ они съ изумленіемъ смотрѣли на мой странный костюмъ: на мою куртку изъ кроличьихъ шкурокъ, на башмаки на деревянныхъ подошвахъ и мѣховые чулки. Этотъ осмотръ привелъ ихъ къ заключенію, что я не принадлежу къ числу аборигеновъ страны, такъ какъ тѣ ходятъ нагишомъ. Одинъ матросъ заговорилъ со мной по португальски, приказывая мнѣ встать и спрашивая, кто я такой. Я хорошо знаю этотъ языкъ и потому, поднявшись на ноги, отвѣчалъ: „Я - бѣдный Яу, изгнанный гуингнамами, и смиренно прошу васъ позволить мнѣ безпрепятственно удалиться". По цвѣту моей кожи матросы догадались, что я—европеецъ. Ихъ очень удивило, что я отвѣчаю имъ на ихъ языкѣ, но они не могли понять, что я разумѣю подъ словами *Яу* и *гуингнамъ*, и долго смѣялись надъ странными интонаціями моей рѣчи, напоминавшими лошадиное ржанье. Я между тѣмъ весь дрожалъ отъ страха и ненависти. Повторивъ свою просьбу позволить мнѣ безпрепятственно удалиться, я потихоньку направился было къ моей лодкѣ, но меня схватили и засыпали вопросами: какой страны я уроженецъ? откуда прибылъ сюда? и т. д. Я отвѣчалъ, что родился я въ Англіи, которую покинулъ около пяти лѣтъ тому назадъ. „А такъ какъ въ то время" прибавилъ я, „между моимъ отечествомъ и вашимъ былъ миръ, то, я надѣюсь, вы отнесетесь ко мнѣ не какъ къ врагу. По крайней мѣрѣ я съ своей стороны не замышляю противъ васъ зла; я просто бѣдный, безпріютный Яу, который ищетъ какого-нибудь пустыннаго мѣста, гдѣ онъ могъ бы спокойно дотянуть свою злополучную жизнь".

Матросы заговорили между собой, и мнѣ показалось это настолько же противуестественнымъ, какъ если бы у насъ въ Англіи заговорила собака или корова, или Яу—въ странѣ гуингнамовъ,—до такой степени дико звучала для меня человѣческая рѣчь въ устахъ этихъ существъ. Съ своей стороны и честные португальцы не переставали изумляться моему необыкновенному костюму и странной манерѣ говорить, хотя прекрасно меня понимали. Они отнеслись ко мнѣ чрезвычайно гуманно: высказали увѣренность, что капитанъ доставитъ меня безплатно въ Лиссабонъ, откуда я могу вернуться на родину, и сказали, что двое изъ нихъ сейчасъ же съѣздятъ на корабль къ капитану за инструкціями относительно моей особы, а остальные останутся на это время при мнѣ. „Вы должны дать намъ торжественную клятву, что не убѣжите, иначе намъ придется употребить съ вами силу", прибавили они. Я счелъ за лучшее повиноваться. Имъ очень хотѣлось узнать исторію моихъ похожденій. но я отвѣчалъ на ихъ разспросы очень неохотно, изъ чего они заключили, что я перенесъ много несча-

стій, отъ которыхъ помутился мой умъ. Нагрузившись водой, баркасъ отчалилъ отъ берега и черезъ два часа возвратился съ приказаніемъ капитана привезти меня на корабль. Я на колѣняхъ умолялъ не лишать меня свободы, но все было тщетно: меня связали веревкой, втащили на баркасъ, перевезли на корабль и повели въ каюту капитана.

Капитана звали Педро де Мендецъ. Это былъ очень добрый и благовоспитанный человѣкъ. Онъ чрезвычайно участливо разспрашивалъ меня обо мнѣ, спросилъ, чего бы мнѣ хотѣлось съѣсть и выпить, сказалъ, что на его кораблѣ со мной будутъ обращаться, какъ съ гостемъ, и вообще наговорилъ мнѣ столько любезностей, что я могъ только удивляться, что слышу ихъ отъ Яу. Но, несмотря на всю его привѣтливость, я былъ мраченъ и упорно молчалъ: я былъ готовъ упасть въ обморокъ отъ одного запаха этихъ людей. Наконецъ, я попросилъ дать мнѣ чего-нибудь поѣсть изъ запаса провизіи, лежавшаго въ моей лодкѣ, но капитанъ приказалъ подать мнѣ цыпленка и вина (оказавшагося превосходнымъ) и распорядился, чтобы мнѣ постлали постель въ самой чистой каютѣ. Я легъ, не раздѣваясь. Черезъ полчаса, когда, по моимъ расчетамъ, команда корабля сидѣла за обѣдомъ, я потихоньку выбрался изъ каюты и подошелъ къ борту корабля съ твердымъ намѣреніемъ броситься въ море и плыть на авось, рѣшившись лучше погибнуть, если не удастся спастись, чѣмъ оставаться въ обществѣ Яу. Но одинъ изъ матросовъ помѣшалъ мнѣ исполнить мое намѣреніе и донесъ на меня капитану; меня немедленно заковали и заперли въ каютѣ.

Послѣ обѣда донъ Педро явился ко мнѣ; онъ просилъ объяснить, что заставило меня рѣшиться на такой отчаянный шагъ, и сталъ меня увѣрять, что „единственное его желаніе—быть мнѣ полезнымъ по мѣрѣ силъ". Искренность его словъ такъ меня тронула, что я рѣшился наконецъ снизойти до него—признать его за животное, до извѣстной степени одаренное разумомъ. Я разсказалъ ему въ короткихъ словахъ о своемъ путешествіи, о заговорѣ противъ меня людей моего экипажа, о необыкновенной странѣ, куда они меня высадили, и о моемъ пятилѣтнемъ пребываніи тамъ. Онъ принялъ мой разсказъ за бредъ сумасшедшаго, что меня очень обидѣло, ибо я совершенно забылъ, какъ сильно распространено лганье во всѣхъ странахъ, гдѣ господствуютъ Яу, а слѣдовательно и наклонность сомнѣваться въ правдивости себѣ подобныхъ. Я спросилъ его: „Развѣ у вашихъ соплеменниковъ въ обычаѣ говорить то, чего нѣтъ?" и объяснилъ ему, что я давно уже не знаю хорошенько, что такое обманъ, и что проживи я въ странѣ гуингнамовъ хоть тысячу лѣтъ, я тамъ ни разу не услышалъ бы лжи

даже изъ устъ послѣдняго слуги. „Мнѣ все равно“, сказалъ я въ заключеніе, „вѣрите вы мнѣ или нѣтъ, но въ благодарность за вашу заботливость обо мнѣ и принимая во вниманіе испорченность, присущую вашей натурѣ, я готовъ пойти на уступку; я отвѣчу на всѣ возраженія, какія вамъ будетъ угодно мнѣ сдѣлать, и тогда вы сами увидите, правду ли я говорю“.

Послѣ многихъ попытокъ уличить меня во лжи на той или другой подробности моего разсказа капитанъ, какъ умный человѣкъ, составилъ мало по малу лучшее мнѣніе о моей правдивости. Выслушавъ меня, онъ сказалъ: „Такъ какъ по вашимъ собственнымъ словамъ вы питаете такую неподкупную любовь къ правдѣ, то вы должны дать мнѣ честное слово, что составите мнѣ компанію до конца нашего плаванія и больше не станете покушаться на свою жизнь, иначе вы останетесь моимъ плѣнникомъ до нашего прибытія въ Лиссабонъ“. Я далъ требуемое обѣщаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что „я согласенъ лучше претерпѣть самыя жестокія лишенія, чѣмъ возвратиться къ Яу и жить среди нихъ“.

Наше плаваніе не ознаменовалось никакими выдающимися событіями. Изъ чувства признательности къ капитану я иногда разговаривалъ съ нимъ, уступая его настоятельнымъ просьбамъ. Я всячески старался во время этихъ бесѣдъ скрыть мою антипатію къ людямъ, которая тѣмъ не менѣе проскальзывала у меня, хоть онъ и не показывалъ вида, что что-нибудь замѣчаетъ. Но большую часть дня я проводилъ одинъ, запершись въ своей каютѣ, во избѣжаніе встрѣчъ съ людьми корабельнаго экипажа. Капитанъ много разъ упрашивалъ меня разстаться съ моимъ нелѣпымъ костюмомъ и предлагалъ уступить мнѣ лучшую пару платья изъ своего гардероба; но я упорно отказывался, приходя въ ужасъ отъ одной мысли надѣть на себя вещи, побывавшія на тѣлѣ Яу. Я попросилъ только дать мнѣ двѣ чистыя рубашки, не возбуждавшія во мнѣ такого чувства гадливости, такъ какъ онѣ были выстираны послѣ того, какъ онъ ихъ надѣвалъ. Эти рубашки я собственноручно стиралъ и мѣнялъ черезъ день.

Мы пришли въ Лиссабонъ 5-го ноября 1715 года. Когда мы съѣзжали на берегъ, капитанъ почти силой заставилъ меня накинуть его плащъ, говоря, что иначе вокругъ меня соберется толпа. Онъ перевезъ меня къ себѣ въ домъ и, по моей настоятельной просьбѣ, помѣстилъ въ самой дальней комнатѣ верхняго этажа. Я заклиналъ его хранить въ строжайшемъ секретѣ все то, что я повѣдалъ ему о гуингнамахъ. „Довольно одного намека на подобную исторію“, сказалъ я ему, „чтобы меня стали осаждать полчища любопытныхъ, не говоря уже о томъ, что я рискую очутиться въ тюрьмѣ или быть сожженымъ заживо на кострѣ, если Инквизиція

прослышитъ о моихъ похожденіяхъ". Донъ Педро уговорилъ-таки меня принять отъ него пару платья, совершенно новую, сшитую нарочно для меня. Но такъ какъ я ни за что не хотѣлъ позволить снять съ меня мѣрку, то портной шилъ на самого дона Педро, который на мое счастье былъ почти одного со мной роста, такъ-что платье пришлось на меня довольно хорошо. Онъ же снабдилъ меня и многими другими нужными вещами. Всѣ онѣ были съ иголочки новенькія, но я все-таки по двадцать четыре часа провѣтривалъ каждую вещь, прежде чѣмъ къ ней прикоснуться.

Донъ Педро былъ неженатъ. Онъ держалъ три человѣка прислуги, но во вниманіе къ моей нелюдимости распорядился, чтобы намъ никто не прислуживалъ за столомъ. Вообще въ своемъ обращеніи со мной онъ проявлялъ такую предупредительность, такую человѣчность и чуткость, что я положительно начиналъ выносить его общество. Уступая его настояніямъ, я рѣшился выглянуть во дворъ изъ окна моей комнаты. Мало-по-малу онъ уговорилъ меня выйти въ смежную комнату, которая выходила на улицу; я даже попробовалъ было заглянуть въ окно, но въ тотъ же мигъ отдернулъ голову въ испугѣ. Черезъ недѣлю я позволилъ упросить себя дойти до наружной двери. Мой страхъ передъ Яу постепенно проходилъ, но ненависть и презрѣніе къ нимъ, мнѣ кажется, возрастали. Наконецъ, я до того расхрабрился, что началъ выходить на улицу въ обществѣ дона Педро, но всякій разъ или затыкалъ носъ листьями руты или набивалъ его табакомъ.

По прошествіи десяти дней донъ Педро, которому я разсказалъ въ общихъ чертахъ о моихъ семейныхъ обстоятельствахъ, сталъ доказывать мнѣ, что „по долгу чести и совѣсти я обязанъ вернуться на родину и жить съ женой и дѣтьми". „Какъ разъ теперь" сказалъ онъ, „здѣсь въ гавани стоитъ англійскій корабль, готовый къ отплытію: отправляйтесь на немъ, а я ужъ беру на себя доставить вамъ все необходимое для дороги". Боясь наскучить читателю, я не стану повторять здѣсь ни его аргументовъ, ни моихъ возраженій на нихъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ (и это всего сильнѣе подѣйствовало на меня): „Такого пустыннаго острова, о какомъ вы мечтаете, вамъ все равно не найти, а у себя въ домѣ вы будете полнымъ хозяиномъ, и всегда можете, если захотите, устроить себѣ затворническую жизнь".

Я, наконецъ, согласился вернуться домой, убѣдившись, что это лучшее, что я могу сдѣлать. 24-го ноября я вышелъ изъ Лиссабона на англійскомъ купеческомъ суднѣ, даже не поинтересовавшись узнать, кто былъ на немъ капитаномъ. Донъ Педро проводилъ меня на корабль и ссудилъ мнѣ двадцать фунтовъ стерлинговъ. Онъ ласково простился со мной и поцѣловалъ меня на

прощанье. Мнѣ это было очень противно, но кое-какъ я стерпѣлъ. За все это послѣднее мое плаваніе я не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ капитаномъ, ни съ командой корабля: я притворился больнымъ и просидѣлъ все время запершись въ своей каютѣ. 5-го декабря 1715 года около девяти часовъ утра мы бросили якорь въ Даунсѣ, а въ три часа дня я былъ уже дома въ Редрифѣ.

Жена и дѣти очень удивились и обрадовались, увидѣвъ меня, такъ какъ были увѣрены, что я умеръ; я же при видѣ ихъ, сознаюсь откровенно, не почувствовалъ ничего, кромѣ ненависти, отвращенія и презрѣнія, только усилившихся отъ мысли о томъ, какія тѣсныя узы связываютъ меня съ этими существами. Ибо хотя со времени моего злосчастнаго изгнанія изъ страны гуингнамовъ я всячески старался пріучить себя къ виду Яу, для чего заставлялъ себя разговаривать съ дономъ Педро де Мендецъ, но моя память и воображеніе были всецѣло поглощены высокими добродѣтелями и возвышенными идеями гуингнамовъ, и когда я теперь вспоминалъ, что, вступивъ въ супружескую связь съ самкой Яу, я произвелъ на свѣтъ нѣсколько новыхъ экземпляровъ этой породы, на меня нападало отчаяніе: я холодѣлъ отъ ужаса и готовъ былъ сгорѣть со стыда.

Какъ только я переступилъ порогъ моего дома, жена заключила меня въ объятія и принялась цѣловать. Это подѣйствовало на меня самымъ удручающимъ образомъ, ибо въ теченіе пяти лѣтъ я не прикасался ни къ одному Яу и совершенно отвыкъ отъ общенія съ этими гнусными животными: я упалъ въ обморокъ, и около часу меня не могли привести въ чувство. Теперь, когда я пишу эти строки, прошло уже пять лѣтъ со дня послѣдняго возвращенія моего въ Англію. Въ первый годъ я не пускалъ къ себѣ на глаза ни жену, ни дѣтей; я не выносилъ даже ихъ запаха и ужъ подавно не могъ ѣсть вмѣстѣ съ ними. Они и до сихъ поръ не смѣютъ ни дотронуться до моего хлѣба, ни пить изъ моего стакана; и до сихъ поръ я имъ не позволяю брать меня за руку. Первыя мои свободныя деньги по возвращеніи домой я употребилъ на покупку двухъ жеребчиковъ, которыхъ я держу въ очень хорошей, вполнѣ благоустроенной конюшнѣ. Конюхъ, который ходитъ за ними,– первый мой фаворитъ послѣ нихъ: я чувствую, какъ оживаетъ мой духъ отъ запаха, который онъ приноситъ съ собой изъ стойла. Мои лошадки довольно хорошо понимаютъ меня: я бесѣдую съ ними часа четыре въ день по меньшей мѣрѣ. Онѣ не знаютъ ни узды, ни сѣдла. Обѣ питаютъ ко мнѣ искреннюю пріязнь, и мы всѣ трое живемъ въ большой дружбѣ.

ГЛАВА XII.

Правдивость автора.—Чѣмъ онъ руководствовался, выпуская въ свѣтъ эту книгу.—Авторъ порицаетъ путешественниковъ, уклоняющихся отъ истины въ описаніяхъ своихъ приключеній.—Старается доказать, что въ настоящемъ своемъ сочиненіи онъ не преслѣдовалъ никакихъ злостныхъ цѣлей. Отвѣчаетъ на возраженіе.—Описываетъ способъ насажденія колоній.—Воздаетъ должную дань похвалъ своему отечеству.—Признаетъ права англійской короны на земли, которыя онъ открылъ и описалъ.—Указываетъ на трудность завоеванія этихъ земель.—Излагаетъ свои планы на будущее.—Въ заключеніе прощается съ читателемъ и передъ разлукой даетъ ему добрый совѣтъ.

Итакъ, любезный читатель, я повѣдалъ тебѣ правдивую исторію моихъ приключеній за шестнадцать лѣтъ и слишкомъ семь мѣсяцевъ, при чемъ гораздо болѣе заботился о соблюденіи истины, чѣмъ о внѣшней отдѣлкѣ моего разсказа. Я могъ бы, пожалуй, не хуже другихъ удивить тебя побасенками о невѣроятныхъ событіяхъ, которыхъ я былъ героемъ, но я предпочитаю разсказывать голые факты и разсказывать ихъ самымъ простымъ языкомъ, ибо главная моя цѣль—обогатить твой умъ новыми свѣдѣніями, а не позабавить тебя.

Намъ, путешественникамъ, посѣтившимъ далекія страны, куда рѣдко заглядываютъ англичане и вообще европейцы, нетрудно насказать чудесъ объ удивительныхъ морскихъ и сухопутныхъ животныхъ и прочихъ диковинкахъ, которыя мы видѣли тамъ. А между тѣмъ каждый путешественникъ долженъ бы прежде всего задаваться цѣлью смягченія нравовъ; онъ долженъ бы поучать какъ хорошими, такъ и дурными примѣрами изъ того, что онъ видѣлъ въ чужеземныхъ странахъ, чтобы, читая его описанія, люди становились умнѣе и лучше.

Я отъ души желалъ бы, чтобы ввели такой законъ, по которому съ каждаго путешественника, прежде чѣмъ разрѣшить ему печатать исторію его путешествій, лордъ канцлеръ бралъ бы присягу въ томъ, что все имъ написанное—сущая правда (разумѣется, въ предѣлахъ его компетентности): тогда, по крайней мѣрѣ, человѣчество не становилось бы такъ часто жертвой обмана, какъ это бы-

ваетъ теперь, когда такого рода писатели, желая вѣрнѣе распространить въ публикѣ свою книгу, вмѣсто достовѣрныхъ фактовъ преподносятъ простодушному читателю грубѣйшую ложь. Во дни моей юности я перечелъ много „путешествій“ и читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ; но, объѣхавъ послѣ того большую часть земного шара и получивъ такимъ образомъ возможность опровергнуть, на основаніи личныхъ моихъ наблюденій, многія изъ баснословныхъ розсказней путешественниковъ, я преисполнился глубокимъ отвращеніемъ къ чтенію этого рода и воспылалъ негодованіемъ противъ столь наглой эксплуатаціи человѣческаго легковѣрія. Поэтому, когда мои друзья и знакомые снисходительно признали, что моею слабой попыткой въ этомъ направленіи я могу оказать родинѣ нѣкоторую услугу, я взялъ себѣ за правило (отъ котораго никогда не позволю себѣ отступить) строго придерживаться истины въ каждой подробности моего разсказа. Да, впрочемъ, у меня не можетъ даже явиться искушенія уклониться отъ истины до тѣхъ поръ, пока въ моей памяти будутъ жить наставленія и примѣръ моего благороднаго господина и другихъ доблестныхъ гуингнамовъ, смиреннымъ слушателемъ которыхъ я имѣлъ честь быть въ теченіе столькихъ лѣтъ.

— Nec si miserum Fortuna sinonem
Finxit, vanum etiam, mendacemque improba finget.

Я очень хорошо знаю, какъ мало могутъ разсчитывать на громкую извѣстность произведенія пера, не требующія отъ автора ни генія, ни учености, и никакихъ вообще талантовъ, кромѣ хорошей памяти или замѣняющаго ее аккуратнаго веденія журнала. Извѣстно мнѣ и то, что авторы „путешествій“, такъ же, какъ составители словарей, очень скоро погружаются въ бездну забвенія подъ массой и тяжестью нагромождаемыхъ надъ ними новыхъ томовъ. Итакъ, весьма вѣроятно, что путешественники, которымъ доведется посѣтить послѣ меня описанныя мною страны, изобличивъ мои ошибки (если таковыя окажутся), дополнивъ мою книгу новыми открытіями и заступивъ такимъ образомъ мое мѣсто, затмятъ мою славу, и міръ забудетъ меня. И это было бы поистинѣ большимъ для меня огорченіемъ, если бы я писалъ ради славы; но такъ какъ единственная моя цѣль—общее благо, то я не буду обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ: кто изъ васъ, прочитавъ въ моей книгѣ о добродѣтеляхъ благородныхъ гуингнамовъ, не устыдится собственной порочности, памятуя, что онъ—разумное существо и принадлежитъ къ породѣ животныхъ, господствующей въ его странѣ. Я ничего не скажу о народахъ тѣхъ далекихъ земель (изъ открытыхъ мною), гдѣ властвуютъ Яу: бробдиньяги—наименѣе испорченный изъ этихъ народовъ, и для

насъ было бы большимъ счастьемъ, если бъ мы рѣшились принять ихъ мудрыя правила нравственности и ввести у себя ихъ государственный строй. Но лучше я воздержусь отъ дальнѣйшихъ комментарій по этому вопросу и предоставлю безпристрастному читателю самому выводить заключенія и вообще сдѣлать какое онъ найдетъ нужнымъ употребленіе изъ собранныхъ мною фактовъ.

Я ощущаю немалое удовольствіе при мысли, что моя книга застрахована отъ нападокъ строгихъ критиковъ, ибо что можно сказать противъ писателя, который передаетъ лишь голые факты и притомъ изъ жизни отдаленныхъ странъ, не представляющихъ для насъ ни малѣйшаго интереса ни въ торговомъ, ни въ политическомъ отношеніи? Я всѣми силами старался избѣгать тѣхъ промаховъ, которые такъ часто и, къ сожалѣнію, лишь слишкомъ справедливо ставятъ въ вину авторамъ „путешествій“. Кромѣ того я не принадлежу ни къ какой партіи: моимъ перомъ не водятъ ни страсть, ни предвзятая мысль, ни злоба противъ отдѣльныхъ личностей или опредѣленной группы лицъ. Я пишу съ благороднѣйшей цѣлью обогатить человѣчество новыми свѣдѣніями и преподать ему полезный урокъ, ибо мнѣ кажется, что, нимало не погрѣшивъ противъ скромности, я могу претендовать на нѣкоторое превосходство надъ человѣческимъ родомъ, благодаря выпавшему мнѣ въ удѣлъ преимуществу многолѣтняго общенія съ столь совершенными существами, какъ гуингнамы. Я пишу безъ всякихъ корыстныхъ расчетовъ и не ожидая похвалъ. Я не позволилъ себѣ сказать ни единаго слова, которое могло бы быть принято за злостный намекъ и показаться обиднымъ даже тѣмъ, кто во всемъ и прежде всего склоненъ видѣть обиду. Такимъ образомъ я, кажется, могу по справедливости признать себя писателемъ вполнѣ безупречнымъ, у котораго цѣлыя орды коментаторовъ—этихъ авторовъ всевозможныхъ изслѣдованій, примѣчаній, возраженій и дополненій—при всемъ стараніи не выищутъ матеріала для упражненія своихъ талантовъ.

Не скрою, мнѣ нашептывали, что будто „послѣ перваго же моего путешествія я былъ обязанъ, какъ англійскій подданный, подать докладную записку государственному секретарю объ открытыхъ мною странахъ, такъ какъ по закону всѣ новооткрытыя земли принадлежатъ тому государству, чей подданный ихъ открылъ“. Но я сомнѣваюсь, чтобы завоеваніе открытыхъ и описанныхъ мною земель досталось намъ такъ легко, какъ Фердинанду Кортецу—покореніе голыхъ американскихъ дикарей. Покорить лиллипутовъ, конечно, не составило бы большого труда, но изъ-за этого, полагаю, не стоило бы тратиться на снаряженіе арміи и флота. Что же касается бробдиньяговъ, то осмѣлюсь спросить: благоразумно ли

бы мы поступили, если бы напали на нихъ? Большой также вопросъ, насколько свободно чувствовала бы себя англійская армія, имѣя Летучій островъ у себя надъ головой. Остаются затѣмъ гуингнамы. Гуингнамы, это правда, плохо подготовлены къ войнѣ, будучи совершенно незнакомы съ военнымъ дѣломъ вообще и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ частности. Тѣмъ не менѣе, если бъ я былъ первымъ министромъ, я ни въ какомъ случаѣ не посовѣтовалъ бы объявить имъ войну. Осторожность, единодушіе и безстрашіе этого народа, не говоря уже объ его патріотизмѣ, съ избыткомъ возмѣстили бы все то, чего ему не хватаетъ по части военной подготовки. Представьте себѣ двадцать тысячъ гуингнамовъ, врывающихся въ самый центръ европейскаго войска, смѣшивающихъ ряды, опрокидывающихъ обозныя фуры и превращающихъ въ кисель физіономіи воиновъ страшными ударами своихъ заднихъ копытъ: *Recalcitrat undique tutus*—было сказано когда-то объ Августѣ, и поистинѣ эти слова можно было бы примѣнить къ гуингнамамъ. Но чѣмъ строить планы порабощенія этого великодушнаго народа, было бы гораздо лучше для насъ, если бъ онъ могъ или захотѣлъ прислать къ намъ въ Европу побольше своихъ представителей, которые просвѣтили бы насъ, научивъ элементарнымъ правиламъ честности, правды и справедливости, прививъ намъ воздержность, духъ общественности, силу воли, цѣломудріе, вѣрность въ дружбѣ и добродѣтельное отношеніе къ ближнимъ,—благо названія всѣхъ этихъ добродѣтелей еще уцѣлѣли у насъ въ большинствѣ языковъ и попадаются не только у древнихъ, но и у новѣйшихъ писателей, какъ я могу удостовѣрить на основаніи даже того немногаго, что читалъ.

Но была и другая причина, заставившая меня воздержаться отъ содѣйствія расширенію владѣній ея величества присоединеніемъ къ нимъ открытыхъ мною земель. Говоря откровенно, я питаю кое-какія сомнѣнія насчетъ справедливости той политики, которой придерживаются въ такихъ случаяхъ государи. Возьмемъ примѣръ. Разбойничій корабль, гонимый бурей, несется по волнамъ невѣдомо куда. Вдругъ юнга увидалъ со стеньги землю. Пираты съѣзжаютъ на берегъ для грабежа и разбоя. Они встрѣчаютъ безобидный народъ, принимающій ихъ вполнѣ дружелюбно. Тогда они даютъ открытой ими странѣ новое имя и формально завладѣваютъ ею именемъ своего короля, въ знакъ чего втыкаютъ въ землю гнилую доску или водружаютъ камень. Затѣмъ они избиваютъ двѣ-три дюжины туземцевъ; пару-другую, въ видѣ образчика, насильно берутъ къ себѣ на корабль и, возвратившись домой, получаютъ прощеніе за свои прежніе подвиги. И вотъ, у короля явилось новое владѣніе, пріобрѣтенное на основаніи божественнаго права. При

Они даютъ открытой ими странѣ новое имя и формально завладѣваютъ ею именемъ своего короля.

первомъ случаѣ туда шлютъ корабли; туземцевъ прогоняютъ или истребляютъ, вождей туземныхъ племенъ пытаютъ, чтобы добиться, гдѣ спрятаны ихъ богатства. Нѣтъ такого вида безчеловѣчной жестокости и распутства, на который былъ бы наложенъ запретъ: земля дымится отъ пролитой крови своихъ сыновъ. И такая-то гнусная шайка мясниковъ, добросовѣстно выполнивъ свое богоугодное дѣло, становится ядромъ новой колоніи, ставящей себѣ цѣлью просвѣщеніе языческаго, варварскаго народа и обращеніе его къ истинному Богу.

Я долженъ, однако, оговориться, что моя характеристика современныхъ колоній ни съ какой стороны не касается британской націи и ничуть не мѣшаетъ ей служить для всего міра примѣромъ мудрости, заботливости и справедливости въ дѣлѣ колонизаціи: образцомъ щедрой благотворительности по распространенію христіанской религіи и насажденію знаній; образцомъ умѣнья подбирать способныхъ и благочестивыхъ пастырей для проповѣди христіанства; образцомъ осмотрительности, съ какою метрополія заселяетъ свои новыя провинціи исключительно нравственными людьми, извѣстными своимъ скромнымъ образомъ жизни; наконецъ, образцомъ строгаго соблюденія правосудія, благодаря тому, что всѣ мѣста гражданской колоніальной администраціи заполняются чиновниками высокихъ дарованій и безусловно неподкупными и что, въ довершеніе всего, во всѣ колоніи назначаются самые бдительные и добродѣтельные губернаторы, не помышляющіе ни о чемъ, кромѣ счастья ввѣреннаго ихъ попеченіямъ народа да доброй славы своего короля.

Но такъ какъ страны, мною описанныя, не проявляютъ никакого желанія быть завоеванными и порабощенными и видѣть своихъ обитателей истребленными или вытѣсненными новыми пришельцами съ насиженныхъ мѣстъ, и такъ какъ ни одна изъ нихъ не изобилуетъ ни серебромъ, ни золотомъ, ни сахаромъ, ни табакомъ, то, по моему скромному мнѣнію, онѣ никоимъ образомъ не могутъ служить подходящимъ объектомъ для нашего рвенія, нашей отваги и корысти. Какъ бы то ни было, если тѣ, кого это ближе касается, сочтутъ болѣе удобнымъ примкнуть къ противуположному взгляду, то я готовъ, если съ меня снимутъ формальный допросъ, показать, что до меня ни одинъ европеецъ не бывалъ въ этихъ странахъ, т. е. разумѣется, насколько можно вѣрить ихъ обитателямъ. Но мнѣ кажется, что если и можетъ возникнуть споръ въ этомъ случаѣ, такъ развѣ только по поводу двухъ Яу, которыхъ, какъ говорятъ, много лѣтъ тому назадъ видѣли на горѣ въ странѣ Гуингнамовъ.

Что же касается формальнаго завладѣнія новооткрытыми землями именемъ короля, которое, такъ сказать, вмѣнялось мнѣ въ

обязанность, то, сознаюсь, мнѣ даже въ голову не приходила подобная комбинація; но если бы даже у меня и явилась эта счастливая мысль, то, принимая во вниманіе, какъ обстояли мои дѣла въ то время, съ моей стороны было бы, пожалуй, благоразумнѣе, въ видахъ самосохраненія, отложить осуществленіе ея до болѣе удобнаго случая.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на единственный упрекъ, какой могутъ мнѣ сдѣлать, какъ путешественнику, я теперь навсегда распрощусь съ моими снисходительными читателями и удалюсь въ свой садикъ въ Редрифѣ. Я буду тамъ на свободѣ предаваться своимъ размышленіямъ, примѣнять на практикѣ высокіе уроки нравственности, преподанные мнѣ гуингнамами, и наставлять въ правилахъ добродѣтели всѣхъ Яу моего семейства, поскольку они окажутся способными ихъ воспринять; я буду почаще созерцать въ зеркалѣ собственную фигуру, стараясь по возможности пріучить себя этимъ способомъ спокойно выносить видъ человѣческихъ существъ; буду оплакивать звѣроподобіе гуингнамовъ моей родины, но въ то же время буду относиться къ нимъ съ неизмѣннымъ почтеніемъ въ память моего благороднаго господина, его семейства, друзей и всего народа гуингнамовъ, на которыхъ наши гуингнамы, при всей безнадежности своего умственнаго вырожденія, такъ поразительно похожи по наружному виду.

На прошлой недѣлѣ я въ первый разъ позволилъ женѣ обѣдать со мной, приказавъ ей сѣсть на противуположномъ концѣ длиннаго стола; я разрѣшилъ ей также отвѣчать, но какъ можно короче, на тѣ немногіе вопросы, которые мнѣ вздумается ей предложить. Но и теперь еще я не переношу запаха Яу и продолжаю плотно затыкать себѣ носъ листьями руты, лавенды и табаку. Конечно, пожилому человѣку нелегко отставать отъ старыхъ привычекъ, но тѣмъ не менѣе я не теряю надежды, что когда-нибудь со временемъ я буду терпѣливо выносить общество Яу, моихъ ближайшихъ сосѣдей, и перестану бояться ихъ зубовъ и когтей.

Быть можетъ, я бы легче примирился съ племенемъ Яу, если бы его представители довольствовались тѣми пороками и задатками глупости, какими ихъ надѣлила природа. Я вѣдь нимало не возмущаюсь, когда вижу адвоката, карманнаго вора, полковника, дурака, надутаго лорда, картежника, политикана, содержателя непотребнаго дома, врача, лжесвидѣтеля, предателя, стряпчаго и тому подобный народъ: то, что продѣлывается на всѣхъ этихъ поприщахъ,—въ порядкѣ вещей. Но когда я вижу ничтожное созданіе—ходячее скопище всѣхъ уродствъ, чвахъ недуговъ, тѣлесныхъ и душевныхъ, одержимаго бѣсомъ всѣнс тва, мѣра моего

терпѣнія переполняется, и я выхожу изъ себя. Я не понимаю и никогда не пойму, какимъ образомъ такое жалкое животное и чванство могутъ уживаться вмѣстѣ. У мудрыхъ и добродѣтельныхъ гуингнамовъ, такъ щедро одаренныхъ всѣми совершенствами, какими только можетъ гордиться разумное существо, нѣтъ даже названія для этого порока, какъ вообще въ ихъ языкѣ нѣтъ терминовъ для выраженія понятій о чемъ-либо дурномъ или порочномъ, если не считать тѣхъ словъ, которыми они обозначаютъ гнусныя качества своихъ Яу. Но гуингнамы, благодаря полнѣйшему своему незнакомству съ человѣческой натурой (какою она проявляетъ себя въ другихъ странахъ, гдѣ Яу являются господствующей породой животныхъ), не сумѣли подмѣтить чванства въ числѣ этихъ качествъ, между тѣмъ какъ я, обладая въ этомъ отношеніи большею опытностью, совершенно ясно различалъ у дикихъ Яу зачатки этого порока.

Итакъ, повторяю, гуингнамы, подчиняющіе законамъ разума каждый актъ своей жизни, такъ же мало гордятся своими высокими качествами, какъ могъ бы я гордиться тѣмъ, что у меня не одна, а двѣ ноги или руки. Не станетъ же въ самомъ дѣлѣ человѣкъ съ неповрежденнымъ умомъ кичиться такимъ преимуществомъ, хотя навѣрно каждый чувствовалъ бы себя несчастнымъ, если бы лишился его. Я позволилъ себѣ такъ долго остановиться на этомъ вопросѣ единственно потому, что мнѣ хотѣлось бы видѣть англійскихъ Яу, насколько это возможно, терпимыми для ихъ ближнихъ и въ томъ числѣ для меня; поэтому всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, въ комъ есть хоть тѣнь упомянутаго нелѣпаго порока, я заклинаю никогда и ни подъ какимъ видомъ не показываться мнѣ на глаза.

Жизнь Джонатана Свифта.

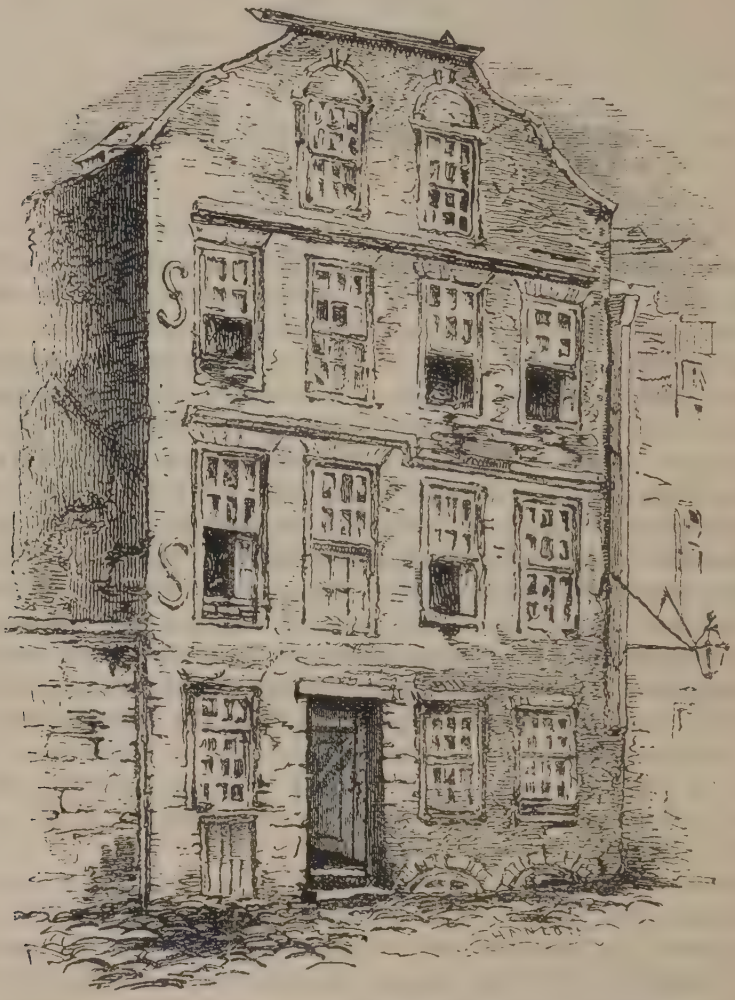
I.

Джонатанъ Свифтъ происходитъ отъ младшей вѣтви рода Свифтовъ, поселившейся въ графствѣ Іоркъ. Отецъ его былъ шестымъ или седьмымъ сыномъ преподобнаго Томаса Свифта, викарія въ Годеричѣ, и съ дѣтства готовился къ юридической карьерѣ. Вслѣдствіе конфискацій имущества, производившихся въ Ирландіи въ очень крупныхъ размѣрахъ послѣ гражданскихъ смутъ 1641 года, а затѣмъ утвержденныхъ законодательными актами (Acts of Settlement and Explanation), огромная часть ирландскихъ земель перешла во владѣніе англичанъ (отдѣльныхъ лицъ и компаній), которые были принуждены поручить управленіе своими вновь пріобрѣтенными помѣстьями наемнымъ агентамъ. Такого рода агентура была дѣломъ весьма прибыльнымъ; она положила начало обогащенію многихъ фамилій, какъ напримѣръ, Бересфордовъ, попавшихъ впослѣдствіи даже въ ряды аристократіи. Отецъ Джонатана Свифта, благодаря родственнымъ связямъ, получилъ одну изъ такихъ агентуръ и переѣхалъ въ Дублинъ, но вскорѣ умеръ, не успѣвъ воспользоваться выгодами своего новаго положенія и оставивъ беременную жену съ весьма скудными средствами къ жизни.

Джонатанъ Свифтъ, лишившійся такимъ образомъ отца еще до рожденія и никогда не знавшій отеческихъ заботъ, родился въ Дублинѣ, на улицѣ Гойсъ-Кортъ, въ небольшомъ домикѣ, который дублинцы до сихъ поръ показываютъ желающимъ. Родился онъ 30-го ноября 1667 года и подъ конецъ своей жизни проводилъ годовщину своего рожденія въ постѣ и грустныхъ размышленіяхъ, никогда не забывая прочесть въ этотъ день третью главу книги Іова. Слуга его, Ричардъ Бреннанъ, на рукахъ котораго онъ умеръ, разсказывалъ, что однимъ изъ проблесковъ сознанія, такъ рѣдко посѣщавшихъ его за его послѣднюю роковую болѣзнь, было то, что онъ вспомнилъ годовщину своего рожденія,

когда она наступила; весь этотъ день онъ безпрестанно повторялъ: „Погибни день, въ который я родился, и ночь, въ которую сказано: зачался человѣкъ!“

Матери Свифта много помогалъ ея деверь Годвинъ Свифтъ.



Домъ, въ которомъ родился Свифтъ.

Онъ взялъ на себя воспитаніе племянника; но мальчикъ, когда онъ былъ еще въ младенческомъ возрастѣ, на нѣкоторое время лишился попеченій дяди и матери, благодаря одному необычайному происшествію. У него была нянька, уроженка Вайтгэвена;

послѣ смерти какого-то ея родственника ей досталось небольшое наслѣдство, и это обстоятельство потребовало ея присутствія въ Англіи. Но женщина такъ сильно привязалась къ ребенку, что не могла съ нимъ разстаться: она украла его у матери и увезла съ собой за каналъ. Только спустя слишкомъ три года его прислали обратно въ родительскій домъ. Причиной такой проволочки было отчасти слабое здоровье ребенка, отчасти затрудненія, сопряженныя со всякими переѣздами въ тѣ времена. Должно быть нянька очень заботилась о воспитаніи Свифта, потому что, когда онъ вернулся въ Дублинъ, оказалось, что онъ уже разбираетъ печатное и можетъ читать Библію, а ему тогда только что исполнилось пять лѣтъ.

Шести лѣтъ отъ роду Свифта отдали въ Килькеннійскую школу. Эта школа была открыта на капиталъ, пожертвованный Ормондами, и всегда считалась одною изъ лучшихъ въ Ирландіи школъ этой категоріи. Въ ней и теперь еще показываютъ посѣтителямъ учебный столъ, на которомъ Свифтъ вырѣзалъ перочиннымъ ножомъ свое имя.

На четырнадцатомъ году Свифтъ поступилъ въ Дублинскій университетъ, въ коллегію Сентъ-Джорджа Аша, своекоштнымъ; онъ числится въ спискахъ съ 24 апрѣля 1682 года. Тогда-же и въ тотъ-же университетъ поступилъ его двоюродный братъ Томасъ Свифтъ. Въ университетскихъ спискахъ оба Свифта фигурируютъ безъ личныхъ именъ, подъ одной только фамиліей, что привело къ нѣкоторой путаницѣ, въ которой, впрочемъ, удалось разобраться въ значительной мѣрѣ, благодаря трудолюбію и терпѣнію покойнаго доктора Баррета.

Студенческая жизнь Свифта не дѣлаетъ большой чести его прилежанію. Будучи студентомъ, онъ обнаруживалъ неизмѣнное отвращеніе къ логикѣ, излюбленной наукѣ того времени, и полнѣйшее презрѣніе къ софизмамъ Смиглеціуса, Кекерманнуса и Бургерсдиціуса — солидныхъ тогдашнихъ авторитетовъ, а нынѣ едва-ли извѣстныхъ даже по имени. Пренебрегая университетской наукой, Свифтъ, понятно, не могъ разсчитывать ни на какія отличія; онъ не пріобрѣлъ даже тѣхъ ограниченныхъ знаній, какія нужны, чтобы получить первую ученую степень: баккалавра словесныхъ наукъ онъ получилъ лишь *по особой милости* — спеціальный терминъ, примѣнявшійся въ Дублинскомъ университетѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ученая степень давалась не по заслугамъ. Свифтъ пробылъ въ университетѣ три года лишнихъ и за время своего студенчества принадлежалъ къ компаніи молодежи, отличавшейся безпорядочнымъ поведеніемъ и систематическимъ нарушеніемъ университетской дисциплины. Буйныя выходки этой

компаніи часто навлекали на нее выговоры университетскаго начальства, а студенты отвѣчали на выговоры сатирами и пасквилями, въ которыхъ было больше злости, чѣмъ остроумія. За одну изъ такихъ выходокъ Свифтъ получилъ жестокую нахлобучку и принужденъ былъ на колѣняхъ просить извиненія у декана, доктора Аллена. Онъ такъ больно почувствовалъ свое униженіе, что черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ этого случая, нападая на лорда Берклея за его административную дѣятельность въ Ирландіи, вставилъ въ свой памфлетъ филиппику противъ доктора Аллена.

Постоянныя упражненія въ допеканьѣ университетскихъ властей выработали у Свифта наклонность къ тому своеобразному роду сатиры, которымъ онъ такъ прославился впослѣдствіи. Незадолго до выхода изъ университета онъ показалъ свой первый набросокъ „Сказки о бочкѣ“ своему однокашнику и сожителю по комнатѣ, Вэрингу, съ которымъ позднѣе онъ чуть не породнился. Познакомившись съ сестрой Вэринга, Свифтъ влюбился въ нее или вообразилъ себя влюбленнымъ, хотя въ тотъ разъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и не открылся ей въ любви.

Со смертью своего дяди Годвина Свифтъ остался безъ средствъ, но на выручку ему пришелъ другой дядя, Драйденъ Вилльямъ Свифтъ. Онъ не могъ располагать многимъ для поддержки племянника, и тѣмъ цѣннѣе была его помощь, что предлагалась она необыкновенно деликатно и съ неподдѣльной добротой. Сынъ этого добраго дяди, Виллоуби Свифтъ, занимался торговлей въ Лиссабонѣ и тоже великодушно вносилъ свою лепту на содержаніе кузена. Много лѣтъ спустя деканъ церкви св. Патрика любилъ разсказывать одинъ эпизодъ изъ своей студенческой жизни, героемъ котораго былъ этотъ Виллоуби, и всякій разъ съ глубокой признательностью вспоминалъ своего кузена, оказавшаго ему тогда такую своевременную помощь. Вотъ этотъ случай.

Какъ-то разъ студентъ Свифтъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ самомъ уныломъ настроеніи духа, созерцая скудную студенческую обстановку—досчатый голый столъ да полочку съ кое-какими книгами,—и съ грустью помышляя о своемъ пустомъ кошелькѣ. Вдругъ какой-то шумъ на дворѣ привлекъ его вниманіе. Онъ выглянулъ въ окно и увидѣлъ моряка, по виду иностранца, который, должно быть, разыскивалъ кого-нибудь изъ студентовъ и, очевидно, чувствовалъ себя очень неловко подъ градомъ шутокъ и остротъ обступившей его молодежи, что было и неудивительно, такъ какъ дублинская университетская молодежь издавна славилась своимъ зубоскальствомъ. Свифту пришло въ голову, не его ли разыскиваетъ незнакомецъ, не посланный-ли это отъ кузена

Виллоуби. Въ такой догадкѣ не было ничего невѣроятнаго, ибо Ирландія вела въ то время обширную торговлю съ Испаніей и Португаліей. Молодой человѣкъ сбѣжалъ внизъ, и оказалось, что онъ угадалъ. Морякъ послѣдовалъ за нимъ въ его комнату, досталъ изъ кармана туго набитый кошелекъ и вручилъ ему отъ имени его кузена, наотрѣзъ отказавшись отъ всякой мзды за свой трудъ.

Когда человѣкъ находится въ очень крутыхъ обстоятельствахъ, какъ было въ то время со Свифтомъ, то получка небольшихъ денегъ обыкновенно приводитъ его къ расточительности, и наоборотъ: сдѣлавшись сразу обладателемъ крупной суммы, онъ начинаетъ экономничать, даже скряжничать. Такое дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, произвелъ на Свифта денежный подарокъ его кузена: съ этого дня онъ сдѣлался благоразумнымъ, чтобы не сказать скареднымъ, въ денежныхъ дѣлахъ, и эта черта осталась у него въ характерѣ до конца его жизни.

1688-й годъ былъ для Ирландіи тревожнымъ и тяжелымъ годомъ: рѣшался вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ протестантской церкви въ Ирландіи и конфискованныхъ ирландскихъ земель. Въ случаѣ успѣха Іакова II-го главенство переходило къ католической церкви, а земли къ наслѣдникамъ прежнихъ владѣльцевъ; съ другой же стороны, и относительно Вильгельма III-го оставалось подъ сомнѣніемъ, не пойдетъ-ли онъ на компромиссъ съ ирландской партіей, а если бы это случилось, тогда англійскимъ выходцамъ въ Ирландіи и ихъ потомкамъ былъ-бы закрытъ всякій доступъ къ отличіямъ. Свифтъ понялъ опасность: онъ покинулъ Дублинъ и уѣхалъ въ Англію къ матери, проживавшей тогда въ Лейчестерширѣ. Мистрисъ Свифтъ, будучи и сама стѣснена въ средствахъ къ жизни, не могла оказать сыну никакой матеріальной помощи, но она уговорила его обратиться за совѣтомъ и покровительствомъ къ сэру Вилльяму Темплю, который былъ женатъ на ея родственницѣ. Темпль былъ человѣкъ высокообразованный, при этомъ тонкій политикъ и опытный царедворецъ. Трудно было разсчитывать на сочувствіе такого человѣка грубому ирландскому студенту, о которомъ покуда только и знали, что въ университетѣ онъ безобразничалъ и плохо учился. Правда, Темпль все-таки принялъ его къ себѣ на службу, но долгое время не выказывалъ ему ни довѣрія, ни расположенія. Тѣмъ не менѣе два года, проведенные молодымъ человѣкомъ у сэра Вилльяма въ его помѣстьѣ Муръ-Паркъ, полсжили основаніе его дальнѣйшей карьерѣ; тамъ онъ началъ прилежно заниматься науками, посвящая по восьми часовъ въ день серьезному чтенію по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. Но какъ ни цѣнны были зна-

нія, пріобрѣтенныя Свифтомъ за эти два года, самыми цѣнными изъ нихъ были, можетъ быть, тѣ, которыя онъ вынесъ изъ постояннаго общенія съ просвѣщеннымъ дипломатомъ, принимавшимъ дѣятельное участіе во всѣхъ важныхъ переговорахъ между сторонниками реставраціи и революціи. Этимъ-то близкимъ общеніемъ съ Темплемъ и объясняется рѣзкое различіе между политическими памфлетами Свифта и другихъ писателей: всѣ они въ своей аргументаціи опираются только на общеизвѣстные факты, фигурирующіе, такъ сказать, на подмосткахъ, передъ глазами толпы; напротивъ, Свифтъ обнаруживаетъ близкое знакомство съ закулиснымъ механизмомъ дѣйствія; они писали, какъ зрители, онъ—какъ дѣйствующее лицо.

Усиленныя занятія подорвали здоровье Свифта: онъ началъ страдать разстройствомъ пищеваренія, сопровождавшимся припадками головокруженія и глухоты, отъ которыхъ не могъ отдѣлаться до конца жизни. Его уговорили съѣздить въ Ирландію попробовать, не поможетъ-ли ему родной воздухъ; но, пріѣхавъ въ Дублинъ и не почувствовавъ никакого облегченія, онъ скоро возвратился въ Муръ-Паркъ и снова засѣлъ за занятія.

Темпль представилъ Свифта королю Вильгельму, который часто навѣщалъ извѣстнаго государственнаго мужа въ его уединеніи. Обыкновенно Свифтъ сопровождалъ государя въ его прогулкахъ по саду, но единственнымъ результатомъ ихъ встрѣчъ было предложеніе со стороны Вильгельма поступить въ кавалерію, отъ котораго будущій деканъ отказался. Впрочемъ, король училъ еще Свифта ѣсть спаржу по-голландски, т. е. цѣликомъ, съ головкой и со стеблемъ, и уроки эти, конечно, не пропали даромъ для человѣка съ такою наклонностью къ бережливости, какою отличался Свифтъ.

Около этого времени Свифтъ выдержалъ на магистра словесныхъ наукъ при Оксфордскомъ университетѣ, гдѣ къ нему отнеслись съ уваженіемъ и вниманіемъ, сильно польстившими ему.

Свифтъ ежегодно навѣщалъ свою мать, при чемъ весь путь совершалъ пѣшкомъ, останавливаясь на ночлегъ въ грошовыхъ тавернахъ, гдѣ такую роскошь, какъ чистыя простыни, можно было имѣть только за особую плату. Такимъ образомъ Свифтъ удовлетворялъ свою любознательность, наблюдая бытъ простого народа (что было всегда его страстью), и въ то-же время сберегалъ копѣйку.

Когда былъ внесенъ и настойчиво проводился, вопреки королевской волѣ билль о трехгодичныхъ парламентахъ, сэръ Вильямъ Темпль отправилъ Свифта ко двору съ порученіемъ посовѣтовать королю отъ его имени принять этотъ билль. Свифта

удостоили аудіенціи, но Вильгельмъ III-й — по упрямству истый голландецъ,—остался глухъ къ совѣтамъ Темпля и къ аргументамъ, которые приводилъ въ подтвержденіе ихъ его посланный. Подъ энергичнымъ давленіемъ министерства билль былъ отвергнутъ въ Нижней Палатѣ, и Свифтъ до послѣдняго часа своей жизни любилъ разсказывать о томъ, какое недовольство и разочарованіе это возбудило въ странѣ.

Мало-по-малу Свифтъ началъ тяготиться зависимостью своего положенія въ Муръ-Паркѣ и просилъ Темпля доставить ему какую-нибудь общественную должность. Но видя, что Темпль не торопится исполнить его просьбу, онъ отказался отъ мѣста и уѣхалъ въ Ирландію съ тѣмъ, чтобы вступить въ духовное званіе, хотя самыя смѣлыя его надежды не простирались дальше капелланства при факторіи въ Лиссабонѣ. Епископъ, къ которому онъ обратился съ просьбой о мѣстѣ, потребовалъ свидѣтельства о хорошемъ его поведеніи во время пребыванія въ Муръ-Паркѣ. Свифту очень не хотѣлось чѣмъ-бы то ни было одолжаться своему бывшему покровителю, но, наконецъ, онъ все-таки рѣшился написать ему, и это открыло путь къ примиренію. Сэръ Вилльямъ не только далъ требуемое свидѣтельство, но въ письмѣ своемъ къ лорду Капелю разсыпался въ такихъ горячихъ похвалахъ своему бывшему секретарю, что Свифтъ тотчасъ послѣ посвященія получилъ приходъ въ Кильрутѣ, въ епархіи Конноръ, приносившій болѣе ста фунтовъ стерлинговъ годового дохода.

Въ Кильрутѣ онъ, повидимому, возобновилъ (ибо началось это раньше) свои ухаживанья за миссъ Вэрингъ, фигурирующую въ его письмахъ подъ ласкательнымъ именемъ Варины. Вся эта любовная исторія, поскольку ее можно прослѣдить, представляетъ нѣчто въ высокой степени комическое. До тѣхъ поръ, пока дѣвушка была сдержана и холодна, ничто не могло сравняться съ пыломъ ея обожателя; но когда, послѣ долгаго сопротивленія, она неожиданно сдалась на его мольбы, его пылъ вдругъ охладѣлъ, страстныя посланія къ Варинѣ закончились холоднымъ, формальнымъ письмомъ къ миссъ Дженъ Вэрингъ,—письмомъ, въ которомъ старательно повторяются всѣ ея прежнія возраженія противъ брака, и въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ дается понять, что нетерпѣливый вздыхатель не имѣетъ ни малѣйшаго желанія сдѣлаться женихомъ. Послѣ этого письма миссъ Вэрингъ съ похвальной рѣшимостью порвала всѣ сношенія со Свифтомъ, предоставляя ему попытать свое искусство на другой, болѣе покладистой жертвѣ.

Въ Кильрутѣ не было никакой общественной жизни, и Свифтъ тамъ скоро соскучился, тѣмъ болѣе, что мѣстное дворянство было

скандализовано его поведеніемъ, несовсѣмъ-то согласовавшимся съ саномъ священника. Въ Кильрутѣ и его окрестностяхъ и по сей день упорно держится молва, будто Свифта обвиняли въ попыткѣ къ насилію надъ дочерью одного фермера и будто дѣло доходило даже до разбирательства у мѣстнаго судьи, мистера Доббса, при чемъ противъ обвиняемаго давались показанія подъ присягой.

Между тѣмъ сэръ Вилльямъ Темпль, который теперь началъ цѣнить по достоинству таланты своего бывшаго секретаря и которому очень хотѣлось снова залучить его къ себѣ, писалъ кильрутскому священнику краснорѣчивыя письма, упрашивая его вернуться въ Муръ-Паркъ и обѣщая приложить всѣ старанія для устройства его дальнѣйшей судьбы. Но Свифтъ еще колебался. Въ это время, въ одну изъ своихъ поѣздокъ, онъ случайно встрѣтился съ однимъ священникомъ, наружность котораго такъ его поразила, что онъ самъ завязалъ съ нимъ бесѣду. Оказалось, что это бѣдный викарій, исправляющій должность священника „за сорокъ фунтовъ въ годъ“, что на этотъ жалкій доходъ онъ долженъ содержать жену и восьмерыхъ дѣтей и, за отсутствіемъ всякой протекціи, не имѣетъ никакихъ шансовъ на повышеніе. Не было человѣка добрѣе и великодушнѣе Свифта, когда онъ почему-нибудь принималъ близко къ сердцу чужую бѣду (а это иногда случалось): взявъ у своего новаго пріятеля его лошадь (любимаго вороного коня), онъ поскакалъ въ Дублинъ, отказался тамъ отъ своего прихода и выхлопоталъ, чтобы на его мѣсто назначили почтеннаго викарія. Воротившись изъ этой поѣздки, онъ разыскалъ викарія и поздравилъ его съ новымъ назначеніемъ. Велики были удивленіе и радость бѣдняка при этомъ извѣстіи, но еще сильнѣе было его огорченіе, когда онъ узналъ, что обязанъ своимъ повышеніемъ великодушной жертвѣ друга. Сначала онъ рѣшительно отказался принять мѣсто, и когда, наконецъ, Свифту удалось успокоить его щепетильность, онъ настоялъ на томъ, чтобы Свифтъ принялъ отъ него, въ знакъ его благодарности, знаменитаго вороного коня. Въ первый разъ въ жизни сѣлъ Свифтъ на собственную лошадь и съ восемьюдесятью фунтами въ карманѣ выѣхалъ изъ Кильрута съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Англію. Въ Кильрутѣ до сихъ поръ сохраняется память объ его великодушномъ поступкѣ съ бѣднымъ священникомъ, и вороной конь тамъ—любимый народный символъ.

II.

Когда Свифтъ вернулся къ своимъ секретарскимъ обязанностямъ при Темплѣ, передъ нимъ, казалось, открывались блестящія

перспективы, а между тѣмъ какъ разъ въ этотъ періодъ началось то, что составило несчастье всей его жизни. Во второе пребываніе свое въ Муръ-Паркѣ онъ познакомился съ миссъ Эстеръ Джон-

сонъ, извѣстной болѣе подъ поэтическимъ именемъ Стеллы. Изъ всѣхъ свѣдѣній, какія имѣются объ этой несчастной женщинѣ самыя подробныя мы находимъ въ письмѣ ея племянницы м-съ

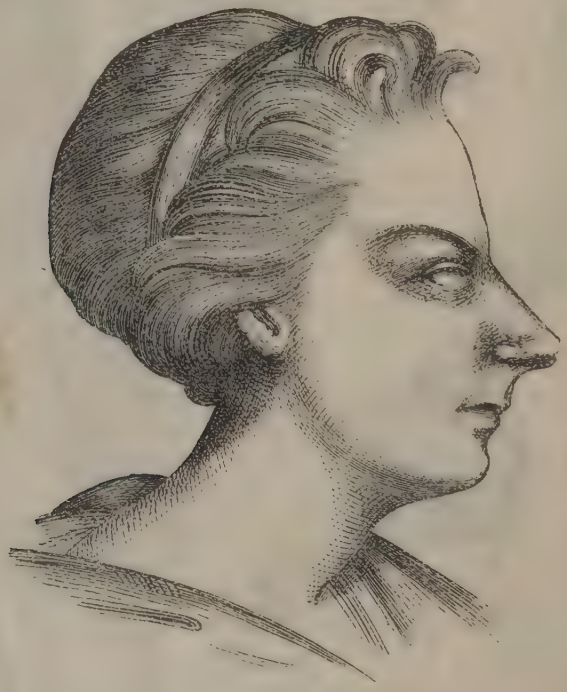
Гёрнъ къ Д. М. Берклею, помѣщенномъ въ его въ высшей степени занимательной и составляющей большую рѣдкость книгѣ: Literary Relics (*Литературныя реликвіи*). Вотъ что пишетъ о Стеллѣ м-съ Гёрнъ.

„Миссъ Эстеръ Джонсонъ, болѣе извѣстная подъ именемъ Стеллы, родилась въ Ричмондѣ, въ графствѣ Суррей 13-го марта 1681 года. Отецъ ея занимался торговлей. Онъ происходилъ изъ старинной фамиліи, былъ уроженцемъ Нотигемшира и младшимъ сыномъ въ семьѣ. Умеръ онъ молодымъ, оставивъ вдову съ тремя дѣтьми—сынсмъ и двумя дочерьми. Мистрисъ Джонсонъ жила одно время въ Ричмондѣ и тамъ познакомилась съ леди Гиффордъ, сестрой сэра Вилльяма Темпля, что было для бѣдной вдовы истиннымъ счастьемъ. Щедро надѣленная отъ природы красотой и высокими душевными качествами, мистрисъ Джонсонъ вскорѣ пріобрѣла не только уваженіе, но и горячую привязанность леди Гиффордъ (тоже превосходной женщины), и дружба ихъ продолжалась до гробовой доски. Онѣ почти не разставались, а такъ какъ леди Гиффордъ по большей части жила у своего брата Вилльяма, то черезъ нее мистрисъ Джонсонъ и обѣ ея дочери (сынъ умеръ ребенкомъ) познакомились, а потомъ и подружились съ Темплемъ и его женой. Маленькая Гетти (такъ обыкновенно называли Стеллу у Темплей) была чрезвычайно одареннымъ и занимательнымъ ребенкомъ, и Темпли такъ ее полюбили, что приняли на себя заботу объ ея образованіи и воспитали ее вмѣстѣ со своей племянницей (покойной м-съ Темпль изъ Муръ-Парка). Это было лучшее доказательство ихъ доброты и дружбы къ матери Стеллы, какое только можно дать, ибо денежныя средства мистрисъ Джонсонъ, и безъ того небольшія, значительно сократились съ паденіемъ дутыхъ южно-океанскихъ акцій.

"И такъ, въ Муръ-Паркѣ деканъ Свифтъ впервые увидалъ Стеллу, и между молодыми людьми возникла привязанность, окончившаяся бракомъ. Почему этотъ бракъ навсегда остался тайной для свѣта—такъ и не выяснилось вполнѣ. Семья миссъ Джонсонъ объясняетъ это исключительно тѣмъ, что деканъ считалъ свои средства недостаточными для такого образа жизни, какой, по его мнѣнію, долженъ вести женатый человѣкъ. Дѣйствительно, личное состояніе Стеллы не превышало 1500 фунтовъ стерлинговъ, изъ коихъ тысячу фунтовъ, въ знакъ дружбы, оставилъ ей по завѣщанію Темпль. Въ концѣ концовъ, деканъ Свифтъ самъ выразилъ желаніе, чтобы бракъ его былъ преданъ огласкѣ, но Стелла, чувствуя, что болѣзнь ея быстро идетъ къ развязкѣ и, кромѣ того, окончательно рѣшивъ переѣхать на житье въ Англію къ матери, не захотѣла мѣнять своего положенія".

Свифтъ и Стелла въ Муръ-Паркѣ.

Защитники Свифта, пытаясь оправдать его поведеніе въ этой исторіи, утверждаютъ, что, познакомившись со Стеллой, онъ не имѣлъ относительно нея никакихъ серьезныхъ намѣреній, что всѣ ихъ отношенія ограничивались невиннымъ волокитствомъ съ его стороны, и въ доказательство приводятъ тотъ фактъ, что въ это самое время онъ продолжалъ упрашивать Варину выйти за него. Если это вѣрно, тѣмъ хуже для Свифта: въ глазахъ большинства такой его образъ дѣйствій только усугубляетъ его вину. Никто не въ правѣ играть ради забавы привязанностью молодой, неопытной дѣвушки, стараться овладѣть сердцемъ съ разсчитаннымъ намѣреніемъ его погубить, ставить на ставку какую-то жалкую фикцію чувства противъ истинной, глубокой любви и, выигравъ ставку обманомъ, торжествовать въ своей низости и попирать ногами жертву.



Медальонъ Стеллы.

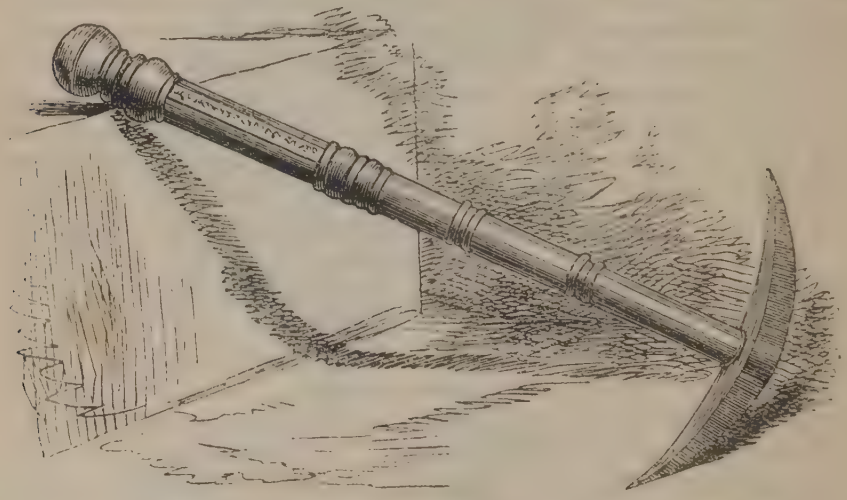
Въ свое второе четырехлѣтнее пребываніе въ Муръ-Паркѣ Свифтъ въ первый разъ выступилъ передъ публикой, какъ поэтъ, напечатавъ свои *Пиндарическія оды* къ Темплю, къ королю Вильгельму и къ Аѳинскому обществу—этой „кучкѣ темныхъ личностей" (по выраженію доктора Джонсона), „періодически печатающей

памфлеты съ отвѣтами на вопросы, которые ей предлагаются или якобы предлагаются въ письмахъ". Упомянутыя стихотворенія Свифта ниже всякой критики; говорятъ, что когда онъ прочелъ ихъ Драйдену, тотъ сказалъ: „ Кузенъ Свифтъ, вы никогда не будете поэтомъ", чѣмъ жестоко разобидѣлъ злополучнаго автора. Этому случаю обыкновенно даже приписываютъ то недоброжелательство къ Драйдену, которое неизмѣнно выказывалъ Свифтъ. Вѣроятно, около того-же времени онъ написалъ „Сказку о бочкѣ" и „Битву книгъ", но обѣ эти вещи были напечатаны лишь нѣсколько лѣтъ спустя.

Въ 1699 году умеръ сэръ Вилльямъ Темпль, оставивъ Свифту по завѣщанію довольно крупный капиталъ, а также и свои рукописи, которыя онъ считалъ, по всей вѣроятности, еще болѣе цѣннымъ наслѣдствомъ. Незадолго до смерти Темпль добился отъ короля Вильгельма обѣщанія назначить Свифта на первое вакантное мѣсто пребендарія въ Кентербери или въ Вестминстерѣ. Чтобы хорошенько закрѣпить это обѣщаніе въ памяти короля, Свифтъ посвятилъ ему посмертные труды Темпля; но ни это посвященіе, ни многократныя напоминанія Свифта такъ и не заставили короля исполнить данное слово. Спустя нѣкоторое время послѣ смерти своего покровителя, Свифтъ уѣхалъ въ Ирландію съ лордомъ Берклеемъ въ качествѣ его секретаря, но вскорѣ по пріѣздѣ ихъ въ Дублинъ нѣкто Бушъ увѣрилъ лорда главнаго судью, что особѣ духовнаго званія неприлично занимать должность личнаго секретаря, и поступилъ самъ на мѣсто Свифта. Но на этомъ его обиды еще не кончились: онъ разсчитывалъ получить деканство въ Дерри, только что освободившееся и очень доходное, но по проискамъ новаго секретаря лорда Берклея, этотъ приходъ отдали другому, а Свифта назначили въ графство Митъ, въ приходы Ларакоръ и Рэтбеггинъ.

Въ бытность свою въ Ларакорѣ Свифтъ, кромѣ обыкновенной воскресной службы, завелъ еще чтенія молитвъ по средамъ и пятницамъ. Такое нововведеніе не понравилось прихожанамъ, и вначалѣ на эти чтенія являлось очень мало слушателей, а одинъ разъ не было никого кромѣ причетника Роджера, оказавшагося, такимъ образомъ, единственнымъ представителемъ паствы. Съ невозмутимой серьезностью Свифтъ началъ: „Возлюбленный Роджеръ, многія мѣста Святого Писанія глубоко трогаютъ мою и вашу душу" и въ этомъ духѣ продолжалъ до конца. Но если не считать этого и кое-какихъ другихъ примѣровъ легкомысленнаго отношенія къ своему духовному сану, о которыхъ не стоитъ разсказывать, Свифтъ исполнялъ свои пастырскія обязанности вполнѣ прилично и весьма пунктуально.

Вскорѣ по водвореніи своемъ въ Ларакорѣ онъ вызвалъ изъ Ирландіи несчастную Стеллу съ нѣкоей мистрисъ Динглей, присутствіе которой, какъ онъ надѣялся, должно было предотвратить скандальные толки. Съ этими дамами онъ проводилъ часы досуга, передъ ними открывалъ свою душу, но никогда не жилъ въ одномъ съ ними домѣ, никогда даже не видѣлся съ ними иначе какъ при постороннихъ. Когда онъ уѣзжалъ, онѣ жили въ пасторатѣ, а когда возвращался, переѣзжали на квартиру или къ священнику, проживавшему по сосѣдству. Такая жизнь естественно тяготила бѣдную Стеллу, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ резонныхъ основаній лишать ее имени и положенія жены. Многіе изъ біографовъ Свифта пытались найти смягчающія его вину обстоятельства, но все, что они приводили въ его извиненіе, въ глазахъ всякаго человѣка съ неизвращеннымъ чувствомъ только усиливаетъ эту вину.



Кирка, подаренная Свифту Стеллой.

Первымъ прозаическимъ сочиненіемъ Свифта было *Essay on the Dissensions in Athens and Rome*, напечатанное въ 1701 году, когда автору уже исполнилось тридцать четыре года Первое время послѣ того, какъ эта вещь появилась въ печати, ее приписывали епископу Бернету, что никоимъ образомъ не могло льстить авторскому самолюбію Свифта. Черезъ три года вышла его „Сказка о бочкѣ“; впрочемъ, онъ никогда не сознавался прямо, какъ никогда и не отрицалъ положительно, что это произведеніе принадлежитъ его перу.

„Битва книгъ", по мнѣнію доктора Джонсона, есть подражаніе французскому *Combat des Livres*; впрочемъ, доказывать или оспаривать оригинальность этого произведенія Свифта теперь безполезно, такъ какъ оба произведенія—и англійское, и французское—давно уже преданы забвенію.

Въ 1708 году Свифтъ издалъ *Sentiments of a Church of England Man* (*Размышленія человѣка, принадлежащаго къ англиканской церкви*), *Ridicule of Astrology* (*Смѣшное въ астрологіи*), *Argument against abolishing Christianity* (*Аргументы противъ уничтоженія христіанства*) и *Defence of the sacramental Test. Аргументы противъ уничтоженія христіанства*— безспорно лучшая изъ этихъ книгъ: вся она проникнута глубокой и весьма мѣткой ироніей и обличаетъ жалкое тщеславіе тѣхъ изъ невѣрующихъ, которые оригинальничаютъ въ погонѣ за извѣстностью, уподобляясь, такимъ образомъ, въ своихъ понятіяхъ о славѣ знаменитому поджигателю Эфесскаго храма.

Черезъ годъ послѣ упомянутыхъ сочиненій вышелъ въ свѣтъ Свифтовъ „*Проектъ содѣйствія успѣхамъ религіи*" (*Project for the Advancement of Religion*), который, какъ и большинство подобныхъ проектовъ, практически совершенно непримѣнимъ.

Въ то время Свифтъ былъ рьянымъ вигомъ и написалъ нѣсколько памфлетовъ и сатирическихъ стихотвореній въ защиту своей партіи; но лишь немногіе изъ нихъ извѣстны въ настоящее время, такъ какъ въ позднѣйшіе годы авторъ старался изгладить всякую память о нихъ. Одно изъ этихъ стихотвореній—„Предсказаніе Мерлина",—написанное съ цѣлью польстить герцогу Марльборо и поощрить англичанъ къ продолженію войны съ Франціей, обладаетъ кое-какими достоинствами (что далеко не всегда можно сказать о подобныхъ произведеніяхъ) и, кромѣ того, представляетъ любопытный контрастъ съ тѣми мнѣніями, которыя высказываетъ Свифтъ въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ.

Когда лордъ Вартонъ былъ назначенъ намѣстникомъ Ирландіи, Свифтъ обратился къ лорду Сомерсу, въ которомъ онъ тогда сильно заискивалъ, съ просьбой замолвить о немъ слово новому намѣстнику. Вотъ какъ описываетъ результатъ этой просьбы докторъ Сольтеръ, директоръ Чартергаузской школы, въ письмѣ къ знаменитому антикварію Никольсу:

„По настоятельной просьбѣ Свифта лордъ Сомерсъ рекомендовалъ его лорду Вартону въ 1708 году, когда тотъ прибылъ въ Ирландію въ качествѣ намѣстника; но эта рекомендація осталась безъ послѣдствій. Свифтъ никогда не могъ ни забыть, ни простить лорду Вартону тѣхъ словъ, которыми, *какъ говорятъ*, тотъ

отвѣтилъ на письмо Сомерса, и даже, какъ кажется, отсюда-то и беретъ начало та злоба, съ какою Свифтъ всегда говорилъ о лордѣ Вартонѣ. Я видѣлъ и читалъ два письма къ лорду Сомерсу отъ Джонатана Свифта, въ то время пребендарія церкви Св. Патрика въ Дублинѣ. Въ первомъ онъ краснорѣчиво упрашиваетъ милорда оказать ему милость своимъ заступничествомъ, жалуется на свою бѣдность и клянется въ неизмѣнной преданности его лордству и дѣлу, которому тотъ служитъ; во второмъ благодаритъ за рекомендацію и опять-таки заканчиваетъ увѣреніями въ своей преданности милорду, и все это за какой-нибудь годъ до того, какъ онъ измѣнилъ и Сомерсу, и всѣмъ своимъ друзьямъ, и началъ открыто писать въ защиту ихъ противниковъ, или (какъ хвастался онъ самъ) клеймить всю шайку огуломъ. Я видѣлъ и письма Сомерса къ Вартону, въ которыхъ онъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ рекомендуетъ Свифта, и я прекрасно помню тотъ краткій и язвительный отвѣтъ, который, *говорятъ*, далъ Сомерсу лордъ Вартонъ и котораго, какъ уже было сказано, Свифтъ никогда не могъ ему простить. Вотъ этотъ отвѣтъ: „О милордъ! мы не должны покровительствовать и помогать выдвигаться такимъ господамъ: намъ *и самимъ* не хватаетъ независимости“.

Вскорѣ послѣ этой неудачи начался важный и дѣятельный періодъ жизни Свифта. Въ 1710 году, по порученію примаса Ирландіи, онъ отправился къ королевѣ съ ходатайствомъ о возвращеніи ирландскому духовенству доходовъ съ бенефицій. Нужно было дѣйствовать черезъ Гарлея, который тогда быстро входилъ въ милость при дворѣ. Свифтъ былъ представленъ ему, какъ человѣкъ, которому вигское министерство не давало ходу за то, что онъ отказался помогать ему въ нѣкоторыхъ его замыслахъ. Положеніе Гарлея было таково, что онъ могъ только обрадоваться помощнику, надѣленному именно тѣми качествами, которыя были нужны для его плановъ; поэтому онъ снизошелъ, если не до дружескихъ, то во всякомъ случаѣ до пріятельскихъ отношеній со Свифтомъ и просилъ его выступить въ печати на защиту новой администраціи. Главнѣйшими изъ писателей, стоявшихъ за партію виговъ, были Стиль и Аддисонъ, и Свифтъ былъ долгое время близкимъ другомъ обоихъ. Но лишь только онъ вступилъ въ борьбу политическихъ партій, какъ напалъ на нихъ, въ особенности на Стиля, съ яростной стремительностью, совершенно неприличной для порядочнаго человѣка, а тѣмъ паче для духовной особы. Два года онъ поддерживалъ Гарлея съ неослабнымъ рвеніемъ и успѣхомъ; его памфлетъ „Объ образѣ дѣйствій союзниковъ“, напечатанный въ 1712 году, за десять дней до открытія парламентской сессіи, имѣлъ такой успѣхъ, какимъ могутъ по-

хвастаться очень немногія изъ этого рода произведеній; одиннадцать тысячъ экземпляровъ памфлета разошлись менѣе чѣмъ въ три мѣсяца, и война, бывшая дотолѣ одною изъ популярнѣйшихъ войнъ, какія когда-либо вела Англія, сдѣлалась до такой степени ненавистна всѣмъ англичанамъ, что народъ требовалъ мира на какихъ угодно условіяхъ. Такая услуга стоила награды, а Свифтъ былъ не такой человѣкъ, чтобы работать задаромъ. Онъ потребовалъ епископской митры, которую Гарлей былъ даже не прочь ему дать, если бы могъ быть увѣренъ, что не раздражитъ этимъ своихъ клерикальныхъ союзниковъ. Но духовенство не могло допустить, чтобы на епископской скамьѣ возсѣдалъ авторъ „Сказки о бочкѣ". Архіепископъ Шарпъ отъ имени своихъ собратьевъ испросилъ у королевы аудіенцію и, обративъ вниманіе ея величества на наиболѣе оскорбительныя для религіознаго чувства мѣста „Сказки о бочкѣ", постарался ей доказать, что епископское достоинство не можетъ быть возложено на человѣка, о которомъ даже нельзя съ увѣренностью сказать, вѣритъ-ли онъ въ христіанство. Архіепископа поддержала герцогиня Сомерсетъ, которую Свифтъ жестоко осмѣялъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Виндзорское пророчество": она показала эти стихи королевѣ. Королева Анна, отличавшаяся (по крайней мѣрѣ въ религіозныхъ вопросахъ) здравымъ взглядомъ на вещи, объявила, что Свифтъ никогда не будетъ прелатомъ, и никакія просьбы и доводы, съ которыми пытались обращаться къ ней впослѣдствіи заступники Свифта, не могли заставить ее измѣнить это рѣшеніе. Свифтъ получилъ отъ министерства самое лучшее назначеніе, какое только можно было ему дать при существующихъ условіяхъ, а именно, деканство при церкви Св. Патрика въ Дублинѣ, и въ началѣ 1713 года отправился на новое мѣсто. Но и въ Ирландіи его назначеніе встрѣтили не менѣе враждебно, чѣмъ оно было-бы встрѣчено въ Англіи: въ тотъ день, когда онъ долженъ былъ вступить въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, на воротахъ собора оказались приклеенными весьма язвительные сатирическіе стихи по адресу новаго декана (ихъ авторъ—докторъ Смедли, деканъ Фернса).

Устроивъ Стеллу на квартирѣ по сосѣдству съ домомъ декана, Свифтъ вернулся въ Англію, гдѣ распря между Гарлеемъ, только что получившимъ титулъ графа Оксфордскаго, и его сотоварищемъ, лордомъ Болингброкомъ, грозила распаденіемъ торійской партіи. Гарлей перешелъ на сторону торіевъ не по убѣжденію, а изъ разсчета, и, добившись власти, не имѣлъ никакой опредѣленной политической программы. Онъ былъ принужденъ поддѣлываться къ торіямъ, потому что ему была нужна ихъ поддержка, а между

тѣмъ ему не хотѣлось безповоротно разрывать съ вигами; поэтому онъ поддерживалъ сношенія съ обоими соискателями короны и втайнѣ льстилъ и претенденту, и курфирсту Гановерскому. Деканъ былъ недоволенъ такими полумѣрами и всячески, хотя и тщетно, старался расшевелить мѣшкотность Гарлея. Онъ опубликовалъ свое письмо въ Октябрьскій Клубъ (October Club), состоявшій изъ самыхъ непримиримыхъ торіевъ, и, наконецъ, убѣдившись что Гарлея невозможно заставить перейти къ болѣе смѣлой политикѣ, вошелъ въ сношенія съ Болингброкомъ, который былъ храбрѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ беззастѣнчивѣе своего сотоварища.

Вожаки вигской партіи, кажется, сознавали опасный характеръ совѣтовъ, исходившихъ отъ Свифта. Въ парламентъ поступили доклады о вліяніи Свифта на министерство: въ палату лордовъ—отъ Финча, графа Нотингемскаго, а въ палату общинъ—отъ Вальполя и Эйлеби. Свифта открыто обвиняли въ тайныхъ происках, съ цѣлью возвести на престолъ претендента. Замѣчательная вещь: въ одномъ стихотвореніи, написанномъ въ концѣ 1713 года, Свифтъ самъ разсказываетъ объ этихъ обвиненіяхъ и даже не пытается отрицать ихъ справедливость.

Въ 1714 году Свифтъ напечаталъ свой *Public Spirit of the Whigs* (Духъ общественности въ партіи виговъ) въ отвѣтъ на памфлетъ Стиля „Кризисъ“, за который Стиль былъ изгнанъ изъ Нижней Палаты. Въ своемъ памфлетѣ деканъ очень зло нападалъ на своего бывшаго друга, говоря о немъ то съ отвращеніемъ, то съ презрѣніемъ. Досталось и всему шотландскому народу, на который Свифтъ обрушился такъ яростно, что шотландскіе лорды, собравшись вмѣстѣ, отправились къ королевѣ требовать удовлетворенія, послѣдствіемъ чего былъ выходъ указа, предлагавшаго триста фунтовъ награды тому, кто укажетъ автора памфлета. Но должно быть, съ теченіемъ времени о памфлетѣ забыли, или, можетъ быть, Свифтъ былъ прощенъ, только вскорѣ послѣ того онъ хвастался, что шотландская знать бываетъ у него чаще прежняго.

Допущенный, какъ равный, въ среду аристократіи и великихъ міра сего, окруженный лестью всѣхъ жаждущихъ мѣстъ и отличій, наслаждаясь обществомъ самыхъ блестящихъ представителей ума и таланта, благодаря которымъ царствованіе королевы Анны было прозвано августовскимъ вѣкомъ англійской литературы, Свифтъ все-таки не ушелъ отъ своей несчастной звѣзды. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Лондонъ по политическимъ дѣламъ онъ познакомился съ миссъ Вангомрай или Ванессой, какъ онъ ее потомъ называлъ. Миссъ Вангомрай была умна, хороша собой и обладала довольно крупнымъ состояніемъ. Ею всѣ восхищались. Ослѣпленная геніемъ Свифта, она поощряла его не-

скромные авансы. Въ концѣ концовъ ихъ отношенія зашли такъ далеко, что отступать было поздно: ни тотъ, ни другая не могли этого сдѣлать безъ тяжелой жертвы. Уѣзжая изъ Дублина, Свифтъ всегда аккуратнѣйшимъ образомъ переписывался со Стеллой и мистрисъ Динглей, отдавая имъ подробный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Но съ того времени, какъ началась его близость съ Ванессой, тонъ этихъ писемъ рѣзко мѣняется: въ нихъ чувствуется холодность, появляется какая-то придирчивость, прорываются вспышки раздраженія, съ полной очевидностью свидѣтельствующія о томъ, что у автора непокойно на сердцѣ. Но постоянно возраставшее возбужденіе политическихъ партій отвлекло на время вниманіе Свифта отъ его личныхъ дѣлъ. Соперничество и взаимная ненависть графа Оксфорда и Болингброка все разгорались и грозили погубить партію. Свифтъ прилагалъ всѣ старанія для примиренія враждующихъ, но безуспѣшно. Два раза онъ пытался привести ихъ къ соглашенію путемъ личныхъ переговоровъ, но оба раза дѣло кончилось лишь обоюднымъ недовольствомъ. Тогда онъ объявилъ тому и другому, что, по его мнѣнію, все пропало. Оксфордъ не согласился съ этимъ, но Болингброкъ сознался, что Свифтъ правъ.

Королевскіе покои сдѣлались теперь центромъ политическихъ интригъ, тяжело отзывавшихся на королевѣ, у которой не было уже ни душевныхъ, ни физическихъ силъ для борьбы съ ними. Естественная родственная привязанность заставляла ее склоняться въ пользу брата, и весьма вѣроятно, что, если-бы претендентъ исполнилъ ея желаніе и принялъ протестантство, Стюарты удержали-бы за собою англійскій престолъ. Анна не любила Ганноверскій домъ за то, что курфирстъ старался разстроить ея планы, клонившіеся къ поддержанію мира, и за то, что принцесса Софія, черезъ которую престолонаслѣдіе переходило къ Брауншвейгамъ, позволяла себѣ высказывать обидныя сомнѣнія въ ея искренности. Гарлей боялся союза со Стюартами и, заискивая въ наслѣдникѣ протестантѣ, считалъ, вѣроятно, очень тонкой такую политику съ своей стороны; но онъ не разсчиталъ, что можетъ этимъ оскорбить королеву. А затѣмъ онъ окончательно лишился ея милостей, поссорившись съ ея фавориткой, леди Машамъ. Совершенно иначе дѣйствовалъ Болингброкъ: онъ потакалъ всѣмъ пристрастіямъ своей царственной повелительницы и окружалъ самымъ предупредительнымъ вниманіемъ ея фаворитку. Два врага заводили споры, не стѣсняясь даже присутствіемъ королевы. Между тѣмъ здоровье ея замѣтно ухудшалось; такимъ образомъ, и ея болѣзнь, и ссоры ея приближенныхъ шли быстрыми шагами впередъ. Наконецъ 27-го іюля 1714 года графъ Оксфордъ былъ внезапно смѣщенъ,

и все говорило за то, что Болингброкъ достигнетъ главной цѣли своего честолюбія. Но 29-го числа того-же мѣсяца съ королевой сдѣлался припадокъ летаргіи, сопровождавшійся самыми угрожающими симптомами. Говорятъ, Свифтъ совѣтовалъ Болингброку и его единомышленникамъ немедленно принять мѣры для обезпеченія престола за претендентомъ, но они колебались, боясь рисковать своей жизнью и благосостояніемъ. На другой день засѣданіе совѣта шло вяло; присутствующіе выказывали робость и нерѣшительность. Вдругъ къ нимъ вошли безъ зова два самые вліятельные лорда вигской партіи—герцоги Аргайльскій и Сомерсетъ. Герцогъ Шрусбери пригласилъ ихъ занять мѣста въ залѣ совѣщанія. Ихъ предложеніе о передачѣ престола курфирсту Гановерскому было принято безъ протеста, и мечты Болингброка о власти разсѣялись, едва успѣвъ вылиться въ опредѣленную форму. 1-го августа королева скончалась, и въ Лондонѣ и Вестминстерѣ Георгъ I-й былъ торжественно провозглашенъ королемъ.

Съ воцареніемъ Георга I-го власть снова перешла къ вигамъ, которые немедленно возбудили преслѣдованіе противъ бывшихъ министровъ. Болингброкъ и Ормондъ бѣжали на континентъ; графъ Оксфордъ былъ заключенъ въ Тоуэръ. Свифтъ вернулся въ Дублинъ, на который теперь онъ смотрѣлъ, какъ на мѣсто ссылки, и гдѣ онъ все-таки не могъ считать себя въ безопасности, такъ какъ были перехвачены документы компрометирующаго свойства, адресованные на его имя.

Протестантская церковь въ Ирландіи въ то время, какъ и теперь, распадалась на двѣ партіи, и я думаю, мы не слишкомъ погрѣшимъ противъ точности, назвавъ одну изъ нихъ пуританской, а другую ортодоксальной, и сказавъ, что единственнымъ соединительнымъ звеномъ между ними была ненависть къ папству. Вожаки реформатства въ Ирландіи съ самаго начала сильно тяготѣли къ идеямъ нонконформистовъ, и тяготѣніе это замѣтно усилилось въ средѣ ирландскаго духовенства послѣ гоненій Кромвелля, благодаря которымъ въ Ирландію переселилось очень много индепендентовъ, заразившихъ огромное большинство протестантовъ своею нетерпимостью къ епископской власти. Какъ свѣтская власть въ царствованіе королевы Анны попеременно переходила то къ вигамъ, то къ торіямъ, такъ и церковныя мѣста въ Ирландіи были подѣлены между членами высокой и низкой церкви; первая пользовалась преобладающимъ вліяніемъ въ средѣ духовенства, вторая—между конгрегаціями. Взаимное раздраженіе двухъ протестантскихъ церквей обострилось, благодаря одному курьезному инциденту. Въ Англіи былъ въ большомъ ходу тостъ за „благочестивой, преславной и безсмертной памяти короля

Вильгельма", и когда его провозглашали въ собраніяхъ, гдѣ были представители разныхъ партій (что случалось очень часто), это естественно обижало тѣхъ торіевъ, которые причисляли себя къ якобитамъ. И вотъ, епископъ Коркскій, Браунъ, опубликовалъ свою проповѣдь противъ тостовъ вообще, а этого въ частности, чѣмъ сильно раздражилъ протестантскія общины. Въ отместку епископу протестанты дополнили свой излюбленный тостъ его именемъ съ присоединеніемъ къ нему не слишкомъ-то лестныхъ эпитетовъ и всякій разъ, какъ въ обществѣ присутствовалъ священникъ, предлагали тостъ въ такой редакціи въ видѣ испытанія степени его якобитскихъ симпатій.

Свифтъ вернулся изъ Англіи горячимъ защитникомъ самыхъ крайнихъ положеній высокой церкви, давно уже служившихъ лозунгомъ его партіи, и рѣшительнымъ сторонникомъ привилегій духовенства, неприкосновенности которыхъ угрожали виги. Отстаивая свои личныя права, какъ декана, онъ вскорѣ втянулся въ скучный и утомительный диспутъ съ архіепископомъ Кингомъ и капитуломъ, но въ концѣ концовъ восторжествовалъ и съ теченіемъ времени пріобрѣлъ такое вліяніе на капитулъ, что всѣ его предложенія принимались безъ малѣйшей оппозиціи.

Будучи увѣренъ, что ему суждено доживать вѣкъ въ Ирландіи, Свифтъ устроилъ свою жизнь такимъ образомъ, что она удовлетворяла его наклонности къ скупости и въ то-же время не мѣшала ему соблюдать достоинство своего сана. Онъ столовался за условленную плату у своего сослуживца, соборнаго священника Воррэля, у котораго жена была хорошая хозяйка и очень милая женщина, а домъ блисталъ порядкомъ и чистотой. Но два раза въ недѣлю онъ принималъ у себя на дому, задавалъ парадный обѣдъ и угощалъ своихъ гостей на серебрѣ. Вскорѣ эти обѣды стали посѣщать всѣ знаменитости Дублина и самыя изящныя дублинскія дамы. Стелла распоряжалась приготовленіями къ каждому банкету, но за столомъ появлялась, какъ и другія дамы, въ качествѣ гостьи.

Пріѣздъ въ Ирландію миссъ Вангомрай, рѣшившейся предъявить свои права на Свифта, вскорѣ разстроилъ этотъ мирный кружокъ. Для Стеллы наступили дни жестокой душевной тревоги, которая окончательно подорвала ея нравственныя силы и здоровье: черезъ нѣсколько недѣль она уже стояла на краю могилы. Сраженный роковыми послѣдствіями своего поведенія, Свифтъ обратился за помощью къ своему старому другу и наставнику, Сентъ-Джорджу Ашу, епископу Клогерскому, умоляя его разузнать у Стеллы, что можетъ возстановить ея душевный покой. Вотъ ея отвѣтъ въ передачѣ епископа: „Много лѣтъ, говоритъ она,

она терпѣливо сносила пересуды злыхъ языковъ, но до сихъ поръ ее поддерживала надежда стать когда-нибудь его женой. Теперь же она больше не видитъ возможности такого исхода и терзается сознаніемъ, что потомство заклеймитъ ея память незаслуженнымъ позоромъ".

Стеллу мучило еще одно обстоятельство, которое, въ скобкахъ сказать, бросаетъ еще болѣе темную тѣнь на личность Свифта, рельефно выставляя его эгоизмъ. Къ ней посватался нѣкто Тисдэль, человѣкъ вполнѣ порядочный и представлявшій очень хорошую партію для нея. Свифтъ сначала пытался отклонить его домогательства, поставивъ очень тяжелыя условія своего согласія на бракъ, а когда эти условія были приняты горячо любившимъ человѣкомъ, отказалъ ему наотрѣзъ.

Когда епископъ передалъ декану свой разговоръ со Стеллой, тотъ отвѣчалъ, что съ ранней юности у него было два правила относительно брака; первое: не жениться до тѣхъ поръ, пока не достигнешь обезпеченнаго положенія, второе: даже и добившись матеріальной обезпеченности, жениться только въ томъ случаѣ, если не миновала еще та пора жизни, когда есть вѣроятность прожить достаточно долго, чтобы вырастить и воспитать дѣтей; но что если счастье Стеллы зависитъ отъ ихъ брака, онъ готовъ немедленно исполнить ея желаніе на слѣдующихъ условіяхъ: во первыхъ, ихъ бракъ долженъ оставаться тайной для свѣта, и только въ крайнемъ случаѣ, если того потребуетъ настоятельная необходимость, можетъ быть преданъ огласкѣ; во вторыхъ, они должны по прежнему жить на разныхъ квартирахъ.

Стелла была вынуждена согласиться на эти тяжелыя условія, и въ началѣ 1716 года они были тайно обвѣнчаны епископомъ въ домѣ декана. Тотчасъ послѣ вѣнца со Свифтомъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ душевнаго разстройства: онъ выбѣжалъ изъ дома и прибѣжалъ въ епископскій дворецъ, гдѣ больше часа просидѣлъ въ библіотекѣ наединѣ съ архіепископомъ Кингомъ. Докторъ Делани случайно вошелъ въ библіотеку, когда свиданіе уже подходило къ концу. Свифтъ выскочилъ вонъ до такой степени разстроенный, что даже не узналъ своего друга. Делани подошелъ къ архіепископу и увидѣлъ, что тотъ плачетъ, и когда онъ спросилъ о причинѣ, архіепископъ отвѣтилъ: „Вы только-что видѣли несчастнѣйшаго человѣка въ мірѣ, но предупреждаю васъ, никогда не спрашивайте меня, отчего онъ несчастливъ". Свѣтъ такъ и не узналъ тайны Свифта. Одно время разсчитывали найти какія-нибудь разъясненія въ бумагахъ архіепископа; пересмотрѣли ихъ, но ничего не нашли; въ семьѣ-же архіепископа существуетъ преданіе, будто какъ-то разъ онъ сказалъ, что тайна Свифта

умретъ вмѣстѣ съ нимъ. Делани подозрѣвалъ одно время, что Свифтъ и Стелла были незаконными дѣтьми сэра Вилльяма Темпля и что родство ихъ обнаружилось уже послѣ того, какъ они обвѣнчались. Но эта догадка давно всѣми оставлена, ибо есть положительныя доказательства, что такого родства не существовало. Но въ чемъ бы ни заключались препятствія, мѣшавшія сближенію Свифта со Стеллой, во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что и послѣ свадьбы они никогда не встрѣчались иначе, какъ въ присутствіи третьяго лица.

Съ грустью должны мы прибавить, что Свифтъ послѣ женитьбы продолжалъ поддерживать интимныя отношенія съ миссъ Вангомрай. Она поселилась въ очень красивой и романтической мѣстности близъ Сельбриджа, гдѣ, если вѣрить разсказамъ мѣстныхъ жителей, дошедшимъ до нихъ по преданію, вела очень уединенную и печальную жизнь: говорятъ, ее никогда не видѣли улыбающеюся, кромѣ тѣхъ дней, когда къ ней пріѣзжалъ Свифтъ. Отъ тамошнихъ крестьянъ и теперь еще можно услышать много разсказовъ о ея добротѣ и благотворительности; что-же касается декана, то его память далеко не популярна въ окрестностяхъ Сельбриджа.

Должно быть, около этого времени были задуманы „Путешествія Гулливера“, долженствовавшія составить часть сатиры на искаженіе науки, — сатиры, которую предполагали написать сообща Свифтъ, Арбутнотъ и Попъ. Насколько можно прослѣдить мысль автора по нѣкоторымъ намекамъ, разбросаннымъ въ его письмáхъ къ Ванессѣ и въ ея письмахъ къ нему, „Путешествія Гулливера“ по первоначальному замыслу должны были ограничиться осмѣяніемъ преувеличеній, въ которыя такъ часто впадаютъ путешественники, описывая свои приключенія. Надо полагать, что „Робинзонъ Крузо“, пользовавшійся огромной популярностью, подалъ Свифту мысль измѣнить задуманный имъ типъ Гулливера и изъ чопорнаго философа, какимъ онъ хотѣлъ было его изобразить, передѣлать его въ грубаго моряка. Дунлопъ, въ своемъ ученомъ трудѣ „Исторія вымысла“, старательно подчеркиваетъ черты сходства между Гулливеромъ и Крузо и устанавливаетъ большую вѣроятность того, что это сходство не случайно.

Въ 1720 году Свифтъ оставилъ всѣ свои занятія и развлеченія, чтобы еще разъ выступить бойцомъ на политической аренѣ. Въ ту пору Ирландія была несчастнѣйшей страной въ Европѣ. Въ періодъ гражданскихъ смутъ ея родовая аристократія и земельные собственники подверглись изгнанію и были замѣщены англійскими выходцами, потомками кромвелевскихъ солдатъ, дер-

жавшихся въ своихъ новыхъ помѣстьяхъ единственно покровительствомъ англійскаго парламента и англійскихъ войскъ. Чтобы купить эту поддержку, они были вынуждены пожертвовать благосостояніемъ своей пріемной отчизны коммерческимъ расчетамъ Англіи, хотя уплачивали долгъ неохотно и выступили-бы съ открытымъ протестомъ, если-бы смѣли. Но партія правящей власти въ Ирландіи, имѣвшей своими представителями англичанъ-протестантовъ, была сравнительно невелика и находилась въ полной зависимости отъ Англіи, поддерживавшей ее противъ громаднаго большинства. Народъ смотрѣлъ на этихъ пришлецовъ, какъ на узурпаторовъ, завладѣвшихъ землями старинныхъ ирландскихъ фамилій, и ненавидѣлъ ихъ за это и за ихъ протестантскую вѣру. Дѣйствуя отчасти подъ давленіемъ англійскаго парламента, Вильгельмъ III-й старался убить въ Ирландіи шерстяную мануфактуру, которая достигла тамъ значительной степени процвѣтанія. Имѣя въ виду эту цѣль, онъ предложилъ ирландскому парламенту провести законы, которые содѣйствовали-бы развитію въ странѣ пеньковой и льняной мануфактуры и ограничивали-бы производство шерстяныхъ издѣлій. Согласно этому предложенію, въ январѣ 1698 года въ ирландскомъ парламентѣ прошелъ законодательный актъ, по которому всѣ шерстяныя издѣлія, кромѣ байки, облагались очень высокимъ добавочнымъ налогомъ, что было равносильно запрещенію ихъ производства. Но и это не удовлетворило манію монополіи, обуявшую англійскій парламентъ. Верхняя и нижняя палаты подали королю соединенный адресъ объ ограниченіи ирландской шерстяной мануфактуры, на который король отвѣтилъ слѣдующими достопамятными словами:

„Милорды и джентльмены!

Желая споспѣшествовать процвѣтанію англійской торговли, я сдѣлаю все, что въ моей власти, для сокращенія шерстяного производства въ Ирландіи и для поощренія ея полотняныхъ мануфактуръ. Іюля 2-го 1698 г.“

Обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ въ томъ, что касалось поощренія полотняныхъ мануфактуръ, но зато относительно ограниченія шерстяного производства оно было выполнено буквально. Въ 1699 году англійскій парламентъ запретилъ вывозъ изъ Ирландіи всѣхъ шерстяныхъ, а равно и содержащихъ примѣсь шерсти тканей во всѣ мѣста за исключеніемъ южной Англіи, да даже и въ южную Англію вывозъ допускался съ такими ограниченіями и былъ обложенъ такими высокими пошлинами, что это разрѣшеніе сводилось на нѣтъ. Соблюденіе этихъ запретительныхъ законовъ обезпечивалось принудительными мѣрами, равно несовмѣстимыми какъ съ законодательной независимостью

Ирландіи, такъ и съ принципами англійской конституціи. За нарушеніе ихъ виновный подвергался конфискаціи имущества, тюремному заключенію или ссылкѣ. Мало того: онъ былъ лишенъ преимущества праваго суда. Пусть даже ирландскій судъ оправдалъ его съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей,—это еще ничего не значило: его могли перевезти въ Англію, а тамъ его судили присяжные другой національности; тамъ онъ не могъ даже представить свидѣтелей, которые показали-бы въ его пользу, и, оторванный отъ родины и друзей, не имѣлъ, можетъ быть, никакихъ средствъ къ существованію.

Всеобщее бѣдствіе было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой системы управленія, и Свифтъ смѣло выступилъ противъ нея, напечатавъ памфлетъ, въ которомъ совѣтовалъ ирландцамъ отказаться отъ употребленія англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій и носить одежду изъ тканей исключительно національнаго производства. Предержащія власти всполошились; памфлетъ былъ объявленъ подстрекающимъ къ мятежу; хозяинъ напечатавшей его типографіи Ватерсъ былъ арестованъ и привлеченъ къ суду. Главный судья Уитшедъ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ сторонниковъ правительственной партіи, когда-либо засѣдавшихъ въ ирландскомъ судѣ, передалъ дѣло на разсмотрѣніе присяжныхъ и, приложивъ руку къ сердцу, торжественно объявилъ, что авторъ памфлета имѣлъ заднюю мысль возбудить агитацію въ пользу претендента. Когда-же присяжные вынесли оправдательный приговоръ, онъ девять разъ отсылалъ ихъ въ совѣщательную комнату, пока не измучилъ до того, что они составили чрезвычайный вердиктъ о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе судей. Сотоварищи Уитшеда не рѣшались привести въ дѣйствіе этотъ вердиктъ, и докучное дѣло откладывалось съ сессіи на сессію, пока, наконецъ, въ періодъ намѣстничества герцога Графтона не закончилось.

Противузаконныя дѣйствія правительства имѣли послѣдствіемъ только то, что Свифтъ пріобрѣлъ необыкновенную популярность. Онъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ въ Ирландіи, имъ восхищались во всѣхъ слояхъ общества, кругъ его близкихъ друзей очень расширился; словомъ, онъ вполнѣ вкусилъ сладость поклоненія. Но онъ не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться пріобрѣтеннымъ вліяніемъ: все его время проходило въ пустой болтовнѣ, въ остроумныхъ и веселыхъ бесѣдахъ съ Шериданомъ, Делани и другими его почитателями, изъ которыхъ немногіе были выше посредственности. А въ это время судьба готовила ему тяжелый ударъ. Въ 1723 году миссъ Вангомрай настойчиво приступила къ нему съ требованіемъ немедленно съ ней обвѣнчаться, такъ-что онъ вынужденъ былъ сознаться, что уже обвѣнчанъ со Стеллой.

Несчастная Ванесса была сражена этимъ извѣстіемъ; горе свело ее въ преждевременную могилу. Передъ смертью она уничтожила завѣщаніе, которое составила было въ пользу декана, и написала другое. Въ этомъ второмъ завѣщаніи она между прочимъ поручала своимъ душеприказчикамъ издать, во-первыхъ, поэму „Каденусъ и Ванесса", въ которой Свифтъ описываетъ ихъ любовь, во-вторыхъ, нѣкоторыя изъ самыхъ страстныхъ его писемъ къ ней. Непріятная обязанность быть исполнителемъ ея мщенія выпала на долю епископа Берклея, одного изъ ближайшихъ друзей Свифта. Епископъ издалъ поэму, какъ это ему ни претило, но напечатать письма не рѣшился по причинамъ, понятнымъ всякому, кто читалъ ту часть этой переписки, которая была напечатана впослѣдствіи.

Появленіе поэмы въ печати какъ громомъ поразило Свифта и Стеллу. Деканъ уѣхалъ на два мѣсяца; онъ рѣшилъ проѣздиться по южной Ирландіи, чтобы хоть немного разогнать свои тяжелыя мысли и въ то-же время дать улечься злословію. Стелла отправилась погостить къ своей пріятельницѣ въ деревню, гдѣ къ ней скоро вернулось ея обычное душевное равновѣсіе.

Говорятъ, что въ одну изъ своихъ періодическихъ поѣздокъ въ Англію Свифтъ посѣтилъ сэра Роберта Вальполя и предлагалъ ему свои услуги. Во время бесѣды съ министромъ онъ между прочимъ показалъ рукой на плющъ и сказалъ: „Я—какъ этотъ плющъ: я тоже нуждаюсь въ поддержкѣ".—„Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ вы уцѣпились за падающую стѣну"? былъ остроумный отвѣтъ. Деканъ понялъ, что тутъ ему нечего взять, и распростился, но съ этого дня навсегда возненавидѣлъ Вальполя. Въ характеристикѣ Флимнапа (*Путешествіе въ страну Лилипутовъ*) нетрудно признать нѣкоторыя черты тогдашняго премьера. Надо, однако, отдать справедливость Вальполю: читая „Путешествія Гулливера", онъ смѣялся нисколько не меньше другихъ.

Въ 1724 году въ Ирландіи поднялся общій ропотъ на недостатокъ въ обращеніи мѣдной монеты. Чтобы помочь горю, правительство выдало одному изъ вольвергемптонскихъ заводчиковъ, нѣкоему Вуду, патентъ на право отчеканить для Ирландскаго королевства на сто восемьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ мѣдной монеты въ видѣ полупенсовъ и фартинговъ. Но выпущенная Вудомъ мѣдь оказалась изъ низкопробнаго металла. Тогда Свифтъ напечаталъ подъ псевдонимомъ „Суконщикъ" (Drapier) цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ доказывалъ, какъ нелѣпо принимать такія деньги и какое зло можетъ произойти отъ обмѣна золота и серебра на мѣдную монету, которая не стоитъ и третьей части своей номинальной цѣнности. Вся нація пришла въ волне-

ніе; ирландскій парламентъ и большинство мѣстныхъ корпорацій вотировали адресы противъ патента. Главный судъ Дублинскаго графства объявилъ врагомъ отечества всякаго, кто будетъ пускать въ обращеніе новую монету. Это рѣшеніе было скрѣплено и провинціальными съѣздами судей. Англійскій тайный совѣтъ напечаталъ докладъ, въ которомъ отстаивалъ безвредность новой монеты, и строго осуждалъ адресъ ирландскаго парламента. Но общій ропотъ противъ новой монеты былъ слишкомъ силенъ и раздавался настолько повсемѣстно, что нельзя было имъ пренебречь. По совѣту архіепископа Баультера въ слѣдующемъ году патентъ былъ уничтоженъ.

Каковы-бы ни были побужденія Свифта въ этой исторіи—а въ чистотѣ ихъ есть основанія сомнѣваться,—во всякомъ случаѣ остается безспорнымъ, что на этотъ разъ онъ сдѣлалъ полезное дѣло—не тѣмъ, что заставилъ отобрать у Вуда патентъ, отъ котораго въ сущности не было никакого вреда для страны, а тѣмъ, что показалъ ирландцамъ, чего они могутъ достигнуть, если отодвинутъ на второй планъ борьбу политическихъ партій и удѣлятъ побольше вниманія обще-національнымъ интересамъ.

„Письма“ Суконщика надѣлали правительству серьезныхъ хлопотъ. Правительственнымъ указомъ было обѣщано триста фунтовъ награды за открытіе автора „Писемъ“. Хозяинъ напечатавшей ихъ типографіи Гардингъ былъ арестованъ; впрочемъ, главный судъ оставилъ безъ послѣдствій преслѣдованіе, возбужденное противъ него. Свифтъ ѣздилъ къ лорду намѣстнику Картерету—человѣку, извѣстному своею благовоспитанностью и либеральнымъ образомъ мыслей,—и жаловался ему на слишкомъ строгія мѣры, къ которымъ прибѣгаетъ правительство, на что Картеретъ весьма находчиво отвѣтилъ ему цитатой изъ Виргилія:

Res durae et regni novitas me talia cogunt moliri.

(Важныя дѣла и новизна положенія дѣлаютъ меня снисходительнымъ въ столь многомъ).

Точно злой рокъ преслѣдовалъ Свифта: какъ только жизнь его становилась особенно богата радостями удовлетвореннаго самолюбія, надъ нимъ разражалась какая-нибудь напасть со стороны семейныхъ его дѣлъ. Такъ было и теперь: какъ разъ въ то время, когда популярность „Суконщика“ достигла своего апогея, Стелла опасно занемогла. Когда съ ней случился первый приступъ болѣзни, деканъ былъ въ Англіи, откуда собирался проѣхать во Францію къ лорду Болингброку, который жилъ тамъ въ изгнаніи. Получивъ роковое извѣстіе, онъ воротился въ Ирландію, и, благодаря его присутствію, въ здоровьѣ Стеллы на время произошло

улучшеніе. Тогда онъ опять уѣхалъ въ Англію, гдѣ въ компаніи съ Попомъ издалъ три тома *Miscellanies* (смѣсь).

Въ 1727 году появились въ печати *„Путешествія Гулливера“*. Съ перваго-же своего появленія эта книга вызвала такой восторгъ и столько искренняго смѣха, что популярность ея сразу упрочилась. Нѣкоторые изъ современныхъ Свифту критиковъ упрекали его въ подражаніи Дефо; этотъ упрекъ часто высказывался и потомъ. Безъ сомнѣнія, можно найти не одну черту поразительнаго сходства между великими вымыслами этихъ двухъ писателей, особенно въ томъ впечатлѣніи правды, какое придаетъ разсказу обоихъ описаніе мельчайшихъ деталей, на первый взглядъ ничтожныхъ. Но въ то время, какъ Дефо ограничивается одной фабулой, романическими приключеніями своего героя, Свифтъ задается болѣе высокими цѣлями философской сатиры, а на событія разсказа смотритъ, какъ на второстепенный элементъ.

Изъ иностранныхъ критиковъ многіе высказывали удивленіе по поводу того, что въ *„Путешествіяхъ Гулливера“* не встрѣчается ни одного намека на Дефо и его сочиненія. Но дѣло въ томъ, что въ „Путешествіяхъ Гулливера“ нѣтъ такого мѣста, гдѣ ссылка на Дефо являлась-бы необходимой или даже просто полезной; а если бы и такъ, то не слѣдуетъ забывать, что Свифтъ и Дефо въ борьбѣ политическихъ партій стояли на двухъ противуположныхъ полюсахъ, а въ Англіи справедливость къ политическому противнику есть явленіе въ высшей степени рѣдкое и всегда сопряженное съ большимъ рискомъ. Да даже и теперь: попробуй какой-нибудь тори притти въ восхищеніе отъ остроумія лирическихъ стихотвореній Мура,—въ его лагерѣ подымется гвалтъ, его единомышленники обзовутъ его дезертиромъ, или обратно: стоитъ вигу отдать должную дань уваженія Соути, и всѣ станутъ съ увѣренностью ожидать, что онъ не замедлитъ записаться въ члены Карльтонскаго клуба. А во времена Свифта политическія партіи сражались не на животъ, а на смерть. Оксфордъ и Орфордъ и сторонники того и другого смотрѣли на своихъ противниковъ не какъ на оппонентовъ, которыхъ было-бы желательно переубѣдить, а какъ на враговъ, подлежащихъ истребленію. Такой взглядъ на вещи былъ въ Англіи очень долго источникомъ глубокой нравственной порчи.

III.

„Путешествія Гулливера“ были напечатаны уже по возвращеніи Свифта въ Ирландію. Свифтъ вообще любилъ таинственность, и книга появилась безъ имени автора, такъ сказать, окруженная

тайной, которую даже ближайшіе друзья декана считали себя обязанными уважать. Попъ, Арбутнотъ и Гей такъ далеко зашли въ своемъ желаніи исполнить этотъ капризъ своего друга, что даже въ письмахъ говорили тономъ сомнѣнія о томъ, кто можетъ быть авторомъ вновь вышедшей книги, хотя двое первыхъ уже во всякомъ случаѣ должны были знать, что „Путешествія Гулливера" были задуманы очень давно. Впрочемъ, такая скрытность Свифта, которую намъ въ наше время довольно трудно себѣ объяснить, имѣла свои основанія: Вальполь былъ такъ обозленъ на автора писемъ „Суконщика", что угрожалъ ему арестомъ; ирландцы сформировали даже отряды добровольцевъ, чтобы защищать декана, и министръ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе только благодаря одному благоразумному пріятелю, который отговорилъ его отъ этого тѣмъ, что спросилъ, можетъ-ли онъ располагать десятью тысячами вооруженныхъ людей, чтобы конвоировать чиновника, когда тотъ отправится арестовывать Свифта. При такихъ обстоятельствахъ появленіе книги, наполненной новыми и еще болѣе язвительными нападками на администрацію, легко могло пробудить только-что усыпленную мстительность премьера, а недавнее обвиненіе епископа Аттербюри показало, что Вальполь не остановится даже передъ такими средствами, какъ перехватываніе писемъ.

Немногія литературныя произведенія при первомъ своемъ появленіи имѣли такой громадный успѣхъ, какъ „Путешествія Гулливера", и еще меньше было такихъ, которыя потомство оцѣнило-бы такъ справедливо. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ главныхъ достоинствъ этой книги, но не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ на нее смотрѣли ея современники.

„Путешествіе къ лиллипутамъ" есть характеристика политики англійскаго двора въ царствованіе Георга 1-го. Свифтъ и его единомышленники были убѣждены, что въ Утрехтскомъ трактатѣ — спасеніе Великобританіи, что онъ, и только онъ одинъ, обезпечилъ англичанамъ господство на морѣ, отнявъ у Франціи всякую возможность соперничать съ ними. Поэтому на опалу Оксфорда и на изгнаніе Болингброка они смотрѣли, какъ на актъ крупной общественной несправедливости, приписывая ее главнымъ образомъ завистливому честолюбію Вальполя, котораго Свифтъ и заклеймилъ въ лицѣ Флимнапа. У Вальполя было много враговъ, даже между людьми, бывшими по имени вигами и причислявшими себя къ сторонникамъ принца Валлійскаго. Эти люди, понимая, что сами по себѣ они не могутъ сформировать министерства, помышляли о соединеніи съ торіями или, какъ они ихъ на-

зывали, съ партіей деревенскихъ джентльменовъ. Они надѣялись (выражаясь языкомъ того времени) „построить министерство на широкомъ фундаментѣ“, находили, что разногласія между вигами и торіями принципіально ничтожны,—не важнѣе разногласій между *высоко* и *низко-каблучниками* у лиллипутовъ,—и на возраженія по поводу разности во взглядахъ на религіозные вопросы отвѣчали, что распря между католической и англиканской церквями не серьезнѣе того спора, который вели между собой сторонники *тупого* и *остраго конца*. Проекты возсоединенія двухъ церквей или чего-то въ такомъ родѣ были не рѣдкостью въ ту эпоху, и временный успѣхъ агитаціи въ такомъ направленіи казался далеко не безнадежнымъ. Принцъ Валлійскій, впослѣдствіи Георгъ II-й, по общему мнѣнію, былъ не противъ сліянія партій, на что и намекаетъ Свифтъ въ „Путешествіи къ лиллипутамъ“, когда говоритъ, что у наслѣдника престола одинъ каблукъ былъ выше другого. Всѣ эти планы, ожиданія и надежды не сбылись; но въ то время, когда появились „Путешествія Гулливера“, они сильно занимали всѣ политическіе кружки, и вся нація ожидала отъ ихъ осуществленія великихъ и благихъ послѣдствій. Такимъ образомъ политическія мнѣнія, проводимыя въ „Путешествіи къ лиллипутамъ“ были чрезвычайно популярны: они пришлись по шерсти и всему лагерю торіевъ, и недовольной партіи виговъ, и массамъ—толпѣ, которая во всякой странѣ жаждетъ утопическихъ благъ просто какъ перемѣны.

Въ „Путешествіи къ бробдиньягамъ“ сатира пріобрѣтаетъ болѣе широкій захватъ; здѣсь объектомъ ея нападокъ являются уже не партійныя распри, а общая политическая система. Подобно Болингброку Свифтъ пытается создать идеальный типъ короля-патріота и раціональную систему управленія. Фабула весьма удачно приноровлена къ этой цѣли: съ замѣчательнымъ мастерствомъ развиваетъ авторъ взгляды бробдиньяговъ на наши придворные нравы; именно такъ должны-бы были смотрѣть на интриги и скандалы европейскихъ дворовъ существа съ созерцательнымъ, философскимъ складомъ ума и надѣленныя сверхъ того колоссальною силой. Это точка зрѣнія человѣка, наблюдающаго ссоры и драки муравьевъ въ муравейникѣ, или самого Гулливера, подвергающаго критической оцѣнкѣ придворную жизнь у лиллипутовъ. Въ „Путешествіи къ бробдиньягамъ“ проводятся тѣ самые политическіе принципы, которые поддерживала въ парламентѣ партія торіевъ. Вслѣдствіе неполноты парламентскихъ отчетовъ того времени и обвиненій въ якобитствѣ, которыми застращивали вожаки вигской партіи своихъ оппонентовъ, до насъ дошли лишь очень неточные образчики краснорѣчія Шиппена, Виндгама, Сентъ

Обина и др.; но даже и по этимъ уцѣлѣвшимъ отрывкамъ можно сказать, что торіи въ царствованіе Георга 1-го были партіей въ высокой степени почтенной по своему нравственному облику, по талантамъ и по безстрашію, съ какимъ они стояли за свои принципы.

Чрезвычайно удачно задуманъ также контрастъ между положеніемъ Гулливера у лиллипутовъ и у бробдиньяговъ: онъ особенно сильно подчеркиваетъ расширеніе поля сатиры во второмъ, случаѣ. Единственное мѣсто въ „Путешествіи къ бробдиньягамъ", гдѣ сатира оказывается направленной на частное явленіе, это тогдѣ говорится о фрейлинахъ, къ которымъ, по свидѣтельству Делани, Свифтъ не питалъ большого почтенія. Оно и понятно: вліянію придворныхъ дамъ Свифтъ приписывалъ то обстоятельство, что архіепископу Шарпу удалось не допустить его занять мѣсто на епископской скамьѣ, и онъ подозрѣвалъ, что, несмотря на всю его лесть, леди Машамъ меньше всего хлопотала о томъ, чтобы примирить съ нимъ королеву Анну и расположить ее въ его пользу.

При первомъ появленіи въ печати „Путешествій Гулливера" „Путешествіе въ Лапуту" понравилось меньше двухъ предыдущихъ, потому-что было менѣе понятно для современниковъ. Описывая образъ жизни и занятія обитателей Летучаго острова, авторъ имѣлъ въ виду осмѣять дѣятельность Королевскаго Общества, которому еще и раньше сильно досталось отъ автора *Гудибраса*. Деканъ былъ раздраженъ на сэра Исаака Ньютона за то, что тотъ, въ качествѣ управляющаго монетнымъ дворомъ, высказался въ пользу Вудовской мѣдной монеты, и весьма вѣроятно, что всѣмъ извѣстная разсѣянность знаменитаго ученаго подала ему оригинальную мысль ввести въ свой разсказъ *хлопушниковъ*—тѣхъ слугъ лапутинцевъ, что ходятъ за ними по пятамъ. Свифтъ не любилъ и не понималъ музыки; по его собственнымъ словамъ, онъ не могъ отличить *до* отъ *ми*, и потому на страсть къ музыкѣ и въ особенности на повальное въ то время преклоненіе передъ Генделемъ онъ смотрѣлъ, какъ на законный объектъ для сатиры. Но если его насмѣшки надъ философами далеко не всегда были удачны, тѣмъ паче это можно сказать о его нападкахъ на музыкантовъ: онъ былъ слишкомъ большимъ невѣждой въ этой области, чтобы умѣть различать въ ней слабыя стороны, доступныя жалу сатиры. Гораздо болѣе мѣтко попадаетъ онъ въ цѣль своей *Коллегіей прожектеровъ*: въ разгаръ спекулятивной горячки, охватившей всю Англію въ періодъ южно-океанскихъ предпріятій, предлагались самые нелѣпые проекты, ничуть не уступавшіе въ этомъ отношеніи проектамъ, измышленнымъ Свифтомъ, и составлялись акціонерныя компаніи для осуществленія ихъ на практикѣ: всѣ тѣ, кто помнитъ 1825-й и 1826-й года,

не затруднятся подтвердить это примѣрами. Сцены съ привидѣніями въ Глубдубдрибѣ были признаны современной читающей публикой безусловно неудавшимися, и потомство не опровергло этого мнѣнія. Безотрадной грустью вѣетъ отъ описанія Струльдбругговъ; можно подумать, что эта картина сложилась у автора подъ вліяніемъ предчувствія его собственнаго рокового конца: въ ней сквозитъ то самое чувство, которое заставило его сказать доктору Юнгу, когда какъ-то разъ они вдвоемъ проходили мимо дуба съ засохшей вершиной: „Я какъ это дерево: я тоже начну умирать съ головы".

Наименьшимъ успѣхомъ изъ всѣхъ „Путешествій", говоря вообще, пользуется Путешествіе въ Гуингнамъ; мизантропія, которою проникнута эта часть книги, производитъ отталкивающее, почти отвратительное впечатлѣніе. Дѣйствительно, достойно жалости положеніе человѣка, который можетъ находить удовольствіе въ сатирѣ на все человѣчество. Но, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Вальтеръ Скоттъ, общественная жизнь въ Ирландіи во времена Свифта была такова, что по ней можно было составить самое низкое мнѣніе о человѣческой природѣ Что видѣлъ Свифтъ?—Кучку мелкихъ тирановъ и народъ униженныхъ, забитыхъ рабовъ. Несправедливость карательныхъ законовъ уступала развѣ только ихъ нелѣпости; казалось, правительство смотритъ на притѣсненія, какъ на игру, на забаву, превращая человѣческое страданіе въ безчеловѣчный спортъ. Но были и другія причины, способствовавшія развитію въ Свифтѣ болѣзненной наклонности къ мизантропіи: Ванесса сошла въ преждевременную могилу, Стелла готовилась послѣдовать за ней; два любящія, нѣжныя сердца сдѣлались жертвой его эгоизма; всѣ его честолюбивыя мечты рушились, и недугъ, самый ужасный изъ всѣхъ, какимъ подвержено человѣчество, уже давалъ ему знать о своемъ приближеніи. Таковы были причины мрачнаго настроенія Свифта, подъ вліяніемъ котораго сложился типъ Яу. Но какъ ни отвратительна картина, которую рисуетъ намъ авторъ, въ ней заключается важный моральный урокъ: это картина того состоянія, къ которому могло-бы притти человѣчество, если бы оно подпало вліянію грубаго невѣжества и ничѣмъ не сдерживаемыхъ страстей; торжество чувственности надъ разумомъ изображено здѣсь въ такомъ отталкивающемъ свѣтѣ, что выводъ о необходимости нравственнаго воспитанія напрашивается самъ собой. Во времена Свифта былъ цѣлый классъ разочарованныхъ политическихъ дѣятелей, которые, какъ и онъ, искали утѣшенія въ человѣконенавистничествѣ. Старинный его врагъ, герцогиня Марльборо, давно пережившая свое могущество, но до конца жизни

любившая власть, отъ всей души восхищалась типомъ Яу и говорила, что изъ всѣхъ писателей одинъ Свифтъ вполнѣ понимаетъ человѣческую натуру.

Насколько авторъ Путешествій Гулливера угодилъ своей сатирой знатокамъ и участникамъ политической жизни страны, настолько-же большая публика осталась довольна повѣствовательной частью его книги. Фигура самого Гулливера до такой степени естественна, такъ типична для англійскаго моряка той эпохи, что многіе встрѣтили его, какъ стараго знакомаго. Одинъ морякъ даже увѣрялъ, что онъ коротко зналъ капитана Гулливера, но что тотъ жилъ не въ Редрифѣ, а въ Ваппингѣ.

Слава „Гулливера“ разошлась за предѣлы Британіи, по всей Европѣ. Вольтеръ, пріѣзжавшій въ Англію около того времени, въ горячихъ выраженіяхъ рекомендовалъ книгу Свифта своимъ французскимъ друзьямъ и совѣтовалъ перевести ее на французскій языкъ. Переводъ былъ предпринятъ аббатомъ Дефонтеномъ, который, впрочемъ, не рѣшился передать подлинникъ дословно со всѣми смѣлыми сужденіями автора и передѣлалъ его, приноравливаясь къ французскому вкусу. Любопытно сравнить этотъ переводъ съ оригиналомъ; такое сравненіе не лишено и поучительности, ибо оно показываетъ на наглядномъ примѣрѣ разницу въ стилѣ и въ пріемахъ мышленія у англичанъ и у французовъ августовскаго вѣка обѣихъ литературъ. Кромѣ перевода „Путешествій Гулливера“ Дефонтенъ написалъ еще «Новаго Гулливера»—совершенно неудобочитаемую вещь. То-же можно сказать и о «Продолженіи путешествій Гулливера», появившемся на англійскомъ языкѣ. Впрочемъ, это послѣднее произведеніе, представляющее безсовѣстную поддѣлку, жалкій плагіатъ французской книжонки, которую не стоило и обкрадывать, умерло своею смертью, едва успѣвъ народиться на свѣтъ.

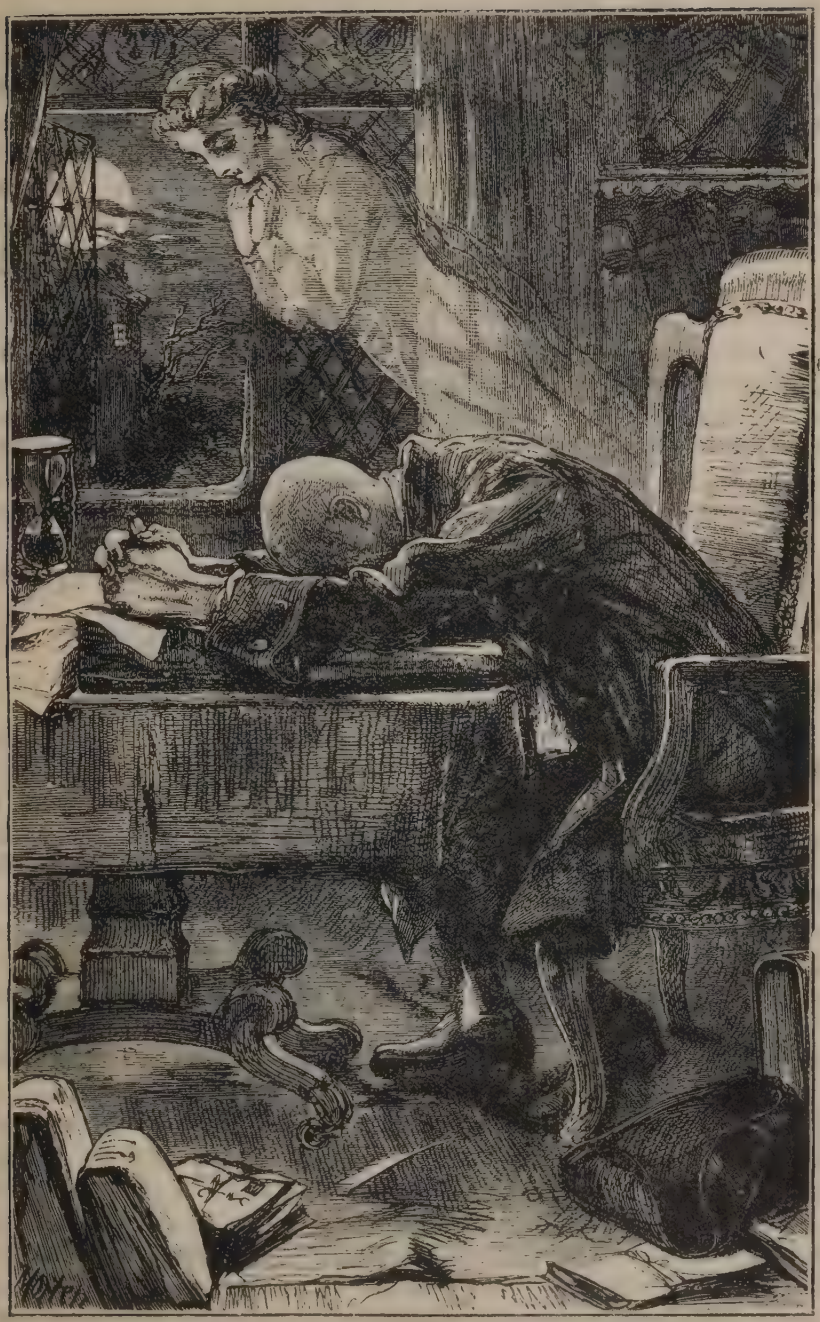
IV.

Съ появленіемъ въ печати „Путешествій Гулливера“ счастье, казалось, еще разъ улыбнулось Свифту. Его осыпáли комплиментами, поздравленіями; онъ получалъ самыя лестныя письма отъ принцессы Валлійской и отъ любовницы принца, жившихъ въ необъяснимомъ взаимномъ согласіи, такъ-что у него явилась надежда, что съ новымъ царствованіемъ для него откроется доступъ къ отличіямъ. Онъ послалъ въ подарокъ принцессѣ штуку поплина—матеріи ирландскаго производства, составлявшей въ восемнадцатомъ вѣкѣ славу и гордость ирландскаго ткацкаго станка. За это Каролина пообѣщала прислать ему коллекцію медалей,

но такъ и не прислала. Мистрисъ Говардъ, любовница принца, подарила ему кольцо, а онъ отдарилъ ее маленькой золотой коронкой, долженствовавшей изображать корону королевы лилліпутовъ. Въ этотъ счастливый для Свифта періодъ, когда, повидимому, все складывалось такъ благопріятно для него, умерла Стелла, и семейное его счастье (насколько было оно счастьемъ—это другой вопросъ) кончилось навсегда. Около того-же времени умеръ Георгъ I-й, и Георгъ II-й, ко всеобщему удивленію, оставилъ Вальполя во главѣ министерства. Свифтъ пытался удержать за собой расположеніе Каролины, но королева забыла, что обѣщала принцесса. Нѣкоторое время онъ все еще надѣялся пробиться черезъ мистрисъ Говардъ, но Георгъ II-й слушался не любовницы, а жены: король какъ будто вознаграждалъ королеву за свою супружескую невѣрность, позволяя ей распоряжаться государственными дѣлами. Деканъ наконецъ убѣдился, что всѣ его происки останутся втунѣ; онъ воротился въ Ирландію передъ самой смертью Стеллы и съ тѣхъ поръ уже ни разу не былъ въ Англіи.

Онъ продолжалъ писать; печаталъ изрѣдка памфлеты объ ирландской политикѣ, поддерживавшіе его вліяніе на общественное мнѣніе, но кругъ его личныхъ знакомыхъ съ каждымъ днемъ суживался, и къ столу его допускались лишь очень немногіе изъ людей съ независимымъ образомъ мыслей, не желавшихъ подчиняться его капризамъ и тѣшить его самомнѣніе грубой лестью. *Vive la bagatelle**) было въ то время любимымъ правиломъ его жизни; впрочемъ, и неудивительно, что пустяки сдѣлались для него необходимымъ условіемъ существованія. Эти „пустяки", наполнявшіе его дни, давали пищу уму, который не могъ оставаться празднымъ, но который болѣзнь и горе сдѣлали неспособнымъ къ серьезному труду. Его припадки головокруженія и глухоты съ годами все учащались, а въ связи съ этимъ портился и характеръ. Онъ не утратилъ еще своей тонкой наблюдательности, которою такъ хорошо сумѣлъ воспользоваться въ „Гулливерѣ" и которая поражаетъ даже въ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ, какъ напримѣръ, въ *Polite Conversation* и въ *Directions to Servants* (Наставленія слугамъ) (послѣднее было напечатано уже послѣ его смерти). Въ 1736 году, въ то время, когда онъ писалъ свой *Legion Club*, (Клубъ толпы)—ѣдкую сатиру на ирландскую палату общинъ,—съ нимъ сдѣлался такой сильный и продолжительный припадокъ головокруженія, что съ того дня онъ уже не рисковалъ болѣе работать головой. Въ 1741 году состояніе его умственныхъ способностей было таково, что пришлось назначить опеку надъ его

*) *Vive la bagatelle* Да здравствуютъ пустяки.



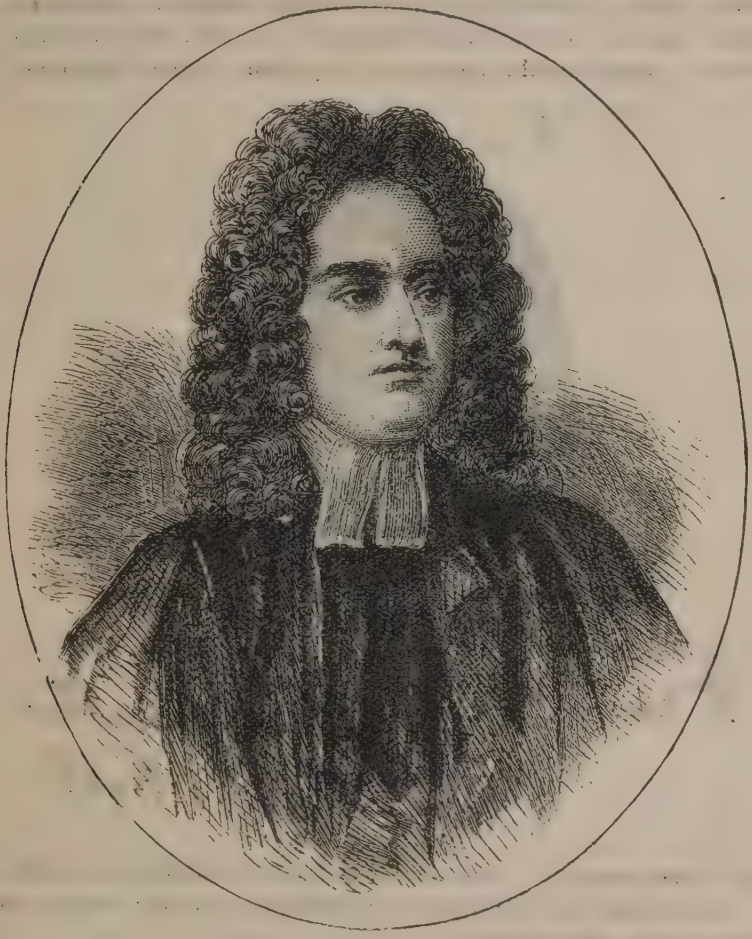
«Онъ угасъ, какъ свѣча.»

личностью и имуществомъ. Въ слѣдующемъ году наступилъ свѣтлый промежутокъ сознанія, подававшій надежду на улучшеніе; но это продолжалось недолго: черезъ нѣсколько дней больной впалъ въ летаргическое оцѣпенѣніе, пересталъ сознавать окружающее и утратилъ способность рѣчи и движенія. Ричардъ Бреннанъ, слуга, ходившій за нимъ въ его послѣдней болѣзни и закрывшій ему глаза, разсказывалъ, что до тѣхъ поръ, пока у него сохранялась способность рѣчи, онъ каждый день молился, но по мѣрѣ того, какъ память слабѣла, число прочитываемыхъ за день молитвъ все сокращалось; наконецъ, онъ могъ прочесть только молитву Господню, но продолжалъ читать ее неуклонно изо дня въ день, пока языкъ не отказался служить ему навсегда. Умеръ онъ спокойно—„угасъ, какъ свѣча“ по выраженію Бреннана. Все свое состояніе онъ завѣщалъ на устройство больницы для идіотовъ и сумасшедшихъ. Говоря его собственными словами, „небольшія средства, которыми располагалъ, онъ отдалъ на постройку дома для дураковъ и сумасшедшихъ“ то былъ сатирическій намекъ, которымъ онъ хотѣлъ показать, что „ни одна нація не нуждается въ такомъ домѣ болѣе англичанъ“.

V.

По свидѣтельству м-ра Д. М. Берклея существуетъ только четыре подлинныхъ портрета Свифта; изъ нихъ всего больше похожъ тотъ, что хранится въ деканскомъ домѣ при церкви Св. Патрика. Копія съ этого портрета украшаетъ собою столовую коллегіи Св. Троицы въ Дублинскомъ университетѣ. Она изображаетъ человѣка съ энергичнымъ лицомъ, отмѣченнымъ печатью скорби и негодованія, но не лишеннымъ доброты. Свифтъ былъ высокъ ростомъ, широкоплечъ и статенъ; цвѣтъ лица у него былъ смуглый, глаза голубые и очень выразительные, брови темныя и густыя, носъ съ небольшой горбинкой, губы съ рѣзкимъ изгибомъ, слегка приподнятыя въ уголкахъ. Въ молодости онъ считался красивымъ, да и на закатѣ дней, по мнѣнію всѣхъ его знавшихъ, отличался благородной, внушительной внѣшностью Говорилъ онъ легко и свободно и никогда не лазилъ за словомъ въ карманъ: у него на все былъ готовый отвѣтъ. Въ спорѣ онъ всегда умѣлъ дать отпоръ своему оппоненту; его нельзя было выбить изъ позиціи никакимъ, даже самымъ неожиданнымъ, нападеніемъ. Съ такимъ талантомъ къ словопреніямъ онъ былъ-бы силой въ англійской верхней палатѣ, если бы торіи дали ему мѣсто на епископской скамьѣ, ибо въ то время между высшимъ англійскимъ духовенствомъ не было никого (за исключеніемъ Аттер-

бюри), кто обладалъ-бы необходимыми данными, чтобъ отличаться въ дебатахъ. Ирландскіе намѣстники боялись языка Свифта не меньше, чѣмъ его пера; всѣ они, отъ обходительнаго Картерета до надменнаго Дорсета включительно, старались обезоружить его гнѣвъ, воскуривая фиміамъ его генію.

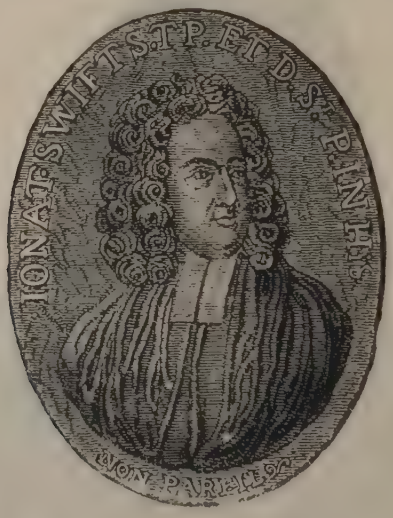


Д. Свифтъ.

Всѣ біографы Свифта много говорятъ о томъ, какъ онъ бывалъ обаятеленъ въ частной бесѣдѣ. Его оригинальный юморъ заходилъ подчасъ черезчуръ далеко и непріятно поражалъ съ перваго абцуга; но при томъ умѣньѣ имъ пользоваться, какое проявлялъ Свифтъ, когда былъ въ ударѣ, этотъ юморъ дѣлалъ

его неоцѣненнымъ собесѣдникомъ для всякаго общества. Онъ очень любилъ разсказывать анекдоты; оттѣненный нѣсколькими мастерскими штрихами его мѣткой сатиры, всякій анекдотическій разсказъ выходилъ въ его передачѣ необыкновенно забавнымъ, а благодаря его острой наблюдательности—и поучительнымъ. Любилъ онъ также каламбуры; нѣкоторые каламбуры его сочиненія и до сихъ поръ причисляются къ числу самыхъ удачныхъ.

У него былъ иногда своеобразный способъ варажаться. Такъ напримѣръ, представляя епископа Берклея лорду Берклею Страт-



тонскому, онъ сказалъ: „Милордъ, вотъ родственникъ вашей свѣтлости; онъ можетъ кое на что пригодиться, а это много значитъ по нынѣшнимъ временамъ".

Однажды, путешествуя по южной Ирландіи, онъ остановился у пересѣкавшаго дорогу ручья, чтобъ напоить свою лошадь. У того-же ручья и за такою-же надобностью остановился какой-то джентльменъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ; онъ поклонился декану, тотъ отвѣтилъ на поклонъ, и они разъѣхались. Но джентльменъ былъ такъ пораженъ наружностью Свифта, что послалъ своего слугу узнать, кто онъ такой. Посланный обратился съ этимъ во-

просомъ сначала къ слугѣ декана; но тотъ, будучи тоже оригиналомъ въ своемъ родѣ, направилъ его къ своему господину. Слуга помѣщика подъѣхалъ къ Свифту и сказалъ: „Съ вашего позволенія, сударь, не будете-ли вы такъ добры объяснить моему господину, кто вы такой?“—„Съ удовольствіемъ“ отвѣчалъ Свифтъ: „скажи своему господину, что я тотъ самый человѣкъ, который поклонился ему, когда мы съ нимъ поили лошадей вонъ у того ручья“.

Ирландская знать сильно не долюбливала Свифта: онъ безпощадно нападалъ на нее за ея хищническія замашки, въ особенности по поводу проведенія дорогъ и мостовъ. На одного лорда онъ сочинилъ слѣдующую эпиграмму:

So great was his bounty,
He crested a bridge at the cost of the county.

(Его щедрость была такъ велика, что онъ построилъ мостъ на счетъ графства).

Другого онъ съ неменьшимъ остроуміемъ и мѣткостью доканалъ, переведя его девизъ *Eques haud malè notus*—словами: „Болѣе извѣстный, чѣмъ достойный довѣрія“. Девизъ на гербѣ главнаго судьи Уитшеда тоже послужилъ для него предметомъ ядовитой эпиграммы:

Libertas et natale solum —
Fine words! I wonder where you stole'em,
Could nothing but your chief reproach
Serve for the motto of your coach.

(*Свобода и родная земля*—прекрасныя слова! Хотѣлъ-бы я знать, гдѣ вы ихъ выкрали. Самый позорный изъ произнесенныхъ вами приговоровъ—вотъ единственный девизъ, какой можно написать на гербѣ вашей кареты).

Свифтъ отличался необыкновенной способностью подбирать рифмы экспромтомъ. Одному содержателю гостиницы подъ вывѣской *Колокола* вздумалось украсить эту вывѣску еще однимъ изображеніемъ въ видѣ королевской головы; но чтобы согласовать два столь несовмѣстимыя изображенія, нужна была пояснительная надпись, и Свифтъ предложилъ написать:

May the king live long,
Dong ding, ding-dong.

(Многая лѣта королю! Донгъ-дингъ, дингъ-донгъ.).

Письма „Суконщика“ создали Свифту такую популярность среди дублинскаго населенія, что, когда онъ показывался на улицѣ, за нимъ ходила толпа. Онъ часто говорилъ, что ирландцы должны бы составить подписку на покупку для него запаса шляпъ, по-

тому-что его шляпа совсѣмъ износилась настолько поклоновъ ему приходится отвѣчать.

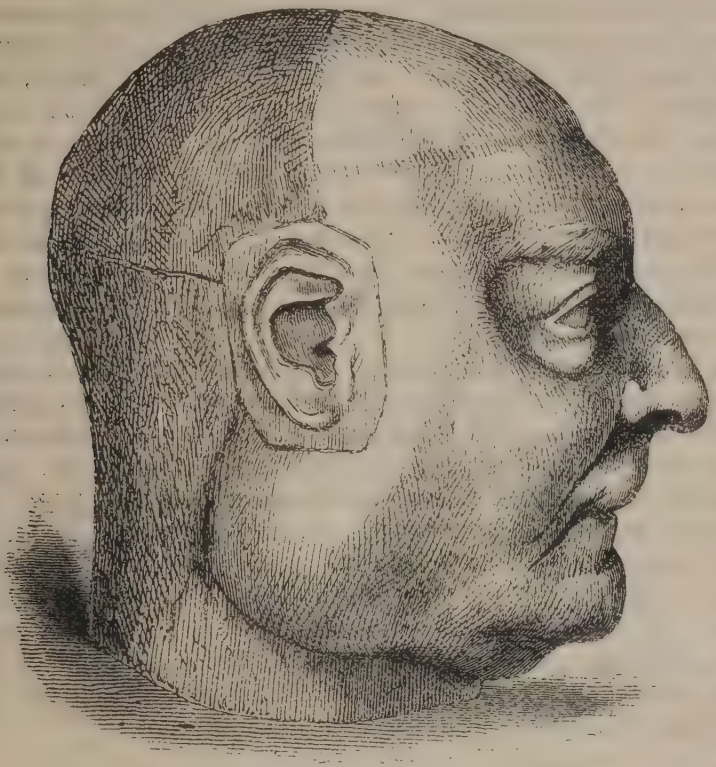
Ходитъ много апокрифическихъ разсказовъ о томъ, какъ онъ бесѣдовалъ на уличномъ жаргонѣ съ дублинскими нищими и чистильщиками сапоговъ (эта порода людей, какъ извѣстно, славится своею находчивостью въ репликахъ). Но со Свифтомъ случилось то-же, что и со многими другими знаменитыми остряками: ему стали приписывать всѣ шутки и острыя словца, бывшія въ ходу въ его время, независимо отъ того, была-ли острота удачна или нѣтъ, а между тѣмъ нельзя не сознаться, что лишь немногія изъ этихъ остротъ, дошедшихъ до насъ по преданію, стоятъ того, чтобы ихъ повторять.

Въ Свифтовскихъ эпиграммахъ и каламбурахъ виденъ быстрый и насмѣшливый умъ. Не было человѣка, который умѣлъ-бы вѣрнѣе его обезсмертить врага злой насмѣшкой. Разъ непріятель попадался ему на зубокъ, имя несчастнаго, какъ-бы плохо оно ни поддавалось рифмовкѣ, „втискивалось въ стихи и припечатывалось рифмой“ къ позорному столбу на посмѣшище грядущимъ поколѣніямъ. Лучшимъ образчикомъ мастерства Свифта въ этомъ родѣ сатиры можетъ служить эпиграмма на Вистона и Диттона, которую, впрочемъ, невозможно здѣсь привести. Второе мѣсто принадлежитъ, по нашему мнѣнію, четверостишію на Бетсворта, ученаго юриста, возстановившаго Свифта противъ себя нападками на привилегіи духовенства.

По поводу этого четверостишія вышелъ уморительный казусъ. Надо замѣтить, что оно составляетъ часть цѣлой поэмы. Когда эта поэма была напечатана въ первый разъ, одинъ ея оттискъ прямо изъ типографіи принесли въ компанію, гдѣ въ числѣ собесѣдниковъ находился и Бетсвортъ. Его попросили прочесть стихи вслухъ, и, когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ авторъ издѣвается надъ нимъ, онъ вскочилъ на ноги и поклялся жестоко ему отомстить. Не откладывая въ долгій ящикъ, почтенный сержантъ *) бросился въ домъ декана, силой ворвался къ хозяину и объявилъ: „Сэръ, я—сержантъ Бетсвортъ“.—„Какого полка, позвольте узнать?“ спросилъ деканъ съ невиннымъ лицомъ. Разсвирѣпѣвъ еще больше, Бетсвортъ продолжалъ: „Вы авторъ этого пасквиля?“ Тогда Свифтъ отвѣчалъ съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ: „Господинъ Бетсвортъ! Во дни моей юности я былъ знакомъ со многими юристами, великими знатоками своего дѣла, и всѣ они, зная мою наклонность къ сатирѣ, совѣтовали мнѣ безъ церемоніи отречься отъ авторства, если когда-

*) *Sergeant* — *сержантъ*, а также *докторъ правъ*.

нибудь осмѣянный мною негодяй или олухъ задастъ мнѣ вопросъ въ такомъ родѣ, какъ сейчасъ задали вы; поэтому я говорю вамъ:



Снимокъ съ головы Свифта послѣ его смерти.

Снимокъ съ внутренней стороны черепа Свифта

не я авторъ этихъ стиховъ". Бетсвортъ вышелъ изъ себя; нс сколько онъ ни кричалъ, а такъ и не добился болѣе удовлетворительнаго объясненія. Наконецъ онъ ушелъ, сказавъ на прощанье: „Господинъ деканъ! Вы—тотъ-же Яу, измышленный вашей фантазіей: вы взобрались на безопасное мѣсто и, пользуясь этимъ, тѣшите вашу мстительность, забрасывая грязью людей, которые лучше васъ". Но и послѣ этого Бетсвортъ не унялся: онъ продолжалъ угрожать Свифту своей местью и божился на всѣхъ перекрестkахъ, что поколотитъ его. Тогда прихожане св. Патрика составили ассоціацію для защиты декана, и кончилось тѣмъ, что злополучный докторъ правъ не смѣлъ показаться на улицу. Впослѣдствіи онъ заявлялъ въ парламентѣ, что эпиграмма Свифта уменьшила его годовой доходъ на тысячу двѣсти слишкомъ фунтовъ стерлинговъ.

Эпиграмма была послѣднимъ произведеніемъ, вылившимся изъ подъ пера Свифта,—почти послѣднимъ проявленіемъ сознательной работы его ума. Въ одинъ изъ краткихъ свѣтлыхъ промежутковъ его болѣзни докторъ повезъ его прокатиться. Когда они проѣзжали по парку, Свифтъ замѣтилъ новую постройку, которой раньше не видалъ, и спросилъ, что это за зданіе. „Это складъ ружей и пороху, г-нъ деканъ, на случай, если-бы понадобилось защищать городъ", отвѣчалъ докторъ. „А—а, надо записать, это стоитъ того", сказалъ деканъ, вынимая изъ кармана записную книжку. „Гдѣ мои замѣтки?", какъ говоритъ Гамлетъ: „Я долженъ записать въ нихъ...". И въ записной книжкѣ появились слѣдующія строки, послѣднія изъ написанныхъ имъ:

Behold a proof of Irish sense!
Here Irish wit is seen!
When nothing's left that's worth defence,
We build a magazine.

(Вотъ доказательство ирландскаго здраваго смысла: какъ въ этомъ виденъ нашъ ирландскій умъ! Когда ничего уже не осталось, что стоило-бы защищать, мы строимъ оружейный складъ).

Когда пытаются охарактеризовать литературную физіономію Свифта, главную трудность задачи составляетъ вопросъ: какимъ изъяномъ интеллекта объяснить всегда отличавшую Свифта наклонность къ грязнымъ мыслямъ, къ омерзительнымъ образамъ, отъ которыхъ гадливо отворачивается всякій здоровый умъ? „Представленія о пріятномъ, даже когда они преступны, могутъ дѣйствовать на воображеніе, возбуждать фантазію", говоритъ докторъ Джонсонъ. „но что имѣютъ въ себѣ такого болѣзнь, уродство и грязь, на чемъ могла-бы подолгу останавливаться мысль?" Не-

легко на это отвѣтить. Извѣстно, однако, что врачами была неоднократно констатирована связь между такого рода болѣзненнымъ извращеніемъ интеллекта и физіологическими дефектами организма. Уклоненіе нравственнаго чувства съ прямого пути было, повидимому, органическимъ порокомъ Свифта: оно сказывается не только въ позднѣйшихъ, но и въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ. Но особенно рѣзко заявляетъ оно о себѣ съ того времени, когда начинаютъ обнаруживаться симптомы его послѣдняго рокового недуга.

Немногіе изъ писателей, посвятившихъ себя политическимъ вопросамъ, могутъ похвастаться такимъ успѣхомъ, какъ Свифтъ. Онъ убилъ популярность виговъ въ царствованіе королевы Анны и нѣкоторое время былъ руководителемъ общественнаго мнѣнія въ Англіи. Въ послѣдующее царствованіе онъ сдѣлался трибуномъ ирландскаго народа, его диктаторомъ въ политическихъ дѣлахъ. Поддерживаемый лишь угнетенными народными массами, онъ бросилъ вызовъ престолу, суду и парламенту „и доказалъ, что умъ, когда онъ идетъ рука объ руку съ истиной, — такая сила, которой не можетъ противиться власть". Говоря словами доктора Джонсона, Свифтъ „справедливо сказалъ о себѣ, что *Ирландія—его должница*. Съ того момента, когда онъ взялъ Ирландію подъ свое покровительство, надо считать начало обогащенія и процвѣтанія этой страны. Онъ научилъ ирландцевъ понимать свои интересы, свое значеніе и силу, вдохнулъ въ нихъ смѣлость отстаивать въ борьбѣ съ ихъ соотчичами англичанами свое равенство, къ которому съ тѣхъ поръ они приближались быстрыми шагами, и требовать правъ, которыхъ они, наконецъ, и добились. И ирландцевъ нельзя упрекнуть въ неблагодарности къ ихъ благодѣтелю: они глубоко его чтили, какъ защитника своихъ интересовъ, и повиновались ему, какъ диктатору".

Память Свифта и по сей день чтятъ въ Ирландіи, особенно въ Дублинѣ. Люди всѣхъ партій признаютъ, что онъ далъ первый толчекъ въ борьбѣ ирландцевъ за самоуправленіе и въ дѣлѣ развитія ирландской мануфактурной промышленности. Личная его дѣятельность въ этомъ направленіи, быть можетъ, и не имѣетъ большого значенія, но она важна, какъ примѣръ. Многое въ его личности заслуживаетъ порицанія, но многому нельзя не удивляться. Довольно ничтожной заслуги, чтобы обезпечить себѣ популярность на одинъ день, но только существенныя услуги отечеству могутъ увѣковѣчить память человѣка въ сердцѣ народа.

„Итакъ, да скроются его прегрѣшенія подъ могильной плитой и да расцвѣтутъ надъ его прахомъ лавры защитника угнетенныхъ".

Ирландцы глубоко чтили его, какъ защитника своихъ интересовъ, и повиновались ему, какъ диктатору.

Объясненіе словъ.

Аборигенъ—коренной житель страны.

Абсурдъ—безсмыслица, нелѣпость.

Авторитетъ—почетъ и уваженіе, которыми пользуется то или другое лицо, мнѣніе или учрежденіе.

Авторъ—сочинитель.

Агезилай—спартанскій царь.

Агитація — побужденіе другихъ къ какому-либо дѣйствію.

Адептъ—приверженецъ.

Администрація—составъ управленія общественными дѣлами.

Аналогія—сходство, подобіе.

Апатія—вялость.

Апокрифическій — сочиненія, имѣющія таинственный смыслъ, неизвѣстно кѣмъ написанныя.

Аппаратъ—снарядъ, приборъ.

Аппартаментъ — хорошо убранная, обширная комната.

Аппеляція—жалоба высшему присутственному мѣсту на рѣшеніе низшаго.

Аппетитъ—желаніе ѣсть.

Аргументъ—доводъ, доказательство.

Аристократія знать, высшее сословіе.

Ароматъ—пріятный запахъ.

Арсеналъ — зданіе, гдѣ приготовляется или сохраняется военное оружіе.

Артеріи—сосуды, по которымъ кровь движется отъ сердца во всѣ части тѣла.

Архитектура — строительное искусство.

Ассистентъ—помощникъ.

Ассоціація — соединеніе или общество нѣсколькихъ лицъ для достиженія общей цѣли.

Астрологія—мнимая наука, занимавшаяся предсказаніями событій по положенію звѣздъ.

Астролябія — угломѣрный инструментъ, употребляемый въ землемѣріи.

Астрономія—наука о небесныхъ тѣлахъ.

Атеистъ — отрицающій Бога, какъ личность, управляющую міромъ.

Аттрибутъ — обычная принадлежность кого или чего-либо

Аудіенція—пріемъ лица государемъ.

Баккалавръ—первая ученая степень въ иностранныхъ университетахъ.

Балансъ — равновѣсіе; окончательный выводъ изъ счетовъ.

Баллотировка — собираніе голосовъ для рѣшенія какого либо вопроса или при выборахъ.

Банальный—избитый, пошлый.

Банкетъ—пиръ.

Барьеръ—перила, рѣшетка.

Бассейнъ — водоемъ; пространство, орошаемое какою-либо рѣкой и ея притоками.

Безаппеляціонный рѣшительный, недопускающій обжалованія.

Бизань — нижній парусъ задней мачты.

Билль — проектъ закона, представляемый для обсужденія въ англійскій парламентъ.

Бкиндъ—названіе одного изъ парусовъ.

Бранды — снасти для передвиженія рей на кораблѣ.

Брутъ—римскій патріотъ, другъ императора Цезаря, ставшій во главѣ заговора республиканцевъ противъ императора и участвовавшій въ убійствѣ Цезаря.

Булинь — веревки, которыми растягиваютъ средину навѣтренной стороны прямыхъ парусовъ.

Бюджетъ — смѣта доходовъ и расходовъ.

Вакханалія—шумный пиръ, попойка.

Варьировать— видоизмѣнять.

Вассалъ—владѣлецъ поземельной собственности въ средніе вѣка, находившійся въ зависимости отъ того, кому земля принадлежала (сюзерена).

Вентиляція—освѣженіе воздуха.

Вены — сосуды, по которымъ кровь течетъ отъ органовъ тѣла къ сердцу.

Вердиктъ—рѣшеніе, приговоръ.

Вертикальный— отвѣсный.

Виги—передовая партія въ англійскомъ парламентѣ.

Визитъ—посѣщеніе.

Викарій — названіе одной изъ степеней низшаго приходскаго духовенства въ англиканской церкви.

Виртуозъ—лицо, достигшее высокой степени совершенства въ какомъ либо искусствѣ.

Вотировать—подавать голосъ.

Высокая церковь — названіе одной изъ партій въ англиканской церкви.

Гаасъ — веревка, натягивающая нижній навѣтренный уголъ парусовъ.

Гамакъ — корабельная койка; подвѣсная веревочная сѣтка для лежанія.

Гардеробъ — костюмъ; мѣсто для храненія платья.

Гассенди — извѣстный французскій ученый.

Геліогабалъ— римскій императоръ; отличался развратомъ и самодурствомъ.

Геній — необыкновенное, громадное дарованіе.

Герметическій — плотно задѣланный или закрытый.

Гигантъ—великанъ.

Гонораръ—вознагражденіе.

Градація—постепенность.

Грандіозный—величественный.

Граціозный — изящный, привлекательный.

Гуманный — человѣчный. человѣколюбивый.

Дантистъ—зубной врачъ.

Дата—день и число на документахъ.

Дебаты—споры, пренія.

Деканъ — лицо, стоящее во главѣ низшаго соборнаго духовенства въ англиканской церкви.

Декартъ — знаменитый французскій ученый.

Декорація—украшеніе; въ обстановкѣ какихъ либо предметовъ театральные росписные холсты на сценѣ.

Декретъ—указъ.

Деликатный—вѣжливый, утонченный.

Демосфенъ — величайшій ораторъ древней Греціи.

Депутатъ—выборный представитель.

Депутація — собраніе выборныхъ лицъ, отправляемыхъ съ какимъ-либо порученіемъ.

Десантъ — высадка войскъ съ корабля на берегъ; самыя эти войска.

Джентльменъ—общее названіе порядочнаго человѣка въ Англіи.

Джига—названіе одного танца.

Диктаторъ — лицо, облеченное временно неограниченною властью

Династія—царствующій домъ.

Дипломатъ—человѣкъ, уполномоченный для веденія сношеній съ иностранными государствами; ловкій, хитрый человѣкъ.

Диспутъ—ученый споръ.

Диссекція—вскрытіе трупа.

Дисциплина — строгое подчиненіе низшихъ высшимъ.

Дифирамбъ—восторженныя похвалы.

Діогональ—линія, соединяющая вершины противоположныхъ угловъ четырехугольника.

Діалектъ—нарѣчіе.

Діаметрально противоположный — совершенно противоположный.

Діаметръ — прямая линія, проходящая черезъ центръ круга и ограниченная его окружностью.

Діонисій Галикахнасскій — древнегреческій историкъ.

Діэта—соблюденіе предписаннаго врачемъ образа жизни сообразно болѣзни.

Доктрина — ученіе о какомъ либо предметѣ.

Дрейфъ (лечь въ)—такъ расположить паруса, чтобы корабль оставался на мѣстѣ.

Дрессировать — обучать чему-либо животныхъ.

Жорганъ—мѣстное нарѣчіе; условный языкъ.

Жестикулировать — производить во время рѣчи соотвѣтствующія движенія.

Жокей—конюхъ.

Идеальный—имѣющій всѣ совершенства; воображаемый.

Идея—понятіе, мысль.

Илоты—рабъ въ древней Спартѣ.

Инициалы—начальныя буквы какого либо названія.

Инкогнито—сохраненіе своего имени подъ секретомъ.

Инсинуація — недобросовѣстное нашептываніе, пострекательство.

Институтъ—учрежденіе.

Инструкція—наставленіе, правила на извѣстный случай.

Интеллектъ — умственныя способности.

Интонація - звуковые оттѣнки рѣчи.

Интрига—происки, козни.

Инцидентъ—случай.

Ипохондрія—душевная болѣзнь, сопровождающаяся мрачнымъ состояніемъ духа и мнительностью.

Ипподромъ—мѣсто для конскихъ бѣговъ.

Иронія—насмѣшка.

Иоменъ—арендаторъ, мелкій землевладѣлецъ.

In folio—въ форматѣ полулиста.

Кабельтовъ—канатъ малаго якоря на кораблѣ.

Казусъ—выдающійся случай.

Каамбуръ—шутка или острота, основанная на одинаковомъ произношеніи различныхъ словъ.

Камеристка—дворцовая женская прислуга.

Камеръ-фрейлика—придворная дама.

Кандидатъ — готовящійся вступить въ какую либо должность или званіе.

Капелланъ — священникъ домашней церкви.

Капитулъ — совокупность католическихъ священниковъ, служащихъ при одномъ и томъ же соборѣ.

Карьера—дорога, ведущая къ повышеніямъ на какомъ-либо поприщѣ.

Кастрировать—оскоплять.

Каталогъ—списокъ какихъ либо предметовъ.

Катастрофа—неожиданное несчастное событіе.

Категорически—рѣшительно.

Категорія—отдѣлъ, разрядъ.

Квадрантъ—инструментъ для наблюденія за звѣздами.

Клавикорды—фортепіано.

Клавіатура—рядъ клавишей.

Кланъ—родъ, племя у шотландцевъ.

Клерикальный — духовный, приверженный къ духовенству.

Клика—кружокъ людей, связанныхъ дурными цѣлями.

Кліентъ—лицо, довѣряющее веденіе своего дѣла адвокату, нотаріусу и т. д.

Коллегія—учрежденіе, состоящее изъ нѣсколькихъ равноправныхъ членовъ.

Колледжъ—названіе среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ Англіи.

Коллекція—собраніе однородныхъ вещей или предметовъ.

Комбинація—сочетаніе, расположеніе предметовъ или обстоятельствъ.

Комичный—смѣшной.

Комментаріи—разъясненія.

Компетентный—свѣдущій, знающій.

Комплектъ—полное число людей или предметовъ, какое слѣдуетъ по правиламъ.

Комплиментъ—любезность.

Компрометтировать—безславить.

Компромиссъ—взаимная уступка ради достиженія соглашенія.

Комфортъ—удобство.

Конгрегація—соединеніе нѣсколькихъ католическихъ монастырей въ одно цѣлое по отношенію управленія ими и устройству ихъ.

Консиліумъ—совѣщаніе врачей о болѣзни.

Конституція—основной законъ, опредѣляющій государственное устройство въ странахъ, управляемыхъ народными представителями.

Континентъ—материкъ.

Контрастъ—противоположность.

Конфиденціально—секретно.

Конфискація—отнятіе имущества по распоряженію власти.

Корпорація—общество лицъ одинаковыхъ занятій.

Корсажъ—часть женскаго платья отъ шеи до таліи, кромѣ рукавовъ.

Кортикъ—холодное оружіе флотскихъ офицеровъ.

Креатура—человѣкъ, имѣющій значеніе вслѣдствіе покровительства сильнаго лица.

Кузенъ—двоюродный братъ.

Кулинарное искусство — поваренное искусство.

Культивировать—воздѣлывать.

Культура—образованіе, просвѣщеніе, воздѣлываніе, обработка.

Курсъ—направленіе корабля; средняя стоимость процентныхъ бумагъ и иностранныхъ денегъ.

Куртизанка—блудница.

Куртина—гряда для цвѣтовъ въ саду, обложенныя дерномъ.

Курфюрстъ—титулъ владѣтелей въ прежней Германіи, имѣвшихъ право избирать императора.

Курьезный—диковинный, невѣроятный.

Лабораторія—мѣсто для производства работъ или опытовъ—химическихъ, для приготовленія лекарства и т. д.

Лексиконъ—словарь.

Лендлордъ—крупный землевладѣлецъ.

Либеральный—свободомыслящій.

Литературный—относящійся къ словесности.

Литургія—обѣдня.

Логика—наука о законахъ мышленія.

Лордъ—титулъ высшаго англійскаго дворянства.

Луидоръ—золотая французская монета.

Магистръ—ученая степень.

Манипуляція — различные ручные пріемы для достиженія опредѣленной цѣли.

Манія — одностороннее влеченіе, страсть къ опредѣленному занятію или предмету.

Мануфактура—фабричное производство.

Марсель—парусъ на средней мачтѣ.

Марсъ—одна изъ планетъ.

Массивный—тяжеловѣсный.

Маститый — достигшій почтеннаго возраста.

Меланхолія—тоскливое состояніе духа.

Мелодія—благозвучіе.

Мемуары—записки.

Методъ—извѣстный порядокъ или планъ для достиженія опредѣленной цѣли.

Метрополія—государство, образовавшее новое населеніе или колонію изъ своихъ выселившихся жителей и управляющее имъ.

Мизантропія—ненависть къ людямъ.

Мизерность—ничтожность.

Микроскопъ—инструментъ для увеличенія малыхъ предметовъ.

Миледи—титулъ жены лорда.

Милиція—народное войско, не находящееся подъ ружьемъ въ мирное время, а созываемое только во время войны.

Милордъ—титулъ англійскаго лорда.

Миля—мѣра длины.

Мимика—передача чувствъ или мыслей посредствомъ тѣлодвиженій.

Минерва — древне-римская богиня мудрости.

Миніатюрный—маленькій.

Миссія—посольство, порученіе.

Миссъ—принятое въ Англіи обращеніе къ дѣвушкѣ.

М-ръ (мистеръ)—принятое въ Англіи обращеніе, соотвѣтствующее нашему сударь.

Мистриссъ—сударыня.

Монументальный-огромный, прочный.

Моралистъ — проповѣдникъ нравственности.

Мораль — ученіе о нравственности.

Мотивировать—приводить доводы, доказывать.

Муръ—извѣстный англійскій поэтъ.

Муссонъ-вѣтры тропическихъ странъ.

Навигація—мореплаваніе.

Національный—народный.

Нація—народъ.

Нижняя Палата—см. парламентъ.

Низкая Церковь—названіе одной изъ партій въ англиканской церкви.

Номинальный—существующій только по имени.

Нонконфордисты — протестантская религіозная секта.

Оберъ - Гофмейстеръ — придворный чинъ.

Объектъ—предметъ дѣйствія, изученія и т. д.

Операція—предпріятіе, дѣйствіе.

Оппонентъ—возражающій.

Оракулъ—прорицатель.

Ораторъ—хорошо говорящій человѣкъ.

Орбита земная—путь, по которому движется земля.

Организмъ—всякое живое существо.

Оригиналъ—подлинникъ; чудакъ.

Оригинальничать—стараться казаться непохожимъ на другихъ.

Оригинальный—своеобразный, самостоятельный.

Ортодоксальный—правовѣрный.

Офиціальный—исходящій отъ правительства.

Пажъ—молодой дворянинъ, находящійся на службѣ при дворѣ.

Палата Лордовъ—см. Парламентъ.

Палата Общинъ—см. Парламентъ.

Памфлетъ — небольшое произведеніе

съ бранью или насмѣшками надъ кѣмъ либо.

Панегирикъ—похвальное слово.

Паническій—безотчетный, слѣпой.

Панорама—видъ.

Параллелограмъ—четыреугольникъ, противоположныя стороны котораго равны и параллельны.

Параллельный-р вно отстоящій другъ отъ друга на всемъ протяженіи.

Парламентъ—собраніе избираемыхъ народомъ представителей, обсуждающее и издающее законы. Въ Англіи парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: Верхней (или Палаты Лордовъ), гдѣ засѣдаютъ наслѣдственные лорды, и Нижней (или Палаты Общинъ), состоящей изъ выборныхъ представителей народа.

Пасквиль—обидная клевета.

Пассаты—тропическіе вѣтры.

Патріархальный—безыскусственный, свойственный первобытнымъ народамъ.

Патронъ—защитникъ, покровитель, хозяинъ.

Паціентъ—больной, пользуемый врачемъ.

Педантъ—мелочной человѣкъ; человѣкъ, надутый своей ученостью.

Пенсъ—мѣдная монета, около 4 коп

Перипетія—неожиданная перемѣна.

Періодъ—извѣстный промежутокъ времени.

Персона—особа, лицо.

Перспектива—видъ, будущность.

Пинта—мѣра жидкости, около $^1/_8$ ведра.

Пигмей—карликъ.

Пистоль—золотая монета.

Плагіатъ—выдаваніе за свои чужихъ произведеній или мыслей.

Политическій—государственный.

Поплинъ—матерія бумажная съ шелкомъ.

Популярность—извѣстность въ народѣ; общедоступность.

Портшезъ—носилки.

Поэзія—искусство изображать прекрасное устно или письменно.

Поэма—поэтическое повѣствованіе.

Презентъ—подношеніе, даръ.

Прелатъ—общее названіе высшаго католическаго духовенства.

Премьеръ—первый министръ.

Пренія—обсужденіе спорнаго вопроса.

Претензія—жалоба, притязаніе на что-либо.

Претендентъ—предъявляющій на что-либо притязанія.

Прецедентъ—предшествовавшій примѣръ.

Привилегированный—пользующійся особенными правами и преимуществами.

Привилегія—преимущество, исключительное право пользованія своимъ изобрѣтеніемъ.

Призъ—награда; отнятое у непріятеля судно.

Примасъ—титулъ первенствующаго епископа.

Принципалъ—главное лицо, господинъ

Принципъ—основное правило, руководящая мысль.

Проблематичное—сомнительное.

Прогрессъ—совершенствованіе, движеніе впередъ.

Проектъ—предположеніе, предложеніе какой-либо мѣры

Проекторъ—занимающійся придумываніемъ различныхъ предпріятій, въ дѣйствительности невыгодныхъ или неисполнимыхъ.

Пропорціонально—соразмѣрно.

Протекція—покровительство, поддержка.

Протестъ—возраженіе противъ чего либо, объявленіе чего-либо несправедливымъ, неправильнымъ.

Профанъ—непросвѣщенный, незнающій человѣкъ.

Процедура—производство дѣла въ судебномъ мѣстѣ; рядъ дѣйствій и затрудненій при достиженіи какой-либо цѣли.

Пуритане—одно изъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, отвергающее священство и обряды.

Радикальный—коренной, рѣшительный.

Районъ—мѣстность въ извѣстныхъ границахъ.

Рангъ—чинъ, степень.

Рахитизмъ—дѣтская болѣзнь отъ размягченія костей, выражающаяся искривленіемъ ногъ, слабостью и т. д.

Раціональный—разумный.

Реальный—дѣйствительно существующій.

Революція—возстаніе народа противъ своихъ правителей.

Редакція—завѣдываніе изданіемъ какого-либо журнала или газеты; способъ изложенія какой либо мысли.

Режимъ—форма правленія; образъ жизни.

Резиденція—городъ, служащій мѣстопребываніемъ главы государства.

Рекомендовать—поручать вниманію и расположенію.

Рекреація—свободное въ учебныхъ заведеніяхъ отъ занятій время.

Рельефно—выпукло, наглядно.

Репетировать—повторять.

Реплика—возраженіе, опроверженіе, отвѣтъ.

Репутація—установившаяся о комъ или о чемъ-либо мнѣніе.

Республика — форма государственнаго устройства, при которой верховная власть принадлежитъ народу.

Рессурсъ—средство, источникъ.

Реставрація — возстановленіе; возвращеніе къ власти свергнутой раньше династіи.

Ритмъ—мѣра, тактъ въ музыкѣ.

Ритуалъ—совокупность обрядовъ и правилъ.

Рифма—созвучное окончаніе стиховъ.

Ромбоидъ — такой же параллелограммъ, каждая пара сторонъ котораго равны между собою.

Ромбъ—параллелограмъ, всѣ стороны равны между собою.

Румпель—рычагъ для поворачиванія руля.

Рупоръ—говорная труба.

Санкція—утвержденіе закона верховной властью.

Сатира — сочиненіе, осмѣивающее слабости и пороки общества.

Секстантъ--угломѣрный инструментъ.

Сервизъ—наборъ посуды.

Сессія—время засѣданій какого-либо собранія.

Сидръ—вино изъ фруктоваго сока.

Символъ — знакъ, условное изображеніе.

Симпатія—сочувствіе.

Симптомъ—признакъ.

Система—изложеніе науки въ строгой послѣдовательности; соединеніе нѣсколькихъ предметовъ, дѣйствующихъ по однимъ законамъ или для достиженія одной цѣли.

Солидный—основательный, прочный.

Софизмъ—ложное сужденіе, основанное на правильныхъ на первый взглядъ основаніяхъ.

Соціальный—общественный.

Спектакль—зрѣлище, представленіе.

Спекулятивный—умозрительный; предпринимаемый въ видахъ одной только наживы.

Специфическій—свойственный исключительно только одному какому-либо предмету или лицу.

Спеціально — исключительно, особенно.

Спеціальность — обособленный родъ занятій.

Спеціальный—относящійся къ одному предмету; обособленный.

Спинъ — тоскливое расположеніе духа.

Спортъ—упражненія, состязанія или игры на открытомъ воздухѣ.

Стеньга—верхняя надставка мачты.

Стиль—слогъ, способъ выраженія писателя.

Субъектъ—личность.

Субъ-секретарь—помощникъ секретаря.

Суррогатъ—вещество, замѣняющее другое.

Сфера—шаръ; кругъ дѣятельности; область чего-либо.

Сюрпризъ — неожиданность, неожиданный подарокъ.

Сэръ—англійскій титулъ, соотвѣтствуетъ нашему господинъ, милостивый государь.

Salto mortale—опасный прыжокъ.

Таверна—харчевня.

Такелажъ—снасти корабля.

Таксировать—опредѣлять цѣнность.

Телескопъ — зрительная труба для разсматриванія отдаленныхъ предметовъ.

Тема—главная мысль, предметъ сочиненія или разсужденія.

Температура—степень теплоты.

Теннисъ—англійская игра въ мячъ.

Терминологія—совокупность терминовъ, свойственныхъ какой-либо наукѣ, ремеслу и т. д.

Терминъ—особое слово или выраже-

ніе, принятое для обозначенія извѣстнаго понятія, предмета и т. д.

Техническій—относящійся къ той или другой наукѣ, искусству, ремеслу и т. д.

Тинктура—лекарственный настой.

Типъ—первообразъ.

Тирада—длинная рѣчь.

Тождество—равенство, одинаковость.

Толмачъ—переводчикъ.

Тонна—мѣра вѣса, около 61—62 пуд.

Тори—партія въ англійскомъ парламентѣ, противоположная вигамъ.

Траги-комическій—грустно-веселый.

Традиція—преданіе.

Трактатъ — международный уговоръ; научное сочиненіе.

Трактовать—разсуждать.

Транспортное судно—судно для перевозки грузовъ.

Трансцендентальный — превосходящій границы опыта; происходящій не изъ непосредственнаго опыта или ощущенія, а отъ разсудка.

Третировать — относиться съ пренебреженіемъ.

Трибунъ—высшее избираемое должностное лицо въ древнемъ Римѣ.

Тріумфъ—побѣдный праздникъ, торжество.

Узурпаторъ — лицо, захватившее верховную власть не по праву, а силой или хитростью.

Универсальный—всеобщій.

Утилизація — полезное употребленіе, использованіе.

Утопія—сочиненіе англійскаго писателя Мора, излагающее совершенный общественный строй; вообще несбыточная мечта.

Утрехтъ—голландскій городъ.

Фаворитъ—любимецъ.

Факторія—торговый поселокъ.

Фантазія—мечта, воображеніе.

Фартингъ — мелкая англійская монета.

фасонъ—форма, покрой.

Фатальный –неизбѣжный, роковой.

Фауна — совокупность животныхъ данной мѣсности.

Фаѳтонъ — одинъ изъ древне-греческихъ боговъ.

Фениксъ—баснословная птица, сгоравшая при приближеніи смерти и снова возрождавшаяся изъ своего пепла.

Феноменъ—рѣдкое явленіе.

Фехтованіе — искусство биться на шпагахъ.

Фигурировать — имѣть значеніе; рисоваться.

фикція—вымыселъ, выдумка.

Филиппика—обличительная рѣчь.

Философія — наука объ основныхъ началахъ познанія и бытія.

Финансы—государственныя средства.

Флора—совокупность растеній данной мѣстности.

Флюгеръ — подвижной значекъ для указанія вѣтра.

Фокъ—передній парусъ.

Фондъ—основаніе; государственная цѣнная бумага; основной капиталъ предпріятія.

Фордевиндъ — ходъ корабля по направленію вѣтра.

Формальность—сдѣланное для формы, несущественное.

Формировать—образовывать, устраивать.

Фортуна—судьба.

Фразеологія—ученіе о построеніи рѣчи, свойственномъ данному языку.

Фрейлина—придворная дѣвица.

Функція — отправленіе какого либо органа или аппарата.

Фунтъ стерлинговъ—золотая монета, на наши деньги около 10 руб.

Хандрить—тосковать.

Характеризовать—опредѣлять отличительныя черты.

Химера—несбыточная мечта.

Хирургъ—врачъ, имѣющій право дѣлать операціи.

Цензоръ—чиновникъ, разсматривающій сочиненія передъ ихъ выпускомъ въ публику.

Цивилизація — переходъ народа отъ грубаго состоянія къ болѣе высокому и развитому.

Цицеронъ—знаменитый государственный дѣятель, ораторъ и писатель древняго Рима.

Чекъ—приказъ банку выплатить предъявителю указанную въ немъ сумму за счетъ подписавшаго чекъ.

Шансъ—степень вѣроятности.

Шиллингъ—монета, на наши деньги около 50 коп.

Шифрованное письмо — тайнопись, условные письменные знаки.

Шквалъ—внезапный сильный порывъ вѣтра на морѣ.

Шкивъ—колесо, приводимое въ движеніе безконечнымъ ремнемъ.

Шкотъ—веревка, прикрѣпляемая къ внѣшнему краю паруса, посредствомъ которой натягиваются паруса.

Штиль—отсутствіе вѣтра.

Штормъ—сильная буря.

Эволюція—развитіе.

Эгоизмъ—себялюбіе.

Экземпляръ—образецъ, образчикъ.

Экзерцицій—упражненіе.

Экономія—бережливость.

Экскременты — испаренія животныхъ.

Экскурсія—поѣздка, путешествіе.

Экспедиція — отправленіе людей съ какою-либо цѣлью.

Экспериментъ—опытъ.

Экспертъ—свѣдущій человѣкъ.

Эксплуатація—извлеченіе выгодъ изъ какого либо дѣла; злоупотребленіе.

Экспромтъ—неожиданность; небольшіе стихи, сказанные безъ приготовленія.

Экстазъ — восторженное состояніе, сильное возбужденіе.

Экстренный—нетерпящій отлагательства, скорый.

Элегантный—изящный.

Элементарный—первоначальный, основной.

Элипсисъ—одна изъ формъ замкнутыхъ кривыхъ линій.

Эмбріонъ—зародышъ.

Эпиграмма—стихотвореніе, заключающее въ себѣ колкую насмѣшку.

Эпизодъ—отдѣльный случай изъ чьей либо жизни.

Эпитетъ—признакъ, прибавляемый къ названію предмета для большей ясности.

Эпоха—промежутокъ времени, характеризующійся какимъ-либо важнымъ событіемъ.

Эрудиція—начитанность, ученость.

Эскортъ—военный конвой.

Эстрада—возвышеніе.

Этика—ученіе о нравственности.

Эффектъ—сильное впечатлѣніе.

Эфесъ (шпаги)—рукоятка.

Эшафотъ — помостъ для казни преступниковъ.

Юморъ—насмѣшливость, способность подмѣтить и вѣрно передать смѣшную сторону.

Юнга — мальчикъ, служащій на кораблѣ.

Юридическій—касающійся законовъ, права.

Юристъ—законовѣдъ.

Ярдъ—мѣра длины: 3 русскихъ фута.

Оглавленіе.

Стр

Отъ издателя читателю 3
Письмо капитана Гулливера 4

Путешествіе въ страну лиллипутовъ.

Глава I. 11
Глава II. 25
Глава III. 39
Глава IV. 50
Глава V. 58
Глава VI. 68
Глава VII. 82
Глава VIII. 94

Путешествіе къ бробдиньягамъ.

Глава I. 105
Глава II. 122
Глава III 130
Глава IV. 146
Глава V. 152
Глава VI. 166
Глава VII. 178
Глава VIII. 186

Путешествіе въ Лапуту, въ Бальнибарби, Лугнагъ, Глубдубрибъ и Японію.

Глава I. 205
Глава II. 213
Глава III. 224
Глава IV. 232
Глава V. 241
Глава VI. 252
Глава VII. 261
Глава VIII. 268
Глава IX. 276
Глава X. 281
Глава XI. 292

Путешествіе въ страну Гуингамовъ.

Глава I. 297
Глава II. 307
Глава III 316
Глава IV. 324
Глава V. 331
Глава VI. 339
Глава VII. 348
Глава VIII. 357

Стр.

Глава IX. 364
Глава X. 372
Глава XI. 384
Глава XII. 393

Жизнь Джонатана Свифта.

Глава I. 401
Глава II. 408
Глава III. 428
Глава IV 433
Глава V. 436
Объясненіе словъ. 445
Оглавленіе. . . . . —

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Пиръ 3
II. Въ Сиккѣ 16
III. Саламбо 32
IV. Подъ стѣнами Карфагена 38
V. Танитъ 51
VI. Ганнонъ 63
VII. Гамилькаръ Барка 77
VIII. Битва при Макарѣ 105
IX. На походѣ 119
X. Змѣй 129
XI. Въ палаткѣ 139
XII. Водопроводъ 153
XIII. Молохъ 167
XIV. Ущелье сѣкиры 193
XV. Мато 220
Объясненіе словъ . . . . . —
Оглавленіе . . . . . —

DATE DUE

To renew
call 292-3900

The Ohio State University
Form 10620

MAIN STACKS

The Ohio State University
3 2435 032258329
PR3724G716R81902
Puteshestviia Gullivera :
001